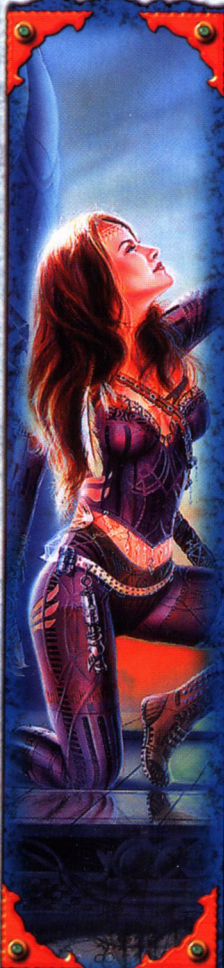

✱
Лейн
Робинс
✱

За помощь богов придется платить дорого...

Лейн Робинс

МАЛЕДИКТ

Бек
Дракона
МАЛЕДИКТ

LANE ROBINS

«Maledicte»

Лейн Робинс

МАЛЕДИКТ

ас
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Coe)-44
P58

Серия «Век Дракона» основана в 1996 году

Lane Robins
MALEDICTE

Перевод с английского О. Гавриковой

Серийное оформление А. Кудрявцева

Компьютерный дизайн С. Шумилина

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения автора и его литературных агентов,
Liza Dawson Associates (США) и Агентства Александра
Корженевского (Россия).

Подписано в печать с готовых диапозитивов заказчика 26.01.2009.
Формат 84×108¹/32. Бумага газетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 25,56. Тираж 3000 экз. Заказ 248.

Робинс, Л.

P58 Маледикт : [фантаст. роман] / Лейн Робинс; пер.с англ. О. Гавриковой. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. — 542, [2] с. — (Век Дракона).

ISBN 978-5-17-050719-1 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 978-5-403-00648-4 (ООО Издательство «АСТ МОСКВА»)

Сами всемогущие боги не знают жалости к человеку, разрушившему любовь и втоптавшему в грязь человеческую жизнь...

Об этом забыл граф Ласт, насильно вынудивший своего сына Януса покинуть проститутку Миранду.

На помощь девушке пришла сама богиня любви и мести — Чернокрылая Ани, поклявшаяся помочь ей вернуть возлюбленного и жестоко покарать его отца.

Отныне Миранда жива лишь ненавистью — да надеждой.

Переодевшись в мужское платье, она под именем юного рыцаря Маледикта прибывает ко двору — и, ведомая безжалостной волей Чернокрылой Ани, начинает мстить.

Однако она еще не знает, сколь дорогую цену приходится платить за помощь богов — и сколь нелегко будет расторгнуть опасную сделку...

ISBN 978-985-16-6808-9
(ООО «Харвест»)

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Coe)-44

© Lane Robins, 2007

© Перевод. О. Гаврикова, 2009

Школа перевода В. Баканова, 2009

© ООО Издательство «АСТ МОСКВА», 2009

*Посвящается Джейн Гантер — за ее извечный вопрос:
«Ну как, что-нибудь написала?»
Без тебя не было бы ни одной книги.*

*За что ты любишь того, кого так ненавидит мир?
За то, что он любит меня больше, чем весь мир.*

Кристофер Марло. Эдвард II, акт I, сцена IV

ПРОЛОГ

ПОЯВЛЕНИЕ ПТЕНЦА

По улицам города Мюрна, что притулился на самой южной оконечности островного королевства Антир, резво катила карета. Колеса грохотали по разбитому булыжнику мостовой, содрогаясь и подпрыгивая. Утро перевалило за половину, и солнце ярко играло на синих лакированных боках кареты, так что она казалась единственным бриллиантом в потускневшей короне. Теснились обветшавшие дома, осыпая мостовую каменной пылью с фрагментов своих фасадов. Некогда здесь, на главной улице, ведущей от моря к самому дворцу, жили преуспевающие купцы — только было это до того, как мольбам одной девушки вняла Чернокрылая Ани, богиня любви и мести.

Когда-то на здешней мостовой было не протолкнуться от телег и экипажей, и главная артерия города пульсировала и бурлила жизнью. Теперь же она разлагалась, подобно трупу; земля осыпалась под руинами зданий и мощеными улицами, и лишь самые отчаявшиеся отваживались жить в купеческих Развалинах.

Руки изящно одетого смуглого человека, ехавшего в карете, сжались в кулаки. Критос не замечал Развалин — он уставился на обивку кареты и погрузился в размышления о нанесенной ему обиде. Он проклинал себя за то, что был таким сверхпокорным дураком, а Ласта — за его мерзкое чувство юмора.

Критос, приподнявшись со стеганого сиденья, потянулся за толстой ротанговой тростью, небрежно брошенной на пол кареты. Ухватил трость и стукнул ею в крышу. «Да не гони ты так, чертов болван. Только оторви колеса — шкуру с тебя спущу!»

«Не гони», — думал Критос. Он вовсе не стремился поскорее отыскать мальчишку, с появлением которого сам он тут же терял столь удобное положение наследника Ласта. Он поднял трость и на миг задумался. Можно приказать кучеру поворачивать. А потом заявить Ласту, что никакого мальчишки нет, что ублюдок умер, брошенный на произвол судьбы в Развалинах Антира.

В животе у него рос ком нерешительности и страха; он опустил трость. Кучеру Джону все будет известно, ослепни его глаза, да и мальчишка может сам объявиться и потребовать причитающегося ему по рождению. Если он выжил, Ласт непременно его отыщет, что бы там Критос ни выдумал. Граф слишком хорошо знал о кредиторах, осаждавших Критоса, чтобы положиться на его слово.

Узловатые пальцы вцепились в набалдашник. Критос подумывал, не принять ли более суровые меры. Ведь мальчик — всего лишь мальчик, а он — сильный мужчина при оружии. Подняв трость, он стал наносить ею короткие рубящие удары, вымещая гнев на мягком сиденье кареты. Если бы мальчишка был мертв...

И снова ладони его сжались в спазме сдерживаемого разочарования. Ласт не доверял ему, и Критос прекрасно понимал: кучер наверняка предупрежден и не допустит такого поворота событий.

Неизбежность ссутулила его широкие плечи, заставила отказаться от всех планов — с единым вздохом, больше похожим на стон. Ласт — та еще лиса, без тени иронии подумал Критос.

Впереди показалась центральная площадь. Камни мостовой истерлись до острых ребер, слой грязи прикрывал ямы, полные отбросов. На площади дети Развалин окружили какого-то мальчишку с настойчивостью, свидетельствовавшей, что это вовсе не игра.

— Сначала по голове, а потом по яйцам, и в живот, и опять по голове, чтоб больше не очухался. А потом режешь кошелек, верно?

— Верно, Роуч, — хором отозвались мальчишки. Впрочем, босьяк Роуч искал одобрения двух других — парня и девчонки, что стояли поодаль, обособившись. Он переминался в пыли с ноги на ногу, ждал.

Каковы они, эти предводители детворы? Сами, можно сказать, дети, через год-другой они отыщут для себя новые ремесла: разбойника, шлюхи, вора, — или, если совсем уж не повезет, окажутся в петле. А пока они почти ничем не отличались от остальных. В лохмотьях, босые, чумазые и дикие. Возможно, парнишка под слоем пыли и грязи оказался бы светловолосым. У девчонки волосы были чернее ночи, такие же черные глаза сверкали на бледном узком лице. Никакая грязь не могла сделать эти волосы еще чернее.

На невозмутимом лице предположительно светловолосого подростка выделялись живые голубые глаза. Он на голову возвышался над своей растрепанной подружкой. Это и был тот самый Янус — ни о чем не подозревавший предмет поисков Критоса.

Янус проигнорировал призыв Роуча, он увлеченно следил за грязными, выставленными вперед кулаками своей черноволосой подруги. Юноша протянул руку, готовый выбрать, ударить кулаком о кулак, и в последний момент заколебался. Подняв взгляд на безмолвную ухмылку, к насмешливым глазам подруги, Янус прикоснулся к ее губам — и выиграл.

Девушка высунула розовый язык, на котором подрагивало кольцо — потускневшее, но без сомнения золотое, притягивавшее завистливые детские взгляды. Мужское, слишком большое даже для указательного пальца. Но Янус надел его и зажал в ладони. И улыбнулся.

Лишь теперь он удостоил вниманием Роуча, ожидавшего в сторонке.

— Ты никогда ничему не научишься, Роуч. — Голос Януса уже ломался, превращался в мужской; произношение — четкое, явно аристократическое — отличалось от грязного наречья Роуча, как день от ночи.

— А про что я забыл? — спросил Роуч.

Черноволосая девушка, рот которой был теперь свободен от кольца, тут же вступила в разговор.

— Про то же, про что и в прошлый раз, и в позапрошлый. Про обувь. Всегда снимай обувь. Хорошую обувь можно продать. — Она подражала и четкому выговору, и выразительным интонациям Януса.

— Извини, Миранда.

— Извинениями не поможешь, когда желудок пуст, а последний украденный грош истрачен. И тогда снова — воровать и шляться.

Банда заволновалась — и вдруг из стаи хищников превратилась в кучку перепуганных детей.

Роуч шагнул из круга.

— Я вам не шлюха.

— Пока не шлюха, — безжалостно отрезала Миранда.

— Никогда, — поклялся мальчишка.

— Это ведь его живот, пускай сам и учится, — заметил Янус. Он покрутил кольцо на пальце и окинул детей, разрушенные дома, зияющие ямы нечистот взглядом, которым молодой властитель, в последний раз созвав приближенных, созерцает крах своей империи.

Отдаваясь непривычным эхом по заплыванной мостовой и расшвыривая острые камешки, прогрохотали колеса кареты. При ее приближении детвора рассыпалась, чтобы снова собраться в стаю; экипаж плавно остановился. Лошади попятились, а потом стали недвижно, тяжело раздувая взмыленные бока.

Дети разбежались, забрались в пустые провалы окон, на кучи разбитого булыжника. Тонкие пальцы сжимали палки и камни. Ватага молча ждала.

Кучер в ливрее положил одну руку на пистолет, другой сжал хлыст, подзадоривая детей. Лошади, почуяв, что он отпустил поводья, принялись танцевать на месте и кивать, пока над их головами не раздавался щелчок хлыста.

На подножке кареты появился Критос, сверкая богато расшитым платьем. В холодном взгляде мелькнуло осторожное любопытство; Критос не спешил спускаться на землю. Он достал из рукава надушенный льняной платок и на мгновение прижал его к носу и рту.

— И который из вас, жалких ублюдков, Янус, сын Селин?

При проявлении подобного рода интереса Роуч и остальные члены банды пустились наутек — точно разлетелась стая голубей. Миранда и Янус не тронулись с места. Лица их были словно высечены из того же камня, что и стены домов, — бледные и неподвижные, хранящие свои тайны.

Критос сделал последний шаг, на землю, но его начищенные сапоги цвета шампанского чавкнули в маслянистой грязи. Критос брезгливо поморщился.

— Один из вашей шайки — Янус?

Миранда первая нарушила молчание:

— А сколько вы дадите за то, чтобы мы вам его показали?

Критос не вник в смысл ее слов, пораженный безупречным произношением. Взгляд его остановился на Янусе. О наличии в мальчишке голубой крови (крови Ластва) говорили и упрямый подбородок, и правильный нос, и глаза — яркие, живые, точно пылающий болотный газ. Так вот, значит, кого он. Критос, должен найти и охранять — графского отпрыска. И снова в нем взыграла жажда убийства, но, несмотря на свою силу, Критос усомнился, что сумеет совладать с этой парочкой.

Погруженный в раздумья, он наблюдал, как Янус смотрит на Миранду. От одного к другому словно вода струились сигналы — код, заключенный в едва заметном взлете бровей, сомкнутых губах и выпяченных подбородках, в судорожно сведенных пальцах. Нет уж, Критос не повернется спиной к этим двум сорванцам. Ни за что.

— Зачем платить, — отозвался Критос, — когда я могу просто выколотить из вас все, что мне нужно?

— Вот бы посмотреть, как у вас это получится, — заметила Миранда.

— Вот бы посмотреть, как вы нас изловите, — добавил Янус.

В словах, произнесенных на великолепном благородном наречье, слышалась издевка. Миранда и Янус напряглись словно пружины, готовые броситься в спасительные лабиринты узких улочек. Нужно усыпить их бдительность, дать почувствовать, что он принимает их правила, — так проще будет застать ублюдков врасплох.

Критос проговорил:

— И сколько, по-вашему, стоит такая информация?

— Дороже меди. И дешевле солей.

— Платите лунами, — сказал Янус.

— Серебром? За рожденного в грязи ублюдка? — Критос охрип от гнева.

Губы Миранды изогнулись в подобии улыбки.

— Заплатите цену, которая вам кажется справедливой, — сказала она.

— Тогда одну луну. Когда отведете меня к нему. — Критос прижал ко рту надушенный платок.

— По рукам, — ответил Янус.

Критос насторожился. Сторговаться удалось подозрительно быстро. Он ждал, что бродяжки запросят деньги вперед и попытаются затеряться во дворах, тупиках и переулках Развалин. Критос понял: маленькие ублюдки, точно так же, как и он, вовсе не намерены выполнять условия сделки. Согласие лишь означало, что им мало одной луны. Им нужно все.

— Мы отведем вас. — Девчонка юркнула в Развалины первой, Янус за ней. Ни одна, ни другой не оборачивались, как бы бросая Критосу молчаливый вызов. Они оказались в узком темном переулке, зажатом между двух домов.

Критос ссутулил плечи, соизмерив их ширину с величиной пролома. Кучер приподнялся на козлах:

— Будьте осторожны, сэр.

— Думаешь, я сорванцов испугаюсь? — рявкнул Критос. — Придержи лошадей до моего возвращения.

Критос не боялся — теперь, когда пути назад уже не было. Несомненно, дети решили загнать его в ловушку, однако они повернулись к нему спиной, подставили себя под удар.

Захваченный потоком этих размышлений, Критос лишь краем глаза уловил в тусклом свете проулка, как девчонка прошмыгнула мимо темной тению, задев стену и устроив небольшой обвал; сверху ему на голову полетели камни. «Этим меня не возьмешь, девочка», — подумал Критос, отскакивая в сторону. И тут земля провалилась у него под ногами.

Ловушкой оказался вовсе не камнепад, а небрежно замаскированная яма. Критос больно ушибся, но тут же вскочил на ноги. Он провалился по грудь, под ногами были сырые камни. Похоже, именно благодаря этому каменному полу почва осела не слишком, не настолько, чтобы падающий сломал себе шею.

Критос поднял трость, и в тот же миг девчонка ударила его палкой, чиркнув по нежной коже под подбородком. Критос задохнулся от боли, скрипнул зубами. Он хлестко стукнул Миранду по ногам тростью, заставив отскочить назад. Девушка перехватила свое оружие поудобнее, вновь приблизилась и ткнула палкой прямо в лицо Критосу. Он дернулся, и удар, предназначавшийся в висок, пришелся в глаз. За вспышкой боли накатил страх. Критос взвыл и принялся молотить тростью, но тут удар сзади заставил его рухнуть на колени.

— Кошелек, Миранда! Быстрее! — скомандовал Янус.

— Но ведь с ним еще не покончено, — возразила Миранда.

— Уже почти. Вдобавок за ним может явиться кучер. С пис-толетом.

Миранда с ловкостью фокусника стала отвязывать кошель. Янус втиснулся рядом, чтобы помочь. Хрипя, заливаясь слезами, Критос принялся ощупью искать оружие, рука наткнулась на обломок кирпича — один из предательского обвала. Критос замахнулся, и чувство удовлетворения вытеснило боль, когда кирпич достиг цели.

Миранда издала дикий вопль бешенства и боли, руки взметнулись к лицу, закрывая зияющую кровавую рану вдоль подбородка.

— Ублюдок! — Янус вновь обрушил на Критоса удар палки, выбив камень из его руки; потом сам потянулся за кошельем.

Поверженный было Критос вдруг резко встал и вцепился в бледную шею Януса, и стиснул горло. Три сдавленных вдоха — и вот уже мальчишка пошел пятнами от удушья. Миранда потянулась за оброненной палкой — и тогда Критос, упершись спиной в стену, пнул девчонку в живот так, что она отлетела назад и со всего маху ударилась о камень.

Сначала Янус цапал руки Критоса ногтями, потом стал метить в подбитый глаз. Большой палец скользнул по следу, остав-

ленному палкой Миранды. Критос взвыл и швырнул ошеломленного Януса на стену из камня и земли. Он держал ослабевающее тело мальчишки перед собой словно щит, стараясь подняться на ноги и всхлипывая от боли и злости. Хватка на горле Януса ослабла, и мальчик начал приходить в себя.

Миранда крадучись подбиралась ближе, почти незаметная на дне ямы; руки ее сжались в кулаки. Вдруг, откинувшись на спину, она проехалась пятками по земле — и в лицо Критосу полетели щебень и грязь. Он снова пнул наугад в темноте и поймал девочку за лодыжку. Потеряв равновесие, Миранда повалилась к его ногам. Критос ударил ее по лицу, и она издала слабый, похожий на вздох звук; глаза девочки закрылись.

Критос стал душить Януса с удвоенной силой. Парень закашлялся; его ногти оставляли глубокие царапины на запястьях Критоса. Позади Януса с невнятным бормотанием Миранда, пошатываясь, поднялась на четвереньки. Критос выругался. Если он станет терять время на то, чтобы убить мальчишку, девочка снова вцепится в него словно хореk.

Критос потащил Януса за собой и выволок из ямы, не сводя слезящегося уцелевшего глаза с темной тени в темной яме. Он полз наверх, держась спиной к склону, таща Януса за собой на неверный свет Развалин. Кучер с руганью выхватил пистолет.

— Забери этого, — скомандовал Критос, — и приготовься: мы уезжаем.

Руки Критоса, сомкнувшиеся на крепкой шее мальчишки, стали скользкими от его собственной крови. Янус что-то бормотал и изворачивался, превращая в схватку каждый шаг. Он вонзал ногти в пальцы обидчика или тянулся к его лицу, одновременно оседая всем телом, чтобы замедлить движение. Кольцо, столь недавно обретенное, соскользнуло с пальца и беззвучно кануло в грязь.

Критос положил конец схватке, с силой ударив Януса головой о косяк дверцы. Потом он бросил распластавшееся, безвольное тело на пол кареты. Целиком Янус не поместился, его босые ноги волочились по пыльному песку.

— Ласт не просил привозить ему полумертвое тело, — предостерег Критоса кучер.

— Ласту не приходилось иметь дело с этой бешеной кошкой, — парировал Критос, хватая ртом воздух. Его била дрожь — дрожь запоздало накатившего напряжения и отвергнутого страха. Руки Критоса тряслись, когда он утрамбовывал отяжелевшего Януса в карете. Из пострадавшего, ноющего глаза катились кровавые слезы, щека подергивалась.

Едва не потеряв равновесия, Критос вскарабкался в карету и остановился спиной к открытой дверце, чтобы раз или два пнуть Януса в ребра; наконец он услышал треск ломающихся костей. То была единственная месть, которую он мог себе позволить, скрывшись от взгляда кучера.

Предостерегающий окрик Джона едва не запоздал. Критос развернулся — слишком медленно: здоровым глазом он уловил лишь быстрый рывок темного пятна.

Удар палки пришелся ему в бок — повредил кожу, но не более. В конце концов, то была всего лишь трухлявая деревяшка.

— Отпусти его! Извращенец! Вор! — Даже несмотря на визгливые нотки и панику, отразившиеся в голосе, выговор Миранды не изменился. Впервые Критос задумался, кем же была эта девчонка.

Кучер уже тщательно прицеливался со своего места на козлах — промахнуться означало нажить себе новые проблемы. Он спустил курок. Грянул выстрел, извергнув пулю. Жженный порох и осколки металла опалили ладонь, сжимавшую пистолет. В тот же миг Критос оттолкнул от себя Миранду, и пуля, просвистев мимо, раздробила и без того истертый камень мостовой.

Девчонка снова бросилась на Критоса, и тогда хлыст кучера, рассекая воздух, обвинил ее на уровне груди и раскрутил на месте, швырнув в грязь, — запыхавшуюся, хлюпающую разбитым в кровь носом.

Вид распростертой на булыжнике Миранды вернул Критосу храбрость быстрее, чем вид кучера, замахнувшегося хлыстом для нового удара.

— Наверно, ты хочешь получить свое серебро, — произнес Критос.

И он швырнул ей в лицо кошель с монетами. Кожаный мешочек лопнул по швам, рассыпая фальшивки — серебряные луны, на поверку оказавшиеся крашеными деревянными кругляшами.

— Вот его истинная цена. Трогай, Джон.

Карета медленно развернулась на пустой площади и покатила той же дорогой, что приехала, — быстрее и быстрее, кучер из всех сил гнал испуганных лошадей.

Оставшись одна, Миранда трясущимися руками подобрала палку и тусклое от грязи кольцо. Голова у нее кружилась, рана — пыльная, грязная — горела. Отметины, оставленные хлыстом на теле, сочились кровью сквозь тонкую порванную рубашку. Только эта боль ничего для нее не значила. Все мысли Миранды сосредоточились на Критосе, который увозил Януса, словно охотничий трофей, прочь — прочь от нее.

Девушка еле доковыляла до обочины и повалилась; кровь капала, смешиваясь с уличной грязью. Миранда ждала, пока вернутся силы, чтобы идти, и вертела кольцо в руках, вглядываясь в выгравированные на нем слова. *Только друг для друга в самом конце.* Миранда крепко зажала кольцо в кулаке и свернулась калачиком, сдерживая слезы и прерывисто дыша; сердце гулко колотилось в груди.

Переведя дух, она поднялась и, спотыкаясь, побрела домой — в комнату с одной старой кроватью для двух женщин, комодом, забитым разномастным тряпьем, и еще кое-какой мебелишкой, раздобытой на помойке ближе к цивилизованным районам города и перетащенной в Развалины.

У самой двери сидела на стуле, покачиваясь, бледная, безвольная женщина с бутылкой «Лепестка» в руке — крепкой смеси «Похвального сиропа» и дешевого спирта, превращающей любую печаль в далекое видение. Она смотрела в пустоту, словно там разворачивались картины из ее прошлой жизни, беспечные дни изнеженной дочери лорда. До появления Януса. До того как позор внебрачной беременности пригнал ее в Развалины, ввергнув в новую жизнь — матери, иногда шлюхи; и в том, и в другом она была жалка. Никто из клиентов не

заходил больше одного раза — и то, чтобы испытать новое ощущение, поимев аристократку. Единственным великодушным ее поступком было обучение детей чтению и письму. Впрочем, и здесь она добивалась результатов, осыпая учеников обжигающими шлепками, если вдруг в речи проскальзывал жаргон Развалин.

Другая женщина, Элла, сидела у камина на жесткой скамеечке для ног, пытаясь разжечь огонь огрубевшими мозолистыми руками. Она была в самом соку, когда родилась Миранда, — четырнадцать долгих лет тому назад, с тех пор краса ее истаяла без следа. Волосы женщины, жесткие, седые и неприбранные, колтунами торчали во все стороны. Впрочем, в отличие от Селии она хотя бы сохраняла способность выдавить щербатую улыбку и дежурно пококетничать со все более редкими клиентами.

Громко хлопнула дверь, и Миранда, опираясь на палку, вошла в дом. Когда на нее упал тусклый свет очага, рот Эллы искривился в гримасе смятения.

— Только не лицо! Что ты наделала, девочка?

Ярость кипела в груди Миранды, едва не вырываясь наружу. Обе женщины слишком поизносились, чтобы пользоваться спросом на панели. Миранде предназначалось стать проституткой и зарабатывать на содержание старших.

Элла бросилась к комоду и вытащила деревянную шкатулку. В ином мире она могла служить для хранения каких-нибудь украшений знатной дамы. Здесь же в ней помещались нехитрые уловки ремесла: пудра и прочая косметика, abortивные средства, кое-какие лекарства. Элла подтащила Миранду к скамейке, недовольно ворча и приговаривая.

Миранда резко выдернула руку:

— Селия, они забрали его.

Бледная женщина пробудилась к некоему подобию жизни и поставила бутылку на земляной пол.

— И кто же забрал его у тебя?

— Городской щеголь в синей с золотом гербовой карете. — Голос Миранды звучал спокойно, но слезы катились по лицу градом. Она ждала одного-единственного жизненно важного слова — имени. Нельзя бороться, не зная с кем.

— Похоже, Ласт, — проговорила Селия, поднимая бутылку и вливая ее содержимое тонкой струйкой в рот.

— Ласт? — переспросила Миранда. Имя ни о чем ей не говорило. Одно из выгравированных на кольце слов*. Его имя должно было прозвучать словно трубный глас — но нет, ничего подобного не произошло. Элла воспользовалась мгновением, чтобы привлечь Миранду к себе, и принялась прикладывать к длинному порезу на ее подбородке порошок квасцов, потом наложила на рану припасенный кусок марли.

— Как мне вернуть его? — воскликнула Миранда, ломая в этот миг многолетнюю традицию, ибо они с Янусом давно поняли, что у их матерей нет ответов даже на простейшие вопросы.

— Тсс! — цыкнула на нее мать. — Не смей болтать, пока я промываю рану.

— Вернуть его? — повторила Селия. — Зачем? Он причинял нам лишь боль и беспокойство. Пусть они с Ластом грызутся, лишь бы нас не трогали.

— Жалко, шрам останется, — заметила Элла, покончив с оказанием медицинской помощи и разворачивая лицо Миранды, чтобы оценить результаты своего труда. — И все равно: что за глазки, что за ротик... Какую цену ты только ни запросишь! И плевать на шрам. А теперь, когда Януса больше нет, бросай-ка свое упрямство и делай, как я скажу.

Миранда издала пронзительный вопль — животный крик бессловесного отторжения и ярости. Она оттолкнула мать так, что та повалилась на пол. Даже Селия, несмотря на дурман в голове, распахнула опухшие глаза. Миранда схватила зазубренный нож, которым ее мать колола щепу для камина, и крепко сжала рукоять в кулаке. Да как они смеют так просто выбросить его из головы, как будто он какой-то клиент? Она заставит их пожалеть о своей черствости. Миранда стояла, стискивая нож в трясущейся руке, напрягшись всем телом, готовая ударить — потом вдруг выронила свое оружие.

---

* Здесь и далее игра слов в оригинале — в надписи на кольце Миранды и имени графа. «Ласт» (англ. last) — «последний»; в данном случае «at the last» — «в самом конце». — *Примеч. пер.*

«Зачем убивать их?» — подумала Миранда. Ведь для нее они уже умерли. Она понимала, что без Януса и без нее обе женщины просто перестанут существовать. Гнев угас так же быстро, как вспыхнул, осталось лишь презрение. Миранда презирала их тошнотворную инертность, их вялое смирение: дескать, день прошел — и ладно. Нет, такая жизнь не по ней.

Миранда задержалась на пороге, в последний раз окинула взглядом комнату. Она сейчас уйдет. И никогда больше не увидит ни своей матери, ни Селии, ни этой лачуги. И никогда об этом не пожалеет.

На Развалины спустилась ночь. Свет шел лишь от костров, что нищие разжигали из деревяшек и тряпья. Миранда пробиралась по улице ощупью, постукивая перед собой палкой, подобно слепым попрошайкам, что обитали на границах между богатыми и бедными районами.

Она знала лишь имя, и его было недостаточно. И все же Миранда твердо шла к границе Развалин, как будто по другую сторону ее ждали с расprostертыми объятиями. Преодолевав самый нелегкий участок пути — руины старой каменной кладки, она наступила на упавшую и прогнившую дверь; та проломилась, и девушка полетела куда-то головой вниз. Она скатилась по груде булыжника, ободрала руки и голени и больно ударилась о каменную плиту. Сглотнув слезы, Миранда попыталась подняться, но споткнулась и вновь упала на одно колено. Дыхание у нее сбилось, а полученные за день раны вдруг отозвались пронизывающей болью. На каменной плите Миранда нащупала неровные фрески и подтянулась, ощутив опору стены. Прислонилась к стене и нащупала крылья. И поняла, где очутилась, хотя прежде ей не случалось здесь бывать.

Помещение было в еще более плачевном состоянии, чем большинство построек в Развалинах. Стены ввалились, создав ненадежный каменный навес. То был храм Чернокрылой Ани — Той, что обратила здешние места в Развалины. Резные крылья образовывали наклонный туннель, и Миранда стала пробираться по нему вглубь. Она хотела попасть к алтарю — но не для того, чтобы молить о помощи мертвое божество. Даже отчаяние не могло подвигнуть Миранду просить подаяния.

Алтарь, укрытый глубоко в руинах, сохранился лучше остальных частей храма. Миранда заползла под него и дала себе отдых. В темноте из каждого угла на нее скалилась Чернокрылая Ани. Миранда свернулась в клубочек, прижавшись к палке. Недостаток тепла, что дарило прежде тело Януса, терзал ее больше, чем пульсирующая в ранах боль. Она уснула, убаюканная собственным шепотом, бормоча молитвы, застрявшие в сознании, как воспоминания в камне; уснула под внимательным взглядом Ани, в котором разгоралась заинтересованность.

Снаружи поднялся ледяной ветер.

ПТЕНЧИК

1

*Маледикт жил и себя погубил,
Лишь в час рожденья оплакан он был,
Сколько людей он убил?
Раз, два, три...*

Детская считалка

Барон Ворнатти был стар. Сгорбившись в кресле, он утомленным и затуманенным взором окидывал чудеса своей проторной библиотеки. Костлявые ноги старика укрывали соболя. Рассеянно теребя мех, Ворнатти листал книгу с непристойными гравюрами. Гедонист и сластолюбец, он порядком увял от времени и пережитой боли; холодной зимней ночью он ласкал старые воспоминания, как когда-то — живую плоть. Но все бесценные видения — мягкие женские плечи и вздымающиеся груди, сладостные ложбинки между бедер, крепкие мужские ягодичы, жадные рты и широкие сильные ладони — не твлекали его мыслей, как прежде.

Спину барона обожгло болью, потом свело судорогой. Взгляд истнулся к дедовским часам возле двери.

— Джили, — взревел барон Ворнатти, — время!

Скрежеща зубами, Ворнатти прогнулся вперед, пытаясь облегчить нагрузку на спину. Книга полетела на пол, вывернувшись страницами наружу. Ему нужно было что-то, чтобы отвлечь внимание, нечто сильнее мучительной боли в костях и иллюзорных воспоминаний плоти. Когда-то его увлекала кровавая игра дворцовых интриг, но даже она приелась, когда он постиг все ее тонкости.

В отдаленных уголках библиотеки, там, куда не проникал свет камина и ламп, послышался звон разбитого стекла, подобный хрусту ломающихся льдинок. Потом — медленные шаги по осколкам.

Движение воздуха ледяной змеей обвило лодыжки Ворнатти, шипя нанесенным снегом.

— Милорд? — раздался с порога голос Джилли. Большой серебряный поднос с лекарствами и выпивкой казался в его руках крошечным. Голос барона заставил шаги замереть.

— У нас незваный гость, — сообщил Ворнатти, с трудом распрямляя спину.

— Кто там? — спросил Джилли, когда снова раздались неторопливые шаги — теперь уже по деревянному полу. Пришурившись от яркой вспышки, взметнувшейся в камине, он поставил поднос на толстый ковер рядом с Ворнатти.

Шаги достигли ковра и растаяли в его приглушающей мягкости. Подхватив шест для книг, Джилли взял его на манер штыка. Крюк смотрел в сторону теней.

— Черт подери, Джилли, брось его! Брось и вколи мне мою элизию. Ублюдок подождет.

Джилли поразмыслил и все же прислонил шест к спинке кресла.

Отвернувшись от тени, он нагнулся и уложил иссохшую руку Ворнатти на свою; элизия заklubилась в стеклянном шприце туманным завитком, напоминая о своем происхождении от эликсира, оставшегося в извивающемся чешуйчатом следу Наги. Выждав, пока жидкость успокоится, Джилли вогнал иглу в похожую на веревку вену старика. Ворнатти с закрытыми глазами ждал, пока Джилли введет лекарство, и со свистом втянул воздух, когда элизия проникла в кровь.

Подняв взгляд, Джили обнаружил, что они с Ворнатти уже не наедине. В отсвете пламени стоял незнакомец. Всего лишь мальчик — с посиневшими губами, до костей продрогший в заношенной рубашке. Тьма глаз делалась еще глубже из-за окружавшего лицо каскада подстриженных черных локонов — казалось, они расширяли тень за спиной мальчишки. Тонкий шрам рассекал его левую скулу. Правую руку незваный гость прятал за спину.

Ворнатти сверкнул глазами и улыбнулся — как будто перед ним ожила частичка прошлого во всех его непристойных подробностях.

— Что за милый юноша к нам пожаловал? — расслабленно промурлыкал он: боль отпустила, ее сменило нарастающее ощущение блаженства. — Джили, ты только посмотри, что послали мне боги.

— Помолчи, старик, — предупредил мальчик. Из-за спины его появился меч.

И что за меч! С черным клинком и черным же эфесом. Головка эфеса была из сияющего мусковита, а лезвие столь остро, что края его казались человеческому взору размытыми. Гарду образовывали неподвижные темные крылья — перья хищно щетинились, вызывая ассоциации скорее с кинжалами, чем с полетом. Подобно отголоску осененных богами времен, меч излучал силу — было очевидно, что оружейник был не из смертных.

— Ты Ласт? — Мальчик поднял меч, яркий блеск металла был сродни воинственному сиянию его глаз.

Ворнатти разразился хриплым смехом и хлопнул Джили по руке, заставив подпрыгнуть от неожиданности.

— Ласт!

От гнева щеки мальчишки заалели. Шрам вспыхнул белым росчерком.

— Не смей насмехаться надо мной. — Он сделал выпад; Ворнатти отбил клинок книжным шестом, не в силах перестать смеяться, несмотря на оставшуюся на дереве отметину.

Джили сделал шаг, встал между Ворнатти и мечом, и барон успокоился.

— В Грастоне не один знатный дом. Нет, мальчик. Я не Ласт. Взгляни-ка. — И он ткнул концом палки в ковер. —

Джилли, убери с дороги свои лапы и принеси-ка нам всем чего-нибудь выпить.

И он снова ударил палкой в пол.

— Видишь, мальчик?

Ковер был сочно-красный с синим; в центре, вышитое золотом, извивалось какое-то мифическое животное.

— Я Ворнатти. Барон Ворнатти — я полагаю, тебе и это неведомо. Подданный Итаруса, ныне живущий в Антире. Зять и счетовод Ариса. На моем гербе крылатый змей. А у Ласта — витые песочные часы, его девиз: «В самом конце лишь Ласт*». Чопорный недоносок.

— А кто такой Арис? — спросил мальчик.

— Наш король, — сообщил Джилли, опуская поднос на стол.

— А, этот... — Мальчик внимательно разглядывал искусную вышивку на ковре, домашние туфли Ворнатти, герб, тисненый на корешке забытой на полу книги.

— Ты слушаешь, мальчик?

Мальчик не отвечал. Он рассматривал лицо Ворнатти — дряблую, в старческих пятнах, плоть, темные слезящиеся глаза. Он опустил меч, направив острие в пол.

— Где мне найти Ласта?

— Сначала ответь на мой вопрос: что подвигло тебя искать его с мечом в руке?

Мальчик сдвинул брови; впрочем, ответ барона был столь необходим ему, что он отринул смущение.

— Ласт забрал у меня Януса и оставил меня подыхать. Я отвечаю любезностью на любезность: верну Януса и оставлю Ласту смерть.

В словах мальчика было столько страсти, что они звучали подобно колдовскому заклинанию или магической формуле, заученные наизусть, как молитва на ночь. Ворнатти молчал, слышалось лишь звяканье хрусталя: Джилли, выполняя приказ барона, разливал напитки.

— Сомневаюсь, чтобы это было делом рук самого Ласта, — наконец проговорил барон. — Он так редко пачкает собственные руки — и к тому же привержен достижению единственной однаж-

* См. примеч. на стр. 18.

ды намеченной цели. Будь то Ласт, даже не сомневайся, мальчик: ты был бы уже мертв. Так кто же такой Янус, чтобы заслужить подобное внимание? — Ворнатти принял кубок с обжигающим негусом из рук Джилли и пригубил. Потом сделал знак Джилли, и тот подал мальчику второй кубок, что предназначался обыкновенно ему самому.

Мальчик наморщил лоб, но в конце концов отбросил сомнения:

— Он незаконнорожденный сын графа Ласта.

— У Ласта не осталось в живых ни одного ребенка, — отзывался барон.

Джилли сунул кубок в левую руку мальчика и повернулся к Ворнатти:

— Об этом ходили слухи. Вспомните. Селия Розамунд, дочь адмирала.

— А, эта, — передразнил Ворнатти реакцию мальчика. — Бесхарактерная, беспутная распутница. — Барон улыбнулся собственной игре слов. К удивлению Джилли, на лице мальчика тоже мелькнула горькая усмешка. — Я думал, что она умерла, — проговорил Ворнатти. — Когда правда выплыла наружу, семья от нее отреклась, ее изгнали из общества. Я слышал, она отправилась в Развалины и там умерла.

— Она еще жива, — ответил мальчик. От голода у него заурчало в животе, да громко, на всю комнату. Мальчик поднял кубок, сделал три больших глотка сладкого пряного вина и вдруг, скривившись, уронил бокал на ковер.

Ворнатти передвинул ноги в туфлях подальше от распозающего винного пятна.

— Если тебе не хотелось вина, нужно было просто вернуть кубок Джилли, — заметил Ворнатти, впрочем, без раздражения: мысли его были заняты другим. — Стало быть, он призвал незаконнорожденного сына? Я слышал, что последняя из жен Ласта умерла от послеродового сепсиса, а ребенок отравился плохим молоком.

— Все это глупая болтовня, — оборвал мальчик. — Скажите, где мне отыскать Ласта. — И он снова угрожающе поднял меч.

— А ну прекрати размахивать оружием, — не выдержал Ворнатти. — Ты начинаешь мне докучать. Я скажу то, что ты хочешь знать, а там будь что будет. Отсюда до имения Ластва еще десять миль. Сможешь ли ты пройти их пешком, по льду и снегу?

Лицо мальчика на миг вытянулось от отчаяния, но тут же спряталось под прежней маской решимости. Он направился к двери.

Внезапным движением, удивительным для такого, казалось бы, дряхлого старика, Ворнатти схватил юношу за руку.

— Переночуй здесь. — Он погладил мальчика по щеке.

Юноша вырвал руку. Он больше не слушал; поглощенный собственными размышлениями, он был подчинен некоему внутреннему импульсу, не признающему преград.

— Джилли, — позвал Ворнатти.

Джилли неохотно повиновался. Будь у него право выбора, он, конечно, предпочел бы выпроводить мальчишку. Тем не менее он с привычной покорностью заступил юному гостю дорогу, не сводя глаз с руки, сжимавшей меч.

— Ладно уж, идем. Уважь старого негодяя, останься на ночь.

Мальчик поднял взгляд на Джилли.

— Прочь с дороги. — В глубине глаз заплескали тени, и Джилли отступил на безопасное от клинка расстояние. И все же он задержал мальчика на пороге.

Джилли понимал своего господина с полуслова. С того самого мгновения, как Ворнатти улыбнулся незваному гостю, слуга просек, что мальчик приглянулся барону. С синими чужаками раздвигались немедля и не самым приятным образом: Ворнатти, не тратя лишнего времени на разговоры, выуживал пистолет из-под мехов, что грели ему ноги. Руководствуясь такими выводами, Джилли подлил мальчишке в кубок «Похвального» — его липкая сладость смешалась с медовой пряностью горячего вина. К удивлению Джилли, гость все еще держался на ногах. А ведь маленького глотка должно было хватить, чтобы обессилить такого тощего подростка.

Еще труднее оказалось принудить его остаться. Джилли все с большим трудом удерживал мальчика, вознамерившегося покинуть комнату. Только жадный интерес в глазах барона заставлял Джилли по-прежнему стоять на пути. Настроение барона было

переменчивым, как ветер. Вскоре ему наверняка прискучит грязный своенравный юнец; однако до тех пор Джилли лучше было повиноваться воле господина, или же он испытает его гнев на собственной шкуре.

— Я заплачу тебе, — нашелся Джилли. — Достаточно, чтобы утром нанять лошадь до Ластреста.

Мальчик ожидающе протянул руку ладонью вверх.

— Утром, — настаивал Джилли.

Рука юноши стиснула черную рукоять.

— Думаешь, я поверю тебе после того, как ты подмешал мне что-то в вино?

Теперь Джилли явственно различал все приметы: опускающиеся уголки губ, слабеющие пальцы — то, чего он ждал несколько долгих минут. Мальчик противостоял действию снадобья лишь силой воли. Сколько еще он продержится на ногах, гадал Джилли.

— Я устал, Джилли. Проводи нашего гостя в комнату, и дело с концом. — Ворнатти подался вперед, со скрипом привстал с кресла и потянулся за оброненной книгой. — Имей в виду, в расписную комнату.

Джилли кивнул. Он поклонился юному дикарю, словно тот в самом деле был гостем, и пригласил:

— Следуй за мной.

Он шел, напряженно выпрямившись, будучи неуверен, что мальчик повинует, и вместе с тем ощущая неким кошачьим чутьем, что он *идет* — тихими, недоступными слуху шагами. Джилли обернулся: гость застыл посреди длинного зала с каменным полом.

Мальчик не отрываясь смотрел в замутненное зеркало, что висело на стене с тисненными и позолоченными обоями, — зыбкое пятнышко тени посреди пышных цветов и тонкой работы гобеленов. Затем подался вперед и дотронулся до волнистой поверхности стекла, прикоснувшись к собственному отражению.

— Ты довольно миленький, — успокоил его Джилли. Он гадал про себя, видел ли мальчик когда-нибудь собственное отражение в зеркале. Вопреки выбивавшимся из общего впечатления мечу и выговору, подросток был таким же аристократом, как сам

Джилли. — Но мы направляемся не на любовное свидание, а всего лишь на отдых.

— Меня ждет именно свидание, — проговорил мальчик заплетаящимся языком. Прижавшись лицом к прохладному стеклу зеркала, он закрыл глаза.

Джилли взял мальчика за руку, и тот приник к нему. Потом поднял глаза с громадными зрачками.

— Ты видел Януса?

— Нет. Волосы у него такие же светлые, как у Ласта?

— Светлые, — со вздохом согласился мальчик. Он потянул Джилли за светлый хвост. Глаза, обрамленные темными бархатными ресницами, закрылись — и внезапно распахнулись, будто действие дурмана закончилось. — Ублюдок. Лучше я заберу свои луны утром. — И он оттолкнул Джилли.

Слуга вел мальчика прочь; обернувшись, он почти ожидал увидеть застывшее перед зеркалом отражение юнца, такое же упрямое, как его владелец.

Джилли отпер дверь расписной комнаты, вошел и принялся зажигать газовые лампы. Мальчик осматривал убранство в почти полном оцепенении.

Помещение было затемнено. Газовые лампы отбрасывали круги света диаметром в рост человека; выходило, что комната по крайней мере втрое больше. Сама кровать являлась своего рода отдельной комнаткой, занавешенной пологом, на котором были вышиты змеи. Даже привычному Джилли мерещилось, что твари волнообразно шевелятся. Какое же впечатление они производили на одурманенного мальчика? Толстые ковры под ногами приглушали звуки, превращая любое движение в скрытный шепот. Отдаленные стены занавешивали тяжелые, плотные портьеры. Джилли знал, что за ними нет ни одного окна — лишь фрески, давшие комнате имя. Одна из портьер была отодвинута, являя взору изображение стремительно бегущей воды — образ, полный недвижимого движения. Комната представляла собой идеальную тюрьму.

Словно прочитав мысли Джилли, мальчик содрогнулся, но все же пошел к занавешенной кровати, как будто в предвкушении дол-

гожданного отдыха. Джили наблюдал, как он взобрался на кровать по лесенке и улегся. Лишь тогда пальцы его разжались, выпустив меч. Клинок соскользнул на стеганое покрывало и устроился рядом с хозяином, словно живое существо.

Джили закрыл дверь и повернул ключ, замуровывая мальчика с его мечом.

Щелчок замка в совершенной тишине зала прозвучал, словно звон топора на плахе. Джили поморщился, ожидая, что мальчишка проснется, начнет сыпать проклятиями и в бессильной ярости колотить по тяжелой дубовой двери. Но все было тихо. Сунув ключ в карман жилета, Джили вернулся в библиотеку.

Ворнатти ждал, ссутулившись в кресле. Сегодня он слишком устал, чтобы самостоятельно дойти до своих покоев.

— Что мальчик? — поинтересовался Ворнатти, не поднимая небритого подбородка.

— Заперт. Спит, — отозвался Джили.

— Хорошо, в такое время я не расположен заниматься делом. — Ворнатти вцепился в подлокотники кресла, силясь подняться. Лицо его посерело, руки побелели от усилий, однако тело осталось недвижимым. Предвосхищая дальнейшие попытки, Джили сдернул соболя меха с коленей Ворнатти, отложил пистолет и, подхватив барона под мышки, поднял тело некогда дородного человека, с возрастом заметно потерявшего вес. Недовольно ворча, Ворнатти оперся о своего слугу. — Слишком много элизии, — проговорил он.

— Слишком много зимних дней, — возразил Джили. — Я тщательнейшим образом отмеряю вашу дозу. — Он поднял старика на руки словно ребенка, обхватив хрупкие конечности, и понес через зал в опочивальню.

Вопреки общепринятой моде устраивать господские покои на этаж выше, чем помещения низкой черни, в силу продолжительной болезни Ворнатти его комнаты находились здесь же, охраняемые от посторонних стараниями Джили, шаги которого сейчас заглушал толстый слой ковров в опочивальне барона.

Спальня варвара, решил Джили, когда впервые, настороженный, с широко распахнутыми глазами, переступил ее порог. Странная по меркам королевства Антир, комната Ворнатти была

декорирована по итарусинской моде: резная изогнутая кровать, высокая, с покатыми боками, на которой поверх антирских льнов, шерсти и бархата громоздились еще шкуры белых медведей, доставленные за умопомрачительные деньги из самого Итаруса.

Боясь упасть и тем увеличить и без того растущий на спине горб, Ворнатти устилал пол все более толстым слоем ковров: теперь уже Джили приходилось подниматься в спальню барона, как по ступеням. В камине, устроенном вдоль наружной стены, тускло поблескивало пламя, припорошенное пеплом и выгоревшими углями. Джили нахмурился при виде затухающего очага и облачка пара, вырвавшегося у него из рта, опустил Ворнатти на постель, помог ему стянуть халат, потом стал на колени и снял с ног хозяина домашние туфли. Халат он повесил на спинку кровати. Даже в толстых вязаных носках ступни Ворнатти оставались белыми и ледяными на ощупь. Джили принялся растирать их, пока барон не отстранился.

— Довольно, Джили, ты сдерешь с меня шкуру.

— Вы же сами жалуетесь, что холод в ногах не дает вам уснуть, — возразил Джили, и Ворнатти милостиво разрешил продолжать массаж.

Барон запустил пальцы в волосы Джили, ослабил узел его кравата, принялся приглаживать непослушные локоны угловатыми неловкими движениями.

— Мой Джили, — проговорил Ворнатти. Все еще стоя на коленях, Джили оценил тон. Влюбленный? Он надеялся, что это не так, — пожалуй, не так.

Джили выпрямился, уклоняясь от ласк Ворнатти, и откинул край одеяла. На волю вырвался запах горячей глины. Джили достал нагретые кирпичи, все еще хранившие тепло очага, и помог Ворнатти занять их место в постели. Барон нежно провел пальцами по шее своего слуги, по мягкому хлопку рубашки на груди. Движения его были рассеянны. В другой раз Джили не стал бы препятствовать или даже поощрять бы старика, сделал бы первый шаг в привычной игре, где страсть выменивалась на милость, — но сейчас он снова отступил от Ворнатти. Сегодня ночью ему нужно была лишь информация, а у барона она всегда имелась.

— Вы пошлете за судьей? Сдадите мальчишку в рабочий дом? — У Джилли от беспокойства сводило желудок. Ему не давали покоя собственная убежденность, что появление мальчика может нарушить размеренность их с бароном жизни, а также интерес, вспыхнувший в глазах Ворнатти.

— Этот мальчик слишком хрупок для рабочего дома, — отзывался Ворнатти. Он поморщился, когда Джилли укрыл его: кости заныли под бременем мехов, простыней и одеял.

— Вы считаете его утонченным? — удивленно спросил Джилли, вспоминая крепко сжимающую меч руку мальчика, упрямое сопротивление действию снадобья в вине. От этих мыслей у него по спине побежали мурашки. Ворнатти еще убедится: мальчишка не будет столь сговорчив, как городские шлюхи, которых он имел обыкновение приводить домой.

Барон рассмеялся — по-звериному хрипло.

— Может быть, и нет. И все же я намерен держать его здесь.

— Он не собака, — возразил Джилли. — Людей нельзя держать.

— Но ведь тебя я до сих пор держал, правда? — усмехнулся Ворнатти. — Нашел тебя, ты мне понравился, и я забрал тебя к себе домой. И с тех пор ты здесь живешь.

— Вы купили меня, — проговорил Джилли, наблюдая, как таснут красные угли в очаге. Скоро в комнату вползет стужа.

— А что мне мешает купить его? Кто знает, на что он согласится за еду и тепло? — Ворнатти задумчиво погладил меховое покрывало.

— Что вы станете с ним делать?

— Ты видел его лицо и фигуру — и спрашиваешь? Не суетись, твоего места здесь он не займет, — произнес Ворнатти, ротянув губы в злорадной усмешке. — Я выдрессировал тебя как ледует.

— Стало быть, очередной любимец? — вспыхнул Джилли.

Ворнатти со вздохом закрыл глаза.

— Тебе известно мое отношение к Ласту. Неужели ты думаешь, что я стану прогонять мальчишку, когда его желания столь ходны с моими?

Джилли перестал расправлять складки полога и, потрясенный, опустился на кровать.

— Вы замышляете измену... — Джилли умолк, почувствовав, как пальцы Ворнатти сжали его ногу, заметив злорадные огоньки в темных немигающих глазах хозяина.

— Замышляю? Ничего подобного. Если я помогаю голодному мальчику — это называется благотворительность. Если я предоставляю ему информацию — это обучение. Я лишь ввожу в игру новую фигуру.

2

Яркий дневной свет, пробившись в комнату сквозь тяжелые задернутые шторы, разбудил Джилли, разогнал знакомый сон, ставший кошмаром. Джилли с трудом высвободился из кокона белья, дрожа от его клейких объятий, непреодолимо напоминающих о погребении. По обыкновению сон Джилли был глубок и мрачен. Джилли оказался среди гробниц пяти мертвых богов. Знакомое видение: гробы под белыми саванами, просторная комната, пропахшая вековой пылью и тем особенным запахом, который сопутствует гниющим предметам роскоши. По мере приближения Джилли резьба проступала сквозь колышущуюся ткань саванов, являя картины и символы, которые были доступны молодому человеку лишь во сне, — великие имена: Баксит, Ани, Нага, Эспит, Хаит.

Знакомо, и все же... Легкая рябь прошелестела по безмолвному мавзолею, как будто через него пробежало нечто, вздымая вихрь из воздуха, и замерло в тенях гробов, затаив дыхание, готовясь заговорить. Внезапно все существо Джилли пронзила одна единственная мысль, холодящая душу словно ледяная вода: что если он слышал Самих богов? Отголоски Их последних слов?

Ощущение опасности вытолкнуло Джилли из сна, он проснулся, тяжело хватая ртом воздух. Даже сами сны о мертвых богах — вещь по меньшей мере рискованная, и мало кому из смертных дано было вынести звучание Их речи. Некогда мать Джилли сокрушалась, что он родился в недобрый час, уверяя, что подобные сны могли означать уготованную для него долю медиума. Теперь

боги покинули мир, и судьба Джилли привела его не к созерцательному существованию, но к существованию в качестве приживальщика Ворнатти.

Безмолвие дня разорвал дрожащий стон — плач терзаемого дерева; у Джилли перехватило дух: он пытался распознать в звуке тот, что не услышал во сне. Эхо выламываемой древесины — или сдвигаемого гроба? Наконец возобладал здравый смысл: его комната попросту находилась по соседству с узилищем мальчика. Джилли слышал всего-навсего попытки мальчишки найти выход из клетки. Он вскочил с кровати, перепрыгнув ступеньки, и торопливо отдернул шторы.

Пожилая женщина, исполнявшая обязанности экономки, уже закончила хлопотать по хозяйству. Дрова были уложены в очаге, но огонь еще не разведен; утренний чай и поджаристый хлебец на подносе совсем остыли. Джилли вздохнул. Старуха умела выказать свое неодобрение. Ворнатти жил, соблюдая привычки обитателя большого города: поздно ложился, еще позже вставал. Хотя Хрисанта работала у барона за жалованье, она не собиралась делать никаких уступок. Поднос с чаем ждал с рассвета, выставленный много часов назад. Джилли не встречал утра с тех самых пор, как начал сопровождать Ворнатти в его выходах в свет и возвращаться домой в мертвенных предраассветных сумерках. В последний раз он проснулся на заре еще до того, как барон появился в его жизни — проснулся на ферме, на рваных простынях, зажатый между двумя своими братьями, что были ему ближе других по возрасту.

Джилли одним глотком осушил чашку. Холодный и перестоявший чай вовсе не успокоил его нервы. В который раз Джилли подумал, не уволить ли Хрисанту. Он сделал бы это в мгновение ока, если бы не дурная репутация Ворнатти, не позволявшая нанять квалифицированную прислугу. Деревенские слуги боялись барона. Репутация для них была единственным достоянием — а о доме Ворнатти все время ходили злые сплетни. Юноше или девушке, что прежде работали у барона, везде отказывали. От этой мысли Джилли поежился: в конце концов, Ворнатти — старик, а он сам еще молод. Что ему придется делать, когда смерть все же возьмет верх над бароном?

Тем не менее скандалы хотя и затрудняли ведение хозяйства в доме, укрепляли его позиции при королевском дворе. Одной из не самых приятных обязанностей Джилли, когда Ворнатти соглашался отпустить его в город, было вынюхивать и подслушивать последние сплетни, едва зарождающийся шепот о том, чего никто еще не знал. Барон использовал собранную информацию, чтобы сохранять свой вес в политической игре. Обмен данными и внушительное наследство превращали Ворнатти из ненавидимого всеми, скрывающегося регента Итаруса в желанного гостя при дворе Антира.

Еще более протяжный, леденящий душу стон заставил Джилли вернуться мыслями к тому, чего он так старательно избегал. К мальчишке.

Ворнатти наверняка спал, все еще под действием элизии и алкоголя; так что Джилли самому предстояло позаботиться об удивительном госте. Он налил еще одну чашку чая и взял поднос. Прошлой ночью именно голод заставил мальчика сдаться. Наверняка он по-прежнему голоден.

Внутри комнаты все замерло. Джилли поставил поднос и прислушался. Ни звука. Он выудил ключ и осторожно вставил его в замочную скважину. Защелка неохотно подалась. Джилли толкнул дверь, но та не шелухнулась.

Тогда, навалившись на дверь, он принялся давить со всей своей недюжинной силой. Дверь приоткрылась на самую малость. Раздался душераздирающий скрежет сдвигаемой мебели. Джилли попытался взглянуть через образовавшуюся щель в темноту комнаты — и тут же отпрянул: из двери плавно высунулся, лениво блеснув, клинок.

— Так ты забаррикадировал дверь, — заключил Джилли.

— Узник тоже может оказывать сопротивление, — с тихой яростью в голосе произнес юноша.

Джилли сделал глубокий вдох; плечи его поднялись и опустились.

— А я тут тебе чаю с тостом принес. — Джилли не мог скрыть раздражения в голосе. За ночь он успел позабыть о несговорчивости и упрямстве мальчишки. Неужели он впрямь ожидал, что юнец будет покорно сидеть и ждать, скажет «спасибо» за то, что

его наконец выпустили, и с радостью согласится помогать ему развлекать Ворнатти всю долгую зиму? Джилли мысленно клял себя: ведь именно этого он и ждал, думая лишь о голоде и очевидной бедности мальчишки и сбросив со счетов его гордость.

— Не можешь же ты сидеть там вечно, — заметил Джилли. Он плавно опустился на покрытый изысканными изразцами пол и в ожидании ответа принялся водить указательным пальцем по лиственным, зеленым с золотом, узорам. Единственное, что тут может помочь, — терпение, думал Джилли. Нужно быть не менее терпеливым, чем с Ворнатти в приступе самых дурных капризов. И еще — осторожным. Джилли позаботился о том, чтобы оказаться вне досягаемости меча.

Из-за двери донесся едва слышный звук — жалобный животный стон изголодавшегося организма.

— Если не выйдешь, то проголодаешься еще сильнее. Ты слишком худ, чтобы позволять себе пропускать завтраки.

— Я проживу как минимум неделю на мышах, которых вы тут развели. Буду раскалывать им головы, выпивать кровь и жевать плоть. А потом, когда не останется мяса, начну грызть их хвосты и лапы. Так что, пожалуй, и две недели протяну без вашей помощи.

Джилли едва сдержал непрошеную улыбку: проявление такого упорства в мальчишке даже восхищало.

— И ты станешь тупить это лезвие о мышей? Не стоит. Давай выходи, — увещевал Джилли. — Выпей чаю с тостиком. Посмотрим, что старушка Хрисанта оставила нам в жаровнях. Нет никакой необходимости баррикадировать дверь.

— Я не знаю, кто ты и чего от меня хочешь, — возразил мальчик.

— Я всего лишь слуга, — отозвался Джилли с привычной горечью, которую вызывало в нем осознание этого факта. — Мне нужно только, чтобы ты вышел. Да ты и сам был не очень-то приветлив. У тебя что, нет ни имени, ни прошлого?

— Со слугой мне говорить не о чем, — отрезал юнец.

Джилли вздрогнул — колкость попала в цель, потом снова заглянул в дверную щель. Мальчишка сидел, втиснувшись между шкафом и прикроватной лесенкой, которая подпирала дверь.

Для пушей надежности он обвязал все сооружение сорванными со стен драпировками и едва-едва поместился в этой полутемной пещерке из ткани и дерева, дрожа от холода и голода. Из коридора, из-за спины Джилли, в комнату проникала тонкая полоска света.

Джилли молча просунул в щель один тост и, почувствовав, как мальчик взял еду, приготовился услышать недовольные высказывания по поводу того, что завтрак остыл. Только либо бравада юнца начала потихоньку убывать, либо его опыта не хватало, чтобы объединить в сознании понятия «хлеб» и «тепло». Мальчишка молча уплел тост за три больших укуса.

— Ты должен мне серебро.

— Неужели? — поддразнил его Джилли. — Значит, ты полагаешься на слово слуги?

— Ты обещал, — сказал мальчик.

— Да, — согласился Джилли. — Довольно лун, чтобы нанять лошадь до Ластреста. Только вряд ли тебе это поможет.

— Почему?

— На дворе зима, так что Ласт наверняка за границей, при итарусинском дворе. Таков уж его обычай. По официальной версии он вроде как жить не может безо льда и снега. На самом деле ни для кого не секрет, что Ласт посещает Итарус, только чтобы быть в курсе королевских интриг. Наверняка он оставил в поместье лишь нескольких слуг, остальных забрал с собой. Его не будет дома. — Джилли улыбнулся, с некоторым наслаждением наблюдая, как тело мальчика сжалось в еще более тугой клубок: не один он умел уязвлять словом. — Ты неправильно выбрал сезон охоты.

— Враки, — выдохнул мальчишка.

— Я всего лишь не желаю швырять луны на ветер. Лучше бы ты купил на них еду.

— Прекрати говорить о еде, — внезапно охрипшим голосом произнес мальчик.

Пожалев о своих словах, Джилли просунул в дверную щель второй тост.

— Я отвезу тебя в Ластрест, если хочешь. Только ты убедись, что я говорю правду.

В ответ мальчик не вымолвил ни слова. Внезапно в душе Джили поднялась волна жалости — перед юношей открывались две возможности, одна хуже другой: голод или рабство. Стоило ли удивляться его грубости?

— Оставайся у нас, — предложил Джили. — У старого черта вполне сносно работается. Он меня хорошо кормит, и сплю я в теплой постели.

— Я не шлюха. — Мальчик перешел на едва различимый шепот. Неужели с его губ сорвалось какое-то имя? «Янус»?

— Я распоряджусь, чтобы заложили коляску Ворнатти. Она доставит тебя в Ластрест быстрее, чем дилижанс или верховая лошадь, и ты убедишься, что я сказал тебе чистую правду. А потом ты в ней же вернешься сюда.

— Нет, — возразил мальчик.

— Куда тебе идти? — продолжал Джили. — Даже если я заплачу тебе серебром, на долгую зиму его не хватит.

— Я сяду на корабль, — проговорил мальчик.

— Так ты за границу намерен плыть? Вслед за Ластом? — изумился Джили. — У меня и лун столько не будет. И даже если ты доберешься до Итаруса — что тогда? Там холоднее, круглый год лежит снег, а за твой меч тебя попросту прикончат. Послушай, мальчик. Послушай! Ворнатти мечтает уничтожить Ласта. И в тебе он видит инструмент для возмездия.

Послышался прерывистый скрежет передвигаемой мебели, и спустя некоторое время юнец выскользнул в расширившуюся дверную щель. Его лицо под слоем грязи побледнело, руки дрожали от перенапряжения. Джили сглотнул. Он забыл поразительный взгляд этих темных глаз — еще более темных по контрасту с белой кожей. Ворнатти сожрет его с потрохами. Обнаженный меч, что мальчик прижимал к боку, дернулся, словно уловив мысль Джили. Прислонившись к стене, мальчик поднял на Джили глаза и сказал:

— И все-таки ты по-прежнему должен мне луны.

— И на каком же основании? — спросил Джили, обрадованный возможностью сменить тему. — Я ведь одалживаю тебе карету Ворнатти.

— Ты обещал мне достаточно денег, чтобы нанять лошадь, вне зависимости от того, собираюсь я ее нанимать или нет.

Джилли на миг задумался, с удивлением отметив, что даже после столь жестокого крушения надежд мальчик сохранил способность торговаться не хуже купца и дискутировать не хуже адвоката, — и вдруг рассмеялся, радуясь подобной живости ума. Потом сунул руку в карман, выудил три луны и вложил их в перепачканную руку.

Лицо мальчика озарила улыбка — не бледная и призрачная, как накануне вечером, но другая, неторопливо расцветшая в усмешку удовольствия.

— Вот это поучительно. Теперь я знаю, какова моя цена. Немного серебра, пища и туманный намек на возмездие. Надеюсь, хотя бы кормят здесь прилично.

У Джилли перехватило дыхание от прозвучавшей в голосе мальчика ненависти к самому себе. Не найдя других слов, Джилли просто сказал:

— Обычно у нас кормят отбивными из дичи, свежее испеченным хлебом, молоком и яйцами.

Он попытался подхватить мальчишку под локоть, чтобы проводить к завтраку, но тот резко вырвался. Джилли махнул рукой в направлении коридора.

Оказавшись в столовой, мальчик удивленно округлил глаза: Джилли протянул ему тарелку, полную всякой снеди.

— Вот, ешь. Если захочешь добавки, подойди к буфетному столу. Я сейчас.

Он рисковал, оставляя мальчика одного, но ведь еда в таком изобилии будет занимать его довольно долго, решил Джилли. В конце концов, сам он не убежал от Ворнатти в первое утро. А ведь барон предложил мальчишке гораздо больше, чем в свое время Джилли, — месть.

Барон Ворнатти только-только пробуждался в своем обычном ворчливом настроении. Не дав Джилли даже рта раскрыть, он принялся сыпать жалобами и приказами.

— У меня руки онемели, Джилли. Разотри, подай теплой воды и чаю погорячее: эта рыжая бестия опять выставила подносы в такую рань! Сегодня я хочу надеть свое золоченое платье, уже

почти пора... — Он остановился на полуслове; недовольство в его тоне уступило место радостному предчувствию. — Мальчик, Джили. Мальчик!

— Мальчик ест и, полагаю, будет занят этим еще некоторое время. Он совсем оголодал. — Джили дернул за шнур колокольчика. Когда появилась Хрисанта, он потребовал горячего чаю и теплой воды для умывания. Камин едва теплится, и Джили подбросил немного щепок, чтобы оживить пламя.

Потом он налил чай и омыл остатками теплой воды руки старого мерзавца, наблюдая, как скрюченные пальцы понемногу разгибаются. Джили помог барону надеть клетчатый халат, подал домашние туфли и подбросил в камин очередное полено — оно занялось ярким пламенем. Как только с умыванием было покончено, барон отмахнулся от Джили.

— Я хочу взглянуть на мальчика. Посмотреть, стоит ли он тех хлопот, которые принесет мне.

В столовой мальчик уже покончил с дегустацией блюд с жаровен и теперь расхаживал взад-вперед по комнате, временами останавливаясь и глядя из окна на неистовство ветра и снега. При появлении хозяина и слуги он мгновенно обернулся, готовый бежать.

— Ах, мальчик, подойди сюда, — донесся из глубины кресла-каталки голос Ворнатти. — Подойди и дай мне взглянуть на тебя.

Мальчик стал осторожно, по-кошачьи подкрадываться. Он помедлил, изучая потемневший от времени портрет, посеребренные морозом окна, узор на паркете, оглядел все еще пышущие теплом гравированные жаровни на буфетном столике. Мальчик давал понять, что повинуетсЯ лишь собственному настроению и если он в конце концов окажется перед Ворнатти — то лишь случайно. Однако перед бароном он стоял довольно смирно, слегка придерживая меч и ожидая, когда Ворнатти надоест разглядывать черты его лица.

— Сколько тебе лет, мальчик?

— Почти пятнадцать.

— Ты мал для своего возраста. И хрупок. Ты умеешь пользоваться этим оружием? — поинтересовался Ворнатти.

— В достаточной мере, чтобы ударить в спину, — отозвался мальчик.

Ворнатти захохотал, восхищенный дерзостью мальчишки, его смелым планом. По крайней мере, думал Джилли, дерзостью в столь миловидной форме.

— Не смейся надо мной, — выдавил мальчик.

— В твоих жилах много итарусинской крови, это точно, — проговорил Ворнатти. — Дело не только во внешности — в самом поведении, в твоей болезненной гордости. Не думаю, что ты обязан происхождением чему-то большему, чем обыкновенному для Развалин распутству шлюхи и матроса.

— Если бы моя мать нашла мне отца из знати вместо матроса, она бы присосалась к нему, как пиявка. Бесплезная женщина, кормящаяся за счет бесполезного класса — аристократов. — И он сплюнул на пол.

— Сколь наглая речь! Когда-то за такую невоспитанность я вызвал бы тебя на дуэль, и ты бы задрожал от страха. В юности я слыл лучшим фехтовальщиком, — поведал Ворнатти.

Мальчик не засмеялся — хотя губы его изогнулись, готовые ответить остроумной репликой. Джилли счел это первым проявлением учтивости. Впрочем, возможно, то была и не учтивость вовсе — а лишь запоздавшая расчетливость. Джилли уже приводил в качестве аргумента возможное содействие Ворнатти против Ласта, предлагал коляску до имения Ласта. Станет ли мальчик рисковать всем ради колкого ответа, когда можно промолчать?

— Как тебя зовут?

Пропустив вопрос барона мимо ушей, мальчик вернулся к окну и оттуда — черная тень на фоне залитого белым снежным светом окна — бросил на Ворнатти взгляд, даже не повернувшись полностью.

— Коляска сможет ехать в такой снегопад?

— Открывая коляска в такую погоду? — воскликнул Ворнатти. — Нет. Джилли, поезжай с ним, возьмите карету. И еще нагретых кирпичей, вина и мехов, чтобы не замерзнуть. В такую мерзкую погоду путешествие затянется едва ли не на день. — Ворнатти плотнее закутался в халат, словно ощутил пронизывающий ветер, словно в лицо ему бил снег, вылетающий из-под конских копыт.

— Я не могу вас оставить, — возразил Джилли, хотя мысль о том, чтобы отдохнуть хотя бы один день от запросов барона, казалась ему соблазнительной. Даже если этот день придется нянчиться с неимоверно капризным мальчишкой.

— Вколи мне дозу элизии, и я продремлю весь день над книгами с бокалом вина, — предложил Ворнатти.

Джилли покорно кивнул, опустив глаза; в этот момент в его мозгу проносился целый рой мыслей. Мальчишка требовал денег и поездку в Ластрест. Джилли мог обеспечить ему и то, и другое в качестве платы за избавление от всех связанных с ним проблем. И Ворнатти не будет рядом, чтобы помешать.

— Джилли, я надеюсь, ты вернешь нашего юношу сюда в целости и сохранности, — продолжал Ворнатти.

Джилли снова кивнул: бунтарского духа в нем поубавилось. Ворнатти всегда и все знал наперед.

Он приказал подать карету, вытащив кучера из его тепло-го обиталища в конюшне. Ворнатти настаивал, чтобы были приняты все возможные меры против холода, и Джилли отправил Хрисанту разогревать в печке кирпичи, наполнять фляги чаем с пряностями, а корзины — провизией. Сам он пристально вглядывался в лицо мальчика, стремясь уловить хоть проблеск признательности за то, что ради него столько людей хлопочет. Но нет — лицо гостя оставалось совершенно непроницаемым; единственной эмоцией, заметной на нем, было крайнее высокомерие — как у той самой знати, которую он якобы столь сильно презирал.

По велению Ворнатти Джилли извлек из шкафа лучшее пальто барона — изысканное одеяние из кожи и мехов. Все время, пока шли приготовления, мальчик провел у окна, глядя на улицу; дыхание его затуманивало стекло, ладонь крепко сжимала рукоять меча.

— Можно мне взглянуть? — спросил Джилли, протягивая руку к оружию.

Мальчик вздрогнул, очнувшись от грезы; клинок откликнулся испуганным броском. Джилли схватился за лезвие — меч мгновенно рассек толстую перчатку, на ладони выступила тонкая полоска крови.

— Да, лезвие довольно острое, — заметил Джилли. — Но не стоит носить его просто так. Нужны ножны, а еще лучше оставить меч здесь.

— И что же мне делать, если Ласт окажется дома? Бросаться в него камнями и снежками?

— Ласта не будет, — повторил Джилли.

— Это ты так говоришь. Я оставляю меч при себе.

Мальчик все же принял ножны, которые неизвестно где раздобыл Джилли, и даже позволил тому закрепить перевязь на своих узких бедрах. Дернул плечами, поправляя тяжелое меховое пальто, предложенное Ворнатти, и разрешил старику застегнуть его неловкими движениями.

Ворнатти осторожно встал, теребя пальцами верхнюю пуговицу. Темные волосы мальчика падали на мягкий собольи мех, и всё это вместе ласкало ладони барона. Он вдруг наклонился, поймал упрямые губы юноши своими и упал обратно в кресло.

— Счастливого пути.

Ворнатти не ошибся в расчетах. Щеки мальчика полыхнули алым — но меч был надежно укрыт ножнами и меховым пальто, а значит, практически недоступен. Отерев губы перчаткой, мальчик стрелой вылетел из комнаты. Джилли вышел следом; несмотря на врожденную лживость Ворнатти — богатого и могущественного, подчинившего мальчика своей власти, слуга едва сдержался, чтобы не рассмеяться над неисправимой натурой барона и над праведным негодованием потенциального убийцы. Быть может, они друг друга заслуживали.

3

К тому моменту, как Джилли уселся в карету рядом с вверенным его заботам мальчиком, к нему вернулась привычная безмятежность. Мальчишка нахохлился в углу, почти полностью спрятав лицо в мехах, глаза прикрывали темные ресницы.

— Поехали, — приказал Джилли. — Чем быстрее доберемся туда, тем быстрее вернемся.

Карета качнулась и покатила. Должно быть, это будет странная поездка, думал Джилли, путешествие через снегопад в компании тени. Когда от шипящего снега и молчания у него заложило уши, он решил выманить мальчишку из раковины.

— Тебе тепло? — спросил Джилли.

Мальчик повернул голову и взглянул слуге в глаза, однако с презрительно искривленных губ не слетело ни звука. Закутанный в меха, с горячими кирпичами в ногах, сытый, он, должно быть, впервые в жизни не мерз зимой.

Когда обычная вежливость не помогла, Джилли спросил напрямик:

— Расскажи мне об этом твоём Янусе.

Мальчик смотрел в окошко на падающий снег.

— Ты собираешься спасти Януса, значит, ты его любишь. Янус — твой покровитель? Друг? Брат? Любовник?

— Прекрати произносить его имя, как будто у тебя есть на это право, — выговорил мальчик с неистовой яростью в голосе. Даже сквозь толстое пальто было видно, как часто вздымается его грудь.

Джилли вздохнул.

— Ты что-то очень уж нервный. Я просто хотел скоротать время и заодно получше познакомиться с тобой. Поскольку я тебя не знаю, я начал задавать вопросы. И ты можешь спрашивать меня, если пожелаешь.

Порывы снежного ветра и приглушенный ритмичный стук копыт были ему единственным ответом. Пожав плечами, Джилли поудобнее устроился на сиденье, чтобы вздремнуть.

— Ты его шлюха? — Вопрос мальчишки выдернул Джилли из дремоты, огнем опалив лицо и уши.

— Как и все слуги, — отозвался Джилли, ища убежища в философии. — За деньги мы делаем то, что нам говорят, — хотим того или нет. Самое большее, на что мы способны, — выбрать себе господина.

— Я сам себе господин, — заявил мальчик. — Короче говоря, ты шлюха.

Джилли передернуло от ленивого презрения в голосе мальчишки, напомнившего ему о единственном разе, когда он вернулся домой. Отец разговаривал с ним тем же тоном. Тогда Джилли

счел это несправедливым. Родители сами продали его Ворнатти. Так чего они ждали?

— Я живу у Ворнатти — я исполняю его капризы и принимаю его ухаживания. Почему бы нет? Он взял меня с фермы, где меня не могли прокормить, и дал мне библиотеку, хорошую пищу, отдельную комнату и полную свободу действий — когда мы бываем в городе. — К концу своей речи Джилли снова почти убедил себя в разумности сделки. — Он и тебя одарит столь же щедро.

— Если я буду ублажать его, — глухо сказал мальчик. — Если превращусь в послушную игрушку, потакающую всем его прихотям и желаниям. Стану скорее вещью, чем личностью, собственностью, от которой легко избавиться, когда она наскучит. Сколько ты живешь с ним?

Когда Джилли едва не поперхнулся, пытаясь выдать ответ, на губах мальчика заиграла улыбка. Потом он снова уставился в окошко, дыхание его клубами обволакивало стекло и замерзло на нем.

Тянулись минуты тишины, нарушаемой лишь мокрыми шлепками снега, подобно морской пене бьющими в бока кареты.

— Какой же ты невоспитанный, — наконец заметил Джилли. — Ворнатти предложил тебе помощь...

— Уж не думаешь ли ты, что я стану верить всему, что скажет какой-то аристократ? — отчеканил юноша. — Они все друг за друга горой.

— А ты так хорошо осведомлен об их образе жизни? — поддел Джилли. — Ты полагаешь, что одинок в своей ненависти к Ласту? Уверю тебя, Ворнатти ненавидит Ласта всеми фибрами души. — Заметив недоверие на лице мальчика, Джилли добавил: — Я правду говорю. Они встречались более тридцати лет назад при итарусинском дворе. Опасное место, кишасщее принцами-убийцами и дворянками-отравительницами. Замерзшая земля, населенная хладнокровными людьми, которые кичатся своей храбростью, агрессивностью и готовностью пойти на все ради достижения цели. По сравнению с итарусинским наш двор — просто забавы в детской под присмотром нянюшки.

Для Ластва, лишь четвертого сына, хотя и королевских кровей, пребывание при дворе Итаруса означало возможность удачно жениться и так обеспечить себе состояние, которого он не унаследовал бы сам; быть может, составить династический брак. Однако он оказался слишком заносчивым и твердолобым, слишком непоколебимым в своих взглядах, чтобы преуспеть. А когда они повстречались с Ворнатти... Ну, как я понимаю, они затеяли дуэль, не успев даже раскланяться друг перед другом при первом знакомстве.

Мальчик по-прежнему вглядывался сквозь запотевшее окошко, демонстрируя равнодушие; его волнение выдавали пальцы, вычерчивавшие на затуманенном стекле хрупкие силуэты — крошечные пересекающиеся линии: то ли кинжалы, то ли мечи. Джилли продолжал:

— К тому времени, когда дуэль стала неизбежна, Ласт настолько овладел искусством итарусинской придворной жизни, что догадался заплатить шлюхе Ворнатти, чтобы та опоила его до беспомысленства. Когда барон не явился на дуэль, Ласт публично обозвал его трусом. Нет, не из страха, ибо Ласт отличный фехтовальщик, — скорее назло. И это послужило падению Ворнатти вернее, чем проигранная дуэль. Долгое время, до самого Ксипоса, барон не мог восстановить загубленную репутацию.

— Неужели из-за какой-то расстроенной дуэли Ворнатти способен ненавидеть Ластва с той же силой, что и я?

— Не только из-за нее. Все гораздо сложнее — слишком сложно, чтобы объяснять теперь. — Не столько отсутствие времени, сколько предупредительность запечатали уста Джилли. У Ворнатти было мало уязвимых мест — но одним из них являлось упоминание о его сестре. Аврора Ворнатти была смыслом жизни старого мерзавца, единственным человеком, кого он искренне любил. Когда Арис Иксион избрал Аврору своей невестой, Ласт пустил порочащие ее сплетни, чтобы расстроить свадьбу. Слухи о распутстве, вырождении, даже о якобы отравленной плоти. Арис снискал дружбу Ворнатти, не признав правдивости сплетен. Однако, когда долгожданный наследник появился на свет ущербным, а сама Аврора умерла в родах, злые слухи возобновились с новой силой — и не утихли до сих пор.

Иногда Джилли казалось, что дни королевства Антир сочтены. Ксипос — первый удар, Аврора — второй, смертоносный выпад. Похоже, Арис так и не оправился.

Джилли нахмурил брови. Если мальчик не знал Ариса, их короля...

— Ты понял, что я говорил насчет Ксипоса?

Встретив пустой, мрачный взгляд, напомнивший Джилли о полном самопоглощении и закоренелой необразованности его слушателя, он растолковал мальчику все о войне за Ксипос. Насколько это долгое и кровавое десятилетие вообще поддавалось описанию. Причина была довольно проста: Итарус попытался вырвать Ксипос с его не замерзающими зимой портами из хватки Антира. Однако сражение приобрело столь затяжной и ужасающий характер, что опротивело даже богам и послужило поводом к их исчезновению из мира.

Ядовитое щупальце битвы — политическое убийство — отняло жизни короля и наследного принца; второй сын погиб на фронте, и вот третий сын, тихий ученый, Арис Иксион, унаследовал королевство в состоянии войны. Арис, который ценил жизнь больше, чем землю, действовал решительно. Он капитулировал, хотя понимал, что условия договора просто губительны: налоги, обязательный экспорт в Итарус товаров, которые продавались обратно в Антир с громадной наценкой. Если бы не антирские колонии в Приисках, Итарус сам бы завоевал Антир в один миг.

— Григор, король Итаруса, назначил Ворнатти аудитором и регентом, что дает ему идеальную возможность оказывать тебе содействие.

Мальчик оторвал голову от подушечки, на которую расслабленно откинулся.

— Я так и думал: это тебя разбудит, — улыбнулся Джилли.

— Мне не нужна его помощь, — отозвался юноша.

— Без нее ты замерзнешь у первой же изгороди, — возразил Джилли.

Карета остановилась, мягко раскачиваясь на колесах под порывами снежного ветра. Заснеженный кучер заглянул под полог, высвободил рот из заледеневшего шарфа. Дыхание клубами врывалось в застывший воздух.

— Джилли, ворота в Ластрест закрыты.

— Открой и езжай дальше.

Вихрь ледяного воздуха взметнулся, сопровождая слова Джилли. Мальчик выбрался из кареты и, спотыкаясь, побрел через глубокие сугробы вдоль дороги. Джилли крикнул:

— До усадьбы еще миля, а то и больше. Пешком, мальчик, слишком далеко!

Юнец прошел сквозь прутья ворот, пока кучер раскачивал их, стараясь освободить из тисков снежного заноса. Выругавшись, Джилли принялся помогать. По ту сторону ворот мальчишка запутался в длинном пальто и растянулся, запорошив снегом собольи меха; снова поднялся и пошел по белому бездорожью подъездной аллеи.

Как только ворота распахнулись, длинноногий Джилли без труда нагнал мальчишку и, схватив его за плечо, потащил назад к карете.

— Залезай. Ты замерзнешь, и Ворнатти на меня рассердится.

Лицо у мальчика побелело — от бури захлестнувших эмоций, он задрожал в железной хватке Джилли.

— Там никого не будет. Так что не стоит особенно суетиться.

Мальчик сидел, с напускным терпением ожидая, пока карета, бороздя снега, доберется до дома Ласта.

Когда наконец они подъехали к главному крыльцу, кучер указал на прикрытые ставнями окна, на отсутствие дверного молотка.

— Здесь никого, Джилли.

— Для верности спросим слуг. Во всяком случае, они могли бы оказать нам гостеприимство и немного обогреть, — предложил Джилли. Он принялся колотить в дверь. Плечи его покрыла снежная корка, а пальцы в перчатках успели онеметь от холода, пока какой-то старик неспешно доковылял до двери.

— Ласт уехал за границу, к своему сыну. До весны он сюда не вернется. — Старик произнес все на одном дыхании, словно неодушевленная и равнодушная марионетка. Он попытался захлопнуть дверь, однако Джилли навалился на нее снаружи.

— К сыну?

— Да, мальчик шестнадцать лет воспитывался за границей, и граф желает взглянуть, чему он выучился, прежде чем представить его при дворе. — Еще одна заученная речь марионетки, только на сей раз в глазах старика промелькнуло раздражение: ледяной ветер ожег ему лицо.

— Значит, к *внебрачному* сыну, Янусу? — уточнил Джилли. Дворецкий поджал губы.

— Насколько я понимаю, Янус — сын от прежнего, незарегистрированного брака.

— Разумеется, — тут же согласился Джилли. — Я ошибся.

Незарегистрированный брак — и новый наследник графа Ласта, новый член королевской семьи? От важности только что услышанной вести Джилли не мог вымолвить ни слова. *Бастард — наследник графства, наследник трона?* Джилли обернулся. Ему стало любопытно, какие выводы из этого известия сделал мальчик. Оказалось, что тот исчез. Дверь особняка тут же закрылась перед носом Джилли.

— Где он? — спросил Джилли у кучера.

— Пошел вокруг, вдоль стен, как будто знает, что делать дальше.

— И ты его не остановил?

Кучер только пожал плечами.

Где-то в отдалении Джилли различил звон разбиваемого стекла. Он в ярости бросился вслед за мальчишкой, проваливаясь в оставленные в сугробах глубокие следы.

На снегу возле увитой плющом стены чернело пальто. Плющ был серый и сухой, мертвый от холода, но над ним блеснуло окошко, и нечто более весомое, нежели сосулька, упало в сугроб неподалеку от Джилли. Он нагнулся и поднял осколок стекла, смачно выругавшись. Потом отступил и принялся колотить в дверь до острой боли в руках, только на сей раз никто не ответил.

— Поезжай к воротам, укрой лошадей попонами и жди нас. Я бы не хотел, чтобы здесь подозревали о нашем затянувшемся присутствии.

Джилли вернулся к оплетенной плющом стене и взглянул вверх. По расчетам Джилли, мальчик был фунтов на восемь-

десять легче него, но по крайней мере выюнок совсем не пострадал от его подъема. Быть может, и вес Джилли плющ выдержит — или же придется свалиться в снег и сломать ногу, а то и шею.

Джилли снял пальто, кинул его поверх мехов, оставленных мальчишкой, поплотнее натянул перчатки и полез. Листья плюща рассыпались в ладонях, но плети держали — пока в полуметре от окна не начали отделяться от известняка стены. Джилли рванулся вверх, ухватился за подоконник и подтянулся, затаскивая себя внутрь. Он стоял на пыльном полу спальни, где давным-давно никто не бывал. Морща нос, Джилли постарался подавить чих и невольную усмешку: стало быть, Ласту тоже не удавалось нанять хороших слуг. Он отправился в путешествие по дому. Мокрые следы мальчишки указывали ему путь.

Джилли обнаружил беглеца спрятавшимся в темной нише длинного коридора.

— Что ты?..

Мальчишка зажал Джилли рот ледяной рукой и втянул его в нишу.

— Кто-то идет, — раздался над ухом Джилли теплый шепот.

Мимо прошествовала горничная с тюками белья и направилась куда-то по дальней, не покрытой коврами лестнице.

— Что ты делаешь? — повторил свой вопрос Джилли.

— Изучаю врага.

Джилли вздохнул.

— Я могу тебе о нем рассказать. Причем в уютной обстановке библиотеки Ворнатти. Или за обеденным столом, если ты снова проголодался.

Мальчик не спеша вышел в коридор, заглянул в почти пустую, без мебели, комнату внизу, куда вела лестница.

— Что там?

Джилли выглянул из-за плеча мальчишки.

— Портретная галерея. Картины, изображающие его предков.

— Он знает, как все они выглядели? — Очевидно, мальчика поразил тот простой факт, что граф Ласт знает, кто приходится отцом ему самому, и его отцу, и так далее, и может проследить свои черты в их образах. — Я хочу взглянуть.

Мальчик пошел вниз по лестнице, Джилли поспешил следом.

Ближайшая рама оказалась пустой. Мальчик обернулся, безмолвно требуя объяснений. Джилли, нервно озиравшийся по сторонам и прислушивавшийся, ответил:

— Это для следующего графа, сына нынешнего. Портреты располагаются по дате рождения.

— Стало быть, вот этот — Ласт? — Мальчик перешел к следующему портрету, углубляясь в дом, все дальше от спасительного окна.

Джилли нагнал его.

— Да. Мишель Иксион, четырнадцатый граф Ласт.

Глаза мальчишки сузились.

— Он здесь похож на себя?

— Вполне, — подтвердил Джилли.

Мальчик прикоснулся к полотну, прижал ладонь к холсту; потом стиснул кулак, как будто собирался сорвать портрет, выместить на нем свою жажду крови. Джилли потянул юношу прочь. По телу у него побежали мурашки от воспоминаний о сельских религиозных суеверных обрядах — крестьяне втыкали в кукол булавки и оставляли на алтарях, прося божественного заступничества, несмотря на то, что боги не могли ответить.

Запястье мальчика дрожало, крепко стиснутое ладонью Джилли; сопротивления он не оказывал, хотя тонкие косточки под пальцами Джилли были напряжены. Взгляд парнишки снова упал на пустую раму, и у него перехватило дыхание.

— Это что, для Януса?

— Вряд ли. Какую бы историю они ни выдумали, он все равно незаконнорожденный. Скорее всего, Ласт намерен использовать Януса в качестве разменной монеты в следующем браке: он явное, пусть и постыдное, опровержение слухов о его дурной крови.

Продолжая говорить, Джилли не переставал размышлять. *Зачем вообще узаконивать бастарда?* Не в характере Ласта, по-

борника традиций, бросать вызов этим традициям, не только признавая внебрачного сына, но и узаконивая его. Если только ему кто-то не приказал... Джилли собирал для Ворнатти сплетни, и неизменно в центре их был король — тот самый грустный ученый, взваливший на себя бремя трона — бремя, которое он мог бы переложить лишь на наследника. Ласт, будучи всего на год моложе, не подходил, а Критос, пусть молодой, был мот, игрок и тупица. Возможно, Арис, пойманный в ловушку королевской власти, мечтал как раз о Янусе.

Однако убедить троих его советников будет нелегко. Подобно Ласту, герцог Лав был традиционалистом. Он не признает Януса из-за изъяна в происхождении. Правда, вероятно, его можно будет купить: у него дочь на выданье. Де Герр — приверженец наследования по крови и военный. Он может принять наследника по крови, невзирая на отсутствие брачного свидетельства. В конце концов, Селия — дочь адмирала. А Вестфолл, не смотря на все его внешние атрибуты поборника равноправия, с пылкостью юноши преклонялся перед королевской кровью, даже разбавленной. *Король-бастард?*

Рядом, пробудив Джилли от размышлений на политическую тему, раздался тихий голос мальчишки:

— Он мог бы получить корону?

— Нельзя признать его права на графский титул, не поставив тем самым в ряд наследников трона, — пояснил Джилли. — Вряд ли такое возможно. Но все же, думаю, если бы Ласт внезапно умер...

— Он умрет. — Мальчик с легкой полуулыбкой коснулся рукояти меча; и снова взгляд его вернулся к пустующей раме. — Трон. И этот дом? — Мысль о таком доме добавила в голос парнишки больше недоверия, чем возможность взойти на трон. Джилли понимал его. Трон был так далек от мальчика, что скорее казался ему сном, зато вероятность того, что Янус станет жить в подобном доме...

— У короля лишь один ребенок, да и тот от рождения умственно отсталый. Он коротает время в обитых войлоком детских, играя в кубики. Семья Ласта малочисленна. Король, граф и их племянник Критос.

— Критос, — еле слышно прошептал мальчик.

В коридоре послышались шаги. Джилли схватил парнишку, собираясь оттащить его назад, вверх по лестнице, однако тот увернулся и нырнул в другую дверь.

— А что в той комнате?

— Это кабинет Ласта, — объяснил Джилли. Он закрыл дверь изнутри и повернул ключ в замке.

Мальчик бегло осмотрел комнату, прикарманив кое-какие безделушки: эмалевую табакерку, нож для писем с золотой рукояткой, перо и пузырек с чернилами, серебряное пресс-папье и хрустальную статуэтку Баксита, божества с кошачьей головой, покровителя праздности и благоразумия. Еще он раздобыл где-то фарфоровое, с золотой каймой блюдо, полное карамели; быстро обнюхав, закинул две конфеты в рот и принялся жевать их, закрыв глаза от удовольствия. Потом высыпал остальные конфеты за пазуху. Впоследствии выяснилось, что и хрупкое блюдо он умудрился спрятать в рукав. Джилли с трудом сдержал смех.

— Нужно идти. Лошади замерзнут...

Мальчик изучал книги на полках, прикасаясь к разноцветным кожаным корешкам и водя пальцем по тисненым золотом названиям. Усевшись за письменный стол, он поддел ножом для бумаги замок в запертом ящике. Внутри оказались бумажные свитки.

— Дай-ка я взгляну. — Джилли принялся читать документы. — Кредиторы, долги и счета от Критоса. Вот ведь транжира. Несомненно, Ласту все это не понравится. — Губы Джилли изогнулись в улыбке. — Быть может, Критос доведет Ласта до апоплексического удара и избавит тебя от хлопот.

Глаза мальчика сделались пронзительно-черными от гнева, и улыбка сползла с губ Джилли, как будто и не появлялась.

— Я мечтаю убить его, — проговорил юноша, — так, чтобы его кровь окрасила мой клинок. Мечтаю услышать его крик, когда я проткну его сердце... — Он крепко, словно собирался вытащить меч, сжал рукоять ладонью, так что побелели костяшки пальцев.

— Из-за Януса, — произнес Джилли, отступая за пределы досягаемости меча. Мальчишка снова злился. В чудном развле-

чении, которым обернулось вторжение в дом, Джилли успел позабыть о его жажде мести.

— Янус, — эхом отозвался мальчик. Нежность тронула холодную ярость в его глазах, хватка ослабла. Лицо мальчика сделалось спокойным и грустным. Джилли гадал, о чем размышляет его юный спутник: о кровавых планах мести графу или о столь неуместных словах дворецкого, подтверждавших, что добыча выскользнула из рук. Мальчик, ставший послушным в этом спокойствии, позволил Джилли вывести себя из комнаты.

Быстро осмотрев состояние плюща, Джилли потащил мальчишку на первый этаж — спускаться со второго нечего было и думать. Джилли прыгнул в глубокий снег и протянул руки.

— Давай!

— Мне не нужна твоя помощь, — ответил мальчик, бросаясь в снег и холод.

— По крайней мере оденься, — сказал Джилли, поднял меховое пальто со снега и швырнул его мальчику.

Тот огрызнулся. Джилли пошел первым, предоставив юнцу, облаченному в тяжелые меха, самому бороться с сугробами, и добрался до кареты с большим опережением. Вскрабавшись по лестенке, он устроился на сиденье, с удовольствием отхлебнул из фляги горячего, с добавлением виски, чаю. Наконец, шатаясь и стуча зубами от холода, с головы до ног занесенный снегом, до кареты доковылял и мальчишка. Ресницы у него смерзлились, а на лице виднелись подозрительные влажные следы. Джилли подумал, уж не разревелся ли парень, пробираясь по заснеженной дороге.

Мальчик схватился за косяк и, тяжело дыша и дрожа всем телом, попытался подтянуться. Джилли снова подал ему руку, предлагая помощь. Мальчик отшатнулся, закрыл лицо руками и тяжело вздохнул; потом все-таки сжал руку Джилли, и тот втащил его в карету, тут же стуком по крыше приказав кучеру трогаться.

— Ты что, плыл через сугробы, что ли? — удивлялся Джилли, с трудом стягивая промокшее пальто — оно будто прилипло к рукам и спине мальчика. — Я слышал, в Итарусе есть особый вид спорта для скукающих господ: толкать перед

собой сани. Да и то, думаю, никому из них не удавалось собрать на себе столько снега.

Джилли вытащил из корзины шерстяное одеяло и укутал мальчика, потом подал ему флягу:

— Выпей. Это поможет тебе согреться.

Зубы мальчишки лязгали о горлышко фляги, но после пары глотков щеки его чуть зарумянились. Он поднял на Джилли взгляд, полный мольбы и недоверия одновременно.

— Могу я как-нибудь добраться до Итаруса?

— Если продашь все, что стащил из дома Ласта, и свой меч, то, может, и наскребешь достаточно денег. Только что тогда? Окажешься совершенно один в погоне за Ластом, за Янусом в стране, языка которой не знаешь. В стране отравителей и дуэлянтов, которые сделают из тебя котлету прежде, чем ты доберешься до цели.

Мальчик отвернулся, набрал в легкие побольше воздуха и задержал дыхание. Руки на коленях судорожно сцепились.

— А если я останусь...

— А если останешься, то пересидишь зиму в тепле, уюте и сытости, у человека, который расскажет тебе все о жизни при дворе и об аристократах — и, быть может, даже станет помогать тебе. — Джилли взял у мальчика флягу и хлебнул — не столько чтобы согреться, сколько из желания просто глотнуть виски. Он чувствовал себя сводником.

Мальчик плотнее завернулся в одеяло и уткнулся в него лицом, словно птица, прячущая под крыло голову.

На сей раз Джилли не чувствовал необходимости прерывать тишину поездки и все темнеющего неба.

В дверях ждала Хрисанта. С кислым видом она сообщила:

— Барон ждет вас, аж весь бьется в истерике. Думает, вы свалились в какую-нибудь канаву.

Джилли направился напрямик в библиотеку, отряхивая комя снега, налипшие на рукава и волосы. Позади слышались шаги мальчика, но слуга не стал оборачиваться. Пусть парень сам выбирает свою судьбу.

Джилли опустился на колени.

— Как прошел день, старый развратник? Хрисанта вколола вам элизию?

— Чуть не оставила иглу у меня в вене, глупая корова. Зато ты вернулся — и привез с собой мальчика! — Барон потрепал Джилли по щеке. — Мы устроим торжество. Позови повара.

Джилли шел назад в библиотеку, и в ушах у него звенело недовольное бормотание повара. Донесся голос Ворнатти:

— Теперь видишь, мальчик: мы тебе не лгали.

В ответ парнишка, ни слова не говоря, вывернул карманы и принялся раскладывать перед Ворнатти словно подношения ценные безделушки, которые стянул у Ласта. Барон протянул руку и поднял маленькую хрустальную фигурку.

— Баксит. Ничего удивительного. Некоторые люди слишком упрямы, чтобы отказаться от прошлого.

— Можете забрать, — сказал мальчик. — И две другие вещицы тоже. В качестве платы за мое проживание и пищу.

Джилли изогнул бровь в ожидании ответа Ворнатти. Ему стало любопытно, позволит ли он мальчишке купить статус гостя.

— Я не беру постояльцев. И у меня довольно безделушек, — произнес Ворнатти. — Оставь их у себя, украсишь свою комнату.

Мальчик глубоко вздохнул и отошел к камину, глядя на снег за окном. Наконец, двигаясь неловко, словно раненый, он вернулся к Ворнатти, держа ладонь на рукояти меча. Джилли было занервничал, но мальчик лишь собрал выпавшие карамельки на блюдо и снова отступил.

— Значит, ты остаешься? — спросил Ворнатти. Потянувшись к юноше, он зарылся пальцами в его волосы, принялся ласкать темные, мокрые от снега кудри.

С видимым усилием мальчик заставил себя стоять недвижно. Он снова бросил быстрый взгляд на камин, на меховое пальто, роняющее хрустальные слезы тающих снежинок, потом на Хрисанту, с ворчанием тащившую тяжеленный от снеди поднос, — и наконец вымолвил:

— До весны.

4

— Я не стану этого делать, — заявил мальчик, пятясь от Джилли, ближе к спасительной двери.

Джилли, взмокнувший от натуги, вылил в ванну Ворнатти очередной чайник горячей, почти кипящей воды и, откинув с лица влажные волосы, оценивающе воззрелся на мальчишку. Тот стоял как вкопанный, словно нервный конь, с нескрываемым ужасом оглядывая округлый мраморный сосуд.

— Станешь, — настаивал Джилли. — От тебя разит. И еще у тебя наверняка вши. Эти две вещи Ворнатти не очень-то по нутру. Тебе повезло, что до сих пор он был столь терпелив. Меня отдраили в первую же секунду появления в его доме. А ведь я был куда чище тебя.

— Если вымыться зимой, непременно умрешь, — сказал мальчик, снова делая шаг назад, когда содержимое очередного чайника вылилось в ванну.

— Глупости, — возразил Джилли. — Моя мать мыла нас всех раз в неделю, независимо от времени года. Ворнатти принимает ванну ежедневно, а ты видел, в каком он почтенном возрасте.

— Я не хочу купаться, — упорствовал мальчик, сторонясь, словно брезгливый кот. — Если моя вонь его отпугивает — тем лучше.

Джилли закричал, поднимая очередной полный чайник.

— Ты выкупаешься. У тебя два варианта: или я усажу тебя в ванну насильно и отмою, — он не обратил никакого внимания на то, что мальчишка с рыком принялся вытаскивать из ножен меч, — или оставлю одного с куском мыла и чувством собственного достоинства. Подумай, мальчик, даже если тебе удастся избежать купания сегодня — все равно тебя застанут врасплох и вымоют. Барон, может, и стар, зато у него острое обоняние.

С грохотом опрокинув последний чайник, Джилли вытер руки о штаны и открыл стенной шкаф.

— Здесь всякое домашнее платье. Надень что-нибудь, пока сохнешь, и тогда не простудишься. Позже подберем тебе подходящую одежду.

Парень по-прежнему таращился безумными глазами, и Джилли, вздохнув, постарался унять раздражение в голосе. Ему подумалось, что мальчишку, выросшего в городских трущобах, должно пугать погружение в воду.

— Я оставляю тебе ключ от двери. Знаешь, парень, некоторые люди, я в том числе, вовсе не против принять ванну на ночь после холодного дня. Вода очень приятная, если не дать ей совсем остыть. — Он положил ключ рядом с ванной и вышел.

Мальчик так и стоял в мечом в руке, глядя на поднимающийся над водой пар.

Хлопок двери вывел мальчика из состояния неподвижности. Он крепко сжал ключ в кулаке, потом обернулся к двери, заперся, проверил надежность замка и положил меч на широкую скамью. «Должно быть, Ворнатти садится сюда и снимает с себя одежду. Нет, — сменила эту мысль другая, — он сидит здесь, а Джилли его раздевает».

Мальчик осторожно коснулся дымящейся воды — от пальцев поднялась небольшая рябь. Он сунул пальцы в рот и уселся в кресло Ворнатти. Стягивая ботинки, мальчик на миг замешкался, еще раз обернулся на дверь, подошел и прижал к ней ухо, прислушиваясь. Толстая древесина отозвалась глухим молчанием.

Тогда мальчик робко поднялся и развязал грубую холстину, что служила ему поясом. Переступил упавшие ниже колен штаны. Запятнанная льняная рубашка окутывала его от шеи до бедер. Поколебавшись еще мгновение, мальчик жестом фокусника стянул и ее.

И, словно по мановению волшебной палочки, все вмиг изменилось. Только что перед ванной стоял замызганный тощий мальчишка-подросток — и вот уже разматывала грязную ткань, что стягивала набухающую грудь, юная девушка. На ее боку запеклась кровь, рана же давно зажила. Девушка дотронулась до грязной бурой корки, потом, нахмурившись, прикоснулась к розовому следу, оставленному плетью.

Взяв мыло, она затаила дыхание — и шагнула. Мгновение дрожи, когда ее окатили жар воды и одновременно холодный поток воздуха, сменилось спокойствием, и она опустила в ванну.

Собравшись с духом, девушка глубоко вдохнула и погрузилась в воду с головой, а вынырнув, внезапно почувствовала движение воздуха в комнате. Она резко обернулась, так что вода выплеснулась на пол, и схватилась за край ванны. Ворнатти, смеясь, прикрыл за собой дверь.

— Не это ли ты ищешь? — спросил он, медленно подступая ближе с ее мечом в руке. Глаза его сияли.

— Убирайтесь, — сказала девушка, судорожно вцепившись в мыло.

— Тебе многому еще предстоит выучиться, — самодовольно проговорил барон. — Теперь ты выучилась двум вещам: одна — что запертую дверь всегда можно отпереть. Имей это в виду, если хочешь сохранить свои тайны. Вторая — всегда держи меч рядом. Что пользы в клинке, каким бы острым он ни был, если он вне досягаемости?

Ворнатти неловко опустился на скамью и наклонился, скользя взглядом по ее телу.

— Так значит, ты девушка. — Барон улыбнулся. — Слишком давно у меня не было девушек.

Она швырнула в барона мылом. Ворнатти, поморщившись, поднял меч и рассек летящий в него кусок.

— Элизия лишь уносит боль — она не возвращает молодости. Этот меч — оружие юноши.

— Он мой, — произнесла девушка, поднимаясь из воды и выхватывая меч у барона.

— Прости, — кивнул Ворнатти. — Только скажи мне: случай или замысел твой повинны в том, что мы приняли тебя за юношу?

Надев халат, девушка угрюмо опустилась на пол у камина.

— Я же не дура. Девушка с мечом — отличная приманка для тех, кто захочет его отобрать.

— Значит, ты собираешься сражаться с Ластом как мальчик.

— Разве он станет драться с девчонкой? Вряд ли. Думаю, он снова прикажет кучеру сбить меня с ног хлыстом и поедет своей дорогой. — Говоря, она задумчиво постукивала острием клинка

по каминной кладке, кусочки кирпича, откалываясь, разлетались кровавыми брызгами.

Ворнатти нагнулся и положил руку ей на плечо.

— Как тебя зовут, девочка? В конце концов, мы должны стать ближе друг к другу. Мне хотелось бы знать, как к тебе обращаться, как тебя называл Янус... — Ворнатти смолк, когда меч прижался к дряблой коже его шеи.

— Как называл меня он, не имеет значения. Та девочка мертва. И вам не нужно мое имя, чтобы держать меня под каблуком. Ведь я вряд ли когда-нибудь окажусь вне вашей досягаемости. Разве что... — Меч совершил едва заметное выразительное движение.

— Ты убьешь меня? И что тогда? Сбежишь из моего дома назад в снега и снова будешь в отчаянии, как и до знакомства со мной?

— Сначала я здесь все обчищу, — заявила девушка, вставая и убирая меч; на бледной коже барона осталась полоска кирпичной пыли.

— А про Джилли ты забыла? Мне ведь достаточно только позвать. И тогда в твою тайну будет посвящен еще один человек.

— Быть может, он скажет мне «спасибо», если я вас прикончу, — предположила девушка.

— Неужели? И отправится назад на ферму, откуда он родом, и похоронит свой острый ум в земле? Станет в одиночестве возделывать поля рядом с могилами своих родных, которые все до единого умерли от чумы? У него нет никого — никого, кроме меня, и ничего, кроме того, что даю я. Он принадлежит мне настолько же, насколько мои лошади, которые будут страдать, если отпустить их на волю. — Отведя лезвие в сторону, Ворнатти коснулся лица девушки, затем шеи. — Не так уж много мне от тебя нужно. Всего лишь имя.

Девушка содрогнулась, когда пальцы барона скользнули в вырез ее халата, стиснули грудь, коснулись изогнутого шрама на боку.

— Я не назову его.

— Ты слишком худенькая, — заметил Ворнатти, отпуская ее. — Пусть Джилли кормит тебя получше. Если бы мне хотелось погладить кости, обтянутые кожей, я бы довольство-

вался собственными и не связывался с несносными девчонками и мальчишками.

Он тяжело опустился на скамью. Воспользовавшись моментом, девушка переместилась на безопасное расстояние.

— Так скажи, девочка, — продолжал барон ослабевающим голосом. — Мне приказать Джилли подыскать тебе панталоны — или юбку?

— Панталоны, — отозвалась она.

Ворнатти воспрянул.

— Что ж, признаюсь, я рад не делиться с Джилли твоим секретом. Он чертовски охоч до женского пола. Думает, я не знаю, что он спускает все свое жалование в деревеньке Грастон на приветливых служанок в местных пивных.

Барон закашлялся, потом принялся, изучая кипу одежды.

— Ты перетягиваешь грудь? Эти ничтожные бугорки? Тут я смогу тебе помочь. Одна из моих... подруг была актрисой, специализирующейся на мужских ролях. Пожалуй, ее корсет подойдет для таких целей лучше, чем целый рулон ткани. Ну же, девочка, разве ты не хочешь меня поблагодарить? Не каждый мужчина станет помогать девушке в деле мести...

Он похлопал себя по щеке, потом дотронулся до рта. Поплотнее завернувшись в халат, девушка наклонилась и коснулась губами его щеки и губ. Ворнатти улыбнулся.

— Я скажу тебе еще одну вещь, раз уж ты будешь мальчиком: чтобы сыграть роль, нужно в нее поверить. Ты должна забыть, кто ты. Наша страна кишит сплетнями и пересудами, даже о таких ничтожных бродяжках, как ты.

— Ту же ошибку совершил Критос, когда счел меня достаточно ничтожной, чтобы оставить в живых, — отозвалась она — нет, он; прорвавшаяся в голосе ярость стерла улыбку с губ Ворнатти.

Джилли, который ожидал у двери в покои барона, вошел, едва услышал стук захлопнувшейся двери. Ворнатти, задыхаясь, доковылял до кресла-каталки. Джилли взялся за ручки и повез барона к кровати. Ворнатти хохотал.

— Джили, ты и не представляешь себе, какой приятный сюрприз под этим слоем грязи...

Дверь в ванную с грохотом распахнулась, из нее показался мальчик, облаченный в старые штаны и рубашку Джили, из которых тот давным-давно вырос. Бросив на Ворнатти взгляд наполовину гневный, наполовину опасливый, мальчик удостоил слугу мрачным, исполненным одной лишь ярости, взором, перед которым тот отступил.

— Я устал, Джили, — проговорил Ворнатти, воздев руки. — Я не буду ужинать.

Джили уложил старика и отправился вслед за юношей. Тот оказался недалеко. Выйдя из покоев Ворнатти, Джили отпрянул и прижался спиной к двери: на уровне груди на него смотрел клинок.

— Ключей было два, — проговорил мальчик. — А ты убедил меня...

— Хватит, — оборвал Джили, слишком уставший, чтобы осторожничать. Он увернулся от меча и со стремительностью дикой кошки перехватил запястья мальчика. Тот пнул Джили в голень. Вспомнив, как когда-то возился со вспыльчивым младшим братом, тот резко выкрутил руки, заставляя мальчишку выронить меч. Его противник продолжал борьбу, извивался и кусался, так что Джили, подняв его за запястья, принялся раскачивать в воздухе. — Хватит, — повторил он. Такая мера всегда действовала на брата, на драчливых собак и диких кошек. Сработало и теперь. Мальчик обмяк на весу и лишь слегка подергивался.

Джили отпустил его. Мальчик рухнул на пол и снизу вверх устремил на обидчика сверкающий гневом взгляд. Джили поморщился.

— Извини, — бросил он и взял меч: изогнутая гарда оцарапала костяшки пальцев. Казалось, само оружие что-то нашептывает его ладони. — Вот, — сказал Джили, — забери. — И вложил меч в руку мальчишке, пожалев, что вообще прикоснулся к оружию. Казалось, этот меч не был выкован из стали; нет, он таким и родился, без многократной закалки, сразу — и родился злобным. Возможно, он и *впрямь* божественного происхожде-

ния, только подобные вещи весьма редки и ревностно охраняются. Джили сжал кулак, силясь избавиться от чувства, оставленного мечом. С растущим беспокойством он наблюдал за тем, как мальчик прячет клинок в ножны. Где ему удалось отыскать такое оружие? Джили понимал, что спрашивать бесполезно: ответа ему не дожидаться.

— Ты голоден? Обед на столе. Снова оленина. Зимой почти всегда одна сплошная оленина. К весне тебя будет от нее тошнить.

Мальчик стоял как вкопанный.

— Я не голоден, — сказал он.

— Да ты же просто кожа да кости, — возразил Джили, попутно размышляя, обречен ли он вечно препираться с этим мальчишкой.

— Он тоже так сказал. Как будто я стану обрастать мясом, только чтобы доставить удовольствие этому развратному... — Мальчик резко замолчал, глаза его гневно сверкнули.

Джили взял мальчика за локоть и повел в библиотеку. Ему хотелось если не подружиться с новым хозяйским фаворитом, то хотя бы сосуществовать с ним в мире — если, разумеется, крутой нрав мальчишки не станет тому помехой. Руководствуясь этой целью, Джили сказал:

— Я знаю один способ улучшить тебе настроение.

Он провел мальчика мимо книжных полок к обледеневшим дверям. Они вышли в зимнюю ночь; теплый пар от их дыхания тянулся следом словно призрак.

Джили нагнулся и поднял с земли горсть раскрошенного, припорошенного снегом мрамора.

— Это старая облицовка дома. А вот так я предпочитаю вымещать гнев. — Он выбрал несколько осколков, взвесил их в руке и, замахнувшись, метнул в сад словно снаряды. Камни ударились о ближайшее дерево. С веток посыпались мелкие сосульки.

Джили подобрал еще горсть, вспоминая, как Ворнатти давал ему наказ относительно ключей и ваннных комнат, и обрушил еще один дождь из сосулек на землю, топя свою вину в звоне ледяных брызг.

Следующий камень, холодный и влажный от снега, он подал мальчику.

— Представь, что ты отбрасываешь прочь свой гнев, свое недовольство. — В эту игру Джилли тоже играл с младшим братом, которого почти никогда не удавалось успокоить, зато можно было отвлечь, так что он на время забывал о своем дурном настроении.

Мальчик закрыл глаза, стиснув зубы с такой силой, что шрам вспыхнул красным, и — бросил. Описав ленивую дугу, камень несильно ударился о дерево. Каскадом брызнули сосульки. Прежде чем Джилли успел подать мальчику новый камень, соседнее дерево уже зазвенело ледяными зубчиками. А потом еще и еще, пока один-единственный кусок мрамора не устроил в саду целый ледяной ливень. Дрожали и осыпались все деревья, без исключения. Джилли судорожно глотал воздух при виде сверкающих руин, в которые мальчик обратил все вокруг.

Ворнатти, шурша бумагой, разворачивал у себя на коленях некое послание. Джилли заинтригованно следил за движениями барона. Обычно старый мерзавец передавал всю почту ему — чтобы рассортировать сплетни, счета, доклады Ариса относительно прибыли, поступившей в Итарус, и предпринять необходимые действия в ответ на редкие деловые письма. Однако же это послание было написано не на плотной антирской бумаге сливочного оттенка, как обычно, а на бумаге бледно-голубой, полупрозрачной — так что просвечивали ряды убористых букв.

— Что ты думаешь вот об этом? — поинтересовался Ворнатти, передавая Джилли письмо.

В другом углу библиотеки мальчик оторвался от изучения одной из книг Ворнатти.

— Прочти это письмо вслух, Джилли, раз оно занимает нашего юного друга.

Мальчик захлопнул книгу, не потрудившись заложить страницу. Да и зачем ему, подумал Джилли: ведь он может лишь разглядывать картинки, а не разбирать текст.

— Джилли, — предупреждающе повторил Ворнатти.

— Сэр, — начал Джилли. — Но это же из Итаруса, — удивленно заметил он. — Как вы...

— У меня немало возможностей, Джилли. На твоём месте я бы об этом не забывал. — Ворнатти прикрыл глаза. — Читай же.

— Это копия письма Критоса Ласту, — пояснил Джилли. Мальчик напряженно замер. Джилли наклонил письмо так, чтобы свет от камина лучше освещал вычеркнутые слова.

Кузен Мишель,

Я признателен Вам за то, что Вы прибыли в Итарус по моей просьбе, однако я не рассчитывал, что Вы станете терять время попусту на развлечения при иностранном дворе и оставите меня один на один с Вашим неуместно и незаконно рожденным, раздражительным сыном. Он неуправляем. Дикая собака испытывала бы большую благодарность на его месте. Бешеное животное было бы не столь свирепо. Нам пришлось запереть его в башенке на крыше, чтобы положить конец его попыткам к бегству. Если бы мы были не на Ледяном острове, он бы наверняка преуспел. Я даже не могу зайти к нему в комнату без того, чтобы не подвергнуться нападению.

Ваше предложение начать угрожать ему и добиться послушания через страх весьма заманчиво, однако он не настолько слеп. Он знает, что нужен Вам живым — а чем еще Вы прикажете мне ему угрожать? К голоду, холоду и побоям он безразличен, хотя они и помогают ослаблять вспышки его бешенства.

Нет, кузен, если Вы тешите себя надеждой, что сможете выпустить его в итарусинский свет, а потом и в наш, Вам понадобится помощь. Честно говоря, я в высшей степени сомневаюсь, что его когда-либо удастся приучить к нашему образу жизни. Я умываю руки и не намерен больше заниматься его воспитанием. Я беру на себя лишь обязанности его тюремщика. Если вы желаете большего, понадобится Ваше участие.

Критос.

Мальчик вскочил, у него тряслись руки.

— Критос. — От ненависти, что прозвучала в голосе, в комнате сгустился мрак, повеяло холодом, и даже кружок света, что падал на каминный коврик, как будто потускнел.

— Где вы его раздобыли? — спросил Джилли, вертя письмо в руках в надежде отыскать имя отправителя.

— Вопрос ненависти, — пояснил Ворнатти. — Ласт ненавидит меня. Как и мой наследник Данталион. На этой почве они поддерживают отношения, по крайней мере в дни Зимнего двора. Пара пустяков заплатить кому-нибудь из слуг Данталиона, чтобы он скопировал любые интересующие меня письма.

— Там есть что-нибудь еще? — спросил мальчик. — Ласт отправился помогать Критосу?

Джилли наблюдал, как нервная дрожь пробежала от рук мальчишки вдоль позвоночника и унялась, теперь он стоял неподвижно, словно изготовившийся прыгнуть кот.

— Какая жадность, — посетовал Ворнатти. — Я раздобыл поразительное количество информации, причем не сходя с кресла, а ты только и делаешь, что просишь еще. Не хочешь меня поблагодарить?

— Ваши интриги и без того доставляют вам огромное удовольствие, — парировал мальчик. — Рассказывайте.

— До меня дошли слухи, что Ласт уединился на Ледяном острове, — сообщил Ворнатти.

Лицо мальчишки моментально приняло каменное выражение, без всякого намека на эмоции, однако за миг до того Джилли заметил, как на нем промелькнуло беспокойство, словно парень и сам не знал, обернется ли приезд Ласта добром или злом.

— Ну же, теперь подойди и поблагодари меня, — позвал Ворнатти. — Или ты столь же невоспитан, сколь и отпрыск Ласта?

— Я еще хуже, — ответил мальчик.

Ворнатти захохотал.

— С чего ты это взял, мальчик? Тебя обуздали, одомашнили с помощью еды и теплой одежды. Единственное, что ос-

талось в тебе от твоей независимости, — упрямый отказ называть нам твое имя.

Мальчик взглянул в окно на голые деревья в саду. Этой зимой сосулькам не давали вырасти — каждое утро их сбивали камнями. Черная ярость в глазах мальчика отступила, он покорно забрался на колени к Ворнатти и поцеловал его. Барон погладил черные кудри, но как только рот старика на миг оторвался от губ мальчика, чтобы сделать вдох, тот уже был в другом углу комнаты — в скрюченных пальцах барона осталось только воспоминание о мягких черных прядях.

— Джилли, — улыбнулся Ворнатти. — Я устал.

Джилли послушно поднялся, аккуратно сложил письмо вдвое и положил на письменный стол.

В библиотеку он вернулся час спустя, разгоряченный, на ходу оправляя одежду, и снова наткнулся на мальчика. Джилли поспешно заправил рубашку в штаны, в очередной раз смущенный взглядом этих темных глаз.

Ища возможности отвлечься, Джилли решил обратить внимание на мальчика, растянувшегося у камина с книгой. Джилли до сих пор помнил, с какой растерянностью впервые прикоснулся к непостижимым тайнам букв и слов.

— Хочешь, я научу тебя читать и писать? — предложил Джилли.

Мальчик приподнялся на локте.

— Неужели ты думаешь, что я прихожу сюда, чтобы разглядывать картинки? — Он передал книгу Джилли.

То были не излюбленные порнографические гравюры Ворнатти. Книга представляла собой сплошной текст — научный трактат Софии Григориан о редких ядах, применяемых при итарусинском дворе.

— Ты хочешь сказать, что умеешь читать?

— Я говорю, что умею. Равно как и писать. — Губы мальчика искривила характерная усмешка, которую Джилли уже начинал узнавать. Она предвещала одно из наихудших его настроений. Вести из Итаруса пришлось ему не по вкусу, подумал Джилли. Вопреки всему мальчишка надеялся, что Янус вернется в этом году.

— Вот видишь, ты мне совсем не нужен, — продолжал мальчик. — Я сам умею читать чертовы буквы. И помощи грязного Ворнатти мне тоже не требуется.

Слова мальчишки пробудили в Джилли воспоминания о недавних нежных прикосновениях к его коже, что расточал барон.

Рывком поставив парня на ноги, слуга вручил ему перо и ита-русинский конверт.

— Докажи. Напиши мне что-нибудь.

— Все, что угодно, — с вызовом произнес мальчик.

— Все? — ухмыльнулся Джилли. — Даешь слово?

При виде этой улыбки мальчик заколебался. И все же, вздернув подбородок, ухмыльнулся еще шире:

— Все, что угодно.

— Твое имя.

Лицо мальчишки застыло. Он прошептал:

— Ублюдок. И ты тут же побежишь к нему и скажешь, да?

— Ну, если ты не умеешь... — протянул Джилли, подливая масла в огонь.

Мальчишка обмакнул перо, стряхнул излишки чернил и согнулся над бумагой с некоторой неловкостью, выдающей недостаток навыка. Но чернильные завитки ложились на шелковистую бумагу гладко и быстро, так что Джилли, затаив дыхание, читал буквы по мере их появления.

Мальчик отступил, поклонился и, бросив на стол перо, брызнувшее чернильными капельками, вышел из библиотеки. Все это он проделал столь плавно и вкрадчиво, что исчез прежде, чем Джилли оторвал взгляд от единственного написанного на бумаге слова, якобы настоящего имени мальчика.

Маледикт.

Джилли проснулся от храпа Ворнатти над ухом. Откуда-то по коридору разносился протестующий скрип передвигаемой мебели. Джилли сонно подумал, что, должно быть, мальчика снова что-то расстроило, потому прошлой ночью он возвел баррикады — или же просто решил стащить кое-что из мебели из других комнат. В его покои уже переселилось канапе, а однажды Джилли

застал юношу за попыткой спустить по широким скользким ступеням лакированный столик. В тот раз Джилли отнес его вниз сам, только парень, подозрительный, как насадка на яйца, умудрился протащить стол к себе без помощи слуги. Мальчишка — *Маледикт*, поправил себя Джилли, сразу проснувшись, опять пал духом. Имя звенело в ушах зловеще, словно голоса безумных медиумов и ведьм.

Узловатые пальцы Ворнатти нащупали ляжку Джилли.

— Кто бы мог подумать, — проскрипел барон, — что мальчик найдет столь банальный способ развлекаться всю долгую холодную зиму.

Джилли улыбнулся, однако, когда руки Ворнатти потянулись выше, вырвался, освобождаясь от удушающего веса пуховых одеял и мехов.

— Я разведу огонь, — сказал он.

— Повремени, — остановил Ворнатти. — В последнее время я не так уж часто просыпаюсь с тобой в одной постели. Любопытно, что толкнуло тебя в мои объятия прошлой ночью?

Джилли пожал плечами, подбросил щепок на красные святившиеся угли, дал им немного разгореться и подложил первое полено.

— Это не ответ, Джилли. — Настроение барона скисало одновременно с его же тоном. Вдруг старик задохнулся. Джилли понял, что его боли вновь напомнили о себе.

Джилли размешал ложку «Похвального» в остатках вчерашнего вина.

— Выпейте.

Ворнатти залпом осушил бокал.

— Скажи мне, почему, Джилли. Тебе нужно от меня нечто из ряда вон выходящее?

— Я вам не шлюха, — возразил Джилли, с такой силой вогнав крышку в пузырек, что печать треснула у него в руках.

— Скажем, не только шлюха, — насмешливо поправил его Ворнатти. — Вокруг полным полно достаточно умных молодых людей. И полным полно — достаточно усердных. Гораздо меньше тех, кто сочетает в себе и то, и другое. И нежных... — Ворнатти прикоснулся к жесткой щетине на щеках Джилли,

раздражительность в его голосе постепенно сходила на нет. — Что тебя напугало? Мальчик?

— Полагаю, — ответил Джилли, — я не хотел оставаться в темноте один на один с мыслями о мальчишке.

— Зато сколь обворожительная компания! — не без злорадства заметил барон.

Джилли опустил ся на колени возле кровати, отыскал туфли и надел их хозяину на ноги. Не поднимая головы, он проговорил:

— Сэр, вам никогда не приходило в голову, что все это может быть опасно? Мальчик... иногда он кажется лишь вспыльчивым подростком, иногда же — необыкновенным, а его гнев — сверхъестественным. И этот меч с вороньими крыльями — словно Чернокрылая Ани...

— Черная Ани, — проговорил Ворнатти. В его голосе Джилли уловил воспоминания о минувшем. Каково было жить под прищмотром богов, гадал он.

— Меч, жажда отмщения. Его воля. Его решимость. И даже имя. Ани могла...

— Боги мертвы, Джилли. Каждый, кто участвовал в последней битве при Ксипосе, знает это. Сам Ксипос тому доказательство; люди приносили жертвы, жестокие и великие, — и погибали, смешанные с грязью и кровью, хрипло взывая к милосердию Хаит и ничего не слыша в ответ. Меч — *ничто*. Мальчишка стянул его у какого-нибудь беспечного дворянина, не более того. Он тащит все блестящее, словно сорока, мы в этом убедились. — Ворнатти плотнее завернулся в халат: в тех местах, где прежде была тугая плоть, теперь одежда висела мешком, обнаруживая огромные выпуклые рубцы — шрамы, что оставили на спине и бедре барона грубые железные подковы танцующего боевого коня, первопричина всех его болей и недугов.

— Но... — начал было Джилли, содрогнувшись от одного воспоминания о своем прикосновении к рукояти меча.

— Боги ушли, — сказал Ворнатти. — Таков дар Самого Баксита. Хотя некоторые клянутся, что это Его проклятие. Жить по собственному разумению. Самим отвечать на собственные молитвы.

Джилли послушно кивнул.

— Мой суеверный Джилли, я старый человек, — продолжал Ворнатти. — Я вырос во времена богов. И однажды я видел одержимого богом... Если бы этот мальчик принадлежал Ани, он скорее зарубил бы нас обоих, чем медлил перед следующим шагом. Если сомневаешься в моих словах, в библиотеке найдется старая книга, в которой полно подобных историй. Думаю, ты просто никак не выпутаешься из ночного кошмара. Полагаешь, я не слышал, как ты во сне вскрикиваешь, когда тебе снятся мертвые?

Джилли опять кивнул, на этот раз более решительно: быть может, Маледикт и впрямь всего лишь ловкий актер, умело внушающий чувство страха. Поделом ему, если он когда-нибудь схлестнется с Ластом, думал Джилли. И он выбросил из головы и меч, и ощущение, которое тот вызвал на коже.

— Но ты узнал его имя? — спросил Ворнатти. — Назови его мне.

— Маледикт, — ответил Джилли.

Запрокинув голову, Ворнатти расхохотался.

Джилли краем глаза заметил мелькнувшую тень, когда, сидя на корточках у книжной полки, перебирал почти забытые книги. Ладонь его легла на переплет одной достаточно старой, покрывшейся желто-коричневыми пятнами, с растрескавшейся кожаной обложкой. «Книга отмщений».

Над Ворнатти был не властен один, наихудший недуг старости — ненадежная память. Книга распахнулась на иллюстрированной странице, черной от чернил и нарисованных вороньих глаз. Рисунок изображал человека, который не сдастся, несмотря на пронзающие его плоть кинжалы. И снова над ним промелькнула тень; Джилли подпрыгнул, инстинктивно захлопывая книгу.

Сзади стоял мальчик, оценивающе глядя на него сверху вниз.

— Не очень-то ты заботишься о том, что у тебя за спиной.

— Я лишь слуга, — отозвался Джилли. — Мне это не нужно.

— Полагаю, что так. И не надо сражаться за пищу, одежду и собственные волосы, как детям Развалин.

— Неужели...

— Неужели я родом оттуда? Разумеется. Ты знал об этом все время, — произнес Маледикт. — Или ты думал, я вылупил-ся из яйца Ани? — Губы мальчика искривила улыбка.

Джилли смущенно вздохнул.

— Значит, Ворнатти сказал тебе.

— Ворнатти это позабавило — то, что ты меня боишься. — Лицо Маледикта помрачнело. — Вообще-то я мог уже прикончить тебя.

— Я однажды задал тебе трепку — и могу повторить урок, — Джилли постарался, чтобы его голос звучал спокойно, и мальчишка решил избежать противоречий.

— У тебя волосы спутаны, — заметил он. — В таком состоянии их никто бы не купил, даже для набивки подушек. — Мальчик положил меч, протянул руку и проворными пальцами сдернул ленту с волос Джилли. — Повернись.

Джилли неуверенно повернулся. Маледикт встал у него за спиной, развязал узел волос и провел прохладными пальцами по затылку Джилли. Тот занервничал: наиболее благодушное настроение мальчика обычно предвещало внезапный удар, столь острый и колкий, что он начинал болеть и кровоточить с опозданием.

— Что тебе нужно?

Маледикт отошел назад, широко раскинул руки и спросил:

— Скажи мне, что ты видишь?

Робко, будучи не в состоянии угадать настроение мальчика, Джилли сказал:

— Мальчика, довольно миловидного, чтобы привлечь внимание, и довольно взбалмошного, чтобы оттолкнуть. И очень юного.

Маледикт сдвинул брови.

— Не представляющего опасности? И почему такого уж юного? Я почти достиг возраста мужчины.

— Ты не носишь меча, — ответил Джилли. — А в силу твоей хрупкости и высокого голоса люди всегда буду принимать тебя за юношу.

Маледикт опустил на скамеечку, пробежал пальцами по волосам, сначала откинув кудри назад, потом перебросив на лицо так, что остались видны лишь его темные глаза.

— Я не хотел бы, чтобы Ласт смеялся надо мной, — прошептал Маледикт. — Расскажи мне, Джилли, как научиться внушать людям страх. Ты столько всего знаешь.

Джилли сел рядом с Маледиктом, польщенный тем, что мальчик просит у него совета: это означало, что, возможно, он видит в нем больше, чем просто забаву Ворнатти.

— У тебя есть время.

— На деревьях набухают почки, щебечут певчие птицы, и день прибывает. Уже почти весна. Ласт вернется, пусть и без Януса... — Маледикт выдохнул — и казалось, вместе с воздухом из него ушла сила. Он прислонился к стеллажу, сматывая в беспокойных пальцах ленту Джилли, придавая ей новую форму — как хотел бы придать ее своему будущему. — Пусть я убью Ласта, что это мне даст, если Янус так и останется в заточении в Итарусе? Ласт отправил его туда — и лишь Ласту под силу вернуть его.

— Критос предпочел бы убить его, если бы мог, — согласился Джилли, — чем истратить на него хоть медяк. Но, вероятно, здесь можно ожидать помощи от Ворнатти.

— В последнюю очередь от Ворнатти. — Маледикт принялся мерить шагами комнату. — У Ворнатти на мой счет собственные планы и желания. Я лишь тень того, каким он хочет меня видеть. Он укрывает меня, потакает мне, шепчет слова, навевающие мечты о сладостной мести; только все они — его мечты, его месть. Не мои. Мои планы... далеки от завершения, — продолжал Маледикт. — И я не имею ни малейшего понятия, как продвинуться в нужном направлении. Я не потерплю, чтобы Ласт насмеялся надо мной, над мальчишкой с клинком. Я ни за что не выстою перед ним. Наши умения слишком не равны. И меня вовсе не радует перспектива быть зарубленным насмерть его людьми. Видишь, в каком я затруднении, Джилли? — Мальчик хорошо отрепетированным молящим жестом протянул руки вперед. — Ты же можешь ответить на все вопросы Ворнатти, неужели не сумеешь ответить на мои?

Джилли отвел глаза под пристальным взглядом Маледикта, ошеломленный его прямоотой и отчаянием. Мальчик молча ждал совета, внешне спокойный, хотя руки его сжались в кулаки.

Джилли поспешно заговорил.

— Обожди. Научись владеть мечом. Ласт в этом искусстве преуспел. А ты...

— Ворнатти пытался давать мне уроки, однако он слишком стар, а его указания бессмысленны.

— Стоит тебе лишь попросить — и барон наймет учителя, — отозвался Джилли, стараясь побороть внезапно нахлынувшее осознание собственной неверности Ворнатти. Маледикту был нужен не просто совет — ему был нужен союзник. — Главное — делать все правильно. — Он схватил Маледикта за руки, притянул ближе. — Послушай, я расскажу тебе, как управлять им.

Склонив светловолосую голову к темной шевелюре Маледикта, Джилли принялся рассказывать, неосознанно открывая тайны, в мельчайших подробностях повествуя об удовольствиях, наркотиках и вине, и о том, когда и как нужно попросить барона. Джилли сделалось неуютно от собственной лекции; он вдруг понял, что водит Ворнатти за нос, как любой другой приживальщик. Если сейчас Маледикт скажет что-то язвительное, он уже никогда не сможет говорить с ним открыто. К счастью, мальчик слушал молча и внимательно. Когда он ушел, Джилли развернулся к полке, ощущая себя сваренным заживо в собственной шкуре, и вытащил «Книгу отщепеней» в надежде отвлечься на чтение. Выяснилось, что ловкие пальчики Маледикта его опередили.

Ворнатти сидел в библиотеке в своем любимом кресле. Пламя в камине едва теплилось, и то, что барон не требовал подбросить дров, было верным признаком приближения весны. Джилли стирал пыль с книг: дворецкий уволился после того, как вошел в комнату Маледикта, не постучав, и от взмаха черного клинка и лишился галстука и некоторого количества собственной крови.

Маледикт читал вслух, сидя на полу у кресла Ворнатти и держа книгу на коленях; после каждой страницы он прихлебывал из кубка.

Правая рука Ворнатти зарылась в черные волосы мальчика, пальцы, лениво поглаживая, затерялись в спутанных кудрях.

Джилли с кисловатой улыбкой вернулся к уборке. Такой спокойный, такой фальшиво прирученный... Маледикт определенно внял совету Джилли.

Мальчик перестал читать. Книга повествовала о молодой девушке, впервые вышедшей в свет; история была якобы истинной, однако обнадеживающе неправдоподобной, судя по описаниям (с самыми жестокими подробностями) кутежей, ожидавших бедняжку на последующих страницах. В этот вечер в объяснение своего выбора Ворнатти сказал:

— Вот почему, Маледикт, каждому при дворе нужен защитник. Разумеется, у тебя есть меч и ты не девушка. Так что тебя эта история скорее позабавит, чем предостережет.

— Неужели двор впрямь столь низок? — спросил Маледикт.

— Несомненно. Нынче тяжкие времена, хотя аристократы и отказываются это признать. С тех пор, как боги умерли, люди почти ничего не боятся. И все же двор прекрасен: ведь, в конце концов, нет времени прекраснее сумерек. Вельможи встречаются в золоченых бальных залах; каждый стремится быть самым красивым, привлечь как можно больше внимания.

Ворнатти улыбнулся мальчику, взглянув вниз с высоты кресла, и продолжал:

— Кругом золотые и серебряные вещи, так что тебе сразу захочется их стянуть. Комнаты, мебель, одежды — о, их одежды достойны истинного восхищения. Каждая тень под солнцем и под луной, каждый камень из-под земли и из моря — все они там, отшлифованные и доведенные до совершенства. Кажется, будто у придворных льстецов и языки позолоченные, а манеры вышиты золотом по канве — ни единого лишнего стежка, уклоняющегося вправо или влево. Мужчины носят мечи, которые не имеют права обнажать на балах, демонстрируя свирепость, а ведь свирепости-то на самом деле многим недостает. И шепчутся, словно шуршат сухие осенние листья, обо всем, чего не смеют произнести вслух.

Ворнатти сверху вниз взглянул на Маледикта и сказал:

— Дерзкий, несдержанный язык вроде твоего, мой мальчик, возмутит их, превратит их шепот в грохот прибоя за твоей спиной.

Маледикт улыбнулся:

— Им же нравятся громкие скандалы. Вы сами мне однажды говорили. — И он легко коснулся пальцами губ Ворнатти, позволяя старику поцеловать ладонь.

— Спокойной ночи, — проговорил Маледикт, пряча руку и улыбку, и вышел из комнаты. Ворнатти смотрел вслед мальчику, пожирая глазами его стройный стан.

Джилли подошел к Ворнатти, опустил на пол, поднял почти пустой кубок Маледикта. Плеснул еще вина — рубиново-красное, оно полилось в хрусталь, словно кровь брызнула на лед из сердца.

— Он хочет, чтобы вы взяли его ко двору. Ждать там возвращения Януса, — сказал Джилли.

— Полагаю, что так.

— Он что, сумасшедший? Одно дело — помогать ему в его приключениях, выпустить, словно ястреба в поле, совсем другое — представить ко двору. — Джилли искал подход к барону столь же тщательно, сколь и Маледикт.

— А почему бы мне не позаботиться о его выходе в свет? Так я смогу заслужить его большую привязанность. Чем плохо? Я засиделся, слишком давно не варился в гуще событий.

— Ведь он даже не аристократ. Он же... простолюдин, — с трудом договорил Джилли: слово застряло у него в горле словно кость.

Ворнатти хихикнул.

— Наш мальчик далеко не прост, Джилли, и ты прекрасно это знаешь. — И барон принялся размышлять вслух: — И все же ему нужно обучаться фехтованию, танцам, умению одеваться и, само собой разумеется, манерам, хотя тебе уже удалось отучить его от самых скверных из них. И, разумеется, необходимо что-нибудь новое из одежды. Выговор у него уже довольно сносный. — При этой мысли Ворнатти принял такой вид, словно хорошее произношение было его заслугой. — Лучше всего, — проговорил Ворнатти, поглаживая пальцами губы, как будто на них сохранилось прикосновение Маледикта, — так вот, лучше всего то, что ничего из перечисленного не достигается мгновенно. Даже если он окажется великолепным учеником, в лучшем случае он преуспеет лишь к следующей весне. За счет небольших расходов на уроки и гардероб я продержу его вдвое дольше. А ты сомневался, что его будет так легко приручить.

Джилли проглотил остатки вина из кубка Маледикта, ощутив горечь. Ворнатти недобро ухмыльнулся; злорадство заплясало в его глазах, оживляя старческое лицо.

— Неужели ты не представляешь себе нашего мальчика? Неужели не представляешь лиц наших аристократов, когда он появится при дворе — эlegantный, злой и восхитительно прекрасный?

— Возможно, — допустил Джилли.

Маледикт задержался в зале — подслушивал у приоткрытой двери. Поднеся ладонь ко рту, он послал в сторону Джилли воздушный поцелуй.

— У него должно быть какое-то положение, право находиться среди них, — продолжал слуга. — Его родословная не выдержит проверки, невзирая на его внешность. — Еще одна незаметная подсказка.

— Разумеется, он будет под моей опекой. Ласт ошибочно считал Аврору незаконнорожденной и думал, что я навязываю двору самозванку. Любопытно, какие выводы он сделает относительно Маледикта.

5

Из огромного количества возможностей, открытых перед умной отравительницей, наиболее универсальна, пожалуй, всеми презираемая «каменная глотка». Это вещество нервно-паралитического действия, вызывающее удушье, весьма часто применяется для того, чтобы избавить дом от крыс, а себя — от врагов. Впрочем, существуют более изощренные способы применения «каменной глотки»...

София Григориан (?). Тракта́т Леди

Маледикт стоял молча, с непокорным видом выслушивая нападку разгневанного Ворнатти.

— Ты невыносим! — разорвался Ворнатти. — Мало того, что за два года ты переменял четырех учителей танцев, двоих из которых серьезно ранил, а одному оставил на память шрам, так что пришлось платить *Джилли* за то, чтобы он тебя обучал. Так теперь ты намерен проделать то же с новым учителем по фехтованию, что свидетельствует одновременно о неуважении и изрядном безрассудстве. Быть может, ты и обучился большему, чем мог показать тебе последний наставник, однако у Торна есть в запасе кое-что еще. Ты хоть представляешь, чего мне стоило удерживать его здесь?

— Он издевался, он назвал меня маленькой *девочкой*! — От бешенства голос Маледикта сделался визгливым.

— Почему бы и нет, — парировал Ворнатти. — Я был глупцом, думая, что это сработает. Ты ничему не научился, ничем не рискнул. Мне кажется, твоя хваленая месть — не более чем предлог, позволяющий тебе задержаться здесь, где тебя кормят, развлекают, балуют и ласкают.

— Я убью Ласти, — проговорил Маледикт.

— Мастер Торн лишь швырнул тебя на пол. Ласт проткнул бы тебя, не задумываясь.

Маледикт мерил шагами комнату. Дыхание его участилось; он жалел, что не прихватил с собой меча, и одновременно с отворачиванием к самому себе осознавал, что боится, как бы Ворнатти не вышвырнул его вон.

— Насколько я могу судить, пока ты ничему не выучился, хотя я дорого платил за твои уроки.

— Ты возмещал убытки за счет моей шкуры, — Маледикт сплюнул. — Лапал меня...

— Ты слишком высокого мнения о своих прелестях, — возразил Ворнатти. — Не хуже тебя, да еще с ангельским характером, я найду в любом борделе.

Маледикт, задыхаясь от бури эмоций, сжал кулаки — в душе боролись страх и ярость.

— Докажи, что усвоил хоть один урок, — продолжал Ворнатти. — Убеди меня, что твоя маскировка выдержит проверку. Танец, дуэль, изощренные способы применения ядов, которым я

тебя обучал, наконец! Покажи, что мои уроки не прошли даром, или же я отправлю тебя назад в Развалины!

Громко хлопнув дверью, Маледикт выбежал в сад. От ярости у него сводило живот. Нельзя выплеснуть гнев на Ворнатти без того, чтобы навлечь на себя кару, но почему бы не поквитаться с учителем фехтования за *маленькую девочку*! Кровавая пелена застила взор; Маледикт бросился за подаренной бароном шкатулкой с ядами.

Вскоре Маледикт, уже заметно поостывший, сидел в гроте в отдаленном уголке усадьбы Ворнатти, наблюдая, как десятая по счету кошка, не подозревая о смерти девяти своих предшественниц, слизывает рыбную массу. Ярость унялась, открывая юноше ясное видение пути. Мастер Торн отнюдь не дурак, он не станет есть или пить то, что подаст ему Маледикт. Придется поискать доказательство для Ворнатти где-нибудь еще. *Маленькая девочка*. Корсеты и переодевание не помогут добиться большего.

Маледикт продолжал наблюдать за кошкой. Руки его были как лед, костяшки пальцев, сжимавших хрустальный пузырек, побелели. Он удовлетворит злорадный блеск в глазах Ворнатти, докажет, что нужен ему. Ничем не рисковал? Маледикт готов рисковать чем угодно...

Кошка покачнулась, молча разинула пасть в гримасе боли и возмущения, и наконец забилась под лавку; из пасти капала слюна.

Маледикт поднял пузырек — хрусталь нагрелся в намертво стиснувшей его руке. Последние капли юноша вылил себе на язык. Глиняный привкус холодной могилы наполнил рот Маледикта, так что его чуть не вырвало, когда он проглотил. Дыхание перехватило; горло сдавило; он начал задыхаться, из глаз брызнули жгучие слезы. Звук и боль напомнили ему о битве в Развалинах, о том, как он судорожно хватал ртом воздух, а Януса уже не было...

Крепко стиснув боль в горле руками, Маледикт силился сделать вдох. Миранда пережила ту битву, ту боль — Маледикт выживет теперь. Перед глазами плясали пятна, стремление вздохнуть переросло в неистовую потребность. «Янус, — едва слышно простонал он, — Янус».

Джилли еще раз постучал, прислушиваясь к звукам в пустом помещении. Где бы Маледикт ни спрятался, это была точно не расписная комната, сочетавшая в себе тюрьму и убежище. Джилли повернул дверную ручку, ощутив холод бронзы в ладони, и вошел.

Впервые за два года он оказался внутри — впервые с тех пор, как Маледикт здесь обосновался. Джилли был почти уверен, что обнаружит в комнате немало следов кровавой мечты о мести. Слишком много ночей подряд, пробуждаясь от своих обычных кошмаров, он пересекал зал и слышал, как мальчик что-то шепчет за запертой дверью. Слуга всегда старался побыстрее миновать эту дверь, воображая, как Маледикт сидит на полу, в бреду и с остекленевшим взглядом, эдакий сумасшедший обладатель крылатого меча. Иногда по утрам Джилли поражало преображение Маледикта: вместо одичавшего от собственных фантазий безумца перед ним предстал юнец, острый на язык и неизменно готовый поддержать Джилли в его противостоянии Ворнатти, когда капризы барона становились совсем уж невыносимы.

И все же Джилли, вторгшись в комнату, думал о ее хозяине в первую очередь как о возможном убийце. Все портьеры были сорваны, открывая взору фрески с контрастными сюжетами: на стенах падал снег и цвели сады, навевала прохладу бархатная ночь и сиял ослепительный полдень. Джилли ощутил странное беспокойство; вздрогнул, встретив горящий взгляд затаившегося среди снегов волка, прежде скрытого драпировкой. Не в первый раз ему в голову пришла мысль, что вкусы Ворнатти вызывают тревогу. Под покровом роскоши таился хищник.

Взгляд Джилли переместился со стен на мебель. «Ах, так вот что стало с диваном, столиком в китайском стиле и самыми красивыми канделябрами. В самом деле, сорочья душа», — улыбнулся он. Веселье улетучилось, когда Джилли присмотрелся к низкому столику около высокой, с пологом, кровати. Меч лежал здесь — как некое свидетельство того, что Маледикт возвращался в комнату после каждого внезапно оборвавшегося урока. Рядом обнаружилась дамская шкатулка для вышивания — изящная деревянная вещица с резьбой в виде миниатюрных переплетенных

цветов. Старинная, решил Джилли. Старинная и странная. Он сомневался, что Маледикт успокаивал нервы, расшивая примулами льняные салфетки.

Подойдя ближе, Джилли обнаружил, что это шкатулка-головоломка. Много лет назад и он был охотник до подобных изысканных безделушек! Как они нравились Джилли, как он любил победное чувство, когда запертая шкатулка раскрывалась в его пальцах, подобно цветку. Он присел на краешек кровати и взял шкатулку в руки. Крышка оказалась открытой, как будто Маледикту, согласившемуся ждать и остававшемуся в доме уже не на одну, а на целых три зимы, не хватало терпения на возню со всякими мелочами.

Внутри, где полагалось находиться моткам шелковых ниток на шпульках из слоновой кости, ослепительно сверкали гранями хрустальные пузырьки — миниатюрные, крепко закупоренные творения стеклодувов. Одна ячейка была пуста. Джилли вытащил первый попавшийся пузырек и стал разглядывать дымчатое стекло на просвет. Внутри было что-то, напоминавшее крупную соль, серую от примеси пепла. В одно мгновение в сознании Джилли промелькнули воспоминания о крысином яде и мышеловках, которые отец расставлял по всей ферме. *Arsenixa. Мышьяк.*

Трясущими пальцами Джилли вернул пузырек на место. Ворнатти обучил юношу чтению и письму, хотя Маледикт уже умел и то и другое. Но Ворнатти любил давать уроки. Джилли опять бросил взгляд на маленький ящичек, и у него скрутило желудок.

Он обессилено сполз на кровать. Рука нащупала нечто более плотное, нежели перина. Откинув покрывало, он достал твердый предмет: золотое тиснение на кожаном переплете несколько потускнело: «...отмщений», — прочел Джилли. Давно пропавшая книга! Оказывается, это Маледикт унес ее в свое логово. Схватив находку, Джилли кинулся прочь из комнаты.

— Так вот ты где, — раздался голос Джилли.

Ранний вечер окрашивал воздух в голубоватый цвет, превращая фигуру Маледикта в сгорбившуюся темную массу на каменистом пятачке грота. У его ног лежали окоченевшие тени

с напряженно вытянутыми хвостами и лапами, разинутыми ртами и почерневшими языками. Пахло плесенью и дохлыми кошками.

Маледикт не спеша поднялся, покачивая на руках одну из кошек. В бледном, поредевшем солнечном свете окрас ее напоминал пыльно-серый цвет паутины. Бездушные янтарные глаза щурились и светились.

Язык в разинутой пасти животного запал назад, уши были плотно прижаты. Но до Джилли не донеслось ни одного жалобного звука. Маледикт коснулся губами головы кошки и опустил ее на каменный пол. На предплечьях юноши, выхваченных солнечным лучом, обозначились кровавые раны. Несмотря ни на что, Маледикт казался довольным собой, когда кошка шмыгнула прочь.

Джилли шагнул к Маледикту; от удара сапога стекло брызнуло по всему полу и мелкими осколками осыпалось вниз по стене.

— Какой ты неуклюжий. — Глаза Маледикта светились злорадным удовольствием, когда Джилли снова взглянул на него. Звонкий голос юноши изменился, став шершавым, хриплым, словно он выменял его на кошачий. Перед глазами возникло молчаливое животное, и Джилли поправил себя: не выменял — украл.

Он вспомнил мелькнувший в поле зрения, отлетающий прочь хрусталь.

— Яд? — спросил Джилли, думая о пустой ячейке в шкапулке.

— «Каменная глотка», — отозвался Маледикт.

— Ты подбирал концентрацию и пробовал ее на кухаркиных кошках? Чтобы найти пропорцию, которая преобразует, но не убивает?

— Я бы использовал гончих — они ближе к человеку по размерам. Только у Ворнатти нет псарни.

— Зачем?

Маледикт закашлялся, схватившись за горло. Потом уронил руки.

— Я не потерплю над собой насмешек. Ни от Торна, ни от Ворнатти.

— Ты принял яд, чтобы сделать голос грубее? — удивился Джилли. — Неужели нельзя было подождать, пока природа возьмет свое?

— Я только и делал, что ждал, — ответил Маледикт, заливаясь краской, — пока Ворнатти ворчал и лапал меня, а время все шло и шло. Приближается третья зима, а Янус все так же далек, как и прежде.

Джилли ссутулился на скамейке, дрожа от липкой влажности камня, просачивавшейся сквозь штаны.

— Быть может, его успехи в обучении ничуть не лучше твоих.

Маледикт пожал плечами, взгляд его оставался тревожным.

— Ты боишься, что он забудет тебя? — спросил Джилли.

Маледикт резко поднял голову, пораженный и испуганный. Джилли вздрогнул. Неужели мальчик никогда не думал о том, что время течет не только для него, но и для Януса?

— Если он забыл... — проговорил Маледикт; в изменившемся голосе отразилась та же пустота, что и в глазах.

Джилли поморщился от саднящей боли в груди, а Маледикт, откашлявшись и вздохнув, опустил на скамейку. Джилли ощутил едкий запах крови и пота, вновь напомнивший о попытке отравления, предпринятой Маледиктом в отношении самого себя.

Юноша повертел в пальцах выпуклый осколок стекла, потом неподвижно уставился на него.

— Меня можно забыть?

— Нет, — прошептал Джилли. Маледикт сводил с ума. Переменчивый словно ртуть. Очаровательный. Нет, такого не забудешь.

Маледикт снова закашлялся — чередой натужных отрывистых звуков, словно человек, раздувающий огонь.

— Ты как себя чувствуешь? — забеспокоился Джилли. Дрожащими пальцами он взял Маледикта за запястье. Пульс был ровный, гораздо ровнее, чем у Джилли, который не мог не замечать пепельной серости лица юноши, теплой липкой крови на руках.

— Вполне сносно, — отозвался Маледикт. Он высвободил запястье и сполз на пол, чтобы откинуть голову на спинку скамейки. С гримасой отвращения отшвырнул носком сапога дохлую кошку. — Если не считать того, что месяцы проносятся мимо, а я никуда не продвигаюсь.

Набравшись храбрости, Джилли погладил влажные темные кудри. Маледикт вздохнул и, повернувшись, опустил голову ему на колени. Джилли оцепенел, чувствуя себя так, словно дикое животное по необъяснимой причине вдруг отказалось его укусить. Он опять неловко зашевелил пальцами, поглаживая Маледикта по макушке.

— Маледикт, — словно заклинание прошептал Джилли. — Темные слова, темные пути, на сердце бремя тайны — и не на кого положиться.

— Всегда рядом ты, — раздался из-под широких рукавов Джилли, заслонивших юноше лицо, тихий-тихий, сдавленный действием яда, голос. Голос этот заставил Джилли почувствовать: доверие Маледикта — лишь далекий призрак, хрупкий, готовый испариться в любую секунда. Пальцы Джилли принялись распутывать темные волосы.

Не без сожаления он заставил себя заговорить, указывая Маледикту на сочившиеся кровью руки, на кошачьи трупки, от которых нужно избавиться, прежде чем кухарка обнаружит их и потребует расчета, и на то, что время уже слишком позднее — сидеть в сыром гроте чревато простудой.

Джилли не позволил Маледикту помогать с уборкой кошек, боясь, как бы запах смерти не добрался до мальчика и не расстроил и без того слабый контроль над действием яда. Потому Маледикт остался наблюдать со стороны; руки его были обвязаны широкими полосами ткани, оторванными от рубахи Джилли, а глаза оставались тусклыми и непроницаемыми, как камни грота. И все-таки Джилли казалось, что он слышит тихий звук густых капель — так кровь сочится на землю. Быть может, то были лишь призрачные шаги мертвых тварей, которых Джилли сгребал в мешок, быть может — едва различимое тиканье невидимых часов, отсчитывающих мгновения до той минуты, когда Маледикт должен будет действовать.

6

*Маледикт крался, шпионил, следил,
Взгляда его не избег ни один,
Сколько секретов он купил?
Раз... два... три...*

Детская считалка

Ворнатти отодвинул тарелку с обедом: жареная курица, разорванная пополам, так и осталась не съеденной. Барон обратился к Маледикту:

— Похоже, у тебя с аппетитом все в порядке.

— А почему бы нет? — облизывая пальцы, проговорил Маледикт с хрипотцой дикой кошки.

Ворнатти дал ему оплеуху.

— Как ты ведешь себя за столом!

Маледикт взвился со своего места, словно намереваясь дать сдачи.

Джилли тихо, предупреждающе произнес:

— Мэл.

Он подумал, что за эти холодные месяцы, что прошли с самоотравления, нрав Маледикта стал еще более крутым. Или, быть может, так казалось из-за необычной грубости голоса — голос уже сам по себе, без слов, внушал угрозу. Джилли решил, что теперь Ласту вряд ли захочется рассмеяться, если он встретится с юношей и его мечом.

— Подумать только: я полагал, что тебе по силам роль вельможи! — продолжал Ворнатти. — Собакам положено себя вылизывать. Людям — нет.

— Но ведь я ваша собака, разве не так? — спросил Маледикт, явно едва сдерживая собственную ярость. — Вы же приучили меня повиноваться.

Прежде, чем Ворнатти обдумал ответ, Джилли встал на колени у кресла барона.

— Скажите, господин, чем мы так рассердили вас? — Что-то неуловимо пошло не так, некое равновесие нарушилось; с

тех самых пор, как Маледикт отравился, Ворнатти впадал то в приступы гордости за успехи мальчика на своих уроках, то в гнев при малейшем неповиновении. Джилли гадал, уж не испугал ли удачный эксперимент Маледикта с ядом и самого Ворнатти. Он тяжело вздохнул. *Капризы!* Настроение барона, как всегда, зависело от боли, элизии и обстоятельств — не от предрассудков.

Глубокие морщины на лице Ворнатти немного разгладились под воздействием примиряющего тона Джилли. Барон провел пальцем по его подбородку, затем по шее. Маледикт прислонился к стене; его молчание, даже само его присутствие, его внимательный взгляд давили, вгоняли в краску.

— Я получил весточку от Ариса, — наконец сообщил Ворнатти. — У меня есть его соизволение представить своего протеже ко двору без рутинной и никому не нужной проверки манер и одежды. Арис, — заметил Ворнатти, — отвечает одолжением на одолжение.

В ответ на вопросительный взгляд Маледикта Джилли произнес:

— При случае наш господин... подгоняет цифры в финансовых отчетах Ариса Итарусу — в пользу Антира.

— Впрочем, похоже, одобрение Ариса не так уж важно, — продолжал Ворнатти. — Сегодня я получил еще и листовки. Взгляни-ка на них — и скажи мне, что видишь.

Барон выудил из кресла сложенные листы и передал их Джилли. Джилли, аккуратно разглаживая сгибы, расправил листовки на столе. У него перехватило дух. Пуль, скандально известный художник, нынче обратил внимание на приближенных короля.

Большую часть первой страницы занимала карикатура: детально прорисованный король с книгой в одной руке и поводком в другой; борзые с именами придворных или названиями политических группировок, вроде «Итарус» или «антимеханики», беспорядочно бегали вокруг, дрались, совокуплялись, гадили во дворце. Плакат назывался «Ученый король».

— Пуль что, совсем рехнулся? — спросил Джилли. — Его арестовали?

— Нет, — отозвался Ворнатти. — Ариса этим не проймешь. Презрение ко двору и газетам в равной степени давно уже вошло у него в привычку.

Джилли со свистом втянул ртом воздух, собираясь заговорить, однако Маледикт опередил его, проявив больше смекалки, чем Джилли ожидал:

— Значит, милость короля не гарантирует моего признания? А без него мне никак не добраться до Ласта.

— На карту поставлена не только твоя месть, но и мое положение. Если мой подопечный будет отвергнут — а меня уже однажды оттолкнули, — я больше не стану терпеть. Джилли! Мы должны заручиться признанием. Поедешь в город и отыщешь гарантии поддержки. Мне нужно, чтобы кто-то из советников — Лавси, Де Герр или Вестфолл, — встретил нас с распростертыми объятьями. Делай все, что нужно. И раздобудь то, что нужно.

— Уехать отсюда?

— Маледикт позаботится обо мне, разве нет? — Ворнатти обменялся с Маледиктом долгим взглядом; наконец юноша опустил глаза и согласно кивнул. Ворнатти улыбнулся, приглашая Маледикта приблизиться. Мальчик молча подошел и устроился на полу, облокотившись на бедро Ворнатти. — Хороший песик, — похвалил Ворнатти. — Можешь рычать, сколько угодно, все равно не укусишь.

Джилли, увидев, как румянец окрасил щеки Маледикта и столь же мгновенно схлынул, усомнился в совершенной справедливости слов барона.

— Джилли, начни с книг для записи пари, — приказал Ворнатти. — Там всегда пахнет скандалом, если знаешь, как искать.

Кивнув — покорно и понимающе, — Джилли вышел из комнаты; на ходу он обернулся и увидел, как Ворнатти, склонившись над Маледиктом, впился губами в мраморный изгиб его шеи.

В Мюрне выяснилось, что поручение Джилли не столько связано с материальными затратами, сколько утомительно: помехи были многочисленны, зато вполне устранимы. Хотя цель его поисков стала очевидна с первого взгляда на книги в «Од-

норогом быке» — мерзкой таверне, где заключались самые грязные пари, — собрать сведения оказалось не так уж просто. И все же спустя несколько недель Джилли раздобыл наконец свидетельства скандального пари — не в отношении самого советника, зато в отношении его близкого родственника. Этого было более чем достаточно. Ворнатти, узнавший подробности из письма Джилли, согласился с его доводами и выслал слуге премию, приложив к ней и новые указания.

Джилли считал, что имеет полное право на награду. Расставание с избранной жертвой отчетливо доказало, что лишь удача и дальновидный план позволили ему уйти живым. Маркиз Де Герр был весьма вспыльчивым молодым человеком; так что Джилли с радостью погрузился в гораздо менее опасные хлопоты по подготовке городского особняка Ворнатти после долгого отсутствия хозяина, стараясь держаться вдали от Де Герра. Благодаря подобной целеустремленности и отсутствию развлечений он вскоре информировал барона письмом, что подготовка дома окончена раньше намеченного срока.

— Добро пожаловать в Мюрн, милорд, — приветствовал барона Джилли, распахивая двери особняка на Дав-стрит. Ворнатти, землистый от утомительного двухдневного путешествия, все же перешагнул порог дома самостоятельно, опираясь на толстую трость. Маледикт вошел следом, толкая перед собой кресло-каталку. Он был облачен в городской наряд: рубашка из тончайшего батиста, кожаные панталоны, атласный камзол — все черное, отливающее синевой воронова крыла. Джилли помог Ворнатти устроиться в кресле и повернулся к Маледикту, не в силах отвести взгляд от элегантно одетого красавца.

— Теперь ты выглядишь, как подобает, — заметил он.

Маледикт отвесил глубокий поклон и улыбнулся, взглянув на Джилли снизу вверх.

— Джилли. — В голосе юноши отчетливо звучало удовольствие, эдакое мурлыканье, пробивающееся сквозь хриплый рык. Джилли надеялся, что оно было вызвано не только успехом его предприятия. Он хотел верить, что месяц разлуки не нарушил их хрупкой зародившейся дружбы, что месяц наедине с Ворнатти не

обострил нервной вспыльчивости Маледикта до состояния заточенной бритвы.

— Да и ты сам довольно элегантен, — ответил Маледикт, дернул Джилли за собранные в хвост светлые волосы и принялся разглядывать расшитую ливрею. — А это что такое? — Маледикт обвел рукой скопление цветов и свертков.

Бросив опасливый взгляд на остальную прислугу, выстроившуюся вдоль стены в ожидании вознаграждения от Ворнатти, Джилли тихо пояснил:

— Как только я подловил Де Герра, остальные вельможи сразу припомнили, кто такой Ворнатти, и поспешили прислать дань, так сказать, увещевая поохотиться на кого-нибудь другого.

Маледикт расхохотался.

— Боятся тебя и твоих зорких глаз. А ведь меня они даже ни разу не встречали.

— Джилли, — позвал Ворнатти, прерывая их болтовню. — Я устал. Проводи меня в мои покои и проследи за распаковкой вещей. Я не положусь на горничных, что-то они не вызывают у меня доверия, — произнес барон с ухмылкой. — В особенности вот эта бесстыдница. — Трость, взмыв, уткнулась в юбки длинной всего лишь до лодыжек. — Как тебя зовут? — спросил Ворнатти.

— Ливия, сэр, — ответила девушка, сделав неглубокий реверанс. Трость Ворнатти пошевелила юбки, обнажая икру. Барон похлопал Ливию по руке. — Уверен, что тебя наняла не экономка. Только не с такими ножками. Бьюсь об заклад, Джилли выбрал тебя самолично. У него слабость к рыжеволосым горничным.

Залившись краской, Ливия кивнула.

Ворнатти отпустил всех, задержав взгляд на удаляющихся юбках Ливии. Когда Джилли шагнул, чтобы взять и перенести личные вещи барона в его комнаты, Ворнатти подставил ему трость, больно ударив по голеним с той всегда обманчивой и внезапной стремительностью, что была ему свойственна. «Как змея на гербе старика, что жалит быстро и безжалостно», — поморщившись, подумал Джилли.

— Джилли, — проговорил Ворнатти. Веселье для тебя закончится в тот самый миг, когда ты перестанешь мне угождать.

— Да, — отозвался Джилли, вспыхнув.

— Ты целый месяц был предоставлен сам себе. Не забывай, кто за все платит.

— Отвяжись, старый негодяй, — прервал Маледикт, встав между бароном и слугой и мимоходом коснувшись руки Джилли. — Нечего щелкать хлыстом.

— А ты, юнец, не должен забывать, что теперь мы в городе, и правила переменялись. Джилли, отведи меня в мою комнату.

Джилли безропотно покатил кресло барона по коридору в комнату, которая некогда, до произведенных недавно умопомрачительных перестановок, служила второй гостиной. В последний раз, когда Ворнатти жил в городе, он еще мог сам подняться по широкой полированной лестнице на верхние этажи.

Маледикту как воспитаннику Ворнатти отвели господскую комнату на третьем этаже: барону она была уже не нужна. Вспомнив, как юноша мгновенно поднялся на его защиту, Джилли еще раз порадовался, что не пожалел времени и части премиальных, чтобы наполнить блюдо на прикроватном столике Маледикта его любимыми карамельками — такими же, какие тот когда-то ставил у Ластва.

Комната Джилли располагалась на том же этаже, на котором жили члены семьи и гости, чем намекала на его двусмысленное положение в доме Ворнатти. Горничные прислуживали Джилли, кухарка гоняла его, как озорного господского отпрыска, а дворецкий, пусть с ворчанием, все же повиновался. Зато окна комнаты выходили на пустырь и помойку, а мебели было далеко до той, что стояла в комнатах барона и его гостей.

Лишь по ночам Джилли забывал о своем шатком, зависящем от каприза положении, даже вопреки тому, что взор его упирался в старый поцарапанный шкаф, что громоздился прямо напротив кровати. Внимание его привлекало другое: он прислушивался к мирной тишине спящего дома, стремясь слиться с ней. Пот блестел на полоске шеи над воротом ночной рубашки, увлажняя спину и отбрасывая на руки блики свечного пламени. Горстка сожженных спичек на столике у кровати свидетельствовала о многочис-

ленных неудачных попытках зажечь фитиль трясущимися руками. Последний месяц Джилли спал без сновидений — но стоило Маледикту переступить порог дома на Дав-стрит, как вот он, кошмар — тут как тут.

Джилли встряхнулся, освобождаясь от обрывков нервозности и страха, словно мокрый пес — от капелек воды. Опустившись на простыни, он снял нагар со свечи — а потом совершенно нелогично повернулся на другой бок и натянул на плечи одеяло, чтобы не видеть света.

Кошмар Джилли словно никуда и не уходил, как если бы пробуждений вовсе не было. Снова надгробья — и одна гробница с грохотом разваливается на куски; темнота подземелья, ни лучика света, исключая тусклый кровавый свет — Ее свет. Она сидит словно на насесте, вонзив когти в грудь мертвеца, птичьим клювом терзая мягкий распоротый живот; черты скрыты под коркой запекшейся крови. Все, что смог разглядеть Джилли, — голод во взгляде и несколько прядей светлых волос, что мелькнули среди мертвечины, прилипшей к Ее лицу. Джилли сделал робкий шаг, желая разглядеть Ее жертву — но Она успела раньше: глазницы были пусты, лицо трупа искажено.

Тьма, показавшая ему Чернокрылую Ани, заклубилась, дрогнула и явила Маледикта: он стоял на одном колене, опираясь на меч. Юноша взглянул на Джилли глазами, такими же голодными, как у Ани, и произнес: «Моя месть завершена? Все не так, как я ожидал».

За его спиной поднялась Ани, заслонив крыльями даже тусклый кровавый свет; когтистая лапа потянулась к плечу Маледикта. Рука юноши поднялась, бледная, словно призрак паука в темноте, и легла поверх Ее лапы — но выражал ли Маледикт этим жестом протест или покорность, Джилли не мог понять. Она склонила лицо к Маледикту, клюв медленно приближался к его глазам.

— Мой, — произнесла Она единственное слово; и голос Ее был безжалостен, словно воды, несущие лед.

Во второй раз Джилли проснулся с дико колотящимся сердцем и тошнотой. В ушах все еще звенело эхо Ее голоса. Пламя

задрожало от струи воздуха, с силой вырвавшегося из легких Джилли. Он потянулся к свече — и вдруг увидел, что кто-то стоит на пороге, а подле, висится огромная тень, словно маленький огонек шутки шутит.

«Горничная — Ливия?» — сперва решил Джилли, его накрыла надежда избавиться от страха, затерявшись в волне удовольствий. Но Ливия не пришла бы к нему, рискуя своим местом: не теперь, когда в резиденцию приехал Ворнатти.

— Ну, проснулся, наконец? — раздался безошибочно узнаваемый хриплый голос. Маледикт неторопливо подошел к кровати и остановился в нескольких шагах.

Маледикт был все еще в своем причудливом черном платье, в неверном свете свечи плясала на стене его тень, и Джилли почувдилось, что он так и не пробудился от кошмара. Но вместо отчаяния лицо его выражало скорее обиду.

— Что ты видел во сне, Джилли? — спросил юноша. — Ты все крутился, будто на вертеле — и еще... — Его надтреснутый голос оборвался.

— Это был кошмар. Неприятный, как все кошмары.

— Ты произнес во сне мое имя. Я думал, ты увидел, как я вошел, но ты спал. Что тебе снилось? — Это был не просто интерес. Голос Маледикта звучал требовательно.

Джилли отбросил с лица мокрые от пота пряди волос, ощущая себя невероятно изможденным и не чувствуя ни малейшего желания искать причину гнева Маледикта.

— Ты не имеешь права видеть меня во сне, — заявил юноша.

Джилли лишь вздохнул.

— Сон — это волшебство, не подвластное велению разума, Мэл. Мне жаль, что твое присутствие в моем сне тебя обидело. Этот кошмар не имеет смысла. — Кроме того, что Ани, по общему мнению мертвая и покинувшая мир, в его снах казалась вполне живой.

— Ты что, пытаешься спалить дом? — Маледикт предпочел сменить тему. — Или сам пристрастился к наркотикам, которые вкалываешь старому мерзавцу?

— Ты пришел, чтобы нападать на меня? — поинтересовался Джилли. — Если так, то прошу тебя уйти. Я устал. Пока ты обживал свою новую территорию, я работал.

Маледикт, изменчивый словно ртуть, тут же заговорил иначе:

— Мой бедный Джилли. Я дам тебе заснуть, но все же я настаиваю на том, чтобы ты погасил свечу. Уверен, существует множество более приятных способов умереть, чем сгореть заживо в собственной постели.

— Что тебе нужно? — спросил Джилли. — У меня сна ни в одном глазу. Поспал уже, хватит на сегодня. — В доказательство своих слов Джилли сел в кровати, облокотившись на гору подушек.

Маледикт плавно приблизился к кровати и устроился на самом краешке. Перьевой матрас слегка шевельнулся под его весом, словно выдохнул.

— Я хочу знать, к какому волшебству ты прибег, чтобы добиться для нас доступа ко двору. Чьи тайны оказались столь интригующими...

Джилли с сомнением взглянул на мрак, зарождавшийся в глазах Маледикта, и попытался потянуть время с ответом:

— Я встретил одного парня, который знает твоего Януса.

Лицо Маледикта стало непроницаемым, словно захлопнулись ставни на окне:

— Вот как.

— Знаешь ты парня по имени Роуч? Работал в «Быке» и при каждом удобном случае обворовывал клиентов.

— Роуч, — повторил Маледикт; в осмотрительно неторопливом тоне мелькнула искорка узнавания. — И что же он такого мог наговорить?

Джилли пожал плечами.

— Наши дороги пересеклись лишь на краткое мгновение. — Роуч, затаившись в темном переулке, напал на Джилли и попытался отнять у него добытое потом и кровью письмо со скандальным компроматом. Джилли, окрыленный успехом, без труда стряхнул глупыша Роуча и сообщил ему, что он тупица, раз пытается стянуть то, что даже не сможет прочесть. — И Роуч ска-

зал, что Янус научил его читать. И еще сказал, что Янус убил свою девчонку.

— Роуч дурак, — отозвался Маледикт. — Лучше позабудь его и его слова, Джилли. — Маледикт встал и зажег от догорающей свечи новую. Но вместо того, чтобы обогреть комнату теплым светом, она своим пламенем лишь выманила тени, до сих пор таившиеся по углам.

С трудом оторвав от них взгляд, Джилли переключил внимание на язвительный тон Маледикта:

— Неужели у тебя не нашлось других дел, кроме как слушать, что говорит крыса из Развалин?

— К тому времени у меня уже было все, что нужно, — отозвался Джилли. Отобрав свечу у Маледикта, он пристроил ее рядом с кроватью, не переставая гадать, что заставляет кошмар оставаться поблизости. Его собственный страх? Или присутствие Маледикта?

— А точнее? — В голосе Маледикта слышалась настойчивость. — Я пока так и не узнал, что же это за тайна — и как много от нее зависит?

— Непристойное письмо маркиза Де Герра своей сестре, — ответил Джилли. — Не самого советника, а его племянника. Однако этого оказалось вполне достаточно.

— Ты что, взломщиком заделался? — удивился Маледикт. — Не представляю тебя в этой роли. Слишком уж ты крупный.

— Я перенял Ливию у Де Герра, — признался Джилли. — Покидая службу, она стянула письмо.

— Весьма разумно, — насмешливым тоном произнес Маледикт. — Только вот, Джилли, неужели тебе не приходит в голову, что и в доме Ворнатти сейчас полно всякого сброда? Сам старый развратник, его любовник-шантажист, служанка-воровка...

— И юнец-убийца, — добавил Джилли, намереваясь лишь слегка поддразнить Маледикта, однако образ Ани, не желающий оставить его сознание, превратил эти слова в дерзкую насмешку.

Брови Маледикта сошлись, выдавая поднимавшуюся в нем волну гнева.

— Посмотрим, сочтет ли Ласт меня столь же забавным, как счел ты. Возвращаясь к своим снам, Джилли. — И Маледикт стремительным, яростным движением потянулся к свече. Джилли перехватил его руку.

— Мэл, не надо, — попросил он.

— Что, боишься темноты? — спросил Маледикт. Он вывободился, но едва не упал, споткнувшись о книгу, что лежала у кровати на полу. — Неудивительно, учитывая, какую ерунду ты читаешь. — Он швырнул «Книгу отмищений» Джилли на одеяло и зашагал к двери.

— Что ж ты такой ранимый, — сказал Джилли. — Я вовсе не хотел тебя обидеть.

Но три года сытой жизни и усердных занятий не прибавили юноше умения доверять.

Маледикт упал в кресло, положив ноги на кровать Джилли.

— Ласт будет добираться сюда слишком долго. Мне надоело ждать.

Глаза юноши стали черными словно тень; у Джилли пересохло во рту, когда он представил, как из темноты, окружающей Маледикта, к нему тянется рука Ани. После ухода мальчика Джилли смотрел на пламя — и в этом неверном свете видел хоть какое-то, пусть слабое, утешение — до тех пор, пока свеча не догорела одновременно с первыми лучами солнца.

7

Маледикт стоял, очерченный сернистым свечным светом — такой свет непременно сопутствует подобного рода официальным поводам, лестным для престарелых распутников и дам, а также добавляет роскошного блеска цветущей молодежи. Бальная зала королевского дворца представляла собой полукруг, обрамленный садом с выпуклой стороны, золочеными дверями — с противоположной. По особым случаям король распахивал двери, и они, складываясь веером, разъезжались в стороны, превращая полумесяц залы в круглую луну. Зала служила для развлечений знати — с весны и до осени, а если зимняя скука становилась неумолимою, то и зимой.

В вестибюле Ворнатти, державшийся за спиной Маледикта, расписался в гостевой книге. Юноша сделал это прежде, и Джили добавил свой росчерк в строке «Сопровождающая прислуга».

Ворнатти резко захлопнул книгу, к раздражению тех, кто пытался через его плечо прочесть имя нового участника собрания.

— Неужели не хватает благоразумия дождаться, пока мы войдем?

Маледикт слушал вполуха, поглощенный созерцанием залы. Одна-две танцующих пары замедлили шаг, обратив взгляды на вход. Кучка знатной молодежи заняла места за столами, крытыми зеленым сукном, — предстояла бесконечная ночь игры. Словно частицы солнца, захваченные и теперь возвращающиеся обратно на небо, сверкали драгоценности. Мраморные полы были выложены мозаикой, повторявшей узор разбитых раковин, а сама комната словно покачивалась на волнах океана платьев и кружев, похожих на морскую пену. От едва заметного движения в нишах и у выходов трепетали и перешептывались серо-голубые портьеры.

Маледикт в нерешительности остановился в дверях. Стоит ему войти — и игра станет неминуемой, какой бы конец его ни ждал. Стоит отступить — и он лишится приза, к которому стремился всей душой. Нет, подумал юноша, он ошибается: пол напоминает не волны, а призрачные крылья, взмывающие в сумеречное небо. Гарда меча впиалась в трясущиеся пальцы, от затылка вниз по напряженной струне позвоночника пробежала — и исчезла — конвульсивная дрожь. Он сделал шаг вперед.

В этот вечер Маледикт был облачен в платье сдержанного голубино-серого цвета — и все же приковал к себе внимание всех присутствующих. Поклонился тем, кто последовал по траектории собственных взглядов и приблизился, чтобы его приветствовать. Один дворянин с огненно-рыжими волосами, широкоплечий и худощавый, поднял на Маледикта глаза, полные ненависти, но все же пересек ползалы, отвесил церемонный поклон и поздоровался:

— Барон Ворнатти.

— Ах, маркиз! Полагаю, вы не знакомы с моим воспитанником Маледиктом.

Маркиз кивнул.

— Маледикт. Я... приветствую вас.

— К чему такая официальность? — произнес Маледикт. Он услышал, как Джилли, стоявший поблизости, судорожно вздохнул, и с сухой улыбкой продолжил: — Когда, казалось бы, мы с вами так хорошо знакомы. Скажите, сэр, как поживает ваша милая сестра?

Лицо Де Герра стало каменным. Развернувшись на каблуках, он зашагал прочь. Ворнатти расхохотался.

Джилли поспешно заговорил:

— Будь осторожен, Мэл, он весьма вспыльчив. А вспыльчивых людей нелегко удержать с помощью их тайн. Даже примерно не могу сказать, сколько пройдет времени, прежде чем он нанесет тебе удар. Знай я, что ты скажешь что-то в этом роде, никогда бы не поделился с тобой содержимым того письма.

— Не суетись, Джилли, — успокоил его Маледикт. — Я сказал это лишь забавы ради.

— Забавы? — переспросил Джилли. — И кого же ты хотел позабавить?

— Себя, — отозвался Маледикт. — И не надо нотаций. Лучше скажи, кто все эти люди.

На губах Ворнатти снова заиграла улыбка:

— Верно, Джилли. Продемонстрируй-ка, насколько хороша твоя память на лица.

— Джентльмен в углу — Доминик Исли, лорд Эхо; быть может, даже тебе, Мэл, доводилось слышать о нем. Он возглавляет Особый отряд Эхо — свою личную шайку скупщиков краденого, собирателей долгов и висельников.

— Я знаю их, — ответил Маледикт, вспоминая безоглядное бегство, которое каждый раз вызывал звон бубенцов на повозках Эха.

— Наши пристальные взгляды привлекли его внимание, — предупредил Джилли.

Эхо не спеша подошел, коротко кивнул Ворнатти:

— Все еще жив, старый распутник?

— Вот, отыскал себе наследника — исключительно, чтобы позлить тебя, — отозвался Ворнатти.

Эхо оглядел Маледикта; ноздри его раздувались, будто он почуял запах Развалин от кожи Маледикта.

— К какому роду вы принадлежите?

— Вполне возможно, к вспыльчивому, — отозвался Маледикт.

— Нет, я говорю о вашем происхождении! — потребовал Эхо. — Если вы не в родстве с Ворнатти, то с кем вы тогда в родстве? Кто вас породил?

Маледикт вскинул бровь, удивленный таким напором, но все же лениво протянул:

— О, это... несколько скандальный факт. — Ворнатти положил руку на плечо Маледикту и предупреждающе стиснул пальцы. — Да, и мой добрый опекун предпочел бы, чтобы я не обсуждал это.

Маледикт вздохнул. Ворнатти желал окутать его покровом сплетен и домыслов; по его воле Джили принялся распространять ложные слухи, порочащие имена кое-кого из уже покойных аристократов. Маледикт хотел бы выплюнуть правду им в лицо, показать, что крыса из Развалин — такой же человек, невзирая на кровь, текущую в ее в жилах. Впрочем, он понимал, что, пусть даже он проделает это, пусть притащит Элу и заставит ее целовать все эти щегольские туфли, знать лишь отречется от него, оборачивая свой слух к более приятным сплетням.

Эхо заморгал: он не привык слышать отказ.

— Тогда кто ваша мать?

Маледикт рывком высвободил руку из болезненных тисков Ворнатти и склонился ближе к Эхо.

— Я намекну. Ее звали леди Ночь, и она заставляла мужчин платить улыбкой — стоном — и проклятием, — произнес Маледикт.

Стоявшая неподалеку дама в бронзово-зеленом рассмеялась, встретившись с Маледиктом взглядом, полным злорадного изумления. «Какой скандал!» — повторила она недавние слова.

Одарив ее улыбкой, Маледикт вновь повернулся к Эхо.

— Похоже, вы в замешательстве. Позволю вам гадать о ее личности наедине с собой.

Эхо вспыхнул, поскольку уловил в тоне Маледикта намек на окончание беседы и, бросив на него гневный взгляд, удалился.

— Осторожнее, Мэл, — снова предупредил Джилли. — Он умнее, чем кажется.

— У него нет другого выхода, — отозвался Маледикт, хмурясь. — Уже второй раз за вечер ты просишь меня быть осторожнее, Джилли. Такое ощущение, что ты вовсе не хочешь, чтобы я поразвлекся.

— Арис благоволит к нему, — сказал Ворнатти. — Это достаточно веская причина, чтобы быть осмотрительным. Если бы только Эхо согласился, Арис тотчас сделал бы его начальником королевской гвардии. Однако Эхо слишком увлечен своими воровскими делишками, чтобы перейти с крыс на аристократов.

— Если только речь не идет о бедных аристократах, — заметил Джилли. — Некоторых из них он засадил за решетку и таким образом претендует на непредвзятость.

— Вот как, — произнес Маледикт, наблюдая за Эхо; тот пересек комнату, склонил голову, беседуя с кем-то, и наконец очутился возле молодого человека, с мрачным видом прихлебывающего из кубка. — А кто рядом с ним?

— Не догадываешься? — спросил Джилли.

— Мятый галстук, грязь на сапогах, растрепанные волосы — и все же все улыбаются ему, все раскланиваются. Лорд Вестфолл.

— Он самый, — подтвердил Джилли. — Третий из советников Ариса и единственный из них, кто сегодня здесь. Финансист Особого отряда Эхо и вклад Ариса в будущее. Вестфолл помешан на механизмах; его мозги заняты шестеренками и рычагами, которые призваны обеспечить Антиру процветание, если, конечно, удастся удержать антимерехаников от разрушения фабрик, которые он строит. Пока что успех на их стороне.

— А почему Ласт не является советником Ариса? — поинтересовался Маледикт.

Откинувшись на спинку кресла и приняв от Джилли бокал вина, Ворнатти пустился в объяснения:

— Он традиционалист за гранью разумного. Если бы он вошел на трон, Итарус и Антир до сих пор вели бы открытую войну. Впрочем, с ним разделались боги. Вернее, его отказ поверить в Их отсутствие. Арис — современный король, его не интересуют дела мертвых богов.

— И, разумеется, ходят слухи, что Ласт попытался силой отнять трон у Ариса в первые секунды его восхождения. Даже доброму королю нелегко простить такое. — Вмешавшийся в беседу голос принадлежал благородной даме в бронзово-зеленом платье, оттенявшем ее золотисто-каштановые волосы — они казались цвета пламени. — Вы новичок при дворе, — укоризненно добавила она.

— Это так, — подтвердил Маледикт.

— Тогда поведайте мне, ваша неловкость или ваше безразличие причина тому, что вы смотрите на всех с таким презрением?

— Разумеется, безразличие, — отозвался Маледикт, впервые наслаждаясь беседой. — Какой кавалер признается в собственной неуклюжести? Однако, леди, задам вам встречный вопрос. Я полагал, что леди не пристало первой подходить к незнакомому мужчине при дворе. Дурные манеры или дерзость подвигли вас на подобное?

Дама рассмеялась — нежно и волнующе.

— В моем случае ни то ни другое. Впрочем, какая леди когда-нибудь признается в собственной невоспитанности? Мы с вашим опекуном отлично знаем друг друга. — Она сделала реверанс Ворнатти; юбки раздулись и опали пышными волнами. — Сэр, не представите ли вы нас друг другу в таком случае? Или вы так давно не были при дворе, что позабыли нашу дружбу?

Ворнатти поцеловал ее бледную руку — слишком задержавшись на ней губами — и сказал:

— Лишь безумец или дурак позволит себе забыть очаровательную леди Мирабель. Вы позволите мне представить вам моего воспитанника?

— Скорее нет, чем да, — отозвалась дама с улыбкой: ее явно забавляло происходящее. — Язык этого юноши, пожалуй, слишком остер, разве что... — она на миг замолчала, повернувшись к

Маледикту в профиль, так что стала видна ямочка на щеке, — вы обучили его танцам.

— О да, и за немалую цену, — ответил Ворнатти, сверкнув глазами на Маледикта.

— Тогда, — сказала Мирабель, — можете меня представить. А вы, Маледикт, можете пригласить меня на следующий после ужина сет. — Присев в реверансе, она удалилась.

— Джилли, я покорен, — полушутливо проговорил Маледикт, слегка задетый. — Кто она?

— Женщина, достаточно злая и необузданная, чтобы соблазнить прежнего заступника. Вдова и убийца Дариана Ченсела. А также бывшая любовница Ворнатти.

— Попридержи язык, Джилли, — предостерег барон. — За то, о чем свободно щебечут придворные, слугу могут и высечь.

— Эхо засадил ее за решетку, — понизив голос, заговорил Джилли. — Только найти доказательства оказалось нелегко. Пришлось приплести другого человека, обвинив его в преступлении. Свобода стоила ей всего: поместья, состояния, репутации. Теперь она вымогает деньги у друзей и охотится за новым мужем.

В беседу вступил Ворнатти:

— Видишь, Маледикт, какие чудеса творит учтивость? Ближайшая подруга Мирабель — Брайерли Вестфолл, которая, как легко догадаться, живет в поместье Вестфолл, куда Эхо ежедневно наносит визиты. Я слышал, они часто пьют вместе чай. — Ворнатти рассмеялся. — Держу пари, Эхо испытывает большую неловкость, чем Мирабель. Она — опаснейшая из женщин.

Джилли вернулся в бальную залу, сопроводив усталого Ворнатти в особняк на Дав-стрит. Ему было любопытно, выдержала ли подготовка Маледикта проверку на прочность без Ворнатти, который призывал юношу к порядку, и самого Джилли, который выражал свое неодобрение. Оглядев залу, он не обратил внимания на глухой звук, с которым величественная пожилая дама постучала тростью в изразцовый пол.

— Слуга, — позвала она, — слуга!

— Леди, — Джилли поспешил поклониться, узнав в даме вспыльчивую и весьма любопытную баронессу, прозванную леди Тайна за ее совершеннейшую неспособность хранить таковые.

— Ты лакей Ворнатти, верно? — Бриллианты, рассыпанные по крашеным черным волосам, подмигнули, усиливая эффект, когда дама закивала в ответ на собственный вопрос. — Его воспитанник — итарусинец, не так ли? Он тощий, черноглазый и черноволосый — как Ворнатти в юности. Как покойная королева.

Как жалкий итарусинский матрос, подумал Джилли, в очередной раз дивясь магии, сотворившей плоть Маледикта. Существо из другого мира, прекрасное благодаря примеси чуждой крови.

— Он антирец, — возразил Джилли. — Он склоняет голову перед Арисом, а не перед Григором.

Дама недовольно фыркнула на эту поправку. Джилли отклонялся. Размышления о том, как повлияет заинтересованность баронессы на успех Маледикта, слишком увлекли его: он запоздало заметил, что обстановка переменилась. Волна молчания прокатилась по комнате, передавая шепот и скандальную весть, — опасная, как змея в сумерках. По широко распахнутым глазам и склоненным головам, по направлению шороха Джилли проследил источник. В самом сердце, разумеется, был Маледикт. Джилли поспешил к своему подопечному, вне себя от раздражения. Ни на час оставить нельзя: Маледикт оказался не только тяжелой, но и опасной работенкой.

Даже теперь Маледикт, склонившись к леди Миранбель достаточно близко, чтобы согреть ее мраморную кожу теплом своего дыхания, что-то увлеченно рассказывал ей. Широко распахнутые глаза леди Миранбель сияли; зубы блеснули в легкой, хорошо отрепетированной улыбке.

Джилли, подошедший достаточно близко, чтобы расслышать слова Маледикта, взял его за рукав руками в белоснежных перчатках и потянул, словно маленький ребенок, требующий конфету. Юноша перестал говорить — его губы замерли над самой вуалью, прикрывавшей щеку Миранбель словно паутина.

— Что-нибудь не так, Джилли? — спросил Маледикт.

Леди Мирабель обвиняла своей рукой предплечье юноши, заставляя Джилли отпустить Маледикта — или дотронуться до нее. Джилли выпустил Маледикта и встретился взглядом со злыми нефритовыми глазами леди Мирабель — и, хуже того, удивленными серыми глазами Брайерли Вестфолл. Чтобы слуга посмел перебить своего господина? Мирабель мелодично рассмеялась, видя замешательство Джилли.

На другом конце комнаты Де Герр услышал ликующий возглас Мирабель и заинтересованно посмотрел в ее сторону, однако, заметив Маледикта, вернулся к своим делам.

Мрак, затаившийся в том кратком взгляде, вернул Джилли храбрость.

— Прошу вас, идемте.

Или «прошу» смягчило Маледикта, или же Мирабель начала ему надоедать, но юноша взял руку Джилли в свои.

— Дамы, прошу меня извинить. — Он легко поклонился; волосы, выбившиеся из прически, рассыпались завитками по плечам. Пальцы Мирабель сжались, словно она хотела зарыться своими бескровными руками в эти темные локоны. Она кивнула с отработанным очарованием, но Джилли знал: ее раздражение и досада были истинными.

Джилли сопровождал Маледикта через комнату в позолоченный вестибюль, где сотни разбросанных букетов источали аромат и устилали пол яркими опавшими лепестками.

— Я вел себя неправильно, Джилли? Кажется, Мирабель восхищена моим дерзким языком. Разумеется, я думаю, что она надеется провести со мной и некоторое время впоследствии, там, где мой дерзкий язык будет лишь к ее удовольствию.

Джилли втолкнул Маледикта в комнату, задрапированную голубым занавесом. Это была гардеробная. Маледикт споткнулся о сапог Джилли и проворчал:

— Уверен, что мои грехи, какими бы они ни были, не заслуживают рукоприкладства.

— Тише, — зашипел Джилли. — Замолчи.

Губы Маледикта сжались, глаза почернели; но гнев так и не сверкнул в них.

— Ты сердишься на меня.

Джилли подтолкнул Маледикта к креслу возле занавеса.

— Спокойнее, спокойнее, — поддразнил Маледикт. Губы его приоткрылись, язык скользнул по зубам. Маледикт чувал неприятности — и был рад им. Он свернулся клубочком, привалившись к подбитому мехом дамскому плащу, и разгладил мех под щекой. — Расскажи мне, из-за чего ты злишься.

— Из-за того, как ты вел себя с Де Герром. — Джилли выдернул плащ из рук Мэла и перевесил на другую вешалку.

— Все идет довольно гладко, — сказал Маледикт.

— Гладко? — переспросил Джилли. — Шантаж подразумевает, что один человек хранит тайну другого — хранит в обмен на товар, деньги или услуги.

— Я приблизительно в курсе данного понятия. — Маледикт протянул руку из-за занавеса и выхватил кубок у опешившего официанта, который направлялся к балконам и прогулочным дорожкам. Сделав глоток, он улыбнулся в знак одобрения.

— Маледикт, — сказал Джилли. В одном слове уместились три года раздражения. Джилли провел растопыренными пальцами по волосам, запутался в «хвосте» и оставил его в беспорядке. — Ты поведал леди Миранбель и Брайерли Вестфолл величайшую сплетню двора — о Лилии Де Герр.

— Я лишь намекнул, Джилли.

— Каждое слово, что ты шепнешь, ослабляет нашу хватку на горле Де Герра. Он нам нужен.

— Нет, не нужен. — Поднимаясь, Маледикт резким движением толкнул кубок в руки Джилли. Вино выплеснулось. — Сядь.

Джилли повиновался; гнев его улетучился, осталась лишь слабость, вызванная страхом. Де Герр был могущественным человеком с дурным нравом. Племянником советника. Над такими не насмеются. Маледикт улыбнулся — медленно и самодовольно, отчего Джилли заволновался еще больше.

— Что же это, если не дурацкая прихоть?

— Де Герр обеспечил нам выход в свет. Леди Вестфолл будет держать нас при дворе ради того, чтобы позабавить свою подругу Миранбель.

— И ты думаешь, что теперь можешь выставлять на посмешище опасного человека, разбалтывая его тайны другим аристократам? Не сомневаюсь, Мирабель уже прибежала к Де Герру и шепчет ему на ухо твои ах-какие-дерзкие слова, и что, разумеется, все сказанное — неправда, не так ли, но она считает, что он должен знать, что говорят вокруг.

— Если это не так, значит, я ошибался насчет ее натуры.

Джилли одним долгим глотком осушил кубок превосходного вина. Маледикт зашел ему за спину и дернул за кончик ленты на светлых волосах. Пригладил выбившиеся пряди и снова завязал бант.

— Ну, вот. Так гораздо лучше. Но, в самом деле, Джилли, тебе следует больше заботиться о своей внешности.

— Де Герр попытается опровергнуть твои слова посредством стали.

Маледикт прикоснулся к вертикальным морщинкам, пролегишим между бровями Джилли, словно, разглаживая их, мог избавить его от страха.

— Я лишь приветствую такой поворот, — проговорил юноша. — Меня учили сражаться, Джилли, но я еще ни разу не дрался на дуэли. Как я буду противостоять Ласту, не зная, помогут ли мои навыки в поединке с тем, кого учили фехтованию с колыбели?

— Глупо подвергать себя такой опасности, — возразил Джилли.

— Но это мое решение, — ответил Маледикт, в задумчивости поглаживая эфес меча. — Ну же, Джилли! У меня мало времени, если я собираюсь спровоцировать дуэль с Де Герром. Арис вот-вот будет здесь, а я знаю, что подобные забавы ему не по вкусу.

— Если помнишь, я тебя об этом предупреждал, — заметил Джилли.

— Ах, наверное, потому я и верю. — Маледикт выскользнул из-за тяжелой портьеры. — Обожди минуту, прежде чем возвращаться в залу. Из предусмотрительности.

Джилли лишь вздохнул.

— Я — твой слуга, Маледикт. Меня не устаивают внимания. — Он поставил кубок на пол и последовал за Маледиктом.

Де Герр стоял в широко распахнутых дверях залы, вытянув руку вперед, словно не желая пускать Маледикта обратно ко двору; другая рука застыла над рукоятью висящего у него на боку меча.

Маледикт остановился перед ним — миниатюрный, хрупкий, на губах играет улыбка.

— Решили пораньше ретироваться с поля боя? — Он ловко обогнул преграждавшую путь руку, скользя словно тень, и обернулся. — Мое почтение Лилии. Не представляете, с какой нежностью я думаю о ней.

Де Герр резко развернулся и схватил Маледикта за рукав; шов разошелся медленной синкопой трещащей нити.

— Ты ничто. Ты пустое место. Жалкий маленький катамит.

Маледикт шагнул к грозной быкоподобной фигуре.

— Как вы полагаете, то же самое говорит Лилия, извиваясь и постанывая под своим мужем? «Он ничего не значил для меня, он пустое место...» — Маледикт заставил свой сломанный голос звучать на манер женского визга; хрипотца создавала впечатление затрудненного дыхания — так дышат женщины на вершине экстаза или страдания.

Лицо Де Герра побелело, он сверкнул глазами.

Маледикт продолжал:

— Как, должно быть, вы терзаетесь этим. Любить ее столь страстно, знать, что она сейчас в постели с другим, — и быть не в состоянии возразить. Понимать, что есть лишь один человек для вас, любить вопреки всем препонам — и вдруг испытать потрясение, когда все вдруг вырывают из рук, будто внезапно в животе открывается рана, смердящая и гнойная. Любовь ведет и мучает вас, Леонидес Де Герр. В конце концов, не такие уж мы и разные.

Джилли едва перевел дух, едва расслабился, но оказалось, что сочувствующий тон подстегнул маркиза так, как не могла подстегнуть ни одна насмешка. Де Герр сжал кулак.

Он ответил Маледикту не пощечиной, которой джентльмен отвечает на оскорбление: это был боксерский удар. Маледикт зашатался, голова его резко мотнулась. Тугой рубец вдоль подбородка лопнул, тонкая линия красных бисеринок вздулась, окрасивая край высокого кружевного воротника. Неистовство выплеснулось наружу, заставив двор смолкнуть. Лишь музыканты продолжали играть, выпиливая мелодии для тех, кто уже не интересовался танцами.

— Какая неучтивость, — проговорил Маледикт. — Хуже того, она заставляет сомневаться в ваших намерениях. Вы вызываете меня на дуэль? Предупреждаю, по утрам у меня дурное настроение.

— Дуэль за грязную ложку, в которую никто не верит? — Де Герр возвысил голос, чтобы его слова достигли любопытных ушей. — Думаю, нет.

— Прежде вы убивали, чтобы унять подобные слухи. Вы боитесь меня? — усмехнулся Маледикт.

Джилли прикусил губу; если слова Маледикта слишком заденут Де Герра, он не станет дожидаться зари — он ударит теперь, пренебрегая традициями двора.

— Со сбродом не дерутся на дуэли, — произнес Де Герр. — И не подтверждают выдуманной им лжи.

— Вы могли бы подать на меня в суд за клевету, — заметил Маледикт. — Если бы доказали, что мои слова — ложь.

Де Герр нанес еще один удар, на сей раз с другой стороны.

Маледикт поднял голову; кровь обагрила его рот.

— Если вы собираетесь избить меня до смерти, не надейтесь, что я не стану обнажать оружия. В противном случае объявите о дуэли.

— С тобой — никогда. Крыса из Развалин. — Де Герр дышал учащенно и тяжело, словно после долгого бега; руки его тряслись. Он глубоко вздохнул, стараясь успокоиться, потом продолжил: — Общеизвестно, что простолюдинам недостает нравственности, чтобы вникнуть в понятие чести.

Маледикт стоял перед ним, готовый встретить новый удар и словно бы слегка изумленный. Он понизил голос, подманивая Де Герра ближе.

— По крайней мере мы не трахаем родных сестер. Нужно быть вельможей, чтобы додуматься до такого.

Лицо Де Герра пошло по скулам красными пятнами, словно грубость была равносильна оплеухе.

Маркиз обнажил меч одним скупым молниеносным движением. Металлический скрежет выхватываемого лезвия разнесся по зале, рождая шепот. При дворе обнажен клинок! Леди Вестфолл, самая высокопоставленная гостья, выступила вперед, но промолчала; Мирабель впилась ногтями в руку подруги; ее глаза горели в предвкушении скандала.

Противники ходили вокруг друг друга, словно разозлившиеся коты. Де Герр крепко сжимал длинный меч, взвешивая его в руке. Ладони Маледикта оставались пустыми, он держал их над боком.

— Оскорбление нанесено вам — или мне, Де Герр? Вы требуете сатисфакции? Или я?

— Защищайся, — проговорил Де Герр, — и заткни свой рот.

— Я не обнажу клинка, пока вы не признаете во мне равного, — сказал Маледикт.

«Чертов дурак, — думал Джили. В нем нарастало почти болезненное беспокойство. — Вытащи меч — и дело с концом. Как ты собираешься мстить за Януса из могилы?»

— Ты трусишь, вопреки своим речам. Защищайся! — повторил Де Герр. И сделал выпад.

Маледикт отпрыгнул — проворно и точно, словно кузнец. Уходя от второго выпада, он задел кудрями рассекший воздух клинок. Джили слышал только его тяжелое дыхание. На улице ржали лошади.

Третий выпад Де Герра остановила сталь. Маледикт распрямил колени, поднимая черное лезвие.

В первый раз при дворе видели этот меч, его искусно сработанный эфес и не терпящий возражений клинок. Все присутствующие застыли в ужасе — меч словно бы пылал огнем. Он пробудил голодные тени в комнате, превратив Маледикта из обычного вельможи-остряка в нечто большее, нечто опасное.

8

— Теперь, когда вы наконец удостоили меня своим вниманием, — произнес Маледикт, — быть может, мы уговоримся продолжить в более приличествующее время?

— Я бы предпочел посмотреть, заслужил ли ты свой причудливый клинок, — ответил Де Герр. Он шагнул вперед; серебряная вспышка сверкнула на лезвии — и отразилась от серебристых кружев, выбивавшихся из рукавов юноши. Звон стали о сталь колоколом ударил раз, и другой, все нарастая; по зале раскатилось эхо, густое и гулкое. Маледикт уклонился от очередного рубящего удара — гибкий, словно вовсе без костей, он, пританцовывая, отступил на шесть шагов, так что меч Де Герра теперь не мог его достать.

— Традиция требует, чтобы мы встретились на рассвете.

— Я поступлюсь традицией, чтобы посмотреть, как ты умрешь, — отозвался Де Герр, нападая. Маледикт увернулся. Через долю секунды он уже снова был на безопасном расстоянии.

— Не так уж блестяще вы владеете мечом, — усмехнулся юноша.

Противники снова сошлись, шарканье подошв по гладким мраморным плитам заглушал звон и скрежет металла.

Торжествующая улыбка озаряла лицо Маледикта всякий раз, когда ему удавалось застать Де Герра врасплох. Однако же вместо того, чтобы воспользоваться моментом и решить исход дуэли, Маледикт тянул время, играл с противником, пробуя свои силы. «Врожденный дар», — неохотно признал мастер Торн, покидая службу у Ворнатти (с перевязанной рукой и белым шрамом на шее). — «Выбор момента, работа ног, растяжка, чувство равновесия... — он провел рукой по горлу, — убийственны». Зрелище, открывшееся взору Джилли теперь, заставило его содрогнуться. Разве дар не подразумевает наличия дарителя?

По зале разнесся новый звук: сиплое дыхание, стук когтей по плитке. Джилли побелел; дуэль слишком затянулась, и, независимо от того, как поведет себя Де Герр, Маледикт проиграл. Лишь один человек позволял себе явиться в бальную залу в сопровождении гончей.

Джилли поднял голову. Король стоял в распахнутых дверях, положив руку на холку пегого мастиффа. Лицо короля выражало усталость и удивление. Из-за спины Ариса поспешно выступили и распределились по комнате, окружив короля и выхватив пистолеты, его гвардейцы, облаченные в лазурно-золотое. Растолкав их, вперед вышел человек с песчано-рыжей бородой.

— Кто посмел?

— Разве не я должен задать этот вопрос, брат? — поинтересовался Арис, отпуская собаку. Мастифф протолкнулся между двумя передними гвардейцами, король проследовал за псом.

Джилли одним взглядом окинул комнату: интерес в нефритовых глазах, пепельно-серое смятение во взгляде леди Вестфолл, устремленном на двоих мужчин, дерущихся в дальнем конце залы. Музыканты мгновенно умолкли.

Маледикт, бившийся спиной ко входу, замер, словно ощутил беззвучное тревожное послание Джилли, и упал на колени, склоня голову перед приближением короля. Побагровевший от ярости Де Герр завершил серию ударов; его меч полоснул плечо Маледикта. Маледикт зашипел сквозь зубы. Глядя, как расползается кровавое пятно, Джилли схватился за собственный рукав.

— Сир, — произнес Маледикт.

Де Герр уронил меч. Кровь окропила бледный мрамор.

— Сир. — Он опустился на колени тяжело словно старик.

— Обнажить клинок в присутствии короля — измена, — проговорил Ласт, не сводя глаз с Маледикта — нового лица при дворе.

— Кто первым обнажил оружие? — спросил Арис, почти не разжимая бледных губ.

— Я, сир, — признался Де Герр. В тот же миг леди Вестфолл, получившая щипок от Мирабель, произнесла: «Де Герр».

— Дуэли в бальной зале запрещены. И вам, Де Герр, это хорошо известно, — снова опередил Ариса граф Ласт. Его неодобрение выразилось в недовольном изгибе бровей, усилив жесткость и без того суровых черт.

— Какое имеет значение, устраивают они дуэли в парке или во дворце? Пролитая кровь — кровь бессмысленно потраченная, на мраморе она или на грязи, — сказал Арис, одаряя собравшу-

юся знать презрительным взглядом и тоном. — Но нанести удар коленопреклоненному — низость, Де Герр...

— Что толкнуло вас на подобный поступок? — подхватил Ласт. — Вас, в чьих жилах течет кровь лучших из нас? Вас, племянника королевского советника? Вы обезумели? — Ласт бросил быстрый взгляд на хрупкую фигуру Маледикта. — Или же околдованы?

— Мишель, устраивайте охоту на ведьм где-нибудь еще. Двор принадлежит мне, оскорбление также нанесено мне. И решение — за мной, — проговорил Арис. Брови его сошлись к переносице, совсем как у брата, и Джилли ощутил прилив надежды. Если Ласт надавит, Арис будет решителен.

— Леонидес Де Герр, в последнее время я слышу о вас много прискорбного. Думаю, для вас было бы лучше провести несколько лет за границей, вдали от... соблазнов и невзгод, которые подстерегают вас здесь на каждом шагу. Отправляйтесь в Приински или в Кирду, вы там преуспеете. Можете встать и идти.

— Что же касается юноши... — Арис смерил взглядом темноволосую макушку, изящный силуэт. — Отведите его к лекарю, а потом верните в классную комнату для уроков. — Договорив, Арис развернулся на каблуках и хлопнул себя по бедру, подзывая пса.

Джилли, едва дождавшись, когда можно будет распрямить спину, подбежал к Маледикту и осторожно прикоснулся к нему: рукав потемнел от крови.

— Арис, юноша виновен более, чем... — донесся затихающий голос Ласта, сопровождаемый рычанием мастиффа: пес почувствовал, что его хозяин нервничает.

— Это мой двор, брат, — повторил Арис и вдруг в приступе нескрываемого раздражения добавил: — Ах, да встаньте же, сударь. — Король склонился над плечом Маледикта и замер, когда юноша поднял лицо и посмотрел ему в глаза.

Король в изумлении разглядывал черные глаза в обрамлении бархатных ресниц, выющиеся волосы, пухлые губы, белую кожу. Потом отогнал собаку.

— Ты... ты и есть воспитанник Ворнатти? — тихо спросил Арис.

— Да, — отозвался Маледикт.

Лицо короля сделалось непроницаемым. Напряженное молчание зазвенело у Джилли в ушах. Маледикта шатало, но он постарался встать прямо. На мрамор упало несколько свежих капель крови.

— Похоже, твоя вина — лишь в твоей пылкости, — выдохнул Арис, не сводя взгляда с темных глаз Маледикта. — Можешь возвращаться ко двору, когда пожелаешь.

Маледикт склонил голову, пряча взволнованное лицо.

— Вы так добры.

Король не мог оторвать взгляда от склоненной темной головы.

— Отправляйся к врачу, юноша.

— Несколько уроков хороших манер были бы здесь более уместны, — заметил Ласт. — Или мы позволим очередному декаденту-чужеземцу глумиться над нашими традициями? Неужели двор еще не устал?

— Двор, Мишель, — устало произнес Арис, — в восторге от чудесного зрелища, которое сегодня вечером предстало нашим взорам.

Ласт окаменел, словно превратился из человека в марионетку; потом, отвесив глубокий поклон, удалился.

Король посмотрел ему вслед и сказал:

— А впрочем, он прав. Ты поклянешься, юноша, что больше никогда не обнажишь оружия в моем присутствии?

— Клянусь, монсеньор.

Король протянул руку, и Маледикт поцеловал перстень с гербом.

Арис покинул залу, сопровождаемый гвардейцами и половиной придворных. Оставшаяся знать мигом разбилась на группы, издали напоминавшие пестрые клубки, и принялась шепотом обсуждать последние события. Джилли поднял Маледикта на ноги. Провожая юношу к выходу, он краем уха уловил обрывок разговора:

— Ласт прав. Должно быть, Де Герра околдовали, раз он до такой степени потерял разум.

Джилли обернулся, ища глазами опасного оратора. Словам вроде «колдовство» лучше не давать ходу — теперь, когда он, Джилли, сам был свидетелем тому, как лицо Ариса на один-единственный миг стало пустым и спокойным, словно страницу его мыслей стерли и переписали заново. Теперь, когда колдовство оставалось единственной силой, которой еще боялись при дворе.

— Вряд ли это имело отношение к магии, — раздался звучный голос Мирабель. — Так взбеситься из-за остроты ума и языка!

— Но меч, Мирабель! Что он такое, если не колдовство? — спросила леди Тайна громким — услышали все, кто хотел услышать — шепотом. — Ваш Ченсел был теологом, и вы наверняка должны...

— Ах, Тайна, что заставляет вас заподозрить, что меня когда-либо интересовали его нотации на тему смерти и мертвых? — Мирабель рассмеялась, но в глазах, задержавшихся на Маледикте, затаились задумчивость и легкое удивление. Джилли потащил Маледикта к выходу, подальше от этого слишком пристального взгляда.

Маледикт стиснул руку Джилли и замедлил шаг.

— Меч, Джилли. Пусти меня. Я не могу оставить его.

Лезвие вошло в мраморный пол едва не на длину пальца. Маледикт выдернул клинок с нетерпеливым изяществом, заставившим придворных расступиться.

На улице было сыро и прохладно. Сапоги поскрипывали по ракушечнику подъездной дорожки — Джилли поддерживал спотыкавшегося Маледикта. У конюшни он окликнул недавно нанятого кучера. Тот поднялся из кружка товарищей, сидевших за игрой в кости. Кучер зажег фонари в карете и распахнул дверцу.

Джилли сорвал с шеи лишь слегка накрахмаленный крават — атрибут слуги — и прижал его к сочившемуся кровью рукаву Маледикта.

— Держи, — приказал он.

Юноша крепко прижал ткань к ране. Так крепко, что пальцы побелели.

— Я знаю, что делать. Не такая уж серьезная рана.

— Тем не менее достаточно серьезная, раз ты начал спотыкаться и едва не потерял сознание, — возразил Джилли. Он вытащил носовой платок и промокнул порез.

— Ласт вошел вместе с Арисом. Я мог дотянуться до него мечом, — прошептал Маледикт бледными губами. — А я ничего не сделал.

Джилли, лентой со своих волос закреплявший грубую повязку из кравата и носового платка, замер.

— Верно, — обескураженно заметил он, внезапно осознавав, что скорее именно это обстоятельство, нежели потеря крови, явилось причиной внезапной слабости Маледикта, что боль по сравнению с жаждой мести не значила для юноши почти ничего. Руки у Джилли затряслись, и он постарался унять дрожь.

— Что если я упустил свой шанс? — проговорил Маледикт, бледнее как полотно.

— Не смей меня, — отрезал Джилли. Он нахмурился, заметив, что на рубашке над ребрами тоже выступила полоска крови. — Через месяц бал в честь летнего солнцестояния. Тебе представится точно такая же возможность — на бегу пронзить Ласта и получить за это пулю от гвардейцев короля. Именно так произошло бы сегодня, если бы ты не сдержал... — Джилли резко отдернул руку, потянувшуюся к пуговицам на рубашке Маледикта, когда тот шлепнул по ней.

— Отстань, — огрызнулся юноша. — Я же сказал, ничего страшного. Просто щиплет и жжет.

Карета качнулась и покатила прочь, а Маледикт, морщась, откинулся на подушку сиденья — юношу не заботило, что кровь его запачкает расшитую ткань обивки.

— Ты счастливчик, — сказал Джилли.

— Де Герр никогда бы не задел меня, если бы я не отбросил меч. Мне стоило прикончить его первым, — пробормотал Маледикт.

— Я не о дуэли, — пояснил Джилли. — Счастливчик, что Арис тебя помиловал. Он мог бы изгнать тебя с той же легкостью, что и Де Герра.

— Он простил меня ради Ворнатти, — сказал Маледикт. — Ведь, в конце концов, их дороги тесно переплетаются: родство

через брак, скрепленное деньгами. — Юноша поудобнее устроился на сиденье. Из-за стиснутых зубов донесся едва различимый звук — сдавленный стон?

— Совсем скоро будем дома.

Высунувшись в окошко, Джилли попросил у кучера флягу и подал ее Маледикту.

Маледикт приложился к фляге, сморщив нос в неприятном ожидании, но внезапно недовольная гримаса сменилась изумленной улыбкой.

— Джилли, да ведь наш кучер совершил набег на лучшие запасы спиртного Ворнатти!

Джилли едва ли заметил, что краски начали возвращаться на лицо Маледикта; он был слишком поглощен недавним воспоминанием о том, как застыло лицо короля, как холодные глаза согрела искра интереса.

— Лишь ради Ворнатти? Думаю, дело не только в нем.

— Да какая разница? Он простил меня — и достаточно. Арис мне вовсе не интересен, если не считать того факта, что, похоже, он питает неприязнь к Ласту. Впрочем, все же не такую, как я... — Маледикт поджал губы, стиснул рукоять обнаженного меча, лежавшего рядом. — Вместо того чтобы преклонить колено, надо было нанести удар.

Поежившись от жажды мести, явственно прозвучавшей в голосе Маледикта, Джилли задумался, была бы она столь неистова, если бы юноша не держал меч — орудие возмездия. Он заметил:

— А я полагал, что ты собираешься дожидаться Януса.

— Янус, — проговорил Маледикт, отпуская рукоять меча. — Чтобы знать, как действовать дальше, я должен посмотреть, что они из него сделали. Если он не любит меня... — Голос Маледикта оборвался. — Если Янус не любит меня, я убью и его, и Ласта — за то, что отнял его у меня. Если он любит меня, я все равно убью Ласта за то, что отнял его у меня. В любом случае прольется кровь. — Маледикт наклонился, обнял колени. В его глазах обозначилось беспокойство, пальцы снова сомкнулись на рукояти меча.

У Джилли по коже побежали мурашки, волоски на руках встали дыбом. Он незаметно скрестил указательные пальцы, призывая на помощь древнее деревенское заклятие против отмеченных богами. У него не нашлось времени, чтобы прочесть «Книгу отмщений» с должным вниманием, однако и от тех немногих сведений, что Джилли удалось перевести с итарусинского на антирский, кровь застыла у него в жилах.

В «Книге отмщений» утверждалось, что можно заключить необратимую сделку — связывающую Ани и Ее адепта единой целью, и что сделка эта вступает в силу лишь после первого убийства. Если страхи Джилли не беспочвенны, если сны — не просто сны, если Ани уже не так мертва, как когда-то, — возможные последствия будут ужасающими: Маледикт, охотящийся за Лас-том, станет черпать силы в пролитой крови.

У Джилли пересохло во рту. Он перехватил флягу у Маледикта и сделал глоток. Было глупо бояться того, чего не может быть. Боги мертвы, а Маледикт — Маледикт лишь человек. Сны — еще не доказательство, даже если в них фигурировал меч; мастерство в фехтовании оплачено деньгами; а если Маледикт выжил после применения яда, то только благодаря проявленной осторожности, и лишь по счастливой случайности ему не сделалось плохо. Все эти зыбкие, поверхностные доказательства разлеталось вдребезги, стоило Джилли попытаться найти ответы, он остался наедине с комом в животе и привкусом меди во рту — язык до крови прикусил.

Он вспомнил, какое наслаждение горело в глазах Маледикта во время дуэли, с каким злым весельем юноша, пританцовывая, уклонялся от ударов Де Герра. Даже теперь, когда Джилли размышлял над правдоподобностью ночных кошмаров, Маледикт улыбался, поглаживая крылатую гарду меча, взгляд черных глаз заволокла дымка.

9

Чудесный погожий день едва перевалил за половину, и Джилли под предлогом похода в кондитерскую сбежал от компании знатных дам, прибывших посплетничать с самым скандальным придворным за последние несколько летних сезонов. В первый

день, когда в особняк явилась толпа любопытных, Маледикта позабавила возможность покрасоваться на публике. Зато через неделю настроение его испортилось, а интерес постепенно пропал; сегодня он и вовсе бросил гостей на попечение Ворнатти.

Джилли, вызванный в парадную гостиную, обнаружил, что визитеров на сей раз больше обычного: вдоль стен, у спинета и даже на небольшой сцене — повсюду, казалось, толпились дамы. Мирабель оккупировала место хозяйки и сидела едва не в обнимку с Ворнатти, с одинаковой щедростью разливая окружающим чай и расточая злобу. Когда Джилли, стараясь не наступать на подола и шлейфы, предстал перед бароном, тот приказал разыскать Маледикта во что бы то ни стало, где бы тот ни прятался.

На счастье, вовремя подвернувшийся заказ позволил Джилли покинуть дом в поисках пирожных и юноши. Он потянулся, оказавшись на солнышке, и неожиданно для себя расплылся в улыбке. В последнее время он проводил слишком много времени в душных, переполненных людьми помещениях. Проворный ветерок и легкий аромат моря действовали на его чувства, как бальзам. Джилли миновал Дав-сквер, где толпились ораторы: с наспех сколоченных трибун люди проповедовали эгалитаризм, призывали к мятежу, разглагольствовали об экономике. В самой гуще народа один провинциал, облаченный в лучшее платье, посмел завести разговор об отсутствующих богах, был тут же освистан толпой и замолк.

Джилли швырнул несколько медяков в сброшенное пальто защитника богов. Тот размашисто нарисовал в воздухе над головой своего благодетеля символ Баксита — бога праздности и благоразумия. «Пусть прекратятся сны», — мысленно попросил Джилли, кивнув головой в знак благодарности и направляясь к магазинам.

Расплатившись с кондитером, Джилли замедлил шаг. Ему не хотелось возвращаться на Дав-стрит. Он не отыскал Маледикта — а потому не имел ни малейшего желания выслушивать ругань Ворнатти или то и дело наткаться на невидимые границы, вежливо очерченные женщинами, к которым он не имел права прикасаться. Сортируя в голове идеи и возможные отговорки, он брел в сторону набережной. Можно бы купить свежей рыбы и крабов

для Ворнатти — и сочных устриц, немодную страсть к которым они разделяли с Маледиктом. Джилли выбрал извилистую дорожку, что вела по аллеям позади магазинов; этим путем ездили повозки с товаром. Аллеи пульсировали жизнью; Джилли поосторонился, пропуская телегу с мешками сахара и специями из Приисков. По печати на тюках — в виде синего полумесяца — он определил, что это лучший импортный товар, предназначенный не для продажи в Итарусе или Дайнланде, а для приготовления изысканных сладостей, поставляемых ко двору Антира. В воздухе плыл аромат корицы и свежесобранных какао-бобов.

Шелест волн, плеск воды о пирс и днища судов возвестили о близости к пристани раньше, чем Джилли увидел ее. Аллея в последний раз нырнула — и вот перед ним открылась мощеная набережная, словно слившаяся с серой морской водой.

Джилли спустился к пристани, намереваясь понаблюдать за кораблями и матросами, быть может, отыскать у причала лодку своего приятеля Рега, когда взгляд его упал на силуэт в изысканной одежде. На набережной стоял юноша благородного происхождения; светлая рубашка поблескивала на солнце золотом, черные волосы спутались на ветру. Джилли замер. Не просто благородный юноша, но его юноша.

Маледикт неотрывно глядел на воду, на корабли, что чередую шли в порт и становились здесь на якорь. Юноша и сам слегка покачивался — словно представлял, что слился с морем, превратился в одну из волн.

— Строишь планы, как бы раздобыть койку на корабле, плывущем за границу? — спросил Джилли.

Маледикт не спеша перевел взгляд на корабль с красно-золотым носом и ростром в виде дельфина.

— С чего мне так усердствовать? К тому же, Ворнатти твердит, что Янус вернется. Ведь я могу ему доверять — не так ли?

Горечь в голосе юноши заставила Джилли замедлить шаг.

— Разумеется, — ответил он. — Что это на тебя нашло с утра пораньше? — Джилли уселся на волнолом и свесил ноги над бурлящей водой. Прибой выбрасывал на берег всякий мусор: грязные перья чаек, дохлую рыбу, что плавала кверху серебристым брюхом, веревки водорослей, вырванные со дна тяжелыми якорями.

— Мирабель, — отозвался Маледикт. — Она ходит за мной, как тень, следит за каждым движением, цепляется за руку, надевает платье в тон моему — это ненормально!

Джилли рассмеялся.

— Мэл, ведь мы же торгуем информацией, которую выудили из сплетен слуг, себе на пользу? Почему бы Мирабель не поступать так же? Она наверняка платит кому-то из нашей домашней прислуги.

— Тебе? — спросил Маледикт.

Джилли поднял взгляд на спящее солнце — и мрачное лицо юноши.

— Скорее всего, Ливии, — ответил он. — Она равнодушна к деньгам. Впрочем, особой опасности тут нет.

— Ну, значит, прикажи Ливии перестать этим заниматься. Или пускай врет Мирабель, что я надену розовое, когда я собираюсь надеть голубое. Она самолюбива и не станет липнуть ко мне, если вдруг окажется, что наша с ней одежда не гармонирует по цвету. — Маледикт столкнул ногой в воду перепачканную смолой щепку.

— Если Мирабель узнает, что ты намеренно ввел ее в заблуждение, она обидится — а она не тот человек, который легко забывает обиды, — предупредил Джилли. — Она ищет твоего расположения, Мэл.

Маледикт зарычал.

— Почему я? Нет, меня не интересуют причины. Просто установи ее.

— Ладно, — уступил Джилли.

Маледикт удивленно замер.

— Вот так просто?

Джилли ухмыльнулся — в кои-то веки ему удалось удивить Маледикта.

— Я знаю, что сказать. Главное — найти способ довести до нее нужную информацию.

Маледикт сделал глубокий выдох, расслабленно опустил плечи.

— Никто не научил меня, как отталкивать вельмож. На всех уроках я учился лишь тому, чтобы сойти среди них за своего. Пока я не знал правил этикета, все было проще.

Джилли едва подавил смешок.

— И как бы ты избавился от нее в прежние времена, пока еще не был образчиком хороших манер?

Маледикт пожал плечами.

— С помощью палки.

Джилли расхохотался. Но когда первая волна изумления схлынула, он осознал, что Маледикт говорил правду. Он видел юного Роуча и его грубое орудие, и понимал, какие повреждения способна нанести обыкновенная палка в умелой руке. Вдобавок Маледикт был не просто заурядной крысой из Развалин. Мимо проплыло темное блестящее перо, и вслед за ним пришли страхи, прогнавшие всю веселость Джилли.

Он недоумевал: почему какое-то покачивающееся на волнах перо вмиг вернуло его к состоянию, о котором он не вспоминал уже неделю — и даже дольше, если быть до конца честным с самим собой. Сон об Ани. Мальчик и меч с крылатой гардой — и жажда мести. Комом в горле, готовые вырваться наружу, застряли слова — вопрос, настоятельная потребность услышать ответ. Любой ответ — лишь бы не эта мучительная неопределенность. Но настроение Маледикта было столь непредсказуемо и обманчиво, что Джилли проглотил самый важный и самый простой вопрос в ожидании более благоприятного случая, надеясь потихоньку добраться до правды. Он нервно кашлянул.

— Ты родился в Развалинах, — заговорил Джилли. — Ты когда-нибудь слышал, как они стали тем, что они есть?

— Разумеется, слышал. Знатная девушка, отвергнутая возлюбленным-купцом, вознесла молитву к Ани. Ани отозвалась на ее молитву, погубив купца, его лавки, улицы — все, что он когда-либо любил. — Маледикт опустил на камень рядом с Джилли, прячась в тени его большого тела. — Вся история лишь в очередной раз доказывает власть знати, даже над богами.

Джилли пожал плечами, изо всех сил стараясь говорить небрежным тоном.

— А мне известна другая версия. Рассказать?

Маледикт пожал плечами, в точности как только что Джилли:

— Если хочешь.

— Знатную девушку звали Лиана, а купец был вовсе не купец, а обыкновенный простолюдин. Разносчик по имени Эдвард. Она любила его без памяти. Она отдала ему все — тело, сердце, драгоценности, которые выкрала из дома. И когда у нее уже ни-

чего не осталось, он бросил ее ради другой. Гнев и боль оказались столь невыносимы, что она выкрикнула имя Ани и взмолилась о том, чтобы богиня отомстила за ее несчастье, помешала ему полюбить кого-то еще, помешала существованию другой женщины.

— Так значит, Развалины... — проговорил Маледикт.

— Нет. Ничего не случилось. Ани не стала действовать Сама, но Она прокралась в сны Лианы и подменила любовь на месть, ярость на силу. Лиана утопила свою соперницу в пруду с лебедями. Эдвард нашел свою новую возлюбленную в воде, в окружении черных перьев. Но все лебеди на пруду были белыми, и он понял, что Лиана попросила заступничества у Ани.

Джилли сжал кулак; даже в сказках доказательство вмешательства Ани выглядело в лучшем случае эфемерным, пока для сомнений не становилось слишком поздно. Перо плавало крошечной лодочкой, поднималось и опускалось на волнах, и Джилли переводил взгляд с него на Маледикта, размышляя, не таится ли за взглядом этих черных глаз сама Ани.

— Ну, продолжай, — подбодрил Маледикт.

— Когда случилось то, что случилось, в сердце Лианы осталась лишь скорбь. Ани тихо напоминала ей, что она выкрикнула мольбу и против своего любовника, а потому сделка должна быть выполнена. Только у Лианы больше не осталось ненависти, чтобы питать Ани; зато девушка разыскала Эдварда, чтобы вымолить у него прощение.

И вот тогда Ани с ревом пробудилась к жизни, и забила крыльями, и сравнивала с землей Развалины. Лиана и Эдвард канули под руинами, погребенные вместе посреди города. Месть, однажды начатая, уже неудержима. Чернокрылой Ани неведома жалость, и Ее крылья — мерзкие крылья труп.

Маледикт безмолвно наблюдал, как морская рябь вспенивается и опадает у свай причала. Джилли, схватив юношу за подбородок, в упор взглянул в черные глаза. Руки его дрожали, когда он наконец решился задать вопрос:

— Откуда у тебя крылатый меч, Маледикт? Почему мне снится Ани, когда ты рядом? Ты воззвал к Ней? Она ответила?

Пальцы Джилли сжимались все судорожнее, по мере того как затягивалось упорное молчание Маледикта.

Глаза юноши загадочно смотрели сквозь густые ресницы. Он дернул подбородком, высвобождаясь, и столкнул в воду кусочек ракушечника; крути побежали по волнам и растворились, и лишь тогда послышался ответ:

— Я никогда не зывал к Ней. — Маледикт бросил молниеносный взгляд на Джилли, усмиряя зародившуюся в том волну облегчения, и тихо продолжил: — И все же, когда я спал, Она проснулась во мне и принялась нашептывать такие вещи... Когда я уснул, было лето. А проснулся зимой, и мне казалось, что всей кожей и костями я чувствую, как растут перья; а рядом лежал меч.

Джилли ждал, что Маледикт вот-вот рассмеется над ним, под маской презрения к доверчивому слуге пряча собственные сомнения. Джилли сам ожидал, что будет смеяться над собой и расхваливать актерский талант Маледикта. Но это невероятное признание шокировало его, свернулось клубком в животе, заставило бешено мчаться по венам кровь, не позволило вымолвить ни слова. Боги не покинули мир. Маледикт подчинялся Чернокрылой Ани. Джилли задрожал, борясь с порывом вскочить на ноги и бежать с причала, пренебрегая опасностью смертельно обидеть Мэла — или Ани! У него перехватило дух.

Единственное, что сдержало и остудило его, что не дало запаниковать, было воспоминание — воспоминание некоего спокойствия, чудесного ощущения быть тем единственным, кому доверял Маледикт, единственным, кто мог выманить правду из путаницы так похожей на правду лжи.

Маледикт неуютно поежился, словно желая взять свои слова обратно, положить конец Ее грозному присутствию. Джилли осторожно обнял юношу за плечи, ища возможности разогнать повисшее между ними ледяное молчание, растворить почти осязаемый комок страха в животе.

— Вон тот корабль, видишь его? — Он указал на массивный, с прямым парусным вооружением корабль, который как раз заходил в бухточку, вздымая бурные волны у дальнего пирса. Ростр сверкал на солнце блеском расплавленного металла — изогнувшаяся кошка с рыбьими плавниками.

— Похоже на золото, — отозвался юноша, не замечая дрожи в голосе Джилли и глядяваясь в корабль с жадной готовнос-

тью, выдававшей желание поскорее забыть о том, в чем он только что признался.

— Это и есть золото. — При виде изумленного лица Маледикта Джилли ухитрился выдавить слабую улыбку. Ничто так не успокаивало его, как созерцание кораблей. — Парусник зовется «Вирга». Он отправляется к Приискам и возвращается, груженный сокровищами: специями, деревом для наших корабельщиков, диковинными зверями и птицами, а еще маленькими проворными обезьянками, так похожими на людей. Однажды и я сяду на корабль, что устремляется в новый мир — туда, где люди возносят к небу храмы из грязи и камня, чтобы говорить со своими богами, — хочу посмотреть, чему они смогут меня научить. Впрочем, если верить большинству отзывов, там живут самые обыкновенные дикари.

— Почему мы зовем их дикарями, когда у них есть города и религия? Ведь это даже больше, чем у нас, — удивился Маледикт. Морской бриз растрепал волосы юноши, нарушив ледяную неподвижность. Мэл принялся болтать ногами над водой.

Джилли, рассмеявшись, пододвинулся поближе к Маледикту, склонил голову, как заправский заговорщик. Вскидывая брови, он то и дело восклицал деланно шаловливым тоном: «О, боже! Неужели ты не слышал, разве ты не знаешь?..»

Беззаботности у Маледикта поубавилось. Он скосил глаза на Джилли, подозревая розыгрыш.

Положив ладонь на руку юноши так, чтобы не потревожить повязки под рукавом, Джилли понизил голос до волнующего шепота:

— Дорогой мой, там, где мы носим *телячью кожу*, они носят — *перья!*

Глаза Маледикта широко распахнулись, и он расхохотался — отрывистым, диким смехом, который выдыхало его больное горло.

Джилли ухмыльнулся, довольный, что удачно поддразнил юношу. Жаль, не удавалось рассмешить Маледикта раньше: наконец-то он стряхнул дрожь, которая стремилась вырваться наружу, и переключился на безобидный предмет разговора.

— Вместо панталон? И что, перья их не щекочут?

— Подозреваю, что они нашиваются на потайную подкладку. Но аборигены просто с ног до головы облачены в перья. Пе-

рья у них на ногах, в волосах — переливаются всеми оттенками красного, золотистого, синего и зеленого. Там у них водятся такие птицы — крупнее наших сов и пестрее наших фазанов.

— А чем еще они замечательны, Джилли?

Похоже, Маледикт впрямь заинтересовался и совсем отвлекся. Джилли задумался — вдруг теперь уже юноша его дразнит? Но... «...проснулся зимой... а рядом лежал меч», — вдруг всплыли в памяти слова Маледикта. По коже Джилли пробежали мурашки. Ища спасения, он пустился в безудержную болтовню:

— Ну, еще они находят золото на земле, и в воде, и из него делают мягкие, податливые даже в человеческих руках украшения. Широкие ожерелья и браслеты, серьги, кольца. Они даже вставляют золото между зубами, чтобы улыбки были такие же яркие, как одеяния из перьев. Глаза у них темные, как у тебя, а кожа цветом как крепкий чай, и они глиной и красками наносят на нее рисунки. Всю еду они запивают шоколадом, а едят они под синим небом. — Джилли говорил больше для самого себя, вспоминая сказки, которые пересказывал ему друг Рег. Маледикт, подтянув колени, уткнулся в них подбородком и не сводил восхищенных глаз с «Вирги», заставляя Джилли гадать, что больше интересует юношу: золото? тропическая жара? незнакомые города и диковинные люди?

Поежившись, Маледикт сообщил:

— Я проголодался.

К счастью, в этой жалобе не было ничего необычного, и Джилли с удовольствием взялся за решение проблемы.

— Кухарка сказала, что ты пропустил завтрак, и, насколько мне известно, не пошел на чай. Идем купим тебе мороженого. — Он поднялся и протянул Маледикту руку.

Юноша принял ее, отряхнулся и проговорил:

— У меня нет денег. Сегодня утром Ворнатти рассердился и не выплатил мне содержания.

— Истинный аристократ никогда даже не задумывается о деньгах. Он полагает, что все магазины предоставляют кредиты, причем делают это с удовольствием.

Маледикт лишь кивнул; лицо его было бледно, губы сжались.

— Что? Бок болит? Или рука? — забеспокоился Джилли, останавливаясь. С тех пор, как Маледикта ранили, слуга опасался инфекции. Мальчик не дал ему позаботиться о ранах, доверив Ворнатти накладывать швы.

— Болит, — сознался Маледикт.

— Тебе повезет, если раны не загноятся. Ворнатти плохой врач.

— И все-таки они заживают, — возразил Маледикт.

Да, согласился Джилли; осознание происходящего снова захлестнуло его, словно шлепок ледяной морской воды, попавший внутрь и не желающий перевариваться. Разве исцеление ран — не один из даров Ани? Нечто доброе, обращенное к злой цели? Трудно остановить человека, не восприимчивого к боли. Но ведь Маледикт потерял столько крови...

— Хватит пляться, — прервал его размышления Маледикт. — Ты обещал покормить меня.

Джилли отыскал для них столик в «Глориусе» — людной кондитерской, популярной среди служанок, купцов, секретарей, моряков и рабочих. Когда-то здесь возвышался храм Наги, эмееподобного божества здоровья и жадности. На стенах по сей день сохранились изысканные фрески колышущихся волн и змеиной чешуи, колонны были выполнены в виде змей, вздымающихся из морских глубин, разинутые клыкастые пасти поддерживали щиты с гербами.

И в самом центре за столиком сидели Джилли и Маледикт, поедая корзиночки с лимонным мороженым и сладкую выпечку и запивая это все горьким кофе с сахарной гущей на дне. Губы юноши раскраснелись от ледяного поцелуя лакомства, а щеки зарумянились от дымящегося напитка.

— Похоже, Ворнатти наскучила его компания, — заметил Джилли, глядя на карету, подкатившую ко входу в неброскую лавочку, обозначенному лишь тремя серебристыми шарами на нитке.

Маледикт повернул голову, проследив за взглядом Джилли. Из кареты вышла Мирабель; поверх платья был накинут плащ — для анонимности. В руках Мирабель держала сверток. Она исчезла в темной лавке.

— Это же ломбард! — удивился Маледикт, прячась за спину Джилли.

— Леди Мирабель закладывает свои ценные вещи. Или, что более вероятно, ценности Вестфоллов. Сомневаюсь, чтобы у нее сохранилось что-нибудь стоящее. Впрочем, если бы она вышла замуж за состоятельного человека...

Маледикт оттолкнул тарелку.

— Она не может думать о чем-нибудь другом?

— Ей больше ничего не остается делать, — отозвался Джилли. — Она аристократка, а потому ее ничему не учили. И ничего не позволяли. В этом обществе женщину так легко погубить.

— Такое впечатление, что тебе жаль ее.

— Нет, — отрезал Джилли. — У нее был богатый муж, а она убила его. Было бы неплохо, если бы ты помнил об этом, когда общаешься с ней.

— Мне нет нужды, — ответил Маледикт. Аппетит вернулся к нему, и он стянул с тарелки Джилли недоеденную булочку. — Мои цели требуют применения меча. А эта — нет. Это твоя цель.

10

Во все времена уязвленная гордость или утрата побуждали людей совершать ужасные деяния мести, доказывающие, каким опасным, каким подлым может быть человек, если предпочтет обратить работу разума к дурной цели. Но ни один человек не может совершить деяний столь ужасных, как тот, кто снискал помощь Чернокрылой Ани, богини любви и мести. Под ее защитой месть одного человека способна истреблять не только семьи, но и целые города.

Дариан Ченсел. О теологии

Мирабель вся искрилась оттенками оранжевого и огненного, что придавали немного тепла ее безупречной, ледяной красоте и очень гармонировали с пламенем и позолотой на камзоле Мале-

дикта. Стоило юноше войти, как Мирабель приблизилась к нему столь естественно, словно все было оговорено заранее. Щеки ее, против обыкновения, окрашивал слабый румянец. Маледикт, слуха которого достигли сплетни, ничуть этому не удивился.

До него донесся звонкий смех.

— Нет, ей-богу, дорогая, Вестфоллу пришлось заплатить за свои собственные серебряные гребни! Только представьте... — Леди Тайна и ее собеседники резко замолчали, стараясь сдерживать улыбки, когда мимо прошествовали Маледикт и Мирабель.

Вне дома Маледикт слышал почти то же самое: что Адам Вестфолл, утомленный присутствием незваной гостьи, настоял на том, чтобы его супруга избавилась от нее. Юноше оставалось только надеяться, что это произойдет скоро и он будет избавлен от очередной вереницы встреч с ее изощренно ядовитым языком.

— Поведайте мне, Маледикт, как поживает Ворнатти. Ведь вы не были на балу у Лавси? Я полагала, что вы туда собирались.

— Вот в чем трудности подкупа чужих служанок, — отозвался Маледикт. — Они немало стоят, но на них нельзя положиться.

Мирабель рассмеялась.

— Вы говорите такие ужасные вещи! — Она наклонилась ближе, соблазнительно мелькнуло надушенное, напудренное деколье. — Однако вы не объяснили вашего отсутствия, а пренебрежение балом у советника требует по меньшей мере извинения.

— Я тоже заметил ваше отсутствие. И вы не прислали записки. — Приятный голос заставил Мирабель присесть в реверансе, а Маледикта — изогнуться в поклоне: к ним подошел Арис.

— Сир, — проговорил Маледикт, — барону Ворнатти нездоровилось, и я рассудил, что мое место — рядом с ним. — Объяснение было настолько близко к истине, насколько возможно. В действительности после их с Джилли неповиновения, когда они сбежали к морю, барон наказал их. Джилли на неделю отправили спать в конюшню, а Маледикта Ворнатти держал рядом с собой, как на поводке.

Мирабель тихо промурлыкала:

— Да, полагаю, я видела, что именно Ворнатти считает вашим местом.

Маледикт почувствовал внезапную вспышку ненависти к ее острому языку, к тому, что она, привилегированная гостья, наблюдала с насмешкой в глазах, как Ворнатти подчиняет его себе.

— Сегодня вы бледны, юноша. Не позволяйте праздности городской жизни навредить вашему здоровью. Вы должны больше танцевать, — заметил Арис. Морщинки у него на лбу разгладились. — Немного румянца не помешает этим прелестным щекам.

— Именно в этом я его и старалась убедить, — согласилась Мирабель, легко похлопывая Маледикта веером по плечу. — Но станет ли он танцевать? Нет, не станет. — Она грациозно подала руку и замерла в ожидании, когда музыканты заиграли вступление контрданса, как будто дни наблюдений за тем, как Маледикт потакает капризам Ворнатти, сделали и ее просьбы непрекращаемыми.

Юноша машинально, не раздумывая, отступил. Мирабель нахмурилась, но уже в следующее мгновение ее дивные черты вновь озарила безмятежность.

— Вот видите, сир?

— Нехорошо, юноша, — с укором произнес Арис. — Мы, знатные люди, никогда не должны разочаровывать столь прелестную и благородную леди.

Мирабель завладела рукой Маледикта с такой решительностью, что причинила ему боль.

— И все же вы не будете танцевать, — проговорил Маледикт, не в силах сдержать раздражения. И с опозданием постарался завуалировать свою оплошность посредством лести, как он обычно поступал с Ворнатти: — Дерзну сказать, мой король, что вы куда более походите на предмет мечтаний дамы, нежели я.

Арис рассмеялся, слегка покраснев, и подал руку Мирабель.

— Обновим паркет вместе, Мирабель, и преподадим щенку урок хороших манер.

Мирабель снова сделала реверанс; в темно-рыжих волосах мигнули топазы.

— Вы оказываете мне огромную честь, сир.

— Ну же, юноша, найдите себе партнершу, — улыбнулся Арис. Он взмахнул рукой в перчатке; музыка стихла.

Глаза Маледикта скользили по зале. На краткий миг они задержались на Джилли — тот прятался в тени балкона; затем остановились на миниатюрной девушке, более напоминавшей фарфоровую куклку — девушку, видимо, впервые вывезли в свет, а ее дуэнья едва не свернула шею в попытке расслышать очередную сплетню. Маледикт быстрым шагом приблизился.

— Леди?

Музыканты заиграли замысловатый мотив лабиринтина. Маледикт и его дама двигались точно, с настороженным изяществом двух незнакомых людей. Оторвав взор от опущенной девичьей головки, Маледикт встретил пристальный взгляд умных голубых глаз Ариса — и споткнулся.

Склонившись в финальном реверансе, юноша коснулся губами руки своей дамы. Она тут же упорхнула к хмурой дуэнье.

Арис склонился к руке Мирабель, и Маледикт воспользовался моментом, чтобы ускользнуть в полумрак балкона. Увидев, что юноша направляется к нему, Джилли достал из кармана камзола флагу.

Тут на предплечье Маледикту легла чья-то рука. Он резко развернулся и проглотил вспышку гнева:

— Сир.

— Маледикт, следуй со мной. — Король отпустил шелковый рукав и пошел в противоположном направлении, уверенный, что Маледикт не посмеет ослушаться. Балкончики и уединенные ниши, сделанные в форме морских раковин, пользовались у гостей таким успехом, что Арису пришлось заглянуть за несколько дверей, прежде чем они отыскиали свободный уголок.

Король устало опустил на одну из резных мраморных скамей, стоявших по периметру балкона. По обе стороны от любопытных взглядов их скрывали розовые кусты. Снизу, из садов, доносился запах мокрого мха и цветов, раскрывающихся с наступлением темноты. Маледикт стоял перед королем в нерешительности и волнении. Он хорошо понимал, что сегодня уже дважды проявил неосмотрительность — когда явился ко двору в скверном расположении духа и когда отказал в танце леди Мирабель.

— Ты новичок при моем дворе, и Ворнатти — твой единственный опекун и наставник; возможно, ты знаешь меньше, чем следовало бы, о тонкостях, принятых в обществе.

— Я прошу прощения за свое нежелание танцевать, сир. Обещаю исправиться и танцевать все сеты, которые еще остались сегодня вечером. Если вы пожелаете, — произнес Маледикт, борясь с отвращением к подобному времяпрепровождению. У него не было никакого желания стоять столь близко с другими мужчинами и вести женщин с себя ростом, постоянно опасаясь, что это лишний раз подчеркнет его хрупкость, поставит под удар его маскировку. И все — только ради того, чтобы не вызвать неудовольствие короля. Маледикт прикусил губу и закрыл глаза, в который раз сожалея, что он не может просто взять и забрать Януса, без всякого маскарада.

— Поступай как пожелаешь, только, Мэл... — Голос Ариса изменился, приобретая интонации близкого друга: — Мэл, одно предупреждение. Хотя известно, что некоторые молодые люди находят компанию других мужчин более предпочтительной, нежели общество дам, я не позволю подобной паре разрушить линию танца. Необходимо соблюдать благоразумие. Ты способен быть осмотрительным?

— Неужели вы находите меня столь бестактным, чтобы ожидать подобного? — В тоне юноши послышалась скорее обида, нежели обеспокоенность; его вывело из себя открытие, что интерес короля к его персоне простирается так глубоко в его личную жизнь.

— Я нахожу тебя... — Арис в задумчивости сорвал розу с ближайшего куста и вдохнул ее аромат. Лепестки почти все опали, края уцелевших почернели; но и эти последние облетели от легкого прикосновения дыхания. — Я нахожу тебя почти непредсказуемым. Импульсивное создание при закованном в строгие рамки дворе, а я не желаю, чтобы мой брат был настроен против тебя. У него больше власти, чем мне бы хотелось...

Маледикт замер, стараясь расслышать недосказанное королем — Арис не упомянул об усилиях, которых ему стоило одновременно ублажать Ворнатти, державшего в руках веревочки от кошелья Антира, и удовлетворять амбиции своего брата.

Прежде чем Маледикт успел ответить, из залы донеслась мелодия. Арис улыбнулся:

— Снова лабиринтин.

Король поднялся.

— Вы хотите, чтобы я начал танцевать? — спросил Маледикт.

— Как только перестанешь ошибаться в па, — отозвался Арис.

Маледикт вспыхнул от досады: значит, король видел, как он споткнулся.

— Лабиринтин не такой уж сложный танец, — успокоил Арис. — Однако от человека, который не учился ему с пеленок, требуется определенное внимание. — И король подал Маледикту руку.

Мирабель, потерпевшая неудачу на охоте вследствие непринужденного похищения Арисом ее партнера, прошествовала к балкону. Она помедлила в нерешительности, увидев, что он занят, однако решилась и, неожиданно улыбнувшись, подошла ближе.

— Какое угрюмое создание этот твой господин, — проговорила она, оказавшись в полумраке ниши рядом с Джили.

— Чем могу служить, леди? — Джили провожал взглядом Маледикта, который следовал за королем.

— Не прикидывайся дураком, — сказала Мирабель. — Милая Ливия утверждает, что именно ты за всем стоишь. Джили, неужели это так? Расскажи мне о Маледикте.

— Что вы хотите знать такого, чего вам не может сообщить Ливия? — рассеянно спросил Джили. Сегодня вечером Маледикт выглядел вполне обыкновенным, по крайней мере настолько обыкновенным, насколько вообще было возможно. И присутствие Ани казалось еще более нереальным, чем в кошмарах.

— Я хочу знать то, что желает знать любая женщина. Насколько я ему нравлюсь.

Джили насторожился.

— Не лучше ли было бы спросить, каковы его перспективы? Или же вы ищете брака исключительно по любви?

— Исключительно по любви? — переспросила Мирабель, принимая безразличный вид. — Маледикт может предложить больше, чем просто любовь.

— Но не деньги, — сказал Джилли, облачаясь о колонну. — Ворнатти лишь выплачивает ему содержание, не более того.

Довольное выражение лица Мирабель превратилось в гримасу ярости, глаза сузились в щелки.

— Ты лжешь. Ливия говорит, что у Маледикта есть собственное состояние.

— Ливия, — неожиданно гневно ответил Джилли, — всего-навсего служанка. Для нее десять солей — уже состояние. А между тем это лишь цена кружев на вашем платье.

Мирабель резко схватила за свою длинную юбку, словно хотела вернуть потраченные на нее деньги.

— И все же у него есть перспективы... Ворнатти наверняка определит ему ежегодное содержание.

— Он предпочитает держать Маледикта под крышей собственного дома. Если Маледикт решит жениться, Ворнатти перестанет содержать его. Такой уж он собственник. — Голос Джилли сделался грустным, и эта горечь придала весомости его словам. Неделя, проведенная в изгнании, в тревогах о собственном положении, сделала его пессимистом. Один в конюшне, в компании лишь собственных снов — снов о хохоте Ани: он просыпался и видел, как лошади вскидываются и мечутся, словно тоже чувствуют Ее присутствие.

— Ты ничего не знаешь. — От ярости Мирабель едва не брызгала слюной. — Ты — лишь слуга!

— Я тот, кто за всем стоит, — парировал Джилли.

— Скорее лежит, завернувшись в простыни. Ты — не более чем безделушка Ворнатти.

Джилли содрогнулся.

— Тем не менее то, что я вам говорю, — правда. Пусть Ворнатти богат — но у него нет обязательств перед Маледиктом. По правде говоря, неделю назад он урезал ему содержание.

Кровь отхлынула от лица Мирабель, превратив его в белую маску, зеленые глаза закрылись. Она так и не разжала сцепленных рук.

— Доброй ночи, Мирабель, — попрощался Джилли.

Она отвесила ему пощечину, одновременно стараясь вонзить ногти. Джилли отскочил, спасшись от наихудшего, и все же щека его вспыхнула болью.

— Леди Мирабель. Пусть у меня больше ничего нет, но этого не отнять. А ты всего лишь слуга.

Оттолкнув Джилли, Мирабель на миг задержалась в дверях, потом гордо вскинула голову и вернулась к остальным придворным.

— Вот так, — сказал Арис, беря Маледикта за руку, когда заиграла музыка. Юноша вдохнул поглубже, сделал грациозный шагжок, отступил, потом исполнил замысловатый поворот и поклон, все время ощущая ладонь короля на своей. Он снова споткнулся, и Арис терпеливо повторил: — Еще раз.

— Вы замечательный учитель, — проговорил Маледикт.

Арис улыбнулся.

— Я всегда был старательным учеником.

— А я, по всей видимости, лоботрясом, — отозвался Маледикт.

— Ты великолепно вальсируешь, — заметил король. — Твой учитель заслуживает всяческих похвал.

Маледикт сдержал улыбку, вспоминая, как Джилли кружил его в вальсе, пока он не начинал задыхаться и жаловаться на головную боль.

Из бальной залы слышался новый такт, и Арис подал руку.

— Еще раз?

— Арис! — позвал Ласт, возникая из-за спины брата и заслоня свет, струившийся из залы.

— Мой брат, сторожевой пес, — пробормотал Арис.

Маледикт отступил от короля. У Ластва поползли вниз уголки рта, обрамленного светлой бородой.

— Помни о благоразумии, — повторил Арис, посторонившись, чтобы позволить Маледикту вернуться в залу.

Юноша дотронулся до гарды меча, огладил перья, размышляя, какой удобный выдался момент: Ласт был рядом; ярость неистово бушевала в крови. Граф забрал Януса, послал Критоса на

его поиски, будто он был не более чем потерянная вещь... Сердце бешено било крыльями о грудную клетку, трепетало от гнева и боли. Ударить *теперь* — и покончить со всем...

— Маледикт? — Брови Ариса поползли вниз при виде Маледикта, стиснувшего рукоять меча.

Юноша, вздрогнув всем телом, отдернул ладонь. Сколько времени он паялся на Ласта, как бешеный пес? Он коротко поклонился, изысканно щелкнув каблуками, чтобы позабавить Ариса, и сбежал в залу. Внутри него слышался истошный визг Ани. Второй раз... быть так близко — и не нанести удар... «Еще рано», — проговорил Маледикт, обращаясь к жару в крови.

Ступив на паркет, он заметил, что Джилли внимательно смотрит на дверь, ведущую из залы — и снова свернул с пути. На сей раз ему удалось достичь безопасной гавани рядом с Джилли.

— Мне нужно выпить.

Джилли стал сосредоточенно извлекать из кармана флягу.

— Чего хотел король?

Пожав плечами, Маледикт небрежно опустился на скамью и вытянул ноги во всю длину, не позволяя Джилли присесть рядом.

— Научить меня танцевать. И отчитать за поведение. Все мои танцы поделены между ним и Мирабель. — Маледикт ссутулился, уныло изучая носки своих лакированных туфель.

— С Мирабель я покончил, — сказал Джилли. — И, по видимому, пока я с ней разбирался, она обчистила мои карманы. Извини, Мэл, фляга пропала.

— Джилли! — воскликнул Маледикт. — Что значит какая-то фляга, когда ты заставил ищейку бросить мой след? О большем я и просить не смею.

— Неподходящим в ее глазах тебя сделала простая правда, — пояснил Джилли, несколько озадаченно похлопывая себя по карманам, словно стараясь припомнить точно, когда именно исчезла фляга.

— Правда? — переспросил Маледикт; в животе словно змея зашевелился холод. — Какая такая правда?

— Что состояние Ворнатти тебе не светит.

— Подумать только, отсутствие состояния может принести пользу! — Злорадная усмешка на лице Маледикта утасла. Он подошел к Джилли, дотронулся до его щеки. — А это что?

Джилли коснулся царапины на скуле.

— Мирабель не особенно обрадовалась тому, что мне пришлось ей сказать.

— Хочешь, я отплачу ей за это? — предложил Маледикт. Едва побежденная ярость вновь разыгралась, найдя новую цель. — Растреплю повсюду, что она мне не нужна. Если за ней охотятся кредиторы...

— Нет, — возразил Джилли. — Оставь ее в покое. Она — как злобная крыса. Лучше не загонять ее в угол.

Маледикт вздохнул.

— Отвези меня домой. Меня утомили причуды двора, а от придворных просто тошнит. Я не могу убить тех, кого хочу, так зачем оставаться? — Он дернул Джилли за волосы, еще раз прикоснулся к красной отметине на щеке, смахнув выступившую на царапине капельку крови, и направился к главному выходу из залы.

Толпа скоро разделила их, и Джилли, не в праве проталкиваться сквозь людей из опасения оскорбить прикосновением благородную плоть и тонкие чувства, лишь наблюдал за тем, как ускользает Маледикт.

— Бежишь домой к своему хозяину, верный пес? — Рядом, как черт из табакерки, возникла Мирабель. Джилли промолчал. На балконе, скрытый от глаз, он мог высказать то, что думал. Здесь любое неосторожное слово означало порку.

Она кружила, излучая гнев и опасность, словно хищная тварь. Проведя пальцем по спине Джилли, Мирабель прошептала:

— Ты машешь хвостом перед всеми? Или только перед Ворнатти?

Джилли до крови прикусил губу.

— Он прислушивается ко мне. Я могу напелсти ему такого, что он вас обоих прогонит...

— Мирабель, — проговорил Маледикт, вернувшись. Глаза жарко пылали на его бледном лице. — Будьте осмотрительны.

Сплетня — нож, и он уже у вашего горла. Вам бы хотелось, чтобы я надавил сильнее?

Джилли пробрала дрожь от тихого гнева в голосе Маледикта, от изумления в глазах Мирабель, от этой внезапной переоценки его статуса в доме Ворнатти.

— Идем, — позвал Маледикт, схватил Джилли за руку и потащил за собой, не обращая внимания на знатных господ, что попадались на пути.

— Главный выход с противоположной стороны, — поправил юношу Джилли. — Мэл, ты не должен был меня защищать.

— Мы пройдем через сады и так избежимся от новых демонстраций благородных манер. Мое настроение сейчас напоминает острое моего же меча и ищет возможности выплеснуться. — Маледикт спрыгнул с перил балкона на землю — высота была четыре фута. Джилли последовал его примеру и беззвучно приземлился на мягкий мох.

У входа в зеленый лабиринт сада, отделявший их от дороги, Маледикт жестом остановил Джилли. Они отступали, пока не оказались в густой тени статуй и кустарника; отсюда открывался вид на затемненный балкон на той половине, что занимал король. В полумраке виднелись две стоящие фигуры; у их ног настороженно поднял голову огромный пес, втягивая ноздрями ночной воздух.

— ...буду рад познакомиться с твоим мальчиком, Мишель, невзирая на незаконность его рождения. Привози его, как только он прибудет сюда. Нам при дворе нужно как можно больше молодых людей — не таких испорченных, как мы. Довольно с нас траченных молью тайн и интриг, что заквашены на давно минувших битвах.

Послышался голос Ласта:

— Юность — не такой уж подарок, Арис. Некоторые юноши таят угрозы и скрывают тайны ничуть не хуже стариков.

И снова — Арис:

— Ты говоришь о воспитаннике Ворнатти. О Маледикте.

— Именно.

— Он всего-навсего молодой человек, алчущий наслаждений и удовлетворения собственных желаний.

— Он движим ненавистью и голодом, которые горят в его глазах. — Ласт качнул тростью, сбив розы с ближайшего куста.

— Ммм... — протянул король. — Ничего подобного в его глазах я не замечал. В твоих, впрочем...

— Ты глупец, Арис. Я скажу тебе то, что слышал, передам шепот, который витает в воздухе при дворе. Одно слово — ветер шуршит им, как осенними листьями — и слово это «ведьма». Все знают, что такое этот Маледикт: проклятая тварь.

— Ты говоришь, как деревенский старовер, которому в каждой тени мерещатся прежние боги. Но ты забываешь: твои ведьмы сгинули вместе с богами. Без силы, которую они черпали у богов, они лишь вместилища злобы. Маледикт производит впечатление приятного юноши, пусть ему и не повезло с наставником.

Ласт проворчал:

— Глупец, дважды глупец. Влюбиться в женщину из клана Ворнатти, которая не принесла ни здорового ребенка, ни власти, и теперь еще защищать эту тварь. Его коснулась Чернокрылая Ани, сделала Своим любовником...

Джилли задрожал, стоя внизу под балконом; Маледикт придвинулся к нему ближе, то ли желая поддержать, то ли — укротиться самому.

— Мишель, суеверие — отличительная черта дураков, — заметил король.

Губы Ласта плотнее сжались, он скрипнул зубами. Ласт прошествовал к выходу, и гончая зарычала ему вслед. Сняв венец, Арис зачесал волосы назад, потом снова надел атрибут королевской власти.

— Подслушивание принято при дворе. Вижу, ты овладеваешь хорошими манерами. — Вглядываясь в тени, Арис буквально пригвоздил Маледикта и Джилли озорным взглядом. Глаза короля сверкнули: — Но не забывай о благоразумии.

Маледикт резко отдернул руку, лежавшую на бедре Джилли. Джилли поспешил замереть в поклоне.

Одарив их улыбкой, король неторопливо удалился во тьму; гончая со вздохом поднялась с пола.

— Идем, — позвал Маледикт, и они с Джилли нырнули в зеленую, посеребренную лунной темноту, где белели оплетенные вьюнками статуи животных и зияли, точно провалы, заросли густого кустарника. Вьюнок цвел крошечными белыми цветочками — казалось, в них, как в созвездиях, отражается лунный свет.

Джилли указал на маленькую резную фигурку из камня в глубине искусственной ниши.

— Пока мы следуем за мышью, мы сможем найти центр, а потом выход.

— Джилли, неужели тебе известны все тайны? — спросил Маледикт, оглябая первый поворот и исчезая в тени. Теперь Джилли слышал только голос. Бриз окрашивал лунным светом каждый дрожащий лист и испещрял пятнами дорожку — казалось, она посеребрена инеем.

Джилли ступал вслед за юношей по тропам, засеянными мягкой травой — их создали специально для ночных прогулок. В обрамлении калоникциона, лунного цветка, виднелась скамейка для влюбленных; каменная мышь повернулась боком и указала направление следующего поворота.

Тропинка привела в сад, где от центра, точно спицы, расходились дорожки, сам же сад был спланирован по образу и подобию города Мюрна. В воздухе витал дурманивший аромат жасмина. В самом центре сада Маледикт поднял взгляд к звездному небу.

— Ты Ее видишь, Джилли?

Джилли ничего не видел, но слышал шорох и скрип перьев. Хриплый зов и треск доносился отовсюду, неожиданно из лиственных стен лабиринта взвились десятки грачей. Воздух наполнился барабанной дробью трепещущих крыльев под мерцанием звезд в вышине. Когда сердце у Джилли перестало бешено колотиться, он выговорил:

— Должно быть, мы растревожили их гнезда.

— Тебе не кажется, что Она за мной наблюдает? — спросил Маледикт.

— Это же просто грачи, перепуганные появлением людей в лабиринте. — Лабиринт, который казался таким мирным и уединенным, теперь смыкался над головой Джилли, словно упавшая

сеть. Неужели так и должно было быть? Лишь теперь его глаза открылись? Не в первый раз с тех пор, как они с Маледиктом сидели на пирсе, Джилли пожалел, что не слеп, пожалел, что задал тот вопрос.

— Сюда, Джилли. — Маледикт зашагал дальше, Джилли последовал за ним. Только где-то в лабиринте тропинок и поворотов, шарахнувшись от взмывших грачей, они сбились с пути и оказались в тупике, наткнулись на глухую листовую стену. Джилли нахмурился. Он хотел вернуться к предыдущему повороту, но передумал, увидев, что Маледикт остановился.

Когда шуршание шагов по траве стихло, Джилли услышал приближающийся монотонный, гулкий цокот копыт по мощеным улицам. Он раздвинул плющ, под которым оказалась сетка из направляющей проволоки, и выглянул наружу.

— Карета, — сказал он. — Наемный экипаж.

Все деревья вдоль подъездной аллеи были усыпаны грачами словно тлей.

В ночи лицо Маледикта казалось совсем бесцветным. Он вытащил меч и разрубил плющ: тот разошелся в стороны, словно разорванная бумага, и Маледикт покинул лабиринт, все же стараясь держаться в тени. Из экипажа вышел человек — смуглый и хорошо одетый, слишком хорошо, чтобы прибегать к услугам наемного кучера. Высокий, плечистый, с блестящими темными волосами и изысканной ротанговой тростью. Маледикт застыл, словно собака в стойке. Слабые струнки узнавания дрогнули в душе Джилли, но лишь когда вельможа обернулся, демонстрируя мутный рассеченный глаз, он понял, кто это.

Критос встретился с ними взглядом, и на его лице обозначилась тревога, как будто от высокого блондина и хрупкого брюнета, выступивших из тени, исходила некая опасность. Он медленно повернулся к ним спиной и стал подниматься по лестнице; впрочем, отчасти своим неторопливым шагом он был обязан спиртному, тяжелый дух которого окутывал его плотным облаком.

Маледикт застыл, словно мраморное изваяние. Лишь колотящееся сердце выдавало его, разогревая кровь и заставляя щеки полыхать алым. В шелесте грачиных крыльев отчетливыми ударами

звучало: «Критос». Имя шипело. Имя звенело. Маледикт не предполагал, что, встретив Критоса, испытает к нему что-то, кроме ненависти; теперь же уголки его губ изогнула безумная волна радости. А почему бы нет? Возвращение Критоса возвещало приближение Януса. Наконец-то Янус в пределах досягаемости... Сцепив руки и стараясь дышать ровнее, Маледикт наблюдал, как Критос колотит в массивные двери. Неужели этот пьянчуга когда-то представлял для него угрозу?

Двери распахнулись наружу, отбросив Критоса. Лакеи кинулись их ловить в надежде спасти хрупкую инкрустацию от соприкосновения с камнем крыльца. Критос шагнул вперед, как будто двери открылись для него, и тут же отвлекся — в дверном проеме возникла фигура.

— Ласт! Так вот ты где... Что это значит? Почему ты отказываешь мне в гостеприимстве? Я твой кровный родственник.

— Где Янус? — спросил граф.

— В Ластресте. Оправляется после морского путешествия. Отвечай мне. Почему меня не пустили в твой дом? — Критос хрипел, уже себя не контролируя.

— Я устал от твоих долгов. Я предупреждал, что больше подобного не потерплю. И все же, не прошло и дня, как ты проиграл в карты карету со всей прислугой. Для моего кошелька это слишком большая обуза. И я дал об этом знать ростовщикам. — Ласт оттолкнул Критоса, чтобы вернуться в дом, но тот остановил графа, схватив за руку.

— Арис будет против. Я кровный родственник, — запротестовал Критос.

— Как ни странно, — отозвался Ласт, — это, пожалуй, единственное, в чем мы с Арисом солидарны уже долгие годы. Впрочем, он полагает, что необходимость отвечать за свои поступки пойдет тебе на пользу, в чем я лично... сомневаюсь. А потому, будь я на твоём месте, племянник, я бы не стал тратить на препирательства и без того ограниченное время, а занялся бы поисками богатой наследницы, которая оплатила бы твои долги. — Герцог стряхнул с рукава скрюченные пальцы Критоса, бросил враждебный взгляд на Джилли и Маледикта и понизил голос.

Маледикт прикрыл глаза, чтобы лучше расслышать слова, которые лились бальзамом на его душу. «Пусть Критос страдает, — думал он. — Пусть окажется на улице, среди крыс, в нищете».

Голос Ласта, яростно-монотонный, плавно перетекал в уши Маледикта, и только на одном имени интонация резко шла вверх.

— ...Янус играет в карты лучше, чем ты жульничаешь. У меня есть родственные чувства. Считаю, что те долги аннулированы. — Не обращая внимания на лихорадочный румянец на лице Критоса, Ласт подал знак своему кучеру подъехать и остановиться за наемным экипажем племянника.

За его спиной Критос замахнулся тростью, намереваясь раскроить светловолосую голову Ласта. Маледикт замер, представляя, что вот-вот лишится возможности отомстить; но Ласт с плавной стремительностью змеи развернулся на месте, трость с треском врезалась в ладонь в перчатке, и он выхватил ее из рук племянника. Потеряв равновесие и силу, Критос скатился по широким ступеням и приземлился на ракушечник с плачевными последствиями для собственной кожи и одежды. Со стоном, пошатываясь, встал.

— Отвези моего племянничка куда-нибудь, чтобы протрезвел, — сказал Ласт, обращаясь к кучеру. Кучер молча покачал головой в знак несогласия; наконец граф бросил ему луну.

Ласт окинул скорчившуюся фигуру Критоса хладнокровным взглядом.

— Как обычно, ты не на то поставил, Критос. Напасть на человека, который способен — и обязательно так и поступит — лишить тебя наследства без дальнейших колебаний? Да к тому же проделать это на глазах у катамита и шпиона Ворнатти. Как скоро разлетится молва о твоих трудностях? И ведь тебе некого винить, кроме себя самого.

Маледикт обозначил легчайший поклон, когда Критос повернул к ним с Джилли разъяренное лицо, и заметил:

— О, и сколь изысканная сплетня! Семейная верность Дома Ласта. — По спине у Маледикта пробежали мурашки — единственное свидетельство накопившегося гнева. Янус опять ускользнул у него из-под носа. Убить Ласта теперь, когда его могли

поймать раньше, чем он доберется до Януса, было... невообразимо. Маледикта словно парализовало — стремление убить и необходимость подождать боролись в нем, заставляя стоять недвижно, в то время как Ласт сделал шаг в его сторону.

— Что за игру вы ведете, юноша? — Ласт смотрел на Маледикта сверху вниз, словно собственный узкий нос прослеживал до самого кончика. Ласт стоял очень близко, и Маледикту пришлось запрокинуть голову, чтобы взглянуть в его бледные, ледяные глаза.

— А это игра? Я и не предполагал. Что же до моего поведения, то я поступаю так, как считаю уместным. — Хрипотца в голосе юноши скрыла дрожь, вызванную волнением.

— Не будь вы воспитанник Ворнатти, вы бы скоро выяснили, как мало пользы приносит подобная заносчивость, — заметил Ласт. — Скажите мне, юноша, что вам нужно от моего брата?

Маледикт через силу улыбнулся, превозмогая болезненный крик внутри — крик о том, что Ласт теперь так близок к нему, и так остро черное лезвие, и так быстро можно было бы завершить задуманное. В этот миг по ступеням дворца рассыпались пастельные пятна платьев: самые юные из дебютанток покинули бал в сопровождении дуэний и теперь разыскивали свои кареты. Дамы остановились; одна неуверенно захихикала, почувствовав напряженную атмосферу, заметив нахолившихся грачей, что расселись по обеим сторонам подъездной аллеи.

— От Ариса мне нужно лишь то, что он мне уже дал, зато от вас я хочу... — начал Маледикт.

— Я ничего не сделал вам, и все же могу поклясться, что вы испытываете ко мне ненависть.

— Возможно, вашей совести есть в чем упрекнуть вас? Вы совершили дурной поступок? Быть может, мне стоило бы вам напомнить? Вы одарили меня тем, ценности чего не знали, а потом отняли, — на одном гневном дыхании проговорил Маледикт. Опрометчиво, спохватился он. Если Ласт поймет, если оторвется мыслями от собственных мелких обид, от замешательства по поводу поддержки Ариса, вдруг он снова уйдет Януса подальше?

Справившись со звенящей яростью в голосе, Маледикт продолжил уже спокойнее:

— Вас ждет карета, ваша светлость, и сегодня вечером мне больше нечего вам сказать.

От ледяного тона, которым был положен конец беседе, щеки графа побелели, а бычья шея побагровела.

Ласт шагнул к Маледикту, словно хотел встряхнуть или задушить его, но опустил руки, услышав испуганный вздох стайки женщин.

— Я добьюсь, чтобы тебя отлучили от двора, — пообещал он, садясь в карету. — Причем предварительно открою всем, что ты такое.

— Что я такое? — прошептал Маледикт, когда за Ластом захлопнулась дверца кареты. — Если бы ты только мог мне сказать.

Ласт подал знак кучеру, и лошади помчали его прочь. Маледикт стоял, дрожа всем телом, пока Джилли не взял его за руку и не отвез домой.

11

Окна особняка Ворнатти на Дав-стрит светились, словно приветливый маяк в ночи, разгоняя серебристый туман, наполнивший с моря вглубь острова. Внутри вид прислуги, сервировавшей стол серебром, и кухарки, хлопотавшей над блюдами, создавал ощущение уюта и гостеприимства. Ворнатти ждал гостей к ужину.

Маледикт мерил шагами спальню, раздосадованный тем, что Ворнатти задумал званый вечер как раз тогда, когда он хотел сбежать из города и добраться до Януса в Ластресте. Однако же барон настоял на ужине; более того, он приказал распрячь карету и не выдал юноше ни единой луны. Прежде, подумал Маледикт, подобные препятствия задержали бы его, но не остановили бы. Однако с тех пор он размяк — или просто стал благоразумнее? — и понимал, что нет смысла пускаться пешком в сорокамильное путешествие. Не теперь, когда Янусу так или иначе было суждено явиться на бал равноденствия... Вдобавок поутру Ворнатти может оказаться в более приятном расположении духа.

Впрочем, настроение уже было испорчено, и, завидев карету, подъехавшую слишком рано по местным понятиям, Маледикт захлопнул окно с такой силой, что в нем зазвенели стекла.

С момента его бескровной стычки с Ластом Ани глодала его, шепча и кипя внутри, и уже все тело юноши болело, терзаемое трепещущими крыльями и острыми, как бритва, когтями. Разум Маледикта, словно перья в волне прибоя, вновь и вновь возвращался к одной и той же точке — пропитанным кровью снам. Ладони судорожно и бесцельно стискивали рукоять меча. Ани, не находя покоя, угрожала отказать в Своей защите, отменить сделку из-за его медлительности. «Трус, — насмехалась Ани, направляя свое послание в руку, сжатую на рукояти: — Ласт должен умереть».

— Я сделаю это, — шептал Маледикт. — Я поклялся. Я в этом поклялся.

За его спиной дверь, оставленная приоткрытой для Джилли, почти бесшумно распахнулась. Маледикт напрягся, распрямил плечи, задернул шторы на затуманенном окне.

— Еще рано, — сказал он.

— Что, репетируем речи? — Раздался голос — не низкий голос Джилли с неисправимым деревенским выговором, но голос женский, звонкий и игривый. — Я полагала, что у вас более зрелый ум.

Ответ Маледикта потонул в нахлынувшей волне ярости. Он обернулся. На пороге стояла Мирабель. Встретившись с Маледиктом глазами, она шагнула в дверной проем и уперлась обеими руками в косяк, подчеркивая факт вторжения. Вся в темном атласе с дымчато-серой отделкой, Мирабель походила на ночное небо, что врывается в дом, стоит открыть дверь.

— Очевидно, я ошибалась, — продолжала она. — Изъян в вашей природе. Следовало бы его исправить. Тот, кто заранее репетирует слова, рискует быть застигнутым врасплох.

— Убирайтесь вон, — шепотом приказал Маледикт. С трудом оторвав ладонь от рукояти меча, он попытался спрятаться за ширмой учтивости. — Я, в отличие от вас, забочусь о репутации. Покой джентльмена — не место для леди.

— Чему же барон тебя учил? — Губы Мирабель изогнулись в улыбке. — Может, мне стоит доказать тебе обратное? Доказать, что на самом деле леди самое место в покоях джентльмена. — Мирабель поплыла к нему, шуруша юбками.

Маледикт отступил, прижался спиной к стене. Смеясь, Мирабель устроилась на его кровати, прислонилась щекой к столбику, что поддерживал балдахин, провела по нему рукой.

— Волнуешься, как девственник. Как не стыдно, — с укором произнесла она. — И опасаясь за репутацию? Я преподам тебе урок, Маледикт. Скандально известным особам вроде меня — или тебя... — она величественно склонила голову в его сторону, — нет необходимости бояться, что их осудят за несоблюдение нравственных и моральных норм. Знать ждет от нас проступков. Нам дозволено делать то, что недоступно им, а почему? Потому, что они жаждут скандальных сплетен.

— Чтобы подпитывать слухи, аристократам наши поступки не нужны. Полагаю, они просто всё выдумывают, от начала и до конца.

— Звучит смело для человека, который почти полностью обязан своим положением сбору и подтасовке слухов, — рассмеялась Мирабель. — Если ты настаиваешь на своей незаинтересованности, я придержусь кое-какой слух, что хотела пустить, — сделаю своего рода подарок, чтобы устранить неудобную неприязнь, что ты ко мне испытываешь.

Мирабель встала и пересекла комнату. Маледикт ощутил ее тепло, словно рядом с ним находилось животное.

Он прислонился к окну, жалея о том, что стоит не в бальной зале с низкими балконами и бархатной травой под ними, а у окна, спиной к крутому спуску, переходящему в сад, полный колючих кустов.

— Неприязнь? Полагаете, таково мое чувство к вам?

— Тсс! — Мирабель прикрыла ему рот ладонью. Ее кожа источала аромат розы, пьянящий, чрезмерно пряный дух заморского жасмина. Мирабель потянулась губами ко рту Маледикта. Юноша отвернулся; она, не желая отступать, последовала за его движением и наконец поймала его рот своим. И снова юно-

ша потянулся к мечу, однако Мирабель перехватила его руку и положила на лиф платья, где сливались воедино плоть и атлас.

Зарывав, Маледикт оттолкнул ее, одним рывком вытащил меч. Уклонившись от лезвия, Мирабель упала на юбки. В ее глазах сгустилась тьма, на лице застыло оскорбленное выражение. По-прежнему ласковым голосом она произнесла:

— Какая неучтивость. Не будь ты таким красавчиком, я бы, пожалуй, не стала тратить на тебя время. И все же ты мог бы хотя бы притвориться любезным. Стоит мне пожаловаться на твоё поведение Ворнатти...

— Если ты пожалуешься, Ворнатти вышвырнет меня из общества, и ты не получишь ни мужа, ни богатства, которого так жаждешь. — Маледикт вернул меч в ножны, пересиливая желание омыть лезвие кровью. Чьей угодно кровью.

Мирабель поднялась, расправляя смятую оборку.

— Зато получу удовлетворение, видя, что ты окажешься в затруднительном положении. Впрочем, ты совершенно прав: я жажду иного исхода. — Она тряхнула юбкой и уселась за туалетный столик: разобрала грудку булавок для галстуков и цепочек для часов, пролистала «Книгу отмщений», с улыбкой задерживаясь на иллюстрациях. — Итак, вернемся к моей первоначальной цели. Стоит ли мне пересказать тебе сплетню?

— К утру я узнаю ее из дюжины других источников, — отозвался Маледикт. Он внимательно следил за руками Мирабель, памятуя об украденных у Вестфолла вещах, пропавшей фляге Джилли; и все же нежелание приближаться к этой женщине было столь велико, что Маледикт позволил ей отложить книгу и взять шкатулку для вышивания.

— Как ты неверно обо мне судишь, — заметила она. — Слухи, которые распускаю я, никогда не бывают обыкновенными. Когда дело доходит до охоты за сплетнями, я не менее искусна, чем твой барон. — Ее проворные пальчики искали замочек.

— Если нужно, рассказывай.

Мирабель улыбнулась, ее пальцы замерли.

— Ты очень не нравишься Ласту, и он вызывает у тебя ответное чувство, — сообщила она.

— По-твоему, это новость? — перебил Маледикт.

— Однако Критос не любит Ласта еще больше. Тебе не придется терпеть Ласта слишком долго. Критос намеревается убить его прежде, чем тому удастся лишить его наследства в пользу Януса. Для него это единственный путь вернуть долги. Так что теперь он копит деньги, чтобы нанять убийцу.

На Маледикта неожиданно накатило возмущение: его месть — и вдруг украдена? Притом человеком, который в прошлом причинил ему столько зла?

Пальцы Мирабель наконец нащупали замочек — крышка открылась. Напомаженные губы кокетливо округлились в удивленном «о», потом изогнулись в улыбке.

— Не то, чего я ожидала, — заметила Мирабель. — Однако мы с тобой можем прийти к взаимопониманию. Выразиться яснее?

— Было бы недурно, — отозвался Маледикт, с трудом удерживая накатывающую ярость. Он наблюдал, как Мирабель выбрала пузырек с мышьяком и теперь восхищенно поворачивала его в свете лампы, словно любовалась драгоценным камнем.

— Мне срочно необходимы средства, — проговорила она, — следовательно, муж. Однако моя репутация такова, что люди с деньгами, которые могут позволить себе быть разборчивыми, не спешат идти в мои сети. А время поджидает. Милорд Вестфолл — весьма нетерпеливый муж, а Брайерли сделала оплошность, позволив себе забеременеть. Она столь тщеславна, что не появится на глазах посторонних, пока носит ребенка, потому мы с ней вынуждены удалиться в деревню. А я не потерплю какого-нибудь деревенского увальня в качестве мужа. — Мирабель пробежала ногтями по хрустальным пузырькам, те отозвались глухим звяканьем.

Маледикт ответил:

— Мое состояние столь же ничтожно, сколь твое.

— Так сказал твой пес; его лай был довольно убедителен. Мне остается только одно, — заключила Мирабель.

Маледикт напрягся.

— Разумеется...

— М-м-м... — протянула Мирабель, вытаскивая мягкий узелок с порошками. — А ты не так равнодушен к женскому полу,

как притворяешься. Нет. У тебя под рукой порошок «Шлюшкин друг». Признаюсь, я рада, что он у тебя есть.

— К черту зелья, — оборвал ее Маледикт. — Говорите, что хотели сказать, и уберите, леди.

Мирабель сжала ладони, потом заставила себя успокоиться.

— Говорить без обиняков? Даже если Ворнатти заскучает в своей постели, у него есть слуга-мужлан и есть твоя утонченность — не пытайся отпираться, — предостерегла она. — Я знаю, как тебя называют за глаза: катамит Ворнатти. И я вынуждена верить этому, ибо ты с такой смелостью защищаешь своего приятеля, Джили. Вы оба шлюхи, просто один одет лучше, чем другой.

— Я не шлюха, — не задумываясь, ответил Маледикт. Гнев вспыхнул и улегся, уступая место осторожности. Мирабель что-то от него нужно, что-то большее, чем он до сих пор предполагал. Весь ее визит походил на вылазку с тщательно завуалированной целью. Мирабель, чтобы и дальше плести интриги, необходим союз с ним — в этом Маледикт не сомневался. Однако его признание — равно как отказ — не могло утолить жажду в ее глазах. Маледикт мучался вопросом, чего же искала Мирабель на самом деле? Он откажет ей во всем, он не поддастся...

— Шлюха или нет, не имеет значения, — проговорила Мирабель. — Разве что, судя по наличию вас, двоих красавцев, барон пресыщен мужской плотью. Он желает платить — и платить хорошо — за удовлетворение собственной прихоти. Моя цена не так уж высока — простая церемония и кольцо.

— Ты впрямь думаешь, что он женится на тебе? Он найдет множество других женщин, на которых не нужно жениться, — ответил Маледикт.

— Он женится на мне, — повторила Мирабель, и неистовство, столь долго дремавшее, вновь пробудилось, сверкнуло в ее глазах. — Будь осторожен, Маледикт. Я бы хотела, чтобы ты был рядом, в моей постели, и союзником в этом; но я не потерплю твоего неуважения.

— Уважать тебя? Когда мое презрение возрастает с каждым мигом? — поразился Маледикт.

Рука Мирабель скользнула за пазуху, предплечье напряглось; Маледикту хватило этого предупреждения. Ее кисть с растопы-

ренными пальцами взметнулась — он выхватил меч, выставив лезвие наподобие щита.

Острые ногти скользнули вверх по клинку, ладонь накрыла его руку на рукояти. Мирабель дрогнула, когда стальные перья вонзились в ее белую кожу и на ней выступила кровь. Ярость отступила из ее глаз, погасла: подбородок безвольно опустился, губы дрогнули.

— Что... — хватая ртом воздух, вымолвила она, — я что-то слышу... шепот, вопрос... — На миг ее лицо стало непроницаемым, и ответом ее нарождающемуся вопросу послужил другой вопрос.

Маледикт отдернул меч; кровь сочилась из ладоней Мирабель. Она поднесла руку ко рту и лизнула рану, пристально глядя в глаза юноше.

— Это правда. Ченсел, пропади он пропадом, был прав. Все правда, — задыхаясь, выговорила Мирабель. — Ты впрямь создание Ани, и боги покинули нас не более, чем солнце покидает землю, опускаясь за горизонт... Скажи, как ты сделал это, — потребовала она дрожащим от волнения голосом; кровь прихлынула к белоснежной коже на ее груди. — Скажи! Это правда? Все правда? Над тобой не властны яды, раны? Какой же силой ты обладаешь — быть может, ты способен ею поделиться?

Она наклонилась к нему, вся — страсть; белые зубы хищно сверкнули.

— Ты сумасшедшая, — ответил Маледикт. — И еще ты злоупотребляешь моим гостеприимством.

Оттолкнув Мирабель, юноша побежал прочь; мысль о том, чтобы оставить ее в своей спальне, вызвала отвращение, но не менее отвратительным было бы остаться и терпеть Ани, стремящуюся расширить свои владения за пределы его мести. Извиваясь и закручиваясь, холод окутал живот юноши; а если Ани, наскучив медлительностью Маледикта, оставит его?

И как поступить с Критосом? Пусть Маледикт был невысокого мнения о его способностях, и все же: что, если он преуспеет? Что тогда сделает Ани?

Снизу до Маледикта донесся сдержанный смех. Юноша резко остановился на пути к лестнице, подумав, что смех мог относиться-

ся к нему — возможно, это Мирабель радуется, что он позволил ей обманом выманить правду, которую не собирался открывать. Зарычав, Маледикт вернулся и стремительно заскользил вниз по черной лестнице, для равновесия касаясь почти неосвещенных стен кончиками пальцев.

Джилли оторвал взгляд от бухгалтерских книг. Это также было его обязанностью — изо дня в день составлять сметы и сверять счета. В последнее время он находил в мелочах определенное успокоение. Вот и теперь он сидел за письменным столом, залитым светом лампы, поставив длинную ногу на перекладину стула. И когда Маледикт вплыл в кабинет, словно видение в темных шелках, первое, что ощутил Джилли, было не удовольствие, а скорее разочарование.

— Разве ты не должен присутствовать на званом ужине? — спросил он.

— Вовсе нет, — отозвался Маледикт, плюхнувшись в плюсовое кресло, которое обычно занимал Ворнатти. — Что ты сказал ей, Джилли?

— Ей? — переспросил Джилли.

— Мирабель, — пояснил Маледикт, нетерпеливо постукивая каблуками по резным ножкам кресла.

— Не может быть, чтобы она до сих пор тебя преследовала, — удивленно проговорил Джилли.

— Нет. Да, — сказал Маледикт. — Она решила выйти замуж за Ворнатти и сделать меня своим любовником.

Джилли неуверенно усмехнулся, ощущая на себе мрачный взгляд Маледикта.

— И каким образом ты это вычислил?

— Без всякого труда, — ответил Маледикт, плавно поднялся и стал расхаживать по комнате. — Она сама пришла ко мне в покои и обо всем поведала. — Маледикт беззвучно зарычал, и впервые под уже знакомым налетом раздражения и дурного настроения Джилли почувствовал острое клинка.

Он спросил:

— Она приходила в твою комнату?

— Там я ее и оставил, — отозвался Маледикт.

— Мэл, — Джили умолк, вообразив Мирабель в комнате Маледикта: как она вынюхивает, как находит больше, чем сама ожидала. — Пойди выгони ее. Подумай, что она может обнаружить. Ее муж верил, что боги выжили...

— Джили, не будь дураком, — сказал Маледикт. — Самое страшное уже случилось. Они с Ани близко познакомились. — Юноша уселся на стол, стараясь не задеть чернильницу и откатившуюся ручку. Эмоциональная вспышка Джили как будто успокоила Маледикта.

— Она знает? — не поверил Джили.

— Она загоняла меня в угол, пока не спровоцировала реакцию, которой ждала. Пусть я презираю Мирабель, но ее дерзость меня восхищает. Она воодушевила меня.

— До какой же степени? — спросил Джили, закладывая пальцем grossbux. Ему не нравились ни четкость, с какой Маледикт произносил свои гневные слова, ни потусторонний свет в темных глазах.

— Я решил посвятить вечер азартным играм, — сказал Маледикт, выхватил у Джили книгу и начал ее листать.

— Да все твоё существование кажется одной сплошной игрой. Ты должен сходить на ужин и задобрить старого мерзавца — так что ты забыл за карточным столом? — Джили отобрал grossbux, убрал его в ящик и закрыл на ключ.

— Критоса.

12

— Критоса? — переспросил Джили. — Стало быть, ты игрок. Ворнатти будет в бешенстве, если ты снова пренебрежешь им.

— Я прекрасно знаю, что Ворнатти не станет меня в этом поддерживать. В последнее время он что-то проповедует терпимость. Значит, все нужно сделать быстро. Тебе придется опустошить для меня домашний сейф, Джили.

— Я думал, ты собираешься убить Критоса, а не играть с ним, — заметил Джили.

— Сначала я хочу у него выиграть. — Омерзительный свет вспыхнул в глазах юноши — и сейчас же угас; Джилли отвернулся и заменил фитиль в лампе, разгоняя подступившие к столу тени. Теперь он знал: бояться следует не крутого нрава Маледикта, а чего-то большего. И боялся.

— Ты хотя бы умеешь играть? — спросил Джилли.

— Достаточно хорошо, чтобы выиграть, — отозвался Маледикт.

У Джилли перехватило дыхание — не только от возродившейся в глазах Маледикта едва сдерживаемой ярости, но и от осознания того, что все время он страшился именно этого мига — мига, когда Ани скрепит сделку кровью, пусть даже поводом к ее пролитию послужат споры за карточным столом. Джилли искал возможности отговорить Маледикта.

— Думаешь, ты сможешь выиграть, лишь того пожелав?

— Разумеется. Это называется шулерство, ты разве никогда не слышал о таком? Уверю тебя, в определенных кругах оно весьма популярно. — Маледикт улыбнулся, показав острые зубы, словно он или Ани понимали, что Джилли пытается тянуть время.

— И меня это не удивляет. — Джилли откинулся на спинку стула, ища взглядом наименее затемненное место в комнате. — Ты хороший шулер, Мэл? Это тебе не с пьяными моряками на пирсе мошенничать, или где ты там набирался опыта. Критос ходит в самые злые игорные дома в городе. Если тебя там поймут на шулерстве, одной загубленной репутацией не отделаешься.

— Не суетись, Джилли, — успокоил друга Маледикт. — Я великолепен. Хочешь, докажу?

— Отправляйся на ужин к Ворнатти, Мэл.

— Я больше не позволю себе медлить, — отозвался Маледикт.

Джилли сжал руки в кулаки.

— Мэл!

— Я сделаю это, с твоей помощью или без, — заявил Маледикт. — Критос вознамерился лишить нас нашей добычи. Убить Ласти в удовлетворение собственных эгоистичных желаний. Неужели ты ожидал, что я устану от своих врагов? От своей ненави-

сти? Я не Ворнатти, довольствующийся перспективой годами подпитывать злобу без надежды в конце концов утолить жажду мести. Янус вернулся. Я мог бы сей же миг отправиться в Ластрест и зарубить Ласта; и мы могли бы жить, как короли, пока гвардейцы или Особый отряд Эхо не схватят нас. Скажи спасибо, что сегодня вечером я удовольствуюсь Критосом.

— Я найму экипаж, — сказал Джилли; во рту у него пересохло.

Маледикт с поклоном удалился, заявив, что ему нужно переодеться во что-нибудь более подходящее; все это он проделал с легкой беззаботностью человека, собирающегося на приятную прогулку под луной, а не на убийство. Оставшись в одиночестве, Джилли положил голову на стол и, запустив пальцы в волосы, погрузился в размышления. Опоить Маледикта снотворным уже не удастся — а другого выхода он не видел. Да и юноша, хотя и доверял Джилли, вряд ли сегодня вечером принял бы предложенную им пищу или питье. К тому моменту, как подъехал экипаж, Джилли был все так же далек от решения; незаметно для себя он оказался в коляске рядом с Маледиктом, погруженный в напряженные и молчаливые раздумья.

Они заплатили вознице, чтобы тот высадил их как можно ближе к Джоув-стрит: тот отказался ехать ночью по злочной улице.

— Все, все, я верю тебе, — проговорил Джилли, наблюдая за тем, как Маледикт намеренно показным движением прячет в руке очередную игральную карту, и начиная жалеть, что высказал вслух свои сомнения. Юноша заставлял его играть и проигрывать несколько конов подряд в раскачивавшейся коляске, пока голова у него не сделалась неподъемной. На сей раз Джилли, сосредоточившись, поймал Маледикта на жульничестве и хлопнул его по запястью.

— Осторожнее, Мэл. Ловкость рук основывается на видеении, навеянном ожиданием. Некоторые люди видят лучше, чем тебе кажется. В «Геенне огненной» на шулерстве лучше не попадаться.

— Ты ведь меня прикроешь, — проговорил Маледикт с улыбкой, которая отнюдь не успокоила нервы Джилли.

Коляска со скрипом остановилась, в затуманенной мгле из лошадиных ноздрей вырывался пар. Последний отблеск дня таял, уступая место сочащейся сверху тьме. На других улицах подростки-фонарщики по обыкновению перебегали от столба к столбу с длинными палками со свечами на концах, зажигая маленькие, непокорные в надвигающейся ночи огоньки.

На Джоув-стрит свет не приветствовался. Лишь маленький факел, закрепленный на дверном косяке, бросал на табличку пятнышко, позволявшее посетителю разобрать адрес: «Огонь», Джоув-стрит, 3, — заведение, известное среди завсегдатаев как «Геенна огненная».

Существовали и другие игорные дома — с более претенциозными фасадами, более заманчивые для праздной аристократии; туда отправлялись мужчины и женщины, лорды и леди, чтобы немного побыть дерзкими, фривольными, а главное — оказаться на виду. Но «Геенна огненная» отличалась серьезным отношением к игре, не смягченным изысканными манерами или излишними речами. Здесь не было официантов, предлагающих сладкие вина и крепкие напитки. Здесь не играла музыка, и удачливых игроков на выходе не поджидали шлюхи. Здесь были лишь столы и игроки, включая обедневших аристократов, отчаянно желающих вернуть свое состояние и готовых ради этого всадить нож под ребра. На «Геенну огненную» Критос и возлагал надежды.

Джилли поднял бронзовую колотушку и опустил ее на пластину. Резкий стук раскатился по улице. Сгущались сумерки. Холодало.

Дверь отворилась. Джилли, не привыкший смотреть снизу вверх, поднял взгляд: человек заполнял дверной проем так же плотно, как сама дубовая дверь. Джилли ткнул Маледикта в бок локтем.

— Буйный Джек, — шепнул он, — боксер.

Маледикт бросил на Джилли непонимающий взгляд и пожал плечами.

Джилли вздохнул:

— Постарайся не раздражать его.

В зале Маледикт и Джилли оглядывали столы, пока Джек запер за ними дверь. «Геенна огненная» не подавала никаких

признаков человеческого жилища. Все пространство было забито столами, и вокруг каждого толпились люди: кто-то бормотал, кто-то молча держался в тени.

Словно чуя свою добычу, Маледикт направился в самый темный угол. Джилли последовал за юношей, замечая не толпу людей, но пистолеты в карманах пальто, ножи и мечи, висевшие на спинках стульев или брошенные на столы в качестве ставок. Повсюду вдоль стен мелькали служители — такие же громилы, как главный вышибала.

И Маледикт намеревался жульничать здесь? Джилли и прежде понимал, что это дурацкая затея, — теперь она казалась ему самоубийством.

За маленьким столиком в углу сидел Критос — один, спиной к облупленной стене. Маледикт скользнул на стул напротив.

— Что тебе нужно? — спросил Критос; его здоровый глаз помутился от вина и горя. Маледикт коснулся стола, словно ощутив все игры, что велись здесь прежде.

— Сыграть с тобой, что же еще, — ответил юноша.

Джилли встал у него за плечом, едва не вплотную, уткнувшись взглядом в напряженную спину.

— Притом, что Ворнатти дает тебе не больше денег, чем Ласт — мне? Я знаю, кто ты такой, и не стану терять времени даром. — Критос попытался встать из-за стола. Маледикт рывком двинул стол по ломаному паркету, толкнув Критоса обратно на стул.

— Ты слишком прислушиваешься к сплетням. Это признак дурака, — заметил Маледикт.

— Попридержи язык, — сказал Критос — но как-то устало, будто у него не хватало сил воспринять слова юноши как оскорбление. Джилли, наблюдавший за его лицом, подумал, что Критос собирается поставить на кон плату за ночлег.

— Наверняка у тебя есть какая-нибудь мелочь на ставку, иначе бы ты не пришел сюда, — продолжал Маледикт, наклонившись к Критосу через стол. — Я не так разборчив, как эти джентльмены. Согласен ставить не только деньги.

Критос расхохотался — хрипло и безрадостно.

— С чего бы? Что я могу у тебя выиграть?

Маледикт показал из-за края стола горстку монет. В полумраке они блеснули холодным лунным светом. — Не так мало, как медяки, — сказал Маледикт. — Не так опасно, как соли. Луны.

Критос облизнул губы.

— У меня нет денег.

— Когда подобные мелочи останавливали аристократа? — изумился Маледикт.

Критос помедлил еще с минуту, глядя на Маледикта. Джилли уловил тот миг, когда Критос решился; заметил быструю вспышку презрения на его лице, когда он отнес Маледикта к разряду тупиц и фатов.

— Если тебе так уж хочется сыграть... — Он взмахом руки подозвал одного из служителей «Геенны», человека с кривым шрамом через весь рот.

— Ставку дома мне, Смайлз.

— Твоя шура, — проговорил Смайлз, выкидывая на стол сверток всевозможных монет. — Дом забирает тридцать процентов твоего выигрыша плюс ставку назад.

Критос отмахнулся от Смайлза, хотя при напоминании об условиях губы его сжались.

Спустя два часа Критос стал богаче на аккуратненькую кучку монеток и всякую мелочевку, которую Маледикт разрешил использовать вместо денег, когда Критос поднял ставки выше той суммы, что у него имелась: художественную миниатюру размером с ладонь, предназначенную для Ариса, морской компас, малахитовые пуговицы с его камзола и итарусинское кружево с манжет. Возле стола кружили, привлеченные запахом необычной игры, двое вышибал.

Джилли начинал думать, что Маледикт слишком затянул момент, позволил Критосу выигрывать чересчур часто и теперь рисковал выпустить его из своих сетей. Словно угадав мысли слуги, Критос снова попытался встать.

Маледикт вздохнул.

— Еще разок? — Он обозревал стол с необъяснимой жадностью в глазах. Наконец Джилли понял ее причину: внимание

юноши привлек миниатюрный портрет и тот, кто, по-видимому, был на нем изображен. Новый член Дома Ласта, Янус Иксион.

— Думаю, нет, — сказал Критос, пододвигая к себе выигрыш.

Ни слова не говоря, Маледикт вытряхнул на стол все, что оставалось у него в кошельке. На сей раз это оказались соли; Критос застыл на месте.

— Прекрасно, — проговорил Критос. — Но я хочу новую колоду. Знаешь, просто чтобы быть уверенным.

— Разумеется, — отозвался Маледикт.

Несколько конов спустя Маледикт проиграл золото и вернул луны; теперь он сидел, насупившись, глядя в карты. Критос не мог сдерживать улыбки.

— Полагаю, я снова выиграл, — заметил он, выкладывая одну за другой четыре стихии. — Земля, море, небо, огонь: все мои, — сказал он. — Все короли.

Джилли глянул в карты Маледикта и едва сдержался, чтобы не поморщиться: хотя у него в руках были все масти, ему не хватало — совсем чуть-чуть — крупных карт, чтобы побить Критоса. Три королевы били трех королей, но самой лучшей картой последней масти, масти воздуха, была лишь россыпь семи морских птиц. Мало.

Маледикт заерзал на стуле. Вышибалы наклонились ниже, внимательно наблюдая за его руками, глаза Критоса сузились. Маледикт улыбнулся им всем и положил карты рубашками вниз. Потом достал карты огня — и королеву, карты земли — и королеву, морские — и королеву. Одну за другой выложил карты воздуха: бабочки, облака и звездные ночи. Подозрение в глазах Критоса лишь усиливалось. Карта с семью чайками задержалась в ладони Маледикта дольше других, и у Джилли по спине побежали мурашки при мысли, что юноша вот-вот попытается смухлевать — на глазах у всех. Маледикт лишь улыбнулся и выложил карту на стол.

Королева воздуха, Чернокрылая Ани. Черные перья заполняли всю карту. Критос вскочил со стула.

— Не может быть.

За его спиной, скрытая от остальных, выпорхнула и опустилась на пол темная карта. Королева воздуха, спрятанная, чтобы Маледикт не мог выиграть. Но пока она падала, Джили видел, как цвет вытек из нее и черные оконечности крыльев сменились освещенными солнцем спинами семи чаек.

Маледикт снова двинул стол — резче, прижимая Критоса спиной к стене, нанося удар под дых.

— Ты хочешь сказать, что я шулер? Уверен, эти джентльмены подтвердят, что ничего подобного не видели.

Неторопливо поднявшись, Маледикт смахнул монеты и безделушки в кошелек и отдал его Джили. Миниатюру положил в карман.

— Доброй ночи.

— Еще кон, — потребовал Критос.

— Нет, — отрезал Маледикт и направился к выходу.

Джили, спотыкаясь, брел следом. Каждую секунду он ожидал нападения. Его спина буквально горела предчувствием. Обернувшись, он увидел, как взбешенный Критос глядит им вслед, как вокруг него смыкается кольцо вышибал, требующих возвращения своей ставки.

Джили поторопил Маледикта к выходу и принялся в поисках экипажа вглядываться во тьму. Он прислушивался к приближавшемуся цокоту копыт, однако уловил лишь отрывистый смех Маледикта.

— Я думал, ты собираешься убить его, — сказал Джили, отчаявшись поймать экипаж.

— Верно, — ответил Маледикт, — так я и сделаю. Но, Джили, правда ведь, было здорово? Надо же, такая глупость — и так меня позабавила. И все же игра шла хорошо.

— С помощью Ани, — вставил Джили. — Или ты скажешь, что превращение королевы — уловка, выученная в Развалинах?

— Превращение? — переспросил Маледикт. Уловив совершенное недоумение в голосе Маледикта, Джили испытал резкую боль в животе.

— Не обращай внимания, — поспешил сказать он. — Идем домой.

— Ты видел его лицо, Джилли? Разве это не восхитительно?

— Да, — согласился Джилли, опасливо оглядываясь на почти опустевшую улицу и на элачное заведение, которое они только что покинули. Он впрямь видел лицо Критоса: ярость и едва скрываемое отчаяние. Теперь этот факт заставлял его усомниться, что они смогут преодолеть пешком расстояние, которое отделяло их от улицы, где можно было нанять экипаж. В столь поздний час ни один кучер не осмелился бы появиться на Джоув-стрит, в сумеречном мире изломанных переулков и затененных газовых ламп, как бы Джилли того не хотелось. К его желаниям боги не прислушивались. — Мы должны смыться, прежде чем ему удастся убедить вышибал в «Геенне», что лучший способ вернуть им деньги — это догнать тебя.

Маледикт лишь пожал плечами, но шагу не прибавил.

Джилли снова обернулся. Не человек ли следует за ними, скользя вдоль темных стен? Приглушенный стук каблуков или капанье воды, конденсирующейся на каменных стенах и сбегаящей на булыжную мостовую? Лишь в одном Джилли не сомневался: кто бы ни повстречался им в такой час на Джоув-стрит, это точно будет не друг, а враг. Джилли ускорил шаги и, подхватив Маледикта под локоть, потащил его за собой.

— Давай-ка поспешим. До улицы Сибаритов еще порядочно, а ближе экипажей не найти.

— Между домами есть проулок, — подсказал Маледикт. — Нам не придется тащиться до конца Джоув-стрит, а потом назад к станции уже по улице Сибаритов. Где-то здесь. Ах, вот он.

Джилли представил себе расположение городских улиц, расходящихся от центра, словно нити паутины — длинные изгибы семи главных улиц, пересеченных и соединенных безымянными завитками. Маледикт был прав. Лишь изменение звука, отсутствие эха дали понять, что углубление, к которому направился юноша, не дверь. Тьма поглотила слова и отозвалась тишиной.

— Так мы должны выйти к ресторану «У Клары», а там всегда стоят в ожидании коляски. Если тебя так нервируют ночь и темнота...

Маледикт обернулся; блеск зубов во мраке подсказал Джилли, что юноша посмеивается над его страхами.

— Не ночь меня нервирует, а люди в ночи, — возразил Джилли. Вглядевшись в переулок, он рассмотрел, что стена, изгибающаяся, исчезает в бархатной тьме, и все же откуда-то из глубины доходит отклик — дрожащий отблеск, красноватый цвет и резкий запах добавок, которые подливали в газовые фонари на улице Сибаритов. — Дай-ка я пойду первым, — сказал он и ступил в переулок.

— И почему я первый не догадался? — запротестовал Маледикт. — Ведь это так логично — позволить невооруженному человеку первому ступить навстречу опасности. Ты уверен, что не преувеличиваешь собственные умственные способности? — Хрипотцу в голосе усилила озорная нотка. Они шли по переулку, то и дело оскальзываясь на мокром от тумана и невидимых испарений булыжнике.

— погоди, еще разучишься острить, — предупредил Джилли. Свет впереди понемногу прибывал, на темных стенах контуры становились всё четче.

Маледикт открыл было рот, но Джилли остановил его:

— Ты хочешь, чтобы на нас напали? Помолчи же. Если ты не перестанешь болтать, я не услышу, есть ли за нами погоня.

— Кто-то идет за тобой, — продолжал шептать Маледикт. — И за мной. Как можно что-то расслышать, когда мы спотыкаемся в этом дерьме...

Джилли обернулся в притворном раздражении, собираясь пропустить Маледикта вперед и тем прервать болтовню. Единственным предостережением, которое он успел сделать, был испуганный вдох.

Маледикту этого оказалось достаточно. Он отступил, резко развернулся и выхватил меч. В узком переулке едва хватило места для длинного клинка. Невидимое острие проскрежетало по противоположной стене, и трость Критоса вместо беззащитного затылка Маледикта встретила сопротивление стального клинка.

— Ты не очень-то здорово с ней управляешься, — заметил Маледикт. — Не мог ударить даже старину Ласта. Так с чего ты решил, что одолеешь меня?

Трость скользнула вдоль клинка. Критос продолжал молча давить тростью на невидимое лезвие, являвшееся продолжением самой тьмы. Неудача заставила Критоса сжать челюсти, оскалить зубы — он противостоял силе, что казалась ему невидимой, силе, обрекавшей его на гибель.

Кисть Маледикта дрожала от напряжения. Он с усилием вывернул ладонь, так, что лезвие оказалось прижатым к трости под другим углом. Острый меч расщепил деревянную трость, и Критос, споткнувшись, с ревом рухнул навзничь.

Маледикт отскочил назад, едва не упав на Джилли, который пытался заступить дорогу дерущимся. «Не будь дураком», — хотел крикнуть юноша, но решил побереечь воздух в легких.

Перенеся силу тяжести на запястье, Маледикт сделал выпад — Критосу пришлось отступить; чертыхнулся, потому что и ему мешал тусклый свет с улицы. Критос невероятным усилием избежал укола. Маледикт, в момент выпада слишком подавшийся вперед, почувствовал движение теплого воздуха у своего горла, увидел, как Критос тянет руку к его шее. Рука приближалась словно призрак, бледная и расплывчатая, и вдруг очертания ее сделались очень четкими, пальцы схватили воздух, словно сошлись на шее юноши.

— Мэл, осторожнее! — выкрикнул Джилли.

— Тише, тише, — отозвался Маледикт, вновь обретая равновесие. Мечом он почти пригвоздил вытянутую руку Критоса к стене. Потом быстро навалился всем своим весом на лезвие, на стену и припиленную между ними руку.

Прямо над ухом Маледикта послышался внезапный глухой удар плоти о плоть — это Джилли перехватил другой кулак Критоса.

— Я и без твоей помощи справлюсь, — проскрежетал Маледикт, хотя какая-то частичка его души ликовала оттого, что рядом был Джилли, готовый прийти на помощь, как в прежние, давно минувшие времена. Вспомнив былое, Маледикт шагнул вперед и со всей силы всадил колено в живот Критоса; тот согнулся, и юноша ударил его кулаком в горло.

Критос задохнулся, рухнул на четвереньки; из руки его хлестала кровь. Он попытался подняться, и Маледикт нанес удар в едва виднеющуюся цель — здоровый глаз. Критос вскрикнул.

отшатнулся, потерял равновесие, упал на спину, судорожно хватая ртом воздух. С недоброй ухмылкой Маледикт поднял меч (внутри, где-то у сердца, Ани стонала от удовольствия) и обрушил удар на своего противника. Рядом дернулся Джилли.

Однако Маледикт использовал меч лишь для того, чтобы пригвоздить Критоса к земле — лезвие вонзилось в роскошный и теперь безвозвратно загубленный рукав.

— Полагаю, я должен позволить тебе подняться и биться с тобой как джентльмен. Впрочем, первый джентльмен, которого я повстречал в своей жизни, тоже дрался нечестно.

— Мэл, — позвал Джилли, протягивая руки.

Маледикт увернулся от него, резко присев — так, чтобы коленями упереться в живот Критоса. Порывшись у себя в кармане, извлек небольшой кошелек.

Критос забился отчаяннее. Он принялся отталкивать Маледикта свободной рукой, хватать за волосы, царапать щеку.

— Ты... — сдавленно выдохнул Критос.

— Ничего подобного, — оборвал Маледикт, увертываясь от очередного удара и зажимая Критосу рот рукой, чтобы тот ненароком не выдал какой-нибудь тайны. И все же юноша мечтал, чтобы Критос узнал его, — и то, что он наконец узнал его, когда стало уже слишком поздно, ввергло Маледикта и Ани в состояние тихого восторга. Свободная рука снова рванулась к лицу юноши, чтобы вонзить в него ногти. — Джилли, будь любезен, поддержи вторую руку.

Слабеющие удары прекратились. Маледикт вытряхнул на тяжело вздымающуюся грудь Критоса кошелек с деревянными монетами. На них еще сохранился едва различимый налет серебра.

— Я берег их для тебя, — сказал Маледикт.

— Нет... — выдавил Критос. Теперь в его лице читался истинный страх, затмевавший ярость, неистовство и отчаяние. Критос попытался вскочить, и Маледикт навалился на него всем телом, для равновесия схватившись за рукоять меча.

Покончив с разговорами, юноша рванул меч за рукоять, не столько стремясь освободить конец клинка из земляных ножен, сколько желая наклонить все лезвие, словно закрывающиеся ножницы. Критос завопил — однако клинок оборвал крик единым

хриплым порывом воздуха и крови. Маледикт опустил руку в тонкой перчатке на край лезвия и нажал; казалось, он вот-вот лишится пальцев — но нет: лезвие лишь глубже погрузилось в плоть его врага, достав до хребта.

Критос забился в конвульсиях; руки, высвободившиеся, когда Джилли с отвращением отпрянул, схватили Маледикта за предплечья. Юноша держал Критоса, пока спазмы не прекратились и его руки не обмякли. Кровь текла по мечу, скапливаясь в крылатой гарде. Маледикт сдернул перчатки и пробежал пальцами той же дорожкой, сгоняя кровь. Темнота переулка несколько подпортила ему удовольствие: во мраке кровь казалась скорее черной, чем алой, однако ее привкус и запах, напивавшие воздух... Маледикт едва держался на ногах.

Джилли поднял перчатки Маледикта. Юноша отвернулся от трупа.

— Опрометчиво, — хрипло произнес Джилли.

Маледикт подобрал меч, вытер его о грязные остатки Критосова плаща, немелодично мурлыча себе под нос. И вдруг расхохотался, опьяненный чувством удовлетворения.

— Будет знать, как вмешиваться в мою жизнь. Или узнал бы, если бы теперь не было слишком поздно усваивать уроки.

Лицо Джилли побелело так, что он походил на привидение в темном переулке; его вывернуло на брусчатку. Поспешно поднявшись, Маледикт повел друга по переулку прочь от трупа.

— Что случилось, Джилли? Что с тобой?

— Мне никогда прежде не доводилось убивать, — проговорил Джилли, прерывисто дыша.

— Ты пока и не убивал. Не жадничай. Критос был только мой, я бы и без тебя прекрасно справился, — заметил Маледикт.

— Если бы не я, твои мозги сейчас были бы размазаны по стене, — отозвался Джилли.

— Нет, — возразил Маледикт. — И все же твоя помощь пришла очень кстати. — Он протянул руку и коснулся лица Джилли. Тот вздрогнул, и юноша, нахмурив брови, убрал ладонь. — Ну и мучайся угрызениями совести, если тебе так нравится! Только помни, что я тебе сказал: я собирался прикончить его сегодня ночью. Я человек слова и в конце концов буду...

Джилли закрыл глаза и уши, прячась от самодовольного словоблудия Маледикта. Ему почудилось, что он оказался в одном из своих ночных кошмаров. Теперь, когда осталось только чувство обоняния, переулочек казался наполненным посторонним присутствием и запахами: едкой вонью блевотины Джилли, затхлым духом взрытой земли и медным — пролитой крови. Пахло чем-то еще — чем-то неуместным в этом мрачном мире камня и брусчатки — старыми перьями. Открыв глаза, Джилли увидел, что Маледикт вернулся к трупу и с восхищением осматривает дело рук своих; над ним, прильнув к нему в слабом, дрожащем свете, склонялась раздвоенная, с острыми как крылья краями, тень.

Джилли потер лицо, помассировал переносицу — и в ужасе отдернул руку: его пальцы были мокрыми и липкими от брызнувшей крови Критоса. Сделка с Ани, скрепленная кровью. Джилли прислонился к стене, опять сотрясаемый сухими, пустыми толчки рвоты.

Маледикт вернулся и взял Джилли за рукав. Тот вздрогнул, представив, что в юноше поселилось нечто новое, нечто голодное. Но голос Маледикта был прежним — хриплым и спокойным.

— Там, впереди, бочка с дождевой водой. Идем.

Шок от ледяной воды прояснил сознание Джилли, позволил уверенно и аккуратно обмыть руки. Маледикт беззаботно плескался, оттирал ладони и клинок.

Джилли и сам не смог сдержать улыбки — хрупкой, ненадежной. Но ведь довольный Маледикт был так очарователен, а Критос... Джилли постарался отделаться от чувства, чугунной хваткой сдавившего ему грудь, по крайней мере до тех пор, пока коляска, которую им удалось нанять, не выплюнула их на площади у Дав-стрит.

Едва ступив на тротуар, Джилли почувствовал чей-то взгляд. Сначала он никого не заметил, потом разглядел пыльное серое пальто бездомного медиума, сгорбившегося у центрального фонтана. Медиум кивнул в знак приветствия; но когда из коляски вышел Маледикт, глаза бродяги округлились, и он начертил в воздухе символ.

С внезапным смятением Джилли узнал его: перевернутое благословение Баксита, *отворот* против одержимых богами. По мере того, как Маледикт приближался к медиуму, тот отступал все глубже в тень с поспешностью, свидетельствующей о страхе.

13

Джилли проснулся от звона колокольчика Ворнатти в ушах и от неотвязного ощущения, что были более ранние звонки — не только призывный звон барона, но глубокий, резонирующий звук. Возможно, то лишь взывало к нему чувство вины; тело Критоса не могли обнаружить настолько быстро, чтобы дворцовые колокола уже оплакивали потерю члена королевской семьи. Впрочем, солнце уже заливало пол густым золотом позднего утра. Черты-хаясь и проклиная себя за то, что еще долго после возвращения не ложился спать, Джилли с трудом поднялся. Он не мог отделаться от мыслей об убийстве и о страхе медиума; он ругал себя еще и за то, что пытался залить эти мысли алкоголем. Джилли бросил взгляд на настенные часы в зале. Близился полдень. Он опять опаздывал с уколom Ворнатти.

Барон сидел, ссутулившись, в постели и распекал Ливию. Та держала в трясущихся руках полный шприц.

— Дай сюда, — скомандовал Джилли, отбирая у нее шприц. Ливия со вздохом облегчения повиновалась. Джилли нагнулся, стараясь найти на руке Ворнатти вену без синяков. Податливое чувство вины позволило переключить мысли с Критоса на барона — как, наверно, мучительно было барону проснуться от боли, когда сам Джилли почивал, баюкая пьяную голову.

Ворнатти стиснул зубы: элизия полилась в вену, и почти сразу, хоть и медленно, его тело начало расслабляться.

— Опять опоздал, Джилли, — прорычал Ворнатти, схватив слугу за шиворот, как будто намеревался встряхнуть его.

Ливия вышла и вернулась с чашкой чая, над которой поднимался густой пар.

— Вот, сэр.

Ворнатти обхватил чашку узловатыми ладонями и сразу отвлекся на юбки Ливии, что были на несколько дюймов короче, чем дозволяли приличия, — и к тому же влажными, как заметил Джили. Пока он медленно пятился в сторону выхода, девушка бросила на него быстрый заговорщический взгляд.

— Вы слышали новость, сэр? Такое творится! Молочник поведал нам сегодня утром, что Критоса нашли раздетым и со вспоротым животом в переулках возле пристаней.

Ворнатти с равнодушным видом поставил чашку на столик.

— Минувшей ночью?

— Да, сэр.

Было слышно, как где-то в дальнем уголке дома дворецкий открыл дверь; раздался чистый, спокойный, постепенно возвышающийся голос.

— Ливия, — попросил Ворнатти. — Спустись вниз и приведи леди Мирабель ко мне в комнату.

— Сюда, сэр? — уточнила она.

— Только не спеши — мне нужно одеть хозяина, — добавил Джили.

Склонившись над бароном, Джили развязал пояс халата.

— Не хотели бы вы...

Ворнатти отвесил ему пощечину.

— Наверное, стоит взять на твое место Ливию. Ты забыл, кто тебе платит?

— Нет, — сказал Джили, опускаясь на колени у кровати и качая головой.

— Пристрастился к выпивке, Джили? К моей выпивке? Пока я устраивал ужин, мой верный слуга и мой воспитанник — где они были? Где был Маледикт?

— Леди Мирабель нетерпелива, — заметил Джили, сдерживая с Ворнатти халат. — Вы же не хотите, чтобы она застала вас в пижаме.

— Это он, Джили? — спросил Ворнатти в тихом бешенстве. — Он убил Критоса?

Джили отыскал просторную рубашку и жакет, скрывшие пижаму, и усадил барона в кресло-каталку. Скорей бы элизия уняла раздражение Ворнатти, как, впрочем, и его пытливость. Трясу-

щимися руками Джилли продолжал одевать барона, боясь даже думать о том, как хозяин может наказать их с Маледиктом.

Ливия легонько стукнула в дверь и пригласила Мирабель; Ворнатти схватил Джилли за руку и тихо проговорил:

— С тобой я побеседую позже.

Джилли склонил голову перед Мирабель, избегая жадного, дикого огня в ее глазах, и ретировался.

Голос Мирабель был слышен и в коридоре:

— ...умерщвлен, причем ужасающим способом...

Джилли прислонился к стене, ощутив горячей щекой скользкий обивочный шелк; ему вспомнилась кровь на руках и предсмертная агония Критоса. А еще вспомнилось, как Критос шел за ними — и напал сзади, из темноты.

Ливия испугала его, положив ладонь ему на предплечье.

— Сегодня он в подходящем настроении, верно? И вчера вечеринка так удалась, что я решила, он целый день проспит.

Джилли пожал плечами, все еще раздосадованный на нее за принесенную весть.

— У барона по семь погод на дню. Ты не видела Маледикта?

Ливия скроила недовольную гримаску, уловив раздражение в его тоне, но ответила сразу:

— Он в гостиной с лордом Эхо. А правда, что прошлой ночью Маледикт играл в карты с Критосом?

— Займись-ка своими прямыми обязанностями, — распорядился Джилли. Он не желал быть виновником распространения новых сведений о Маледикте, которые язычок Ливии тотчас донесет до слуха Мирабель. Девушка послушно удалилась.

Джилли поспешил в гостиную. Эхо отнюдь не был дураком, а пылкая натура Маледикта часто провоцировала его на необдуманные слова, так что новость об их общении один на один не вызвала у Джилли особого оптимизма. Внезапно нахлынувшее чувство вины остановило его, когда он уже потянулся к дверной ручке. Джилли снова прислонился к стене, сясь унять бешено колотящееся сердце, вернуть спокойное выражение лицу — не хватало, чтобы его по одному только виду разоблачили.

Из-за двери доносились слова Эхо:

— ...знал, что вы были достаточно хорошо знакомы с Критосом, чтобы играть с ним в карты.

— Как близко нужно быть знакомым, чтобы забрать деньги у другого? — спросил Маледикт лукаво, в лучших традициях двора.

— Верно, — согласился Эхо. — И все же азартные игры с Критосом — явный признак неосмотрительности. Этот человек — известный негодяй.

— Вы явились, чтобы отчитывать меня? Или руководствуетесь более высокой целью? — поинтересовался Маледикт.

Помолчав мгновение (Джилли представил, как Эхо пытается обуздать собственный нрав), советник проговорил:

— Вы видели кого-нибудь, кто мог бы желать Критосу зла?

— Вы бывали в «Геенне Огненной»? — спросил Маледикт. — Даже мне она показалась настоящей змеиной норой.

— Значит, вы не можете сообщить мне еще что-либо полезное?

— О нет, как обычно, — подтвердил Маледикт.

Быстрые шаги Эхо оказались единственным предупреждением Джилли. Он отпрянул от двери, чтобы не быть пойманным на откровенном подслушивании. Вzbешенный Эхо покинул дом, не произнеся больше ни слова.

Джилли постучался и вошел. Маледикт поднял взгляд: он сидел в кресле, водрузив ноги в туфлях на каменную плиту под очагом, и улыбался. Рядом на подлокотнике лежала какая-то безделушка.

— Ты слышал колокола сегодня утром? — спросил Маледикт. — Как чудесно под них просыпаться.

— Я все пропустил, — ответил Джилли. — Мэл...

— Ворнатти? — спросил Маледикт.

— Теперь ему все известно, независимо от того, слышал он колокольный звон или нет. Вести принесла Ливия, а Мирабель дополнила их сплетнями. Барон в бешенстве. — Джилли расхаживал по комнате, не находя себе места, и наконец взял миниатюрный портрет, что лежал рядом с Маледиктом. — Он хочет видеть тебя немедленно.

— И прервать визит Мирабель? — Поднявшись, Маледикт отобрал у Джилли портрет и спрятал в кармане камзола. — Или, того хуже, доставить ей удовольствие понаблюдать, как он меня чихвостит? Нет уж, Джилли. Ворнатти подождет.

— Критоса нашли в Развалинах, — продолжил Джилли, садясь в освободившееся кресло Маледикта.

— Ничего удивительного. — Схватив меч, Маледикт принялся атаковать тени нетерпеливыми выпадами и уколами. — Ты же не думаешь, что Критос шел по улицам, никем не замеченный? Всякие падальщики наверняка поработали маленькими ножиками и удостоверились, что у него больше ничего не осталось. А покончив с ним, они зашвырнули его труп как можно дальше от своей территории, не желая, чтобы Эхо вдруг заявился к ним на порог. Развалины — вполне подходящее место. Там крысы dokonчили бы дело, сняв с него кружево, сапоги и волосы — все, что осталось после падальщиков. Даже если бы он начал гнить, прежде чем его нашли, быть может, кто-нибудь из твоих суровых дружков-моряков погромсал бы его на наживку для рыб...

— Заткнись, — попросил Джилли; он снова почувствовал, как в животе зарождается тошнота — и взбалтывается, смешиваясь со страхом перед карой, уготованной Ворнатти.

Маледикт застыл, вычертив в воздухе дугу, подобную взмаху крыла.

— Я там родился, Джилли.

Так сидели они почти в полной тишине, когда из коридора донесся звук шагов. Маледикт поднялся, чтобы запереться изнутри на щеколду, но опоздал: дверь распахнулась. Вошла Мирабель, на губах ее играла улыбка.

— Маледикт... — Она протянула к нему руки. Джилли, стараясь не бросаться в глаза, наблюдал, как заиграли мышцы на теле Маледикта — словно он не мог решить: бежать или бороться.

— Леди...

— Зачем же так официально? — лукаво спросила она. — Ведь совсем скоро мы станем одной семьей.

Маледикт выгнул спину, как разозлившийся кот.

Мирабель мелодично рассмеялась и снова протянула запястье, демонстрируя блестящую змейку драгоценных камней. Изум-

руды, отрешенно подумал Джилли. Старый негодяй подарил ей изумруды — под цвет глаз.

— От твоего столь щедрого опекуна, — пояснила Мирабель. Она чуть наклонилась, чтобы Маледикт мог по достоинству оценить браслет. — Рассчитываю получить остальную часть комплекта по возвращении из деревни. Ожерелье, серьги, кольцо...

— Вы заблуждаетесь, — проговорил Маледикт. — Женщина, которая не способна отличить свадебный подарок от безделушки для шлюхи...

Зеленые глаза Мирабель потемнели, но, прежде чем она успела заговорить, Маледикт продолжил — тоном столь же изысканно язвительным, как в тот вечер, когда он столкнулся с Де Герром:

— Или же вы хотите сказать, что он попросил вашей руки? Что Ворнатти смог сползти со своего кресла и встать перед вами на колени? Сомневаюсь.

Мирабель с трудом удержала на устах улыбку.

— Лучше подумай над своим поведением, Маледикт. Барон в высшей степени недоволен тобой, а я не менее элегантна и красива, чем ты.

— Только намного старше, — пробормотал Маледикт.

Джилли поморщился.

— Я смотрю, ты не расположен любезничать, — заметила Мирабель. — Быть может, лекция твоего опекуна поспособствует усвоению хороших манер.

Сделав едва заметный реверанс Маледикту, она повернулась и вышла, кокетливо покачивая юбками.

Глядя вслед Мирабель, Джилли пропустил мимо ушей часть слов Маледикта, однако приглушенный гнев в них все же привлек его внимание.

— Ты купил тот браслет для Ворнатти и не сказал мне?

— Нет, — поспешно ответил Джилли. — Нет, Мэл. — При виде черной ярости в глазах Маледикта он сдержал слова, которые вертелись у него на языке: что, скорее всего, это сделала Ливия, к тому же прикарманив несколько медяков.

— Как по-твоему, он благоволит к ней достаточно, чтобы жениться? — Несмотря на гнев, перехватывавший горло, да-

вивший шелковой удавкой кравата, Маледикт ухитрился говорить спокойно.

— Ты же сам сказал — это подарок для шлюхи, безделушка, которую Ворнатти использует, чтобы она плясала под его дудку. И невысокая цена за то, чтобы заронить в тебе сомнения — бьюсь об заклад. Он рассержен, Маледикт. Но он не идиот.

— Если бы он вознамерился жениться на Мирабель, это бы доказывало обратное, верно? — проговорил Маледикт. Кровь отхлынула от его щек, мышцы рук обмякли. — Жениться на женщине, которая уже убила одного мужа и планирует наставить рога следующему, когда и до венца-то еще дело не дошло.

— И все же, — сказал Джили, — я бы на твоём месте отправился к нему прямо сейчас и принял наказание. Ублажи его, если можешь.

— Ублажить его? — переспросил Маледикт. — Он же подарил ей драгоценности!

— Мэл, прошу тебя! Он рассержен. В прошлый раз все закончилось тем, что я ночевал в конюшне, хотя тебе пришлось всего лишь выполнять мои обязанности. А на сей раз он разошелся еще сильнее, а я всегда расплачиваюсь... — Джили умолк, не вполне уверенный в причине горечи, прозвучавшей в его голосе.

Глаза Маледикта широко распахнулись.

— Я отправлюсь к нему сей же миг.

В спальне Ворнатти чувствовалась какая-то угнетенность, словно звон траурных колоколов заставил все вокруг замереть в тишине. Маледикт оглядел комнату другими глазами — глазами, устремленными в неясное будущее. Ворнатти, страшный, как пугало, сидел, сгорбившись, в кресле перед холодным очагом и дремал; однако Маледикта не обманула иллюзорная беспомощность. Он взглянул на кровать — роскошное нагромождение пуховых перин, бархата и льна; скользнул взором вверх по столбикам балдахина до потолка с непристойным плафоном, изображающим совокупляющихся купидонов.

Маледикту невольно показалась забавной неувядающая похотливость Ворнатти — старик словно час за часом доказывал себе, что он — мужчина в расцвете лет. Впрочем, улыбка была

несмелой. Хотя Маледикт пренебрегал критикой барона, предпочитая потакать собственным капризам, он все же страшился чрезмерно его разгневать, опасаясь мстительности и крутого нрава старика.

Ворнатти проснулся, прокашлялся и сказал:

— Мальчик, подойди ко мне.

Маледикт повернулся — они и так были рядом. Маледикт небрежно бросил оружие на заваленный прикроватный столик, рядом со снадобьями и рецептами, мылом для бритья и духами. Со звоном опрокинулся хрустальный пузырек, не выплеснув содержимого благодаря закрытой пробке. Маледикт уселся у ног Ворнатти.

— Что тебе нужно, Ворнатти?

Темные глаза барона застыли на лице юноши.

— Ты убил Критоса.

— Верно, — признался Маледикт. Запирательства лишь подогрели бы негодование Ворнатти. «Ублажи его», — умолял Джилли.

С этой целью Маледикт встал и принялся вещь за вещь снимать с себя одежду: камзол, туфли, тугой парчовый жилет.

Взгляд барона чуть потеплел, глаза больше не метали молнии, а смотрели более привычно — оценивающе.

Маледикт мягко скользнул на колени к Ворнатти и положил голову на плечо старика — притворно послушный, как молодая жена; позволил барону погладить свое бедро.

— Похоже, Эхо ни о чем не подозревает.

— Критос был тупицей и бездарным игроком, такие люди обыкновенно плохо кончают, — рассеянно проговорил Ворнатти. Узловатые пальцы поползли вверх, нащупывая округлости над ребрами Маледикта.

— Ну вот видишь, ничего страшного не случилось. Не досаду, что я прикончил Критоса. Взамен я...

Ворнатти прикрыл Маледикту рот своей высохшей ладонью.

— Торгуешься, мальчик мой.

— Одну сделку мы уже заключили. В библиотеке твоего загородного дома.

— Я не дряхлая развалюха, Маледикт. Я помню о нашем соглашении. — Ворнатти положил ладонь юноше на голову, прижимая ее к своему плечу. — Я ошибался.

Маледикт молча, с колотящимся сердцем ждал, прикидывая, не надумал ли Ворнатти избавиться от него. Вопреки словам Джилли, барон не казался рассерженным; от этого у юноши встали дыбом волоски на шее. Старик что-то замышлял.

— В своих поисках ты потерпишь неудачу. Ты всегда будешь чужим, всегда — предметом подозрений, и они набросятся на тебя, не колеблясь. Лучше бы я позволил тебе заколоть Ластан со спины, чем учил понятиям чести и благородства. Антир — не Итарус, где восхищаются хитростью и коварством принцев, воспитанных как наемные убийцы.

Маледикт куснул пальцы барона, подобравшиеся близко к его рту, и Ворнатти отдернул руку.

— Так вот чему ты учил меня? А я еще называл твои уроки безнравственными.

Ворнатти хихикнул.

— Ах, мальчик, у тебя такой злой, грубый язык. — Признаки хорошего настроения исчезли с лица барона, их место заняла меланхолия. — Я стар, Маледикт, и, как выяснилось, подвержен самой коварной и глупой болезни стариков. Я оставляю тебя, с твоим злым языком, твоими полными слез глазами, твоим изменчивым настроением и вспышками гнева, только для себя. Только для себя одного.

Отвращение вспыхнуло в Маледикте, он скривился. Остаться здесь? Всю жизнь прикасаться к дряблой коже, когда его ждет Янус? Маледикт попытался встать; его терпению пришел конец, кровь стучала в висках.

Схватив юношу за волосы, барон рванул его вниз, заставляя опуститься на колени перед креслом.

— Послушай меня, мальчик. Выжди время. Ласт никуда не денется, куда ты лучше устроишься; или же я умру, чтобы не видеть твоего краха. Мое имя гарантирует тебе определенную безопасность, но недостаточную для того, чтобы ты мог нападать в открытую — иначе тебя ждет тюрьма или смерть. Оставайся у меня. Будем жить, как жили прежде, и я обеспечу тебе достойное

существование. Ты знаешь, что можешь верить мне: я не нарушаю обещаний. Разве я не сохранил других твоих тайн, моя девочка? Останься — и я вознагражу тебя. В самом деле сделаю тебя своим воспитанником. Своим наследником.

— Неужели ты думаешь, что меня можно купить? — спросил Маледикт; руки его сжались в кулаки. Меч с протестующим лязгом соскользнул со столика и упал на усталый коврами пол.

— Разве я не купил тебя однажды? И потом, я покупаю лишь твое время. Ты... молод. Ласт, будь он проклят, здоровьем не обижен. А я, Маледикт, просто старик. Под моей кожей кровь теряет силу. Но даже умирающим есть чем одарить. Подожди — и у тебя будет достаточно денег, чтобы покинуть Антир, когда они начнут на тебя охоту, оскалив окровавленные клыки.

Маледикт проговорил:

— Ты клялся, что ненавидишь Ласта.

— И я довольствуюсь мыслью о том, что ты уничтожишь моего врага. Мне не нужно видеть этого. Быть может, мне стоило осуществить возмездие, когда впервые запыхал огонь ненависти в моей крови. Но, как бы то ни было, теперь то пламя остыло, и я готов обменять холод на тепло. Желательно твое тепло. Если же ты упрямо последуешь своим путем, если проявишь нетерпение, мне придется довольствоваться Миранель и выпшвырнуть тебя обратно на улицу.

— Ты говоришь о том, что твоя жажда мести убывает, и одновременно хотел бы, чтобы я и дальше откладывал месть. Я не могу позволить себе подобной роскоши. У тебя не было такого побуждения к действию, как у меня. — Маледикт вывернулся из цепких рук Ворнатти, подхватил рубаху и быстро набросил ее.

— Янус, — прорычал Ворнатти.

— Ани, — возразил Маледикт под хихиканье барона. Юноша проснулся, заново ощутив Ее присутствие, Ее удовлетворение оттого, что их сделка скреплена, оттого, что прольется еще новая и новая кровь. Болтовня Ворнатти о задержке заставила Ее недовольно свернуться в кольцо, подобно змее, готовой напасть.

Ворнатти подался вперед в кресле, судорожно вцепившись пальцами в кожаные подушки на подлокотниках.

— Забудь мальчишку. Он наверняка забыл тебя. Что он может тебе предложить? Он всего лишь незаконнорожденный племянник короля-мечтателя. Ему никогда не стать графом, никогда не быть наследником. Уж попомни мои слова, Ласт о том позаботится. И он ни разу не попытался отыскать тебя. Твое стремление односторонне, мальчик мой. Отсрочь свое возмездие.

Маледикт укрылся за фразой, позаимствованной из любимых книг Ворнатти.

— Ах, сэр, все это так неожиданно. — Едкий тон лишил слова всякого юмора.

Ворнатти пристально смотрел на него. Маледикт отступил дальше в тень, избегая взгляда барона и начиная непроизвольно дрожать. Он трепетал всем телом, словно испуганная лошадь, однако голова оставалась ясной. Слишком скоро он рисковал лишиться покровительства Ворнатти — и еще навлек на себя гнев барона, когда до бала солнцестояния осталось так мало времени.

— Это отказ? — спросил Ворнатти. — Значит, просто вышвырнуть тебя на улицу недостаточно? Сначала я мог бы разоблачить тебя, девчонка. Или прогнать Джилли вместе с тобой. Что-то он начал мне докучать. Я знаю других, кому интересны его услуги; впрочем, они не станут обращаться с ним столь любезно.

Дрожь унялась так же быстро, как возникла; самообладание вернулось к юноше.

— Неужели ты не дашь мне времени поразмыслить? У героинь в твоих романах всегда есть время подумать.

— Ты никакая не героиня, — отозвался Ворнатти.

— А ты не джентльмен.

Ворнатти захохотал.

— Оставайся или уходи. Да или нет, Маледикт.

— Будь ты проклят! — Маледикт вырвался из объятий барона, как будто намереваясь бежать, но тут же вернулся. — Да, будь ты проклят.

— Ты жаден и переменчив, как я и предполагал. В конце концов, Янус — лишь юноша, которого ты больше не знаешь. — Ворнатти наклонился вперед, взял ладони Маледикта в свои. — Поблагодари меня, мальчик. Ты научился тому, на что у меня

ушли годы: мы все вырастаем из своего прошлого. А теперь поцелуй меня и давай мириться.

Маледикт поцеловал Ворнатти в сухую щеку, поразившись тому, что тлеющей в нем ярости не хватило, чтобы ожечь кожу барона.

— Мне позвать Джилли, чтобы он передел тебя к выходу?

Ворнатти ответил:

— Всенепременно позови Джилли. Сообщим ему, что ты остаешься. Только сначала... — Ворнатти привлек Маледикта, снова усадил его к себе на колени, сбросил рубашку...

Маледикт тихо кипел, пока Ворнатти дергал за шнур колокольчика. И даже старательно контролировал эмоции, пока Джилли выслушивал новости. Юноша поднял взгляд, чтобы увидеть выражение лица друга: чистейшее, неподдельное беспокойство. Вот только Джилли верил в присутствие Ани, а Ворнатти, дурак и еще раз дурак, не верил. Для него будущее уготовило только месть.

Маледикт поднимался по лестнице, по пути гася газовые лампы и оставляя за собой удушливый след темноты: так он надеялся задержать Джилли, шедшего за ним по пятам. Пусть он сам решил остаться — и все же вспыльчивая часть его натуры винила в том и Джилли.

Однако последний, обладатель длинных ног, нагнал юношу на первом же пролете и схватил за плечо.

— Что ты замышляешь?

— Не трогай, — предупредил Маледикт; Ани обозначила свое присутствие гневной вспышкой в крови. Позволить тормозить себя было сейчас выше сил юноши. Джилли, не подозревая об этом, встряхнул Маледикта.

— Объясни, почему ты согласился отложить свою месть.

Маледикт легко, одной рукой толкнул Джилли в грудь; тот отлетел к противоположной стене. Руки у юноши тряслись — вернулась и разлилась по всему телу дрожь, охватившая его в спальне Ворнатти.

— Маледикт? — позвал Джилли, поднимаясь на ноги и с беспокойством глядя на юношу.

Маледикт скользнул вниз по стене и сжался в комочек, стыдясь самого себя.

— Кем же еще мне быть?

Имя повисло между ними в воздухе. Джилли помедлил, потом упал на колени рядом с Маледиктом.

— Обопрись на меня. Я помогу тебе подняться наверх. Принесу молока, подогретого, с ароматом ванили и миндаля.

— Как будто от Ани можно излечить, как от простуды, или подсластить ласки Ворнатти, — язвительно проговорил Маледикт. И уже другим тоном продолжил: — Спасибо, Джилли, мой великодушный Джилли... — В полном молчании они поднимались по темным ступеням. Джилли то и дело оборачивался, словно ожидал увидеть, как за ними мчится Ани.

14

Вечером перед балом солнцестояния карета Джилли и Маледикта оказалась в длинной очереди других карет, продвигавшихся по улицам к дворцу с такой неторопливостью, что аристократы прогуливались туда-сюда, нанося визиты, болтая, флиртуя, восхищаясь нарядами. Наблюдая толчею с места кучера, Джилли не мог не заметить, какой контраст с этой беззаботной толпой являл его пассажир. Облаченный в костюм Рыцаря Разбитого Сердца, трагического героя легенд, Маледикт плотнее зашторивал окошки всякий раз, когда приближались аристократы, и мрачно замолкал.

Джилли был ненавистен этот костюм: ненавистны жилет, камзол и панталоны из белого атласа, ненавистны алые перчатки и галстук; но больше всего ему не нравилось выражение, застывшее в глазах юноши, словно тот сомневался, что не потеряет самообладания.

Джилли и так был на грани срыва, ведь они с Маледиктом оставили Ворнатти дома в забытьи наркотического сна, тогда как он собирался присутствовать на балу. Разумеется, это были проделки Маледикта, причем столь проворные, что Джилли ничего не заподозрил, пока не попытался разбудить барона.

Все попытки возразить застряли у него в горле, когда Маледикт набросился на него:

— Ты думаешь, я бы смог перенести это? Гоняться за Янусом с Ворнатти на хвосте? Чтобы старый развратник при всяком удобном случае лапал меня, как будто мне это приятно?

Подъехав к крылу, в котором располагалась бальная зала, Джилли отдал поводья ожидавшему помощнику конюха и распахнул дверцу кареты. Маледикт шагнул вниз словно привидение, придерживая рукой эфес меча.

Маледикт стал подниматься по лестнице; Джилли держался чуть позади. Юноша остановился у громадной Книги Имен. На последней странице значилось недавно вписанное имя — его цель.

Янус Иксион, лорд Ласт. Имя было нацарапано с такой злобщей уверенностью, что Джилли вовсе не удивился неаккуратности и кляксам в последующих записях: Янус сломал острие пера.

Маледикт рукой в перчатке коснулся нанесенных на бумагу чернил. Чернила, все еще сырые, быстро впитались в ткань, въелись в красный шелк. Маледикт вытер перчатку о губы и прошел мимо Джилли, спасаясь в ночном воздухе от чрезмерной сладости фиалок и жасмина, лилий и гелиотропов и тлеющей дымки восковых свечей. Джилли поспешил догнать юношу со стороны сада: Маледикт прохаживался вдоль увитой плющом стены растительного лабиринта.

— Мэл...

— Там несет падалью. Как ты думаешь, кто-нибудь говорил Арису, что мертвые цветы пахнут склепом?

Джилли протянул к юноше руку, желая успокоить.

Маледикт отвернулся, склонился к листе в приступе рвоты. Когда он поднял взгляд, Джилли попятился: глаза юноши светились диким огнем, руки тряслись, словно в приступе лихорадки, голос дрожал.

— Близится миг, когда все изменится. Идиллия умирает — ведь это была идиллия, верно? Даже несмотря на приступы бешенства, капризы и угрозы Ворнатти. И меня страшит ее конец. — Юноша поднялся на цыпочки и коснулся губами уныло скривленного рта Джилли.

Джилли ощутил аромат кожи Маледикта, легкий запах сирени, почувствовал нежность его щеки против своей жесткой щетины.

— Страшишься Ласта? Или Януса? Ни за что не поверю — мне же известно, на какой путь ты вступил.

— Не их. Ласт — мертвец, а Янус ни жив ни мертв, пока не поговорит со мной. Я страшусь себя, Джилли, трепета крыльев в моем разуме. Если Янус отвергнет меня... Ее перья вызывают во мне всё более жгучую, неутолимую жажду, Ее крылья пахнут смертью и окровавленным железом. — Маледикт спрятал лицо на груди Джилли, но пугливо отстранился, когда тот обнял его.

— Если Янус отвергнет или не вспомнит меня, я исчезну. Останется лишь марионетка Ани. Впрочем, отступить уже некуда.

— А ты бы отступил, если бы мог? — хрипло спросил Джилли.

— Нет, — без промедления, без тени сомнения ответил Маледикт; глаза его были черны — и холодны, как лед. — А почему мы стоим в темноте, Джилли, когда нас ждет бал? Я уже прикончил одного Ласта. Давай-ка проверим, сколько переживут сегодняшнюю ночь.

Джилли последовал за юношей в залу, по случаю солнцестояния ставшую вдвое больше за счет открытой бальной половины короля. Полумесяц придворных был выкрашен в синие и пепельно-серые тона, тогда как часть Ариса — сплошь в розово-золотое, так что вихрь танцоров проносился по зале из сумрака к восходу. Маледикт шагал, погруженный в себя, бросая пылающие взоры то на одно лицо, то на другое. Светлое солнцестояние требовало костюмов, но не масок, и лица были открыты; маски приберегались для зимнего Темного солнцестояния, когда люди надевали маски, чтобы уберечься от голодных мертвецов.

Джилли шел рядом, ища глазами человека, которого никогда не видел, но не сомневался, что сможет узнать его. Время шло, и лицо Маледикта становилось все более непроницаемым; тогда Джилли шепнул ему:

— Следуй за сплетнями, за склонившимися головами. Новичок всегда оставляет их за собой. Сплетни приведут тебя к нему.

Маледикт поблагодарил Джилли слабой улыбкой, и вдруг застыл, словно гончая, почуявшая след. Джилли проследил за его взглядом.

Молодой человек, появившийся в зале со стороны балконов, мог быть только Янусом Иксионом; приглашенная копия Ластва — с бледными глазами и золотистыми волосами, высокий и широкоплечий. Краткое впечатление, которое Джилли смог составить по миниатюре, характеризовало Януса как обычного аристократа, но тогда он предположил, что художник уж слишком стремился угодить Ласту.

В реальности все обстояло ничуть не лучше, Джилли почувствовал разочарование. И ради этого лица Маледикт зашел так далеко? Вот этот юнец, элегантный, стройный, облаченный в золото и бархат, и есть Янус? Лицо его было пустым, как у любого другого светского повесы. Тогда как Маледикт сохранял крысиную осторожность в поведении, Янус, казалось, с детства рос изнеженным сыном стареющего аристократа. Лицо его не носило отпечатка умственной деятельности — напротив, в нем отчетливо читалась апатия, равнодушие ко всему, в том числе к приевшимся развлечениям. Здесь, в блистающем сердце Антира, Янус навевал лишь скуку.

Джилли повернулся, ощутив движение в воздухе. Пока он разглядывал Януса, Маледикт исчез. Джилли уловил краем глаза стремительное движение вдоль стены — словно по пятам за Янусом скользила его тень.

Джилли издал шипящий звук, понимая, что игра началась. Кошка ловит мышку, и оба увлечены игрой. Янус почувствовал погоню, решил подыграть и, изображая мышь, ограничивался лишь едва заметными поворотами головы, чтобы не встретиться взглядом со своим преследователем. Если он увидит тень слишком рано, если даст тени это понять, игра окончится, и вместе с ней — развлечение. В полупрозрачных голубых глазах ненадолго вспыхнули признаки оживления — нельзя же так сразу дать им погаснуть.

Двор погружался во все более глубокое молчание, с жадным восторгом следя за игрой.

— Сколько будет продолжаться это хождение вокруг да около? — громко спросил Янус; по его тону было ясно, что происходящее его забавляет, и все же он еще не удостоил своего преследователя ни единым взглядом. В голосе юноши Джилли уловил то же беззаботное высокомерие, что и в речи Маледикта, однако разложенное на тоны, как рельефный бархат. — Я едва появился при этом дворе и не представляю, чем успел провиниться перед вами. Если я обидел вашу сестру, мать, любовницу — прошу прощения. Если причина в ином, пусть она подождет. Мы перепугали музыкантов так, что они перестали играть.

— Все равно они пищали, как коты, которых душат, а уж мне-то этот звук знаком, — сказал Маледикт. После звучного голоса Януса хрип Маледикта резал слух.

Янус, обескураженный, повернулся и взглянул в лицо своей тени; самодовольная безмятежность сползла с его лица. Даже Джилли, оказавшийся поблизости, не смог разобрать его настроения, смены эмоций, мелькнувших и исчезнувших слишком быстро, словно рябь на глубокой воде.

Янус шагнул к Маледикту; придворные, кавалеры и дамы, оказавшиеся между ними, поспешили расступиться, и теперь все они стояли, перешептываясь и устремив взоры не на Януса или Маледикта, но на пустоту между ними, на медленно сжимавшееся ядро пространства.

Маледикт тоже сделал шаг. Лицо его было белым, как полотно.

— Мы достаточно покружили? — спросил Янус. — Тогда выйдите, назовите себя и разделайтесь со мной. — Губы остались полуоткрытыми; лицо Януса окаменело, когда Маледикт прошел разделявшее их расстояние, превратив его из непреодолимого барьера в иллюзию.

— Янус Иксион... — произнес Маледикт, выйдя в центр круга; голос его сглаживал слоги, и снова рябь прошла по бесстрастному лицу Януса.

— Лорд Ласт, — представился Янус и поклонился; его золотые волосы рассыпались по плечам, сверкая на небесно-голубой ткани.

Стремительно очерченная дуга черного лезвия остановила его поклон. Янус вскинул голову; шея его была белее мрамора.

— Вижу, вы не в настроении. — Янус стоял прямо, раскинув руки. — Тогда нападайте, я не стану с вами драться.

Маледикт заколебался, со всей очевидностью будучи не в состоянии ни отступить, ни продолжать. Руки Януса взметнулись; одна схватила Маледикта за запястье, другая поймала плечо расшитого камзола, привлекла юношу ближе. Янус отпустил руку, державшую меч, причем проделал все с такой плавностью, словно это были па танца, а не потенциальная дуэль.

— Ты ударишь меня? — спросил Янус. Его голос, который до сих пор был возвышен, чтобы достичь слуха испуганных, зачарованных, шокированных таким скандалом слушателей, понизился до хрипотцы. В нем сквозила отчаянная мольба, словно вражда Маледикта слишком тяжким бременем ложилась на его плечи.

Черное лезвие задрожало на свету, словно тень, убегающая от свечного пламени; затем повернулось. И упало. Клинок лягнул о мраморный пол, и Янус улыбнулся. Его рука скользнула вверх по плечу Маледикта и запуталась в темных волосах; склонившись, Янус прильнул губами к губам, к обернутой в шелка шее. Маледикт откинул голову, как это делают только женщины, поддавшись страсти.

Янус прошептал что-то — слишком тихо, чтобы расслышала ошеломленная толпа. Даже чуткий слух Джилли, как он его ни напрягал, не смог разобрать ни слова. Имя? Молитва?

Разумеется, то, что произнес Янус своим дрогнувшим бархатным голосом, было именем: *Миранда*.

Молчание придворных разорвал шепот, волной прокатившийся по собранию. Янус отошел от Маледикта, снова поклонился — элегантно и учтиво. Маледикт, помедлив, ответил тем же. Поклон Януса был томным — так принято кланяться в Антире, тогда как движения Маледикта сохраняли суховатую безупречность, усвоенную на уроках у Ворнатти. Маледикт тихо произнес несколько слов, потонувших в шипении придворных, и отвернулся.

Аристократы хлынули внутрь круга, стирая границы импровизированной сцены, созданной Янусом и Маледиктом. Сплет-

ники и сплетницы перетекали из одного конца залы в другой, разминая языки. Пытаясь уследить за теми, чьи слова могли оказаться наиболее опасными, Джилли потерял Маледикта из вида. Легкий шепот на ухо, мимолетный аромат сирени — и юноша, проскользнув рядом, снова со сверхъестественным изяществом растворился в воздухе. Джилли обернулся, стараясь отыскать его взглядом, но вместо Маледикта встретил Мирабель: она застыла на месте, лицо превратилось в восковую маску. Потрясение, понял Джилли, — и, хуже того, *предательство*. Янус никак не вписывался в ее планы в отношении Маледикта.

Невозмутимый в самом эпицентре бури, Янус взял кубок, предложенный Вестфоллом, с улыбкой поблагодарил и направился к выходу на балконы.

Джилли понял: таков его знак. Призраком сквозь сознание пронеслась команда Маледикта: «Проводи Януса до кареты. Мы похищаем его».

Последнее, что Джилли хотелось делать, — вести Януса по романтической путанице королевского лабиринта, где он прежде гулял с Маледиктом. Он успокоил себя тем, что это было в любом случае облегчением: по крайней мере Маледикт не ступил на тропу самоуничтожения, начав кровавую месть и не заботясь о собственной жизни.

Стремительное, но внезапно остановленное движение привлекло внимание Джилли к тому, что происходило в зале: Арис придержал королевских гвардейцев, намеревавшихся броситься на поиски Маледикта. На щеках короля играл легкий благородный румянец. Гневается, с опаской подумал Джилли. Арис встретился взглядом с Джилли. Последний поспешно опустил глаза, пойманный на том, что пялится на короля, как неотесанный деревенщина. Еще больше его обеспокоило невольное осознание того, что они с Арисом испытывали одно и то же чувство: приступ необоснованной ревности.

Голоса аристократов слились в невероятный гул, музыканты, терзая инструменты, силились переиграть создавшийся шум и взять реванш за минуты молчания. Джилли, пробираясь к выходу, собирал обрывки комментариев, словно частицы мозаики: «Меч при дворе. Снова. И все же Арис ничего не предпринимает...»

«Ласту не понравится, что его сын устроил здесь такую сцену».

— Это колдовство, уверяю вас. — На лице Мирабель наконец появились признаки тщательно управляемой ярости: светская львица воспринимала поступки Маледикта как оскорбление собственным чарам. — Сначала он снискал благоволение Ариса, теперь — его племянника. Но как — вот в чем вопрос. Я видела алтарь, книгу заклинаний; смею вас уверить, Маледикт не хотел бы, чтобы я об этом рассказала...

— Поклоняться мертвым богам? — насмешливо проговорила ее собеседница Мика Чейлфонт. — Лишь дураки продолжают верить в них.

— Дурак отвергает свидетельства собственных ощущений. Я не столь безрассудна. — Мирабель со щелчком закрыла веер. Уверенность, звучавшая в ее голосе, заставила Чейлфонт умолкнуть, а Джили — ускорить шаг.

Янус молча ждал, скрывшись в полумраке; когда Джили приблизился к нему, прозрачно-голубые глаза выражали лишь полное отсутствие интереса.

— Сюда, — подсказал Джили, показывая на лабиринт; глаза Януса вспыхнули страстью.

Высвободившись наконец из объятий Януса, Маледикт устроился на противоположном сиденье кареты, потом, наклонившись вперед, сплел свои руки с руками возлюбленного. Он беззвучно смеялся: отравленные голосовые связки не могли озвучить то, что он ощущал.

— Я с ужасом думал об этом миге, боялся, что никогда больше тебя не увижу. Или что ты не узнаешь меня, когда мы увидимся... Каким же я был глупцом, позабыв, как мы подходим друг другу.

— Я бы узнал тебя где угодно, Миранда...

— Нет, — нахмурился Маледикт; впрочем, тут же на его лице снова вспыхнула радость. — Миранда мертва. Убита в Развалинах, как крыса, которой и была.

— Именно это мне и сказал Роуч. Что ты умерла, причем от моей руки. Какая чушь! Как будто я когда-нибудь причинил бы тебе вред...

Маледикт радовался полумраку, царившему в карете, плавному покачиванию, которое позволяло прятать лица и дарила сладостную близость; он чувствовал, как вспыхнули его щеки и как нахлынуло удовольствие от беспечных слов Януса.

— Ты возвращался туда?

— Как только «Поцелуй» причалил к пристани. Как только удалось убедить Критоса, что я занемог во время путешествия. Единственным знакомым, которого я встретил, был Роуч. — Янус рассмеялся и с жадностью поцеловал Маледикта. — И вот мы вместе.

Они ударились носами и стукались лбами, когда карета подсакивала по неровной брусчатке. Янус рассеянно смотрел в окно на проплывавшую мимо линию высоких узких домов и фигурных лужаек Дав-стрит.

— Мой городской особняк. — Маледикт скользнул обратно на сиденье, откинулся на теплый плюш подушек; его пальцы высовывались из ладоней Януса — и снова потянулись к ним, не в силах расстаться.

— Выходит, то был не просто налет на благородное собрание?

— Я же говорю тебе. Миранда мертва. Несмотря на маскарад, я во многом именно таков, каким ты меня сейчас видишь. Я Маледикт, воспитанник барона Ворнатти, вельможа, а не леди. — Маледикт сделал легкий полупоклон, сдерживаемый наличием сиденья. — Теперь я тебя предупреждаю. При дворе я известная личность, а ты сегодня вечером определенно запятнал свою репутацию.

— Ты всегда была умницей, Миран... Маледикт, верно? И большой умницей, любовь моя. Скажи мне: ты знаешь, что Критос мертв? — спросил Янус, откидываясь назад. — Сражен рукой неизвестного и оставлен на съедение крысам. — На губах юноши заиграла улыбка, в глазах мелькнуло тайное послание, которого Маледикту так не хватало все это время.

— Он отнял тебя у меня. Неужели я не отомстил бы ему за это? — спросил Маледикт. Ани недовольно заворчала в его крови под покровом радости, и он продолжил: — Давай больше не будем говорить о мести. — Устроившись на коленях у Януса, Маледикт целовал его — снова и снова, без счета.

15

Пока Маледикт возился с дверью своей спальни, Янус нежно покусывал его за шею. Потом он поднял голову и оглядел роскошно обставленную комнату, камин, в котором все еще теплились и мигали угли, широкое кресло, огромные окна с тяжелыми красными шторами, высокую, покрытую плюшевым покрывалом кровать.

— Твой барон с тобой хорошо обращается. — В тоне Януса таился вопрос.

— За определенную плату, — признал Маледикт. Он решил выдавать жестокую правду частями. — Ворнатти — хранитель моих тайн — и мой личный шантажист. Если я ему не ужогу, он угрожает разоблачить меня при дворе.

— А это было бы ужасно?

— Я буду уничтожен. Женщина в доме Ворнатти, без дуэньи? Женщина с мечом? Даже в излюбленных романах Ворнатти не встретить таких дерзких историй. Кроме того, — продолжал Маледикт, — я сжился со своим образом и уже не могу без той свободы, что он мне дает. — Таково было единственно возможное со стороны Маледикта объяснение; теперь он с содроганием гадал, что подумает Янус, обнаружив Миранду в обстоятельствах, в которые она клялась никогда не попасть.

Янус еще раз поцеловал шелковый крават на шее Маледикта, потом нежными пальцами развязал узел.

— Они впрямь верят, что ты мужчина? С такой гладкой кожей и нежной шейкой... — Янус провел пальцем по открывшейся линии подбородка, шеи, скулы. — Я ожидал, что обнаружу еще и шрам, в пару к хриплому голосу. Ведь хрипота — не приворотная?

— Нет, — ответил Маледикт. — Она — результат воздействия «каменной глотки».

Янус поцеловал белую кожу у основания шеи Маледикта, легко скользнул языком к ложбинке между ключицами.

— Рискованное предприятие...

— Без риска не обойтись, когда ищешь бесценной награды, — отозвался Маледикт, распахивая на Янусе камзол, растянутый еще в карете, снимая жесткий парадный жилет, за ним шелковистую ба-

тистовую рубашку. В скудно освещенной комнате кожа Януса сверкала, подобно золоту, и горячила кровь Маледикта, как хорошее бренди. Он подтолкнул Януса к креслу с подголовником, усадил, стянул с него туфли. Маледикт безмерно радовался тому, что временно удалось отвлечь мысли Януса от Ворнатти. Он взглянул на Януса, на жадно-томные его глаза — и весь отдался этому мгновению, и большему — их будущему, впервые ощущая, что теперь Янус принадлежит ему. И снова неожиданно для себя улыбнулся.

Янус притянул Маледикта к себе на колени, расстегнул рубашку, сдернул шелк — и удивленно замер.

— Корсет?

— С подкладкой, — пояснил Маледикт, прикасаясь к своим бокам, животу, спине. — Вот здесь повсюду — чтобы расширить талию и сделать плоской грудь. Иначе весь этот маскарад был бы менее успешен. Расстегни. — И он повернулся, подставляя жадным рукам Януса крохотные крючки и петли.

— Как ты умудряешься застегивать его сама? — засмеялся Янус. — Все дамы, которых я знаю, нуждаются в прислуге или в кавалере.

Маледикт издал стон облегчения, когда с почти неслышными хлопками крючки разошлись, и корсет упал на пол.

— Практика. Необходимость. Вдобавок его не нужно туго шнуровать, как дамские корсеты. Его цель — лишь скрыть, — проговорил Маледикт в волосы Януса, покусывая мочку его уха.

Янус обхватил руками обнаженную тонкую талию, лаская изгиб спины и бедра, маленькие мягкие груди. Маледикт вздохнул и склонился к его рукам, выгнулся, когда Янус принялся по очереди целовать нежные соски. «Все действительно меняется», — подумал он в каком-то полубреду. Янус изменился, вырос, раздался в плечах, окреп и возмужал. Маледикт нежился в его объятиях, вдыхая аромат его кожи, перебивавший модные при дворе одеколоны, и улыбался голодной улыбкой.

Он огладил ладонями ребра Януса, ощущая нежный, играющий мускулами пыл, пробежал легкими пальцами вниз по животу. Дыхание Януса слегка участилось, и Маледикт скользнул прочь от наиболее чувствительных мест, хотя бедра Януса льнули к нежным рукам. Чудесная мысль пронеслась в сознании: на сей

раз им принадлежало все время мира — не какой-то жалкий момент, когда вот-вот могли явиться докучливые клиенты Эллы, или же Селия учиняла очередной пьяный дебош, или Роуч, ревниво ходивший за ними по пятам, возникал, как черт из табакерки. Эта ночь принадлежала им — только им, и Маледикт намеревался насладиться каждым мигом, вспомнить и вновь ощутить все прикосновения Януса.

— Что это такое? — спросил Янус, приостанавливая ласки, чтобы коснуться красных полос на левой руке и боку Маледикта.

— Отметины, оставленные мечом маркиза Де Герра. — Маледикт заново осмотрел порез, слегка смущенный тем, что не рассказал Янусу эту историю.

— А вот это? — Янус провел рукой по длинному, змееподобному шраму, обвивавшему левое бедро и уходившему на спину; потом лизнул основание правой груди.

— Кнут, — пояснил Маледикт. — Работа Критоса еще в Развалинах.

— Ублюдок, — тихо выругался Янус, склоняясь, чтобы поцеловать верхний завиток рубца. От теплого дыхания у Маледикта замерло сердце.

— Теперь Критос — всего лишь очередной мертвый аристократ, — отозвался он, все крепче обнимая Януса за плечи, по мере того как тот двигался от шрама вниз по светлой мягкой коже живота.

Янус распустил ленты в волосах Маледикта, и кудри свободно рассыпались, обрамляя лицо и плечи шепчущими завитками.

— Не могут же люди быть настолько слепы... — пробормотал Янус. — Ты не похожа ни на одного мужчину, которого мне довелось видеть.

Маледикт засиял.

— Джилли называет это видением, навеянным ожиданием.

— Джилли знает? — спросил Янус. Его губы, скользившие по коже Маледикта, остановились, недовольно сжавшись.

— Нет, — ответил Маледикт, покраснев от одной мысли об этом. — Чем меньше людей знают тайну, тем меньше ее выдадут.

— Ты совершенно уверена, что он не подозревает? — спросил Янус. — Если он упомянул...

— Он говорил о шулерстве в картах и обычной ловкости рук. Он и не думал применить данное правило ко мне, уверяю тебя. — Маледикт пробежал трепетными пальцами по волосам Януса, восхищенно любуясь искорками солнца, запутавшимися в золотых прядях.

— Джилли помогал тебе, был твоим партнером. — Выскользнув из объятий Маледикта, Янус пересек комнату и ткнул кочергой в угли, заставляя искры взметнуться завитками сердитого жара.

— Партнером на пути к тебе, — отозвался Маледикт. — Теперь ты тоже должен стать моим партнером.

— Как и в случае с тайнами, партнеров лучше иметь не больше двух, — проговорил Янус. — Ворнатти знает...

— Янус, — сказал Маледикт, желая побыстрее закрыть эту тему и будучи в состоянии видеть лишь блики пламени на коже Януса и ощущать ответный жар, поднимавшийся в его теле. — Пойди сюда и освободи меня из тисков этих туфель и панталон, если только не хочешь, чтобы мы любили друг друга, словно два джентльмена на конюшне, теребящие и оголяющие лишь самые необходимые части тела.

Янус ухмыльнулся, придя от этой мысли в более веселое расположение духа.

— Может, как-нибудь в другой раз. — Опустившись на колени, он снял с Маледикта туфли, провел руками вверх по коже его панталон и начал медленно стягивать их, целуя открывавшиеся бедра. — Весьма недурные ножки... для светского льва. — Слова щекотали Маледикту кожу, заставляли дрожать и изгибаться.

— Не скрою, при дворе меня считают несколько женоподобным молодым человеком. — Вдруг хорошее настроение Маледикта сменилось унынием. Сначала Ворнатти, теперь вот это. Маледикт почувствовал, что для него расставлено множество ловушек, что каждый миг несет в себе угрозу хрупкому счастью. Он коснулся губ Януса, предостерегая от дальнейшего подшучивания, перешагнул упавшую на пол одежду. — Тем не менее все

верят, что я мужчина, и хотя при дворе с пониманием, как выражается Арис, относятся к предпочтениям некоторых мужчин, такое поведение не поощряется. Я не выйду из роли. Теперь я Маледикт и считаю себя мужчиной; и оставим в стороне все доказательства обратного. — Маледикт обвел рукой свою обнаженную плоть. — Твоя репутация может пострадать, если тебя будут слишком часто видеть в моей компании.

Последние слова были выстраданы — только теперь Маледикт осознал, в какую западню угодил по собственной вине. Он не мог вообразить себе возможности снова стать женщиной — а сохранение маскировки грозило потерей Януса.

Он обернулся и принялся разглядывать свое отражение в зеркале, отвлекшись от тревожных мыслей. Он так давно не отваживался ходить без одежды или даже думать о себе как о Миранде, что, несмотря на ее желания и мечты, все еще живущие в нем, не покривил душой, сказав Янусу, что она мертва. Маледикт не мог вернуться в ее положение, не мог перекроить время, вспомнить, что значило жить без этой тайны.

— Наверно, я должен быть благодарен судьбе за то, что не похож на Эллу, — продолжал Маледикт, — иначе такое перерождение было бы неосуществимо. У меня скорее мужская, чем женская фигура.

— Да ты сама ослепла. Ты едва ли выше других придворных дам. Голос — наиболее правдоподобная деталь, но вот это... — Янус накрыл ладонью одну грудь, потом другую, погладил соски, заставляя их затвердеть. — Это уж явно женское.

Сердце Маледикта пустилось в бешеную пляску; он выгнулся назад, прижимаясь к груди Януса, заигрывая, привлекая его внимание.

— А бедра у меня слишком узкие.

Янус скользнул рукой ниже, охватывая растопыренными пальцами живот Маледикта. Замедлил движения, поддразнивая; голос его сделался бархатным от страсти.

— Придворные дамы носят корсеты, китовый ус, турниор и подкладки, чтобы придать своим фигурам не свойственные им от природы очертания.

Пальцы Януса нырнули в теплую ложбинку между ее бедер, двигаясь легко, разогревая. Ее кожа ответила на прикосновения влагой; дрожь пробежала по телу Маледикта.

— Все еще считаешь себя мужчиной? — шепнул Янус. — Боишься, что я брошу тебя по капризу двора? Какое мне дело до их мнения, когда ты снова в моих объятьях?

Маледикт вспыхнул, на бледной коже шеи и щек обозначились розовые пятна. Он поцеловал Януса так, словно хотел насладиться его вкусом. Ведомый Маледиктом, Янус попытался, пока наконец не упал навзничь на кровать. Золотые волосы рассыпались по густо-красному покрывалу. Маледикт взобрался на Януса верхом, лаская прикосновениями, поцелуями с той же жадностью, с которой накинул бы на еду голодающий, если бы внезапно попал на пир.

Янус выгнулся дугой, позволяя Маледикту стянуть с себя панталоны и скинуть их на пол. Уютно устроившись на ногах возлюбленного, Маледикт принялся заново знакомиться с его телом, дюйм за дюймом, мускул за мускулом. Наконец Янус, распаленный дразнящими поцелуями, вздохнул, привлек Маледикта к себе, и они сплелись воедино, стараясь раствориться друг в друге, заставить дрожать каждый дюйм плоти. Янус лизнул ее в ушную раковину, она в ответ покрыла поцелуями горло юноши, ощутив смешанный соленый вкус, скользнула губами вверх до подбородка. Янус благодарно откинул голову — и вдруг отрывисто, задыхаясь, захохотал. Маледикт поднял на него взгляд.

— За нами наблюдают купидоны — совершеннейшие развратники, — заметил Янус.

— Ворнатти питает к ним нездоровую слабость. Заказал их во все личные апартаменты в доме, — ответил Маледикт, поморщившись при упоминании имени Ворнатти.

— Ворнатти, — выдохнул Янус, ловя руки Маледикта и прерывая ласки. — Что мы будем с ним делать? Я полагаю, ему ни с кем тебя делить не захочется. Если уж на то пошло, мне тоже. — Лаконичность фразы контрастировала с напряжением в голосе.

И опять Маледикт нерешительно замер на грани объяснения. И опять ушел в сторону — что он мог сказать в свое оправдание? Что для Миранды отречение от неоднократно повторенных клятв

и торговля собственным телом — пустяки, если речь идет о возвращении Януса? Разумеется, Янус и так все знал. В итоге Маледикт неожиданно для самого себя принялся сбивчиво приводить аргументы и растолковывать Янусу, почему так должно идти и дальше, подслащая горечь слов завитками дразнящих прикосновений к соскам, пробегая пальцами вдоль ребер, забираясь во впалдинку на животе, лаская пах.

— У меня нет ни собственного имени, ни средств, которые он мне пожаловал бы. Уйти от него — значит уйти лишь с тем, что мы сможем унести.

Янус накрыл ладони Маледикта своими, растягивая удовольствие, замедляя ласки так, чтобы оставалась возможность размышлять и подбирать слова.

— У меня тоже нет никаких средств, кроме тех, что я выиграл у Критоса. И мы не можем ставить тебя под удар разоблачения, как ты говоришь; и все же нужно что-то предпринять. Ты убила Критоса... — Янус откинулся назад и подложил руки под голову, молча призывая Маледикта возобновить ласки.

— Игрока, у которого была тысяча недоброжелателей, — нахмурился Маледикт. На коже Януса ему померещились отблески мечей и перьев.

— С одним-единственным стариком справиться будет несложно. Тем более что он подпускает тебя так близко к себе. — Янус стиснул зубы; Маледикт продолжал ласки, пока напряжение на лице Януса не сменилось выражением удовольствия.

— В общем, верно, — медленно проговорил Маледикт, позволяя сознанию наводниться мрачными воспоминаниями — о капризах Ворнатти, о его угрозах. Маледикт взвешивал все за и против. Перспектива завладеть деньгами казалась такой заманчивой. Маледикт задрожал, переместился выше, прижимаясь к сильному телу Януса, впитывая его уверенность, удовольствие от совместных планов.

— Есть ли смысл ждать? — спросил Янус. — Если нет...

Маледикт снова остановил его поцелуем.

— Он обещал мне наследство. И я расположен это наследство заполучить.

— Тогда я не буду тебя останавливать. По крайней мере теперь, когда у тебя такой свирепый вид. Ты такой жадный, — проговорил Янус, играя черными локонами, рассыпавшимися по плечам Маледикта. — И такой чарующий. Я скучал по тебе... — Он перекатился, прижал Маледикта к кровати. — Только постарайся, Мэл, как можно быстрее вступить в права наследства.

Маледикт поцеловал Януса в губы.

— Ради тебя все что угодно. — И он задохнулся, и раздвинул ноги, перестав наконец играть привычную роль вельможи. Ощущение, что он принадлежит Янусу физически, было сильнее, чем призраки, до сих пор тешившие его волю.

Когда Янус скользнул внутрь, закрепив свои права, осталась лишь Миранда, все крепче обнимавшая возлюбленного.

— Янус, — беззвучно вырвалось из опаленного горла.

— Тише, — прошептал Янус, — моя любовь, мой аристократ, мой темный рыцарь...

Пальцы Маледикта напряглись, впиваясь в спину Януса, царапая гладкую ложбинку позвоночника между мышцами; свет газовых ламп лился, просачивался сквозь бледное золото его растрепанных волос; сверху, смеясь, успокаивая, смотрели херувимы. Веки Маледикта смежились под голубым огнем глаз Януса; Миранда потерялась в этой блаженном жару прикосновений и трений, запахов и звуков. Янус тяжело дышал над самым ухом, и на миг в его дыхании Миранде почудилось скрежетание оперенных крыльев. Она распахнула глаза, выдав мгновенный испуг за накатившее удовольствие: Янус на вершине блаженства растворился в смешении лазури, золота и бархатного голоса.

Стон перешел в беззвучный смех; светлые волосы разметались, как паутина.

— И они думают, что ты мужчина...

Миранда беззвучно пробежала пальцами вверх по груди Януса, привлекла его к себе, заставила лечь рядом, медленно восстановила маску, под которой жила.

Янус продолжал:

— Впрочем, ты всегда умела водить за нос. Помнишь, как ты заставила наших крыс притвориться уличными актерами, и,

пока мы бегали и выкрикивали дразнилки в адрес горожан, вы с Роучем стащили для всех нас кучу еды.

Маледикт повернулся на подушке; его губы презрительно скривились.

— То была всего лишь жалкая картошка. Теперь у меня более грандиозные планы.

— Как же так? Разве я для тебя не все на свете? Разве теперь, когда я здесь, тебе еще чего-то не хватает? — Янус смотрел на Маледикта с вроде бы неподдельной растерянностью. — Разве мы не принадлежим друг другу с рождения и до смерти?

Маледикт хрипло расхохотался.

— Вот не ожидал услышать от тебя столь сентиментальную фальшивую чушь! Я бы сказал, что ты пьян, хотя точно знаю, что ты трезвый.

— Пьян тобой, — ответил Янус. Лукавство, сквозившее в последних красивых словах, исчезло, хотя выражение лица осталось прежним.

Маледикт коснулся побледневших губ Януса, соскользнул с кровати гладкой лентой белой плоти. Потом отдернул шторы, закрывавшие одну из стен.

Под тканью вместо внешнего мира, глядящего сквозь серебристое стекло, обнаружилась небольшая ниша с высоким узким столом. После посещения Мирабель Маледикт убрал шкатулку с ядами подальше с глаз. Он порылся среди пузырьков и извлек нечто маленькое и сверкающее.

Маледикт приблизился к Янусу и вытянул вперед кулаки, приглашая сыграть в давно забытую игру — угадать, в какой руке спрятано сокровище. В последнюю секунду, когда Янус потянулся вперед, он разжал правую ладонь, на которой лежало кольцо, не в силах вынести возможной ошибки Януса.

— Я сохранил кольцо. Критос не заметил, как оно упало. Оно — для тебя, хотя ты теперь и не такие вещицы видел. — Маледикт еще раз взгляделся в кольцо, вспоминая, как тогда, в Развалинах, решил, что к нему в руки попало настоящее сокровище. Джилли сказал, что подобные кольца часто носили во время войны. Украшения расплавляли и отливали заново, потом гравировали на них какие-нибудь фальшивые пустяки, превоз-

носящие боевую славу и возлюбленных, оставшихся дома. Хотя теперь Маледикт и понимал, что золото сомнительного качества, а запечатленное в металле чувство сорвано с руки покойника, кольцо все еще казалось ему достойным.

Янус взял кольцо и покатал в ладонях, изгоняя металлический холод, примеряя на большой палец. Когда-то оно было ему велико — теперь едва налезало; с некоторым усилием юноша надел его на палец, уже отягощенный печаткой. Потом Янус снова снял кольцо и наклонил так, чтобы рассмотреть надпись.

— Я помню его. «Только друг для друга в самом конце». — Он продолжал вертеть кольцо в пальцах. — Оно согрелось, когда ты держала его во рту. И когда я надел его, это было как поцелуй. А на моей печатке написано: «Только Ласт в самом конце». — Морщась от боли, Янус стянул печатку с гербом и надел ее на левую руку. — Твой девиз мне больше нравится, — добавил он, надевая на место печатки простенькое колечко Миранды.

Через секунду Янус привлек Маледикта назад, в уютное гнездышко из простыней, принялся гладить по темноволосой голове, прижавшейся к его груди.

— Прошло столько времени. Я не хочу ослаблять хватку — боюсь, что ты ускользнешь. И все только потому, что я хотел ограбить Критоса, прежде чем выпроводить его прочь, хотел украсть у него для тебя золота. И ведь до сих пор у меня нет золота, чтобы подарить тебе. Ни золота, ни украшений. — Он томно улыбнулся. — Быть может, оно и к лучшему. Я бы в жизни не додумался, что тебе теперь нужны булавки для галстуков, жилетные часы и запонки.

— А ты можешь достать украшения? — спросил Маледикт.

Янус опять рассмеялся.

— В некотором количестве. Хочешь?

Маледикт склонился ближе, прислушиваясь к биению сердца Януса — ровным ударам, давно знакомым, и к тихому ответному шелесту крыльев Ани.

— Понимаешь, я спрашиваю потому, что собираюсь убить его. А если обещания Ворнатти окажутся ложью, мы останемся без гроша.

— Ласт, — проговорил Янус бесцветным голосом.

— Принадлежащие мне украшения понадобятся нам для побега. Если мы будем осторожны, сможем остаться в Антире, — заговорил Маледикт, раскрывая планы, о которых прежде, до воссоединения с Янусом, сам едва осмеливался думать. — Можно будет остаться жить тут, но вдали от этого кишашего крысами города. А вот если убийство пройдет не гладко, придется бежать из Антира за границу, что потребует средств.

Уголки подвижного рта Януса опустились, светлые глаза сузились.

— В чем дело? — испуганно спросил Маледикт. Одно мгновение казалось, что все отлично спланировано, — но вот в полных бледных глазах его любовника мелькнуло нечто, все изменившее. — Никогда не говори мне, что любишь его, — предупредил Маледикт. — Я поклялся его убить. И я должен его убить.

— Тогда нечего колебаться и на мой счет. — Янус обнял колени и уткнулся в них подбородком. — Я не испытываю к Ласту нежности; однако его титул, земли... — Он понизил голос до страстного шепота. — Не так просто быть бастардом знатного человека, особенно если у тебя амбиции. Чтобы обеспечить мне выход ко двору, Ласт подделал документы. Якобы всё произошло не так, как прежде думали. Якобы они с Селией поженились, и я законнорожденный. Разумеется, ему не верят. Кто-нибудь когда-нибудь слышал о графе, который не стал бы разыскивать похищенного ребенка? Зато меня поддерживает Арис, и если я заручусь одобрением советников, то...

— То что? — прервал его Маледикт. — Как это поможет прикончить Ласта?

— Никак. Это придется сделать тебе, — ответил Янус. — Впрочем, если все произойдет вовремя, мне достанется его титул. Ты жаждешь денег Ворнатти. А мне нужен титул.

— Это лишь слово, — возразил Маледикт.

Янус покачал головой.

— Титул значит власть. Послушай, Мир... Мэл. Послушай меня. Положение, в котором мы находимся... в котором ты находишься, непрочное.

— Я убью Ласта. Можем ограбить его сейфы и смыться.

— Деньги закончатся. Ты учила этому своих крыс. И что тогда? Красть? Голодать? Становиться уличной шляхой? Разве Ворнатти тебе не достаточно? Наверное, мы могли бы заняться каким-то делом, но на что мы годны?

Она задрожала; Янус погладил ее по животу, призывая успокоиться.

— Прежде ты плакала, — продолжал Янус, скользнув на свое место рядом с Маледиктом, — когда холод и голод становились невыносимыми. Я бы пустил себе кровь, лишь бы напоить тебя чем-то теплым. И каждый год я клялся себе, что жизнь станет лучше, — а она не становилась. Я больше не хочу испытать подобного отчаяния.

Повернувшись на постели, Маледикт поцеловал Януса в шею и прошептал:

— Я должен убить его.

Меч, прислоненный к кровати, упал, с шипением, словно контрапунктом, скользнув по рельефному бархату.

— Своим милым маленьким клинком? — спросил Янус. — Ласт — чудовище, при этом чертовски хороший фехтовальщик. И у меня не вызывает доверия сталь крашеного лезвия. — Янус протянул длинную руку, подобрал меч в ножнах и принялся рассматривать. — Слишком часто краска затупляет край.

Янус замолчал, изучая клинок; его пальцы запутались в оперенной гарде. Подняв ладонь, он обхватил узкие края и вздрогнул: кровь бисеринками выступила на кончиках пальцев, закапала на простыни.

— Где ты его взяла?

Маледикт медлил, боясь назвать имя и пробудить Ани от Ее чуткой дремоты. Янус пожал плечами.

— Ворнатти подарил? Весьма щедрый жест.

Янус попытался убрать меч назад в ножны; оперенная гарда зацепилась, ободрав в кровь костяшки его пальцев. Юноша уронил меч.

— Мне дала его Ани, — сказал Маледикт, впервые вслух признавая Ее дар и отчасти — собственное поклонение. Пусть лучше он привлечет Ее внимание, чем Янус будет думать, что Ворнатти проник так глубоко в его жизнь. И снова дрожь про-

бежала по нервам Маледикта — примет ли Янус этот призрак мстительного божества?

— Чернокрылая Ани — миф, которым пугают суеверных ублюдков вроде моего отца. Возвращение мертвых богов? Да они вообще никогда не существовали.

Маледикт перелез через Януса и привычно, хотя и с некоторым раздражением, вложил меч в ножны.

— Ани существует. Я поклялся, что убью Ластва. Я поклялся в этом Ей.

— Все, о чем я прошу, — подождать, — принялся убеждать Янус. — Прошу времени, чтобы обеспечить себе графский титул. А после пусть случится, что случится, — мы окажемся в безопасности, мы будем неуязвимы, не то что раньше.

Маледикт опять задрожал, не от жуткого воспоминания о полузабытых Развалинах, но оттого, что Ани теперь вслушивалась в беспечное богохульство Януса, задрожал от одной мысли о том, что нужно ждать, когда Она жаждет убийства.

— Значит, ты подождешь? — спросил Янус, откидываясь на подушках и зализывая тончайшие порезы на пальцах.

— Ани жаждет убийства, — прошептал Маледикт — слишком тихо, чтобы Янус мог разобрать.

— Думаю, из меня получится великолепный граф, — с улыбкой проговорил Янус. Он задул последнюю, еле теплившуюся лампу, и комната потонула во мраке.

16

Они проснулись, когда день уже перевалил за половину. Маледикт отправился на поиски Джилли и обнаружил его в гостиной, за чтением. От прикосновения к плечу Джилли испуганно и виновато подпрыгнул и пошел красными пятнами. Выдернув книгу из податливых рук, Маледикт вздохнул.

— Опять «Книга отмщений»? Ты проводишь в размышлениях об Ани больше времени, чем я. — Увернувшись от Джилли, который пытался его перехватить, Маледикт швырнул книгу на остывшие уголья и стал, преграждая путь к камину.

— Идем. Мы направляемся на Уитспер-стрит. Янус хочет осмотреть город. Заглянем в книжную лавку Розани, там подыщешь себе для чтения что-нибудь не столь чреватое ночными кошмарами.

— Мэл... — начал Джилли. Маледикт обернулся, уловив звук шагов на лестнице; тепло разливалось по его коже по мере приближения Януса. Глаза их встретились. Янус с улыбкой склонился и поцеловал Маледикта в висок. Тот счастливо вложил пальцы в ладони Януса, сейчас для него не имели значения ни мрачные сны Джилли, ни гнев Ани.

— Готов, Мэл?

— Мы оба, — ответил Маледикт, отпуская Януса, чтобы потянуть за руку Джилли.

— Не позавтракав? Какой же из меня хозяин, если я позволю неожиданному гостю уйти голодным? — неожиданно раздался скрипучий голос Ворнатти. Все трое повернули головы туда, где стоял, привалившись к дверному косяку, старый барон. Маледикт робко отодвинулся от Януса, ощутив всю силу взгляда барона, осознав значительность того факта, что, хотя утренняя доза элизии наверняка уже не действовала, Ворнатти был на ногах. Вместо того, чтобы являть собой жалкое зрелище посеревшего от возраста и пепла старца, он излучал мощь старого солдата, почувявшего опасность.

В голове у Маледикта началась свистопляска мыслей. Он уверял Януса, что Ворнатти наверняка еще в постели, преувеличивал слабость плоти и немощность барона, чтобы унять ревность возлюбленного — и к тому же не дать ему ускользнуть из особняка на рассвете. Он убедил себя самого; Ворнатти застал его врасплох. Янус повел себя более уверенно. Легкая неприязнь обозначилась на его губах, прежде чем они растянулись в улыбке, адресованной Ворнатти.

— Не хотелось бы злоупотреблять вашей любезностью. Надеюсь, мое присутствие причиняет вам не слишком много неудобств.

— Всегда рад гостям. Они причиняют неудобства лишь тогда, когда задерживаются дольше положенного, — отозвался Ворнатти. Он с трудом, прихрамывая, сделал несколько шагов в

комнату и продолжил: — Предупреждаю, что у нас холостяцкий рацион. У меня нет хозяйки, хотя данный недостаток я намереваюсь исправить.

В разговор вмешался Маледикт:

— Если ты имеешь в виду Мирабель, то сегодня она вместе с Вестфоллами уезжает за город. Поторопись, старик, или тебе придется преследовать ее по запаху, словно гончей. — Маледикт старался говорить беззаботно, хотя язык у него во рту еле ворочался от ужаса, а тело едва не искрилось нервной энергией. Ворнатти вполне мог просто вышвырнуть его на улицу, его и Джилли; был ли он способен на последний, сокрушительный удар — способствовать тому, чтобы Януса отослали прочь, тогда как Арис желал его присутствия в Мюрне? Однако когда-то Арис уже предпочел землям спасение своей армии; на сей раз он мог поставить благополучие королевства выше своего собственного, если Ворнатти докажет ему, что иной путь приведет к слишком большим затратам...

— Достаточно одной записки, чтобы она оказалась рядом, — проронил Ворнатти.

— На посыльных не всегда можно положиться, — возразил Маледикт.

Ворнатти состроил ему гримасу, потом гневно глянул на Джилли — тот заранее опустил глаза долу. Янус, изображая учтивый интерес, рассматривал книги на полках.

— Быть может, ты избавишь меня от забот, связанных с поисками надежного посыльного, сыграв роль хозяйки? Я мог бы подыскать для тебя платье, — предложил Ворнатти, протягивая к Маледикту скрюченную руку. Единственной альтернативой, остававшейся у юноши, было немедленное разоблачение, поэтому, бросив быстрый взгляд на Джилли, он взял поданную бароном руку в свою.

Ворнатти оперся на Маледикта, жадно обвив его талию, и прижался губами к щеке юноши.

В молчании Маледикт повел барона в столовую, всей кожей чувствуя пристальный взгляд Януса на своей спине, на жадных пальцах Ворнатти. Маледикт усадил старика в кресло и попытался выскользнуть из ненавистных объятий. Ворнатти лишь при-

влек Маледикта ближе. С гримасой омерзения на лице Маледикт сидел, прижатый к груди старика, и терпел прикосновения его бесстыжих рук. Янус опустил на стул напротив. Маледикт содрогнулся при виде спокойного лица своего любовника — ему оставалось лишь гадать, что скрывает эта маска. Гнев из-за рукоблудия Ворнатти? Или, того хуже, вспышку отвращения к покорности Маледикта?

Ворнатти рывком заставил Маледикта запрокинуть голову, запустив руку в его волосы, и лизнул углубление под ухом — поверх поцелуя Януса. Маледикт рванулся прочь с такой силой, что зашаталось кресло, а у Ворнатти сбилось дыхание.

— Наша сделка, — предупредил Ворнатти.

— По-прежнему в силе, — отозвался Маледикт, стараясь унять ярость, сменить ее на расчетливость. — Но ведь твоя щедрость наверняка позволит мне провести один день со старым другом... Словно невесте, прощающей с прежней жизнью.

Ворнатти с отвращением выругался и все же позволил Маледикту усесться подальше от себя. Янус прихлебывал чай, словно они вели непринужденную беседу. Принесли завтрак. Все трое молча принялись за еду. Ворнатти гонял кусок по тарелке, не сводя глаз с Маледикта. Янус ел неторопливо и с аппетитом, Маледикт ничего не ел, увлекшись вытаскиванием костей из рыбы и отчасти утешаясь планомерным разрушением лежавшей на тарелке плоти.

— Жаль, я понятия не имел, что окажусь за вашим столом, — сказал Янус. — Ваш кузен Данталион спрашивал, не передам ли я вам послания, однако я, будучи наслышан, что вы редко посещаете Мюрн, отказался. Прощу прощения.

— Данталион не расскажет мне ничего интересного, — резко ответил Ворнатти. — Его только одно интересует: как долго я еще протяну и сколько ему подбираться к предполагаемому наследству. — Ворнатти злорадно ухмыльнулся Маледикту. — Только это мое дело, а вовсе не его.

Маледикт ответил неопределенной улыбкой, в то же время чувствуя укол беспокойства в животе, и принялся перестраивать свои тщательно продуманные планы в соответствии с новыми условиями. Убить Ласта, причем так, чтобы Янус мог ему

наследовать, сделать это с позиции силы — все теперь висело на волоске, каковой волосок мог оборвать каприз Ворнатти. Одно неверное слово, и барон изменит завещание в пользу родственника, увидит правду, которую, казалось, выдавали глаза Маледикта: он никогда не отпустит Януса. Время поджимало. До сих пор ощущая недавний поцелуй Януса на своей коже, его тепло на своих бедрах, Маледикт не мог и думать о том, чтобы терпеть ласки Ворнатти, не говоря уже о притворных проявлениях радости.

Янус промокнул тарелку куском булочки — по итарусинскому обычаю, собирая пряный соус от копченой рыбы.

— Полагаю, я должен был ожидать подобного. В конце концов, мой отец и Данталион — закадычные друзья. А ведь мне известно о вражде между моим отцом и вами. Он клянется, что вы трус, не явившийся на дуэль.

Ворнатти хлопнул рукой по столу рядом со своей тарелкой; посуда подпрыгнула и зазвенела.

— И он смеет...

— Впрочем, — поспешил добавить Янус, — дворы обоих государств подтвердят, что Ласт — натура весьма обидчивая. Я думаю, что у вас не найдется возражений против этого.

— Весьма любезно с вашей стороны, — сказал Ворнатти. — Мэл, разве не чудесно? Какое великодушие проявляет ублюдок Ласта. — Маледикт почувствовал, как к лицу хлынула кровь, и уже открыл рот, собираясь защищать Януса, но потом передумал: руки под скатертью сжались в кулаки. Ворнатти должен поверить, что Маледикт принадлежит ему. Этого требовал новый план, родившийся в голове юноши.

— Не обольщайся, — резко заговорил Ворнатти, переводя взор с Маледикта на Януса, — насчет того, что сможешь одурачить меня своими приятными манерами, Иксион. Меня тоже учили при дворе Итаруса. Я тоже умею улыбаться и брызгать ядом. Однако, прожив долгую жизнь, я обнаружил, что предпочитаю скорее прямому. Потому я говорю тебе: не обольщайся насчет своих умственных способностей. Этот раз — последний, когда Иксион ошивается под моей крышей.

Янус промокнул губы салфеткой и поднялся.

— Стало быть, манеры уступают перед прямотой и нравом; я удручен, сэр. Я покину ваш дом и более не стану докучать вам. Мэл? Увидимся на прогулке. — Не дожидаясь ответа, он неторопливо поцеловал Маледикта и удалился.

Маледикт облизнул губы, впитывая оставшийся вкус Януса, словно надежду, словно очищение. Открыв глаза, он встретился с пристальным взглядом с Ворнатти.

— Сдается мне, что вы как будто попрощались на время, а не навсегда. Ты прогнал его или нет?

— Всего лишь один день, — повторил Маледикт, взглянув на Ворнатти и уже с большим аппетитом принимаясь за завтрак. — В конечном счете ты оказался прав. Янус не такой, каким я его помню. — Впрочем, это даже правда, самодовольно подумал Маледикт; по крайней мере правда — в мелочах. Янус, которого он знал, был импульсивным, вспыльчивым юношей; нынешний Янус — губы Маледикта непроизвольно скривились — нынешний Янус был утонченным и бесконечно более опасным. — Я позабочусь, чтобы он убрался, — заверил барона Маледикт. — Принимая во внимание твое к нему нескрываемое презрение, ты наверняка захочешь, чтобы я удостоверился, что он не прихватил с собой пару-тройку серебряных ложек... — И, прежде чем Ворнатти успел засмеяться или возразить в ответ, юноша исчез.

Янус нагнал его, когда Маледикт дошел до холла, прижал к стене и поцеловал. Маледикт обвил руками шею возлюбленного, не сводя опасливого взгляда с закрытой двери столовой.

— Ты должна убить его, — зашептал Янус. — Это невыносимо. — Поймав Маледикта за запястья, он прижал их к стене над головой юноши. Закрыв глаза, Маледикт задрожал, весь отдавшись уверенным прикосновениям Януса. Пусть Ворнатти выйдет; пусть только попробует выразить недовольство — и Маледикт, не раздумывая, насадит его на меч. Янус нежно покусывал его в шею, повторяя в такт биению сердца: — Как можно быстрее.

Джилли, оставшийся на кухне, слышал, как открылась и закрылась дверь столовой, и теперь гадал, кто ушел, а кто выиграл. Ушел ли Маледикт вместе с Янусом или же теперь остался на-

едине с Ворнатти, истекая бесполезным гневом? Джилли закусил губу. Барон слеп, если полагает, что Маледикт и дальше станет мириться с его собственническими замашками. Невзирая на влияние и силу воли Ворнатти, юноша до мозга костей оставался диким зверьком — именно так барон любил его называть. А Ворнатти был уже стар.

Джилли вспомнилась первая встреча с Ворнатти — высоким элегантным мужчиной, который расхваливал урожай его родителей. Уже тогда Джилли почувствовал, что эта река не без подводных течений. Пока отец таял от славословий, расточаемых его полям, Джилли ощущал цепкий взгляд темных глаз и понимал, что урожай, который имел в виду барон, был он сам и его братья.

В кухне раздался отчаянный звон колокольчика; не успев оборваться, повторился опять. Победа за Маледиктом, подумал Джилли. А Ворнатти остался в одиночестве — и в ярости. По коже Джилли пробежали мурашки. Пока здесь были Янус и Маледикт, все свое внимание и гнев барон сосредоточивал на них. Теперь Джилли станет объектом яростных капризов старика.

— Лучше ступай к нему, пока он не оборвал колокольчик, — посоветовала кухарка, оторвавшись от изучения содержимого кладовой и с сочувствием взглянув на Джилли. — А то хуже будет.

— Знаю, — ответил Джилли; он понимал, что придется стоять на коленях перед бароном, задыхаясь от тошнотворного запаха старости и элизии, только ради того, чтобы потешить оскорбленную гордость хозяина. На миг он позавидовал Маледикту — кровожадному Маледикту, уверенному, что Ворнатти — лишь временная трудность.

— Зачем ты позволяешь ему так с тобой поступать, Джилли? Мои мальчики не стали бы такого терпеть. Найди другое место, парень, хотя я и стану по тебе сильно скучать.

— Никто не наймет меня, зная, как со мной здесь обращались. По крайней мере никто из тех, кому я не нужен для тех же целей, — отозвался Джилли.

Кухарка вернулась к ревизии продуктов, своим молчанием лишь подтверждая опасения Джилли. Сделав в описи одну-две заметки, она наконец произнесла:

— Чайник закипает. Выпей чаю, прежде чем отправишься к нему.

Под аккомпанемент снова ожившего колокольчика Джилли насыпал горсть заварки в кипяток и пошел к барону.

Однако, зная Ворнатти и его расположение духа, он сначала завернул в библиотеку в поисках чего-нибудь, что могло бы отвлечь барона. Джилли глотал чай, шаря по полкам взглядом и надеясь найти книгу, которую старик давно не читал, — или что-то новенькое, чего не читал вовсе. Поморщившись от резкого вкуса чаинков на языке, он сплюнул их назад в чашку.

Как и аристократы, с которыми он обедал, Джилли редко пил непроцеженный чай, и теперь мокрые чаинки воскрешали в памяти упорные предрассудки. Он взболтал осадок раз, два, и еще раз. Помня о необходимости беречь лак на полках, Джилли отыскал лист промокательной бумаги и почти забытым движением перевернул на него чашку, а потом устоял на размазанные кучки заварки, пытаясь прочесть узор. Однако в рисунке в виде буквы «Г» он не узнал ни одного символа — ни стула, ни песочных часов, ни предупреждающе воздетой руки.

Глупая выходка с этими предрассудками, отругал себя Джилли. А чего он ждал? Джилли взял книгу, которую отложил прежде. У него перехватило дух: узор сложился не в символ, а в сам предмет. Чаинки во всех деталях изображали виселицу.

Уитспер-стрит представляла собой хаотичное нагромождение лавочек, торгующих дамскими шляпами, ателье, развлекательных заведений — и сплетен. Янус изучал иллюстрированные газеты поверх головы мальчика, что помогал в лавке. На страницах предавались утехам вельможи, скалились заголовками скандальные статьи, призывавшие Ариса прогнать последних торговых представителей из Дайнланда.

— Не покупай, — сказал Маледикт. — Это всего-навсего сплетни, к тому же старые.

И все же Янус бросил мальчику медяк и, свернув газету, сунул ее под мышку.

— Сейчас я больше интересуюсь новостями. Вестфолл упомянул о возможном договоре с Кирдой; этот договор мог бы воз-

местить часть ущерба, причиненного сдачей Арисом Ксипоса. Газеты вон какие толстые — наверняка я найду в них нужную информацию.

Маледикт рассмеялся.

— Ты будешь разочарован. — Взяв Януса за локоть, Маледикт повел его по тротуару, что тянулся вдоль магазинов; на брусчатке грохотали кареты. Со стороны отдаленных аллей Джеке-парка доносились крики — разгневанные горожане скандировали протест против нового запрета Ариса на импорт итарусинских товаров.

Янус с минуту послушал их и вздохнул.

— Недальновидно.

Имел ли он в виду политику Ариса или толпу протестующих, Маледикт не знал, да и не хотел знать. Он просто радовался тому, что Янус рядом.

Изысканный наряд Януса, оставшийся с вечера накануне, вызывал молчаливое недоумение и привлек несколько взглядов встретившихся им аристократов. Маледикт поддразнивал возлюбленного:

— Хорошо еще, что ты не пришел в маскарадном костюме.

Янус наклонился к Маледикту, как будто для поцелуя, но вместо этого прошептал:

— Я и пришел. В костюме почтительного и послушного сына Ласта. — От его слов тепло разлилось не только по макушке Маледикта: Чернокрылая Ани жарко вспыхнула от восторга.

Лорд Эджбрук с женой предпочли пробираться по улице, среди черни, лишь бы не столкнуться с Янусом и Маледиктом. Из-за явной скандальности ситуации — или чего-то менее осязаемого? Маледикт пожал плечами. Пусть об этом печется Джили; он отсеет ненужные сплетни и оставит лишь то, что необходимо знать.

У книжной лавки Розани Маледикт принялся рассматривать витрину.

— Надо бы выбрать что-нибудь для бедняжки Джили, который остался в руках Ворнатти.

— Он слуга. Ты не должен вознаграждать его только за то, что он выполняет свои обязанности, — заметил Янус.

Маледикт положил ладонь ему на руку.

— Джили мой друг.

Янус вздохнул, унимая вспышку раздражения.

— Извини. Просто он все время составлял тебе компанию, в то время как я был ее лишен. Потому я невольно ревную ко всем мгновениям, которые я упустил, а он провел с тобой.

Губы Маледикта изогнулись в улыбке.

— Красивые речи. Тебя хорошо обучали светским манерам. — Его улыбка дрогнула. — Полагаю, у тебя имелась возможность попрактиковаться в них с итарусинскими дамами.

— Можно подумать, мне когда-нибудь было дело до пустоголовых аристократок, которых интересуют только сплетни.

Так болтали Янус и Маледикт, пока на них не легла чья-то тень; к ним приближался знатный господин — тот, который предпочел не сходить с тротуара. Маледикт поднял глаза; его лицо застыло в зверином оскале.

— Ласт.

Янус злорадно ухмыльнулся.

— Это должно показаться забавным, — тихо проговорил он на ухо Маледикту. — Но постарайся быть сдержанней, ладно?

Маледикт не успел ответить: Ласт был уже совсем рядом.

— Отец, — поздоровался Янус, склонив голову. — Вы знакомы с Маледиктом?

— К моему сожалению, — отозвался Ласт; лицо его над высоким воротником побагровело. — Значит, такого спутника ты для себя подыскиваешь? Вельможу с дурной репутацией?

— Вряд ли у меня одного дурная репутация, — вознегодовал Маледикт. — Или же мое присутствие настолько всепоглощающе, что двор может думать лишь обо мне?

Маледикт ощутил злое торжество, когда лицо Ласта из багрового стало свекольным. Янус мог вынудить его отложить убийство, но он ни за что не согласится прекратить свои издевки. Ладонь Януса предупреждающе коснулась затылка Маледикта — приближался Арис.

— Я уверен, Мишель, что вы не станете потворствовать скандалу, учиняя сцену на Уитспер-стрит. В конце концов, то, что происходит при дворе, попадает в скандальные газеты через вторые руки.

Это всего лишь пересуды. Но позвольте себе потерять самообладание здесь — и свидетелями тому станет дюжина человек, работающих в тех самых газетах. Постарайтесь обуздать свой пыл. Хотя бы раз.

Арис присоединился к компании; за его спиной маячили двое гвардейцев, рядом трусил пятнистый пес.

Ласт обернулся.

— Арис?

— Брат, неужели я неузнаваем без короны?

— Ты признаешь свое знакомство с этим существом прямо на улице? На глазах тех, против кого сам меня предостерегаешь?

— Да, — отозвался Арис, переводя взгляд выцветших глаз на Маледикта. — Хотя, мой пылкий юноша, напоминаю вам, что я просил вас о благоразумии; вместо этого вы учиняете величайший скандал лета, — с укором произнес Арис. — Откуда вы знаете моего племянника?

— Презрительный отказ Ласта от Селии Розамунд послал мне Януса, — отозвался Маледикт с легким поклоном в сторону графа. — Я благодарен ему за это. Что же до скандала, сир... хоть мне чрезвычайно неприятно говорить такое, ваш двор живет скандалом и злобой. Мирандель и ей подобные сочиняют рассказы для скандальных газет, лишь бы только увидеть собственную сплетню в печати и с иллюстрациями.

Ласт фыркнул; Янус снова предупреждающе положил руку на рукав Маледикта. Тот лишь стряхнул ее, чувствуя взгляд Ариса на них обоих.

— Скандалом и злобой — возможно. Но еще — согласно этикету и правилам. Моим правилам, Маледикт. Вы осознали, что они только и ждут, чтобы я изгнал вас? Вы поставили меня в затруднительное положение. Попрать собственные правила или доставить вашему опекуну неудовольствие, когда мне нужно его расположение...

— Изгнать меня? — эхом отозвался Маледикт; впервые с начала разговора его сердце подскочило в груди. Изгнание. Вдали от Януса? Он судорожно схватил Януса за рукав.

Ласт, стоявший сбоку от Ариса, улыбнулся, наслаждаясь моментом. Это разожгло в Маледикте такую жажду крови, что он почувствовал, как глаза вот-вот нальются ею. Меч достанет Лас-

та прежде, чем кто-либо успеет его отдернуть. Весь мир закрыла красная пелена.

— Разве вы не поклялись мне, что никогда больше не обнажите клинка при дворе? После того, как однажды я удержался от того, чтобы наказать вас? — Слова Ариса доносились откуда-то издалека.

Маледикт оторвал взгляд от Ласта, успокаивая свои мысли, направляя их в другое русло. Ладонь легла на гарду.

— Я поклялся... что никогда не обнажу клинка в вашем присутствии, сир.

— Вы столь осторожно обходите мои правила? Законы — нечто большее, чем слова, в которых они формулируются, Маледикт.

— Я действовал бездумно, как пылкий юнец. Впрочем, именно так вы меня и назвали, — торопливо проговорил Маледикт, стараясь формулировать свои мысли с достаточной быстротой, чтобы смягчить Ариса. Сзади долетало, касаясь затылка, ровное дыхание Януса, и от его звука, его тепла возраставшее чувство тревоги вдруг отступило.

— Это не оправдание; это даже не признание собственного проступка, — заметил Ласт.

— Отец, — проговорил Янус с неизменной почтительностью и учтивостью. — Обида нанесена королю Арису, за ним решение. Но если вам позволили говорить, пусть позволят и мне.

От неожиданной дерзости Ласт снова побагровел.

Лицо Ариса смягчилось при виде волнения брата; король заговорил мягче.

— Что вы можете сказать в защиту Маледикта?

— Только лишь то, что поступки слишком часто трактуются неверно. Лишь то, что если я не обижен и не считаю, что со мной поступили неверно, хотя именно к моему горлу поднесли острие меча, то, быть может, никто не желал плохого.

Маледикт хотел улыбнуться, но сдержался, опасаясь, что его улыбка будет неверно истолкована. Однако же он был доволен и приятно удивлен — не тем, что Янус встал на его защиту, ибо иного он и не ожидал, а смелостью и одновременно остроумием его речи. Янус действительно изменился, научил-

ся осмотрительности, о которой сам Маледикт в минуты ярости забывал.

— Ты слишком самонадеян и непочтителен, Янус. Ставишь собственные заблуждения выше королевских, — проговорил Ласт. — Быть может, я ошибался, полагая, что ты готов к выходу в свет. Пожалуй, тебе не повредит еще год обучения.

Маледикт похолодел. Он не мог смириться с тем, что Ласт еще раз отберет у него Януса.

— Пусть останется, Мишель, — сказал Арис. — Лично я рад видеть того, кто столь предан товарищу. Скажите мне, Янус, вы обидитесь, если я не допущу Маледикта ко двору?

— Нет, сир, не обижусь, но буду огорчен. Вы мой король и мой дядя — а значит, не способны поступать неверно.

Маледикт еле сдержался, чтобы не захлопать в ладоши. Янус овладел тем, что оказалось не под силу ему самому: искусством циничных острот, балансирующих на грани между учтивостью и дерзостью.

— Неужели его слова снискали мне помилование? — спросил Маледикт, не в силах и дальше молчать.

Ласт открыл было рот, собираясь что-то сказать, но Арис только отмахнулся от него:

— Если поклянешься — без оговорок, без тайного смысла, — что твой клинок при моем дворе останется в ножнах. И лишь боги знают, что теперь будут писать в газетах. — Арис понизил голос, шагнул ближе. — Только, Мэл, не забывай об осмотрительности.

— Клянусь, — Маледикт склонил голову. Он почувствовал, как рука короля замерла над ней, едва касаясь темных локонов. Услышал, как Ласт с отвращением фыркнул; увидел, как граф удалился, не сказав больше ни слова. Маледикт поднял взгляд на Ариса. Бледные глаза смотрели теперь на Януса, стоявшего слишком близко; у губ короля залегла небольшая складка. Король протянул руку и отвел Маледикта на несколько шагов в сторону.

— Во второй раз я принимаю твою клятву, и все же ожидаю твоего извинения, — сказал Арис.

Маледикт почувствовал вспышку раздражения и постарался погасить ее. Он рисковал слишком многим, и все же... он не мог

быть другим, только самим собой, и его слова опять прозвучали резко:

— Желаете ли вы, сир, чтобы я встал перед вами на колени, здесь и сейчас, моля вас проявить милосердие? Одно ваше слово — и я буду лежать перед вами, распростершись. Мое будущее в ваших руках.

Арис взял Маледикта за подбородок, приближая его лицо к своему.

— Мишель отрезал бы тебе язык за такие слова... — он отпустил подбородок юноши. — Но я — не мой брат и не ищу оскорбления в каждой речи. Я прощу тебя, но в качестве наказания я заберу твоего спутника. Нам с Янусом пока так и не представилось достойной возможности пообщаться.

Арис жестом велел Янусу идти вперед.

— Ну что, племянник, не желаешь побеседовать с дядей?

Пользуясь тем, что король заслонил их собой от большинства любопытных глаз, Янус прижал губы к ладони Маледикта, прежде чем последовать за королем. Маледикт задрожал, мгновенно ощутив озноб из-за отсутствия Януса, настроение сразу же испортилось. Он хотел броситься за ними, чтобы не выпускать свою любовь из вида. «Сдержанность», — шепнул Янус, согревая своим дыханием ухо Маледикта. «Осмотрительность», — требовал Арис. Маледикт смотрел, как Янус садится в карету короля, и ничего не предпринимал. Когда карета отъехала, он подумал о возвращении домой, и вся радость дня, проведенного с возлюбленным, улетучилась. Зато при мысли о Дав-стрит, о Ворнатти планы Маледикта переменились. Перед возвращением домой нужно было доделать кое-какие дела.

17

— Не хочешь вина? — предложил Арис, взмахом руки приказывая удалиться юному пажу, который попытался подойти к нему с кипой документов, и запираясь с Янусом в своем кабинете.

— С удовольствием, — отозвался Янус, грациозно принимая из рук короля хрустальный кубок.

Арис рассматривал юношу, и его радовало то, что он видел. Несомненно, в жилах Януса текла кровь Ластов; вдобавок манеры его были безупречны. Королю не верилось, что большую часть жизни молодой человек провел в самых ужасных трущобах во всем Антире.

— Это Селия обучала тебя светским манерам? — спросил Арис, усаживаясь в темное, обитое бархатом кресло. Мастифф, издав рык, устроился на туфлях короля; в ответ Арис тоже рыкнул: — Прочь с моих ног, черт тебя подери, Бейн.

— Селия? — переспросил Янус, опуская кубок и взбалтывая вино; родился и исчез рубиновый водоворот. — Она учила меня правильно говорить, когда вспоминала о моем существовании. Ее мир ограничивался запасом старого доброго «Похвального».

— Весьма прискорбно. Быть может, этим объясняется отсутствие Селии при дворе. Я ожидал, что она выйдет из тени, как только газеты запестрят твоим именем, и заявит о своем кровном праве или же запросит солей за молчание о твоём прошлом, — проговорил Арис. — Ты не видел ее после возвращения?

Голубые глаза встретились со взглядом Ариса; король понял, что сильно удивил юношу. И все же реакция племянника потрясла и его самого: неужели Янус вовсе не испытывал родственных чувств?

— Когда я вернулся, — наконец проговорил Янус, — их уже не было.

— Их?

— Селии и ее подруги, — объяснил Янус. — Еще одной шлюхи. Полагаю, они отыскиали себе покровителя — или умерли от крысиной лихорадки.

Слова Януса прозвучали совершенно бесстрастно, и это озадачило короля — ведь для мальчика было бы совершенно естественно скорбеть о матери. Впрочем, шлюха или пьяница вряд ли вызывает теплые чувства.

— Как вы уживаетесь с Мишелем? — Дверь резко распахнулась: второй мастифф, искавший хозяина по всему дому, толк-

нул ее своей тяжелой головой. Бейн оскалил клыки и тихо зарычал, новый пес устроился у камина.

Янус улыбнулся.

— Я обожаю его собак.

— Только лишь его собак? — рассмеялся Арис. — Мой бедный братец. Разве тебе больше нечем ответить на его заботу?

Янус поднялся и принялся расхаживать по комнате.

— Я не люблю его. Он был слишком груб, когда забирал меня. Тем не менее я признателен ему за новую жизнь. Должен ли я рассказать вам, что испытываю к своему дяде? — Усевшись на пол возле камина, Янус принялся гладить густой мех собаки. — Или сами поведаете мне что-нибудь? Что такого вы можете сказать, если понадобилась подобная приватность? Хотя для меня большая честь составить вам компанию, я чувствую, что у нашей беседы есть иная цель, помимо общения.

— Разумеется, ты прав. Не приходит ли тебе на ум, что один твой поступок необходимо обсудить с глазу на глаз?

Янус склонил голову к собаке, потрепал мягкие уши. Мас-тифф принялся колотить хвостом по гранитной плите перед камином.

— Вы имеете в виду Маледикта.

— Именно, — согласился Арис. — Мишель хотел бы, чтобы я приказал тебе прекратить общаться с этим юношей. Причем не как твой дядя, а как глава государства.

— И вы так поступите? — небрежно спросил Янус.

Арис ответил не сразу; глядя на своего безмятежного племянника, он удивлялся, что в нем так восхищало Маледикта: какой огонь, какой источник страсти. Арис полагал, что Янус — приятное добавление к их убывающему семейству, однако, на его вкус и, как он думал, на вкус Маледикта, слишком водянистое. Едва заметное сомнение все же зародилось в его душе: что, если Янус лишь играет роль? Серьезность и честность были не самыми распространенными качествами у мужчин, выросших при королевском дворе — впрочем, в Развалинах дела наверняка обстояли так же. Потом, вспомнив спор Януса с Ластом, король вздохнул. Человек, взявшийся демонстрировать крайнюю степень дружелюбия, не станет совершать поступков, оскорбительных для кого бы то ни было.

— Дядя? — позвал Янус.

— Ты любишь Маледикта? — спросил Арис.

— До умопомрачения, — признался Янус.

— Молва утверждает, что ты околдован.

— Лишь старейшим из всех видов волшебства — любить и быть любимым.

Арис не смог сдержать улыбки от романтической простоты этого заявления. Он вспомнил, как спорил с Мишелем в большой, увитой плющом беседке Ластреста, приводя свои доводы в пользу женитьбы на Авроре Ворнатти — итарусинской дворянке, к тому же родственнице человека, которого ненавидел его брат.

— Теперь, когда погиб Критос, ты наследник Ласта, — заметил король.

— Пока еще я не наследник. Отец считает мои успехи недостаточными.

— Ты мог бы ему помочь.

— Отказавшись от Мэла? — спросил Янус. — Пожалуйста, не требуйте от меня подобного.

— Я и не стану, — удивляясь сам себе, ответил Арис. — Ты отнюдь не первый аристократ, заведший отношения с юношей. Однако ты должен убедить Мишеля, что намереваешься возвысить наш род. Понимаешь, о чем я? — Арис наклонился, положив руки на спину пса, словно это была кафедра, сам он — учитель, а Янус — ученик.

— Я должен жениться. Произвести наследника. Здорового наследника.

— Удачно жениться. На девушке с безупречной родословной — в противовес сомнительности твоей, — добавил Арис. — Я слышал о твоих подвигах в Итарусе. Если в них есть хоть толика правды, у тебя не возникнет затруднений с женой.

— Вы имеете в виду, в постели, — поправил Янус. Его губы, долго сохранявшие серьезность, расплылись в улыбке. — Нет, с этим проблем не будет. А вот с выбором супруги...

— Я мог бы назвать одно подходящее имя, — сказал Арис.

Янус неуверенно попросил:

— Вы не дадите мне немного времени, чтобы выбрать самому?

Арис поставил кубок.

— Если ты обещаешь к концу года выбрать невесту и представить ее на мой суд, можешь искать сам. Если нет, я выберу за тебя, и будь благодарен, что это сделаю я, а не Мишель.

Собаки, повинаясь едва заметному сигналу короля, поднялись и стали потягиваться, вывалив языки.

Янус встал, ожидая разрешения уйти.

— Ты... — Арис заколебался. — Ты уже встречался со своим кузеном?

— Нет, — ответил Янус.

— Тогда идем, он любит гостей.

Арис распахнул дверь, выпуская собак, и паж, отброшенный к стене, поспешил подняться.

— Сир, капитан Джаспер интересуется, не будете ли вы...

— Не сейчас, Маркус.

— Дядя, если вашего внимания требует какое-то дело... Полагаю, нужно заключить несколько соглашений, — проговорил Янус.

Арис шел по коридору, бросая короткие фразы.

— Дайнландцы хотят возобновить наше торговое соглашение, но, подобно Итарусу, лишь к собственной выгоде, а не к нашей. Они надеются воспользоваться тем, что я наложил запрет на импорт из Итаруса. Однако они сбросили со счетов Прииски, которые начинают приносить доход: знать может сколько угодно возмущаться экзотическими и безвкусными украшениями и диким видом аборигенов. Зато последние шесть кораблей доставили нам кукурузу, рис и пшеницу, которая особенно мила моему сердцу. Потому не вижу причин уступать необоснованным требованиям Дайнланда. Пусть подождут и лишний раз поразмыслят над собственной скупостью.

— А кирдская делегация? — спросил Янус.

Король остановился.

— Похоже, ты в курсе событий.

— Я сын Ласта, — ответил Янус. — Разве я не должен интересоваться делами Антира?

Арис улыбнулся.

— Я рад этому. Но кирдцы тоже повремяют — если честно, я не вполне уверен, что они — не пешки Итаруса и Григора, который устал оттого, что никак не может нас аннексировать. Не вижу иной причины для Кирды интересоваться нашим кораблестроением.

Собаки взбежали вверх по лестнице и понеслись вперед по длинному коридору. Арис улыбнулся: при виде любимцев настроение у него опять улучшилось.

— Вообще-то это гончие Ади, они скучают, когда я держу их около себя.

Стражник у дверей детской впустил псов в комнату; было слышно, как их хвосты колотят по ковру. Гвардеец с поклоном распахнул дверь.

— Папа, — сказал мальчик, он валялся на толстом ковре, играя с собаками. Потом встал на четвереньки, заметил Януса и смолк.

Арис попытался взглянуть на сына глазами постороннего, и все же трагедия была налицо: миловидный двенадцатилетний подросток, которого нельзя заставить ни думать, ни учиться. Да что там учиться — Ади не умел вытирать салфеткой рот и не усвоил многих других действий, доступных даже двухлетке. Принц был слишком тонкокостный для своего возраста. Ему не хватало обычной подростковой угловатости, предшествующей возмужанию. Адиран никогда не повзрослеет — он обречен всю жизнь провести без будущего, в бесконечных детских забавах.

Мальчик кинулся к Арису и прижался к его боку, глядя на Януса. Янус поклонился.

— Ваше высочество.

— Они голубые! — Принц приблизился, протянул руку. В последний момент Янус мягко перехватил ее.

— Да, мои глаза такие же голубые, как у вас. — Ноздри Януса слегка раздулись, словно он чуял, подобно животному, изъян в наследнике престола.

— Адиран, это твой кузен Янус, — сказал Арис. — Ты поприветствуешь его?

Десять лет занятий, десять лет повторений, десять лет сосредоточенных усилий со стороны Ариса — и Адиран ответил на подсказку неловким поклоном.

Тут же развернувшись, мальчик принялся искать в карманах отца карамельки, которые очень любил. Арис усадил сына на колени. Мальчик спрятал лицо под подбородок отца и сосредоточенно сосал конфету, время от времени вытаскивая, чтобы взглянуть на нее, и убирая обратно в рот.

— У него доброе сердце, — сказал Арис, — потому нам с ним проще найти общий язык. Хотя порой я думаю: неужели он не осознает, что его тюрьма — собственное сознание...

Янус поднял руки, потом расслабленно уронил: хотел было что-то ответить, но передумал. За это Арис испытал к нему еще большую симпатию.

— Мой бедный сын станет королем, во всяком случае номинально, — проговорил Арис. — Итарус поглотит его целиком. — Арис старался изгнать из сердца боль, что вызывали слишком яркие картины будущего, уготованного Адирану. На каминной полке, завешенное кружевом, стояло изображение Эпсит, богини созидания и отчаяния. Эпсит смотрела на короля насмешливо, однако из полуприкрытых ее глаз лились слезы; это сочетание несочетаемого всегда завораживало короля. Он убрал из дворца все остальные изображения богов, оставил лишь одно — быть может, просто потому, что находил Плачущую Эпсит очень красивой, самой красивой из Богов. Чем-то — улыбкой сквозь слезы? — Эпсит напоминала ему покойную жену.

Опустив взгляд, Янус робко спросил:

— Дядя, вы же не стары. Почему вы не хотите жениться снова?

Арис покачивал ребенка. Да, то же самое и Мишель говорит.

— Я не стану подвергать еще одно дитя опасности стать узником собственного слабоумия. Ты должен рискнуть вместо меня, Янус. Не отказывай мне в этом. — Он поднялся и теперь держал Адирана под мышки. Мальчик обхватил отца тонкими, как паутинки, ручками, хрупкими и цепкими одно-

временно. Ты сам найдешь дорогу, Янус, или велеть Маркусу проводить тебя?

— Буду признателен, — ответил Янус.

Дверь снова отворилась. Джаспер, начальника Королевской гвардии, вошел и коротко поклонился.

— Сир, антимеханики спалили последний двигатель Вестфолла; требуется помощь гвардии. Нам нужен ваш приказ...

Арис вздохнул, глядя на красное от смущения лицо Джаспера; снова вздохнул, увидев за спиной начальника гвардейцев пажа Маркуса в обнимку со стопкой бумаг.

— Разумеется, — проговорил он, отпуская Адирана играть.

Получив позволение уйти, Янус откланялся и последовал за Маркусом, повторяя путь по тихим коридорам, оштукатуренным и обшитым деревянными панелями. Наконец он оказался во внутреннем дворе, где по стенам висели лампы и канделябры. Со своего удобного наблюдательного пункта в детской, из-за зарешеченных окон, вслед Янусу смотрел Арис.

Маледикт вернулся домой лишь поздно вечером, и Джилли, услышав его шаги, потихоньку выбрался из комнаты задремавшего Ворнатти. В прихожей он уже никого не застал; камзол Маледикта был небрежно перекинут через перила. Наконец по тихому смеху ему удалось отыскать юношу в парадной гостиной.

Джилли, ожидавший, что Маледикт вернется с Янусом, чем бросит очередной вызов гневу Ворнатти, несказанно обрадовался, когда застал юношу сидящим на корточках перед сценой в полном одиночестве.

На маленькой сцене размещался кукольный театр. Не оглядываясь, Маледикт проговорил:

— Видел, что мне прислал Янус? — Маледикт со смехом пронес крошечное, похожее на ворону божество над миниатюрным занавесом. Из клюва Ани свисали ниточки еще меньших марионеток: они начинали дергаться, когда вздрагивала Ани: ближайšie ниточки приводили в движение следующие, и так далее. Взглянув вверх, Джилли понял, что нити тянутся за границы театра, уходят вверх от Маледикта, от него самого и от Ворнатти, и охватывают дальние пределы города.

— Только дурак играет в марионетки с богами, — резко бросил Джилли. Барон весь день мучил его, причем каждая следующая попытка была изощреннее предыдущей. Ворнатти сохранил не только итарусинский нор, но и итарусинскую изобретательность.

Маледикт ответил лишь:

— Тогда дураков очень много. Похоже, подобные театры весьма популярны.

— Они создавались для того, чтобы повествовать о богах, — вспомнил Джилли рассказы матери.

— Расскажи! — попросил Маледикт.

— Нет, — сказал Джилли. — Ты уже и так все знаешь: наши требования и мечты сначала спровоцировали ссоры богов, потом битвы и, наконец — по приказанию Баксита — Их самозабвение. Лишь так Они могли отделаться от нас.

— Если ты считаешь, что Ани умерла, я не понимаю, почему тогда ты вообще Ее боишься, — удивился Маледикт, отбирая у Джилли фигурку. — И все же, думаю, здесь есть крупица здравого смысла. Баксит во многом похож на Ариса: пытается управлять теми, кто, взывая о помощи, попирает его слова.

Джилли помедлил, прежде чем решиться на следующий вопрос; озноб пробрал его до костей.

— Баксит? Неужели ты встречался с...

— Ты что, думаешь, Ани станет мною делиться? — спросил Маледикт. — Не будь глупцом. Я просто рассуждал.

Издали донесся визг колокольчика: Ворнатти проснулся и яростно терзал веревку звонка.

— Пойди утешь его, — попросил Джилли, беря Маледикта за предплечье. — И не упоминай имени Януса.

Маледикт расхохотался.

— Да не дергайся ты так, Джилли. Я привез ему подарки. Разве Ворнатти не приятно будет узнать, что я вспоминал о нем?

Джилли колебался: в тоне Маледикта он уловил подвох. Маледикт казался чересчур жизнерадостным, словно ребенок, готовящий приятный сюрприз.

— Подарки, Мэл? — переспросил Джилли.

— Я и тебе кое-что привез, — сообщил Маледикт, доставая маленький сверток в полупрозрачной упаковке.

— Мне?

Маледикт подал ему плоскую упаковку.

— Эту штуку я купил у твоего приятеля-моряка, Рега. Он клянется, что тебе она понравится. Как будто я сомневался. — Он сгреб остальные свертки и направился в комнату Ворнатти.

Джилли отгибал органзу с позолоченными краями до тех пор, пока не стало ясно, что скрыто внутри. Там оказалась миниатюра — гравировка на китовой кости; углубления заполняли чернилами и золотая фольга, являя изысканную картину. Человек в одеянии из перьев поднимался по лестнице к облакам, и путь ему освещал луч золотого солнца.

Джилли улыбнулся, сверх всякой меры тронутый поступком Маледикта. Он поставил гравюру в своей комнате, присоединив к маленькой коллекции других сокровищ: изящной шкатулке с секретом, подаренной Ворнатти, где хранились его скудные сбережения, четырем едва ли не до дыр зачитанным книгам, изогнутой стеклянной капле с витой ракушкой внутри, золотой снаружи и ярко-розовой в глубине. Джилли коснулся гравюры в том месте, где из неба лился солнечный луч; золото потеплело под пальцами.

Тут же вспомнив странную веселость Маледикта, Джилли поспешил в спальню Ворнатти. Барон все еще безрезультатно повторял в различных вариациях невысказанный вопрос самого Джилли: «Но где ты был?»

Маледикт пожал плечами.

— Я уже не раз тебе говорил. — Он бросил букетик лилий и ночных фиалок на прикроватный столик. — Я даже купил тебе цветов, потому что ты весь день просидел взаперти в доме и не видел, как цветут сады. Хотя, признаю, мои цветы не идут ни в какое сравнение с браслетом, который ты подарил Мирабель.

— Значит, она показала тебе мой подарок, — проговорил барон.

— Да. Кстати, глупый поступок, — ответил Маледикт. — Как любая попрошайка, она вернется требовать большего.

— И почему ты решил, что я ее разочарую? — поинтересовался Ворнатти, с самодовольной ухмылкой откидываясь на подушки. — Быть может, по ее возвращении в город состоится наше венчание. Разве я не говорил тебе прежде — или ты был слишком увлечен мыслями о щенке Ласта?

Глаза Маледикта почернели; он пожал плечами.

— Ты слишком хитер, чтобы попасться на удочку той, которая охотно наставит тебе рога в первую брачную ночь. Вдобавок мы заключили сделку; раз я воздерживаюсь от общения с Янусом, ты должен воздерживаться от контактов с Мирабель. — Маледикт порывисто поцеловал Ворнатти в лоб и в губы. — Не будь таким раздражительным, а то у меня испортится настроение.

— Ты распрощался с Янусом? — недоверчиво спросил Ворнатти. — Твоя великая страсть сгорела в один день?

— Торжественно клянусь, — сказал Маледикт, — любимым богом, каким захочешь, что ты никогда не застанешь меня в компании какого бы то ни было Иксиона. Ни Януса, ни Ласта. Знаешь, Януса совсем не интересуют сплетни. У него в голове сплошные новости, и торговые соглашения, и бедствия демобилизованных солдат. Мрачных мыслей у него не меньше, чем у Вестфолла. Он спрашивал моего мнения по поводу запрета Ариса на импорт из Итаруса. А я спрашиваю тебя...

Ворнатти улыбнулся, а Маледикт принес оставшиеся свертки. Первый, бесформенный, перевязанный газовыми лентами, явил статуэтку в лучших традициях борделя; юноша принялся играть ею на простынях барона.

— Как только я ее увидел, сразу же подумал о тебе.

Джилли едва не ахнул. Барону плотоядно улыбалась обезьянка, непристойно ласкающая сама себя.

— Какое бесстыдство, — сказал Ворнатти, впрочем, едва сдерживая смех. — И, без сомнения, ты расплатился от моего имени.

— Пришлось. В последнее время ты совсем не даешь мне денег. Если бы ты дарил мне драгоценности, я мог бы их заложить, как, без сомнения, Мирабель поступила с твоим браслетом, — заметил Маледикт. — А вот... — он достал две обернутые в серебристую бумагу коробочки, одну маленькую, другую побольше, обе перевязанные лентами, — шоколад из Приисков.

Он положил большую коробку на колени Ворнатти, развязал ленточку и сорвал бумагу. Выбрал конфету для себя и с наслаждением закинул в рот.

— Они восхитительны — попробуй, Ворнатти! И ты, Джилли. — Маледикт вручил маленькую коробочку Джилли, который проворно схватил ее. — Давай, сделай одолжение, отведай перед ужином. — Он поднес конфету к губам старика. — Предложение мира, милорд?

Ворнатти встретился взглядом с Маледиктом, прежде чем принять угощение; конфета растаяла, и юноша терпеливо позволил барону слизать шоколад с его пальцев.

Маледикт растянулся на бархатном покрывале, кружево рукавов вспенилось вокруг коробки конфет. Скрестив ноги в туфлях, он потянулся за очередной конфетой. Ворнатти шлепнул его по руке.

— Мое. Но я поделюсь.

Маледикт принял конфету из трясущейся руки Ворнатти, аккуратно подхватив ее языком и зубами и высосав сладкую начинку из темной оболочки. Глядя на юношу, Ворнатти сам взял еще одну конфету.

Джилли крутил упаковку в руках; на этикетке значилось «Наслаждение» — название магазина, в котором Арис покупал карамель для принца. Он взял одну конфету, и запах ударил ему в нос, манящий, соблазнительный, и все же...

— Ты что, не хочешь шоколада? — спросил Маледикт, кладя голову на плечо Ворнатти и позволяя старику поцелуями собрать со своих губ остатки лакомства.

Джилли надкусил конфету. Сладость разлилась по языку — ароматная, нежная, тягучая. Он решительно глотнул — и вдруг почувствовал тошноту, как человек, внезапно обнаруживший в яблоке червя. В памяти всплыл образ виселицы.

— Тебе они не по вкусу, Джилли? — удивился Маледикт.

— Не обращай на него внимания, — посоветовал Ворнатти. — Он просто не умеет быть благодарным. — Уловив тревожную нотку в голосе барона, Маледикт притянул ближе.

— А я умею, — проговорил он, подавая Ворнатти следующую конфету.

— Сладкий маленький врунишка, — проговорил старик, хотя тонкая кожа на его щеках покраснелась от удовольствия. Джил-

Обморок? Если он отпустит Маледикта, может ли тот снова кинуться на него с мечом в руке? Снизу донеслось недовольное ворчание.

— Мэл?

— Пусти меня, — потребовал Маледикт. — Что ты такое делаешь? Пытаешься выкрутить мне руки из-за пары разбитых тарелок?

Джилли чуть ослабил мертвую хватку на запястьях Маледикта, услышал хруст тонких косточек и почувствовал себя эдаким громилой.

Джилли отпустил юношу, и тот излил на него целый поток раздражения — впрочем, как обычно.

— Крысы тебя побери, Джилли. Если ты не позволишь мне выплескивать гнев в моем собственном доме, то не останется вовсе никакого интереса в том, чтобы быть богатым.

— Значит, приступ гнева, — проговорил Джилли. — Так ты это называешь?

— Две разбитых тарелки. А ты свалил меня с ног, — заявил Маледикт. — А мой меч? Ты что, пытался его сломать, вот так вонзив в пол? Даже ободрал об него костяшки пальцев — и поделом тебе. Он мне нужен, чтобы прикончить Ласта.

Маледикт подошел к мечу, взялся за рукоять и выдернул из пола. Джилли вздрогнул, но Маледикт только проговорил расстроенным голосом:

— Я опять потерял ножны.

— Быть может, они по-прежнему наверху в твоей комнате, — произнес Джилли побледневшими от потрясения губами. Неужели Маледикт не помнил ничего из того, что произошло между битьем посуды и победой Джилли?

— Я не ношу меча без ножен. Я же не зеленый мальчишка, каким был когда-то. — Маледикт уселся за стол, выложил клинок перед собой и пробежал пальцами по стали, стирая воображаемую кровь, будто тени обладали плотью, способной кровоточить.

— Джилли? — позвал Маледикт. — Ты сильно порезался? — Его пальцы слегка задрожали.

Джилли потрогал ладони: они оказались исцарапанными и окровавленными, хотя ни разу не прикоснулись к лезвию.

— Ты спустился без меча, — сказал он. — Он появился позднее.

— Смешно, — произнес Маледикт таким ровным тоном, что Джилли не смог понять, верит ему юноша или нет. — Это всего лишь меч. Только подумай, как полезно было бы иметь оружие, которое бежит за тобой по пятам словно пес. — Уголки губ юноши приподнялись не то в улыбке не то в сердитой гримасе, и приобрели сходство с оскалом висельника. Джилли, принявшийся собирать с пола самые крупные осколки фарфора, вздрогнул, увидев выражение на лице Маледикта, и уставился на кровь, стекавшую в черепки. Впервые за долгое, долгое время он испугался — испугался Маледикта и жестокости, которая клубилась вокруг него, словно штормовые ветра, одинаково безжалостная к другу и врагу.

Янус вернулся с наступлением сумерек. Джилли молча открыл перед ним дверь, все еще слыша тихий внутренний голос, предупреждавший, что Ани становится могущественнее с каждым днем.

— А где Маледикт?

— В своих комнатах.

На лестнице Янус заколебался.

— Рассержен?

— Одержим, — сказал Джилли. Уродливое слово повисло в воздухе между ними.

— К крысам твою ерунду. — Янус повернулся. — Маледикт никому не подвластен; больше нет богини любви и мести.

— Маледикт дал Ей клятву. Он связан с Ней так же прочно, как с тобой.

Янус вспыхнул, гнев обозначился румянцем на щеках — и отступил.

— Ты так мало знаешь о нем. У Маледикта странное, нездоровое чувство юмора, порой порождающее изощренные шарады.

— Я знаю его достаточно, чтобы утверждать, что чувства юмора, как и умения заглядывать в будущее, ему как раз не хватает, — заметил Джилли.

ли закинул конфету в рот целиком и поспешно прожевал, стараясь не смотреть, как Ворнатти поглаживает Маледикта по бедру.

— Не принуждай себя, Джилли, — сказал Маледикт. — Я заказал устриц на ужин. Присоединишься к нам, Ворнатти?

— Думаю, нет. Останусь в постели, буду есть шоколад и вести себя, как избалованный старый дурак, — ответил Ворнатти, благодаря покладистости Маледикта впавший в благодушное настроение, каким нечасто баловал своих домашних. — Повремени. Я буду кормить тебя шоколадом, пока не зазвонят к ужину.

— Прямо как в кирдском гареме, только не так много песка, — сказал юноша. — Позовем к нам Джилли?

— Нет, — в один голос сказали оба, Джилли и Ворнатти; Маледикт расхохотался, не в силах остановиться даже тогда, когда Ворнатти жадными руками обнял его за плечи.

У Джилли свело живот при виде Маледикта, развалившегося в постели Ворнатти; и все же он боялся уйти. В необычном, легкомысленном поведении Маледикта ему чудилась опасность.

Раздался удар гонга — сигнал к ужину. Джилли подпрыгнул, уронив маленькую серебристую коробочку на ковер. Маледикт высвободился из объятий Ворнатти. Губы его покраснелись от ликерной начинки, лицо разгорелось — быть может, от удовольствия, а быть может, от тщательно скрываемой ярости.

— Идем, Джилли. Оставим Ворнатти наедине с десертом. — И Маледикт потянул Джилли за собой, прочь из комнаты.

За столом Джилли ковырялся в еде, с отвращением глядя на фаршированных устриц.

— Ты что, не голоден? — спросил Маледикт.

В пламени свечи лицо юноши, казалось, само светится; а за плечами трепетали темные крылья. У Джилли голова раскалывалась. Он потерял глаза, виски — и видение исчезло. Только чудилось ему, что комната плывет, словно жидкая: как будто стены были всего лишь занавесками, которые вот-вот отдернут. Он замотал головой. Во рту по-прежнему сильно ощущался вкус шоколада.

— Что ты мне подсунул, Маледикт? Что было в шоколаде? — спросил Джилли, повышая голос.

— «Игра теней», — объяснил Маледикт. — Она не опасна. Просто успокоительное, хотя некоторые утверждают, что оно вызывает видения.

— Зачем?

— Потому что вкус «Похвального» ты бы узнал, — чуть удивленно ответил Маледикт. Джилли ждал ответ на другой вопрос — зачем вообще он подмешал ему снадобье. Тут комната дернулась; балки потолка над головой отбрасывали тени, как мачты корабля, охваченные свечением моря. Джилли закрыл глаза руками.

— Ты что-то видишь? Расскажи, что.

Джилли вгляделся в кружащий свет, испускаемый свечами: сквозь кожу Маледикта, словно весенние цветы, пробивались перья.

Маледикт уселся на стол поближе к Джилли. Тот поднял глаза, рассматривая лицо Маледикта.

— Смерть в твоих глазах, — прошептал Джилли.

— Только не твоя — никогда!

Джилли ощутил легкое прикосновение к щеке — и Маледикт исчез. Джилли встал; пол ушел из-под ног, и он споткнулся, и заскользил по комнате, и подкатился к закрытой двери. Из дерева донесся царапающий звук — словно когти большой птицы. Джилли встал на колени, цепляясь за дверную ручку. Дверь отворилась, и на громадных черных крыльях в комнату ввалилась тьма.

Она сгорбилась на столе, разъяв пасть; Она дышала прерывисто и сипло, как умирающий. С каждым выдохом темнота в комнате сгущалась, и вскоре остался только один источник света — свеча, горевшая ровным бледным пламенем. Стол превратился в алтарь, недоеденные кушанья — в жертвоприношение Ей. Джилли попятился, стараясь избежать Ее взгляда. Она перегнулась через край стола словно висельник, болтая в воздухе бледными ногами и расправив крылья.

— Он Мой. Он будет поклоняться Мне. Он будет любить Меня. И что бы ты ни делал, это не спасет его от Моего поцелуя в самом конце. — Ее голос, голос богини, иссушал разум.

Джилли вскрикнул и проснулся — он сидел, опустив голову на стол, шея затекла, онемевшие руки висели по обе стороны от стула. Он потрогал стоявшую рядом тарелку: остыла. Свечи сго-

рели наполовину, оплавив воск в лужицы. Стрелки часов совершили прыжок: миновал не один час. Задрожав от негодования, Джилли с грохотом отодвинул стул. В ушах до сих пор звенело. Пошатываясь, он побрел по коридору прочь из столовой.

Дверь в спальню Ворнатти была закрыта. Джилли коснулся глухого темного дерева, помедлил. Наконец он толкнул дверь в темноту и непроизвольно сжался, однако по другую сторону его ждал полумрак слабо освещенной комнаты. В центре помещения стояла кровать Ворнатти. Балдахин был опущен, изнутри не доносилось ни шороха. Джилли на нетвердых ногах приблизился, с трудом разбирая дорогу в тусклом свете, взялся за портьеру. Пальцы стиснули бархат, однако он не нашел в себе сил, чтобы отдернуть балдахин и принять то, что находилось внутри. Звон стекла заставил его дернуться, словно в спазме.

Из тени кресла-каталки поднялся Маледикт с кубком в руке. Вино окрасило его губы в цвет запекшейся крови.

— Ты убил его? — спросил Джилли голосом столь же хриплым, что у Маледикта. — Скажи мне правду, Мэл... — Джилли, дрожа всем телом, привалился к стене. — Он мертв?

Маледикт налил в рюмочку бренди и подал Джилли.

— У тебя руки дрожат.

Джилли подумал о свершившемся убийстве, и об убийцах, застигнутых врасплох, о загнанных в угол крысах и ядах, но все же поднес рюмку к губам и без колебаний проглотил напиток. Бренди разлилось теплом по языку, горлу, желудку.

— Да, — проговорил Маледикт, вновь погрузился в мягкое кресло и положил ноги на кровать, носками туфель чуть отодвинув балдахин.

— Как? — спросил Джилли. — С помощью яда? Или так же, как Критоса? — Голос Джилли дрогнул: он представил себе вид залитых кровью простыней.

— Мирно. — Маледикт осушил кубок, налил еще.

Джилли поставил рюмку и отдернул балдахин, все еще ожидая, что Ворнатти вот-вот проснется и разразится яростной бранью. Поднял тяжелую перьевую подушку с лица барона: материя была тягучей словно жидкость — и такой же смертельно удушающей. Ворнатти лежал с открытым ртом и закрытыми глазами, скрю-

ченные руки повисли расслабленно — в спокойствии, которого не давали ни жизнь, ни наркотики. Джилли потер мокрое от слез лицо.

— Я должен был предупредить тебя.

— А когда он кого-то слушал, Джилли? — спросил Маледикт.

— Почему?

— Ты знаешь, почему. — Маледикт подошел сзади, положил голову на плечо Джилли, взял его руки в свои.

Смятение, не подвластное влиянию бренди, охватило Джилли. Это убийство, быть может, и освободило Маледикта. Только Джилли теперь остался без работы.

— Ты не мог подождать? — спросил Джилли.

— Чтобы Янус был так близко — и не в моих руках? Невозможно. Время непостоянно, Джилли, как и Ворнатти. Ему скоро бы прискучила одержанная победа, он даже мог бы перекинуться с меня на Мирабель, несмотря на все данные обещания. Я думал, что он вот-вот умрет, но с каждым месяцем ему, похоже, становилось лучше. Я не мог такого допустить.

— Ты ведь уже не раз рисковал, — заметил Джилли.

— Не тот случай, — возразил Маледикт. — Джилли, я в твоей власти. Я — убийца. Что ты сделаешь?

Джилли высвободил свои руки из прохладных ладоней Маледикта. Повернул лицо юноши так, чтобы видеть глаза, видеть страх, надежду, боль и капельки влаги, повисшие на ресницах.

— Ты сожалеешь?

Маледикт встретил взгляд Джилли.

— Нет.

— Что тебе от меня нужно? — прошептал Джилли.

— Ничего. — Голос Маледикта не выражал никаких эмоций. —

Смерть Ворнатти не должна привлечь слишком пристального внимания. Его опасная привычка мешать выпивку с элизией была всем известна. Только найди мне его завещание. Хочу удостовериться, что к нему нет каких-нибудь недавних дополнений. Я не удивлюсь, если Мирабель удалось что-нибудь у него выпросить.

Джилли кивнул, чувствуя странное онемение — как будто «Игра теней» до сих пор действовала и это был лишь очередной сон. Опустившись на колени, он приподнял плиту перед каминном, под которой обнаружился тайник.

Джилли вынул свиток из писчей бумаги сливочного цвета. Один край Джилли прижал сейфом, другой придерживал рукой.

Маледикт встал на колени рядом с ним, так близко, что они едва не столкнулись головами. Подушка, снятая с лица Ворнатти и брошенная рядом на кровать, чуть шевельнулась, и Джилли подпрыгнул. Сердце его бешено стучало.

Юноша расправил свиток, вновь закрутившийся от резкого движения Джилли, и пробежал глазами витиеватые фразы, выбирая главное и вникая в смысл. Джилли в очередной раз подумал, что Маледикт обладает чутьем настоящего адвоката.

В первый раз с тех пор, как Джилли вошел в комнату, Маледикт улыбнулся.

— Похоже, он был не таким уж и дураком, — проговорил юноша. — Мирабель нигде не упоминается. Как и его итарусинские родственники. Полагаю, он испытывал к ним справедливую неприязнь.

Джилли ловко выхватил документ у Маледикта, со смешанным чувством страха и надежды нашел свое имя. Оно значилось среди имен других слуг. Хотя оставленное ему наследство было значительно больше, чем у остальных, живот свело от обиды и страха. Барон пресытился мной, подумал Джилли, не сегодня-завтра он бы меня уволил. Причитавшаяся ему сумма составляла всего лишь годовое жалованье. Ровно столько, чтобы купить себе койку на корабле, идущем к Приискам, да и то не на быстрой «Вирге». Ровно столько, чтобы еле-еле плыть на какой-нибудь добитой посудине и высадиться в Приисках — без гроша и возможности вернуться. Одному, без друзей, думал Джилли, коченея, словно под порывом ледяного ветра; завещание лишало его Маледикта.

— Не волнуйся, Джилли. Ты останешься со мной, — сказал Маледикт, который читал через плечо Джилли. — Я же сказал, что позабочусь о тебе.

— Как о слуге, — отозвался Джилли.

— Как о друге. — Слово, произнесенное тихим голосом, эхом разнеслось по комнате, по всему городу, погрязшему в развратных сделках, шантаже и обмане. Тишина сделала слово тяжелым, и Джилли, сам себе не веря, вдруг осознал, что такова мера нравственного разложения этого города: его ближайший союзник и лучший друг — убийца, и грядут еще новые и новые жертвы.

ОПЕРЕНИЕ

18

Джилли и Маледикт только что пришли с похорон; оба безмолвно ретировались в столовую и прибегли к успокаивающему теплу виски, что хранилось в буфете. Маледикт налил два бокала и поднял тост.

— Сделано, и будь оно проклято, — сказал он. Джилли молча проглотил свое виски, все еще потрясенный до глубины души поведением Миранбель на похоронах. Они вовсе не ждали, что Миранбель придет — думали, она надежно заточена в деревне. Однако выкидыш, случившийся у Брайерли Вестфолл, заставил все семейство, а следовательно, и Миранбель, задержаться в городе.

Теперь похороны были уже не те, что прежде. Когда умерли боги, людям некого стало поражать своим благочестием, кроме себя самих, потому мало кто пришел попрощаться с бароном: Миранбель, Эхо, два представителя двора, похожих друг на друга, как две капли воды, и поверенный Ворнатти, Беллингтон. Не было никакой церемонии; лишь двое кладбищенских рабочих засыпали могилу, находившуюся возле церкви (которая в последнее время служила зернохранилищем), напротив громадных каменных кресел богов, поросших сорной травой.

И лишь когда могила была почти засыпана, Миранбель прошептала:

— Ты убил его. Чтобы помешать нашему браку. Прежде я бы все разделила с тобой — а теперь посмотрим, какие слухи мне удастся распустить и как быстро тебе откажут в радушном приеме при дворе.

— Только попробуй, и я тут же выскажу соображения по поводу своевременного выкидыша Брайерли, и по поводу того, что у тебя был доступ к «Шлюшкиному другу», и по поводу ненависти к деревенской жизни. Всем известно твое прошлое, очерненное убийством, а мое — нет, — парировал Маледикт.

— Ублюдок, — зашипела Мирабель, дрожа от отчаяния и негодования; и вдруг лицо ее просветлело, так же внезапно, как луч солнца выглядывает из-за облака. — Я заключу с тобой сделку. Мы будем хранить тайны друг друга, советоваться друг с другом и держаться вместе...

— Нет. Я уже заключил одну опасную сделку, и теперь у меня пропало желание заключать другие.

Мирабель сдавленно зарычала — поистине звериным рыком, Маледикт бросил на нее опасливый взгляд.

Она мило улыбнулась и, взяв себя в руки, произнесла с прежней учтивостью:

— Мэл, запомни, какой я была в миг, когда ты с презрением отверг меня. Я уже говорила тебе прежде — я не глупее тебя и отличаюсь не меньшей целеустремленностью. Я действовала слишком мягко — теперь с этим покончено. Я намереваюсь всё сравнять с землей. Я знаю, чего ты страшишься...

Маледикт с силой встряхнул Мирабель, охваченный внезапной яростью, которую вызвали ее неопределенные угрозы, но вместо испуга, который юноша надеялся увидеть, интриганка рассмеялась, словно происходящее ее позабавило.

— Какой дикарь, — проговорила она. — Ты всегда используешь бездумную силу, когда можно прибегнуть к другим средствам?

В их сторону стали оборачиваться, и Маледикт почувствовал, что застрял на полпути: он не хотел отступать, сдавая ей ранд, и в равной же степени не желал привлекать к себе внимание Эхо. Джилли взял юношу под локти, и Маледикт, используя это обстоятельство как предлог отпустить Мирабель, ослабил хватку. Женщина подалась вперед, сокращая расстояние, которое Маледикт пытался увеличить, отступая, но наткнулся на стоявшего сзади Джилли.

Мирабель поцеловала юношу в губы, обдав таким холодом, что он вздрогнул. Когда она покидала кладбище, ее гнев выдава-

ли лишь сжатые в кулаки руки. Маледикт повернулся, заметив, как Джилли что-то тихо шепнул кучеру, и тот ускользнул прочь. А потом все закончилось, и они вернулись домой; Джилли сам правил, сидя на козлах.

— Ты послал кучера следить за ней? — спросил Маледикт.

— Очень уж у нее был решительный вид. Я хочу знать, куда она отправилась, — ответил Джилли.

— Ты прав, — одобрил Маледикт. Он попытался скрыть свое беспокойство за раздражительностью, возможность продемонстрировать которую представилась незамедлительно: открылась, предварительно громко скрипнув, входная дверь, и раздался голос Ливии, исполнявшей обязанности дворецкого.

— Ну, кто еще там? Все ваши карточки и цветы, вся эта суета из-за какого-то старика...

— Это Беллингтон, — сказал Джилли, выглядывая в коридор. — А с ним Эхо. — Он поставил бокал, звякнув о поднос. — Учитывая столь внезапную смерть Ворнатти, неприязнь к тебе Ласта и яд, которым брызжет Мирабель, можно заключить, что Эхо наверняка будет искать зацепки для обвинений.

— Я не боюсь Эхо, — заявил Маледикт.

— И напрасно. Среди его приспешников — не только сброд Особого отряда, но и влиятельные люди вроде Вестфолла и Ласта. Даже Арис к нему прислушивается.

— Так каков твой совет? — спросил Маледикт.

— Выслушай из уст Беллингтона завещание, да смотри не перебивай и не отпускай колкостей. По возможности держи рот на замке и притворись скорбящим. Пожалуйста. Или Эхо бросит тебя за решетку. — Джилли проводил Маледикта до коридора. Из библиотеки он слышал, как Эхо и Беллингтон обмениваются высокопарными фразами.

— Я мог бы навсегда избавить нас от его опасного присутствия, — проговорил Маледикт. — Подсыпать что-нибудь в вино — кое-какие яды из моих запасов не имеют совершенно никакого вкуса. Не составит труда...

— Нет, — вскрикнул Джилли. — Ты спятил? — Он заговорил едва слышным шепотом. — И вообще, додумался говорить об отравлении, когда Эхо совсем рядом.

— Он не более чем человек, а не какое-нибудь мстительное создание темного божества, — сказал Маледикт. Уголки его губ приподнялись в легкой улыбке.

К тому времени, как Джили поборол несвоевременное желание рассмеяться, Маледикт уже здоровался с гостями, приветствуя Эхо первым, соответственно рангу.

— Лорд Эхо, что привело вас сюда? Трудно представить себе, что вы намерены засвидетельствовать покойному Ворнатти почтение, которого не испытывали к нему при жизни.

Темные глаза Эхо сузились.

— Я нахожу странным тот факт, что Ворнатти взял вас в свой дом, а его внезапную кончину — очень и очень подозрительной.

— В сердечных делах непросто разобраться, — ответил Маледикт. — Симпатия барона ко мне и остановка его сердца в равной степени необъяснимы. Однако если это доставит вам удовольствие, можете вместе со мной присутствовать при оглашении завещания.

В разговор включился дородный Беллингтон, до сих пор раскачивавшийся на каблуках.

— Если вы желаете, чтобы лорд Эхо ознакомился с содержанием документа, у меня нет никаких возражений.

Пока Беллингтон извлекал завещание из потрепанного кожаного чемоданчика, Маледикт уселся и приготовился слушать. Поверенный закашлялся, побагровел от напряжения.

— Вы уже знакомы с завещанием усопшего барона?

Стук в дверь не дал Маледикту ответить и вызвал недовольное ворчание Эхо.

— Ваши слуги не знают своего места.

Он резко распахнул дверь, напугав Ливию.

За ее спиной стоял Янус, облаченный в цвет, который при дворе называли лазурью Ласта. Эхо передразнил испуганную гримасу Ливии и отступил.

— Вы решили нанести визит в скорбящий дом? — Лицо Маледикта засветилось улыбкой, Беллингтон снова кашлянул.

— Меня послал Арис, — ответил Янус, отвешивая полупоклон в сторону Эхо, — чтобы передать свои соболезнования. — Юноша протянул письмо, опечатанное синей с золотыми краями лентой. Эхо потянулся к бумаге, но Маледикт его опередил.

— Сначала вы суete свой нос в завещание, теперь — в мою переписку? Как убийственно скучна должна быть ваша жизнь, Эхо, если вы так интересуетесь моей. — Он взял послание, Янус склонился и коснулся губами пальцев Маледикта. — Он ожидает ответа, мой темный рыцарь.

Беллингтон поднялся со своего кресла:

— Быть может, мне следует прийти позже...

— Сядьте, — скомандовал Маледикт, — начинайте читать. Давайте узнаем последние соображения моего покровителя.

— В общих чертах, ограниченные в порядке наследования и отчуждения владения в Итарусе и титул передаются следующему в роду, то есть Данталиону Ворнатти; загородная резиденция барона в Антире, являвшаяся пожизненной, возвращается Короне; резиденция на Дав-стрит и немалое состояние барона причитаются вам, Маледикт.

Эхо напрягся. Словно почуяв настроение хозяина, распрямили спины бойцы Особых отрядов, что всё время прятались в саду.

— Быть может, нам следует еще раз повнимательнее взглянуть на его тело, — проговорил Эхо. — Оставить состояние чужаку, пренебрегая родней...

— Если вам так хочется — извольте. Только потом хорошенько утрамбуйте землю на могиле, иначе барон обязательно встанет и будет бродить, — нашелся Маледикт, тогда как даже Янус на миг похолодел. Джилли же, у которого ком застрял в горле, постарался напустить на себя не виноватый, а несчастный вид.

— Клянусь богами, у тебя грязный язык...

— Скажите Арису, — проговорил Маледикт, возвышая голос над словами Эхо, — скажите ему, что я чрезвычайно рад принять его соболезнования и откликнуться на его просьбу. Я делаю это с удовольствием. — Открытое письмо сухо зашептало в тесной комнате, шурша бумагой о манжеты Маледикта.

— Возможно, Эхо сможет доставить ваш ответ, — предложил Янус, — раз уж он в самом деле собирается подать Арису прошение об эксгумации.

Возмущенный Эхо ринулся к двери. Маледикт заметил:

— Джилли, похоже, лорд Эхо пресытился нашим обществом. Будь добр, проводи его — и Беллингтона тоже.

— Сэр, — засуетился поверенный. — Мы должны вникнуть в подробности. Помимо обычных дел с земельной собственностью, остались еще антирские бухгалтерские книги, с которыми тоже нужно разобраться. Их надо отправить за границу, пока найдется новый человек, достойный доверия.

— Для этого, несомненно, подойдет другой день, — заключил Маледикт.

Беллингтон кивнул.

— Вполне вероятно, что Итарусу потребуется некоторое время, чтобы найти замену Ворнатти. Как я понимаю, за его должность начнется серьезная борьба при дворе. Хотя, полагаю, Данталион Ворнатти пока впереди — пусть даже только благодаря тому факту, что способен разбирать почерк барона.

Джилли настойчиво выпроваживал гостей. Беллингтон покинул дом с видом человека, у которого с плеч свалился тяжкий груз ответственности.

Янус кивнул Эхо и предложил:

— Милорд, проводить вас до кареты?

— Нет, — отрезал Эхо, задержавшись взглядом на письме в руках Маледикта.

Джилли захлопнул дверь, привалился к ней и медленно сполз на прохладную мраморную плитку прихожей.

Чья-то тень заслонила от него свет; он поднял глаза. На лестнице в нерешительности остановился Маледикт.

— Джилли, ты хорошо себя чувствуешь?

— Достаточно хорошо для человека, в дом к которому через три дня после убийства заявился Эхо.

— Придержи язык, — оборвал Янус. — Эхо будет шпионить не один день. Лишь авторитет Ариса так скоро избавил нас от его присутствия.

— Рано или поздно кто-нибудь расскажет ему о моей шкатулке с ядами и зельями. Он будет разочарован, узнав, что Ворнатти умер куда менее экзотической смертью, — сказал Маледикт.

Он сделал несколько неторопливых шагов вверх по лестнице вслед за Янусом, опять остановился.

— Джилли, мне потребуется твоя помощь.

Джилли кивнул, гадая, чего еще хочет Маледикт.

— Нужно скопировать антирские гроссбухи Ворнатти — частные, где содержатся подробности о средствах, которые возвращались Арису. Не надо копировать почерк Ворнатти — лишь сами данные, — распорядился Маледикт. Он шагнул вверх по ступеням, развязывая черный крават, потом сдернул черный же камзол и перекинул его через перила.

— Это может потребовать нескольких дней, — предупредил Джилли. Частные гроссбухи занимали почти целую полку.

— Ничего, принимайся за работу, — отозвался Маледикт. — Арис хочет избавиться от этих гроссбухов, и поскольку он столь любезно торгуется, чтобы заполучить их, я не могу не думать о том, что в будущем они пригодятся. И не ворчи, Джилли. Я не стану путаться у тебя под ногами, пока ты занят.

— У тебя траур, Мэл. Ты должен быть сдержаннее в развлечениях...

Вместо ответа раздался трепет летящей по воздуху бумаги; Маледикт продолжал подниматься по лестнице.

Джилли расправил лист плотной писчей бумаги, взвесил в ладони печать: ее тяжесть подтвердила, что это в самом деле было письмо Ариса, а не умелая подделка.

Маледикт,

позволь мне выразить тебе соболезнования в связи с понесенной утратой, а также обратиться с необычной просьбой. Как, несомненно, тебе известно, между мной и твоим опекуном существовало соглашение финансового характера, согласно которому он улаживал некоторые счета к нашей с ним обоюдной выгоде. Поскольку я не могу рассчитывать на то, что следующий аудитор будет столь же сговорчив, прошу тебя принести мне гроссбухи с этими сведениями. В награду я готов жаловать тебе прощение за любое скандальное происшествие, на которое тебя толкнет твое пылкое сердце.

Арис.

От просьбы, столь откровенно изложенной в переданном лично письме, у Джилли перехватило дух. Возможно, король и впрямь — дурак, как называют его в газетах, раз полагает, что всегда сможет

потворствовать выходкам Маледикта. Уже по своей натуре юноша являлся источником неприятностей, а подгоняемый крыльями Ани, он был способен на все. И Арис надеялся разрешать все трудности одной улыбкой и великодушным словом! Это походило уже не столько на глупость, сколько на безумие.

Арис вошел в тронную залу через королевский вход позади возвышения. У главного входа по стойке «смирно» стояли двое гвардейцев, согласно требованиям дворцового этикета, облаченных в доспехи: эмаль на стали, лазурь Ласта поверх серебра. Тонкой работы дверь, отделявшая залу от вестибюля, была открыта; за ней ждали просители: двое дайнландцев, по обыкновению облаченных в серые плащи, и причина их испуганных взглядов — Маледикт. Хотя, подобно им, юноша был одет в серое, со всей очевидностью скромность в одежде была ему не по вкусу: Маледикт облачился в шелк и атлас, блестящие кудри рассыпались по плечам, тогда как дайнландцы носили шерсть и лен и коротко стригли волосы.

Кивнув в знак приветствия, Арис едва сдержал улыбку. В присутствии Маледикта, всем своим видом напоминавшего об изысканном, замедленном упадке антирского двора, желание аскетичных дайнландцев вернуться домой могло пересилить их же скупость. Арис взмахом руки приказал юноше приблизиться. Как только Маледикт вошел в залу, гвардейцы закрыли за ним дверь в вестибюль, где толпились в ожидании другие посланники.

Маледикт, приблизившись к Арису, низко поклонился. Королю это показалось забавным — юноша как будто пародировал дворцовый этикет, изображая отношения короля и слуги.

Арис устроился на троне, не сдерживая улыбки.

— Ты пришел. Выполнил мою просьбу?

Взгляд короля упал на единственную книгу, которую сжимала затянута в перчатку рука.

— Полагаю, все доставлено в ваши покои. Ваш капитан Джаспер, похоже, с огромной радостью освободил меня от этой ноши. — Маледикт подал королю гроссбух.

Арис открыл книгу. Маледикт предупредил:

— Осторожнее, чернила могли еще не просохнуть.

Удовольствие, которое минуту назад испытывал Арис, сменилось настороженностью. Король нервно постучал пальцем по раскрытому гроссбуху, размазав чернила, и проговорил:

— Вижу.

Он ждал объяснений.

— У Ворнатти был неразборчивый и практически нечитаемый почерк, у меня даже голова разболелась, когда я просматривал его записи. Я решил избавить вас от этого неудобства.

— А где оригиналы? — спросил Арис.

— В совершенной безопасности, — ответил Маледикт. — Я очень осторожен со своей собственностью. — Темные глаза смотрели уверенно; под этим взглядом король подавил спонтанно возникшее желание кликнуть гвардейцев.

Арис отвел взгляд и сказал:

— Мой брат считает, что ты опасен.

— Полагаю, как и любой другой вельможа, — заметил юноша. — У меня есть меч, чтобы пускать людям кровь, и мозги, чтобы заставить их мечтать о смерти. Но вряд ли я — исключение при вашем дворе.

— Хотя мне хотелось бы обратного, — отозвался Арис; он уже сам начинал горячиться. — Я чувствую себя не пастырем своего народа, а скорее заклинателем змей.

Маледикт улыбнулся и, не дожидаясь приглашения, присел на ступеньку и поднял взгляд на Ариса.

— Я польщен, — сказал он.

— И тем не менее ты отказываешь мне в моей просьбе.

Маледикт вздохнул, изучая фигурку рогатого Хаита, вырезанную на подлокотнике трона.

— Моим обучением занимался Ворнатти, сир, потому я физически не способен расстаться с чем-либо имеющим подобную силу.

— Что ты намерен делать с оригиналами? — Арис впадал во все большую ярость, терпя поражение и обнаруживая предательскую, причиняющую боль нить, что стала тому причиной: юный придворный с самого начала завоевал его расположение. Арис ошибался, полагая, что это чувство взаимно.

— Ничего.

— Тогда отдай их мне, — приказал Арис.

— Не отдам, — просто ответил Маледикт.

Арис выдохнул, уязвленный и ошарашенный одновременно.

— Маленький глупец. Я твой король. Когда я приказываю, ты должен повиноваться. Иное расценивается как измена.

— Не отдам, — повторил Маледикт.

Арис схватил юношу за упрямый подбородок и развернул так, чтобы взглянуть прямо в темные глаза.

— Я мог бы приказать гвардейцам снести твою упрямую голову с плеч. — Арис скользнул другой рукой по скуле Маледикта, к шелковистым кудрям. — Однако думаю, что твоя упрямая шея не поддастся стали.

— Неужели вы в самом деле обвините меня в том, что я проявил осторожность? За мое желание снискать безопасность в мире, где я знаю так мало? — Маледикт смотрел в глаза Арису без тени страха или вины. Король изучал повернутое к нему лицо, рассеянно перебирая пальцами волосы юноши, ощущая нежность его кожи — и грубый шрам на подбородке. От Маледикта исходил аромат сирени, и вот уже Арис смотрел в эти широко распахнутые темные глаза, как будто вокруг ничего, кроме них, не существовало.

Арис внезапно и с тревогой обнаружил, что дыхание его участилось, что его прикосновение превратилось в ласку, что Маледикт разбудил давно уснувшую страсть, которая, как он считал, умерла вместе с его королевой. Он попытался отстраниться, и тут юноша поймал его ладонь своей рукой в перчатке и поднес ее к своим губам.

— Пожалуйста, Арис. — Дыхание Маледикта согрело ладонь Ариса; король ощутил мягкое прикосновение губ. Хриплый голос звучал более страстно, чем все голоса, которые ему когда-либо доводилось слышать. Быстрый язык слизнул чернила с кончиков пальцев Ариса.

Арис высвободил руку, прижал ее к бедру, словно пытаясь сохранить подаренное тепло. Губы Маледикта изогнулись в улыбке.

— Оставьте нас. Мы освобождаем вас от нашего присутствия. — Арис так растрогался, что предпочел укрыться за необычайной формальностью речи.

Маледикт встал и поклонился. Не отворачиваясь от короля, спустился по ступеням помоста, снова отвесил поклон и повернулся к двери и гвардейцам; тонкий силуэт серым росчерком скользнул по белой комнате. Лишь после ухода Маледикта Арис вспомнил, что ему было отказано в возвращении книг. По жилам внезапной вспышкой разлились замешательство и раздражение: Маледикт думает, что нуждается в грессбухах, чтобы защититься от Ариса? Когда король только что доказал ему — к собственному удовлетворению — что достаточно слов и прикосновений?

19

Женщины по природе своей больше подвержены нервным припадкам, чаще вызывают о помощи к богам. Однако они одновременно создания переменчивые, не более способные следовать избранным курсом, чем корабль без парусов, и их мелочный гнев часто умирает, едва слетев с губ, забытый с приближением новой бури эмоций. Хотя и существуют предания о женщинах, призвавших на помощь богов, лишь немногие из них основываются на реальных событиях, и, уж конечно, я не встретил пока ни одной женщины, целеустремленной настолько, чтобы снискать внимание божества.

Дариан Ченсел. О теологии

— Джилли, расскажи мне о дебютантках этого года. Король намерен женить меня.

Янус был в одном исподнем, светлые волосы струились по высокой и крепкой, как мраморная колонна, шее. Джилли крепко держал перед ним тазик для бритья и зеркало, исподтишка изучая юношу. Кожа Януса была исполосована шрамами, отмечена

старыми ранами, залеченными небрежно, без наложения швов. Обычно юные аристократы кожу имели гладкую, холеную; Янус скорее воскрешал в памяти представителей прежнего поколения, тех, кто сражался и проливал кровь, тех, чьи судьбы можно было читать по шрамам и рубцам. Джилли гадал, выписана ли та же кровавая биография на коже Маледикта.

Маледикт, уже полностью одетый, валялся, нежась в смятых простынях, не сводя восхищенного взгляда с Януса.

Янус порезался и вздрогнул: пятнышко ярко-красной крови выступило на белой коже.

— Ты слишком остро затачиваешь бритву.

— Какой смысл в тупом лезвии? — удивился Маледикт. — Ладно, я побуду твоим лакеем. — Он сел, расправил простыни и потянулся за бритвой.

— Для цирюльника ты чересчур увлекаешься острыми предметами, — сказал Янус.

Маледикт откинулся обратно на грудь подушек, подпер голову руками.

— Вот я и выяснил, насколько ты мне доверяешь.

Янус внезапно набросился на Маледикта, обнял и лениво поцеловал.

— Ты запачкал меня кровью. — Маледикт вытер пятно около рта.

Янус нагнулся, слизывая кровь.

— Есть несколько приемлемых кандидатур, в зависимости от твоих намерений, — проговорил Джилли, которому прискучило наблюдать за их игрой.

— Я желаю получить то, что причитается мне по праву рождения, — глухо сказал Янус, уткнувшись в нежную кожу на шее Маледикта. — Титул и все, что он подразумевает.

Маледикт высвободился из объятий и сел позади Януса, запрокинув его голову назад.

— Подумай, пока я буду брить. — Маледикт, не слушая возражений Януса, взял тазик и бритву.

— Амаранта Лавси, — произнес Джилли по некотором размышлении.

— Дочь герцога Лава? Она не дебютантка, слишком взрослая и серьезная, помешана на книгах и лошадях. Отец рассказывал мне о ней, — проговорил Янус, едва не нахлебавшись мыльной пены.

— И была бы вне досягаемости бастарда, — добавил Джилли, — если бы только не запятнала свою репутацию, будучи поймана с задранной юбкой в объятиях конюха. Однако она не рожала и обладает солидным приданым. Помимо того, что является дочерью советника.

— Арис ждет наследника. Она бесплодна? — поинтересовался Янус.

Джилли пожал плечами.

— Об этом никогда ничего не говорили. Впрочем, не так уж она и стара.

— Она хороша собой, Джилли? — спросил Янус. — Мне пока не приходилось видеть ее.

Пальцы Маледикта судорожно сжали бритву.

Джилли вспомнил свой первый выезд в свет с Ворнатти и первый взгляд, брошенный на Амаранту. Она была ему ровесницей и настолько не походила на его сестер с фермы, словно принадлежала к другой расе. Леди Совершенство, называли ее при дворе. Когда она проходила мимо Джилли, ее юбка закружилась вокруг его туфель, и он едва не растаял от страсти.

— Очень хороша, — ответил Маледикт, опережая Джилли.

— Прекрасна, — поправил Джилли.

Маледикт издал рык, стиснув ручку бритвы, и Янус поднял руку, отстраняя лезвие.

— Полагаю, красивая жена приятнее, чем уродина. А почему она не замужем, Джилли? — спросил Янус, по-прежнему удерживая руку Маледикта вместе с бритвой.

— Ее отец медлит в ожидании высокого титула. Даже теперь. По слухам, он подумывал об итарусинском герцоге, чтобы таким образом возместить часть денег, утекших за границу в составе десятины Итарусу. Однако твой титул мог бы показаться ему даже более привлекательным, учитывая перспективу трона для будущих поколений.

— И все же она старовата, — заключил Янус.

— Если она тебе не нужна, с ней может спать Джилли. Он уже признался, что находит ее привлекательной, — резко проговорил Маледикт.

— Я не стану делиться с Джилли, — сказал Янус.

Джилли встретил взгляд светлых глаз и понял содержащееся в них предупреждение, словно оно было произнесено вслух. «Я могу неожиданно обременить себя отпрыском фермерского сына взамен наследника».

Маледикт дал Янусу пощечину; удар оставил красный след на только что выбритой коже и эхом разнесся по комнате. Янус поморщился и снова перехватил бритву, стараясь выдернуть ее из ладони Маледикта.

— Ах так, тогда сам спи со своей красавицей-женой. — Маледикт толкнул Януса вперед и спихнул с кровати. Мыльная вода выплеснулась ему на колени.

Янус, не обращая внимания на вспышку гнева Маледикта, сказал, обращаясь к Джилли:

— Пусть будет Амаранта. Женитьба на девчонке Лавси превращает вынужденный брак в нечто большее, чем просто возможность угодить Арису. Поддержка Лава будет неоценимой в моей охоте за титулом.

— Амаранта — девушка гордая. Она может отказать, — проговорил Джилли, не сводя глаз с лица Маледикта. Он коснулся запястья юноши, желая успокоить, однако тот извернулся и отпрянул, яростно и нервно.

— У нее что, в самом деле есть выбор? — удивился Янус. — Когда Арис уговаривает меня жениться, а ее отец мечтает выдать ее замуж прежде, чем она отыщет еще одного конюха, чтобы скрасить свои дни? Скажи мне, она по-прежнему на хорошем счету в обществе? У меня нет никакого желания обременять себя отверженной в свете женой.

— Она дочь Лава, — ответил Джилли. — Ее грехи забудутся, едва она вступит в брак.

— Довольно, — выкрикнул Маледикт, и голос его сорвался. Лицо Януса сделалось мягче, он потянулся к возлюбленному.

— Пойди сюда, мой темный рыцарь.

Маледикт упал на колени перед Янусом, спрятав голову у него в ладонях.

Янус погладил темные волосы, потом сказал:

— Что еще мне остается делать, Мэл? Если не Амаранта, тогда кто? Будет ли та, которую ты примешь?

— Я ненавижу их всех, — прошептал Маледикт срывающимся голосом.

— И я стану ненавидеть, я обещаю, — сказал Янус, откидывая кудри Маледикта, чтобы поцеловать его в шею.

Маледикт отвернулся, когда Янус принялся искать его губы своими, и обратился к Джилли с просьбой:

— Джилли, устрой так, чтобы Янус встретился с Амарантой. Выясни, куда она ходит, чем занимается, что ей по душе. Относись к ней как к любому другому врагу, с которым мы собираемся разделиться.

Джилли вернулся домой после обеда, повстречавшись по очереди со знакомыми слугами-шпионами и информаторами. Хотя в основном речь шла об Амаранте, он также увиделся со служанкой Вестфоллов, чтобы выяснить, не вернулась ли еще Мирабель. Ответ был отрицательный, однако Джилли заметил, как девушка отвела взгляд, и усомнился в том, что она говорит правду. Последнее, что они слышали о Мирабель, им доложил кучер. После похорон Ворнатти он следил за ней до границы Развалин и не посмел последовать дальше; Мирабель стала пробираться вглубь, поднимая длинной юбкой вихри мусора. Развалины и их обитатели должны были прикончить ее, однако у Джилли на этот счет имелись неприятные сомнения. Мирабель была опасной женщиной.

Собрание грачей на карнизе ворчливо выразило свое согласие с размышлениями Джилли, и он поежился, поспешно шмыгнул в дом и не посмел поднять глаз — боялся встретить черные птичьи взгляды. В прихожей его подкарауливала Ливия.

— Будь осторожен, Джилли. Как только ушел лорд Ласт... ну, в общем, он впал в довольно дурное настроение. Швырнул в меня чайник. И еще разбил зеркало на лестнице.

Джилли взглянул вверх на темные ступени.

— Почему бы тебе не пойти куда-нибудь развяться.

— Тебе не придется просить меня дважды, — сказала Ливия, протягивая ладонь, и Джилли, сообразив, что ее жалование лишь через неделю, вручил ей горсть медяков.

— Я дам тебе луну, если ты уведешь с собой двух других служанок.

— Этих скучных мышек? — посетовала Ливия, но все же согласно кивнула.

Джилли взбежал по лестнице, перескакивая разом через две ступеньки, и остановился. Ливия не сказала, что Маледикт воспользовался бронзовой статуэткой змея, той, что стояла в холле, чтобы разбить зеркало. Рама все еще удерживала расколотое стекло; лишь несколько серебристых кусочков из самой середины окропили ковер. Переступив через них, Джилли постучался к Маледикту и, недовольно бормоча, открыл дверь.

Юноша сидел на кровати, бритвой распарывая галстуки. Пол вокруг был усыпан обрывками раскромсанной ткани. Вообще в комнате царил беспорядок: на каминной полке валялась туфля, тазик для бритвы отлетел к стене, чайник был опрокинут, вода вылилась на ковер.

— Чью глотку ты в мечтах перерезаешь? — поинтересовался Джилли.

— Свою, — ответил Маледикт. Лицо его было все в пятнах от слез и ярости. Горечь изогнула губы унылой кривой. У Джилли екнуло сердце.

— Это из-за его женитьбы, — догадался он.

Маледикт принялся тереть распухшие глаза. Бритва угрожающе скользила возле самой его щеки, и Джилли отобрал ее и закрыл.

Глаза Маледикта тут же почернели:

— Я еще не закончил.

— Может, я лучше налью тебе чего-нибудь выпить? — Джилли взглянул на поднос для бокалов, усыпанный осколками хрустала. — А еще лучше давай закончим начатое тобой дело и напугаем кухарку так, что она уйдет из дома на сегодняшнюю ночь. Наведаемся к ней в кухню и выясним, что за спиртное она таскает из твоего винного погребка.

— Я не ребенок, которого надо баловать, — предупредил Маледикт.

— Почему бы мне и не побаловать тебя, — возразил Джилли. — Такое впечатление, что у тебя разрывается сердце.

Маледикт позволил Джилли поднять себя на ноги.

— Когда он женится...

— Успокойся, — остановил Джилли. — Поразительно, насколько приятнее кажется жизнь после стаканчика спиртного.

— Странно, что ты до сих пор не превратился в пьяницу — с такой-то философией, — заметил Маледикт, все же позволяя Джилли проводить себя по лестнице вниз, потом мимо больших, пустых и темных комнат и, наконец, в теплую кухню. Кухарка, что-то резавшая на разделочной доске, испуганно подняла взгляд.

— Сегодня ты нам не понадобишься, — сообщил ей Джилли.

Женщина оглядела Джилли, бросила быстрый взгляд на лицо Маледикта и сдернула фартук.

— В печке хлеб. Будь хорошим мальчиком, Джилли, не дай ему сгореть, иначе завтра останешься без тостов.

Когда кухарка поспешно удалилась, Маледикт заметил:

— Ты ей нравишься.

— Она относится ко мне, как мать. Если бы ты не был таким противным, она бы и к тебе так же относилась. Она считает, что тебя нужно лучше кормить.

— Это по-матерински? — спросил Маледикт. — Моя мать была совсем не такой. — Юноша устроился за исцарапанным деревянным столом и принялся ковырять кончиком ножа кусочки миндаля, отвлеченный от всплеска ярости непривычной обстановкой.

Джилли поставил на плиту старенькую жестяную кастрюльку, плеснул в нее молока и проверил, горит ли огонь.

— Не хочешь?

— Она была самой обычной шлюхой из Развалин. Как и я. — Дрожь в хриплом голосе походила не столько на плач, сколько на предупреждающий треск гремучей змеи; но Джилли давно научился улавливать все нюансы этого голоса и мгновенно повернулся.

— Ну, будет, будет, не надо, не надо так, — заговорил Джилли, осмелившись легко коснуться губами лба юноши, как будто

успокаивал несчастного подростка. — Ты не такой, ты же благородный господин.

— Когда он женится, я превращусь в его шлюху, всего-навсего. И все равно я выбрал этот путь. Ворнатти не в счет. Я использовал его так же, как он меня. Но как только я убью Ла-ста — чем я стану, если Янус женится? Я буду вести жизнь, о которой мечтала для меня моя мать. Превращусь в игрушку богача.

Джилли щедро сдобрил молоко бренди и поставил чашку перед Маледиктом.

— Никогда не встречал игрушек с такими когтищами и зубищами, — весело заметил он. — Пей, а я буду рассказывать тебе истории о дворе.

Маледикт поднес кружку к губам, глотнул.

— Не знаю, зачем я слушаю твои сентиментальные сказки.

— Затем, что взамен я терплю твои капризы и перепады настроения, — ответил Джилли. — Но если тебе наскучили истории о любви, расскажу тебе, как затонули «Грозный» и «Дьявол».

— А там есть про кровь? — заинтересовался Маледикт.

— Это случилось в войну, — сказал Джилли. — В войну всегда льется кровь. Всё происходило в первые дни Ксипоса, когда боги еще не покинули нас. Капитаном на «Грозном» был Беллан, а на «Дьяволе» — один из итарусинских принцев. Их пушки были заряжены железом, а сундуки полны золота — самого лучшего, что могло убедить жадного Нагу прийти им на помощь. Они сражались, грабили и истекали кровью, бросая соли за борт так же часто, как стреляли из пушек, и наконец чешуйчатый Нага, бог здоровья и скупости, метавшийся в водах в ожидании подношений, поднялся из моря и забрал все. Корабли, людей, пушечные ядра и выкупы двух королей чистым золотом. Достаточно кровавая история?

— М-м-м, — согласно промычал довольный Маледикт. — И никто не попытался отыскать и вернуть золото?

— То, к чему прикоснулись боги, навеки меняется. Лучше уж пусть будет подальше от людских рук — на всякий случай.

Джилли поднялся, вытащил из печи горячий хлеб и бросил остывать на решетку. Потом отрезал ломоть, положил на стол,

отыскал в кладовой только что сбитое масло и вернулся к Маледикту. Отломил кусок и подал теплый хлеб юноше.

— Держу пари, ты сегодня не ел, а только яростью своей исходил.

— Не отчитывай меня, — сказал Маледикт, однако намазал толстый слой масла на свой кусок.

— Ешь, а я тем временем расскажу еще одну историю. Более древнюю, о рыцаре и его оруженосце, и о том, как они просили Эпсит подарить им ребенка.

Маледикт закатил глаза.

— Опять про любовь. Джилли, ты романтик.

— Это неизлечимая болезнь, — отозвался Джилли, пытаясь угадать настроение Маледикта. Глаза у него были грустные, веки набухли от рыданий, но губы перестали уныло кривиться — на них даже обозначилась едва заметная улыбка.

Маледикт допил молоко, подошел к плите и налил еще кружку. Потом сел за стол и принялся за крошенный миндаль и теплый хлеб, ожидая рассказа Джилли.

— Истории любви так часто наводят скуку...

— Может, вырвать листок из какой-нибудь порнографической книжки Ворнатти и накормить тебя непристойностями вместо романтики? — поддразнил юношу Джилли.

— Что хочешь, Джилли, я весь внимание.

— Жил-был рыцарь... — начал свой рассказ Джилли, улыбаясь не сюжету, а неохотному вниманию Маледикта — тот походил на ребенка, которого заинтересовали чем-то против его воли. Предание было старинное — и очень печальное. Мужчины получили ответ на свое прошение Эпсит, богине созидания и отчаяния. Кобыла забеременела человеческим ребенком. Но в родовых схватках она копытом ударила оруженосца в горло, и первый крик их новорожденной дочери смешался с предсмертным хрипом оруженосца.

Когда Джилли окончил историю, глаза Маледикта оставались грустными, уголки рта снова поползли вниз; горестно вздохнув, Джилли пересказал всю историю на манер фарса: рыцарь и оруженосец обратились с прошением к Эпсит, а лошадь оказалась жеребцом, так что в итоге оба мужчины забеременели, а

конь... остался весьма доволен. Уныние Маледикта быстро сменилась смехом.

— Никогда не думал, что ты знаешь такие предания, — проговорил Маледикт, вдоволь нахохотавшись.

— Я прожил со старым мерзавцем восемь лет, — сказал Джилли, — а до того жил на ферме. Удивительно, что я не говорю так все время.

— Спасибо, Джилли.

Когда настроение у Маледикта улучшилось, мысли Джилли вернулись к погрому, учиненному наверху.

— Давай-ка приберем немного, чтобы ты мог спать, не опасаясь осколков стекла в постели.

Он рывком поднял Маледикта на ноги и погнал наверх, не слушая жалоб и подтрунивая над заявлениями юноши о принадлежности к аристократии.

Когда Янус вернулся, Маледикт стоял посреди комнаты, собрав в охапку обрезки кружев, а Джилли снял и аккуратно сложил постельное белье, все еще посверкивавшее осколками. Янус открыл дверь и остановился на пороге.

Маледикт затолкал белье под прикроватную лесенку.

Янус подвинул кресло к камину и сел.

— Снова вспылал?

— Лучше выплеснуть, чем держать внутри, как говаривала Селия.

— Селия пользовалась этой аксиомой, чтобы оправдывать свою ломку, — возразил Янус. Нагнувшись, он подобрал с каминной плиты туфлю, провел пальцем по длинной царапине сбоку.

— Ты рассержен? — спросил Маледикт, ссутулившись перед Янусом.

— Это твои вещи, — ответил Янус.

Джилли подобрал чайник: фарфоровый носик был отбит, так что и с чайником пришлось распрощаться.

После всех усилий, которых стоило успокоить Маледикта, Джилли не собирался позволять Янусу опять вывести юношу из себя, и принялся суетиться, прибираясь в комнате.

— О чем ты задумался, что так притих? — поинтересовался Маледикт, забираясь на колени к Янусу.

— О туфлях. Вот эта никуда не годится. — Он выпустил туфлю из рук и обнял Маледикта за талию. — Во всяком случае, нам она кажется никуда не годной. Теперь.

Маледикт медленно провел пальцами по мягкой, исцарапанной коже туфли, ощупывая причиненный ущерб.

— Я не думал об этом уже несколько лет. Мы могли неделю кормиться за счет пары таких туфель.

— Вы ели обувь? — не поверил Джилли.

— Нет, глупый, — отозвался Янус. — Мы сдавали ее старьевщикам за медь, а то и за серебро, если торговался Мэл. Старьевщики закрашивали царапины и продавали обувь в четыре раза дороже, чем платили нам.

— Джилли, туфли нельзя есть. Они не перевариваются, а если использовать их для бульона, он будет иметь лишь привкус ног, — объяснил Маледикт. — Если вообще удастся раздобыть воды. В Развалинах я всегда страдал от жажды.

Джилли опустился на ступени перед кроватью.

— Чтобы избавиться от жажды, мы клали под язык камешек, — вспомнил Янус.

— Вставали на заре, чтобы собрать росу со стен. Но так близко к морю даже капли росы имеют солоноватый привкус, — сказал Маледикт. — Я уже несколько лет не просыпался на заре.

— А я сначала просыпался, несмотря на то, что сидел в золоченой клетке. Я просыпался вместе с солнцем, но у кровати всегда стоял кувшин питьевой воды, а потом приходили служанки и приносили мне чай. — Янус вздохнул, уткнувшись лицом в шею Маледикта. — Почти невозможно вспомнить чувство голода.

— А я помню голод, — сказал Маледикт. Уголки его рта опять опустились, как будто он ощутил, как голод скручивает ему живот, несмотря на только что съеденные хлеб с молоком и орешки.

— Ты всегда больше меня страдал от голода, — заметил Янус. — Удивительно, что ты так и не разъелся на пиршествах, которые можешь себе позволить теперь. — Он поднял руку и

обхватил запястье Маледикта, заговорив почти мечтательным голосом: — Как же тогда было тяжело. И никому не было дела до того, что мы голодали.

— Даже нашим матерям, — продолжил за него Маледикт. — Мы счастливо от них избавились.

— Они уничтожали все наши запасы, а если ничего не оставалось — ну, тогда нам пора было отправляться на промысел. Им было плевать, что для этого нам приходилось воровать или побираться.

— Из-за тебя я опять проголодался, — с укором проговорил Маледикт.

— Я не в силах утолить ваш прежний голод, однако если вы не возражаете против простого ужина, я могу приготовить, — предложил Джилли.

— Спасибо, Джилли, — поблагодарил Янус.

Джилли удивился отсутствию высокомерия в голосе Януса. Он вышел, гадая, что занимает мысли юноши. Тогда как Маледикт являл собой клубок нервов и тайн, еще труднее было понять, что на уме у Януса, такого открытого на первый взгляд.

Маледикт разделся в почти полной темноте спальни, в скудном свете ламп дрогнула и съежилась его тень. Если бы он прислушался к необычайной тишине дома в отсутствие слуг, он уловил бы, как внизу Джилли и Янус обсуждают Амаранту. Маледикт предпочел не напрягать слух и позволить их словам смешаться в приятный шелест, подобный потрескиванию догорающего огня.

Надежно спрятав корсет в глубине шкафа, он надел белую накрахмаленную ночную рубашку. Уловив свое призрачное отражение в зеркале, помедлил, прикасаясь к белоснежным складкам ткани, и на миг с грустью подумал, ложится ли Амаранта спать в рубашках из шелков и кружев.

Впрочем, он носил шелка в изобилии в течение всего дня, выбирая цвета на свой вкус. Ходил куда хотел, и непременно с мечом. Мысль об оружии приободрила Маледикта. Меч, такой изящный — само совершенство — вызывал в юноше желание прикоснуться к лезвию.

Вынув клинок из ножен, Маледикт бился с тенями до тех пор, пока скорбный изгиб его губ не превратился в свирепый оскал, пока темные волосы на загривке не взмокли от усилий. Два последних молниеносных рубящих удара срезали фитили масляных ламп.

Маледикт проснулся, когда густоту ночи разорвал покачивающийся золотой свет огня. Ладонь раскрылась и сомкнулась, нащупав вселяющую спокойствие гарду меча.

— Янус?

— Кто же еще?

— Я думал, ты сегодня ночуешь дома, — сказал Маледикт, отодвигая полог, чтобы сонно полюбоваться тем, как Янус раздевается, как свет лампы выхватывает из тьмы то изгиб бедра, то выпуклость мускула. На руках и ногах Януса поблескивали тонкие волосы.

— Ночевать дома, когда я могу быть здесь? — Янус скользнул в постель, такой теплый с ног до головы, и Маледикт со вздохом блаженства принялся его ласкать.

— И ты привез с собой гардероб, — проговорил Маледикт, заметив у двери саквояж. Он с улыбкой толкнул Януса на гору подушек, чтобы уютно уткнуться головой в шею и плечо любимого.

Янус чуть приподнялся, задернул полог, заключая себя и Маледикта в своеобразный кокон, и снова лег.

— Я уже учинил скандал при дворе, дважды надев один и тот же наряд, когда этого не полагалось. Не стану повторять подобной ошибки. Черт подери!

— М-м-м? — в полудреме промычал Маледикт.

— Я не погасил лампу.

— Она выгорит сама, — успокоил Маледикт. — Мы богаты. Можем позволить себе не беречь ламповое масло. — Он зевнул, потерся щекой о грудь Януса и наконец выбрал место у самого сердца.

— Меня беспокоит не масло и даже не свет, — проговорил Янус, обнимая Маледикта за плечи, — а купидоны на потолке. Они смотрят.

Губы Маледикта дрогнули в улыбке; он беззвучно хихикнул, дыханием пошевелив волосы Януса на подушке.

— Полагаю, надо нанять кого-нибудь, чтобы их закрасить. Только я терпеть не могу запах краски и ненавижу суету и хлопоты.

— Ты обожаешь суету и хлопоты, — возразил Янус, прикрывая глаза от света локтем. — Если только ты являешься их источником... Крыса его забери!

Маледикт резко пробудился от полудремы.

— Что еще теперь?

— Твой проклятый меч уколол меня. Какого черта ты укладываешь его на отдельную подушку?

Янус сел в постели, резко отстранив Маледикта. Темной полосой на бледной коже поперек бицепса обозначилась кровавая царапина, словно ночь оставила на Янусе свой знак.

— Только взгляни.

— Мне было одиноко, — объяснил Маледикт.

— У тебя есть я, — отрезал Янус, сталкивая меч с кровати с отвращением, с которым человек избавляется от паразита.

Маледикт плотно сжал губы, услышав, как, прежде чем упасть, меч проскрежетал гардой о край кровати.

— Не бросай его туда. Утром проснешься и наступишь, и опять я буду виноват. Встань и отодвинь меч подальше.

— Это твой меч, — заявил Янус, промокая кровавый след кружевной наволочкой.

— А ты оставил горящую лампу. — Маледикт натянул одеяло до самого подбородка. Вскоре зашуршали простыни, задвигался матрас: Янус сдался. Маледикт повернулся и с улыбкой уставился в потолок. — Пока ты не лег, не будешь ли ты так любезен...

— Не буду ли я любезен что? — перебил Янус. — Приготовить чай? Принести тебе печенье?

— Раз уж ты об этом упомянул, я проголодался.

— Тогда надо было оставаться на ужин, — заметил Янус. — Джили вполне сносно готовит.

Маледикт улыбнулся.

— Спасибо, Янус, что ты стал к нему чуть добрее.

— У него есть свое место, — сказал Янус. — До тех пор, пока он понимает, что место это не в твоей постели, я не буду с ним ссориться. — Лицо Януса, искаженное в слабом свете лампы, оставалось мрачным, вопреки словам. — Где ты держишь свой клинок?

— Как и все самые любимые вещи, под рукой, — сообщил Маледикт. — Поставь около сундука. И еще в сундуке есть печенье.

Янус, уже протянувший руку к лампе, остановился, потом вздохнул.

— Меч у кровати, сладости рядом — удивительно, что Джили не устраивается на ночлег по ту сторону твоей двери. В конце концов, он тоже одна из твоих любимых вещей. — Янус выудил из сундука банку и бросил в протянутые ладони Маледикта пару печений. — Хватит, или мне пока не гасить лампу?

— Погаси, — сказал Маледикт, откусывая от первого печенья и складывая ладонь лодочкой, чтобы собрать нежные крошки и не дать им упасть на простыни. В сознание запоздало проник смысл сказанного. — А Джили никакая не вещь. Нельзя иметь друга в собственности.

— Ты присвоил его точно так же, как Роуча, — из темноты ответил Янус. Пробравшись под одеяло, он снова задернул полог. — Ничего не понимаю. Я легко завожу друзей. Ты оскорбляешь людей с той же легкостью, с какой делаешь вдох и выдох, и все же в итоге обзаводишься преданными поклонниками. Роуч, Джили, даже Арис.

— А ты сам? — спросил Маледикт, вытирая пальцы о пододеяльник.

— Нет, — отозвался Янус, хватая Маледикта за руки и целуя, собирая крошки с его ладоней. — Я слишком хорошо тебя знаю. Я могу быть только твоим возлюбленным.

— Только, — повторил Маледикт. — А разве это не все? Пусть они ухаживают за мной, сколько угодно. А я буду ухаживать за тобой.

20

В десять часов утра аккуратно подстриженные лужайки и чистенькие дорожки Джекал-парка наводнила знать. Вельможи прогуливались верхом или прохаживались вдоль лавок привилегированных купцов, которым разрешили торговать в месте отдыха. Маледикт, натянув поводья и плотно обхватив ногами бока своего коня, с волнением миновал баррикаду, которая удерживала бастующих антимехаников за пределами парка. Если они, по своему обыкновению, начнут кричать или швыряться камнями...

— Он сбросит тебя, если ты не расслабишься, — нахмурил брови Янус. — Ворнатти обучал тебя танцам, фехтованию и этикету, а про верховую езду забыл?

— Ворнатти пытался, — признал Маледикт.

Янус вздохнул. Придержав свою лошадь, он заставил Маледикта перехватить поводья подальше от головы. — Не держи так крепко.

— Им же не нравится, когда на них ездят, — сказал Маледикт, но усилием воли ослабил хватку. Конь под ним перестал быть комком взбудораженных мышц.

— Так лучше, — похвалил Янус.

— И все-таки я не понимаю, зачем мы ездим верхом, — говорил Маледикт. — Тем более в такой час.

— Это время, предназначенное, чтобы покрасоваться перед остальными, ты прекрасно знаешь, — объяснил Янус, высвобождая волосы из-под воротника.

— Премного благодарен, я бы предпочел не сваливаться с лошади на глазах у всех, — съязвил Маледикт, но все же последовал за Янусом вдоль живой изгороди. Кусты, постриженные в форме гончих и зайцев, бежали и исчезали из виду по мере продвижения наездников. Впереди тропинка расширялась; на ней маячили господа, прогуливавшиеся в небольших нарядных каретах и верхом.

Неожиданно Янус пустил лошадь затейливым легким галопом. В конце дорожки он манерно остановился. Маледикт продолжал удерживать коня, заставляя его идти нервным шагом. Со

всех сторон на него смотрели с удивлением, но он только метал на любопытных гневные взгляды. Худощавый щеголеватый мужчина в камзоле итарусинского покроя громко рассмеялся, сверкнув зубами в опрятном обрамлении усов и бороды, и Маледикт, подстегнув лошадь, догнал Януса.

— И к чему была вся эта демонстрация?

— Брачные игры, — улыбнулся Янус. — Воздух напоен сладостью, повесничают все до одного.

Губы Маледикта тронула нежная улыбка; но тут он проследил за взглядом Януса и обнаружил, что он прикован к двум ухоженным, одетым по последнему слову моды дамам, что прогуливались по боковой дорожке, исподтишка поглядывая на Януса снизу вверх.

Маледикт знал, что старшей за пятьдесят, однако она умело скрывала морщины с помощью косметики. Красота молодой дамы не нуждалась в подобных ухищрениях.

— А Амаранту Лавси так восхищают наездники, — сказал Маледикт, словно подхватил фразу Януса.

— Так говорят, — согласился Янус. — Прошу меня извинить. Я не настолько уверен в своем успехе, чтобы взять тебя с собой.

— Тогда зачем я вообще тебя сопровождаю? — воскликнул Маледикт. — Зачем мне было подниматься и ехать с тобой верхом, если я ненавижу лошадей и терпеть не могу вставать по утрам? — Тут конь под Маледиктом шарахнулся в сторону; Янус поймал его за уздечку.

— Я подумал, что тебе лучше видеть мои ухаживания за Амарантой, чем воображать их.

— Нет, — отрезал Маледикт. Ударив коня, он принялся натягивать поводья, пытаясь заставить его повернуть голову. Янус поскакал прочь галопом. Конь Маледикта, чувствуя ту же неприкаянность, что и его покинутый наездник, сделал попытку последовать его примеру. Маледикт дернул за поводья; конь под ним затанцевал, и Маледикт, бросив править, вцепился в гриву.

— Не умеешь совладать со зверюгой? Быть может, лучше присоединишься ко мне на прогулке? — Мирабель улыбнулась ему, положив обтянутую перчаткой руку на изгиб стремени и са-

пога. В отсутствие меча ладонь Маледикта сжала кулак; он ошеломленно созерцал Мирабель в добром здравии после исчезновения в Развалинах. Не то что бы он придавал много значения угрозам Мирабель, но встретить ее вот так неожиданно... Маледикт вспомнил животную ярость в ее глазах. А теперь, когда враждебность этой женщины заставляла его нервничать, как кошку, Мирабель была на удивление уравновешенна и спокойна.

— Для вас не нашлось лошади, леди, или слухи правдивы — вы продали свою амазонку, чтобы иметь деньги на карманные расходы?

— Лучше крепче держись за поводья, а то не успеешь и глазом моргнуть, как окажешься у моих ног.

— Убери руку.

Мирабель отступила со смехом, широко раскинув руки. Маледикт растерялся от ее переменчивого настроения, оттого, как Мирабель раз за разом возвращается к нему; да еще чертова лошадь продолжала тянуть вперед. Он то и дело оглядывался в надежде на помощь. Однако Янус, теперь взявший своего коня под уздцы, был увлечен беседой с герцогиней Лав.

— Ему все чертовски хорошо удастся, — заметила Мирабель, прислоняясь к бархатному боку лошади. — Слышала, его воспевали как истинного ценителя женщин. Полагаешь, он возвращается к прежним пристрастиям?

— Возможно, уже вернулся, а дамы были лишь временным отклонением, — невольно вырвалось у Маледикта. — Некоторые мужчины совсем голову теряют, попав за границу, — по крайней мере мне так говорили.

— Ты настолько уверен в его привязанности? Надеюсь, твоя преданность направлена на достойный объект. Но давай не будем сегодня ссориться. Лучше выпьем чаю.

— Разве нам есть что сказать друг другу? — сквозь зубы процедил Маледикт.

— По меньшей мере для тебя чай — удобный предлог, чтобы слезть с лошади. Идем же, Мэл. Неужели ты предпочитаешь компанию этой лошади моей компании? — Мирабель дунула в широкие ноздри животного. Лошадь дернулась и застыла словно неживая, а потом встала на дыбы, вскинув копыта к небу.

Маледикту стоило большого труда удержаться в седле; выбившись из сил, он прыгнул на землю — скорее поспешно, чем грациозно.

— Мне никогда не нравилось вести разговоры в неравном положении, — улыбнулась Мирабель.

Маледикт намотал поводья на руку, думая, как быть дальше. Голос Мирабель звенел едва сдерживаемой яростью. Но и Маледикт не хотел уступать или, того хуже, пытаться снова сесть в седло у нее на глазах. Маледикт надеялся на возвращение Януса, бегущего от пустых формальностей первого обмена любезностями между ухажером и пассией. Однако юноша стоял, лениво прислонившись к дереву, сунув одну ногу в стремя и одаривая Амаранту улыбкой. Даже на расстоянии Маледикт видел, с каким усердием он старается удержать заинтересованность девушки. Герцогиня была искренне увлечена беседой, однако Амаранта смотрела в сторону, лихорадочно поправляя перчатки.

Мирабель насильно взяла Маледикта под руку.

— Пойдем пить чай, — скомандовала она.

— Еще рано... — проговорил Маледикт, глядя, как ярость заливает ее глаза. Что-то шевельнулось на дне зрачков — что-то скользкое и темное — и Маледикт не успел возразить, как будто ее слово было для него законом.

— Вот так, никаких «но», — заявила Мирабель. — Такие родственные души, как мы с тобой, должны быть союзниками.

Маледикт пошел за ней. Мирабель взяла его под локоть, другую его руку положила себе на талию. Они шли обнявшись словно возлюбленные. Конь? — на мгновение задумался Маледикт, с трудом возвращаясь взглядом назад. Он отпустил коня в парке?

— Вот мы и пришли, — сказала Мирабель, усаживаясь на мраморную скамейку в тени бука. На маленьком столике, инкрустированном керамической мозаикой, стояли чайник, две чашки тончайшего фарфора и накрытый салфеткой поднос. Маледикт сел рядом и взял чашку, поданную ему Мирабель.

Откуда-то сверху, с дерева, упали тени: ворона, потом еще, за ними стая грачей: все налетели, надеясь собрать крошки. Птицы принялись вздорить и драться, а Мирабель, смеясь, бросала

им кусочки кекса. Маледикт смотрел на их лоснящиеся крылья, на блестящую пустоту их темных глаз. Что могло привести благородную даму в Развалины? Он очень боялся, что знает ответ на свой вопрос.

— Твой чай остывает, — заметила Мирабель.

Маледикт понял, что та же блестящая темнота затаилась в ее глазах — в пустом взгляде хищной твари. Чашка замерла у самых губ, источая аромат жасмина и тепло и отражая его собственный, тоже черный, как у ворона, взгляд. Маледикт нервным движением вернул чашку на блюдо.

— Я не хочу пить, — сказал он, вставая.

Она поднялась вместе с ним, словно их связывала невидимая нить. Взяв чашку Маледикта, Мирабель сделала несколько глотков.

— Вот. На случай, если твое трусливое сердце говорит тебе, что чай отравлен, я тоже выпила из этой чашки. — И она снова сунула чашку ему в ладонь.

Ее взгляд, прикованный к нему, шорох листвы на легком ветерке, птичья возня у ног — все вокруг будто сговорились, заставляя Маледикта чувствовать себя словно во сне. Но он всмотрелся в тени в глазах Мирабель и улыбнулся.

— Нет. — Маледикт поставил чашку. Не оглядываясь, пошел прочь, стараясь не обращать внимания на дрожь вдоль позвоночника, которая подстегивала его броситься бежать, пока ее маска не слетит снова, открывая ему больше, чем он сможет выдержать.

Джилли читал в гостиной, когда входная дверь хлопнула с такой силой, что спинет отозвался жалобной нотой.

— Как прошла прогулка в парке? — поинтересовался Джилли, когда резная дверь распахнулась.

— Отвратительно, — отвечал Маледикт, устраиваясь на изысканном изогнутом диванчике для двоих. — Янус увивался за Амарантой; ко мне пристала Мирабель и попыталась напоить ужасным чаем.

Джилли небрежным движением захлопнул книгу, надеясь отвлечь внимание Маледикта от названия. Впрочем, поразмыс-

лив секунду, он пришел к выводу, что сейчас юноша вовсе ничего не заметит.

— Мирабель, говоришь... Ты в порядке? У тебя испуганный вид.

— Я не трус, — вспыхнул Маледикт и заговорил отрывисто, будто выплевывая слова: — По крайней мере раньше меня в трусости не подозревали. Но что-то было не так. Мирабель... изменилась. У нее в глазах тень.

— Тень, — повторил Джилли; сердце замерло у него в груди.

— Я понимаю, это как-то нарочито, — продолжал Маледикт. — Но клянусь тебе... Нет, больше не стану об этом думать.

Джилли поежился, размышляя о других глазах — слишком часто отражающих тень.

— Мэл, ты пил чай, который она тебе дала?

— Нет, — ответил Маледикт, повернувшись в кресле и теребя пуговицы на обивке. — Я знаю, что нет правила, которое запрещает отказываться от чая, так что не надо смотреть на меня так хмуро.

— Чай мог быть отравлен, — предположил Джилли. — Ми-рабель достаточно сильно тебя ненавидит, чтобы пойти на такое.

Маледикт перестал терзать кресло.

— Искренне надеюсь, что так оно и было. Когда я отказался, она сама его выпила. Может, покончила с собой?

— Или наконец нашла себя... Тень и яд. Мэл... Ты сказал, что она изменилась. Она могла воззвать за помощью к Ани, как ты?

— Я никогда к Ней не зывал, — отрезал Маледикт. — Что же касается Мирабель, которая искала Ани... — Он встал, стиснув подлокотники кресла, и заговорил более нервно: — Все твои чертовы книги. Ты всюду видишь Ее руку, когда очевидно, что я просто сбежал от Мирабель, как перепуганный ребенок, решив, что она вошьет мне в горло отраву.

Джилли схватил Маледикта за плечи, прерывая его беспокойное кружение по комнате. В глазах юноши мелькнуло что-то, похожее на отражение темных перьев. Маледикт дернулся.

— Отпусти меня.

— Говорят, что Ани защищает от отравления тех, кто Ей молится, — проговорил Джилли. — Даже если бы ты выпил...

— Ты, может, забыл, как «каменная глотка» изменила мой голос? Ты, Джилли, просто сказок начитался.

— Но ведь это случилось прежде, чем ты скрепил сделку с Ней. Прежде, чем убил Критоса.

Маледикт ответил:

— Единственный дар, которого удостаивает Ани, — это наложенное Ею заклятие решимости и одержимости. И хватитглупостей.

— А как же меч? — спросил Джилли, наблюдая за Маледиктом — тот доставал клинок из-за дивана, куда по настоянию Януса положил его перед выходом. — Меч-то тебе Ани дала. Что Она могла дать Мирабель?

— Джилли! — вскрикнул Маледикт. — Ты пытаешься заставить меня бояться Мирабель меньше или больше?

Джилли сел, и книга под ним зашуршала. Внимание Маледикта переключилось мгновенно, как у кошки.

— Что это? Очередной трактат о мертвых богах?

— Да, — сознался Джилли, вытаскивая книгу и выкладывая на пол между ними. — Кстати, написанный мужем Мирабель.

— Надо бы распорядиться сечь ее, — заметил Маледикт, изучая кричащую обложку. Лицо его выражало одновременно страх и презрение.

— Ты дал мне деньги, на которые я купил эту книгу. Полагаю, она твоя. Как и все остальное, включая меня.

— Нет. — Маледикт повернулся к другу, и тени слетели с его лица. — Деньги, которые я тебе дал, были лишь твоей долей.

— За соучастие в убийстве, — проворчал Джилли.

Маледикт коснулся щеки друга и сказал:

— Не волнуйся, милый Джилли. А если уж тебе так хочется, побеспокойся лучше о том, чем бы развлечь меня до возвращения Януса.

От привычного капризного голоса Маледикта у Джилли даже поднялось настроение. По крайней мере он убедил себя в этом,

стараясь позабыть о прикосновении и случайном трогательном обращении «милый».

— Хочешь научиться играть на спинете?

— Нет, — сказал Маледикт. — А ты умеешь играть?

— Ворнатти заставлял меня брать уроки, когда думал, что ему было бы приятно иметь под рукой личного музыканта. А потом решил, что музыка его не развлекает.

— Тогда сыграй для меня. У тебя это наверняка получится не хуже, чем у того юного дарования при дворе.

Джилли сел к инструменту, но смущенно заерзал на стуле.

— Прекрати пялиться мне в спину. Не многовато ли — играть и одновременно выделять перед тобой трюки?

Маледикт подошел к скамье, на которой устроился Джилли.

— Погоди, дай я тоже сяду. Тогда ты не станешь принимать меня за строгого слушателя.

Джилли поставил руки на клавиши и пробежал пальцами гамму. Ноты вибрировали в воздухе, растягиваясь, когда звучали расстроенные струны.

— Ворнатти сказал, что мои руки слишком велики для клавиш. Он был прав.

— Не кокетничай, — сказал Маледикт. — Я обнаружил у тебя один-единственный изъян, а ты все портишь, находя разумные оправдания. Просто играй, Джилли.

Джилли хотел было возразить — и потерялся в вихре черных кудрей, закрывших шею и щеку Маледикта. Забыв о гаммах, он откинул волосы с лица юноши.

— Джилли, ты собираешься играть на инструменте? — раздался с порога голос Януса. — Или ты вместо этого изображаешь модного учителя музыки? — Ощувив явное недовольство в голосе Януса, Джилли встал, оставив Маледикта одного на скамье.

— Я слышал, тебе удалось пообщаться с Амарантой Лавси, — сказал Джилли. За его спиной Маледикт наугад нажимал на клавиши.

Янус с тяжким вздохом наконец шагнул в комнату и упал в кресло.

— Ну и ведьма. Несмотря на весь энтузиазм матери, Амаранта дала понять, что единственная причина, по которой она согласится хотя бы взглянуть на меня, — ее желание обладать Ластрестом. Вся ее красота не может замаскировать ее жадности.

— Выбери другую девушку, — предложил Маледикт, по-прежнему не поднимая головы от клавиш и добавляя в атмосферу комнаты дрожащего диссонанса.

— Какая еще жена может с такой легкостью обеспечить мне поддержку советника? Лилия Де Герр уже замужем и родила наследника, а у Вестфолла нет детей. Нет, я женюсь на этой суке и брошу ее в загородном доме, которым она так восхищается. — Янус встал, оттолкнувшись руками от подлокотников, и прошелся между Джилли и Маледиктом.

— Я думал, что в Ластресте будем жить мы, — проговорил Маледикт, не отрывая глаз от клавишей.

— Будете, только потерпите немножко. Так много графинь в роду Ласта умирало в родах, что мы сможем подстроить очередную трагедию, не вызвав особого подозрения. — Янус поцеловал Маледикта в склоненную голову и, стащив его со скамьи, поставил на невысокую сцену. — Что же до нынешнего положения вещей, родители Амаранты будут склонять ее принять мои ухаживания, потом мы прикончим моего отца, и ты сам не заметишь, как окажешься в постели с графом.

Маледикт улыбнулся.

— Ты ненавидишь ее.

— Ужасно. Успокой свое сердце. — Янус поцеловал Маледикта в шею. — Джилли, сыграй нам вальс.

— Пожалуйста, — добавил Маледикт.

Джилли забарабанил по клавишам мелодию вальса, не обращая внимания на фальшь расстроенного спинета.

Янус и Маледикт мгновение повозились, перекладывая и перехватывая руки, пока Янус, смеясь, не сказал:

— Хватит пытаться вести, Мэл! — Голос его зазвучал громче, выводя мелодию, разнося по комнате теплое, нежное мурлыканье. Маледикт обмяк в его руках.

Когда вальс закончился, Маледикт попросил:

— Сыграй что-нибудь еще, Джилли. Что-нибудь, не требующее хорошо настроенного инструмента.

— Проще простого, — отозвался Джилли, роясь в памяти в поисках джиги, которую можно сыграть одиночными нотами.

Янус перехватил руку Маледикта, и тот рассмеялся; и вот они уже скакали словно дети, схватив друг друга за запястья, тянули и раскручивали, пока на смену танцу не пришло головокружение и смех, а голос Маледикта не перехватила старая удавка «каменной глотки». Тут Янус споткнулся о меч и выругался.

— Чертова штукавина. Довольно, Джилли.

Янус, хромая, добрался до края сцены и сел.

— Зачем ты носишь его дома?

— Мне нравится, — сказал Маледикт.

— Дикарские вкусы, мой темный рыцарь, — заметил Янус, потирая голень.

Маледикт вернулся к Джилли, пытливыми пальцами дотронулся до клавиш.

— В самом деле нужно пригласить настройщика. — Он дернул Джилли за волосы. — Можем даже нанять учителя.

Джилли рассмеялся.

— Таким образом ты тонко намекаешь, что я ужасный пианист? Я не привык к столь деликатному обхождению с твоей стороны.

— Вернее будет сказать, лучше, чем некоторые, хуже многих, — продолжил Маледикт. — Это не займет уйму времени, поскольку ты достигал совершенства во всем остальном, за что бы ни взялся. — Он сел на пол, подтянув колени к подбородку.

— Комплимент и укол одновременно — достойно аплодисментов, — заметил Джилли.

— Джилли, не слишком поспешным будет пригласить Лавси в Ластрест, как ты считаешь? — спросил Янус, прерывая их шутиливую болтовню. — Я намерен сделать это завтра.

— Неожиданно, но допустимо, — ответил Джилли. — Они наверняка знают о распоряжении Ариса насчет твоей женитьбы.

— Сколько времени тебя не будет? — спросил Маледикт. Его веселье исчезло, словно песок, унесенный ветром.

— Обычный визит занимает две недели, — сообщил Джилли. — Прибавь время на путешествие в нагруженных багажом каретах и остановки, на которых настаивают благородные дамы. Итого, три недели.

Маледикт молчал, по-мальчишески свернувшись на полу в клубочек. Янус опустил перед ним на колено.

— Мэл?

— Я с тобой, — едва слышно прошептал Маледикт, как будто сам осознавал невозможность того, о чем говорил. Джилли уловил, как его дыхание участилось; он понимал, что это решение застало юношу врасплох. Маледикту придется отпустить от себя Януса, но позволит ли он этому случиться, гадал Джилли, глядя на искаженное страданием лицо друга.

— На подготовку уйдет время. Во-первых, я должен уведомить о визите прислугу в Ластресте и отца; во-вторых, эта свояченица может потребовать неделю на сборы, — проговорил Янус, целуя темные кудри. Он развернул Маледикта лицом к себе и поцеловал в сжатые губы. — Но я не могу привезти тебя, пока ухаживаю за ней. Ради титула, обеспечивающего такую близость к короне, герцог и герцогиня, похоже, готовы закрыть на тебя глаза, однако сделать это гораздо проще, когда тебя нет рядом.

Вдруг оказалось, что Янус смотрит уже не на Маледикта, а на Джилли, причем с выражением, весьма близким к ненависти.

— Джилли будет здесь. Он может развлекать тебя историями и плохой игрой на спинете, смешить тебя. Я вернусь, как только смогу. Крысы его знают, любовь моя, сколько я выдержу в разлуке с тобой, — быть может, сбегу оттуда через неделю.

Трепет Маледикта передался Янусу. В дрожании их тел Джилли видел их прошлое, ту боль, что почувствовал Маледикт, когда у него похитили Януса. Джилли словно стал меньше, незначительнее от осознания этой боли; все его неуместные потребности уже не имели значения. Он чувствовал себя лишь непрошеным гостем в их жизни. Это Янусу выпало утешать Маледикта, тогда как Джилли беспокойно ерзал на скамейке.

21

Джилли вышел из дома, желая прояснить мысли, и окунулся в прохладу вечера; неожиданно для себя он обнаружил, что идет знакомым путем по направлению к городу. На улице Сибаритов он свернул к борделю, над входом которого был нарисован корабль. Поскольку там обслуживали моряков, Джилли ходил в этот бордель не только за плотскими удовольствиями, но и за новыми историями о Приисках (о Приисках Джилли любил помечтать). Однако сегодня он миновал бар, откуда доносился хохот пьяных матросов, и поднялся наверх. Постучал в закрытую дверь. Это была одна из тех ночей, которые Джилли обычно проводил у нее, но никогда не сообщал о своем приходе заранее. Джилли уже подумал было, что у нее клиент, но тут дверь распахнулась. На пороге стояла Лизетта; зевнув, она откинула с лица рыжие волосы.

— Джилли, а я думала, ты не придешь. — Она поцеловала его в губы. Он упал в ее объятия.

— Что-то у тебя грустный вид, — заметила Лизетта, взяла Джилли за руку и провела в комнату. — Это твоя любовь не дает тебе покоя?

— Вовсе не моя, — отозвался Джилли. — И никогда не была моей. Есть другой человек. — Он поцеловал ее в шею и погладил плечи, скрытые шелком рубашки.

Отстранившись, Лизетта принялась зажигать свечи у кровати, пока Джилли выкладывал на туалетный столик луны. — Ну, тогда она совсем дурочка. Ты такой милый, добрый и щедрый.

У Джилли потеплело на душе от ее слов, пусть за них было заплачено серебром.

— Мой работодатель и так пользуется всеми этими качествами, не нуждаясь в моей любви.

Лизетта чуть отодвинулась.

— Твой хозяин — тот самый вельможа, да? А зачем тебе такой, как он?

— Не знал, что ты следишь за событиями, что происходят при дворе, — сказал Джилли, устраиваясь на простынях. Он дополнял за то, чтобы в его ночи постель перестилали, и Лизетта

хорошо усвоила, что Джилли любит только что выстиранное белье, пахнущее лишь утюгом и слегка — ее духами.

— Не за событиями, Джилли. Только за тобой. Однажды я видела твоего нынешнего хозяина. Ну, издалека и все такое. Он держится так, будто считает себя королем. Впрочем, довольно миловиден даже для девушки.

— Поосторожнее, — предупредил Джилли. — Он не раздумывая хватается за клинок и не терпит, когда его называют девушкой. Несмотря на предпочтения в любви.

— Вот как? А знаешь, он был бы неважной девчонкой. Слишком костлявой. Не то что я. — Она положила руку Джилли на свою пышную грудь. Джилли склонился в поцелуе.

— Лизетта, — промурлыкал он.

— Вот так-то лучше, Джилли, мой мальчик. Не растрачивай понапрасну мысли на таких, как он.

Джилли остановил Лизетту, поймав ее губы своими, а она принялась щекотать его бока, пока он не расхохотался. Она перекатила его на спину и стала ласкать прикосновениями длинных волос, и наконец он с рыком запустил пальцы в ее локоны, привлекая ее к себе, сливаясь с ее телом и думая: да, Лизетта права. Это было так просто. Так легко. Это было так радостно и тепло, и тени в комнате зарождались от неверного пламени свечей, а не от гнева невидимых богов. Но Джилли не закрывал глаз, чтобы в забытьи ему, вместо теплой, пышной, податливой Лизетты не пригляделся угловатый силуэт Маледикта, столь часто посещавший его грезы.

Когда все закончилось, Джилли выскользнул из постели: он было уснул, но внутренний голос принялся нашептывать, что во сне снова явится Чернокрылая Ани — и Джилли внял внутреннему голосу. Лучше уж было вовсе не засыпать. Джилли растворился в ночи. Он пробирался домой закоулками и наткнулся на Особый отряд Эхо: солдаты расталкивали пьяницу, что спал мертвецким сном возле фонтана.

Мимоходом окинув пьяницу взглядом, Джилли замедлил шаг, потом вернулся и выкупил бедолагу за несколько монет. Немилосердно встряхнув оборванца, Джилли стал водить его взад и вперед по площади, пока тот не простонал:

— В камере по крайней мере я мог бы отдохнуть.

— Я лишь пытаюсь помочь, — объяснил Джилли.

— Помочь? Тогда купи мне выпить, — попросил медиум, нетвердой походкой направляясь к ближайшей пивной. Джилли помешкал, но все же последовал за ним; он слышал, что говорил старик, видел его взгляд, когда он узнал в Маледикте Ани; быть может, только он мог дать Джилли ответ, которого не давали ни книги, ни пергаменты.

Джилли сел напротив, морщась от запаха прокисшего рагу и перегара. Медиум вздохнул.

— Ты — слуга из особняка на Дав-стрит, верно?

— Верно, — кивнул Джилли. — А тебя как зовут, медиум?

— Нет, я больше не медиум, — отозвался старик. — Я перестал выкрикивать истину городу глухих и забывающих. Я присоединюсь к ним в их добровольном забвении.

— Мне нужен твой совет. — Джилли махнул девушке за стойкой, когда медиум сделал попытку сбежать. Она принесла две кружки эля, и старик вернулся на место.

— Никто не прислушивается, — сказал он, поднимая кружку и наполовину опустошая одним глотком.

— Я прислушиваюсь. Это моя работа, — проговорил Джилли.

— И моя... была когда-то, — вздохнул медиум. — Я говорил за богов, пропускал их слова через себя, пока из ушей не начинала идти кровь. А теперь... теперь я забыт вместе с ними. Ты — ты понимаешь, на что это было похоже? Я был как ребенок, вынужденный слушать, как дерутся родители. Месяцы и месяцы беспрестанного раздора — лишь видения, в которых боги бились друг с другом. Одни медиумы умирали во сне. Другие — их было большинство — бежали снов и сходили с ума. А потом наступила тишина — блаженная тишина, лишившая наши жизни смысла. Нам только одно осталось — нести людям прощальное послание Баксита. На Ксипосе нас забросали камнями. В Итарусе Григор собрал всех медиумов вместе — больных, безумных, отчаявшихся — и бросил в ледяное море. Потому теперь, когда боги подают признаки жизни, некому их услышать...

Медиум умолк, поставил кружку и глянул на Джилли.

— Я слышу, — проговорил Джилли дрожащим голосом.

— Ты слышишь. Но тогда ты должен оказаться одним из нас. Я читаю по твоему лицу. Тебе снятся гробницы, парень? Гробницы, чьи обитатели лежат во сне, но не в покое?

Джилли сделал большой глоток прокисшего эля и сказал:

— Да, снятся.

Медиум оттолкнул пустую кружку и, увидев, что Джилли собирается опять подозвать девушку, устало покачал головой.

— И что ты хочешь узнать?

— Они не умерли, ведь так? — спросил Джилли.

— Они боги, а боги бессмертны, — ответил медиум. — Они лишь отдаляются. Впрямь ли ты хотел задать именно этот вопрос, ибо, полагаю, ты уже знал на него ответ.

— Мне нужно знать, как расторгнуть сделку между Чернокрылой Ани и Ее последователем.

Медиум разинул рот, а потом сказал:

— Она богиня, и сделка с Ней означает больше, чем способен вообразить простой смертный. Единственная возможность спастись — это выполнить условия. Ах, возможно, тебе удастся отвлечь Ее чарами, обратившись за помощью к Бакситу — силе, Ей противостоящей; но даже если Он оторвется от Своего праздного существования, ты выиграешь лишь несколько мгновений. Это не изменит Ее волю.

— И ничего нельзя сделать? — с нескрываемым отчаянием выкрикнул Джилли. Он и сам до сих пор не осознавал, как сильно надеялся на то, что отыщет другой выход, пока не услышал иронии в словах медиума.

— Если ты в самом деле печешься о своем друге, помоги ему добиться Ее кровавой цели и положить конец Сделке.

— Он умрет, — проговорил Джилли. — Я не могу позволить...

— Умрет? — переспросил медиум. — Ты начитался «Отмщений», принадлежащих перу Грейла — известного распространителя сенсаций. А Грейл очень любит напустить туману и не скупится на кровавые подробности, чтобы показать свою ученость.

— Значит, он выживет? — спросил Джилли с невероятным облегчением.

— Чем быстрее он будет действовать, тем больше у него шансов. Однако сделка с Ани требует своих жертв. Она приносит дары. Грейл наверняка поведал о них, сильно сгустив краски — ему вообще это свойственно. Но Она и забирает. Однажды я навещал женщину, которую держат в сумасшедшем доме за городом. Много лет назад она в подвенечном платье вскарабкалась в оружейную башню с кинжалом в руке. Она должна была непременно упасть, но не упала. Она убила мужа, который поджидал там свою любовницу. Но после этого она обезумела, и сейчас разумом равна малому ребенку. Стихия Ани — интуиция и эмоции, насилие и страсть, но не здравый смысл. Лишив Элизанду разума, Ани, по-моему проявила доброту. Иные, отомстив, кончали самоубийством, будучи не в силах перенести раскаяние и скорбь. Ани питается торжеством первой минуты таких несчастных, им же не оставляет ничего. Можешь помогать или не помогать своему мальчику, можешь заботиться о нем после — только не жди, что он останется прежним.

— Ведь должен быть какой-то способ бороться! — выкрикнул Джилли.

— Его нет, — отрезал медиум. — Не относись к богам как к людям. — Он схватил эль Джилли и принялся пить жадными глотками, а тот сидел, молчаливый и подавленный. Медиум сказал:

— Парень, я хочу предупредить тебя еще об одной опасности. Я несколько раз видел, как совершались сделки, но никогда не видел, чтобы Ее тень завладела сознанием жертвы полностью, как в случае с твоим хозяином. Грейл, несмотря на всю его страсть к дешевым эффектам, прав в одном. Последователь определенного сорта, с непреклонной волей, свирепым характером, умный, способен позволить Ей проявиться, сотворив Ее Воплощение, некое смещение бога и человека. Создание, которое способно уничтожить весь город.

Большинство детей Ани испытывают голод и убивают, завершая сделку, прежде чем возникнет такая опасность. Но чем дольше они медлят, тем больше Себя вкладывает в них Ани, тем богаче Ее дары: невосприимчивость к ядам и ранам, колдовство. И, наконец, способность к перевоплощению. Если твой хозяин так силен,

как подсказывают мои опасения, ты потеряешь не только его, но, вполне возможно, и близких тебе людей, и собственную жизнь.

Джилли кинулся прочь от взгляда выцветших глаз старика к спокойствию темной воды в ночной гавани, размышляя над возможностью побега. Однако его паника отступила при воспоминании о темных глазах, о губах, тронутых грустной улыбкой. Когда прожилками серого и желтого по морю начала разливаться заря, он побрел назад — к Дав-стрит и Маледикту.

Когда Джилли вернулся через кухонную дверь, дом еще спал. Солнце едва поднялось, и даже кухарка только-только проснулась и заваривала чай, а при появлении Джилли подпрыгнула от неожиданности. Чайник с грохотом рухнул с плиты.

— Прости, — извинился Джилли, на лету подхватывая чайник.

— Это что же за манера такая — подкрадываться? — укорила кухарка. — Где ты был, мальчик мой Джилли?

— Гулял. — Кухарка, больше ни о чем не спрашивая, налила ему чай. Джилли взял кружку и, осушив ее одним обжигающим глотком, перевернул.

Не то что бы он хотел это видеть, но после разговора с медиумом вовсе не удивился, обнаружив, что чаинки снова сложились в единственно возможный рисунок: виселицу. Джилли пробрал озноб, хотя в кухне было тепло и уютно. Пока мечь Маледикта не осуществится, он будет видеть одни лишь виселицы. Теперь он знал это. Приближалась очередная смерть? «Пусть он убьет Ласта, — пожелал Джилли, — и положит всему конец».

— Ты слишком здравомыслящий парень, чтобы верить в такую чепуху, — заметила кухарка, смахивая чаинки тряпкой.

— Спасибо за чай, — сказал Джилли, прерывая ее ворчание.

Свет мелькнул по краю библиотечной двери, бросил слабый золотистый лучик в темный, устланный коврами холл, и Джилли помедлил, прежде чем отворить дверь.

— Маледикт?

— Будь любезен, подойди и взгляни на это, — попросил склонившийся над письменным столом Маледикт. — Поверенный Ворнатти, Беллингтон, принес его вчера вечером после твоего ухода. Просил денег. Я не привык платить за информацию, Джилли, потому дал Беллингтону, что он потребовал, не торгуясь. Если ты

собираешься отсутствовать ночами, научи меня, как быть в таких случаях. — Маледикт смотрел на Джилли с легким укором.

— Сколько ты ему заплатил? — спросил Джилли.

— Десять лун, — отвечал Маледикт.

Джилли поморщился.

— О, тогда он вернется. Надеюсь, информация того стоит.

Маледикт убрал руку с листа писчей бумаги, и тот снова скрутился в трубку.

— Это от шпионов Ворнатти за границей. Тех, что сообщили нам о возвращении Януса. Прочти, Джилли.

Джилли прочел, с трудом разбирая убористый почерк.

— У племянника Ворнатти Данталиона есть агент в Антире?

— Предположительно его поверенный. Мы с Янусом в растерянности: что это может значить: нам известно о его пребывании в королевстве, однако он до сих пор не сделал попытки оспорить завещание, которое лишило его клиента части наследства. О нем вообще никто ничего не слышал.

Джилли сел; его нервы были натянуты, как пружины.

— Джилли, как можно назвать поверенного, который скрывается от закона, держится в тени и вынюхивает? — спросил Маледикт, не сводя с друга черных глаз. — Мне пришли на ум два слова.

— Наемный убийца, — выдохнул Джилли. — Мэл, ты должен быть осторожен. Итарусинский лорд уже сам по себе опасный враг; а Данталион еще и закадычный друг Ласта, потому наверняка знает о нас больше, чем следует. Мы в опасности. Ласт мог рассказать ему, куда ты ходишь и как любишь проводить время.

Маледикт взорвался:

— Что же мне, запереться в четырех стенах? Я не хочу становиться узником — я слишком дорого заплатил за свободу.

Маледикт устал: Джилли понял это по унылому изгибу рта, по бледной коже.

— Мы найдем собственных агентов, чтобы найти этого человека. Как только мы отыщем его, он перестанет представлять угрозу. Убийцам удаются дела, лишь когда они действуют тайно, и Данталиону придется придумать другой способ возмещать убытки, — сказал Джилли, беря в руки письмо. — Я всюду разошел гонцов, а ты — ты ложись спать.

— Я мог бы скользнуть в его объятия и оставаться там вечно, если бы на нас не вели охоту, — проговорил Маледикт. — Я знаю, какой путь выбрал, и все же меня уязвляет то, что за своей спиной я оставляю лишь врагов. Даже когда устал от битвы.

— У тебя хватает врагов, но есть и союзники — Янус, я, даже король. — Джилли потянул Маледикта за руку, поднимая с кресла. — Все будет хорошо, а как же иначе? Разве ты не бич двора и не ужас Ласта? — Он обхватил лицо Маледикта ладонями и, набравшись смелости, поцеловал его в лоб. — Иди спать.

Маледикт потерял щекой о ладонь Джилли, словно довольный кот, потом, внезапно напрягшись, высвободился.

— Думаю, ты прав: найти того человека — всё равно, что убить его. Потому что я так и собираюсь сделать. Мне некогда отвлекаться на глупости Данталиона. Мне нужно убить графа — и создать графа. К счастью, хоть я могу утомиться, Ани не знает усталости, и Ее клинок всегда остер, — с внезапным напором энергии и гневным блеском в черных глазах объявил Маледикт.

Джилли, снова ощущая холод внутри, смотрел вслед Маледикту и размышлял о виселицах и пролитой крови.

22

Действие порошка «неподвижное сердце», обычно использующегося в военной хирургии, в лучшем случае непредсказуемо. Общеизвестно, что правильную дозу весьма трудно рассчитать, и многие хирурги по окончании своих трудов обнаруживали, что мертвенное спокойствие их пациентов на самом деле и есть смерть.

София Григорнан (?). Тракта́т ле́ди

Уже наступил вечер — самое время для выхода в свет, а Маледикт и Янус по-прежнему сидели в домашней библиотеке, храня угрюмое молчание.

Было слышно, как в столовой прислуга накрывает на стол к их последнему совместному ужину. Не говоря ни слова, Маледикт встал со своего кресла и забрался к Янусу на колени. Янус привлек его ближе, утопив подбородок в темных распушенных кудрях.

— Сэр, — вошел новый дворецкий, — вас хочет видеть поверенный.

— Джилли сказал, что Беллингтон вернется. Но чтобы так быстро? Видимо, я ему впрямь сильно переплатил.

Дворецкий кашлянул.

— Это не Беллингтон, сэр, а другой джентльмен, и, судя по покрою камзола, иностранец. Проводить его к вам?

— Почему бы и нет? — Маледикт поднялся, оттолкнувшись от груди Януса. — Возможно, он слышал, что я его разыскиваю, и решил избавить меня от лишних хлопот. — Маледикт взял меч и препоясался, готовый в любой момент пустить оружие в ход. — Впрочем, проводи его в столовую. Не вижу причин откладывать ужин.

Янус заволновался:

— Не нравится мне, что он к нам заявился. Ведь это противоречит его обязанностям.

— Никогда не отталкивай удачу, — отозвался Маледикт. — Однако я согласен, он, должно быть, весьма самоуверенный джентльмен.

Незнакомец ждал в столовой. Это был тот самый худощавый человек, которого Маледикт встретил в парке. Тот, что смеялся над ним. Настроение у Маледикта испортилось.

— Маледикт и лорд Ласт, если не ошибаюсь? Какая любезность с вашей стороны — принять меня.

— Какая угодливость с вашей стороны — посетить нас, — ответил Маледикт, слегка ошеломленный тем, что осторожный взгляд мужчины был прикован не к нему и его мечу, а к Янусу.

— Сначала я хотел бы выполнить поручение, — сказал худощавый, — однако, едва с ним будет покончено, я вспомню, как мало платит мне Данталион. — Худощавый без приглашения уселся за стол, неспешно выложил перед собой пистолет, как неожиданное дополнение к столовому прибору, и предупредил: —

Он заряжен — и дотянуться до него легче, чем до вашего клинка. Впрочем, держите меч в ножнах — и все будет в порядке.

— Вы хотите от меня денег? — спросил Маледикт. — Как бедный родственник, явившийся побираться?

— У вас нет родственников, — сказал поверенный. — Если, конечно, не считать шлюхи в Развалинах. Данталион предпочел не оспаривать завещание в открытую — не с Иксионом; кое-кто поговаривает, что сам Арис по вам сохнет. Так что я отправился на поиски рычагов влияния и нашел такой чудесный, что вы просто не поверите, даже теперь.

Маледикт сел за стол и подался вперед.

— Так расскажите.

— Только после того, как сядет Иксион, — отвечал поверенный. — Мне известна репутация королевского племянника, и я не желаю, чтобы его пальцы сомкнулись на моей глотке. Сомневаюсь, что вы будете платить мне содержание, если мне придется пристрелить его.

Маледикт судорожно выдохнул, а когда сделал вдох, вместе с воздухом его легкие наполнил чистый гнев — холодный, пахнущий перьями.

— До сих пор вы не сказали ничего, стоящего хотя бы медяка. — Он налил в бокал вина и уселся, зажав меч между колен.

— Я стал искать информацию об этом черноволосом юноше из Развалин и ничего не нашел. Как будто он и не существовал вовсе. Однако мне рассказывали о Янусе. Я быстро разговорил крысу по имени Роуч — знаете такого? Полезный парнишка, жадный до денег и не особенно щепетильный в вопросах нравственности. Он согласился быть гондом и разнести кое-какие из моих писем, если я не вернусь сегодня вечером. — Поверенный потянулся к кубку. — Не позволите ли мне утолить жажду, сэр Маледикт?

Пока Маледикт наполнял бокал, поверенный не отрываясь смотрел на его руки.

— Так вы меня слушаете?

— Роуч — лжец, — сказал Янус.

— Только очень неосмотрительный. Он сказал мне, что Миранда мертва. И я не придавал этому значения, пока не увидел вас в парке, Маледикт.

Маледикт вздрогнул, потрясенный до глубины души звуком собственного имени.

Поверенный рассмеялся.

— Я просто не мог поверить: ты была прямо там, в толпе слепцов! Никто не дает себе труда заглянуть за привычный фасад. Никто, кроме меня. Так скажи мне, девочка, что мне теперь делать? Сообщить Данталиону, что завещание недействительно, или ничего не сообщать и предоставить тебе возможность обо мне позаботиться?

— Я убью тебя, — яростно прорычал Маледикт, едва не дрожа от гнева. Он постарался обуздать свои эмоции. Убийство в благородном доме требовало сосредоточенных усилий и тщательного планирования.

— Ты всего-навсего девчонка, и я не подпущу твоего любовника к себе слишком близко.

Постучавшись, вошел Джилли.

— Мэл, кухарка готова подавать на стол. — Он остановился, изучая незнакомца. — Мэл, кто это?

— Поверенный Данталиона, пришел нас шантажировать. Не вижу причин, почему бы ему не остаться, если только он отдает себе отчет в том, что обсуждение дел за обедом — смертельная обида. — Мысли Маледикта скакали, просчитывая риски против рисков, разоблачение против вероятности, что убийца опять исчезнет.

— Это ваш дом, сэр, — заметил поверенный. — Однако, боюсь, я занял чужое место — ведь стол накрыт на три персоны.

— Я поем на кухне, — сказал Джилли.

— Думаю, не стоит, — проговорил поверенный. — Я не стану есть — вдруг вы вздумали меня отравить. Подойди, сядь рядом и попробуй из моей тарелки.

Маледикт опустил голову, стараясь скрыть внезапно нахлынувшее чувство досады. Он желал этому человеку смерти — желал так сильно, что, подстегиваемый Ани, был готов пойти на любой риск. Маледикт встретился взглядом с Янусом, прочел в его глазах, что поверенного можно убить, прежде чем он нанесет больше одного ранения кому-нибудь из них. Но слуги были за стеной, а тайны хранить так непросто. Лучше всего, если этот

негодяй умрет молча и быстро. Если уж он не доверяет им в отношении еды, то и они не имеют права верить, что, покинув их дом, он сдержит слово.

Маледикт опустил ладонь на рукоять меча: поверенный проследил за его движением, сузив глаза. Смерть принесет не клинок; этот негодяй осторожнее, чем кажется, самоуверенность — только маска.

— Что у нас на ужин, Джили? — спросил Маледикт, растягивая время и размышляя о возможности применения яда, столь любимого в Итарусе. Однако все зелья хранились в комнате наверху.

— Устрицы, прямо с рынка.

Маледикт откинулся на спинку кресла, пока лакеи подавали блюда, и пристально наблюдал за поверенным, пытаясь определить: всегда ли тот так осторожен и сосредоточен на оружии — или же есть более серьезный повод для беспокойства. Юноша взял устрицу, пробуя пальцем острый, зазубренный край ее раковины.

— Джили, не так ли? — позвал поверенный. — Разрешаю тебе попробовать первым.

— Поздно, — проговорил Маледикт, бросая на тарелку опустевшую раковину. — Джили, они хороши.

— Это тебе так кажется, — возразил Янус, ковыряя свою устрицу с нескрываемым отвращением. — Если бы ты любил меня, Мэл, то не стал бы подавать их, даже несмотря на то, что Арис ввел запрет на импорт продуктов. Я видел гавани, где их вылавливают. Там такая отвратительная вода!

— Цены на продукты просто нелепы. Итарус получает львиную долю и оставляет нам возможность ссориться из-за жалких остатков, немислимо завышая стоимость. Аристократам стоит научиться жрать крыс, как мы когда-то. Тогда они перестанут страдать от безденежья.

— Мэл, неужели обязательно в каждом разговоре упоминать о прошлом? — рассердился Янус. — К тому же, мы никогда не ели крыс. Крысы — грязные животные!

Лицо поверенного расплылось в ухмылке.

— Трудно убедить окружающих, что принадлежишь к высшему обществу, когда им случалось видеть тебя в лохмотьях и грязи.

Янус вскочил, стиснув в руке тупой столовый нож.

Джилли передернуло. Взгляд поверенного метнулся к Янусу, даже при виде столь незначительной угрозы; рука тут же нащупала пистолет.

— Сядь, Янус. Не позволяй ему себя расстраивать. В конце концов, ты, хоть и незаконнорожденный, а по происхождению куда выше нашего... гостя, — проговорил Маледикт.

Янус кивнул.

— Ты всегда был моим голосом рассудка.

Маледикт ответил улыбкой. Вспышка гнева сослужила службу, доказав, что поверенный принимает в расчет то оружие, что направлено непосредственно на него. Ведь он отреагировал на Януса, сжимавшего тупой нож, а не на Маледикта — обладателя острого, грозного меча.

— Джилли, я наелся, а тебе пришлось делиться. Хочешь мою последнюю устрицу? — Маледикт поднялся; поверенный наблюдал за его движениями, краем глаза следя и за Янусом. Пистолет он не выпускал из рук.

— Открой рот, друг, — сказал Маледикт, присев на подлокотник кресла Джилли. — Я тебя покормлю. — В глубине души Маледикт верил, что Джилли подыграет ему; Ани расправила крылья, и чувство близкого кровопролития было столь приятно, что он улыбнулся.

Джилли открыл рот; Маледикт опрокинул устрицу.

— Вкусно?

— Да, — Джилли шевельнул бледными губами, сляясь проглотить.

Маледикт поцеловал его в лоб, на что поверенный не преминул заметить:

— Что, одного мужчины мало? А ты развратная...

Быстрый, резкий, рассекающий поцелуй в шею зазубренной ракушки заставил его потрясенно замолчать; поверенный стал нащупывать курок. Рана была неглубока; массивное тело Джилли и кресло не позволили Маледикту нанести смертельный удар. По-

веренный подался назад, зажимая рукой кровавую полосу. Маледикт замахнулся снова, прежде чем поверенный успел выстрелить: второй удар был жестче, глубже — и оказался смертельным.

Маледикт затолкал ракушку в искаженный судорогой рот поверенного, предотвращая попытку вскрикнуть, и опрокинул его вместе с креслом.

— Джилли, займись дверями, — приказал Маледикт.

Джилли очнулся от потрясения и бросился запираť двери. Янус выхватил пистолет из рук агонизирующего поверенного.

— Осторожнее с курком, — предупредил Маледикт. Они отступили; поверенный беззвучно бился в судорогах, колотя сапогами по перевернутому креслу, пока Янус не поднял его.

Джилли поднес ко рту трясущиеся руки. Потом поднял бокал Маледикта и осушил его до дна. Руки у него продолжали дрожать.

Маледикт подошел к нему и попытался обнять; Джилли отшатнулся, не в силах отвести глаз от окровавленных пальцев юноши.

— Тогда уходи. Беги, если хочешь. Только мы должны были сделать это. — Маледикт пнул тело; поверенный судорожно вздохнул. Маледикт с отвращением сморщил нос. Джилли, побледневший, бросился прочь.

Янус вернулся к столу и продолжил ковырять еду вилкой.

— Я должен поквитаться с Роучем. Нужно было действовать сразу, как только он сказал, что я тебя убил. Но я разберусь с ним, прежде чем уеду. Тут поверенный был прав. Роуч и в самом деле жаден до денег.

— Роуч был моим другом. — Маледикт взял салфетку, намочил ее в чаше для рук и стал оттирать ладони.

— Длинный язык Роуча представляет опасность. Не говоря уже о письмах. — Тон Януса сделался мягким и просящим.

— Может, Роуч уже их потерял, — предположил Маледикт. — Или пропил деньги, что ему дали на почтовые расходы. Но если ты так волнуешься, отправляйся, найди его и притащи сюда.

— Тогда будет уже двое тех, кто знает тебя, а там и еще больше — Роуч не преминет разболтать твою тайну Джилли, прислуге, сплетникам на улице.

— Мы могли бы предупредить его, чтобы он держал язык за зубами.

Впрочем, Маледикт прекрасно знал, что бесполезно рассчитывать на благоразумие Роуча. Даже ребенком он умудрялся разбалтывать информацию в самые неподходящие моменты. С тем же успехом можно было учить Эллу скромности.

— Может быть, отослать его подальше?

— Куда? — спросил Янус. — Он ремесло крысы из Развалин — и то с трудом освоил.

Маледикт закрыл глаза; сердце гулко стучало. Януса могли убить. Или Джилли — если бы пистолет случайно выстрелил.

— У нас нет времени, чтобы гоняться за ним. Не теперь. Сегодня ночью нам нужно избавиться от трупа.

— Да, не самый удачный момент, — согласился Янус. — Но придется. Перехватить письма, отобрав их у Роуча, еще возможно. Надо действовать, пока Роуч не разослал письма. Поверенный ни словом не обмолвился об адресатах. Данталион, Арис, Эхо, Ласт? Как знать, сколько их? Но с Роучем легко управиться. Ты мог бы выманить его.

— Вернуться в Развалины, подвергнуть себя опасности разоблачения? Я сегодня одного уже убил — может, пока хватит? Ведь в Развалинах без кровопролития точно не обойдется. — Вдобавок по ночам Элла выходит на заработки. Вдруг она увидит Маледикта, вдруг уловит запах Ворнатти и догадается, кем он стал? — Если тебе необходимо найти Роуча, придется делать это самому.

Двери открылись: вернулся Джилли. Он был очень бледен, зато больше не дрожал.

— Я послал дворецкого с поручением. — Его рот искривился. — Наплел, что у тебя возникло экстравагантное желание выпить абсента, невзирая на время суток. Нужно вынести тело через дверь... — Лицо Джилли снова залила восковая бледность, и Маледикт обошел вокруг стола, желая взглянуть, что так его напугало.

Янус перегнулся через стол и чертыхнулся.

— Как мы напачкали! В доме убивать — не то, что на улице, где кровь сразу впитывается в землю. И все же мертвец есть мер-

твец. Джилли, нужно отмыть пол, прежде чем кровь вьестся в него. Мэл, бери его за ноги — нет, погоди. — Янус расчистил стол, сдернул скатерть и расправил ее на полу. — Теперь давай.

Янус и Маледикт подняли тело и переложили на скатерть; Янус быстрыми, ловкими пальцами обыскал карманы поверенного, отделяя монеты от мусора, и только потом позволил Маледикту обернуть скатерть потуже. Он вручил горсть разномастных денег Джилли, который с ужасом воззрился на них, прежде чем швырнуть на стол.

— Куда? — спросил Маледикт. — На пристань, и потом — в море?

— Нет, — хрипло проговорил Джилли. — Слишком много свидетелей.

— Хотя я и ненавижу соглашаться с Джилли, он прав, — подтвердил Янус. — Порт редко засыпает, как и Развалины. Заверни его потуже, и я заберу его с собой.

Джилли не поверил своим ушам.

— Неужели ты впрямь так поступишь?

— А что еще остается делать? Похоронить на заднем дворе? Уверю тебя, его призрак не станет мне являться. — Янус нагнулся, проверяя, не просачивается ли кровь сквозь ткань.

— Джилли, оправь слуг на их половину, чтобы мы могли набрать воды в прачечной, — попросил Маледикт.

Когда слуги перестали мешаться под ногами, уборка пошла бойчее; Джилли принес воду и мыло и оттирал кровь с ковра, пока Маледикт и Янус кутали труп в дополнительные простыни. Покончив с этим, они отправились на чердак в поисках дорожного сундука подходящего размера.

Оставшись один в комнате, Джилли обнаружил, что у него снова трясутся руки, до запястий окрашенные в розоватый цвет. Он по-прежнему чувствовал сладковатую упругость устрицы в горле, сопровождавшуюся звуком судорожного, хлюпающего кровью вздоха поверенного. Джилли тут же дал себе зарок никогда никого не шантажировать.

Перед глазами у Джилли всё стоял Янус. Как легко он присвоил кошель и пистолет, с каким беспечным видом вытер перепачканные кровью пальцы о рубашку поверенного! Сравнив этих

двоих — невозмутимого Януса и напряженного, быстрого, как молния, жестокого Маледикта, Джилли не в первый раз задумался, кто из них опаснее.

Грохот сундука отвлек Джилли от размышлений.

— Вот так, — приговаривал Янус, с обманчивой легкостью поднимая тело под мышки. — Не должно пролиться ни капли. — Он затолкал тело в сундук, захлопнул крышку, поднял сундук и потащил к карете.

Джилли продолжал оттирать ковер; мокрая тряпка, окрасившаяся в розовый цвет, была уже вся в дырах.

— Джилли, довольно, — сказал Маледикт, опускаясь на колени возле друга.

— Не хочу, чтобы ты каждый раз за обедом смотрел на это пятно.

— Я заказал новый ковер, — ответил Маледикт. — В последнее время я нахожу, что этот мне и самому надоел. Хотя на нем с тем же успехом могла оказаться кровь Януса, или твоя, или моя. Тот факт, что поверенный меня недооценивал, не уменьшал исходившей от него опасности. Ты простишь меня за то, что я втянул тебя в очередное убийство?

Терзая в руках тряпку, Джилли кивнул.

— Ты сделаешь для меня сегодня еще кое-что?

— Да, — ответил Джилли; в ушах у него звенели слова Лизетты: «Зачем любить такого?» Джилли и теперь не мог ответить на этот вопрос. Его трясло от страха и тошнило, однако он встретил темный взгляд Маледикта. В голове всё перепуталось — свобода, дружба, деньги и странное волнение, и желание — противоречащее не только законам природы, но и законам здравого смысла.

— На моем счету уже три смерти, а я не подобрался к убийству графа Ласта ни на шаг ближе, чем три года назад, — тихо проговорил Маледикт. — Только вот что я скажу тебе, Джилли: независимо от того, как сложится с этой свадьбой, я прикончу Ласта зимой. Но я должен отомстить Ласту. Янус чувствует, что есть еще и другая опасность. Ты пойдешь с ним сегодня ночью? Сделаешь для него всё, что в твоих силах?

Глаза Маледикта блестели, и Джилли не мог понять, сверкают ли в них непролитые слезы — или светится предвкушение. Скомкав окровавленную тряпку, Джилли в который раз поклялся помогать Маледикту.

Джилли оглянулся, вызвав сердитый вздох Януса.

— И что ты ожидаешь увидеть? Что поверенный выбрался из сундука? Мы так с дороги съедем.

— Зачем мы потащили его с собой? — спросил Джилли.

— А ты думаешь, у Маледикта он не будет путаться под ногами? — возразил Янус. — Начнем с порта. Держу пари, мы нападём на след Роуча именно там. В последний раз, когда я его видел, он стряхивал с одежды соль. Роуч худой и смуглый, выше Мэла, только совсем не такой симпатичный.

— Несколько месяцев назад я встретил парня с таким именем, — вспомнил Джилли. — Начинаящий воришка, работает в таверне «Однорогий бык».

Ладони Януса стиснули края сиденья с такой силой, что побледнели до цвета алебаstra.

— Ты разговаривал с ним? — От голоса, тихого и звенящего тем же напряжением, что было в руках, Джилли стало не по себе.

— Так, парой слов перекинулся, — ответил он, стремясь унять этот безотчетный гнев. Янус постепенно ослаблял хватку, пальцам его возвращался обычный цвет, и Джилли сделал вывод, что правильно подбирает слова. — Роуч предложил за определенную плату вломиться к Де Геру. Я отказался.

— И всё?

— Он упоминал о тебе. Сказал, что ты научил его читать. Роуч не любит тебя. Он сказал, что ты убил свою девушку. Как ты собираешься подманить его? — спросил Джилли, цокнув языком лошадям, шарахнувшимся от пьяницы, что нетвердо брел по мостовой.

Янус вздохнул.

— Он жадный и ленивый — и, несомненно, нуждается в деньгах. Наверно, шляется где-то, коротая время в ожидании поверенного.

— Думаешь, он — шлюха? — Джилли не мог представить дикого, непокорного мальчишку на улице возле таверны в роле покладистой жрицы любви. — Слишком уж он худой.

— Шлюхи из Развалин совсем не похожи на ваших милешек, — объяснил Янус, — сидящих в золоченых комнатках и вкушающих наслаждения от своих мужчин. Шлюхи из Развалин — другие, их даже трудно принять за людей. Они и не люди. — В голосе Януса была такая горечь, что Джилли не нашелся, что сказать. — Однажды, когда мы были совсем детьми, Мэл заболел; я думал, он умрет. Он беспрестанно кашлял и трясся в такой лихорадке, что я не мог удержать его. Элла влила в него столько «Похвального», что едва не утопила к черту, потому что его стоны и дрожь отпугивали ее клиентов, которые не отличали лихорадку Развалин от чумы. Я провел ночь, держа Мэла на руках, свернувшись в клубок под кроватью и гадая, проснется ли он утром. А Элла всю ночь трахалась с моряками на этой самой кровати — они к ней в очередь стояли. Это было до того, как она поняла, что Мэл вырастет красивым. Тогда она стала заботиться о нем. Но я первый начал заботиться о нем, потому теперь он мой.

Голос Януса скрежетал — это ярость сдавливала ему горло; Джилли даже показалось, что он слышит повествование о кошмарах Развалин из уст самого Маледикта. Он продолжал молча править лошадьми; ему всегда с трудом удавалось успокоить даже Маледикта, а Янус тем более оставался для него загадкой.

Постепенно дыхание Януса сделалось ровнее, но он так и не проронил ни слова, пока они не оказались у дверей «Однорогого быка».

— Пойди и выясни, работает там Роуч, или его уже выгнали.

Джилли слез с козел и вошел в таверну. Кивнув хозяину, шмыгнул на кухню.

— Чего тебе? — спросила грузная женщина, отвлекшись от плиты, где тушила рыбу — далеко не первой свежести, и, следовательно, пересоленную. Джилли эту рыбу еще с порога учуял.

— Я ищу Роуча, — ответил Джилли.

— Он здесь больше не работает. Вообще-то он и раньше только и делал, что обчищал наших посетителей, когда они на-

пивались до чертиков и ничего не замечали. Что, и у тебя кошелек увел?

— Вроде того, — сказал Джилли.

— Попробуй пройтись по дешевым борделям. Он вроде как тренируется воровать на пьяных матросах. Рано или поздно нарвется на не того человека, и его прикончат. Если первыми его не отловят Особые нашего славного Эхо. Глупая крыса.

Джилли кивнул кухарке в знак благодарности и удалился через заднюю дверь. Он обошел таверну кругом, вглядываясь в тени. Вдруг его внимание привлек черноволосый юноша в дешевой одежде, выскочивший из дорогой кареты. Он перебрасывал луну с ладони на ладонь и посылал воздушные поцелуи вслед удаляющемуся благодетелю.

— Мэл... — выдохнул Джилли, но тут же понял свою ошибку. Юноша окинул его игривым взглядом накрашенных глаз и прошествовал в таверну.

— Не иначе, тоже отпрыск какого-нибудь итарусинского матроса, — проговорил Янус бархатным голосом, внезапно оказавшись у самого уха Джилли. — И тем не менее поразительное сходство.

Джилли подпрыгнул от неожиданности.

— Да, — согласился он.

Губы Януса тронула злорадная улыбка.

— На твоём месте я не стал бы рассказывать Мэлу, что ты принял за него ночного мотылька.

— Я же не дурак, — сказал Джилли.

Янус поднял бровь:

— Что тебе сказали в таверне?

— Что Роуч теперь взялся грабить клиентов борделей. — Джилли залез на козлы. Янус сел рядом и взял вожжи.

— Бьюсь об заклад, он даже не снимает с них обувь, — сказал Янус и пустил лошадей тряской рысью по булыжной мостовой. — Давай поскорее со всем покончим и вернемся домой. С ужасом думаю, что там учинил Маледикт на сей раз.

— Он не испытывает угрызений совести по поводу смерти поверенного и миновал самый трудный период в деле с твоей женьтибой. Что еще может вывести его из себя?

— Иногда я думаю, что для этого достаточно смениться ветру.

Они въехали на улицу Сибаритов, и Джилли повернул голову, улыбнувшись при виде знакомой двери с изображением кобра.

— Думаешь о своей девушке? — спросил Янус. — Как ее зовут?

— Неважно, — отозвался Джилли, не особенно доверяя интересу, проявленному Янусом.

Юноша продолжал править, сторонясь шлюх, расхаживавших по улице, молодых людей, подзадоривавших друг друга перед подвигами на любовном фронте, платных сплетников, что шепотом общались, где можно купить контрабандное итарусинское виски и другие запрещенные к ввозу товары. Улица постепенно погружалась во тьму ночи; Джилли приходилось внимательнее смотреть на дорогу, чтобы не наехать на кучу мусора.

— Джилли, слезай. Отправляйся на поиски. Если найдешь его, не теряй времени на болтовню, а веди сюда. Я бы сам это сделал, но ты, наверное, не пожелаешь остаться наедине с нашим сундуком.

— Нет, — сказал Джилли. Он спрыгнул с козел и отправился в темноту на поиски едва знакомого карманника. Задумчивость придавала ему несколько опьяненный вид, потому первым признаком, по которому он догадался о появлении Роуча, была худенькая рука, потянувшаяся к его кошельку, в то время как ее владелец промахнулся палкой мимо головы Джилли.

— Прекрати, — сказал Джилли, отбирая палку и с привычной ловкостью хватая тонкое запястье.

— Я помню тебя. Что тебе нужно? — Роуч обиженно потирал ушибленное запястье. — Ты так же быстро поймал меня и в тот раз.

— Информация. Я заплачу, — сказал Джилли. Он разжал кулак — на ладони серебрилась луна.

— Ну, ладно тогда, — согласился Роуч, выхватывая монетку. — Что ты хочешь узнать?

— Не я, а один мой друг. Он поэт, хочет написать стихи о Развалинах, причем такие, чтобы в них была романтика. — Джил-

ли врал и сам удивлялся, зачем он это делает. Голод в глазах Роуча и отсутствие осмотрительности говорили сами за себя. Ему было наплевать на все, кроме серебра.

— Стихи о Развалинах? Он что, тронутый? — нахмурился Роуч. — Собирается писать о крысах, ботинках и лихорадке, да?

— Нет, он не такой. Он хочет писать о Чернокрылой Ани, которая разрушила Развалины из-за любви, — объяснил Джилли, отмечая про себя, что слишком долго пробыл при дворе, раз с такой легкостью выдумал поэта. Он взял Роуча за руку.

— А сколько он заплатит? — спросил Роуч.

— Он поэт, у него нет покровителя. Так что не очень много. Быть может, пару лун. — Тут даже Роуч мог бы учуять подвох, но Джилли и раньше платил ему за какую-то ерунду — глядишь, и сейчас заплатит, а усилий никаких прилагать не придется.

— Ведь это же не займет много времени. А то сегодня у меня еще одна встреча, — сказал Роуч, следуя по пятам за Джилли.

— Отличная повозка, — заметил Роуч, когда они подошли к карете. — А у твоего друга не найдется побольше денег?

— Бумага дорогая, перья тоже, — ответил Джилли.

— Да, верно, — согласился Роуч и сменил тему. — Ну, и где твой чудак?

— Только что был здесь, — проговорил Джилли.

Вожжи были прижаты булыжником, а дверца кареты не заперта. Джилли задумался, что могло случиться: нападение и беззвучная борьба? Или Янус просто устал от ожидания?

Роуч отворил дверцу и заглянул внутрь.

— Ух ты, здорово.

Джилли поднял вожжи и, оторвав взгляд от земли, увидел Януса, выскользнувшего из тени с ножом, нацеленным на затылок Роуча. Джилли ахнул, но Роуч уже валился вперед. Янус склонился, так же быстро ударил еще раз и затолкал тело в карету.

— Да не зевай ты, прыгай и поехали! — Янус развернулся, качнув карету, подал Джилли руку. — Джилли! Давай не будем больше привлекать внимания — и так уже примелькались. Поднимайся, или я оставляю тебя здесь.

Джилли видел, как ярость кипит в узких ноздрях и голубых глазах Януса, но не мог ничего ответить. Он вспомнил отчаянную опрометчивость Роуча, его худенькую ладонь, восторг при виде кареты; все исчезло в один миг.

Янус выхватил вожжи и развернул карету.

— Последний шанс, Джилли. Ночь еще не кончилась, и я не собираюсь потратить ее на препирательства с тобой, когда меня ждут объятия Мэла. Нет? Превосходно. — Из-под колес на туфли Джилли брызнул песок и осколки гравия. Джилли смотрел вслед исчезающему вдали экипажу, потом медленно побрел к дому.

До рассвета оставалось уже недолго, когда Джилли открыл дверь и прокрался по темным комнатам. Приблизившись к лестнице, он заметил огонь — отблески плясали на узких ступенях.

— Ты знаешь, что всегда пользуешься черной лестницей, когда расстроен?

Маледикт до сих пор был одет, как на ужине. На манжетах виднелись темные пятна крови.

— Ты знал, что Янус собирается убить Роуча, когда послал меня с ним? — дрожащим голосом спросил Джилли. Дрожь передалась ногам, и Джилли опустился на ступеньку чуть пониже Маледикта.

— Да, — сказал Маледикт, отводя взгляд.

— Почему? — выкрикнул Джилли. — Ведь это был просто мальчишка. Я понимаю — поверенный, Критос, даже Ворнатти. Но мальчишка...

— Он владел информацией, которую Янус считал опасным разглашать. Он мог распустить слухи не менее смертоносные, что распускает Мирабель, — проговорил Маледикт, ставя лампу на ступеньку над своей головой так, чтобы она освещала их обоих.

Джилли слушал голос Маледикта, не поднимая на него взора, не желая отвлекаться на взгляд этих темных глаз, на соблазнительный изгиб губ, на собственное вожделение.

— Ты убил поверенного. Кто еще, кроме него, додумался бы общаться с крысой? Почему было просто не заплатить ему, чтобы он убрался прочь? Или послать в море, как поступают арис-

тократы с тех пор, как существуют морские корабли и неугодные люди... — Голос Джилли оборвался.

Лампа ярко вспыхивала и потрескивала, когда в масле попались примеси; после череды маленьких взрывов Маледикт наконец заговорил:

— Тут было еще кое-что, Джилли. Я перепугался, а Янус был совершенно уверен. Он никогда не любил Роуча. С самого детства терпеть его не мог. — Маледикт отрывисто выдохнул, как будто дрожь Джилли передалась и ему.

— Больше никогда не посылай меня заманивать кого бы то ни было в смертельные ловушки, — сказал Джилли. — Я не могу. Я буду помогать тебе во всем остальном. Но пожалуйста, Мэл... не заставляй меня убивать ради тебя.

— Тише, — Маледикт уложил голову Джилли к себе на колени, откинул с его лица светлые волосы, мокрые от ночного тумана. — Я обещаю. Больше никогда. Никогда в жизни. Мне так жаль, Джилли. Мне очень жаль.

Маледикт гладил золотистую сеть волос до тех пор, пока Джилли не перестало трясти и лампа не начала тускнеть; он не замечал наблюдавшего с лестничной площадки Януса.

23

Арис стоял в холле городского особняка Вестфолла. Хозяин дома, никогда не отличавшийся сдержанностью эмоций, свойственной остальной знати, при появлении короля вскинул брови и округлил глаза. Арис кивнул и прошествовал дальше в сопровождении мастиффа и вереницы гвардейцев. Король улыбнулся: он и сам себе дивился. Вестфолл периодически устраивал послеобеденные собрания, но они проходили совсем иначе. Если гостям хотелось поразвлечься, надо было прежде скрыться от хозяина, который пользовался любой возможностью высказаться в защиту классового равенства или втянуть новую жертву в дискуссию о неизбежности наступления нового мира.

— Сир, — обратился к королю лорд Эхо, стоявший неподалеку. — Не ожидал встретить вас здесь.

— Уверен, сегодня мне предстоит еще не единожды услышать подобное удивленное высказывание. И в равной степени не сомневаюсь, что причина, по которой нас созвал Вестфолл, вызовет интерес. Мне в самом деле приятно, когда мои советники всем довольны, — проговорил Арис. Он сказал правду лишь наполювину: сам он пришел по одной-единственной причине.

— Стало быть, вы посещаете мероприятие, которое вас не очень занимает, — заметил Эхо с непринужденностью, позволятельной при долгом знакомстве.

— Меня смущают производственные вопросы, Доминик, — ответил Арис. — Как, по мнению Адама, машины, которые повышают уровень производства, помогут нам, когда проблема остается прежней: наши доходы нам не принадлежат. Не вижу смысла трудиться на благо Итаруса.

— Рано или поздно срок обязательств, наложенных при капитуляции, истечет, и наши соглашения будут считаться выполненными, — сказал Эхо.

— А пока двигатели Вестфолла будут заменять бедняков-рабочих. — Арис покачал головой. — Вы с Вестфоллом оба забываете, что страна состоит не из машин, а из людей.

— Но ведь бедняки...

Арис жестом оборвал речь Эхо.

— Прошу меня извинить. Я пришел, чтобы сделать приятное Адаму, а не выслушивать его соображения. И еще я полагаю, что вы проводите слишком много времени среди самых подлых обитателей нашего города. Это ожесточает вас, вы не способны понять, что добро существует на всех уровнях. Мое предложение все еще остается в силе. Идите ко мне в Королевскую гвардию, и я сделаю вас ее капитаном.

— Ваша гвардия, сир, не мыслящее существо, а только армия. Я предпочитаю заниматься решением проблем.

— Как пожелаете, — ответил Арис. Когда Эхо попытался последовать за ним, король покачал головой, и советник отстал. Арис беспрепятственно шел дальше, и немногочисленное собрание отвешивало ему поклоны. К королю оборачивалось столько знакомых лиц — и все же не было того единственного, которое он желал бы видеть. Он сдвинул брови при виде Мирабель, шеп-

чущей что-то на ухо Брайерли, и принялся гадать, какой еще яд она собирается разлить теперь, и не объясняется ли отсутствие Маледикта ее присутствием. Арис нетерпеливо похлопал себя по ляжке, Бейн догнал хозяина и запыхтел рядом.

Арис проскользнул в прохладные коридоры — по-прежнему в поисках Маледикта. Он надеялся чаще видеть юношу теперь, когда у него в руках были грессбухи, от которых зависела судьба короля. Пока Янус не уехал из Мюрна с Амарантой Лавси, Арис ждал, что Маледикт использует власть над счетами, чтобы заставить короля отказаться от мысли женить Януса. Быть может, Маледикт всерьез говорил, что не намерен как-то использовать грессбухи против Ариса. Королю очень хотелось верить ему, и не только ради безопасности Антира.

Наконец он отыскал Маледикта: тот изучал портрет светло-волосой женщины в фамильной галерее Вестфоллов. Юноша нахмурился и что-то тихо сказал своему слуге.

— Леди Розамунд. Мать Селии Розамунд и бабка Януса. Кажется, она приходится Вестфоллам дальней родственницей. — По мере приближения Ариса речь слуги слышалась все отчетливее.

Против обыкновения, Маледикт, похоже, не мог найти слов и смотрел на портрет с открытым ртом. Потом прикоснулся к полотну.

— Селия очень похожа на нее.

— В этом весь смысл благородного происхождения, — заметил слуга. — Аристократы на портретах различны только платьем да убором, а достигается такой эффект близкородственными браками. Не беда, что приходится порой плодить идиотов.

Гвардеец кашлянул; слуга обернулся, побледнел и опустился на колено. Улыбка Маледикта исчезла, в глазах появилась настороженность. Он положил ладонь на плечо слуги.

— Можешь встать, — разрешил Арис. — Твои рассуждения не новы, уверяю тебя. Если бы я тратил время, наказывая за них, мне некогда было бы заниматься государственными делами.

Слуга понурил голову и неуверенно поднялся.

— Можешь оставить нас, — сказал Арис. Слуга обернулся к Маледикту за разрешением, тут же одернул себя и, поклонившись, вышел.

Маледикт покачал головой.

— Теперь он будет переживать по этому поводу несколько недель. Здесь полностью моя вина. Я разрешил ему любое свободомыслие.

— Не его мысли навлекут на него беду, — возразил Арис, — а его язык.

— И все же... приятно услышать откровенные слова, — проговорил Маледикт. — Нечасто такое удовольствие выпадает. — Он повернулся спиной к стене, увешанной портретами.

— Да, — согласился Арис почти шепотом. Оказавшись возле Маледикта, он всякий раз ощущал тепло — и всякий раз ему дивился. Король откашлялся. — Должен признаться, что не ожидал встретить тебя здесь. Послеобеденные собрания у Адама известны тем, что навевают скуку.

— Тогда зачем вы их посещаете? — спросил Маледикт, нахмурившись при виде другого полотна, с изображением тучного джентльмена в мехах.

— Я попросил список приглашенных, — пояснил Арис. — И когда прочел твоё имя... — Король не без удовольствия заметил, что щеки юноши слегка порозовели.

— Ах, и что же я могу такого сказать, ради чего вы станете терпеть рассуждения об экономике или эгалитаризме? Скуднейшие рассуждения, смею заметить, — чуть сухомерно заинтересовался Маледикт.

Арис перехватил быстрый взгляд Маледикта, брошенный на гвардейца, и сменил тему.

— Я думал, ты расскажешь мне, как продвигаются ухаживания Януса. Мишель ничего не знает. А Амаранта...

— И вы спрашиваете об этом меня? — Маледикт понизил голос до оскорбленного полупшепота. — Вы полагаете, что Янус делает перерывы в ухаживании, чтобы слать мне отчеты?

— Я не знаю, что думать, — взорвался Арис. — Янус не прислал ни одной весточки. Если честно, я не ожидал, что при выборе жены он будет руководствоваться в первую очередь политическими соображениями. Я считал, что его не интересует жизнь при дворе, и тем не менее... Амаранта по меньшей мере сложная женщина.

— Зато очень красивая, — заметил Маледикт; голос его доносился как будто издалека. — И, возможно, Янус считал, что его выбор вас порадует. Ведь Амаранта — дочь советника.

— Ты возлагаешь вину за его ухаживания на меня, — заключил Арис, пораженный тягостностью своего огорчения. Но чего же еще он ждал?

— Все мы делаем то, что должны делать, — проговорил Маледикт. Тихая усталость в его голосе прозвучала для Ариса как прощение.

— И все же мне ненавистна мысль о причастности к твоему горю. Если бы только это было в моей власти — я бы удовлетворил твои желания. — Набравшись смелости, король погладил мягкие локоны на затылке юноши.

— Я не верю, что вы бы так поступили. — Губы Маледикта медленно расплылись в улыбке.

— Не веришь? — переспросил Арис. — Не поведаете ли мне, что тобой движет? Что вообще привело тебя к моему двору?

Маледикт одарил короля безжалостным взглядом сквозь темные бархатные ресницы.

— Янус.

— И только, — вздохнул Арис. Он сделал шаг назад. — Правдивы ли слухи о том, что ты знал его прежде? Что ты был...

— Крысой из Развалин? — договорил за короля Маледикт. — Боюсь, у меня не осталось уже ни одной тайны. Впрочем, если позволите, мне не хотелось бы это обсуждать. Прошлое прошло, Арис.

— Нет, — отрезал Арис. — Оно никогда не пройдет. По крайней мере оно не пройдет, пока все вокруг напоминает тебе о том, что ты сделал или потерял. — Он взял Маледикта за подбородок, большим пальцем коснулся мягких губ, наблюдая, как темные глаза становятся еще темнее. — Ошибся ли я? — прошептал он. — Ошибся ли я, когда уступил Ксипос Итарусу, чтобы спасти будущее, пожертвовав настоящим?

Маледикт рассмеялся.

— И вы спрашиваете меня? Та война случилась до моего рождения, сир.

«Он так юн?» — подумал Арис, испытывая странное облегчение оттого, что в мире есть хотя бы один человек, который не заставляет его переживать боль прошлого. Он шагнул ближе.

Маледикт бросил быстрый взгляд поверх королевского плеча.

— Он лишь мой телохранитель, — сказал Арис. — Он не в счет.

Маледикт выскользнул из объятий короля.

— Арис... как вы можете говорить здесь подобные вещи? В доме Вестфолла, где все люди равны? — Насмешка в равной мере относилась к причудам как Вестфолла, так и самого Ариса.

Тишину разорвал резкий окрик, в соседних комнатах возбужденно загудели голоса.

Гвардеец выругался. Мاستифф подскочил, наострил уши и с рычанием протиснулся между Арисом и Маледиктом. Шерсть у него на загривке встала дыбом.

— Выясни, что там, — скомандовал Арис, опуская руку на холку Бейна. — Я в полной безопасности.

В ответ на лице юноши расцвела очередная усмешка:

— Неужели вы думаете, что ваши советники и ваш брат согласятся с этим утверждением? Разве можно быть в безопасности наедине со мной?

— А почему меня должно заботить их мнение? — спросил Арис, отвечая на тон вопроса, а не на сам вопрос. Ему стало душно.

— Потому, сир, — сказал Маледикт, — что вы принадлежите им, а не они вам.

Слова Маледикта тяжким бременем легли на сердце короля, и он понял: ложь не может так давить, Маледикт сказал правду.

— Вы по-прежнему считаете мое общество безопасным? — спросил Маледикт, протягивая руку. Он положил свою ладонь поверх ладони короля. Бейн перестал рычать.

Арис не мог понять, дрожит ли его рука или пес под ней.

— В достаточной безопасности, — прошептал Арис. Он склонился к губам Маледикта, желая попробовать, так же ли они сладки на вкус, как на вид — или, может, они горьки от горьких слов.

— Ничего важного, сир, — сообщил вернувшийся гвардеец. Маледикт отступил. — Слуга оторвал шлейф платья леди Мира-

бель. Она клянется, что он сделал это нарочно. Сейчас ваш брат наказывает его кнутом.

— Ох уж этот его норов, — проговорил Арис, качая головой. — Выясни, чьего слугу мне придется заменить.

— Это ваш слуга, Маледикт. — Гвардеец впервые обратился к Маледикту, признавая его присутствие.

Волна ярости прокатилась по лицу Маледикта, так преобразив его, что Арис застыл, а Бейн растерянно заскулил. Забыв о том, что он — вельможа, Маледикт стремглав бросился прочь из залы.

— Беги! — скомандовал Арис гвардейцу, сам не зная, хотели ли он защитить Маледикта от Мишеля или наоборот. Взяв Бейна за ошейник, он последовал за Маледиктом не спеша, как полагает королю.

В зеленом лабиринте сада растерянный Вестфолл дергал Ласта за рукав, однако Ласт не реагировал. Он в очередной раз замахнулся кнутом. Рядом стояла Мирабель, на ее губах играла легкая улыбка.

Слуга еле держался на коленях. Лицом он уткнулся в живую изгородь; кожа под разорванной рубахой сочилась кровью. Он зажал рану рукой, не видя, что кнут занесен для следующего удара. Глубочайшее потрясение на лице молодого человека подсказало Арису, что за Маледиктом, каковы бы ни были его остальные пороки, привычки бить слуг не водилось.

Стройный силуэт Маледикта заслонил слугу от взгляда Ариса. Из глотки Ласта донесся негромкий рык удовольствия, когда кнут в очередной раз со свистом рассек воздух.

— Прекрати, Мишель. Я запрещаю, — выкрикнул Арис, но взмах кнута было уже не остановить.

Развернувшись с молниеносностью змеи, Маледикт бросился прямо на кнут. Арис вздрогнул; раздался глухой треск соприкосновения, и картина переменялась. Маледикт держал в руке конец кнута, не давая Ласту выдернуть его обратно. Воздух сгустился, взяв противников в невидимое кольцо.

Ласт тянул изо всех сил, пользуясь преимуществом своего веса; его лицо побагровело от гнева и растерянности. Маледикт

стоял неподвижно, с отстраненным видом, опустив другую руку на рукоять меча и вытянув его на длину ладони.

Бейн зарычал, низко и неуверенно, прижался к бедру Ариса, ткнулся носом в онемевшие пальцы хозяина.

Маледикт перевел свой черный, как дым пожарища, взгляд на короля. Арис опустил глаза, не в силах выдержать опустошающей ярости, что пылала во взоре юноши. Потом темные ресницы Маледикта вздрогнули и поднялись — и он превратился в обычного рассерженного аристократа. Юноша отпустил рукоять меча; лезвие утонуло в ножнах.

— Если таково на поверку ваше хваленое равенство, Вестфолл, — проговорил Маледикт, — и таковы люди, с которыми вы собираетесь строить будущее, то я не высокого мнения о ваших возможностях.

Вестфолл залился краской.

— Вы оскорбляете короля, — проговорил Ласт.

— В самом деле? — удивился Маледикт, поднимая слугу на ноги и поддерживая его. — А я надеялся, что оскорбляю вас.

Ласт зарычал, снова стискивая кнут.

— Я позабочусь о том, чтобы вы с Янусом больше никогда не увиделись.

— Янус не оставит меня. Он бредит прикосновением моих рук, моих губ; он зовет меня ночью. Когда ты сдохнешь, я буду лежать в твоей кровати, а ты — в земле, очередной никем не оплаканный предок, и тогда я буду волен поступать так, как сочту нужным, — проговорил Маледикт. Его голос источал столько яда, что Арису подумал: Ластва вот-вот сразит аполексический удар.

— Прошу разрешения удалиться, сир, — сказал Маледикт и повернулся к выходу, не дожидаясь ответа.

— Мэл, — произнес Арис дрожащим голосом. — Ты ранен? У тебя рука в крови.

— Кровь не моя, — ответил юноша, зажимая пальцами окровавленную ткань. Потом повернулся, сказал что-то успокаивающее слуге, и они направились прочь из сада. Миранбель сделала реверанс, когда Маледикт был уже неподалеку, и он предпочел обойти ее, насколько позволяла узкая аллея. Арис с тревогой

наблюдал за ними. Маледикт противостоял Ласту без тени сомнения или малейшего признака страха — и все же предпочел обойти Мирабель стороной. Довольную полуулыбку Мирабель, вызванную тем, что человека выпороли по ее капризу, сменило более мрачное выражение, в котором угадывался точный расчет. Мирабель стремительно прошествовала назад в дом, шелестя шлейфом — ничуть не пострадавшим, несмотря на ее заявления об обратном. Арис нахмурился.

— Это колдовство, — злобно прошипел Ласт, привлекая внимание короля. — Разве вы не слышали, что он говорил?

— Я слышал разгневанного молодого человека, демонстрировавшего выдающуюся преданность своему слуге, — отозвался Арис. Он решил выместить собственную неловкость на брате и потому говорил холодно и неприветливо.

— Вы околдованы. Вы думаете, я не заметил, как вы его выматривали? Спросите себя, что так влечет вас? — И добавил, показывая, что имеет в виду не только гневные слова Маледикта: — Спросите себя, какой человек может вынести удар кнута — и не пострадать?

— Гордый человек, который отказывается признать, что ранен, — ответил Арис. — А какой человек приносит с собой кнут, чтобы избить неуклюжего слугу, и поднимает его на равного, да еще в чужом доме? Думаю, ты засиделся в городе, Мишель. Отдых пойдет тебе на пользу. Отправляйся домой, в Ластрест.

Ласт проскрежетал в ответ: «Как прикажете, сир», развернулся к конюшне и проговорил, уже более пылко:

— Он опасен, Арис. Надеюсь, тебе никогда не придется пожалеть, что предоставил ему столько свободы.

— Мишель, — позвал Арис, немного остыв, но Ласт ушел. Арис со вздохом опустился на садовую скамейку, специально выбрав ту, с которой не были видны забрызганные кровью кусты и газон.

Мишель Иксион, граф Ласт, затаился в засаде. По прибытии в Ластрест он обнаружил, что Янус и Амаранта объезжают владения, но его ярость требовала немедленного выхода. И вот вместо того, чтобы заняться разбором корреспонденции, счита-

ми, просителями, Ласт сидел в библиотеке, двери которой были распахнуты, являя взгляду холл и входную дверь. Окна с коваными решетками выходили на розовые кусты и аккуратно подстриженную лужайку. Ласт прислушивался, стараясь уловить цокот копыт, говорящий о том, что сын и его невеста возвращаются.

Изнуряющее полуторадневное путешествие и удаленность от дерзкого языка Маледикта ничуть не улучшили настроения графа; спокойствие его было напускное, под маской клокотала ненависть.

Сначала послышался цокот; конские копыта пробарабанили к конюшням, разбрасывая щебень на подъездной аллее. Ласт сдвинул брови. Не мешало бы сыну побереечь чистокровных лошадей. Не успел он подумать об этом, как услышал громкий женский окрик; кони пошли медленнее.

Несколько минут спустя входные двери распахнулись и по мрамору пола в холле застучали две пары сапог. Граф поднялся и вышел навстречу. Янус и Амаранта задержались, снимая перчатки. Щеки у Амаранты покраснелись, и Ласт подумал, что жар под ее кожей вызван гневом, а не физической нагрузкой, судя по жесткой улыбке на лице Януса, по тому, с каким шлепком она швырнула перчатки на стол в холле.

— Янус, я должен поговорить с тобой, — сказал Ласт вместо приветствия.

— Если должны, говорите, — отозвался Янус.

— Сейчас же, — произнес Ласт, еще больше раздраженный лаконичным согласием Януса.

Совершенно бесстрастным голосом Амаранта заметила:

— С родителями подобает соблюдать правила этикета.

Лицо Януса исказилось; потом он заставил улыбку вернуться.

— Отец, вы знакомы с леди Амарантой? — спросил Янус, выводя ее вперед. — Полагаю, вы хорошо знаете ее родителей.

— Не имел удовольствия встречаться с ними уже довольно длительное время, — сказал граф, раздосадованный тем, что не может сразу высказать своего мнения. С отточенной церемонностью Ласт поклонился.

Леди Амаранта нетерпеливо сняла жакет и бросила его поверх перчаток, проигнорировав предложенную Янусом руку. Затем присела в неглубоком реверансе перед графом.

— Разумеется, я вас помню. Отец очень высоко ценит вас. Весьма признательна вам за гостеприимство, милорд. Чудесное и прекрасно организованное поместье.

Ласт взял ее руку в свою и поднес согнутые пальцы к губам, отмечая про себя, что дочь Лавси выросла в редкостную красавицу. — Надеюсь, Янус оказал вам достойный прием.

— Он делал все, что в его силах, — ответила Амаранта. — Прошу прощения, мне нужно переодеться. — Кивнув в направлении графа, Амаранта направилась вверх по широкой лестнице.

— Она, кажется, несколько суховата с тобой, — заметил Ласт; смущение остудило его пыл лучше, чем время. — Что ты такого сделал?

— В ее глазах — ничего положительного, — ответил Янус, глядя на удаляющийся шлейф ее амазонки. — Тем не менее я поклялся измениться.

— Да, — сказал Ласт; брови его снова сдвинулись. — Идем со мной. — Он провел сына в кабинет и закрыл дверь.

— Я в вашем распоряжении, — сказал Янус, коротко поклонившись. Лицо Ласти стало еще мрачнее.

— Быть может, она считает твое обхождение легкомысленным. Поразительно, что Лавси вообще рассматривает возможность вашего брака. Я бы на твоем месте не стал подвергать свои шансы сомнению, прибегая к манерности, позаимствованной из скандального источника. — Ласт закрыл окна и щелчком зажег газовую лампу, чтобы разогнать воцарившийся в комнате полумрак.

— Вы имели в виду, у Маледикта, — уточнил Янус, сядя напротив письменного стола.

— Именно, — ответил граф и вспыхнул, как сухой лист. Он пододвинул кресло, ощущая, как заныли поясница и суставы. Когда-то на дорогу из города в Ластрест уходил всего день в седле. А теперь у графа все болело и ныло, а ведь он ехал в карете.

— Эта твоя женитьба — хорошо продуманный шаг, — сказал Ласт, пытаясь угадать настроение Януса, поскольку непро-

нищаемое лицо юноши не выражало ровным счетом ничего. — Несмотря на всю историю, которую мы наптели вокруг тебя, ты всего лишь бастард.

— А Амаранта давно уже не девственница. Что вызывает большее презрение при дворе? Бастард или шлюха? — На лице Януса обозначилась скука; он подавил зевок.

— Не смей говорить о леди в таком тоне. Я не столь доверчив, как Арис. Чтобы полностью убедить меня в твоей искренней преданности роду Ластва, ты должен положить конец неподобающей связи с этим созданием и искоренить прискорбное влияние, которое он оказал на твою речь и манеры. Или я приму меры лично.

Янус улыбнулся.

— Каждый юноша грешит по молодости — к неудовольствию своих родителей. Актриски, шлюхи, танцовщицы, крестьянки... вельможи с дурной репутацией. Полагаю, очарование Мэла тоже потускнеет со временем; а пока мне слишком приятна его компания, чтобы избавиться от нее столь поспешно. Однако я постараюсь убедить леди Амаранту и вас в искренней преданности роду Ластва.

— Эта твоя тварь собралась поселиться здесь, как у себя дома, — проговорил граф, мрачней при воспоминании о Маледикте.

Янус вздохнул.

— Такой уж у него необузданный язык. Говорит дерзости, чтобы произвести впечатление и посмотреть, в какую ярость они приведут людей. Должно быть, вы доставили ему несказанное наслаждение.

— Пока не применил к нему кнут, — сказал Ласт.

Сдержанное удовольствие слетело с лица Януса — но вернулось так молниеносно, что если бы граф не смотрел на сына столь пристально, он не заметил бы перемены. Ласт удрученно осознал, что его сын не только чужой ему, но еще и искусный лжец. Граф был вынужден заключить, что не может верить ни одному слову Януса. Непонятное пламя в бледных глазах, пылкий гнев убедили герцога лишь в одном: Маледикт, какой бы низкой тварью он ни был, говорил правду. Его слова несли больше истины,

чем речи вот этого чужого человека, сидящего через стол от Ласта. Ужас пробрал герцога до самого сердца, ярость сменилась осторожностью.

— Убирайся, — сказал Ласт, вставая с кресла. Затянуть разговор значило показать свое потрясение, потому он замаскировал его, прибегнув к гневу. — Потрудись улучшить свои манеры, прежде чем снова говорить с Амарантой. Мы обсудим факторы, оказывающие на тебя влияние, когда ты будешь более расположен говорить серьезно.

— Сэр. — Янус с поклоном удалился.

Ласт сидел в кабинете, погрузившись в раздумья. Возможно, Маледикт с его открытой враждебностью представлял для него даже меньшую опасность. Губы графа решительно сжались, он стряхнул с себя последние сомнения: Янус убедится, что путь к титулу не так уж гладок — Ласт позаботится об этом.

Его взгляд упал на конверт; отложенное в сторону неделю назад, письмо сегодня показалось графу заманчивым. Данталион жаловался на исчезновение своего агента и просил совета. Теперь у Ласта было, что ему порекомендовать.

Подняв голову от пергамента, он увидел, как по лестнице спускается леди Амаранта — в облаке сливочно-желтого шелка, оттенявшего ее бледную красоту, она походила на бриллиант в золотой оправе. Ласт поспешно подошел к окну, сорвал первый попавшийся красный цветок и приблизился к подножию лестницы.

24

— Что рассказывает Янус? — спросил Джилли, вертась в кресле, чтобы проверить, сильно ли еще болят и тянут заживающие шрамы. Он посмотрел поверх пустых тарелок и грязных столовых приборов на Маледикта, который сидел с письмом в руках, развалившись и закинув ноги в туфлях на стол.

— Прекрати вертеться, а то раны опять откроются. А поскольку ты вел себя при перевязках, как маленький, мне бы не хотелось снова тебя лечить, — проговорил Маледикт, не под-

нимая головы, заерзал, опрокинул ногой бокал с вином. Читая письмо, он нервничал — при свете свечи буквы сливались, делались неразличимы.

— Янус пишет, что все идет нормально, если не считать того, что Ласт и Амаранта без конца учат его хорошим манерам. Спрашивает, как я себя чувствую после графского кнута. Ммм, насколько я понимаю, тут какое-то недоразумение — или, быть может, Ласт предпочел переписать свои воспоминания.

— Не удивлюсь, — заметил Джилли. — Кажется, это весьма принято при дворе.

Маледикт пожал плечами, оставляя Джилли наедине с мрачными мыслями: ведь он не приблизился к Мирабель и на десять футов, опасаясь ее ногтей, ее ярости; однако вельможи поверили этой ведьме, когда она его оклеветала. Руки у Джилли сжались в кулаки; он надеялся, что слова Мирабель оказались весомее лишь из-за ее знатного происхождения, и одновременно боялся, что дело не только в этом.

Маледикт продолжил читать вслух.

— Он пишет, что Амаранта — непростая женщина, но Ласт, похоже, склонен способствовать заключению их брака и развлекает ее, когда сам Янус не может. — Маледикт потянулся к бокалу и с отвращением чертыхнулся, обнаружив, что тот опрокинут, а пальцы угодили в винную лужу. Поднявшись, он направился к буфету, чтобы налить себе еще вина.

— Мне это не нравится, — заметил Джилли.

— Мне тоже, — согласился Маледикт. Вид у него был озабоченный. — Ты сегодня не ночуешь?

— Вообще-то не собирался. Но если я тебе нужен, останусь. — Джилли раскотелось идти к Лизетте. Ему вдруг показалось, что он снова вернулся в деревню и наблюдает за тем, как его семейство пытается защитить урожай от надвигающегося шторма.

— И лишишься возможности поразвлечься? Нет, если я так поступаю, тебе придется довольствоваться Ливией, а у меня заканчивается противозачаточный порошок. Честное слово, ты еще больший бабник, чем был Ворнатти.

— Количество компенсирует качество, — сказал Джилли, сам поразившись, как с его губ слетели подобные слова, и не вполне

уверенный в том, какое значение он хотел им придать. Запоздалое осознание обозначилось жаром в груди и красными пятнами на лице и шее. Схватив бокал, Джилли принялся пить вино, избегая смотреть в глаза юноше, надеясь, что тот не заметит его вожделения. Качество, повторил он про себя, задержав взгляд на бледных руках Маледикта.

Юноша рассмеялся.

— И они считают порочным мой язык! Если все обстоит подобным образом, обязательно отправляйся к своей девчонке.

— Я могу остаться, — сказал Джилли.

— Не будь дураком, — запротестовал Маледикт. — Давай, навести девушку. Иначе ты ее разочаруешь.

— Разве только тем, что оставляю без дополнительного заработка, — ответил Джилли, одновременно осозная, что несправедлив к Лизетте, и понимая, что разрывается между ее мягкостью и чувством уюта и тепла, которые дарила близость Маледикта.

— Ты недооцениваешь себя, — сказал Маледикт. — Какие плечи, какое симпатичное лицо.

Он пристально оглядел Джилли с ног до головы задумчивым, оценивающим взглядом. Щеки слуги вспыхнули новой волной смущения.

Он вспомнил, как Маледикт перевязывал рубцы от кнута, наклонившись над ним так низко, что его волосы скользили по обнаженной груди Джилли. Их прикосновение заставило его изогнуться. Он стоял, полуобнаженный, пока Маледикт орудовал ловкими пальцами; но сам Джилли никогда не видел даже белых контуров плеч Маледикта, или мышц его спины и лодыжек.

Джилли перетаптывался с ноги на ногу, пока наконец Маледикт не рассмеялся.

— Если ты такой подвижный, значит, не так уж тебе и больно, — сказал он тогда. — В самом деле, Джилли, разве тебя никто никогда не учил увертываться от ударов кнута? — Он пригладил последний пластырь, сильно стянувший кожу над ребрами. Джилли поморщился, позабыв и думать о своем влечении и смущении.

— Неимоверно больно, — пожаловался он.

— Это еще и боль, причиняемая ненавистью, — сказал Маледикт. — Радуйся, что не служишь на одном из кораблей, о которых вечно мечтаешь — иначе давно бы кнута отведал.

— Только не я, — возразил Джилли. — Я был бы примерным матросом. Меня бы уже назначили первым помощником капитана.

Маледикт рассмеялся.

— И ты бы день-деньской бегал с поручениями. Штаны у тебя были бы рваные, волосы бы выгорели, а кожа дочерна загорела... — Юноша улыбнулся, и в его глазах вспыхнула искра интереса, от которой по всему телу Джилли разлилось тепло. Маледикт подошел ближе, погладил его по щеке. Волнение Джилли улеглось. Он отстранился от прикосновения, от протянутой ладони Маледикта.

В глазах юноши промелькнули тени.

— Твоя рука, — сказал Джилли. — В том месте, где ударил бич, когда ты его поймал: у тебя и следа не осталось. А у меня до сих пор идет кровь.

Теперь Джилли помнил все отчетливо. Он стоял в нерешительности, не зная, уйти ему или остаться, ощущая рок, нависший над ними грозовой тучей, и видя томительное присутствие Ани в глазах Маледикта.

— Что, язык проглотил от моего комплимента? — спросил Маледикт.

Джилли сверкнул улыбкой:

— Я уйду.

Он набросил камзол, опасаясь вечерней прохлады, и распахнул входную дверь, перепугав юного посыльного, который как раз собирался постучать. Джилли прикрыл глаза. Буря настигла, подумал он.

— Послание! — пискнул мальчик, все еще не оправившийся от испуга.

— Хорошо, — сказал Джилли, — я передам. — Он вручил мальчишке монету и вернулся в дом, держа конверт, запечатанный синим сургучом, так, словно в нем была вся тяжесть мира.

— Разве ты не ушел? — удивился Маледикт.

— Янус прислал вот это, — сказал Джилли. Он бросил письмо на стол перед Маледиктом — на белую скатерть, залитую красным вином.

Маледикт сломал печать. Записка упала на стол. Лицо Маледикта побелело, а руки стиснули воздух — казалось, будь у него при себе меч, он тотчас бросился бы в бой.

Джилли немедленно узнал черные каракули Януса. В записке была всего одна строчка: «Вчера вечером отец женился на Амаранте Лавси».

— Я должен был убить его в тот самый миг, когда впервые оказался рядом, и к черту все возможные последствия. — Маледикт вскочил на ноги.

— Подумаешь, всего лишь неудача, — заметил Джилли, стараясь не дать кровавому свету в глазах Маледикта хлынуть наружу.

Маледикт швырнул в дверь сначала свою тарелку, потом тарелку Джилли; служанка, заглянувшая к ним на звук разбиваемого фарфора, мгновенно скрылась.

— Неудача? Ласт женился! Если бы он планировал сделать Януса своим наследником, он никогда бы не женился. Это больше, чем просто ответный удар, Джилли, это торжественное заявление Ласта, что он будет препятствовать нашим планам всеми возможными способами. Я слишком долго ждал, поддавшись на твои разговоры о возможных последствиях, на корыстные соображения и излишнюю осторожность Януса.

— И как же ты собираешься убить Ласта? Его убийство будет считаться изменой, Мэл. Янус вполне мог бы стать наследником, совершив убийство, — такое случалось и прежде — но ты... тебе придется бежать. Одному. Или ты думаешь, что Янус откажется от титула ради...

— Убирайся вон, Джилли! — закричал Маледикт пронзительно-тонким, как нить, голосом. В руке вдруг засиял меч, в глазах запульсировал черный свет.

Джилли увертывался от лезвия, ищущего его, от безумного гнева в темных глазах, постепенно отступая к двери.

В центре комнаты вертелся Маледикт, фехтуя, отражая нападения теней, которые наползали на него со стен. Его трясло

словно в припадке, и тени съеживались от прикосновений клинка, разливая ленивую тьму. Позади Маледикта поднялась темная фигура Критоса, напавшего на них в переулке; у Джилли перехватило дух. Но Маледикт развернулся словно лунатик и вновь сразил его. Воспоминания о победе озарили лицо юноши, и он замедлил движения своего меча; напряжение в глазах отступало, губы были полуоткрыты. Дрожа всем телом, Маледикт прижал меч к полу, пронзая тело Критоса, и обмяк. Над ним нависли тени.

Джилли принялся оттаскивать Маледикта от клинка, с такой силой дернув его за хрупкие плечи, что наутро, он был уверен, у юноши останутся синяки — если Ани позволит. Маледикт издал беззвучный яростный вопль — воздух завибрировал в отравленных голосовых связках, — и вот Джилли стоял, удерживая в своих объятьях безумца.

Он взвыл, когда зубы Маледикта впились ему в костяшки пальцев, а локти вонзились в поврежденные ребра, но продолжал сдерживать юношу, как человек, пытающийся загнать в клетку хищного зверя. Джилли сжал Маледикта, стараясь не повредить хрупкие кости, ни на миг не забывая о клюве, когтистых лапах и упруго расправленных, лязгающих крыльях.

— Ты не можешь покориться этому, — проговорил Джилли, едва не задохнувшись от волос Маледикта, забившихся ему в рот. — Теперь больше, чем когда-либо, тебе нужны благоразумие и терпение, а не слепая ярость. Ты должен быть хитрым, умным — и осторожным. — Он дышал часто-часто, не произнося слова, а выплевывал, и сам удивлялся их разумности. Что случится, если он отпустит Маледикта? Ани любит кровь ради самой крови. Отмщение порождает смерть — и не более. — Ты говоришь, что неподвластен Ей, — так докажи свою правоту. Или кончишь так же, как прочие, — сумасшествием или смертью. — В отчаянной надежде Джилли прошептал коротенькую хвалебную песнь Бакситу, богу праздности и благоразумия. И то и другое теперь пришлось бы кстати.

Маледикт обмяк в его руках и начал заваливаться вперед, словно марионетка, срезанная с ниток. Джилли, принявший вес неожиданной ноши, ощутил, как сердце забилося тревожнее.

— Заглядывать в будущее? — переспросил Янус; светлые, пронзительные глаза вспыхнули бледным светом, и наконец вызвали у Джилли ассоциации со сверкнувшей в отдалении молнией.

— Он во что бы то ни стало намерен видеть тебя графом, пусть даже ценой собственной жизни, а ты тем временем бездельничаешь и позволяешь ему рисковать...

Джилли не столько увидел движение Януса, сколько почувствовал, как завихрился воздух. Через мгновение Джилли врезался спиной в тисненные обои с такой силой, что в глазах у него заплясали разноцветные пятнышки. От удара зазвенело в голове и в ушах. Он дергался, подобно наколотому на булавку насекомому, пока обтянутые перчаткой пальцы не сдавили ему горло. Янус сжал шею Джилли с обеих сторон, с вежливым интересом нащупывая биение сердца. Лицо его было безмятежно, зато в глазах бушевало безумие.

— Я мог бы выдавить из тебя жизнь — и Маледикт простил бы меня. Он простит мне все, что угодно. Подумай об этом, прежде чем впредь говорить со мной подобным образом. Ты ничего обо мне не знаешь, если думаешь, что я подвергну Маледикта опасности. Ты что, не слушаешь? Разве я тебе не говорил этого раз за разом? Он мой. — Янус выпустил Джилли, призраком проскользнул мимо него вверх по лестнице.

Оставшись в одиночестве в пустой прихожей, Джилли задрожал. И снова в его сознание прокралась «Вирга», и слышалась сладкоголосая песнь моря и паруса.

Маледикт слышал, как открылась и закрылась входная дверь без объявления визитера, и понял, не выглядывая в окно, что приехал Янус. Только он позволял себе так своевольничать в доме Маледикта. Онемевший от ярости, он ждал, пока Янус явится к нему. На плечи Маледикту легли ладони — Янус развернул его и привлек к себе.

— Янус, — прошептал Маледикт.

Янус спрятал лицо под подбородком Маледикта.

— Прости меня, — проговорил он охрипшим от изнеможения голосом. — Прости, что я не смог завоевать ее руку. Прости, что медлил в нерешительности, вместо того, чтобы исполнить свой

долг. Хотя, видят боги, я не сожалею, что она и ее мерзкий язык нашли равных себе.

— Теперь ты разрешишь мне разделаться с ним? — спросил Маледикт, поднимая глаза и встречаясь взглядом с Янусом. — Он что-то замышляет против нас, Янус. Он вскоре заточит тебя, запрет в Ластресте или городском особняке, где тебя будут стеречь и шпионить за каждым твоим шагом.

— Он уже и так это делает, — сказал Янус. — Ведь я тайком сбежал прямо со свадебной церемонии. А вот убить его? Без хорошо продуманного плана нечего и пытаться.

Маледикт шагнул, освобождаясь из теплого кольца объятий Януса.

— Мой клинок, его сердце. Какой еще мне нужен план? Предоставь мне свободу действий. Разве не я избавил нас от Критоса?

— Критос был негодяй и игрок. Постигшая его смерть не заслужила комментариев и даже не вызвала в обществе ни малейшего сочувствия. Нападение на Ласта, который редко покидает дворец или свой дом, — гораздо более трудная задача.

— Я хочу его смерти. Мне нужна его смерть. Кровь льется независимо от того, где человек обитает. Если все пойдет не так, если подозрение падет на нас и нас заклеймят как виновных, мы бросим идею с графским титулом. Обчистим его поместье и будем жить в Приисках, как короли.

— Сбежать, точно крысы? Сдохнуть, как крысы, когда закончатся деньги? — спросил Янус, встряхивая Маледикта за плечи. — Я не вернусь к прежней жизни. — Ладони Януса замерли на плечах Маледикта, стали нежно поглаживать ими же оставленные красные отметины. — Ты же помнишь, в какой нужде мы жили. Если бы даже ты был готов снова рискнуть, это оказалось бы хуже, чем ты думаешь, принимая во внимание нашу нынешнюю жизнь. Вкус свежего хлеба по утрам. Тепло камина зимой. — Когда Маледикт попытался что-то возразить, Янус поцеловал его в губы — словно печать языком поставил.

Янус повел его, держа спиной к кровати, и продолжил, преврав поцелуй:

— Нежное прикосновение шелков к коже, роскошь простыней и бархатных покрывал. И ведь дело не только в роскоши, Мэл, но еще и в безопасности.

Маледикт упал спиной на перину, рубашка распахнулась, корсет соскользнул на пояс. Янус сцепил руки Маледикта над головой, спрятав в мягких складках пуховых подушек. — Я постараюсь подтолкнуть Ласта навстречу твоему клинку, выманить его из безопасного укрытия, но ты должен подождать. Я не намерен терять тебя из-за обвинения в государственной измене.

Маледикт взглянул в бледные глаза, поцеловал нежные золотые кудри, струящиеся по шее.

— Ты сделаешь это скоро?

— Очень скоро, — прошептал Янус. — Мой темный и кровожадный рыцарь.

— Время — наш враг, — сказал Маледикт. — Амаранта не должна...

— Мэл, — прервал Янус. — Я провел без тебя почти две недели.

Маледикт весь отдался знакомым, таким восхитительным прикосновениям. Он вздыхал, постанывал и покусывал, когда Янус ждал от него этого; но ни на миг он не переставал думать об интригах Ласта. И снова на одной чаше весов оказалось простое осуществление мести и побег, на другой — утонченная загадочная игра выпадов и отражений, политики и власти. От потока удовольствия, окатившего Януса и озарившего его лицо, Маледикту досталось лишь несколько брызг, настолько глубоко он был погружен в мысли о крови и терпении.

Янус отстранился и чуть рассерженно проговорил:

— Проститутки — и те притворяются, что им приятно.

Маледикт разгладил морщинку между бровей Януса.

— Проститутки, в отличие от меня, не сортируют врагов по степени их опасности и не строят планов. Амаранта представляет для нас угрозу. Однако убить ее — означает лишь отсрочить решение проблемы. Пока ты не толкнешь Ласта под мой меч, она может понести и лишить тебя права наследования. Мы должны обеспечить ей бесплодие, пока я не проткну Ласту сердце. — Маледикт выскользнул из рук Януса, из

уютного тепла постели, и открыл ящичек с ядами. Пробежав пальцем по склянкам так, что те зазвенели, он наконец-то ощутил первую вспышку удовольствия. Снадобье не таило в себе смерть Амаранты — Маледикт пока решил не прибегать к крайним мерам.

Маледикт вытащил охапку маленьких свертков вощеной бумаги, светло-зеленых внутри, и вернулся на кровать.

— Снадобье «Шлюшкин друг», — пояснил он. — Помнишь его?

— Да, — ответил Янус. — Наши матери пользовались им, чтобы предотвратить беременность. Но, Мэл, как мне устроить, чтобы Амаранта принимала его каждый день?

— При ежедневном принятии она не забеременеет. При ежемесячном — случится выкидыш, если она забеременеет. Хуже для нее, зато гораздо легче для тебя. Все, что нужно, — подсыпать порошок ей в вино. Хотя я предупреждаю тебя уже теперь, Янус: я не стану ждать несколько месяцев.

Янус рассовал упаковки со снадобьем по карманам, сел на кровать и стал одеваться, разглаживая одежду, застегивая пуговицы и завязывая шнурки.

— Янус?

— Мне лучше вернуться, прежде чем заметят мое отсутствие. Теперь, когда отец чувствует, что имеет надо мной преимущество, он ввел для меня новые ограничения.

— Если бы он был мертв, некому было бы выдумывать правила.

— Мэл... — предостерегающе проговорил Янус.

Маледикт отвел взгляд.

— Если ты действительно решил уйти, загляни в мой шкаф — там чистое белье. Тебе лучше сменить крават — твой я смял сверх всякой меры.

Янус принялся рыться в белоснежных полосках ткани, выбирая подходящую; Маледикт не без удовольствия наблюдал за ним.

— Тот, что с краю, — накрахмаленный шелк, если именно его требует твоя изнеженная кожа.

— Повяжи его мне, — попросил Янус.

Маледикт выбрался из-под одеяла.

— Тебе нравится всегда выглядеть аристократом... ну-ка, подними подбородок повыше. Я ношу белье для маскировки. А ты не согласишься снять свое, даже отправляясь на тайную прогулку по городу.

— С помощью одежды легче всего перевоплотиться; одежда сразу выдает происхождение и положение в обществе, — сказал Янус, вставая и оглядывая себя со всех сторон. Он запустил пальцы в волосы, в шелковистые кудри. — Вестфолл может себе позволить шататься по городу, как неотесанный простолюдин, в одной рубашке с расстегнутым воротом — его родословная безупречна до десятого колена. А вот если я появлюсь со слоем пыли на сапогах, все скажут, что нельзя и ожидать иного от бастарда, подражающего тем, кто выше и лучше него. — На лице Януса обозначилась улыбка — не такая приятная, как обычно. — Но титул все изменит. Или по крайней мере заставит сплетников не шептаться прямо у меня за спиной.

Маледикт отбросил волосы Януса и поцеловал его сзади в шею, ощутив губами упругость шелка.

— Когда ты вернешься?

— Через две ночи. Отец и Амаранта отправятся на другое свадебное торжество, — сказал Янус. — Я выберусь через окно, как влюбленный ухажер, и примчусь искать твоего расположения.

— Обещаешь? — спросил Маледикт.

Янус повернулся, взял лицо Маледикта в ладони, прижался к его лбу своим.

— Клянусь.

Окинув взглядом людную залу, герцог Лав повернулся к Ласту и сказал:

— Ваш сын простил вас? Я видел его лишь мельком, и мне показалось, что он несколько удручен.

— Это не имеет значения, — проговорил Ласт, прихлебывая из бокала. — На мой взгляд, его поведение было слишком своевольным. Это пойдет ему на пользу. Он слишком многое унаследовал от Селии — ее своенравие и эгоизм, например.

— Отчасти, возможно, в силу разлагающего влияния со стороны, — предположил Лав.

— Со стороны Маледикта, — прорычал Ласт. — Проклятый... Я бы добился, чтобы его вышвырнули, но Арис питает к нему безотчетную слабость.

— Да, — согласился Лав. — Вы видели еженедельную газету? И непристойную карикатуру Пуля? Я натравил на художника Эхо, однако пока Арис не возмутится происходящим, все меры бесполезны.

— Я не видел последнего выпуска, — признался Ласт. — Впрочем, вряд ли он хуже предыдущих, где Пуль изображает моего брата королем лстыивых псов.

— Это отвратительно. — Лав увлек Ласта за собой в кабинет. Там он разложил иллюстрированную газету.

Ласт разинул рот; его щеки вспыхнули. Скупыми, четкими линиями, без обычных финтифлюшек, художник изобразил Маледикта. Тот, с копной темных волос и сексапильным ртом, сидел, развалившись, на троне; в одной руке он держал меч, а в другой — длинный поводок, ведущий к ошейнику на шее Ариса. На лице самого Ариса застыло почти идиотское выражение; он словно слепец не замечал тела с надписью «Ворнатти» у своих ног, с обожанием глядя вверх на Маледикта. Ласт скомкал страницу.

— Прикажете Эхо бросить Пуля в тюрьму. Посмотрим, хватит ли ему связей, чтобы освободиться. И заодно узнаем, кто помогает ему распространять подобную клевету.

— Несомненно, слух распустила Мирабель; ее сплетня десятикратно увеличилась в размерах. А люди готовы верить тому, чему раньше только внимали, — сказал Лав. — И все это приводит нас к изначальному источнику всех ваших и моих проблем — к Маледикту.

Ласт вздохнул.

— Не так давно я считал проблему решенной. Данталион, обойденный в завещании племянник Ворнатти, послал наемного убийцу; но тот либо не преуспел, либо его попросту перекупили. Полагаю, Данталион планирует заняться этим делом лично, как только его официально назначат на должность аудитора Антира.

— Чужеземный убийца на наших берегах? Данталион, преследующий наших придворных? — Лав негодуяюще сдвинул брови. — Итарус слишком многое себе позволяет и не слишком стремится скрывать свою ненависть. Вы должны были тотчас доложить о подобном мне или капитану Джасперу. Если бы ему удалось разделаться с Маледиктом, он мог бы обратить свое внимание на трон. Итарус щедро вознаградил бы его за убийство Ари-са. И все же... — Лав поднял голову и встретился взглядом с Ластом, — идея неплохая. Как знать, вдруг нам удастся самим довести дело до конца. У меня есть один слуга, который мог бы помочь нам. Человек, к которому я уже однажды обращался, чтобы избавиться от назойливого конюха. Так почему не избавиться от назойливого вельможи?

Ласт улыбнулся.

— Сделайте это, и я пересмотрю долю Амаранты в завещании.

Лав ответил:

— Позвольте мне преподнести вам это в качестве свадебного подарка. Единственное, что от вас требуется — держать Януса подальше от Маледикта. Несмотря на свое вызывающее поведение, мальчишка, как мне кажется, — не более чем обычный подросток. Сам по себе он вряд ли представляет угрозу.

25

Поздно ночью в особняке на Дав-стрит наконец всё затихло: прислуга разошлась по своим комнатам, кухарка легла спать, а каморка дворецкого и вовсе пустовала. Маледикт один не спал, сидя в кровати. Внизу в прихожей огромные часы пробили четверть часа, и Маледикт отложил книгу. С каждой звенящей нотой обещанное Янусом возвращение казалось все менее вероятным. С каждым ударом накатывал новый страх.

Вдруг Ласт опоил Януса и отправил за границу, в заточение, пока Амаранта не докажет свою плодовитость? Или же граф вовсе решил поставить свое будущее на нее — и утопил Януса, как ненужного котенка. Старые раны на боку и лице Маледикта обжи-

гали напоминанием, что Ласт уже победил Миранду прежде, отобрав у нее Януса.

«Прежде, чем появилась Я», — шепот запульсировал в жилах Маледикта, обращая страх в бешенство, но не принося успокоения. У Януса не было подобной защиты. Крылья Ани укрывали лишь Маледикта. Он поднял меч и затанцевал с ним по комнате, колот и рубил направо и налево, словно опасения можно было разогнать сталью. Если бы Джилли спал сейчас в своей комнате, Маледикт прокрался бы к нему и нашел утешение в созерцании безмятежных черт. Можно было бы разбудить его, чтобы услышать его ворчание, и страхи отступили бы при звуке родного голоса. Но Джилли не было — он отправился в бордель к продажной девке.

Вдруг Маледикт завертелся на месте и широким взмахом меча выместил свой гнев на тяжелой двери красного дерева. Древесина разошлась, подобно разрываемой плоти; Маледикт вздохнул.

Он отбросил меч, немного устыдившись своих приступов гнева, страхов и сомнений. Янус обязательно придет.

Он ощутил движение воздуха за спиной; в комнату хлынул густой темный запах ночного тумана. Маледикт обернулся и увидел, что окно распахнулось, и в нем появился человек. Юноша прыгнул за мечом — и не дотянулся: убийца нырнул в комнату, и они оба покатались по полу. Маледикт упал на колени под тяжестью звероподобного тела и с воплем развернулся, стараясь вцепиться ногтями в лицо обидчику.

Гаррота, сохранившая тепло пальцев убийцы, застала Маледикта врасплох. Он почувствовал, как ее накинута ему через голову, и, позабыв о мече, постарался удержать затягивающуюся петлю. Руки стали действовать иначе; паника уступила место работе мысли. Вместо того, чтобы цепляться за убийцу, Маледикт схватился за проволоку и умудрился просунуть ладонь в промежуток между петлей и шеей.

Маледикт хватал ртом воздух, проталкивая руку все дальше в петлю, обдирая кожу на предплечье и стараясь приблизить гарроту к локтю. Если только удастся проскользнуть в нее локтем, он сможет выбраться; плечо и ребро не позволят удушить его. Но проволока все сжималась, не давая собрать необходимую энер-

гию. Задыхаясь, но не желая сдаваться, Маледикт просунул руку еще на дюйм вверх; убийца перевернул его лицом вниз и уперся коленями ему в спину.

Теперь Маледикт увидел меч — в каком-то футе от себя; ему вдруг пришло в голову, что, если Джилли прав и меч в самом деле может явиться к нему по желанию, сейчас было бы самое время. Маледикт сделал последний вдох; поспешный выдох иссушил легкие. Где же Ани с Ее помощью? Или же Она посчитала напавшего убийцу не достойным Своего внимания — как не являющегося частью их сделки... В ушах стучала кровь; Маледикт закинул руку назад, пытаясь зацепиться за что-то, найти опору.

Вдруг убийца удивленно разжал хватку: дверь распахнулась.

Маледикт со свистом втянул воздух, вскинул руку, протискиваясь в петлю, и бросился к мечу. Он уже схватил клинок, когда услышал треск. Развернувшись на нетвердых ногах, он увидел, что Джилли стоит над убийцей, сжимая в руках прихваченную внизу кочергу. Бросив взгляд на обмякшее тело, Маледикт опустил клинок.

— Ты избавил меня от хлопот. Позволь выразить признательность, — прокаркал он.

Джилли все стоял, не в силах разжать мертвой хватки на окровавленном железе, с побелевшим лицом и губами; Маледикт пожалел о своих небрежных словах.

Он взял Джилли за рукав рубашки и отвел прочь от тела; потом разжал его пальцы, заставив бросить кочергу.

— Я видел его — он промелькнул тенью через окно. Я не предполагал, что смогу такое сделать. — Голос Джилли задрожал и оборвался, словно у неопытной певицы на первом выступлении.

— Ты смог, — сказал Маледикт, усаживая Джилли в кресло и укрывая пледом. — Ты весь дрожишь. — К юноше уже возвращалось самообладание.

— Я только что... Я убил его?

— Сомневаюсь, чтобы он поднялся после того, как ты проломил ему череп. Скажи, ты в детстве часто орудовал палкой? —

Маледикт налил Джилли бренди, насильно вручил ему тяжелый хрустальный бокал.

Джилли поднес бокал к губам, с трудом сделал глоток и снова опустил на колени.

— Ты ранен?

— Нет, только избит. — Маледикт уселся на кровать и осторожно потер шею. Другая рука продолжала трястись и подергиваться в остаточных нервных судорогах после перенапряжения. Юноша опять встал.

Джилли подал ему свой бокал бренди. Маледикт закашлялся, когда напиток обжег пострадавшую плоть, и вернул его Джилли.

— Это человек герцога Лава, — сказал Джилли, устраниваясь в кресле так, чтобы положить голову на подголовник. — Я узнал его, как только нанес удар. Забыл его имя — а лицо помню.

— Герцога? Его-то я чем обидел? — Маледикт чувствовал себя сбитым с толку словно ребенок; он перестал четко видеть картину битвы.

— Возможно, тем, что к тебе благоволит король, — предположил Джилли. — Самой скандальностью данного факта. Или, быть может, убийцу у него одолжил Ласт.

— Ласт, — повторил Маледикт, скорее даже довольный очередной причиной для ненависти, которую он питал к графу. Опустившись на колени возле тела, он принялся шарить по одежде убийцы. Во внутреннем кармане обнаружилась записка на хорошей бумаге. Маледикт развернул ее, стараясь не залить содержимое послания кровью, струившейся по руке.

— Что там? — спросил Джилли — шорох бумаги вывел его из состояния шока. Джилли взял записку у Маледикта. — Здесь только указания, никаких имен — даже твоего.

— Ну ладно. Если он не может нам помочь, давай вытаскивать его отсюда. Клянусь, от него уже начинает разить. — Маледикт подобрал кочергу. — У тебя нет при себе спичек?

— Надеюсь, ты не собираешься его сжечь?

Маледикт невольно улыбнулся ужасу на лице Джилли.

— Только кровь и волосы, что прилипли к кочерге. Он чересчур свеженький, его спалить не так-то просто. Впрочем, я го-

тов выслушать твои предложения, Джилли. Ночь не бесконечна, а я устал. Ты все знаешь. Так скажи, что с ним делать? — Маледикт говорил мягким, примирительным тоном.

— Я не имел представления, как избавляться от трупов, пока служба не столкнула меня с тобой, — возразил Джилли. Он посмотрел на тело, на разбитую голову и сжал пальцы. — Будем инсценировать несчастный случай.

Пошатываясь от тяжелой ноши, провисавшей между ними, Джилли и Маледикт миновали темный, устланный коврами холл, широкую парадную лестницу и направились к узкой — ведущей на чердак. Мокрые от пота пальцы Джилли соскользнули с сапог трупа, и он едва успел подхватить их снова, не позволив с грохотом удариться о подступенок. Маледикт, едва живой от усталости, знаком приказал остановиться и передохнуть, прислонив тело к стене. Джилли отвел взгляд от неподвижных глаз, с отвращением думая, что это была его идея, и теперь нечего сетовать: мысль превратить убийцу в вора-неудачника, который упал и разбился насмерть, принадлежала именно ему.

Маледикт, задумчиво пиная остывающий труп, предложил в качестве точки предполагаемого проникновения вора окно спальни, однако Джилли вспомнил о мягком бархатистом газоне и розовых кустах внизу. Человек мог сломать шею, но никак не размозжить черепную коробку при падении на такую поверхность.

И тогда они потащили свою нелегкую ношу к высокому чердачному окошку, где прогнившая решетка делала вполне правдоподобными как попытку взлома, так и последующее падение на мощенную камнем дорожку.

Другое предложение Маледикта — заявить, что они оборонялись, и доставить Эхо удовольствие забрать тело, — Джилли отверг моментально, сославшись на то, что нежелательно вообще пускать Эхо во владения Маледикта, учитывая его стремление доказать виновность юноши хоть в чем-то — в чем угодно. Джилли затаил дыхание, ожидая ответа Маледикта, но по выражению пронизательных, темных глаз понял, что его истинный мотив не остался незамеченным: если это был вор и несчастный случай, значит, Джилли не придется испытывать угрызений совести по поводу того, что он сотворил...

Джилли поднял голову: застывший взгляд потускневших глаз остановился на нем. Нечто липкое и мокрое скользнуло по мертвому лицу. Джилли подавил приступ возмущения: теперь понятно, почему аристократы предпочитали дуэли — можно убить человека и уйти, не успеет упасть его тело. Им не нужно было прибираться после убийства. Он испуганно вздрогнул от прикосновения холодных пальцев Маледикта.

— Хватит таращиться. Ты запятнал себя кровью, и теперь этого не искупить никакими душевными страданиями. Бери его за лодыжки и кончай фантазировать, — приказал Маледикт. — Только дай-ка я буду подниматься первым. Если мы потащим его головой вниз, потом придется мыть лестницу. Вечер у нас и без того затянулся.

Смерть... Аристократы превратили ее в развлечение, мелькнула в голове у Джилли шальная мысль. Он чересчур поспешно ступил, и Маледикт споткнулся.

Они находились слишком высоко, близко к комнатам прислуги, так что вместо извинения Джилли лишь пожал плечами. Маледикт снова потянул тело на себя и зашагал дальше; тень скрыла его волосы и глаза, а потом поглотила и укутала их обоих. На лестничной площадке они приостановились, высматривая полоску света: вдруг кто-то из горничных еще не спит. Но темнота была почти полной; лишь слабый отсвет ночного неба слегка вычерчивал балки перекрытия, когда Маледикт и Джилли крадучись миновали комнаты прислуги и поднялись по невысокой лесенке на сам чердак.

Маледикт со вздохом облегчения опустил тело, потянулся, разминая спину и плечи.

— Почему мертвецы всегда такие чертовски неподъемные?

— Не неподъемные, а неудобные, — поправил Джилли. — Ты или я могли бы дотащить его в одиночку, если бы не лестницы и не наша собственная брезгливость. Если взять его в руки, как возлюбленную, будет гораздо проще. — И снова, окинув взглядом легкий силуэт Маледикта, Джилли усомнился в уместности своих слов.

— Он начал окоченевать, — предупредил Маледикт, ткнув тело. Он обнял труп убийцы, так что руки сошлись, уткнув-

шись друг в друга белыми костяшками пальцев. — Давай покончим с этим.

Джилли перехватил ноги трупа с лодыжек за бедра — он постарался принять на себя большую тяжесть, увидев, как напряжение в руках Маледикта отзывается в его шее и плечах.

— Я заставляю Лава пожалеть об этом, — выдохнул Маледикт, когда они подтаскивали тело к узкому подоконнику.

Труп на мгновение застрял, потом повалился вниз, зашелестел плющом и внезапно поднял облако черных крыльев. Маледикт и Джилли отпрянули, когда в окно впорхнула стая растревоженных грачей. Биением крыльев птицы вторили ударам сердца Джилли.

— Ты знал, что у них там гнезда? — спросил Джилли, когда последний грач наконец отыскал обратный путь в ночное небо.

— Очень удобно. Отличное объяснение: испугался и упал, разбившись насмерть. Ты отлично помог мне сегодня, Джилли. Ты моя удача, мой верный друг. — Маледикт легко коснулся щеки Джилли губами.

Джилли поймал себя на мысли: из-за чего он так мучается? Неужели из-за смерти убийцы, который иначе сам убил бы Маледикта?

Внизу, на земле, неясный темный силуэт убийцы зашевелился и затрепетал. Джилли отшатнулся и взглянул на Маледикта, потрясенный явным признаком движения; при мысли, что они могли сбросить живого человека, ему сделалось дурно. Но Маледикт лишь улыбнулся в ответ. Джилли наконец осознал, что движущаяся чернота — не сам человек, а тело, покрытое слетевшимися на пиршество грачами.

26

И вот в очередной раз Маледикт оказался в самом сердце скандала; молодого вельможу едва не ограбил слуга самого герцога Лава. Как будто сплетникам и сплетницам этого было мало, противостояние между Маледиктом и герцогом, начавшееся с взаимных обвинений и угроз, окончилось апоплексическим ударом и смертью Лава. И все, как утверждала молва,

произошло так, что Маледикту даже не понадобилось вытащить меч или повысить голос. Люди делали ставки в попытке угадать, что же такого мог сказать Маледикт. По слухам, и вовсе не произносилось никаких слов: всему виной стала грубость Маледикта, который запретил Лаву и Эхо войти в дом и продержал их на пороге под холодным утренним морозящим дождем. Брайерли Вестфолл, сладкоголосый глашатай Мирабель, сказала, что та сама слышала, как Маледикт проклял семейство Лава. Другие утверждали, что он насмеялся над гордостью Лава и таким образом вверг его в апоплексический гневный припадок.

Когда к середине недели ставки стали уже достаточно серьезными, на сцене появился Маледикт собственной персоной и поклялся, что повторит свои слова, если победитель разделит добычу с остальными. Он нанес визит в таверну «Однорогий бык», не обращая внимания на возражения Джилли, призывавшего к благоразумию и пристойности, и, лично просмотрев книгу для записи пари, наконец вручил кошель молодому поэту.

— Ничего особенного я не сделал, — сказал Маледикт, улыбаясь на высказываемые безумные фантазии о колдовстве и экзотических ядах. — Я всего лишь забаррикадировал дверь и сказал Лаву, что поступил так из одного опасения: если слуга Лава был подлым воришкой, с чего вдруг хозяин окажется лучше? Выяснилось, что у Лава слабое сердце. Его прикончил его собственный нрав.

Пуль, тот самый карикатурист, до сих пор заключенный в «Камни», прослышав о происшедшем, почерпнул из него сюжет следующего шедевра: Маледикт, облаченный в тень, окруженный лукавыми лицами, рассыпает перед ними монеты. Карикатура была озаглавлена «Ставки на смерть», и за спиной Маледикта маячила рогатая голова Хаита, бога смерти и победы. Джилли забеспокоился, увидев картинку; Маледикт лишь ухмыльнулся.

— Ты должен быть более благоразумен, сидеть дома и...

— ...сдерживать натиск визитеров, желающих увидеть место, где сначала умер человек Лава, а потом он сам? Нет уж, Джилли, мне это начинает надоедать.

При дворе возродился интерес к темному рыцарю, не напоминавшему о себе целый сезон; Маледикта заваливали приглашениями на скандальные собрания и балы, однако в его бурной жизни белела одна лакуна. От Януса не было ни слуху ни духу, и Джилли знал, что именно это толкает Маледикта на различные поступки в поисках его внимания.

Янус появился лишь через несколько дней, поздно ночью. Он полностью соответствовал представлениям о любовнике, спешащем на позднее свидание: темное белье, духи с цитрусовыми нотками, чисто выбритые щеки.

Джилли открыл перед ним дверь, и Янус влетел в гостиную, словно знал: с той ночи, когда на Маледикта напали, ему не спалось в его спальне. Слуга шел следом, негодуя на беззаботную уверенность Януса в том, что ему будут рады — даже спустя неделю; Джилли с удовлетворением заметил, как Янус остановился на пороге при виде Маледикта, вытянувшегося на кушетке около спинета. Весь в голубино-сером, Маледикт походил на пламя, горящее в лампе тонкого стекла.

— Это был убийца? Человек герцога? — спросил Янус и бросил плащ на спинку стула, не обратив внимания на то, что скользкая бархатная подкладка словно бы стекла на пол. Джилли поднял плащ, снова повесил.

— Человек герцога. Рука твоего отца. Садись. Выпить хочешь? Джилли учит меня мухлевать в «Дешевом висте».

Янус склонился, чтобы поцеловать Маледикта, но тот отвернулся, словно оскорбленная горничная, не желающая отдаваться своему господину по-хорошему.

— Это игра для слуг, — сказал Янус, видимо, желая поднять Маледикту настроение. Он уселся на кушетку, прижавшись бедром к ноге Маледикта.

— Победа есть победа, независимо от ставок. — Маледикт поднялся и стал неторопливо потягиваться, разминая мышцы.

Джилли, наблюдавшему за этой сценой — всегда только наблюдавшему! — вспомнилось тлеющее пламя, горячая копоть, рокочущие заморские вулканы.

— Значит, вы сбросили труп с чердака, — сказал Янус. — Зачем все эти загадки? — Он схватил Маледикта за руку и попытался усадить к себе на колени.

— Я решил, что мертвый грабитель вызовет меньше разговоров, чем мертвый убийца, — ответил Джилли, когда молчание Маледикта стало затягиваться.

— Надо было подождать, — проговорил Янус.

— Ждать, вечно ждать. Твоя любимая песня. Я что, должен был затолкать его в кладовку? — Голос Маледикта вдруг сделался резким. — Или отправить записку Ласту: извините, дескать, не пришлете ли Януса мне на помощь, а то у меня в спальне труп? Меня стошнило при виде его, и Джилли было почти так же плохо. А тебя неизвестно где носило.

— Отец изменил планы и держал меня при себе до поздней ночи — просматривал отчеты по аренде земли, которой я, быть может, никогда не буду владеть; а я изображал покорного сына. Только теперь с этим покончено, — заявил Янус, пряча лицо в волосах Маледикта. Его голубые глаза разгорелись. — Твой меч достаточно острый?

— Нет, — сказал Джилли. — Нет.

— Не дразнись, — проговорил Маледикт после минутного молчания.

— Я чертовски серьезен, — ответил Янус. — Он пытался убить тебя. Нельзя позволить ему еще одну попытку. Я поднял дичь, Мэл, вынудил ее двигаться. Пора отправляться на охоту.

— Что ты сделал? — спросил Джилли.

— Я налил Амаранте вина, устроив так, чтобы она увидела...

— И что? — прервал его Маледикт. — Просто скажи мне, куда...

— В порт, — сказал Янус. — К «Поцелую Зимы» и оттуда — в Итарус, где они могут объединиться с другим человеком, желающим тебе смерти.

— С Данталионом, — договорил за Маледикта Джилли.

Казалось, Маледикту было все равно: он сидел, опустив веки, губы его изогнулись в улыбке. Человек, затерявшийся в восхитительном сне об убийстве. Он открыл глаза: в самой их глубине клубился чистый, незамутненный триумф.

— Ты сомневаешься в моих возможностях, Янус? Я зарезу Ласта, прежде чем он ступит на борт «Поцелуя».

— Ты не можешь ринуться в ночь, размахивая мечом, как какой-то варвар, — сказал Джилли и встал перед дверью, ве-

душей в прихожую и дальше на улицу, словно желал преградить им путь.

— Не волнуйся ты, Джилли. Тебе это не поможет — и не изменит того, что мы делаем, — проговорил Маледикт.

— Мы могли бы нанять разбойников, чтобы убить Ласта. Вырви лист из его книги, — предложил Янус.

— Нет, — сказал Маледикт, снова поднимаясь на ноги, стройный, как его меч. — Какая радость от крови, пролитой по поручению?

— Но раны, оставленные мечом, ни с чем не спутать. Если попытаться представить все как несчастный случай — попытку ограбления или что-то вроде...

— К черту все, — сказал Маледикт, пристегивая меч к узким бедрам. — Я был терпелив. И больше терпеть не стану.

— Я нанял мальчика следить за домом, — сказал Янус. — Он даст знать, когда выйдет Ласт. Ты подождешь. — Полуприказ-полумольба возымела действие: Маледикт остановился на пути к двери.

Он мерил шагами холл словно гибкий хищник в городском зверинце, ожидая, отказываясь вступать в беседу, хотя Джилли пытался его разговорить. Записку доставили едва не на рассвете. В ней было всего одно слово. «Сейчас». Не успела бумага коснуться мраморной плитки пола, как Маледикт был уже на улице.

Грачи с криками вспорхнули с крыши; в конюшне пронзительно заржали лошади, словно их стойла кто-то поджег. Маледикт пошел в отступающую ночь — пошел на запах моря в воздухе, пошел, волоча за собой тени, словно темные крылья.

Граф Ласт на ходу выскочил из кареты и жестом велел кучеру ехать дальше — к притихшей набережной и итарусинскому кораблю, выделявшемуся среди остальных благодаря ледокольному тарану на носу. Разбойник прыгнул со своего места на запятках кареты. То был не обычный паренек-посыльный, а человек комплекции Джилли. Пока Ласт присматривал за кучером и грузчиками, что перетаскивали на борт его сундуки, громилы дежурил, вглядываясь в тени, не разжимая пальцев на рукояти кинжала. Маледикт, прищулив глаза, наблюдал

за ними из темного провала стены в переулке. Неужели Ласт думал, что хватит одного-единственного охранника, пусть даже такого крупного: Маледикт давно перестал бояться тех, кто массивнее его. Кровь лилась из всех людей одинаково. Юноша ощутил укол обиды: Ласт, который предположительно опасался за свою жизнь, доверился силам одного телохранителя и кучера?

Промозглый утренний туман, обнявший улицы и пирс, протянул бледные завитки в укрытие Маледикта, размыл силуэт Ласта. Маледикта согревала ненависть, струившаяся через его сердце и мозг, и он радовался ей, радовался их с Ани общему гневу — гневу, который вытеснял все остальные чувства. Казалось, туман, прежде чем прикоснуться к чему бы то ни было, обмакивает свои медлительные, цепкие пальцы в чернильную беззвездную ночь. Маледикт покинул укрытие и шагнул на пирс, вглядываясь в крупное пятно с нечеткими очертаниями — фигуру Ласта; и за Маледиктом из переулка последовали тени, беззвучно расплзлись по причалу, укрыли его запоздалой тьмой.

Разбойник, несмотря на все свои прыжки в сторону теней, оказался, увы, не готов к появлению Маледикта — с уже обнаженным и взметнувшимся клинком. Рост, мускулы — все показное, мельком подумал Маледикт, проскальзывая мимо заваливающегося наземь человека, из горла которого хлынула кровь. Лучше бы Ласт взял собаку: по крайней мере, можно было рассчитывать на ее предупреждающий лай.

— Ласт, — позвал Маледикт, оказавшись на расстоянии меча от графа.

Ласт мгновенно развернулся; одна рука впиалась в черенок трости, другая в рукоять; глаза метались в поисках телохранителя. Не отыскав никого, Ласт повернул трость. Та издала щелчок, обнаруживая слабый блеск металла. Лицо Ласта не выразило удивления — лишь смирение и гнев.

— Это он навел тебя? Пусть так. Не рассчитывай, что легко от меня избавишься.

Вместо ответа Маледикт сделал выпад. Клинок зашипел, охваченный собственной жаждой крови; граф отразил удар тростью. Дерево раскололось, и внутри обнаружился меч.

Граф ударил, используя стальную сердцевину в качестве рычага, и вынудил Маледикта отступить, обеспечив себе миг для того, чтобы высвободить клинок из сломанных ножен. Маледикт, танцуя, нанес очередной удар; Ласт избежал его, круто повернувшись на каблуке. Граф позвал на помощь: зов поглотили черные туманы.

— Колдовство, — бросил Ласт, брызгая слюной. — Без него ты ничто. Ты не одолел бы меня без помощи богини.

— Она лишь удерживает остальной мир в отдалении, — сказал Маледикт, снова атакуя. Меч вонзился в толстую ткань пальто. Ласт вздрогнул, потом резко запахнул пальто, пытаясь обезоружить Маледикта.

Юноша вцепился в свой меч мертвой хваткой, скользящим движением ушел назад; Ласт с молниеносной быстротой, заставившей Маледикта досадливо вскрикнуть, избавился от сковывающей движения одежды.

Перенеся вес тела вперед, граф ударил, метя в лицо Маледикту. Юноша увернулся, даже не сойдя с места, и в бешенстве сорвал с руки Ласта пальто, которым тот пытался воспользоваться как щитом.

В то растянувшееся мгновение юноше стало ясно, что граф Ласт оказался довольно умелым фехтовальщиком, которому вдобавок очень хотелось жить. Но Маледикт, темный и мрачный, двигавшийся так, словно он и сам был лишь клочком тумана, был просто одержим. Постепенно, удар за ударом, он шел к победе.

Темнота была такой плотной и абсолютной, словно морская пучина поднялась и захлестнула город. В ее черных объятьях мир Маледикта сузился до звона стали о сталь и хрипов, что вырывались из легких соперников. Не осталось даже места для ярости или триумфа; изящный бой, который вел Ласт, заставлял Маледикта испытывать лишь наслаждение физическими усилиями и захватывающее дух предвкушение крови. Темный меч скользнул сквозь туман словно призрак, устремился вперед и задел цель; Маледикт застонал от удовольствия, что прежде пряталось, свернувшись калачиком, где-то глубоко в животе, а теперь открыто

дало о себе знать. Ласт выругался и нерешительно отступил, из его плеча сочилась кровь.

Туман донес до них приглушенные молитвы перепуганных моряков. Где-то поблизости графа звал кучер, но Ласта теснил меч Маледикта, и у него не хватало дыхания, чтобы откликнуться.

Наконец граф перешел в наступление; вместо коварного скользкого деревянного причала под ногами оказалась мощеная граница пирса и дороги, однако успех стоил Ласту ран на предплечье и бедре.

Лицо Ласта, искаженное отчаянным напряжением, разгладилось, на нем вдруг проступило дикое ликование: по чистой случайности кучер оказался в их круге. Маледикт, пританцовывая, отступил и сделал разворот — клинок вырвался из его руки и вонзился точно в грудь кучеру. Заряженный пистолет выпал из ладони несчастного на брусчатку с оглушительным ревом, полоснув малиновым светом пустоту. Удовольствие на лице Маледикта превратилось в гримасу ярости. Кучер намеревался помешать ему; есть ли еще желающие?

Ласт бросился в атаку, целясь острием меча в мокрый от пота крават на шее Маледикта; юноша увернулся как раз вовремя, чтобы сберечь шею, если не жилет и рубашку. Ткань лопнула: темная парча, светлое белье, плотный хлопок — все рассек один быстрый удар, обнажая белую, светящуюся, как луна, плоть юноши; на ключице расцвела и запеклась капелька крови.

Маледикт зарычал, почувствовав прикосновение тумана к обнаженной коже. Юноша был на расстоянии человеческого роста от тела кучера и от собственного меча; он рассвирепел не на шутку.

Бой продолжался слишком долго; каждая минута приближала Ласта к возможности отсрочить расправу. Наверняка выстрел кто-то слышал; хотя туман рассеивал звуки, в конце концов место поединка обнаружат. Уже теперь до Маледикта донесся женский крик — высокий, пронзительный визг, от которого у него скрипнули зубы. Ласт медлил, сбитый с толку; в тот самый миг, когда граф стряхнул с себя удивление и вернулся к битве, Маледикт одним длинным низким прыжком дотянулся до меча.

Клинок Ласта прошел на волос от резко пригнувшегося Маледикта, едва не задев плоть. И снова послышался звук рвущегося шелка: лента, которой были перехвачены волосы юноши, сползла ему на шею, давая понять, как близко просвистел вражеский удар; но труп кучера и его собственный меч были уже рядом. Пальцы Маледикта сомкнулись на рукояти, окаймленной острыми перьями гарды; меч выскользнул из плоти и кости, словно человеческое тело было другим эфесом, за который он зацепился.

Маледикт замотал головой, отбрасывая с лица волосы, и принялся теснить Ласта к пирсу. Исход дуэли был предрешен: о нем говорили застывшая пустота в лице графа, страх в голубых глазах. Маледикт сделал молниеносный выпад, словно хищная птица бросилась на свою добычу; юноша видел теперь только горло графа. Ласт парировал в самый последний момент; сталь завизжала о сталь, отсекая ему ухо.

— Что ты такое? — выдохнул Ласт.

— Так вот что тебя тревожит? — засмеялся Маледикт, пытаясь взглянуть на себя глазами Ласта. Растрепанные волосы, затеняющие глаза, дикий оскал зубов, узкий красный язык, бледная кожа и нежная грудь, открытая ночному воздуху... Если бы Ласт был не таким законченным аристократом, он страшился бы меньше; но в его жизни женщины всегда являлись лишь игрушками и пешками. Эта же владела мечом — и, более того, дралась с ним до смертельного исхода; с такими графу не приходилось сталкиваться.

— Кто ты? — снова выкрикнул он.

— Чернокрылая Ани! — Имя вырвалось из горла Маледикта помимо его воли.

Ласт зашатался, и Маледикт вонзил меч ему в грудь, повернул клинок; крик, что издал граф перед падением, доставил юноше невыразимое удовольствие. Хлынула кровь, запузырилась над промокшей от пота рубашкой Ласта, вздувая ткань в своем стремлении вырваться на свободу. Если оставить графа, он все равно истечет кровью. Маледикт опустился возле него на колени, коснулся раны.

— Я ударил тебя в сердце или в легкие? Однажды ты тоже забрал у меня сердце.

— Я не стану умолять, — хрипло прошептал Ласт, разбрызгивая кровавую пену на губах.

— Я тоже никого не умолял, только от этого было не легче. — Маледикт поднес ладонь ко рту и носу, вдыхая горячий и острый запах крови. Он облизнул пальцы; кровь согрела ободранное горло, смягчила, но не утолила жажду.

Маледикт стоял, опьяневший от ярости. Этого было недостаточно. Юноша покачивался, размышляя, чей голод, чью жажду крови он сейчас испытывал. Ласт почти мертв, и через мгновение он довершит дело, его возмездие будет доведено до конца в крови и тенях. И все же Маледикт вовсе не чувствовал себя насыщенным, а в животе по-прежнему трепетали крылья.

Едва слышный вздох за спиной напомнил ему о физическом присутствии Ласта. Маледикт обернулся, желая увидеть, как меркнет свет в его глазах, как жизнь оставляет его. Но Ласт уже был не один. Другой человек отыскал дорогу к ним среди туманов.

— Мразь, — выдохнул Ласт. — Явился взглянуть, как твой любовничек прикончит меня? Надо было мне придушить тебя, когда ты только родился.

Янус нагнулся и перерезал Ласту горло от уха до уха.

— Он был мой! — От гнева у Маледикта пропал голос, так что он выкрикнул шепотом.

— Ты слишком долго отсутствовал. Я волновался за тебя. И, как теперь вижу, не зря; шатаешься тут, как привидение, в полуголом виде, — сказал Янус. Он запахнул разорванную рубашку Маледикта. Вдруг пальцы юноши сжались в кулак и, ослепленный крыльями, он ударил. Янус покачулся, облизывая разбитую губу; глаза его потемнели. — Какая разница, кто убил его? Ты пустил ему кровь, заставил испутаться тебя.

— Он был мой, — повторил Маледикт. — Мой. — Юноша стиснул пальцы на рукояти меча, который словно сам лег ему в руку. Маледикт бросился вперед и еще раз погрузил клинок в тело Ласта. Янус отступил подальше. Маледикт полоснул мечом по животу графа и выдернул клинок плашмя, надеясь услышать последний стон, успеть нанести последнюю рану.

— Хватит, Мэл, — попросил Янус.

Маледикт, не слушая, еще раз прошелся мечом по груди Ласта и вложил меч в ножны — и вдруг осознал, что единственное, чего он теперь желал, было пролить кровь, а единственным человеком в пределах досягаемости оказался Янус. Он устремил взгляд на море: волны накатывали и отступали, туман рассеивался, уже виднелись силуэты кораблей. Сверкающий ростр «Поцелуя Зимы» — молодой человек, словно вырезанный из льда — сверкал и, казалось, растапливал последние клочья тумана. Джили бы он понравился, подумал Маледикт, и при этой мысли гнев его стал убывать. Граф был мертв. Его месть совершилась. Маледикт посмотрел в пустые глаза, в безвольно открытый рот. Ани стихла в угрюмом смущении.

Маледикт смотрел на тело, ожидая какого-то знака, не в силах отвести глаз, хотя Янус дважды звал его по имени, и наконец раздраженно выкрикнул: «Миранда!».

Она обернулась, ища слов, чтобы описать свое смятение. Граф Ласт умер, а ее победа не имела никакого смысла, как и в тот день, когда она впервые услышала его имя. Ласт. Тогда для нее ничего не значило это слово. Мертвый, он тоже перестал для нее что-либо значить.

— Ну что, выплеснула свой гнев? — поинтересовался Янус. — Хватай его за лодыжки, потащим к воде; мы нагрузим его пальто камнями — так тело еще нескоро найдут.

Маледикт безмолвно повиновался. Он наблюдал, как тело медленно погружается в воду.

— Что ты здесь делаешь?

— Помогаю тебе, — отозвался Янус.

— А Амаранта? Она здесь? — спросил Маледикт.

— На борту «Поцелуя», полагаю, — сказал Янус. Губы его сжались в тонкую полоску. — Ну, с этим уже ничего не поделаешь. Если только мы не собираемся вступить в бой с целой командой.

Мы могли бы, прошептала Ани, мы окрасили бы воду в красный цвет.

Маледикт замотал головой и, подчиняясь властному взмаху руки Януса, подошел помочь ему избавиться от трупов людей Ласта.

Маледикт и Янус все еще пытались совладать с немалым весом громилы, когда из ночи выплыли, пьяно покачиваясь, двое матросов. Они удивленно заморгали, один из них нахмурился.

— Милорд Ласт, это вы? — Янус натянул на светлые волосы капюшон плаща и взглянул на Маледикта. Тот всё понял без слов. Матросы должны были исчезнуть. Маледикт выхватил меч и бросился к ним; они же, запаниковав, вместо того, чтобы бежать к спасительному кораблю, кинулись обратно в темноту улиц. Янус натянул крават на нос и щеки и последовал за ними — бесшумно и мягко, словно кот. Маледикт продолжал погоню. Он двигался легко и быстро — казалось, осколки стекла разлетаются.

Маледикт стрелой пронесся по темному переулку, разрывая тени. Оглянувшись, один из моряков попытался применить отводящее взгляд заклятие — и споткнулся. Маледикт прыгнул, со всей силы ударил матроса головой о камни, и выхватил меч, но Янус, проносясь мимо, бросил: «Только не мечом».

Маледикт досадливо прорычал, но остановился, признавая правоту Януса. Матрос попытался встать. Тогда Маледикт, подбрав камень, обрушил его на череп бедняги; раздался мокрый хруст. Маледикту вспомнились уроки Миранды. Он нагнулся над телом и вытащил несколько лун, оставшихся в кошель.

Вскоре вернулся Янус, выбившийся из сил, зато с телом второго моряка. Он уложил труп рядом с первым.

— Ты срезал у него кошель?

Маледикт кивнул.

— Тогда уходим. Нет ничего удивительного в том, что кто-то напал на пьяных матросов с целью ограбления, — сказал Янус. — А мне нужно скорее домой, приложить арнику к губе. Будет не так просто объяснить, откуда взялся синяк, если Ласт вдруг выплывает во время прилива. — Янус говорил с укоризной, но Маледикт не стал извиняться.

По правде говоря, Маледикт не смог бы извиниться, даже если бы хотел. Последняя смерть лишила его дара речи; он боролся с внезапно нахлынувшим желанием расплакаться. Моряк не имел никакого отношения к его мести. Он был про-

стой человек, он ходил к шлюхам поразвлечься доступным ему способом, и вот...

Янус взглянул на Маледикта и холодно произнес:

— Если бы Элле удалось осуществить свои планы, ты бы спала вот с такими. — Он притянул Маледикта к себе и обвязал вокруг его талии узкую тесьму, скрепляя рассеченный корсет. — Постарайся не попасться на глаза Джилли, ладно?

Маледикт потрогал снятый с покойника пояс, кивнул и сделал шаг в темноту. Маледикт направлялся домой, держась тенью Развалин, словно призрак, бросающий вызов всем, кто готов сразиться с ним, узнать его. Маледикт под влиянием воспоминаний Януса почти ожидал встретить Эллу, нетвердой походкой выходящую из переулка и оправляющую свои юбки. Он задумался: что же произойдет тогда? Признает ли она вообще Миранду в облики Маледикта? Скорее всего, она даже не посмотрит, просто поспешит удрать, угадав в нем опасность, а не своего собственного ребенка. Маледикт на миг задумался, горевала ли Элла, когда ушла Миранда, если, конечно, дочь значила для нее хоть что-то, кроме возможности зарабатывать на кусок хлеба.

Внезапно нахлынувшие мысли заставили его остановиться и застыть в оцепенении. Миранда была ничто, крыса, но Янус!.. Селия знала, что его забрал Ласт; почему она не последовала за ним? Наверняка Развалин достигли слухи о том, что Янус разбогател... Отсутствие Селии объяснялось либо тем, что она умерла, либо тем, что она так погрязла в навеянных «Похвальным» грезах, что была почти мертва. Такая же судьба, вероятно, постигла и Эллу. Маледикт судорожно вздохнул и пошел дальше, боясь, как бы его прошлое не встало у него на пути. Однако переулки мелькали один за другим в этом удивительном тумане, людные лишь в воображении Маледикта: он не встретил ни души.

Вернувшись домой, он прокрался через кухонную дверь. Кухарка дремала в кресле, а на столе поднималось свежее тесто. От густого, кислого запаха квашни у Маледикта свело желудок. Юноша поспешил прочь из кухни и остановился при виде Джилли, который прикорнул на парадной лестнице. Оплывающая свеча за-

лила воском весь подступенок. Маледикт отступил и прокрался наверх по черной лестнице.

Все сделано, думал он, стаскивая окровавленную рубашку. И даже теперь Ласт продолжал мучить его: ткань прилипла к коже и причиняла боль.

Все кончено, и Янус станет графом. Маледикт поморщился. Если удастся избежать обвинения в убийстве. Он сорвал испорченный корсет и швырнул в кучу затвердевшей от крови одежды.

Обнаженный, Маледикт принялся возиться возле камина в поисках спичек. Тряпки он швырнул в очаг. Опустившись на колени, стал раздувать упрямое пламя, но преуспел лишь в рассеивании мелкого пепла, оставшегося с прошлого года. Глаза защипало, и из них снова полились слезы.

Откуда такая слабость? Откуда печаль? Маледикт не мог объяснить себе. Раньше с ним ничего подобного не приключалось.

В щели между шторами уже начал пробиваться утренний свет, и Маледикт в отчаянии плеснул бренди на медленно тлеющую одежду. Лишь тогда комната наполнилась вонью горящей крови и золоченой вышивки. С плеч Маледикта спала часть бремени. Он ополоснул лицо холодной водой из кувшина, стараясь смыть пепел. Полотенце окрасилось крапинками красного и черного, и он принялся выжимать его, пока вода в тазу не сделалась розовой. В зеркале отражалась какая-то сумасшедшая, и Маледикту не хотелось смотреть на нее. Он был Маледиктом, темным рыцарем, карой Ласта. Слугой Ани. Все еще Ее слугой. И теперь, когда Ласт мертв, чья кровь освободит его?

Утренний свет напомнил Маледикту, что вот-вот войдет служанка с чистой водой и утренней чашкой чая. Хорошо бы, чтобы к тому времени одежда сгорела — и сгорела дотла. Маледикт пошевелил в камине кочергой; сверкающие искорки ужалили его в голые ладони и предплечья. Эта легкая боль вывела юношу из ступора, и он принялся одеваться с привычной скрупулезностью. Тонкие, по последнему слову моды, кожаные панталоны обтянули бедра и живот. Еще один корсет, припрятанный в тайнике, где когда-то хранилось завещание Ворнатти, скрыл грудь и сделал

шире осиную талию. Поверх Маледикт накинул рубашку из тончайшего батиста и парчовый жилет, повязал крават, умеренно подражая моднику Листопаду. В этот самый момент послушался знакомый стук в дверь: Джилли.

— Мэл? — раздался его обеспокоенный голос.

Получив позволение, Джилли вошел и закашлялся.

— Что ты там жжешь? — спросил он, без разрешения распахивая окна. Глянув на черные остатки в огне, всё понял: — О! Значит, ты сделал это? Убил его? — Голос Джилли стал неуверенным и печальным. — Тебя видели? Что будет дальше?

Маледикт взял бутылку бренди, но оно уже кончилось: все ушло на разведение огня.

— Все — пепел, — проговорил он. — Один лишь пепел. Ты можешь объяснить мне, почему я не чувствую удовлетворения? — Он отобрал у Джилли кочергу и поворошил угли, обращая сгоревшую одежду в черную пыль. — Я планировал эту смерть много лет. Злорадствовал, воображал ее, подпитывал ею свой гнев. А теперь от нее остался лишь пепел у меня во рту.

— Ани гонит тебя, подстегивает к бешеной ярости, а когда ты исполняешь Ее желание, Она удаляется и забирает все Себе. А у тебя остается лишь привкус крови во рту. Теперь, когда твоя месть осуществилась, Она должна навсегда оставить тебя. — Джилли выдохнул и уткнулся взглядом в ковер под ногами, собирая носком туфли сажу, рассыпавшуюся, когда доставали кочергу. — Большинство прежних Ее детей сошли с ума, утратив Ее. — Голос Джилли задрожал.

Маледикт попросил:

— Джилли, посмотри на меня и скажи, что Она меня оставила. Что знак Ани исчез. Ты ведь видишь все так ясно. Моя часть сделки выполнена — и я больше не Ее подставное лицо.

Джилли со свистом втянул воздух. Коснулся теней под темными глазами Маледикта — и взглянул в те тени, что затаились в самих глазах.

— Нет. Она по-прежнему владеет тобой.

— Граф мертв, но Она все еще здесь. Неужели таково мое будущее? Кровь и борьба? Я хотел возвращения Януса, и я его добился. Я хотел стать достаточно богатым, чтобы никогда не го-

лодать. И это у меня есть. Если кровавая расправа сегодняшней ночи останется в тайне, Янус будет графом, и больше мне нечего желать. — Он рывком освободил подбородок из ладоней Джилли и рухнул в кресло возле камина.

— Янусу всегда будет мало того, что есть. Он голоден почти так же, как Сама Ани, — с горечью проговорил Джилли. — Почему Ани до сих пор не оставила тебя? Что произошло, Мэл?

— Все — пепел, — повторил Маледикт. И вдруг ссутулился, спрятав лицо в ладонях; в горле застыл ком едва сдерживаемых слез.

— Я знаю точно, что впрямь превратилось в пепел, — сказал Джилли, с очевидным усилием стараясь говорить бодрее. — Ты что делал со своими волосами — подметал ими очаг?

Отвлечшись от грустных мыслей, Маледикт коснулся своих волос и недовольно посмотрел на пыль, оставшуюся у него на пальцах. Джилли взял с туалетного столика щетку с ручкой из слоновой кости и сказал:

— Наклонись вперед.

Маледикт склонил голову, опустив волосы к очагу, и Джилли стал вычесывать пепел — и вычесывал до тех пор, пока волосы Маледикта не засияли блеском воронова крыла.

— Какого цвета завязать ленту? — спросил Джилли. — Черную, как обычно, или что-нибудь более волнующее?

— Черная сойдет, — сказал Маледикт. — В любой момент может явиться Эхо. Даже если Ласт окажет любезность и не всплывет, его исчезновение вызовет толки. А, следовательно, появление Эхо. Я никогда не задумывался, какое у него подходящее имя: он всегда возвращается, и из его уст эхом звучат мои — только искаженные — слова.

Джилли собрал темные пряди Маледикта в хвост, завязал на затылке в аккуратный узел, оставив концы ленты распущенными.

— Ну, что скажешь?

— В общем-то, не имеет значения, — ответил Маледикт. — Не я один испытывал враждебность по отношению к Ласту. И пока его тело не всплывет, Эхо будет весьма непросто обвинить меня в убийстве. Он наверняка предположит, что именно я убил

Ласта. Только это нужно еще доказать — а он не найдет свидетелей моего преступления.

Джилли наморщил лоб, мысли его приняли иной оборот: он больше не думал ни о неблагоприятии Маледикта, ни о незавершенности сделки.

— Я разошлю повсюду гонцов и шпионов — тех, что умеют отличать сказанный шепотом факт от воображаемой сплетни. Мы будем знать, что замышляет Эхо, раньше него самого. А что Амаранта?

— Мы предполагаем, что она на борту «Поцелуя», — отозвался Маледикт.

— Тогда я пошлю вслед за ней письмо и попрошу шпионов Ворнатти в Итарусе держать ушки на макушке. Если Амаранта за границей, она станет искать Данталиона, как сделал бы сам Ласт. — Джилли опять со свистом вдохнул; в душе у него затеплилась надежда, что, несмотря на присутствие Ани, убийство Ласта было совершено без особого риска для шеи Маледикта.

27

Джилли в ожидании слонялся под дверью в покои Маледикта. Была самая темная ночь года, а, согласно суевериям, мертвецы, не получившие отпущения грехов, являются как раз в ночь Темного Солнцестояния. Когда-то проводились торжественные церемонии с целью умиловить мертвых, но скучающая знать превратила Темное Солнцестояние в очередной повод для забав.

Если бы мертвецы впрямь являлись ко двору, думал Джилли, они бы возвращались в свои могилы, устыдившись разврата и шулерства, что процветали под маскарадными костюмами. Конечно, личины никого не делали неузнаваемым — слишком узок был круг избранных, слишком долго они варились в одном котле, чтобы обмануться, не распознать ближнего своего — но каждый притворялся, что понятия не имеет, с кем флиртует или жульничает. То был неписанный закон маскарада. Джилли дрожал как осиновый лист — ему уже почти виделась призрачная фигура Ворнатти. Но, несмотря на то, что старик, если и появится, станет искать

своего убийцу, Джилли предпочел бы, чтобы Маледикт не ехал на бал — Мирабель успела распусть слух, что к загадочной смерти Ласта, скорее всего, причастен Маледикт.

Впрочем, Темный маскарад зажег искру в глазах юноши, сменившую подавленность и приступы раздумий, в которые он стал впадать с тех пор, как убил графа. После смерти Ласта Джилли ожидал встретить во взгляде Маледикта лишь избавление: все, чего он алкал, сбылось. Вернулся Янус, его любовник; граф Ласт был мертв. Джилли знал, в чем источник его собственного беспокойства: в очевидном, как и до убийства графа, присутствии Ани, омрачавшей ночи Маледикта, ввергавшей его в приступы тихой ярости и долгие схватки на мечах с врагами, которых видел лишь он один.

Вероятно, дело было просто в том, что ожидания Маледикта не оправдались. Янус в самом деле принадлежал ему — но бежал на каждый кивок и зов Ариса; и король по-прежнему подыскивал для племянника жену. Пусть граф мертв — титул ведь можно даровать другому...

Послышался скрип деревянных ступеней; Джилли вздрогнул, но не отвел глаз от закрытой двери. На миг он даже захотел, чтобы Янус оказался здесь и тоже ждал Маледикта в этой полутемной прихожей. Джилли предпочел бы провести самую темную ночь года в объятиях Лизетты — пусть бы ее теплые волосы нежили его, пусть бы продажные ласки изгнали мертвецов из его мыслей. Однако Янус отправился на маскарад в составе свиты короля, а не вместе с Маледиктом. Джилли не сомневался, что улыбку на устах юноши вызвало не ожидание самого бала — а тот простой факт, что в этот вечер он наконец встретится с Янусом, а то вот уже месяц они виделись урывками.

Ступени опять скрипнули. Джилли обернулся и заметил, как скользнула прочь серая фигура. На миг озноб пробрал его до костей: он поверил в существование мертвых всем сердцем, словно дитя. Но это была всего лишь Ливия, украдкой спустившаяся по черной лестнице, чтобы избежать бдительного ока кухарки.

— Ну, что скажешь? — спросил Маледикт, распахнув дверь.

Джилли поежился под взглядом черных глаз, сверкавших из-под маски ворона. Он подумал, как же Маледикт красив, словно

видел его впервые. Чувственный рот под черным клювом изогнулся в задорной улыбке, преобразая овал лица. На одно умопомрачительное мгновение Джилли показалось, что под маской прячется женщина.

— Что, язык проглотил? — спросил Маледикт; грубоватая хрипотца разогнала едва возникшее видение. Он шагнул ближе, и вороньи крылья, нашитые на одежду, засияли, переливаясь зеленым, золотым и снова черным. Запах пыльных крыльев, смешанный с нежным ароматом сирени, окатил Джилли с головы до ног. Он представил, что целует страстные губы, и внезапная сила влечения заставила его вздрогнуть.

Лизетта часто посмеивалась над ним за любовь к Маледикту, и Джилли позволял ей это, признавая очарование юноши и тот факт, что он ему не принадлежит. Какая сладко-горькая боль. И сегодня вечером впервые Джилли задумался, не сможет ли он все изменить? Задумался, почему зов его сердца и тела так не совпадал с его привычными наклонностями. Джилли положил руки на узкие плечи Маледикта и привлек его к себе; перья зашуршали о ладони.

Маледикт поднял взгляд, вопросительный и нетерпеливый.

— Ну, скажи хоть что-нибудь. Я думал, тебе понравятся перья. А сколько я потратил времени на то, чтобы их собрать. — Джилли воображал, как под его поцелуем унылая гримаса Маледикта преобразается в нежную улыбку; впрочем, маска с клювом казалась более чем удачной защитой против подобных поползновений.

— По-твоему, благоразумно выставять напоказ свою приверженность Чернокрылой Ани? — спросил Джилли вместо поцелуя.

— Сейчас ведь не модно верить в богов, разве ты забыл? — сказал Маледикт, отталкивая друга. — И вообще, мы с тобой уже опаздываем, а ты до сих пор не одет для маскарада. А то вдруг Ворнатти явится и решит тряхнуть стариной? Мне бы не хотелось, чтобы он заставлял тебя исполнять свои грязные желания.

И вновь два полумесяца бальной залы объединились, открывшись друг другу, — утренняя половина Ариса и таинственный полумрак придворных. Но кружение времени и небес было раз-

дроблено, превращено в лабиринты зеркалами, слегка покачивавшимися от шума шагов. Зеркала отражали золоченые стены с затейливыми узорами и перемещения великосветских повес, в костюмах которых сочетались кружева и кожа, меха и бриллианты, а фантазия ограничивалась лишь содержимым кошельков и, реже, — здравым смыслом.

Вельможи собирались возле этих обманчивых стен, с которых прежде на них устремляли свои взоры боги, созерцавшие Темное Солнцестояние, когда сходятся вместе живые и мертвые. Теперь зеркала служили лишь для умножения числа гостей, и их собственные отражения были единственными призраками. Королевские лакеи в масках, облаченные в серый бархат, двигались сквозь толпу, будто духи умерших, которых избегала знать.

В самом центре залы возвышался помост с пологом из бледно-серой ткани, мерцавшей, как капли дождя в лунном свете. Позолоченные кресла на помосте были пусты, спинки задрапированы черным — Арис позволил себе единственный знак скорби по брату, тело которого до сих пор не нашли.

Лицо Маледикта под маской было суровым; губы, прикрытые маленьким бархатным перышком, сжимались все плотнее по мере того, как он оглядывал залу, по одному отсеивая вельмож в личинах. Джилли заметил, что мало кто из придворных, даже якобы неузнаваемых, осмеливались встретить взгляд Маледикта.

— Янус будет на возвышении вместе с Арисом, — сообщил Джилли. — Ты знаешь, в какой маске?

— Неужели ты думаешь, что маска способна скрыть его от меня?

Королевский помост превратился в улей, бурлящий жизнью; забегали, засуетились лакеи. За их спинами, за серебристыми шторами, виднелось поредевшее семейство Ласта. Арис, весь в торжественно-белом, тем не менее, надел черные нарукавные повязки; маска его символизировала Печаль.

Адиран сидел справа от отца, на троне королевы, где его хрупкая фигурка казалась совсем крошечной, гномьей. По обе стороны от Адирана, высунув языки, на толпу взирали мастиффы. Принц то и дело бросал им разные лакомства, которые собаки ловили на лету. Лакей, неуклюжий от волнения, запутался

в собственных ногах, и Хела выбрала его утробным, внезапным лаем. Ади хихикнул и потянул собаку за уши, придерживая другой рукой маску. Это была полумаска из белого атласа, отороченного синим, которую принц все норовил сдвинуть на лоб, ероша волосы.

Позади Адирана, облокотившись на высокую спинку трона, стоял голубоглазый человек в маске пса. Ади поднял голову и твякнул, подражая Хеле с удивительной точностью. Янус в очередной раз поправил маску на лице кузена. Потом поднял глаза и, встретившись взглядом с Маледиктом, улыбнулся.

— Вы танцуете? — спросил женский голос над ухом Маледикта; ладони легли ему на плечи, дыхание коснулось затылка.

Несмотря на сладость слов, в голосе, который Маледикт узнал сразу, слышалось напряжение. Юноше даже смотреть не понадобилось на эту маску.

— На каком же основании, леди? — спросил Маледикт, оглядывая ее костюм — близнец его собственного, хоть и не по цвету. Тогда как перья Маледикта были черны, что совсем не соответствовало случаю, Мирабель нацепила белоснежные перья; белый цвет, кстати, снова вошел в моду. Клювастую маску возле глазниц украшали рубины — единственная искра цвета, которую Мирабель себе позволила. И даже волосы Мирабель были белы от пудры.

— Подумайте, как чудесно мы будем смотреться вместе, — проворковала Мирабель, стараясь завлечь Маледикта.

— Неужели это важнее вражды и злобы? — Несмотря на беззаботный вид, Маледикт насторожился при ее появлении. Он не забыл, как в Джекел-парке ни с того ни с сего подчинился этой интриганке, словно взгляд ее обладал способностью гипнотизировать. Сейчас Маледикт чувствовал примерно то же самое.

— Бесконечно, — отозвалась Мирабель, протягивая руки. Маледикт ошибся, решив, что рубины были единственным цветным пятном: ногти на открытых, без перчаток, пальцах Мирабель накрасила красным лаком, как обычная шлюха.

Маледикт резко отвернулся — и обнаружил на своем пути раскачивающееся зеркало. В нем отражался Янус: он склонился к руке какой-то молодой женщины и с улыбкой пригласил ее на

танец под одобрительным взглядом Ариса. Рядом ослепительно-белым красноглазым призраком в зеркале возникла Мирабель, и вот уже их руки сплелись; танец начался.

Они танцевали молча, Маледикт старался не поддаваться нараставшему ощущению, что он — не более чем тень Мирабель, и что разума у него не больше, чем у тени... Наконец Маледикт собрался с силами и хрипло сказал:

— Что тебе нужно?

— О, вижу, ты обрел дар речи, — пропела Мирабель. Ее губы изогнулись в одобрительной улыбке. — Я была уверена, что у тебя получится.

— Обрел дар речи, волю и чувства, — ответил Маледикт. Он силой заставил себя остановиться и высвободил руки. — С тобой покончено...

— Не будь смешным, — сказала Мирабель, осторожно про-скальзывая назад в его объятия, словно это был флирт между фигурами танца. — Ты спрашиваешь, что мне нужно? Ничего ужасного, чтобы ты так хмурился. Я лишь хочу помогать тебе. А помогая тебе, помогать и себе. Наша общая цель... — Глаза Мирабель потемнели, когда он сжал ее руку так, что хрустнули тонкие косточки. Однако Мирабель и бровью не повела.

Маледикт спросил:

— А что у нас общего? *Ничего.*

— Почти все, — возразила Мирабель.

Они двигались дальше, маска к маске; Маледикт спутал шаги, узнав в Мирабель отражение Ани, — и ничего не ответил. Она улыбнулась ему сладко, плотноядно, и проговорила шепотом, почти прижимаясь к его груди:

— Ты думаешь, что завершил свою миссию, выполнил условия сделки? В то время как смерть Ластва наступила не от твоей руки, а от руки твоего пылкого возлюбленного, который украл у тебя убийство?

На один миг Маледикт ощутил сочувствие к Джилли, который не устал твердить ему о необходимости соблюдать осторожность. Только подумать — чтобы Мирабель говорила подобные вещи в присутствии короля, среди свидетелей, чтобы она вообще *знала*... Маледикт вздрогнул, вдруг усомнившись, кого держит в объяти-

ях. Мирабель, злоязычную ведьму, или Саму Ани? Перья, белоснежные и угольно-черные, льнули друг к другу, шептались заговорщицки.

Мирабель склонилась, обдав щеку Маледикта своим горячим дыханием, и сказала:

— Меднумы видят богов во сне сквозь тусклое окошко; однако я — одна из избранных Ани, и я... я вижу во сне тебя. Я видела тебя в размытых тенях сна, видела, как вы с Иксионом убили его.

— Как же притупилось твое остроумие, — проговорил Маледикт. — Ты вздумала развлекать меня рассказами о событиях, которые я сам пережил. — От волнения у Маледикта пересохло во рту. Когда-то он отчитал Джилли за то, что тот видел его во сне; гораздо невыносимее была мысль, что на такое способна и Мирабель. Не будь они в центре внимания всего общества, он выцарапал бы ей глаза, чтобы она не видела его, вырвал бы ей язык, чтобы не говорила о нем.

— Не надо горячиться, — ворковала Мирабель. — Иксион оказал тебе услугу, добив Ласта, известно тебе о том или нет. Разве не благо — держать Ани так близко, у самого сердца? Она осыпает такими дарами... — Глаза Мирабель закрылись, затрепетали ресницами, снова распахнулись — рыжие глаза с красной окантовкой, словно перенявшие часть кровавого великолепия рубинов. — Она дарует все, что ни попросишь — а нужно всего-то позволить Ей проникнуть так глубоко, как Она пожелает. Захваченный своей ничтожной страстью к Иксиону, ты попросил у Ани слишком мало. Мой совет прост. Откажись от своей любовной привязанности и обратись к власти.

— Ты говоришь такие вещи, — сказал Маледикт, — что начинаешь казаться мне сумасшедшей. — Сквозь кружение танца, блеск зеркал, шорох перьев он почувствовал мрачный взгляд Джилли.

— Зачем ты притворяешься дураком? — удивилась Мирабель. — Мы родня, птенцы черной вороны. Будь со мной заодно, стань моим товарищем, и мы сможем поступать, как пожелаем. Ведь каждый будет понимать, что его жизнь в тво-

их или моих руках — и это понимание ты прочтешь в глазах жертвы. Разве не заманчиво?

— Для подобной работы у тебя слишком изнеженные руки, — парировал Маледикт. — Ты всего лишь избалованная дворянка, бредящая от отчаяния. Дар сновидения? Сны бесполезны по сравнению с клинком.

Мирабель сжала пальцами его ладони, впившись ногтями в кожу; засочилась кровь.

— Слабак, — сказала она. — Ты одарен — и не пользуешься своим даром. Захвати власть для себя — иначе она тебя не удовлетворит. Неужели ты станешь спокойно наблюдать, как выскочит твой любовник, а сам останешься слабым словно содер-жанка?

Маледикт видел, как точеные черты ее лица исказились; Мирабель трясло от ярости. Словно льдом его обожгло осознание: она была его отражением — или, еще хуже, его будущим. Она всецело отдалась Ани и внушала ужас, подобно призраку.

— Ани сводит тебя с ума, — сказал Маледикт. — На меня в своих делишках можешь не рассчитывать. Союз со мной нужен тебе только для того, чтобы убавлять мою бдительность и потом ударить в спину.

— Орудовать ножом — по твоей части. Я предпочитаю более тонкое искусство. Так значит, ты сомневаешься во мне, в моих способностях? — Мирабель улыбнулась, взгляд устремился вдаль. — Лед, — продолжала она, — разбивается о нос корабля. Может, мне поискать то, что можно вынести на поверхность? Поведать двору о твоих грехах? Сегодня вечером я докажу тебе, на что способна, — проговорила она, сделала реверанс и исчезла за ближайшей переборкой.

Пот заливал спину и лоб Маледикта, в груди похолодело. Руки тряслись; он кое-как совладал с дрожью и стал пробираться к дверям, на свежий воздух. Джилли тенью последовал за ним, и Маледикт обернулся.

— Посторонись, Джилли. Мне очень хочется кого-нибудь убить.

— У тебя идет кровь, — заметил Джилли и отскочил, когда Маледикт зарычал.

Юноша постарался унять ярость; от ободренных ладоней по всему телу разливалась боль. Он сказал просто, обращаясь к Джилли:

— Похоже, эта сучка отравила меня. Подвергла испытанию. — Он прошел дальше на балкон, дрожа, скрючившись от ледяной боли в животе и груди.

— Мэл, — испуганно позвал Джилли.

— Я хочу пить, — проговорил Маледикт. — Принеси мне чего-нибудь. — Его рука снова и снова взлетала к рукояти меча; капли крови испещрили мраморный пол. Маледикт перегнулся через перила, снова выпрямился. — Ступай, Джилли. Я буду здесь. В конце концов, у меня есть маска, она защитит от смерти.

Стоя на балконе, Маледикт почти безразлично наблюдал за тем, как маленькие ранки нарываю и раздуваются; его бил озноб, а взмокшие от пота перья шипами вонзались в кожу. Онемение накатило на Маледикта, сковывая ноги, руки и лицо, как будто кровь его вдруг превратилась в лед. Дыхание стало тяжелым. Потом юноша конвульсивно вздрогнул, и ранки выплюнули кровь и нечто более темное, густое, как сироп, зеленоватое. Жидкость вытекла, образовав лужицу на камне возле его ног, и тогда он зализал порезы.

— Мэл? — Из света в тень балкона выступил Янус, и Маледикт распрямылся.

— Я здесь.

— Ты здоров? Джилли наплел мне что-то про отравление ядом, — сказал Янус, ставя бокал на перила балкона. Стекло звякнуло о камень. В бархатном голосе Януса мелькнуло раздражение. — Я должен был догадаться, что он солгал.

— Джилли очень редко лжет, — проговорил Маледикт, поднимая бокал и осушая до дна. Горлу стало легче.

Янус втянул сквозь зубы воздух и привлек Маледикта к себе. Коснулся влажной кожи юноши, заглянул в глаза.

— Похоже, с тобой все в порядке.

— Да, — отозвался Маледикт, прижимаясь к Янусу. Они ощущали твердое биение сердец: по мере того, как пульс Януса замедлялся после испуга, у Маледикта он учащался, сменяя медленный ритм погребальной песни, в которую вверг его яд Мирабель.

Янус вздохнул, губами коснулся волос Маледикта и склонился для поцелуя. Ключастая маска мешала, и Янус сорвал ее.

Маледикт порывисто прижался к Янусу, словно они могли слиться в одно целое. Отказаться от любви ради власти? Миранбель была еще безумнее, чем он думал.

Янус слишком скоро прервал их объятия.

— Я должен возвращаться.

— Я не прикасался к тебе несколько недель. Один-единственный поцелуй — это все, что ты мне даришь? Короткий перерыв в твоём стремлении быть признанным в обществе? — За горечью в словах Маледикта стоял страх. Яд подобрался совсем близко, пробудил давно уснувшие опасения, напомнил юноше, что происхождение Януса может разлучить их в любой момент — Янус предпочел играть в игры себе подобных. — Позвольте поблагодарить вас за время, которое вы мне милостиво уделили.

— Мэл, — сказал Янус, — я всего лишь пытаюсь не упустить ни слова, сказанного о Ласте, и убедить Ариса, что ты не виновен в исчезновении его брата. Учитывая то, что вместо Лава советником назначен Эхо, мне есть от чего защищаться. Но сегодня я приду домой. Я так скучал по тебе. — Он прижал руки Маледикта к своей груди, к самому сердцу. Их губы снова слились в поцелуе — и опять ненадолго: на сей раз Янус всё же вернулся в залу.

Мгновение Маледикт с жадностью в глазах смотрел ему вслед, удрученный своей неспособностью доказать Янусу, что им ничего этого не нужно. Лучше бы они уехали в Ластрест, подальше от угроз и уговоров Миранбель, от взора Ариса и его попыток гнуть свою линию. Но ведь он, Маледикт, поклялся помогать Янусу, а Янус хотел быть при дворе, хотел получить титул; вполне возможно, Арис вознаградит его титулом за женитьбу, когда Ласта официально признают умершим. И, хотя именно этого они с Янусом оба желали, сама мысль вызывала в душе Маледикта необъяснимую тревогу; до сих пор она только тлела, но ведь могла и вспыхнуть.

Выследив даму, с которой танцевал Янус, — миниатюрную девушку в золотисто-зеленом костюме лесной нимфы, с вуалью вместо маски — Маледикт бросился обратно в залу.

Он поклонился дуэнье, а нимфу пригласил на танец. Маска ничуть не помогала этой куколке: маленький рост выдавал ее всюду.

Целых четыре такта они двигались в глухом молчании. Наконец Маледикт проговорил:

— Если я вам так ненавистен, что вы даже не пытаетесь быть любезной, не понимаю, зачем вообще вы согласились танцевать. Несомненно, никто не упрекнул бы вас, если бы вы мне отказали.

Нимфа взглянула на него и залилась краской, видимой сквозь тонкую светлую ткань вуали. Маледикт подождал, пока румянец сойдет, и тут же вызвал его снова:

— Вы не можете мне ответить? Или вас не учили разговаривать?

— Моя мать в отчаянии, — выдохнула нимфа. — У меня шесть младших сестер, и все они ждут, когда я выйду замуж.

— Неужели она намерена заполучить меня? — не поверил Маледикт. — Разве можно отдавать такое дитя, как вы, в лапы такого чудовища, как я? — По сравнению с великосветскими дамами Элла была просто интриганкой-новичком в делах, касающихся получения выгоды от собственной дочери.

Нимфа понурила головку и пробормотала еще несколько слов, которые снова вогнали ее в краску. Правда, Маледикт ничего не разобрал.

Он снял перчатку и за подбородок нетерпеливо приподнял личико нимфы. Ее сердце бешено заколотилось от прикосновения его рук.

— Смелее, девочка. Ты под вуалью. Вдруг я даже не знаю, кто ты? Хотя это просто невозможно.

Маледикт не понял, впрямь девушка набралась храбрости или просто обиделась; как бы там ни было, лицо ее, полускрытое вуалью, выражало мрачную решимость.

— Матушка хочет, чтобы я вышла замуж за лорда Ласта.

Внутри у Маледикта все перевернулось.

— В самом деле, она или бесстыдна, или в отчаянии. И использовать любовника Януса, чтобы встретиться с ним самим. Ей угодно, чтобы я рассказал тебе, как доставить удовольствие

лорду Ласту? Как добиться, чтобы он потел и кричал? Какова на вкус его кожа? Какие слова он говорит мне в постели?

Дыхание нимфы участилось — так потрясли ее слова Маледикта. Девушке было нелегко слышать столь откровенную речь, злоба же в голосе Маледикта окончательно лишила ее самообладания. Плечи нимфы поникли, а вуаль стала влажной и темной от слез.

— Прекрати, — приказал Маледикт. — Я не потерплю, чтобы ты спровоцировала очередной скандал с моим участием.

Девушка перестала бороться, и Маледикт ослабил болезненную хватку на ее предплечье. Молча они провальсировали еще один круг; влажные пятна на вуали просохли, и теперь потрясение нимфы выдавали только дрожащие руки и губы.

— По-моему, твоя мать сумасшедшая, — проговорил Маледикт, одновременно отмечая про себя, что при слове «сумасшедшая» ему представляется не светская дама, жаждущая выдать дочь замуж, а Мирабель с красными глазами и кровавыми ногтями.

— Почему... — Девушка запнулась, потом собрала с силами и продолжила: — Почему вы так жестоки? Я не сказала ничего, что могло бы вас обидеть. А вы только и делаете, что говорите гадости. У вас есть все основания, чтобы быть добрым. Вы красивы, богаты, никто не указывает вам, что делать.

— Если ты думаешь, что никто не диктует мне, что делать, ты просто не встречалась с моим Джилли, — ответил Маледикт.

Танец закончился; Маледикт поклонился, но не отошел от девушки. Она побелела, когда он увлек ее за тканевую переборку, к скамейке у трех зеркал.

— Твоя честь в безопасности, — успокоил ее Маледикт. — Я лишь хочу сказать тебе пару слов.

Она кивнула, закусив губу с такой силой, что он испугался: вдруг на вуали останется кровавое пятно? Маледикт полностью открыл ее лицо и взглянул в глаза, широко распахнутые, как выюнок на рассвете.

Маледикт уселся в кресло, не отпуская нимфиной руки, так что ей пришлось склониться к нему. Маледикт притянул ее ближе, зашептал в самое ухо:

— Твоя мать может сколько угодно хотеть заполучить Януса для тебя. И Арис тоже. Но если ты забереешь его у меня... — шепот превратился в шипение, — если забереешь его, я убью тебя. Лучше ответь «нет», если он попытается за тобой ухаживать.

Девушка всхлипнула.

— Мы поняли друг друга?

Бедняжка нимфа так спешила отделаться от Маледикта, что запуталась в собственных юбках и едва не упала. Головы оборачивались, следя, как она, спотыкаясь, спешила к своей дуэнье и другим дебютанткам, что уже поднимали тосты за благополучно наступивший рассвет.

Мирабель, проходя мимо девушек, шепнула что-то одной, дотронулась до другой. Вот она поравнялась с нимфой, рыдавшей на плече дуэньи, и одарила Маледикта ехидной улыбкой.

— Ты не очень хорошо поступил, — заметил Джилли. — Помимо того, что Псайке Беллейн — кузина Вестфолла, она просто кроткая, безобидная девочка.

— Кроткая — да. Безобидная? Нет. Однако убить ее будет все равно что раздавить муравья: слишком легко. Никакого удовлетворения, только брезгливая жалость. Предупредив ее, я поступил во благо нам обоим.

— Один ты способен рассуждать подобным образом, — сказал Джилли.

Маледикт стянул маску и швырнул ее на мраморный пол.

— С меня довольно. Я отправляюсь домой.

Ответ Джилли потонул во внезапно грянувшем звоне гулких колоколов. В непосредственной близости от дворца звук их был могуч и безжалостен словно морской прилив. Маледикт стал искать глазами Януса, но вместо него встретил взгляд Ариса — ошеломленный, загнанный. Маледикт вздрогнул.

— Ласт, — прошептал Джилли. — Мертвец, не получивший отпущения грехов.

— Тсс, Джилли. — Маледикт взял Джилли за руку. — Тише.

На помосте Адиран, напуганный шумом, зажал уши ладонями и взвыл, пронзительным дискантом перекрывая низкий гул

колоколов. Арис усадил мальчика к себе на колени, стал успокаивать. Джаспер и Эхо рысцой подбежали к королю.

Колокола умолкли, и лишь зеркала продолжали вибрировать эхом. Во внезапной тишине послышался испуганный визг: какая-то дебютантка упала в обморок на руки своей дуэнье. Джилли шагнул ближе к Маледикту, и тот крепче стиснул трясущиеся пальцы друга.

— Тсс, Джилли.

Дуэнья девушки обмахивала ей лицо, охранник старательно растирал запястья. Наконец он поднял круглые от ужаса глаза.

— Она не дышит.

Не успело умолкнуть эхо его слов, как упала другая девушка, наследница с хорошей репутацией. Пока ее слуги суетились и хлопотали, первая дебютантка умерла.

Арис стоял на помосте, вздрагивая каждый раз, словно видел, как сама Смерть ступает по зале. Джаспер отчаянно жестикулировал, а гвардейцы сомкнулись вокруг короля, окружили его плотным кольцом. Хела глухо, хрипло, протяжно залаяла. Лай походил на гул траурных колоколов, и Янус прикрыл собачью пасть ладонью. Арис трясущимися губами выговорил «спасибо», и они поспешили прочь. Едва двери в королевские покои плотно закрылись, воцарился настоящий хаос; еще две девушки лишились чувств.

Мирабель стояла в дверном проеме, освещенная сзади восходящим солнцем. Она улыбнулась Маледикту и чуть присела в реверансе — словно актриса в ответ на аплодисменты.

ПОЛЕТ

28

Арис смотрел на останки, лежавшие на мраморных коленях Хаит, под божественной защитой. Истерзанную, разбухшую от воды плоть скрывал теперь синий плащ, но лицо даже под слоем белил едва походило на человеческое. Лишь холод зимнего моря спас плоть от разложения. При виде того, что вода сделала с его братом, в глазах Ариса отразился ужас, да так и остался на дне эрачков: плащ, призванный успокаивать, наводил короля на мысли о голых костях.

— Сир, — сказал гвардеец, — прибыл Маледикт. Где вы желаете принять его?

— Приведите его сюда, — отозвался Арис.

Рыжеватые брови гвардейца подпрыгнули едва не до волос, но он коротко кивнул. Арис вновь переключил все свое внимание на тело брата и не слышал, как гвардеец удалился.

— Вот к чему мы пришли, — проговорил король. — Я почти один. Наша семья развеяна временем... Ты должен был родиться старшим, Мишель. — Тяжесть, прежде давившая королю на шею и плечи, опустилась к самому сердцу. — Думаю, ты лучше меня подходил на роль государя — даже несмотря на твою недалекость, даже несмотря на то, что был реакционером. Мои подданные меня не любят; хуже того — не уважают. Ты бы заставил их испытывать уважение. Или страх. И я бы не остался вот с этим...

В холле раздались шаги — шарканье ног по камню.

Арис поднял голову. Немногие пробирались в храм извилистыми темными коридорами, так что он знал, кто приближается.

Маледикт низко поклонился.

— Вы посылали за мной?

За его спиной мелькнул гвардеец.

— Да, — хрипло ответил Арис. Глаза Маледикта смотрели на короля из-под отяжелевших век, волосы были наспех зачесаны назад; кое-где в них виднелись маленькие черные перышки. Арис вспомнил двух танцоров: черного и белого, круживших по зале, склонив друг к другу головы. Руки у него сжались в кулаки.

— Подойди и взгляни, что стало с моим братом, — сказал Арис.

Маледикт приблизился покачиваясь, словно тень в тускло освещенной комнате. Склонился над тем, что осталось от головы Ласта, и отшатнулся; его бледное лицо было бесстрастным.

— Ты удовлетворен тем, что видишь его мертвым? — спросил Арис. — Я знаю, что ты ненавидел его, хотя никогда не представлял, почему.

— Удовлетворен, — отозвался Маледикт.

— Дай мне руку, — приказал Арис.

Маледикт протянул правую руку. Арис схватил ее и привлек юношу назад к мраморному изваянию. Тошнотворно сладкий запах тления окатил их, перебивая запах духов Маледикта. Он попытался вырвать свою руку из твердой ладони Ариса. Потерпев неудачу, отвернулся, предоставив королю беседовать с копной темных волос.

— Дотронься до него, — дрогнувшим голосом сказал Арис. Гвардеец подался вперед, желая стать свидетелем. Маледикт пытался сопротивляться, и король дернул его за руку, подтягивая к телу. В глазах короля стояли слезы.

Маледикт свободной рукой схватил Ариса за запястье.

— Ученый человек так обезумел от горя, — прошептал он, чтобы слышал один только Арис. Маледикт поднял веки: темные ресницы затрепетали, черные глаза заглянули королю прямо в душу — и тот содрогнулся. — Неужели, сир, вы решили узнать, причастен ли я к смерти вашего брата, опираясь на суеверия? Неужели предполагается, что, стоит мне прикоснуться к Ласту, как его тело начнет сровоточить? — Маледикт высвободил свою руку мягким и точным движением, как карманник, вытаскивающий монеты.

— Сомневаюсь, что тебя тошнит.

— Почему бы вам не спросить меня? — удивился Маледикт.

— Ты должен сделать это, — сказал Арис, отводя взгляд от соблазнительных губ, искривленных гримасой отвращения, стараясь не слышать томной хрипотцы голоса, звучащего так близко и так страстно. Фальшивая или нет была эта хрипотца, она привела Ариса в трепет.

Маледикт коснулся пальцами лба Ласта, потом промокнул ткани над его сердцем. Протянул руку, показывая Арису незапятнанную ладонь.

— Я не убивал вашего брата.

Арис уже не знал, чему верить; разум его был так же холоден и неподвижен, как тело Ласта. Холоден, как погубленные во цвете юности дебютантки, ожидающие своих похорон. Арис знал лишь то, что смерть пришла в его страну вслед за Маледиктом, что каждый из его придворных наверняка искусный лжец, умеющий изобразить искренность, и что у юноши Маледикта дурная репутация дуэлянта и шантажиста. За последнее мог поручиться сам Арис — взять хотя бы проклятые грессбухи, припрятанных бледными руками Маледикта, — эти грессбухи были для короля опаснее клинка.

Вот все говорят о мече — но руки у Маледикта такие нежные, гладкие, без единой мозоли; Арис хорошо знал, что репутация часто основывается на одних лишь слухах. Ни король, ни кто-либо из его гвардейцев никогда не видел, чтобы Маледикт дрался на дуэли. Даже Эхо, мечтающий обвинить его, сомневался, что меч юноши сможет сразить Ласта. Сам граф ничем не мог помочь им в расследовании: хотя он не скрывал ненависти к Маледикту при жизни, тело его, зацепившееся за якорь фрегата «Флер» и проволоченное вдоль всего киля, оказалось слишком изуродовано, чтобы служить молчаливым обвинением.

Арис прикрыл глаза, словно мог стереть встающие в сознании образы, усмирить бушующую в крови панику.

Король вздрогнул, когда Маледикт, не спрашивая позволения, накрыл его ладонь своей. Арис слышал, как гвардейцы беспокойно заерзали, но не проронил ни слова, позволив Маледикту отвести себя прочь от тела брата. Он во все глаза смотрел на Маледикта — хотел уловить хоть малейший намек, хоть повод для подозрений, словно истину можно подглядеть — но не увидел ничего нового, разве только сострадание, непривычное на этом умном лице.

— Я полагал, что вы собираетесь допросить его, сир, — гневно воскликнул Эхо прямо с порога. Арис отступил от Маледикта на шаг.

— Спрашивайте, что вам угодно, — бросил юноша. — Я больше не стану чинить препятствий.

— Вы причастны к смертям дебютанток? — Арис возвысил голос, чтобы прекратить всякие попытки Эхо взять ситуацию под контроль.

— Никоим образом, — ответил Маледикт, удивленно и озадаченно хмурия брови. За спиной Ариса Эхо хмыкнул, и юноша договорил, обращаясь лично к нему: — Я не воюю с незащищенными девицами.

— Ходят слухи о порочном сговоре между вами и Мирабель, — сказал Эхо, подходя ближе.

— Вы служите советником по сплетням? — с привычной язвительностью произнес Маледикт.

— Вы танцевали с ней, — сказал Эхо. — И шептались — явно строили планы...

— Чтобы я строил планы с Мирабель? — воскликнул Маледикт. — Она совершенно безумна. Пошлите за ней, Эхо. Она вряд ли станет отрицать собственное злодеяние.

— Я послал за ней Джаспера, — проговорил Арис, про себя подмечая отсутствие всякого интереса в глазах Маледикта. — Эхо, пока еще слишком рано. Давайте сначала побеседуем с Мирабель, а там решим, как быть дальше... — Он заслонил Маледикта от Эхо и перешел на шепот: — Я выгащу тебя, а взамен ты проявишь благоразумие и осмотрительность и просидишь всю зиму тихо. Я не желаю, чтобы до меня донесся хоть один слух о твоих проделках.

— Вы требуете от меня невозможного, — возразил Маледикт. — Разве в моих силах пресечь праздную болтовню...

— Хватит, — отрезал Арис, не настроенный шутить в непосредственной близости от тела погибшего брата, да еще и с молодым человеком, подозреваемым в его убийстве. — Двор закрыт. Пока не наступит весна, поправ смерть жизнью, не будет ни балов, ни празднеств, ни маскарадов. Знать разъедется по загородным поместьям, кто-то, быть может, пожелает остаться в городе. Ты должен затаиться в своем особняке. Повинуйся — и в награду я дарю тебе Януса.

— Он вам не принадлежит, чтобы им распоряжаться, — заявил Маледикт.

— Зато я могу приказать ему удалиться. Я могу упрятать его в Ластрест, заставить носить траур и чтить память отца. Или всё время держать при себе... — Арис замолчал. Храм еще темнее и холоднее казался от мертвого тела, от боли скорбящего, и гнев вспыхнул в Маледикте, разросся, навис, как туча. Эхо подошел ближе, его ладонь опустилась на рукоять меча.

— Маленький глупец, — проговорил Арис, хватая Маледикта за плечи и встряхивая его со сдерживаемым разочарованием. — Не заставляй меня прислушиваться к сплетням.

Маледикт кротко стерпел тряску; волосы растрепались и закрыли ему лицо. Хриплый голос прошуршал, как змеинная чешуя по камням.

— Я буду благоразумен, сир, по мере возможностей, которые не так уж незначительны, вы согласны?

— Сир, — вмешался Эхо, — лучше задержать его, пока мы не услышим, что поведает нам Мирабель...

— Вам так не терпится оставить меня без обеда и моих любимых книг? — спросил Маледикт. Арис застыл — так же, почуяв след, застывали его собственные псы. Призраки гробсбухов витали в храме с той самой минуты, как появился Маледикт. Король ожидал, что он заговорит о них гораздо раньше и без обиняков. Это же упоминание, столь утонченное, могло быть угрозой — или всего лишь доказательством того, что Маледикт впрямь способен быть осмотрительным.

— Тогда отправляйся, — проговорил Арис. Ладонь, до сих пор лежавшая на плече Маледикта, поднялась, накручивая на пальцы темные пряди. Король повернул лицо юноши к себе, внимательно изучая. Маледикт не хлопал ресницами, не вскидывал невинно бровки — впрочем, подобные мимические усилия всё равно не убедили бы короля в невинности юноши. Однако Маледикт и не ухмылялся, и не смотрел победно. Отсутствие ликования смягчило обиду. — Тогда уходи. С тобой покончено. Не желаю слышать о тебе ничего, кроме похвалы, до твоего возвращения ко двору весной.

Маледикт поклонился; его волосы выскользнули из пальцев Ариса.

— Сир, — попытался возразить Эхо, но договорить не успел: вернулся Джаспер, бледный, как полотно. За ним шли двое гвардейцев, держа руки на пистолетах; глаза у них были такие испуганные, словно они только что видели самого дьявола.

— Джаспер, что случилось? — дрогнувшим голосом спросил Арис.

— Вестфолл мертв... его дом горит...

— Это антимеханики? Неужели они посмели...

Отерев рукой губы и вспотевшее лицо, Джаспер перебил короля:

— Нет, они ни при чем. Мирабель сошла с ума, сир. Она убила их обоих — отравила Брайерли и прикончила Вестфолла. Вырвала у него глаза и сердце. — Джаспер вздрогнул. — Мы видели Мирабель, ее платье выпачкано кровью от шлейфа и до бедер, словно она вброд перешла кровавую реку. Но прежде чем нам удалось ее схватить, она исчезла, словно тень под полуденным солнцем.

— Исчезла, — беззвучно повторил Арис.

— Это колдовство, сир, клянусь вам. Не имеет значения, что боги умерли... она как-то смогла прикоснуться к их силе, и никто не будет в безопасности, пока ее не остановят.

Арис рухнул на скамью. Впервые за тридцать лет возведя глаза к изображениям богов, король принялся молиться Бакситу о возвращении разума в свое королевство.

29

Первым признаком весны в городе был треск вскрывающихся возле порта рек, стонущих, словно живые существа в адских муках. Всю зиму Маледикт дурно спал — и спал бы еще хуже, если бы не Янус и не тот факт, что вихрь слухов наконец сместился от него к Мирабель. По мере того, как смерти, случившиеся в ночь Темного Солнцестояния, изглаживались из памяти, обсуждение его к ним причастности сходило на нет на фоне бушующего океана опустошений, учиняемых Мирабель.

Бойню, устроенную у Вестфоллов, затмила последующая гибель четверых королевских гвардейцев, которым удалось настигнуть Мирабель. Если верить молве, всех четверых нашли с рваными ранами и выколотыми глазами. Мирабель — призрак, являющийся, чтобы мучить живых, кричали одни. Ведьма, кричали другие, — ведьма, желающая извести аристократов. Другие, более осторожные, шептали о возвращении богов и прикосновении Ани, — шептали так тихо, что лишь Джилли, тщательно просеивавший крупичицы информации, слышал их слова.

Каждая новая мелочь надолго занимала праздных болтунов. Шептали, что Арис выбрал Януса на должность советника взамен Вестфолла. Поначалу сплетники утверждали, что так Арис лишь пытался приструнить скандально известного племянника и не отпускать от себя последнего в их роду. Более злые языки подмечали, что Арис всегда предпочитал, чтобы один из его советников не терял связи с простым народом, а кто может быть ближе к народу, чем ублюдок?

Так или иначе, время шло. Янус, как советник короля, часто бывал во дворце. Он встречался с заморскими купцами в порту, торгуясь для короля и с презрением отвергая большую часть итарусинских товаров. Он — во всяком случае так утверждали, — встретился с капитаном Таррантом, этим помилованным военным пиратом, чтобы заключить тайную сделку о провозе тех же самых отвергнутых итарусинских товаров в страну, таким образом снизив заоблачные цены на основные продукты питания, к вящей радости бедняков. Но если днем Янус мотался по городу с поручениями короля, то ночами он целиком принадлежал Маледикту.

Однако даже теперь, когда Янус почти всё свободное время проводил с Маледиктом, Джилли не сомневался — Маледикта неотступно преследуют призраки, ночами ему снятся кошмары. Все чаще Джилли замечал тени, проплывающие в глазах Маледикта: Ани, ощущая препятствия на своем пути, проявляла Себя в сотнях мелких приступов злобы. По звенящему напряжению, что возникло в отношениях между Маледиктом и Янусом, по почти обиженным взглядом, которые время от времени бросал Маледикт на своего возлюбленного, Джилли начинал понимать, что случилось, только пока никак не мог найти тактичного способа удостовериться в своей правоте.

В тот вечер Джилли появился в доме, сопровождаемый скрипом льда, с таким мрачным видом, словно этот скрип издавал он сам. В руке Джилли держал оружие, которому было суждено разрушить их хрупкий мир.

— Знаешь, у тебя ледышки в волосах, — сказал Маледикт, слонявшийся по холлу с бокалом вина. — Ты, видно, здорово замерз. — Маледикт поставил бокал на пустой поднос для пи-

сем. Выполняя просьбу Ариса, юноша отказался от посещения каких бы то ни было празднеств, хотя, по правде говоря, не так уж часто его приглашали. Маледикт отряхнул ледышки с пальто Джилли. Письмо захрустело, как ломающийся лед, и Маледикт выхватил у друга конверт.

— Что это? Записка от Лизетты? Твоя птичка умеет писать? — поддразнил друга Маледикт. Джилли потянулся за письмом, но Маледикт оказался проворнее.

Снова взяв бокал, юноша облокотился о стену и принялся читать собранные Беллингтоном за плату сплетни и домыслы.

И тут бокал в его руке треснул.

— Когда ты узнал об этом? — спросил Маледикт.

— Сегодня после обеда, — ответил Джилли. — Я получил записку от адвоката и отправился в порт поговорить с капитаном «Поцелуя». Он все подтвердил, сказал, что все было заметно еще по дороге туда.

Маледикт издал приглушенный звук — то ли всхлип, то ли рык, то ли все вместе, вызванное смесью ярости и отчаяния.

— Нужно было вышвырнуть ее в море вместе с ее проклятым мужем. Но кто бы мог подумать, что судьба повернется к нам спиной? Ласту понадобилось пять лет, чтобы забеременела его предыдущая жена — и то у нее случилось несколько выкидышей. Амаранта пробыла женой не более недели... — Маледикт со всхлипом вздохнул.

— Что на этот раз, подали холодный суп? — спросил Янус, входя в холл. Он перевел взгляд с Джилли на Маледикта, и с его лица сползло выражение заскучавшего шутника.

— Графиня Ласт, Амаранта Иксион, вот-вот разрешится от бремени. Она уже плывет в Антир, чтобы потребовать возвращения поместья и титула. — Маледикт лишь теперь заметил, что держит разбитый бокал. Он разжал кулак, и осколки дождем хлынули вниз, не оставив на его ладони и следа.

Янус побелел.

— Какой удар. — Он поднес руку ко лбу, потер переносицу. — Это действительно ребенок отца, а не какой-то ублюдок, которого она использует, чтобы завладеть поместьем?

— Даже если она беременна и не от твоего отца, срок столь подходящий, что никто не докажет обратного, — отозвался Джилли.

— И что нам теперь делать? — спросил Маледикт. — Если ребенок родится и окажется мальчиком, все наши планы пойдут прахом, Янус.

Янус погладил Маледикта по темным волосам.

— Тебе просто нужно убить ее, прежде чем она родит. Только будь осторожен, Мэл. Кажется, Арис чрезвычайно... интересуется тобой и твоим времяпрепровождением. Эхо советует ему не доверять тебе, я поднимаю его на смех. И все же дела наши из рук вон плохи. Лучше нам принять во внимание недоверчивость Ариса и действовать с оглядкой в деле с Амарантой.

Когда Арис прислал к Янусу гонца с сообщением о том, что его с королевской каретой и массой гвардейцев отправляют встречать корабль Амаранты, Маледикт проговорил:

— Полагаю, тебе не удастся случайно утопить ее. — Он сказал это без особого энтузиазма, вальяжно развалившись в кресле; когда Янус встал, Маледикт занял его место.

— Вряд ли, — согласился Янус, хотя губы его изогнулись в улылке.

Маледикт улыбнулся в ответ.

— По крайней мере мы знаем, что Арис считает тебя невиновным в смерти отца, раз посылает забрать Амаранту.

— Он отправляет меня с вооруженным эскортом. Вряд ли это говорит об особом доверии, — возразил Янус. Он надел пальто и посмотрелся в зеркало.

— Ну, в конце концов, именно ты убил Ласта, — сказал Маледикт.

Джилли — он сидел в кресле у самой двери гостиной — наострил уши. Янус бросил на него злобный взгляд и сказал Маледикту:

— Мы не станем больше это обсуждать. Ласта убил ты, я лишь ускорию его конец.

— Всегда все так, как тебе хочется, — лениво проговорил Маледикт. — Ты получаешь удовольствие от отцеубийства и измены — и никто тебя не подозревает!

Янус поднял Маледикта под мышки и встряхнул его.

— Довольно. Что ты хочешь от меня в качестве извинения?

Маледикт улыбнулся.

— Никак не приходит в голову.

— А мне приходит, — заявил Джилли, приковывая к себе взгляды обоих. — Разве не удачно было бы организовать празднество в честь приезда Амаранты? Уговори Ариса устроить прием.

— Вряд ли она придет, — усомнился Маледикт. — В письмах, полученных от наших шпионов, говорится, что Амаранта до безумия подозрительна. Надеяться, что она появится на балу, где смерть постигла столь многих...

— Обсуди это с королем. Если Арис прикажет ей, она придет, — сказал Джилли; во рту у него пересохло от споров в защиту убийства. Но если Янус желает смерти Амаранты, Джилли сделает все возможное, чтобы Маледикт при этом выжил. Действуя без плана, Маледикт скорее рискует полностью подчиниться кровожадной Ани. А ведь, в отличие от Ласта, беременная графиня вряд ли когда-то оставалась одна.

Джилли судорожно выдохнул. Быть может, ему представился еще один шанс вырвать Маледикта из власти Ани. Графа Ласта больше не было, однако номинально Амаранта оставалась главой рода. Возможно, ее смерти будет достаточно; возможно, Маледикт сможет исправить то, что было сделано в первый раз, сводя на нет смысл смерти Ласта. И вдруг Джилли осознал, что надеется на смерть беременной женщины — и все его тело отозвалось звоном потрясения.

Янус расхаживал по комнате.

— Мэл, если даже Арис согласится, там плюнуть негде будет от охраны. Сомневаюсь, чтобы тебе удалось убить Амаранту на приеме.

— Мирабель весьма преуспела, — возразил Маледикт. — Ты пришел ко мне на помощь, когда в ней не было необходимости. Окажи мне ее теперь, когда я прошу тебя. Наши враги множатся, как головы гидры. Смерть одного порождает двоих. Давай отсечем эту голову, пока не пришлось убивать еще и ребенка, — голос Маледикта дрогнул.

— Ты обвиняешь меня в отцеубийстве. Да, я нанес последний удар, но на самом деле Ласта убил ты. Так не лукавь же хотя бы теперь, хотя бы с самим собой. Если бы Амаранта не была беременна, тебе не пришлось бы поднимать на нее меч. Твоя цель — детоубийство, Мэл. Ты можешь это признать?

— У меня нет выбора, — ответил Маледикт, — если ты должен стать графом.

После ухода Януса Маледикт опустил на кушетку и прикрыл глаза. Джилли присел рядом, с минуту поколебался — и взял Маледикта за руку. Маледикт ответил цепким пожатием.

— Он убил Ласта? — спросил Джилли, стараясь думать о прежних убийствах вместо предстоящего. Но теперь, когда опасения его подтвердились, в сердце поселилось смутение. Если убил Янус, нет ничего удивительного в том, что Ани не ушла, а продолжает бушевать внутри Маледикта. — Это никак не могло удовлетворить Ани.

— Ты прочел столько книг, ты слышал столько сплетен, — задумчиво проговорил Маледикт, — неужели хоть где-то упоминается, что Ани вообще можно удовлетворить? Похоже, Мирабель так не считает.

— Расскажи мне, что произошло, — попросил Джилли. — Как получилось, что ты собирался убить Ласта, а в итоге графа и моряков убил Янус?

Маледикт поднял веки, внезапно отяжелевшие от усталости.

— Раз тебе известно это, значит, известно все. Нужно было покончить с Амарантой еще тогда. Если бы я так поступил, не пришлось бы теперь столкнуться с новой проблемой.

— Ты мог бы подождать, — предложил Джилли. — Возможно, ребенок окажется девочкой или, как Адиран, ущербным от рождения, не способным вступить в права наследования. Или даже умрет сам, как последний из детей Ласта. Убить самого графа — одно дело, убить беременную женщину — совсем другое.

— Довольно, Джилли, с разговорами покончено. Если Амаранта явится на прием, она умрет. — Маледикт вскочил с кресла, выдернул руку из пальцев Джилли и рванул к двери. В последний момент он остановился и иступленно проговорил: —

Я не вынесу этого, Джилли. Я, в отличие от тебя, не могу позволить себе угрызений совести. Я должен быть волен проливать кровь по желанию, будь то кровь мужчины, женщины или младенца. У меня позади не одна смерть, впереди — тоже. Не отнимай у меня силу.

30

...он вынул нож и ударил ее трижды, ища ее сердца, но лишь рассмеялась она над его отважным клинком, ибо бессердечные дети Ани глумятся над ранами и не боятся людей. Она вырвала его глаза заостренными когтями, а на заре ее нашли все еще пожирающей его сердце...

Грейл. Книга отмищений, Дикарка из Иссея

Снег испещрил первые смелые листочки весенних крокусов. Маледикт посмотрел на свинцовое небо, на тусклые белые хлопья, что медленно опускались на землю близ дворца.

— Хороша весна, ничего не скажешь!

Джилли, сопровождавший Маледикта, заметил:

— Снег для такого раннего времени не так уж и необычен. Правда, от него портится шелк. Лучше бы нам зайти в дом.

Маледикт улыбнулся.

— О да, ибо крапчатый шелк — ужасный грех. — Непонятная веселость в поведении Маледикта заставила желудок Джилли совершить кульбит. Он уже видел подобное прежде. Как будто Ани, свернувшаяся в клубочек мрачного одобрения, перед убийством бывала сыта, как никогда после него.

— Думаю, ты просто не хочешь оставаться в темноте один на один с убийцей, — проговорил Маледикт, дергая Джилли за собранные в хвост волосы.

— Мэл, тише ты! — предостерег Джилли, оглядываясь по сторонам. Поблизости никого не было, и все же сердце его беше-

но колотилось. Сердцебиение усилилось, когда они с Маледиктом находились на полпути к королевскому дворцу, в саду, где деревья зябко ежились под снегом; потом возле конюшни... Джилли не мог понять, что затевал Маледикт.

— Сознайся же, Джилли. Ты ведь боишься меня.

— Боюсь за тебя, — поправил Джилли. Он схватил Маледикта за руку и увлек в сад, где голые деревья более походили на скелеты. Джилли прижал Маледикта спиной к колючему кусту, едва начавшему выпускать пятнышки весенней зелени, и проговорил:

— Что на тебя нашло?

Маледикт закрыл глаза; снежинки, резные, кружевные, причудливые, опускались на его лицо. Джилли дотронулся до щеки юноши. Если бы не мгновенное, колкое таянье снега, он бы подумал, что влага на его ладони — слезы.

— Мэл?

Маледикт распахнул темные глаза.

— Я боюсь оставаться в темноте один на один с собой.

Джилли не нашелся, что сказать.

— Я делаю такое, чего сам от себя никогда не ожидал. И это уже достаточный повод для страха; более того, я каждую секунду чувствую, что не один. Что во мне не одна сущность. Она там, у меня внутри, Она хочет вырваться. Становится тесно, Джилли. Нас трое: тот, кем я был, тот, кто я есть, и ворона. Мы все соперничаем за главную роль, и я не представляю, кому достанется победа.

Джилли хотел было что-то сказать, но Маледикт прикрыл его губы ладонью в перчатке.

— Послушай, Джилли. Если победит Ани, брось меня. Не оставайся. Я никогда бы не причинил тебе зла, но Она пожрет тебя целиком. Пообещай мне.

Джилли замотал головой, и Маледикт нахмурил брови. По ракушечнику дорожки захрустели шаги: кучер уверенно направился в темноту — несомненно, к стене, у которой конюхи справляли нужду.

— Пошли, — скомандовал Маледикт, увернувшись от Джилли, который пытался его остановить.

Джилли побрел в сторону дворца — и вдруг осознал, что идет один. Маледикт повернул назад, в сторону конюшни.

Джилли догнал юношу, стараясь не издать ни звука; от усердия лицо его исказилось. Когда они поравнялись, Маледикт попросил:

— Постоишь на стреме?

Он пошел вдоль пустых распряженных карет. Поодаль, футах в двадцати, конюхи кормили и чистили лошадей, прибирались в стойлах.

Маледикт скользнул тенью вдоль ряда экипажей и наконец добрался до блестящей кареты Ласта, синеву которой приглушали до зеленоватого оттенка неверные огни масляных ламп. Юноша взобрался на козлы и, просунув руку между сиденьем и каретой, извлек потертую флягу. И вот он уже снова оказался рядом с Джилли в спасительной темноте пустого стойла.

— Подержи, — приказал Маледикт. Сняв жилет, он принялся ощупывать швы. Джилли наблюдал за его манипуляциями, удивленно открыв рот. Когда Маледикт извлек два крохотных хрустальных пузырька, Джилли в бешенстве зашипел:

— Ты что, притащил во дворец яд? После того, что случилось с дебютантками? Да ты спятил.

— Мы не во дворце, — заметил Маледикт, — и эти флаконы там никогда не окажутся. — Он откупорил залитое воском горлышко и тонкой струйкой влил жидкость во флягу. Потом, закрутив крышку кучерова сосуда, слегка взболтал.

— Ты что, собираешься отравить кучера? — спросил Джилли.

— А ты бы предпочел, чтобы я прошествовал через двор и заколол Амаранту мечом — или чтобы я подал ей бокал вина, и она тут же рухнула бы к моим ногам? Мой способ менее надежный, зато его скорее сочтут случайностью.

Маледикт еще немного поболтал флягу, потом открыл и принялся.

— Великолепно.

— А если он все выпьет сейчас? В ожидании хозяев?

— Именно на это я и рассчитываю, — сказал Маледикт. — Янус должен вынудить Амаранту покинуть бал. Если ему не уда-

стся, мое появление сделает это за него. — Взглянув за спину Джилли, Маледикт сердито сдвинул брови. Двое конюхов отлынивали от работы — в проходе между каретами, в тени экипажа, они играли в кости.

— Крысы их возьми, — пробормотал Маледикт.

— У нас еще есть время, — сказал Джилли.

— Как раз его-то у нас и нет, — возразил Маледикт. — Данталион слишком осторожен. Он не позволит своему кучеру шататься во дворе с остальными и играть в карты. Он наверняка оставит его здесь — охранять карету от возможных злоумышленников.

— Тогда предоставь это мне, — сказал Джилли. — Я вполне сойду за кучера и могу вернуть флягу на место; эти парни меня и не запомнят.

Маледикт неохотно отдал флягу, и Джилли не спеша вышел в освещенный лампами проход между каретами. Двое парней прекратили игру, напряглись всем телом, готовые дать деру, если Джилли вдруг их заметит.

На полпути к карете Ластва Джилли вдруг осознал, что задание, которое он выполняет, поскольку Маледикт не может этого делать, приведет как минимум к одной человеческой смерти — а то и больше. Но страх, что, откажись он, Маледикт выберет более рискованный путь, заставляя Джилли идти вперед. «Не проси меня убивать ради тебя», — сказал он когда-то Маледикту. Теперь, похоже, Джилли действовал по собственной воле.

Ощущая себя так, словно поднимался на эшафот, Джилли взобрался на козлы. Едва он сунул флягу под сиденье, как услышал окрик:

— Эгей! Что это ты там делаешь?

Джилли обернулся и увидел, как двое мальчишек бросились в разные стороны; окрик, возможно, и не им адресованный, их напугал. Кучер Данталиона стоял у кареты и снизу вверх глядел на Джилли.

— А ну-ка слезай оттуда! Эй, это же мое, — сказал он. Возмущение переросло в подозрительность и гнев. Он протянул руку к фляге, и Джилли ничего не оставалось, кроме как вернуть ее.

— Зачем ты ее брал?

Джилли, начавшего судорожно перебирать в уме возможные объяснения, опередил Маледикт.

— Я попросил его найти мне выпивку, — сказал он.

— Там, во дворце, отличная выпивка. Зачем вам мое? — Кучер исподлобья взглянул на изящного, роскошно одетого Маледикта.

— В прошлый раз люди, что пили в тех стенах, валились за-
мертво. Можешь считать меня перестраховщиком, — сказал юноша, облакачиваясь на дверцу.

— Девчонок убила Мирабель, — возразил кучер, но, окинув Маледикта еще одним насмешливым взглядом, продолжал: — Впрочем, вы, кажется, и сами смахиваете на сучье племя.

Щеки Маледикта вспыхнули; рука по привычке потянулась к бедру, к отсутствующему мечу (меч он бросил в сене, когда снимал жилет).

Проследив за его движением, кучер замер.

— Так вы тот самый, верно? Чертов рыцарь, о котором все утверждает мой хозяин. Тогда лучше берите мою флягу. Хлебните из нее — просто на всякий случай. — И он сунул флягу Маледикту.

— Какое великодушие, — сказал Маледикт, прикладываясь к выдавшей виды фляге.

У Джилли душа ушла в пятки; он едва сдержал возглас протеста. Он во все глаза смотрел на Маледикта — может, юноша знает какую-нибудь уловку, позволяющую не глотать собственноручно изготовленный яд. Струйка отравленного виски побежала из уголка его рта, и кучер не выдержал:

— Хватит! Оставьте и мне. Отдайте! — Он выхватил флягу из рук Маледикта, потряс и выругался. — Выпил почти половину, черт тебя дерни.

Маледикт неторопливо отер рот.

— Да твое поило протухло. Скажи своему хозяину, пусть даст тебе что-нибудь попрличнее.

Кучер сплюнул на землю, и Маледикт с гримасой отвращения отодвинул ногу в тщательно начищенной туфле от блестящего мокрого пятна.

— И люди еще называют мои манеры никуда не годными? Джилли, захвати мой камзол. — И, не дожидаясь ответа, Маледикт гордо удалился.

— Ну и хозяин у тебя, парень — врагу такого не пожелаешь, — заметил кучер.

Джилли сунул трясущиеся руки в карманы камзола.

— Он хорошо платит. — От испуга голос его прозвучал почти так же хрипло, как у Маледикта. Джилли испугался, что Маледикт выпьет собственное зелье. Испугался, что кучер выпьет его и умрет, и превратит его, Джилли, в убийцу.

Он бросил безумный взгляд на темную аллею, но Маледикт исчез из виду. Желудок у Джилли скрутило до боли; он представил, как Маледикт упал и бьется в конвульсиях. Защитит ли его Ани после того, как ей отказали в удовольствии насытиться смертью Ласта?

Джилли подхватил камзол Маледикта; послышался тихий треск ткани: вышивка зацепилась за торчавшее из тюка сено. Джилли поспешил к выходу из конюшни. По дороге он еще раз оглянулся и увидел, как кучер жадно хлебнул из фляги. Ну вот, теперь он, Джилли, — убийца.

После нескольких минут паники Джилли обнаружил Маледикта в тени колючего кустарника. Глаза юноши блестели, как озерца черной воды.

— Он выпил? — спросил Маледикт. Без камзола он казался миниатюрнее, чем обычно.

— А ты? — почти прошептал Джилли.

— Ты видел, — сказал Маледикт.

Джилли потянул его за руку.

— Едем домой. Найдем для тебя противоядие. Хотя, возможно, оно тебе не понадобится. Ведь Ани защищает Своих, да? Но мы не можем рисковать.

Маледикт вырвался.

— Джилли, я уже принял противоядие. Я ведь принес два пузырька, помнишь? Ты боялся, что я умру? Я не настолько доверяю Ани. И не настолько глуп, чтобы умереть при покушении на Амаранту. Тем более что оно может еще и провалиться. Полагаю, я обиж...

Джилли крепко схватил Маледикта, прижал к себе; сердце юноши билось рядом с его собственным. Он с удивлением обнаружил, что вблизи Маледикт не так уж высок и широкоплеч, каким казался, и уместается в его объятьях так же уютно, как Ливия. Юноша обмяк в руках Джилли, давая ему повод скользнуть ладонями по узкой спине и бедрам, обнять еще крепче. Маледикт открыл глаза, и Джилли склонился к нему; в последний момент Маледикт отвернулся. Поцелуй пришелся на гладкий шрам на подбородке юноши. Джилли осторожно, кончиком языка, попробовал, какова на вкус кожа Маледикта, и тот издал тихий звук — в знак одобрения или протеста, Джилли не смог понять.

Ловкие пальцы подсказали Джилли кое-что еще.

— Ты носишь корсет?

— Я слишком много ем, — пробормотал Маледикт. Хотя он не вырвался из рук Джилли, тот почувствовал, как Маледикт весь напрягся.

Он коснулся подбородка юноши, направляя губы Маледикта к своим; в тот же миг вождение уступило место любопытству. Тонкие косточки похрустывали от напряжения.

Близкий вздох Маледикта заглушил любопытство, и Джилли притянул к возлюбленному. Внизу живота сладко заныло; плотно — слишком плотно! — облегающие панталоны начали причинять боль. Бедра Джилли и Маледикта соприкоснулись.

— Отпусти, — приказал Маледикт. — Довольно, Джилли. — Шепот был едва различим, так что при желании Джилли мог сделать вид, что не расслышал. Но, хотя дрожь в спине Маледикта и его нежные ладони на груди Джилли побуждали его продолжать, он понимал, что желание Маледикта не так сильно, как его собственное, и если они расступятся, это будет заметно по тесным панталонам.

— Джилли, — Маледикт заговорил настойчивее. — Отпусти, не то я сделаю из тебя евнуха.

Джилли испуганно отпустил юношу. Маледикт пошатнулся и упал на колени; его вывернуло в кусты. Зайцы в белых зимних шубках прыснули в стороны от внезапного вторжения в свои владения. Джилли присел на корточки рядом с Маледиктом, и тот с

трудом выдохнул, что с ним все в порядке. Пока юноша старался справиться с приступами рвоты, Джилли придерживал норовившие упасть ему на лицо волосы.

Маледикт встал и вернулся на главную дорожку. Там он рухнул на каменную скамейку, укрытую тоненьким слоем снега. Юноша намочил руки — снежинки таяли, едва касаясь его ладоней, — и умылся.

— Иногда противоядие хуже самого яда.

Джилли тяжело опустился рядом, сердце его разрывалось от противоречивых чувств.

— Я думал, ты умираешь.

— Мы уже обсуждали эту тему, — сказал Маледикт, — и она увела нас... — Маледикт скатал снежок и положил его в рот, точно ребенок. Губы его покраснелись.

— Увела нас куда? — спросил Джилли. Ему было больно говорить о таком, касаться вопроса их разобщенности, но молчать он не мог — точно так же, как не мог уйти.

— Увела нас с пути истинного, — довершил Маледикт. — Решительно увела с пути. — Уперев локти в колени, он стал разглядывать узоры, нарисованные морозом на земле у их ног. Вороньи крылья, глаза, меч.

— Я целиком принадлежу ему, не забывай. Все, что я делаю, я делаю для него. — Рот юноши скривился, словно этот факт больше не казался ему таким чудесным, как когда-то.

— И он сейчас начнет искать тебя, — добавил Джилли, вставая и подавая Маледикту руку.

Поколебавшись, юноша оперся на руку Джилли. Они пошли к желтому свету свечей и теплу. Ветер доносил голоса, отмеченные печатью страха. Маледикт сказал:

— Кроме того, Джилли, какой же из меня партнер для тебя? Тебе нужна милая девушка, которая будет рожать тебе детей, а не просить убивать их.

Джилли вздохнул.

— Лизетта шлюха, она любит меня ничуть не больше, чем мои деньги; а наша малютка Ливия — шпионка. И все же обе они мне безразличны. Так что почему бы не добавить к своей коллекции еще и убийцу?

— Ливия — шпионка? — переспросил Маледикт; взор его затуманился.

Джилли прикусил губу; но ведь сказанного не воротишь.

— У нее гораздо больше денег, чем должно быть, и ночами она тайком уходит. А ведь ничего из безделушек или столового серебра не пропадает. Если только она не обворовывает другие дома, она торгует информацией.

— Шпионка, — с досадой повторил Маледикт. — А у нас столько дорогостоящих секретов. — Он побрел по газону, туфли оставляли на инее темные следы. Обернулся и проговорил:

— Быть может, нам удастся извлечь из этого пользу. Не предпринимай ничего конкретного, пока мы не выясним, кто ей платит.

— Данталион, — предположил Джилли.

— Или Безумная Мирабель, или даже Арис, как бы ни претяла мне подобная мысль. Надо выяснить.

Джилли кивнул, немного пристыженный тем, что сам не догадался.

Маледикт взглянул на ярко освещенные окна дворца — свет струился подобно замершим молниям. За стеклами угадывались нарядные танцоры, и Маледикт совсем скис. Стоя так близко, они могли расслышать напускное веселье, новые мелодии, выпиливаемые музыкантами, чтобы даже музыка не дала никому вспомнить о смертях Темного Солнцестояния.

— Джилли, ступай готовь карету. Я войду ненадолго, только чтобы напугать Амаранту, если Янус еще этого не сделал. Нынешнюю ночь я хочу провести дома.

Маледикт в последний раз отер губы; горький привкус желчи, дубильных веществ и белладонны никак не желал уходить. Юноша поднялся по широкой лестнице, ведущей от сада, и оказался у балконов. Он не желал входить в зал под пристальными, испуганными взорами остальных гостей. Сквозь распахнутые двери бальной залы был виден Янус, ухаживающий за Псайке Беллейн; взгляд его светился удовольствием, которого девушка вовсе не разделяла.

Псайке, бледная от страха, еще больше напоминала теперь фарфоровую куколку. Она присела в реверансе и попыталась уйти. Янус остановил ее очередным вопросом. Рука его скользнула на тоненькую талию девушки, на губах заиграла довольная улыбка. Дуэнья, глядя на них, тоже улыбалась. Стоило Янусу чуть зазеваться, и Псайке упорхнула, точно голубка.

— Где ты так задержался? — спросил Янус, словно спиной почувствовал приближение Маледикта. — Пришлось довольствоваться обществом милой и перепуганной Псайке. Чего ты ей наговорил?

— Ничего такого, к чему бы она отнеслась с достаточной серьезностью, — ответил Маледикт, наблюдая за тем, как легкая фигурка девушки исчезает в толпе. Он вдруг почувствовал себя предателем, но немедленно отогнал это ощущение — разве можно было ожидать, что Псайке отречется от Януса лишь потому, что время, проведенное с угрожавшим ей Маледиктом, избавило ее от смертоносного прикосновения Мирабель?

Маледикт пошатнулся, словно тяжесть собственной ненависти на миг вывела его из равновесия. Янус улыбнулся Маледикту и увлек его за собой, в грот, скрытый кустарниками, подстриженными в виде зверей и птиц.

— У тебя такой свирепый вид, — проговорил Янус, целуя Маледикта в шею и щеку. Маледикт отвернулся, избегая губ Януса, думая о яде, оставшемся на его собственных губах. Ему казалось, что он заблудился в сонном царстве, где сны множатся в дурной бесконечности. Прочь от тепла Джилли — прочь из объятий Януса; лицом к ледяному ветру и темному одиночеству. Маледикт боялся, что Ани вырвется через его горло, ударит из его рта длинным, жутким, окровавленным клювом, что Ее крылья пробьются сквозь его грудь, оттолкнув его легкие и ребра, и потащат прочь в ночное небо, словно окровавленную куклу. Маледикт отрешенно подумал, что, должно быть, белладонна еще не полностью уступила противоядию — отсюда и галлюцинации.

— Так где ты задержался? — переспросил Янус.

— Джилли поцеловал меня в заснеженном саду, — проговорил Маледикт. — Он убил кучера и поцеловал меня. — Маледикт замотал головой, стараясь выбросить из головы это

воспоминание. — Боюсь, от общения с нами его нравственность серьезно пострадала.

Янус встряхнул его.

— Мэл, ты что, спятил?

— Да, — ответил Маледикт. — Должно быть, да. — Губы Маледикта ощутили шершавую парчовую ткань, и он представил, как нити змеятся, чтобы затянуть его под кожу Януса.

— В самом деле спятил, если позволил Джилли поцеловать себя. — Янус оттолкнул Маледикта. Сделав небольшой круг, он вернулся; в голубых глазах тлел огонь. — Ты хочешь его, желаешь его? Рискнешь всем, чтобы тискаться в королевском саду? Скажи мне, Мэл, ты любишь его?

В приглушенном тоне Януса слышалась тихая обида, но Маледикт, охваченный мрачными грезами, навеянными белладонной, увидел то, что скрывал негромкий голос: красное облако, вырвавшееся из ровного пламени гнева его глаз.

— Ты — предмет всех моих желаний, — сказал Маледикт, обвивая шею Януса руками. — Так я ему и сказал. Что я весь, всецело твой. Хотя ты не принадлежишь мне одному... ты же нищья.

— А почему бы тебе не поступить так же?

Янус вздрогнул в объятьях Маледикта, услышав знакомый низкий голос. Маледикт едва не запаниковал сам — как долго Арис подслушивал? За спиной короля в дверях стояла Псайке. Маледикт едва не зарычал. Значит, это она привела короля к Янусу?

— Сир, — Маледикт низко поклонился.

Рядом Янус кивнул в знак приветствия:

— Добрый вечер, дядя.

— Я желаю побеседовать с Маледиктом, — сказал Арис. — Янус, этот танец я обещал Псайке. Прошу тебя, займи мое место.

Янус поклонился и вышел, снова беря Псайке под руку; Маледикт стоял неподвижно, как загнанный зверь. Сердце его бешено колотилось. Внутри Ани расправляла крылья, что-то нашептывала. Его пальцы ныли от желания сомкнуться на рукояти меча, почувствовать холодную уверенность стали, — ныли от чужого желания.

— Не тревожся, — сказал Арис, опускаясь на скамейку в совершенном изнеможении. — Нынче ты в выгодном положении: к тебе обращается с просьбой сам король. — Арис похлопал по скамейке рядом с собой.

Маледикт скользнул к нему и присел на край, на вырезанные в камне виноградные лозы.

— Вы хотите женить меня?

— Все мужчины должны жениться, хотя бы для того, чтобы взглянуть на себя со стороны. Женившись на Авроре, я изменил взгляд на себя самого и свое королевство. Под ее опекой я увидел свой двор таким, каким он был — упадочным и жестоким. Я понял, что моих подданных больше волнует мода, чем положение в стране. Мы привыкли говорить, что во всем подражаем Итарусинскому двору, но подражание наше — чисто внешнее. Итарусинские аристократы соперничают и убивают, но поддерживают единство королевства, тогда как мой двор... занят лишь развлечениями.

Король вздохнул. В ночном воздухе вздох показался невероятно громким, винные пары из уст короля — пьянящими, как само вино.

— Аврору боготворили. Она понимала, что так дальше продолжаться не может, и я изменился. Однако мои попытки изменить и двор не имели успеха.

— Таких дураков, как при вашем дворе, легко вести за собой, — проговорил Маледикт. — Они словно стадо баранов.

Арис засмеялся.

— Я всего лишь король, а не бог. — Смех растаял, уступив место горечи. — И если другие короли могут подражать богам и делать свою волю волей своего народа, я слишком хорошо осознаю, что я лишь человек. Зато я понимаю Баксита, который взглянул на Свой собственный двор, и отчаялся, и принудил богов кануть в небытие. Я мог бы сделать то же самое, если бы не Адигран, не другие невинные, которые неминуемо пострадают. Прекратить борьбу и позволить нам пасть...

Маледикт поежился. Лицо Ариса, столь похожее на лицо Януса, застыло, как непроницаемая мраморная маска.

— Если бы не любовь... — сказал Арис, беря Маледикта за подбородок; голос его сделался совсем тихим от усталости. И тут он приник к губам юноши своими. Голос короля звучал неуверенно — поцелуй же оказался яростным. Маледикт почувствовал, как эта ярость заставила Ани съежиться. Арис не просто жаждал плотских наслаждений — он предпринимал отчаянную попытку разогнать тоску, ускорить бег крови в жилах.

Язык Ариса, пахнувший вином, скользнул по языку Маледикта. Смятение юноши росло. Он оттолкнул короля — резко, грубо. Разум его занимал один-единственный вопрос: хватит ли белладонны, оставшейся во рту, чтобы убить короля?

Маледикт упал со скамейки. От страха и волнения он ни слова не мог вымолвить.

Юноша стоял на коленях на холодном, влажном камне, молча ожидая; его бойкий язык присох к нёбу, бравада улетучилась, он уперся взглядом в переплетающиеся лозы каменного винограда.

— Это колдовство, — проговорил Арис. — Оно питает твоё очарование. Только мне сдается, я сам его создал.

В голосе короля звучало одно лишь отчаяние, и ужас чуть ослабил хватку на позвоночнике Маледикта.

— Арис, — выдохнул Маледикт.

— Тише. — Арис прикрыл рот Маледикта ладонью — и тут же отнял ее, словно боясь, что желание вновь охватит его. — Я покончу со всей этой нелепицей и попрошу тебя об одолжении. Леди Амаранта боится тебя. Страшится твоего взгляда на своем животе — до умопомрачения. Я бы хотел, чтобы ты не появлялся при моем дворе, пока она не родит.

— Вы отправляете меня в ссылку? — спросил Маледикт, прилагая все усилия, чтобы его голос звучал как можно беззаботнее, пытаясь снова стать самим собой. Ведь он же — Маледикт, сама невозмутимость, темный рыцарь. С чего вдруг усталый король и поцелуй отчаяния так смутили его? — Из-за каприза женщины? Вы и впрямь мягкий человек.

— Это ребенок моего брата, — сказал Арис. — Будущее Антира.

— Я выполню вашу просьбу, — проговорил Маледикт, вставая и отступая к балюстраде. — Только знайте, Арис. Не нужно было просить моего согласия. Вы вполне могли его потребовать.

Не дожидаясь позволения уйти, Маледикт перепрыгнул через балюстраду и оказался на нижней террасе сада; оттуда он кинулся назад к конюшне, к Джилли, который сидел, теребя в руках ремни и пряжки сбруи.

— Так скоро? — удивился он, не поднимая головы.

— Да. — Маледикт прислонился к поросшей мхом стене и закрыл глаза, перестав сопротивляться действию белладонны. И тогда она вознесла его в темные тучи над головой, и он увидел город с высоты вороньего полета. Город крутился, как волчок. Маледикт не пожелал бы оказаться в карете, которой правит человек с такими же, как у него теперь, видениями. «Бедный Арис, — пробормотал он, с какой-то отрешенной грустью думая о короле. — Если бы я только мог быть уверен, что родится девочка...»

— Мы ждем Януса? — спросил Джилли, продолжая возиться с упряжью.

— Нет. Ему нужно добиться, чтобы Амаранта покинула бал. Меня изгнали, — сказал Маледикт, сползая по стене и пытаясь замедлить скольжение. Наконец он почувствовал, что сквозь шелковую рубашку просочилась влага. Вот так же остро он мог бы сейчас чувствовать близость Джилли — или Ариса. Джилли все говорил и говорил что-то, а Маледикт слышал лишь успокаивающее журчание его голоса и смотрел, как в промежутках между взмахами ресниц приезжают и уезжают кареты.

— Ну же, поехали, — пробормотал Джилли в самое ухо юноше, поднимая его на ноги. — Ты задремал и даже проспал момент, когда вышла Амаранта. Нам лучше уехать, прежде чем ее кучер заметит, что мы тут притаились... Мэл, тебя всего трясет! — Спокойствие Джилли вмиг улетучилось.

Мысли путались в голове у Маледикта, давя в горле попытку сказать что-то успокаивающее.

— Это противоядие так действует?

И снова ответ Маледикта умер, не родившись. Маледикт хотел сказать, что действие белладонны сильнее, чем он думал, а

противоядие — не столь эффективно, как он ожидал, и что обиженная Ани отказала ему в помощи, но...

Держа ладонь на рукояти меча, Маледикт побрел к карете. Джилли подхватил его, что-то сказал, однако его слова заглушил шум крови в ушах Маледикта. Джилли усадил друга в карету, подоткнул со всех сторон тяжелый плед и захлопнул дверцу.

— Ани, — шепотом позвал Маледикт. В ответ в его сердце, в животе, в костях послышалось одобрительное шуршание крыльев. Маледикт улегся на сиденье, завернувшись в грубое кожаное пальто Джилли. Убаюканный плавным ходом кареты, он скользнул в мир галлюцинаций.

Ани пробилась сквозь его ребра, рассекла воздух длинными перьями, воспарила над каретой, рассекая ударами крыльев холодные ветры. Она поднялась над широкими улицами, что вели к дворцу, Она смотрела, как движутся кареты, подобные ярким жучкам, и наконец узрела Свою цель — лазурную карету, отделанную золотом, которая катила прочь из города. Не беда, что тьма окрашивала карету в черный — Ани больше полагалась на свое чутье, чем на зрение.

Как же, должно быть, напугана графиня, злорадствовала Ани, если осмелилась предпринять ночное путешествие до Ластреста с усталым кучером. По бокам кареты ехали четверо гвардейцев на серых кобылах и Данталион на гнедом жеребце, призванные охранять безопасность Амаранты.

Ани снизилась, и тогда кучер рванул вожжи. Перепуганная четверка пустилась дробной рысью. Кучер побледнел. Гвардейцы бестолково пришпоривали своих лошадей.

— Она там! — завопил кучер, и голос его взвился к небесам, точно молитва.

Ани нежилась в этом крике — Она даже спустилась еще чуть-чуть. Гвардейцы глазели на дорогу, на небо, на деревья по сторонам; один лишь Данталион не сводил глаз с самого главного — с кареты. Он подъехал почти вплотную к карете, видимо, хотел соскочить с коня и перебраться внутрь. Но тут вдруг кучер щелкнул вожжами, хлестнул кнутом и пустил лошадей испуганным галопом, и пальцы Данталиона схватились не за дверцу кареты, а за воздух.

На миг всё смешалось — гвардейцы, застигнутые врасплох, поводья, стремяна, копыта; но вот эскорт опомнился и бросился за каретой, дребезжавшей по булыжнику. Данталион на порядок опережал гвардейцев; он уже почти настиг экипаж, когда Ани распахнула крылья, распространяя зловонье полей, усеянных мертвечиной, и приторный запах гниющей могилы. Лошади попятись и захрапели. Двое гвардейцев не усидели в седлах, упав же, благоразумно откатились подальше от обезумевших коней.

Данталион грубо заставил своего гнедого подчиниться, но замешкался: карета с грохотом летела прочь, унося с собой крики Амаранты. Кучер все продолжал в ужасе оглядываться, веря, что лошади не сойдут с дороги. Копыта выбивали такт неистово колотящегося сердца.

Ее перья рассекали воздух, Она настигла и опередила карету. Голова кучера мотнулась, точно на шарнирах, рот безвольно открылся. Она кружила, вздымалась в небо и возвращалась к карете. Запрокинутое лицо кучера казалось призрачным; он что-то бессвязно бормотал, глядя в небо пустыми глазами.

Тут кучер резко дернул вожжи; раздался треск натянутой кожи. Лягаясь, вытянув морды в хлопьях пены, лошади стали. Карета накренилась влево, медленно сползла в грязь; сломанные колеса вдавились в эмаль и позолоту и наконец перестали крутиться. Кучер, выброшенный на дорогу, вскрикнул: «Ани». И Она поглотила его молитву, его преклонение.

Наконец карету нагнал Данталион; его губы яростно сжались. Он спешил, привязал взмыленного коня к обломкам кареты и кое-как приподнял перекошенную дверь. Амаранта лежала, устремив взгляд к потолку и обнимая свой огромный живот. Данталион опустился на колени...

— Мэл?

Голос отвлек Ее, и изображение заколебалось. Сильные руки схватили Ее и потащили прочь; Ее перья стали уменьшаться в размерах, взгляд померк. Она сопротивлялась.

— Тише, Мэл, — проговорил Джили в самое ухо. — Или мы сейчас скатимся с лестницы.

Маледикт протер глаза и попытался собрать фрагменты воедино. Равномерное чередование взмахов и ударов было не биени-

ем крыльев, а вздымающейся грудью Джилли под его щекой; покачивание, так походившее на полет — всего лишь медленным подъемом Джилли с Маледиктом на руках по лестнице. И вовсе это не разломанные колеса трещали, а ножны Маледикта цеплялись за резные перила.

— Опusti меня.

— Еще две ступеньки, — проговорил Джилли, лишь крепче обнимая юношу.

Маледикт напрягся, смущенный такой близостью Джилли, осознанием необходимости хранить свои тайны. Он понимал, что в любую секунду может появиться Янус, но собственная слабость побудила его обвить руками шею друга.

На верхней ступени Джилли отпустил Маледикта, терпеливо выждал, пока тот восстановит равновесие, и лишь потом сделал шаг назад. И все это время он избегал смотреть в глаза юноше.

— Ну, теперь ты в порядке? Тебя больше не трясет.

— Да, мне лучше, — сказал Маледикт.

— Я думал, ты не подвержен действию ядов.

— Я же не мертв, верно? — прокаркал Маледикт. В горле у него першило, как будто оно хотело выговорить чужие слова, завершить победный вопль Ани.

Джилли кивнул, взгляд его метнулся вниз по лестнице, в холл.

— Спасибо, Джилли. — Маледикт погладил друга по щеке.

Джилли поморщился от прикосновения его пальцев.

— Сегодня ночью меня не будет, — сказал он.

— Ты хорошо себя чувствуешь? — спросил Маледикт.

— Нет, — отозвался Джилли. — Сегодня я убил человека. Ты едва не отравился сам, и всю обратную дорогу я слушал, как твоим голосом победно распевала Ани. Все, чего я хочу, — это оказаться где-нибудь подальше от смерти. Я знаю, что Лизетта не станет просить меня убить кого-нибудь.

— Джилли, — проговорил Маледикт, — не надо...

— Что не надо? Чувствовать себя виноватым? Или видеть во сне кучера, Амаранту, младенца? У меня уже и так голова забита Ворнатти, Критосом, убийцей — человеком Лава, беднягой Роучем.

— Ты нужен мне, — сказал Маледикт. — Ты сам признал, что иначе нельзя. Я же не просил тебя убивать его.

Джилли вздохнул.

— Знаю. Но сегодня вечером я убил не ради тебя, не ради твоей защиты. Сегодня вечером я убил, чтобы расчистить дорогу Янусу. А у меня нет причин становиться, подобно тебе, орудием в его руках.

Маледикт оттолкнул друга. Отчаянье в его душе сменилось чем-то более сильным, горячим, чем-то более приятным. Джилли отпрянул назад, споткнулся, оступился и упал. Пролетев несколько ступеней, он успел схватиться за перила. С трудом поднялся взглянул на Маледикта.

Юноша учащенно дышал, мечтая о драке. Хотя бы в чем-то он мог победить. Прежде ему было достаточно слов, чтобы управлять Джилли; но теперь он не находил нужных доводов, — все смешалось под ударами черных крыльев.

— И ты волновался, что Ани навредит мне, — проговорил Джилли. — Ведь это все ты сам.

— Джилли, — едва слышно произнес Маледикт — его душила ярость.

— Подумай, чего ты хочешь, и что тебе нужно от меня. Я не стану убивать ради Януса. Если тебе нужно это, ищи себе другого союзника.

— Нет, — сказал Маледикт. Он протянул Джилли руку, но тот уже отвернулся и сбежал вниз по лестнице. Дверь с грохотом захлопнулась.

Руки юноши сжались в кулаки. Джилли просто ничего не понимает. Он, Маледикт, извинится, объяснит, что это близость цели сделала его вспыльчивым; он пообещает (как уже обещал), что Джилли не придется убивать ради него. И на сей раз он проследит, чтобы так и было. Если Джилли вернется. Если для его честности кровь на руках не станет неподъемной ношей.

В свете лампы мелькнули светлые волосы, и у Маледикта перехватило дух.

— Джилли?

— Нет, — ответил Янус. — Что ты делаешь на лестнице? Спускайся, давай переждем ночь и поприветствуем вести о смерти утром.

Маледикт протянул руку, и Янус рывком поднял его на ноги. Поцеловал в висок, прогоняя плохое настроение, злость и страх за Джилли.

— Что Арису было от тебя нужно?

— Ничего, — ответил Маледикт и вдруг рассмеялся. — Он попросил меня не появляться при дворе, пока Амаранта беременна.

Янус улыбнулся:

— И ты, разумеется, пообещал.

— Разумеется. — Маледикт принял к Янусу, и они, взявшись за руки, пошли вниз по лестнице.

31

Розовый рассвет едва тронул небо на востоке, когда со стороны дворца послышался колокольный звон. Маледикт, прикорнувшийся на плече у Януса, выпрямился; предвкушение согнало остатки сна с его лица. Янус улыбнулся.

— Сладостный звук траурных колоколов. Ты сделал это. Амаранта мертва.

Маледикт не ответил, вслушиваясь в низкий, медленный звон. Когда колокола отзвонили — словно обрело покой неровно бьющееся сердце — Маледикт выдохнул.

— Дело сделано. Наконец.

Маледикта распирало от радости, будто она, радость, пустила корни у него в животе.

Янус поцеловал Маледикта в лоб, потом в губы.

— Спасибо, мой рыцарь, мой темный воин. Теперь можешь дать отдых своему мечу.

Радость, только что бушевавшая в теле Маледикта, замерла и стала скукоживаться. Бормоча что-то в знак согласия, он размышлял, ощущает ли и Янус приближение беды. Оставит ли Ани его теперь?

Закрыв глаза, он попытался представить себе самый потайной уголок тела Миранды. Маледикт был уверен, что Ани успела закрепиться в чреве Миранды, как дитя, которое не так-то просто извести, даже с помощью зелий и ядов.

— Что мне делать? — вслух спросил Маледикт.

— Все, что пожелаешь, — сказал Янус. — Мы победили, Мэл.

При звуке тихого бархатного голоса, который Янус приберегал для мгновений в постели, шепота в темноте, Маледикт окончательно размяк.

Если бы Джили был в комнате, он мог бы сейчас увидеть то, что скрывалось под маской, заглянуть дальше ожидаемого. Маледикт, свернувшись в объятиях Януса, мечтательно улыбался, движения его стали плавными, мягкими... Теперь он вел себя как Миранда, а не как дерзкий юный вельможа. Только Джили по-прежнему не спешил возвращаться в городской особняк, хотя уже покинул спасительные объятия Лизетты. Он предпочел скитаться по утренним, еще не проснувшимся улицам в поисках информации, которую не могли сообщить ему колокола: жив ли кучер?

То, что он услышал, то, что уловил в полунамеках, которыми обменивались слуги, в шепоте, который торговец присовокуплял к своему товару, наконец, в крике разносчика газет, заставило его стремглав, не разбирая дороги, броситься домой по узким улочкам.

Маледикт положил голову Янусу на колени и позволил векам смежиться. Янус ворошил его волосы и вслух строил планы.

— Мне нужно навестить Ариса. Могут возникнуть вопросы. Амаранта не скрывала своих опасений...

Раздался звук, от которого оба замерли. Маледикт поднял голову, глаза полыхнули темным огнем.

— Что это такое?

По городу плыл радостный перезвон, отражаясь от камней и наполняя воздух эхом. Маледикт свалился с кушетки и зажал уши руками. Внутри у него извивалась и била крыльями Ани — Ее пробудили колокола.

В комнату ворвался Джилли, и Маледикт поднял на него дикий, невидящий взгляд.

— Что означает этот звук, Джилли? Что это?

Джилли старался отдышаться, не в силах выговорить ни слова; грудь его судорожно вздымалась.

— В королевской семье родился ребенок, — сообщил он, глядя прямо Маледикту в лицо, белое, как молоко или мрамор. — Данталион вырезал его из живота Амаранты. Благовест означает, что скорее всего ребенок выживет.

Маледикт вскрикнул. Крик вырвался из заточения его изуродованной глотки, воспарил над колоколами, превысил возможности человеческого голоса. Грачи снялись с гнезд, закружились за окном, сея темные вспышки. Янус отпустил Маледикта; лицо его было тревожно и печально.

— Джилли, ты уверен? — спросил он. Но у Джилли не было времени на Януса, не было времени ни на что, кроме вздувающейся черноты, заполнявшей хрупкий силуэт перед ним. С рвением деревенского колдуна он принялся чертить в воздухе знаки, призванные нейтрализовать заклятие, но пустое неистовство в глазах Маледикта не убывало.

— Граф умер... Да здравствует граф... Я не допущу этого. — От голоса, в котором не было ничего человеческого, у Джилли волосы встали дыбом. Треск и скрежет, словно издаваемые старыми костями, оживили его сны об Ани.

— Маледикт, — выдохнул Джилли. — Пожалуйста.

Обнажив меч, Маледикт кинулся к двери, неумолимо увлекая за собой тени.

— Останови его! — крикнул Джилли.

Янус с хрустом потянулся и лишь потом взял Маледикта за руку.

— Мэл, довольно мелодрам. Нам нужно...

Со свистом вдохнув, Янус отскочил, когда меч скользнул в дюйм от его живота. Джилли воспользовался тем, что Маледикт находился к нему вполоборота, и сбил его на пол. Маледикт завизжал; грачи стали бросаться на окна. Птицы разбивались о стекло, обрушивая на Маледикта свои кости, перья и кровь.

— Меч, — задыхаясь, проговорил Джилли, стараясь удержать на полу Маледикта, который будто обрел силу и стремительность змеи. Если начертанные в воздухе знаки не сработали, оставалось только вырвать меч из рук Маледикта — иначе юношу было не удержать. Джилли вывернул Маледикту руку и отбросил меч.

Янус, оценив ситуацию, встряхнулся и наступил на распоротую на полу руку. Несмотря на свое отчаянное положение, Джилли поморщился, услышав хруст костей Маледикта. Изящным движением, равно подходящим для танца и дуэли, Янус кончиком туфли откинул меч на другой конец комнаты.

— Элизия! В кладовой дворецкого! — задыхаясь, выкрикнул Джилли.

Маледикт, то ли пренебрегая болью, то ли вовсе ее не чувствуя, встал на четвереньки и потянулся за мечом. Джилли выдохнул и постарался навалиться на юношу всей тяжестью тела, представляя себя неподвижной глыбой, связующей сеть. Понимаясь быстро удаляющиеся шаги Януса. «Торопись, торопись же!», — повторял про себя Джилли. Он понимал, что не сможет держать Маледикта долго; с каждым ударом сердца Маледикт подбирался все ближе к мечу.

Джилли заломил Маледикту руку, мешая неумолимому продвижению вперед. И тут Маледикт скользнул влево, перекатился на бок и коленями пнул Джилли под дых. Боль от удара захлестнула Джилли сверх всякой меры. Маледикт отцепил от себя судорожно скрючившиеся пальцы, и лишь своевременная и стремительная хватка Януса не позволила мечу вновь воссоединиться с хозяином. Янус отступал, неловко сжимая рукоять меча в окровавленных пальцах; в другой руке он держал пузырек элизии. Шприц начал выскальзывать из растопыренных пальцев, и Джилли, предприняв невероятное усилие и перекатившись к Янусу, поймал его.

— Он мой, — прорычал Маледикт; словно Ани устала притворяться и играть в игры, меч выпал из ладони Януса, проскрежетал по полу и зацепился за туфлю Маледикта. Юноша подбросил его в воздух носком туфли и поймал правой рукой.

Кости вновь срослись, сухожилия пришли в движение, и Маледикт перехватил меч поудобнее. Янус выронил пузырек с элизией. Тень Маледикта разрасталась, в воздухе роились окровавленные перья.

Янус встретился взглядом с Джилли, и впервые самообладание изменило ему.

— Не выпускай его отсюда, — проговорил Джилли.

Янус шагнул, загораживая Маледикту выход. Едва заметное недовольство скользнуло по неподвижному, похожему на маску лицу юноши. Джилли хотел бы, чтобы это было беспокойство, но нет — то была ярость, и Джилли не мог себя обманывать.

— Держи его! — закричал Джилли и кинулся вверх по лестнице в покои Маледикта. Захлопнул за собой дверь и, не замечая попутных разрушений, стал рыться в поисках шкатулки с ядами. Где-то внизу сталь билась о сталь, и он в смятении думал, как долго Янус сможет противостоять Маледикту; более того, сколько пройдет времени, прежде чем Янус осознает, что удерживает Маледикта от достижения цели — его, Януса, цели.

Джилли наконец нашел шкатулку. Но все хрустальные пузырьки были одинаковые — по крайней мере, так ему казалось от волнения. На дне лежал пузырек несколько крупнее остальных — и Джилли взял его. Интересно, какую судьбу уготовил Маледикт этой склянке? Стараясь не строить догадок, Джилли схватил склянку и понесся в гостиную.

Янус, прижатый к двери, тяжело дышал, удерживая Маледикта на расстоянии с помощью кочерги. Меч Януса, зазубренный и исцарапанный, всё еще подрагивал в дальнем углу комнаты.

Заскрежетав зубами, Джилли сорвал с себя рубашку и пропитал ткань содержимым склянки. Янус прыгнул вперед, увернулся, отбил удар; кочерга с силой ткнула Маледикта в грудь. Когда юноша зашатался, Джилли набросил ткань ему на голову и прижал к лицу, прямо к оскаленным зубам.

Полоснул меч, и Джилли пригнулся к Маледикту, стараясь укрыться за его спиной от удара. Юноша отчаянно извивался в его руках. На мгновение Джилли решил, что все пропало, что Маледикт вырвется и мечом прорубит себе путь ко дворцу.

Воспользовавшись тем, что глаза Маледикта закрывает ткань, Янус нанес ему еще один удар, сломал хрупкий локтевой сустав и выбил меч. Юноша без сознания рухнул на руки Джилли.

Не готовый к внезапно навалившейся тяжести, Джилли упал вместе с Маледиктом и растянулся на полу; нервы звенели от напряжения, зубы клацали. Оставшиеся грачи разлетелись. Янус брезгливо откинул грачиные трупки мысом туфли и опустился на колени возле Джилли и Маледикта. Приподняв ткань, он поморщился.

— Эфир, — пояснил Джилли, но Янус, похоже, его не слушал. Он коснулся безвольно открытого рта юноши, сломанной руки, локтя, который уже начал срастаться.

Наконец Янус поднял взгляд на Джилли.

— Что за чертовщина? — почти шепотом спросил он, словно боялся разбудить Маледикта. — Я ранил его. Сломал ему руку, ребра, локоть — и никакой реакции.

— Она безумна и бесконечно могущественнее нас. — Джилли снова накинул ткань на лицо Маледикта. — К счастью, Маледикт не таков, ибо состоит из костей и крови, как и мы... независимо от того, насколько сильна Она.

— Она? — переспросил Янус. В руке у него был меч, хотя Джилли никак не мог вспомнить, как он там оказался. Янус смотрел с недоумением.

— Полагаю, опасность миновала. Можешь отложить меч, — проговорил Джилли. — Она, мой дорогой лорд Ласт, — это Чернокрылая Ани. — Джилли привстал, вытащил из-под колена трупик грача. Потом вернулся в прежнее положение. — И Она наделяет своих последователей кое-какими способностями. Например, устойчивостью к ядам, ранам; и все, чего Она просит взамен, — это их тела. Чем больше времени занимает месть, тем сильнее становится Она. Ее не заботит ничего, кроме пролитой крови.

— Но ведь он упал под действием эфира, — возразил Янус. — Джилли, ты со своей ерундой...

— Думаю, устойчивость к ядам — не совсем верное выражение. Они действуют на него, но непродолжительное время.

— Она способна залечивать раны? Любые раны? — спросил Янус, снова дотрагиваясь до укрытого рубашкой Маледикта.

— Некоторые так утверждают, — сказал Джилли. Маледикт пошевелился у него на руках, несмотря на то, что рот и нос его по-прежнему укрывала пропитанная эфиром ткань. Джилли еще раз намочил рубашку. Маледикт опять потерял сознание.

— Осторожнее, Джилли, — прикрикнул на него Янус. — Он же такой хрупкий. Ты убьешь... — В глазах Януса, бледных, как у волка, промелькнуло потрясение. — Он проснется безумным?

— Не знаю. Вряд ли. Полагаю, Ей стоит определенных усилий проявить Себя. Наверно, дело в белладонне, которую Маледикт выпил вчера вечером.

— Маледикт пил белладонну? — опешил Янус. — Сколько он выпил?

— Достаточно, чтобы умереть, — ответил Джилли. — И все ради тебя.

Янус издал едва слышный хрип. Его лицо побелело. Он сгреб Маледикта и, прижавшись лицом к его шее, принялся укачивать.

Джилли отсутствующим взглядом прикидывал масштабы разрушений. Очередной беспорядок, который будет непросто объяснить немногочисленным слугам, что еще не успели разбежаться. Подняв за крыло мертвую птицу, он выкинул ее из разбитого окна.

Янус у него за спиной прошептал:

— Мне так жаль, что я ранил тебя.

— Не ранил, — послышался в ответ почти неразличимый отзвук шепота. Джилли обернулся. Глаза Маледикта блеснули. — Это было, как боль, которую испытываешь во сне. Не по-настоящему.

Янус, закричав от натуги, одним движением поднялся с Маледиктом на руках.

— По-настоящему или нет, тебе все же надо отдохнуть.

Маледикт выскользнул из объятий Януса, схватил меч и отбил им несколько паривших в воздухе перьев.

— Видишь, рука не болит.

Янус и Джилли окаменели. Маледикт улыбнулся им ядовитой улыбкой, которую обычно приберегал для врагов. — Я бы положил всему конец, если бы вы двое меня не задержали.

— Ты бы погиб, — сказал Джилли. Несмотря на чувство вины, которое он испытывал в результате долгого общения с Маледиктом, одна мысль о том, что он может лишиться друга, причиняла Джилли еще большие страдания.

— В самом деле? Это с Ней-то в груди? — Маледикт пожал плечами, словно его не занимал этот вопрос, и убрал меч в ножны. — Не исключено, однако только после того, как умрет младенец. Мое избавление от Ани возможно не раньше, чем завершится месть.

— Помни, что простая месть нас не устроит, — сказал Янус. — Нам нужны место при дворе, титул, безопасность.

— Я помню, — ответил Маледикт. Усевшись за спинет, он смахнул с запачканных кровью клавиш оторванное крыло и извлек несколько нот, странно приглушенных. Затем открыл крышку и обнаружил еще одного грача, запутавшегося в струнах. Птичий трупик полетел на пол. — Ани все равно.

32

Арис дрожащей рукой покачивал пустую колыбель. В соседнем кресле, прижимая к себе дитя, сидела кормилица. Она бросала беспокойные взгляды то на короля, то на его гвардейцев.

— Ади был гораздо крупнее, — произнес Арис. Женщина открыла было рот, но промолчала. Ребенок сосал молоко. В углу детской Ади играл с Хелой, не проявляя ни малейшего интереса ни к новому малышу, ни к тому, что теперь его права на трон под большим вопросом.

— Говори, если хочешь, — разрешил Арис.

— Ваш сын родился в срок, а этот, такой маленький... Чудо, что он вообще выжил. — Она принялась качать ребенка. Крошечные губки раздвинулись, показывая розовые десны и перепачканный молоком язычок.

— Он должен быть полноценным. — Голос Ариса дрогнул на последнем слове. Он гадал, не окажется ли дитя его брата еще одним Адираном. Здоровое тело — и слабый ум. Стоя теперь возле колыбели, он не мог решить, что было бы лучше. Ему нужен наследник, ребенок в здравом уме с безупречным происхождением. И все же... если мальчик окажется неполноценным, ему ничего не грозит. А Арис, который видел разбитую карету, искромсанную будто когтями, тело кучера со сломанным позвоночником и вспоротый живот Амаранты, знал, что опасность более чем реальна.

Арис сбежал в детскую, сбежал прочь от кошмара, от диких, невообразимых подробностей из доклада Джаспера. Едва рассвело, Данталион явился с ребенком на руках — окровавленным, но живым. Джаспер внес в залу и с почтением положил на пол тело Амаранты. Ее прекрасное лицо было пустым, в открытых глазах застыло безумие.

— Он не стал ждать, сир. Не стал ждать, выживет она или умрет. Он просто разрезал ей живот и забрал ребенка. И оставил ее тело валяться на дороге словно отбросы.

Поначалу Арис почти боялся взглянуть на ребенка — вдруг слова Джаспера непостижимым образом оставили на нем клеймо? Но малыш смотрел на мир ясными, чистыми глазами. Арис вспомнил тот слишком краткий миг, когда Аврора с улыбкой протянула ему Адирана. Они еще не знали, что она умирает. Не знали, с какими изъязнениями родился Адиран.

Арис робко коснулся мягкого черепа ребенка, обнял его ладню, теплый и пульсирующий. Этим моментом он был обязан решительности Данталиона — и все же не мог доверять ему. Вчера вечером — всего лишь вчера вечером! — он слышал, как Данталион превозносит систему отбора детей, заведенную в Итарусе. Итарусинцы оставляли жизнь только совершенно здоровым младенцам, тех же, что рождались с недостатками, швыряли в ледяное море. Арис подумал о своем ласковом Адиране — и поспешно покинул залу.

— Сир. — Джаспер, едва увидев спящего младенца, понизил голос. Следом вошел Эхо, стараясь не смотреть на залившуюся румянцем кормилицу.

— Вы установили причину происшествия? — спросил Арис; впрочем, он прослушал половину ответа, увлеченный изучением тонких венков на веках малыша.

— Кучер испугался... потерял управление, хотя почему... — говорил Джаспер.

— Мы допросили конюхов, — сказал Эхо. — И обнаружили серебряную нитку в пустом стойле. Возможно, эта нитка от вышивки.

— Что почти ни о чем не говорит, — подхватил Джаспер. — Нитка может оказаться с ливреи, а то и с платья какой-нибудь шаловливой знатной девицы. Нынче серебро в моде...

— И моду на него ввел Маледикт, — проговорил Эхо.

Арис осторожно взял ребенка из рук кормилицы. Малыш не замедлил ухватиться за его большой палец. Арис улыбнулся.

— Крепкая хватка. По-моему, я уловил проблеск понимания в его лице.

— С ребенком все в порядке, — заверила кормилица. — Конечно, он маловат — но при хорошем уходе быстро наверстает.

— Верно, — сказал Арис. В нем боролись радость и тревога. Наследник. Освобождение от тяжелой ноши. Однако оставить прекрасному ребенку такой двор...

За его спиной голоса Эхо и Джаспера становились громче — спор принимал серьезный оборот.

— Говорю вам, можете не обвинять в случившемся вашего фаворита, — утверждал Джаспер. — Нельзя винить в смерти человека, которого даже не было при дворе.

— А вы, полагаю, видите здесь вмешательство черной магии? — фыркнул Эхо. — Ваша Безумная Мирабель прокралась на территорию дворца, причем в том же самом бальном платье, и отравила кучера с помощью заклинаний? И с их же помощью она от вас ускользнула? Придумайте что-нибудь поновее.

— Быть может, если бы вы согласились делиться с моими людьми информацией, полученной из ваших источников... — заметил Джаспер. — Мы уверенно чувствуем себя во дворце и на главных улицах города. Переулки и Развалины — дело ваших Особых отрядов, а ведь и им не удалось обнаружить Мирабель. Впрочем, она здесь ни при чем. Полагаю, вы должны признать...

— Вам я ничего не должен, — огрызнулся Эхо.

— Нужно проверить все версии. Амаранта боялась... — Джаспер вздрогнул под внезапным и пристальным взглядом Ариса.

— Кого боялась? — спросил Арис.

— Более чем одного человека, — договорил Джаспер, избегая смотреть в глаза королю.

— Вашего незаконнорожденного племянника, — смело говорил Эхо. — Вашего последнего советника. Она боялась Януса, и все же я полагаю, что все нити ведут к Маледикту.

— Эхо, до вас, кажется, долго доходит. Маледикт не был на балу, — сказал Джаспер.

Арис положил ребенка; в горле вдруг застрял холодный ком. Он с силой выдавил слова; словно замороженные, они едва смогли донести довод до его собеседников.

— Он был там. — Арис качал колыбель, вспоминая шершавый шелк губ Маледикта на своих. — Я видел, как он вышел со стороны садов и конюшни.

Джаспер и Эхо разом замолчали и уставились на короля.

— Я сам видел Маледикта — взгляд безумный, а поведение... — Арис умолк, понимая наконец, каким глупцом был. Король опустился на обитую бархатом скамью, на которой любил дремать Ади, и закрыл глаза руками. В фигуральном смысле он закрывал глаза и на смерть Критоса, и на смерть Ворнатти — быть может, потому, что оба — погрязший в долгах игрок и старый распутник — были не жильцы.

Даже когда пал Ласт, Арис искал других врагов, глядел в темные глаза и утешал себя постыдной мыслью, что, возможно, брат сам был отчасти виноват в собственной смерти. В конце концов, все знали о вражде Ласта и Маледикта. Возможно, Маледикт лишь защищался. Арис даже предположил, что со смертью Ласта юноше больше некого будет ненавидеть, и злоба его исчезнет.

Но ведь король прекрасно знал: к ненависти привыкают. Почему он не допускал и мысли о виновности Маледикта? Почему покорно принял ненавязчивый шантаж юноши, поверил, что его просто нужно отвлечь от скандала? Арис даже, прости его Бак-

сит, был склонен расценивать происходящее между ними как состязание в остроумии.

— Эхо, — сурово проговорил король. — Вы обвиняете Маледикта. Каковы, по-вашему, его мотивы? — Возможно, Арис и был дураком, но он умел учиться.

— Мотив один, сир — Янус, — ответил Эхо. — Все, что делает Маледикт, он делает для Януса. — Эхо поднял руку, отменяя возражения Ариса. — Я не уверен, что Янус понимает, с какого рода человеком связался.

— Янус, — проговорил Арис, — один из моих советников и мой племянник. Ровня тебе по положению. Янус ни разу не давал мне повода усомниться в нем. Быть может, он просто, как и я, слишком легковерен.

— Я пошлю за Маледиктом гвардейцев...

— Нет, — отрезал Арис. Отказ вырвался у него сам собой. Ведь еще существовали грессбухи, и они вызывали опасения. Их нужно было найти, прежде чем будут предприняты какие-либо шаги. Однако Эхо с нетерпением ждал объяснений.

— Он слишком быстро соображает. Надо лишить его возможности выдумать алиби. Мы с Джаспером отправимся к нему — вдруг удастся застать его врасплох и вырвать признание?

— Если бы все было так просто, — возразил Эхо, — я давным-давно выбил бы из него правду. Нужно просто арестовать его — и пусть доказывает свою невиновность.

— Я бы предпочел, чтобы сначала вы доказали вину, прежде чем один из моих придворных окажется за решеткой, — проговорил Арис. Эхо продолжал смотреть сердито, и Арис принудил себя прибегнуть к ухищрениям, столь необходимым при его дворе. — Найдите мне неопровержимые доказательства совершенного преступления, Эхо, и можете забирать Маледикта. Побеседуйте с Данталионом — он итарусинец и знает о ядах гораздо больше, чем мне хотелось бы. Спросите, известно ли ему зелье, с помощью которого можно было свести с ума кучера. А я поинтересуюсь тем же у Маледикта.

Арис снова склонился над колыбелью и глубоко вздохнул, словно невиновность младенца могла придать ему не только сил и ясности мышления, но и мудрости.

* * *

Арис вернулся из особняка на Дав-стрит, куда, не слушая возражений Эхо, отправился для разговора с Маледиктом. Визит вышел безрезультатным и тревожащим: хозяина не обнаружилось дома, весь дом был завален перьями и забрызган кровью. Единственный оставшийся лакей тщился навести порядок. Потрясенный, Арис вернулся, даже не попытавшись разыскать гробсбухи. Зато во дворце, в детской, склонившимся над спящим ребенком, король обнаружил одного из обитателей сего странного дома. Поодаль Адиран, что-то мурлыча, играл в кубики.

— Как вы назвали его? — спросил Янус. — Моего брата...

Не успев оформиться, страх Ариса растаял при виде заинтересованности в голубых глазах Януса. Король подошел и присоединился к своей маленькой семье.

— Аурон, — ответил он. — В честь моей жены.

Янус дотронулся до мягкого ротика спящего малыша. Арис смотрел, как юноша покачивал колыбель, словно на морских волнах, пока Аурон не распахнул дымчато-голубые глаза.

— Аурон Иксион, — проговорил Янус. — Приветствую вас, ваша светлость.

Арис со свистом выдохнул.

— Ведь это так, верно? — спросил Янус. — Маленький братец уже граф. А я всего лишь бастард.

— Янус, у тебя всегда будет место при дворе, о тебе всегда будут заботиться, — сказал Арис. — Ты мой советник.

— Я знаю, дядя, — ответил Янус. — Я просто думаю, будет ли Аурон чувствовать то же самое... — Улыбнувшись, он договорил: — Если он такой же добрый по натуре, как Ади и вы, я никогда не потребую большего.

Арис сказал:

— Я подумывал назначить тебя опекуном Аурона и одним из его регентов, если мне не суждено дожить до его восхождения на трон.

В светлых глазах мелькнул испуг:

— Я — и вдруг опекун?

— Кто справится с этим лучше члена семьи? — произнес Арис.

— Думаю, большая часть вашего двора с легкостью скажет обратное... Впрочем, если такова ваша воля, я почти за честь, — проговорил Янус, опускаясь на одно колено перед Арисом.

— Два дополнения, — сказал Арис. — Два условия, которые ты должен выполнить, прежде чем я назначу тебя опекуном.

— Сир? — Лицо Януса окаменело.

— Ты знаешь, где находится Маледикт? — спросил Арис.

— В данный момент? — уточнил Янус. — Нет.

Арис изучал Януса, пытаясь понять, правду ли говорит племянник.

— Маледикта допросят по делу об умерщвлении Амаранты.

— У него не было причин вредить ей, — возразил Янус.

— Ни одной? — удивился Арис. — Даже ради тебя?

Глаза Януса широко распахнулись; он рассмеялся.

— Как только Амаранта вышла замуж за Ластва вместо меня, Маледикт перестал ее замечать. Что же касается более... изощренных мотивов... — Он сделал паузу, словно ощупывал перед собой дорогу. — Мне известно, что, будь Аурон мертв, это могло бы обернуться к моей выгоде. Но подобная череда событий? Нет, если вам нужны побуждающие мотивы к насилию, подумайте о самом Данталионе. Он спас младенца. Он сделал Антира должником Итаруса. И он взыщет награду.

— Ты знаешь, чего он потребует? — спросил Арис, жестом позволяя Янусу встать. Должно быть, нельзя слишком долго смотреть в такие бледные глаза — у короля закружилась голова, словно он стоял над потоком, бегущим под тонкой ледяной коркой.

— Итарусинский двор гораздо больше заботят вопросы чести. Лишение Данталиона наследства, должно быть, терзает его, как соль в открытой ране. Но если вы обязаны ему покровительством, а Маледикт под подозрением и в немилости...

— Думаешь, Данталион убил бы Амаранту лишь ради того, чтобы вернуть наследство? — Арис прислонился к стене, толкнув колыбель и вызвав тем недовольство Аурана. Король принялся рассеянно расправлять одеяльце и поглаживать крохотную головку, пока сонный малыш не утих.

— Люди творили и худшее ради меньшего. Тем не менее, я считаю, что все произошло случайно и Данталион просто воспользовался ситуацией, обернул беду себе во благо, — сказал Янус.

— Маледикт ненавидел Мишеля — и он погиб. Амаранта считала, что Маледикт желает ей смерти — и вот она тоже мертва. Твои умозаключения слишком путанны. Откуда ты знаешь, что не Маледикт убил Мишеля и Амаранту?

— Когда отец умер, я был с Маледиктом. Я клянусь, что он не наносил удара. Что же до Амаранты... Неужели Маледикт скакал за каретой, как какой-нибудь разбойник, незаметно расшатал колеса и послал мою мачеху на верную смерть? Или вы полагаете, что яд при дворе так всех напугал, что никто не прикасается к напиткам с самого Темного Солнцестояния?

— Если бы у меня были ответы на все эти вопросы, — отозвался Арис, — не было бы нужды в нашей беседе. Однако Маледикт...

Аурон довольно зачмокал во сне, и Янус взглянул на него с улыбкой.

— Он просто чудо, не правда ли?

Арис упорно не желал менять тему.

— Янус. Мое первое условие: у Маледикта хранятся для меня кое-какие книги, которые я хотел бы вернуть.

Янус понимающе кивнул.

— Антирская бухгалтерия. Думаю, что смогу раздобыть их. Ваше второе условие, сир?

— Если ты станешь опекуном, у тебя не будет той свободы, которой ты пользуешься сейчас. Ты не сможешь жить в доме Маледикта, только во дворце. Ты никогда не приведешь Маледикта во дворец; по правде сказать, я бы предпочел, чтобы ты вовсе с ним не встречался. Его положение становится слишком... неустойчивым.

— Просто мечта вельможи, — пробормотал Янус.

— В пустом доме, полном крови и перьев, — добавил Арис.

Янус не сумел справиться с эмоциями — и вздрогнул. В кои-то веки Арис мог читать на лице племянника — и прочел крайнее удивление и досаду на то, что побывал в доме Маледикта.

— Несчастный случай, — сказал он. — Грачей что-то напугало, вот они и стали...

— Янус, — прервал его Арис. — Видно, мне на роду написано ошибаться в людях. Я бы хотел, чтобы тебе не пришлось прийти к тому же неожиданному выводу. В последнее время я не делал для Антира ничего — только наблюдал словно во сне, как разваливается мое государство. Теперь я пробудился. У меня есть Аурон и его будущее, которое я должен защищать. Не считай меня слепцом.

Янус закусил нижнюю губу словно школьник, и гнев Ариса отчасти улегся.

— Я вижу, Маледикт имеет над тобой власть. Но я с этим покончу. Если ты не можешь без Маледикта, пусть остается. Только на правах любовника; пусть будет осмотрителен, как любовники и любовницы других мужчин, и не смеет вмешиваться в твои дела. Я подыщу для тебя невесту, и ты женишься. И если посмеешь оступиться...

— Что тогда? — спросил Янус. — Изгнание?

— Да, — ответил Арис. — Только не твое. Малейший проступок с твоей стороны — и я отошлю Маледикта туда, где ты его никогда не найдешь.

33

Сидя в одиночестве за столиком в дальнем углу таверны, Маледикт потрясенно озирался по сторонам. Не так давно «Морской волк» представлялся им с Янусом вершиной роскоши, недостижимой мечтой. Они заглядывали в задымленные комнаты, восхищались отсветами камина на весах Наги, поднятых с морского дна, бакенами, висящими на балках, словно ожерелья громадных морских чудищ. Сами люди казались вычеканенными из монет: они небрежно швыряли серебро на барную стойку тикового дерева. Миранда, у которой в крепко зажатом кулачке редко бывало больше одной луны, склонялась к плечу возлюбленного и изумленно смотрела на такое богатство.

А теперь Маледикт увидел таверну «Морской волк» такой, какой она была на самом деле: обветшалой хибаркой на краю пирса, посещаемой просоленными матросами лишь из-за близости к кораблю. Наведывались в «Морской волк» и знатные господа — чтобы прийти в себя после дешевых борделей, опиумных притонов и игорных домов, где их надували до того ловко, что через пару дней они оказывались совсем в ином окружении. Вот хотя бы сегодня — двое разодетых юнцов уныло и оцепенело пересчитывают гроши и оценивают ущерб, нанесенный их кошелькам и персонам.

Дураки, думал Маледикт. Наверное, считают, что разорены; но ведь их одежда, туфли, даже напомаженные волосы здесь значат деньги, а они продолжают стоять, как истуканы.

Маледикт подвинулся в самый угол, в глухую тень едва коптившей лампы. Отбрасывая догорающий свет на его столик, она заставляла бутылку искриться потаенными огоньками. Маледикт долил содержимое в стакан сквозь лежавший на абсентной ложке кусок сахара.

— Ты никогда не брал здесь абсент, — заметил Янус, усаживаясь напротив.

Маледикт замер и улыбнулся, потом взял кусок жженого сахара и положил на ложку.

— Нет, абсент определенно за пределами возможностей алкогольных запасов «Волка». — Он пригубил, но тепло, побежавшее по его телу, было вызвано скорее появлением Януса, чем действием напитка. — Ты нашел меня.

— Как всегда, — улыбнулся Янус. — Хотя признаюсь, что пару раз ткнулся не в те двери, прежде чем вспомнил о «Морском волке». Вообще-то, мерзкое местечко. — Янус окинул закопченную комнату презрительным взглядом.

— А прежде оно казалось нам таким чудесным, — проговорил Маледикт. Он закрыл глаза, пытаясь наложить одно изображение на другое.

— Мы были глупы, — сказал Янус, отбирая у Маледикта бутылку. — И абсент тут почти такой же мерзкий, как все остальное. Он сводит людей с ума.

— Я уже сумасшедший, — беззвучным шепотом, одним движением губ в свете лампы ответил Маледикт. — Разве ты еще не понял? Джилли вот понял. А что до абсента — я тебе его не предлагал, так что нечего насмехаться.

Янус обошел со стулом вокруг стола и уселся поближе к Маледикту.

— Мэл, послушай меня.

— Я всегда тебя слушаю, — сказал Маледикт, медленно всасывая очередной глоток.

Янус отобрал стакан и поставил его на пол рядом с собой.

— Арис был на Дав-стрит и застал особняк в том состоянии, в котором мы его покинули, — весь залитый кровью. Он подозревает, что это ты подстроил смерть Амаранты; подозревает тебя гораздо сильнее, чем в убийстве Ласта. Я не понимаю причины его подозрений, но ты должен быть готов. Что ты скажешь, если он обвинит тебя в смерти Амаранты? — Прежде, чем Маледикт нашелся с ответом, Янус склонился к нему. — Я изо всех сил старался перевести стрелки на Данталиона, а ты не мог бы постараться, чтобы они там и оставались?

Маледикт нежно погладил подбородок Януса, восхищаясь золотистой игрой щетины в свете лампы.

— Полагаю, да. Надо как можно дольше оставаться вне подозрений. — Маледикт, сдвинув брови, потянулся к стакану на полу. В данный момент горечь абсента, смешанная со сладостью сахара, как раз соответствовала его настроению.

Янус проговорил — обращаясь скорее себе, чем Маледикту:

— Кто знал, что Арис так скоро заподозрит?

— Мы должны были учитывать это, — ответил Маледикт. — Даже самый покладистый из людей подавился бы смертью, которую мы преподнесли Арису. И все же, знай я наперед, я бы позволил ему целовать себя дольше, вместо того чтобы сбежать, как перепуганная девственница.

— Ты позволил Арису... — начал Янус, и в его глазах вспыхнул гнев. — Ты рискнул оказаться так близко, позволить ему себя рассмотреть? Ведь он не подросток, чтобы не распознать разницы между мужчиной и женщиной. В его руках...

— Арис ничего не заметил. Он был почти пьян от собственного горя, — возразил Маледикт. Янус посадил его к себе на колени. — А я? Я только и думал о том, как ты увиваешься вокруг Псайке. Он застал меня врасплох и едва ли предполагал подобный исход. Необоснованная ревность погубит тебя. Ты так оберегаешь все то, что тебе принадлежит...

Янус прервал его слова поцелуем, не обращая внимания на любопытные взгляды. Маледикт внутренне возликовал — и засмеялся.

— Но ведь и ты тоже мой, верно? Мы по-прежнему вдвоем против всего мира.

— Конечно, — согласился Янус, крепче обнимая Маледикта. — Конечно.

Маледикт подставил губы для поцелуя и закрыл глаза, наслаждаясь знакомым теплом языка Януса.

— Какая трогательная сцена! — Голос вонзился между ними, разрывая их близость. Маледикт почувствовал, как Янус напрягся, узнав его. Смуглый человек, коренастый и высокий, говорил с итарусинским акцентом. Маледикт встал и улыбнулся.

— Должно быть, вы Данталион, обиженный и презренный родственник Ворнатти.

— А вы — Маледикт, — проговорил Данталион, чуть расширив глаза. — Вы — темный рыцарь двора Ариса? Хнычущий юнец с мечом, который слишком хорош для него?

Ладонь Маледикта опустилась на рукоять меча. Маледикт не отдернул руку, хотя за спиной Данталиона замаячил Эхо.

— Янус, будь любезен, постарайся в следующий раз не приводить к нам всяких зануд. — Несмотря на небрежность слов, Маледикт ощущал, как в его крови все сильнее бьются крылья, подстегиваемые гневом на то, что кто-то посмел помешать столь редкому мигу удовольствия. Он понимал, что должен соблюдать осторожность. Данталион и Эхо представляли собой дуэт, который не сулил ничего хорошего.

— Катамит моего дядюшки, — проговорил Данталион. — Я слышал, что о тебе болтают сплетники. И даже почти верил им, но ты, оказывается, и вовсе не заслуживаешь моего клинка.

За ними наблюдали другие завсегдатаи — моряки и случайные аристократы. Опухшие, отупевшие лица их заметно оживились.

— Мэл, — Янус сжал другу запястье, — ты не должен.

— Но я хочу, — ответил Маледикт. Он стоял, не сводя глаз с Данталиона, и сам уловил в своем голосе мечтательные нотки — абсент, хоть и с опозданием, начал действовать. В тот миг Маледикт желал только одного — услышать звон стали. Он с наслаждением ощущал, как Ани расправляет кольца своей ненависти, как их тепло просачивается сквозь его кости.

— Ищешь предлог? — спросил Данталион — и нанес удар. Янус попытался перенаправить движение, но Данталион оказался слишком близок — и слишком быстр. Маледикт перехватил его кулак. В глазах Данталиона, оценившего такую стремительность, мелькнуло сомнение.

— Довольно, — проговорил Маледикт, отпуская руку Данталиона. — Быть может, дуэль?

— Нет, — отрезал Янус, вставая между противниками.

— Никогда не думал, что ты трус, Иксион, — процедил Данталион. — А я-то собирался насадить тебя на меч вслед за этим юнцом.

Быстрым скупым движением, увернувшись от Януса, Маледикт выхватил меч.

— Сначала тебе придется разобраться с этим, как ты выражаешься, юнцом, — сказал он.

— Мэл, — тихо заговорил Янус. — Мне это все не нравится. Здесь за версту несет расчетом. Эхо тебя провоцирует...

Маледикт лишь ухмыльнулся в ответ.

— Плевать. — Он гадал, что такого Янус увидел в его лице, что так побелел, но отбросил размышления в волне эйфории. Избавиться от очередной шавки, пытающейся ухватить его за пятки, — соблазн был слишком велик, чтобы противостоять ему.

— Как думаешь, нам лучше выйти? — спросил он у Данталиона.

Данталион отрицательно покачал головой.

— Булыжник весь мокрый от росы, а в переулках полным-полно тех, кто положит конец нашему развлечению ради на-

ших денег. Будем придерживаться традиции и дуэльных площадок в парке.

Янус опять схватил Маледикта за руку и удержал, когда тот хотел последовать за Данталионом.

— Это ловушка, Мэл. — Будто в подтверждение слов Януса, Маледикт заметил, как Эхо скользнул прочь — по-видимому, считая свое задание выполненным.

— Неважно, — проговорил Маледикт, глядя Януса по щеке. — Разве ты не понимаешь? Если не теперь, то позже. Данталион хочет смерти нам всем.

— Но теперь, когда ты почти пьян от абсента...

— Не от абсента, а от крови, — шепнул Маледикт на ухо Янусу и рассмеялся, увидев выражение его лица. В его сознании уже шелестели черные перья. Маледикт вырвался от Януса и вышел вслед за Данталионом в серые рассветные сумерки.

Заря омывала собравшихся в парке людей жемчужным сиянием, вытягивала, истончала тени. Маледикт стоял напротив Данталиона, обнаженный меч лениво покачивался в его руке.

Данталион склонился и неторопливо заговорил. Его слова потонули, отделенные от короля расстоянием, однако лицо Маледикта помрачнело. Все это Арис наблюдал из стоявшей неподалеку кареты; и еще он видел, как на дальнем плане в бешенстве расхаживал туда-сюда Янус. Он подался вперед, но Маледикт оттолкнул его, не сводя взгляда с клинка Данталиона.

Эхо был прав, думал Арис. Маледикт действительно собирался драться с Данталионом на дуэли, выставлять напоказ свое неповиновение. И все же, пока противники сближались, Арис ловил себя не на размышлениях о незаконности происходящего, а на осознании чудовищного неравенства их шансов. Маледикт едва доставал до плеча коренастому, атлетически сложенному Данталиону.

Эхо опустился на сиденье рядом с Арисом, не скрывая улыбки. Меч Данталиона был итарусинской работы, тяжелый и загнутый, длиной в человеческую руку. Оружие дикаря. Темный, тонкий клинок Маледикта казался по сравнению с мечом Данталиона детской игрушкой, пусть дьявольски острой.

Данталион шагнул вперед — и дуэль началась.

— Не вмешаться ли нам, сир? — спросил Джаспер. — Пока они не зашли слишком далеко?

— Мы всегда успеем крикнуть «стоп», — попытался переубедить его Эхо. — Мне любопытно, на что способен Маледикт.

Арис кивнул, не отрывая взгляда от двух фигур на поляне. Маледикт издал горловой звук, и у короля волосы зашевелились. Люди так не смеются — так клекочут птицы, что клюют плоть сраженных на поле брани воинов. Данталион поспешно отступил, когда Маледикт сделал выпад — проворно, словно взмывший в небо ворон.

Данталион парировал. Его громадный изогнутый меч попусту рассек воздух. Клинок едва задел лишь черные трепещущие рукава Маледикта.

Маледикт протанцевал вперед, скользнул лезвием вдоль клинка Данталиона, высекая искры из разгневанного металла, и завершил выпад небольшим маневром, едва не задев плечо итарусинца. Данталион отскочил, перегруппировался и снова бросился в бой, нападая, парируя, стремясь пронзить мечом хрупкую фигурку Маледикта.

Данталион обливается потом; теперь собственная мышечная масса ему только мешала. Маледикт казался неуловимым словно тень. Его клинок дрогнул, потом решился — Маледикт сделал выпад, выбросил вперед меч — и уклонился от ответного рубящего удара. Его клинок принял взлетевший меч Данталиона, не прогнувшись. Арис выдохнул, не сводя глаз с предельно сосредоточенного лица Маледикта; он понял, что Данталион проиграет. Понял, что умения Маледикта вполне позволяли ему убить Ласта, да и вообще любого человека.

— Остановить, — скомандовал Арис.

Маледикт рванулся вперед, поднырнул под взмах Данталиона и прижал клинок к его горлу. В последний миг итарусинец отпрянул, и лезвие оставило на его шее лишь тонкую красную полосу.

— Именем короля, — возгласил гвардеец, подстегивая коня и выезжая на поляну. — Остановиться!

Маледикт отпрянул за пределы меча Данталиона и проговорил, яростно оскалив зубы:

— Твое спасение. — Он расправил руки словно крылья, как бы приглашая Данталиона нанести удар. — Выходит, ты слишком труслив, чтобы довершить начатое?

Данталион бросился на него, и Маледикт понемногу отступал, пока противник не начал терять равновесия. Когда клинок скользнул мимо, юноша вытянул руку, схватил Данталиона за предплечье и прижал к своему телу, сделав его меч бесполезным. Ловкими пальцами Маледикт нащупал нужную точку на локте итарусинца. Тот вскрикнул и выронил клинок.

Арис облегченно вздохнул, увидев, что битва выиграна столь искусно. Но тут Маледикт повторно прочертил мечом уже знакомую линию на вздутой шее Данталиона.

На сей раз кровь не потекла тонкой струйкой, а хлынула. Маледикт отпустил руку Данталиона и схватил его за волосы, запрокинул голову назад, делая кровавую улыбку еще шире. Кровь брызнула в лицо Маледикту, залила его рубашку, меч, дымящимися каплями окропила свежую весеннюю траву.

Арис окаменел. Дуэль была окончена. Если прежде у него еще оставались какие-то сомнения относительно того, что убийца — Маледикт, то теперь они испарились окончательно. Глядя на фонтан крови, бьющий под руками юноши, король не видел и следа пылкого молодого рыцаря, которым так часто сам называл Маледикта.

Поток крови замедлился; Маледикт отшвырнул прочь тело Данталиона. Почистил клинок о траву и, сорвав пучок, стер кровавую маску со своего лица. Когда гвардеец приставил к его спине меч и приказал не двигаться, Маледикт положил оружие на землю. Он стоял, взмахивая окровавленными руками; клинок подрагивал на траве.

— Ваше Величество...

— Я приказывал остановиться, — процедил Арис.

— Он убил бы меня, представься ему такой случай, — возразил Маледикт ровным, лишенным всяких эмоций голосом. — Он уже пытался уничтожить меня, подослав убийцу — и сделал бы это снова. По-вашему, я должен был повернуться спиной к опасному врагу?

— Если бы ты представил доказательства, мог бы подать мне прошение, — заметил Арис.

— Доказательства зачастую не так легко добыть, — отозвался Маледикт горьким эхом слов самого короля.

В разговор вступил Янус:

— Дуэль спровоцировал Данталион. — Он обнял Маледикта, не замечая ни крови, ни ошеломленного гвардейца.

Арис сидел, погрузившись в безмолвие, и Янус обратился к нему с кроткой мольбой:

— Дядюшка!

Его взгляд сказал все остальное.

— Я призывал тебя к осмотрительности и благоразумию, — проговорил Арис. — Ты не внял. Убит аристократ-иностранец — и я сам был свидетелем убийства, Маледикт. Ты обезоружил его — и все равно нанес удар... — Арис потер лицо руками.

Эхо сказал:

— Я немедленно забираю его в «Камни».

— Нет, — резким, приказным, более властным, чем у Ариса, голосом отрезал Янус. — Вы подстрекали Данталиона; вы так же виновны в его смерти, как и Маледикт. Прошу вас, Арис, позвольте мне забрать Маледикта домой. Пусть побудет под домашним арестом, пока не решится его судьба.

Перед мысленным взором Ариса все еще стоял кровавый фонтан. Однако Эхо в самом деле прибег к хитрости; это было так же очевидно, как совершенное Маледиктом преступление. Вдобавок Арис пока не раздобыл гроссбухи. Действовать немедленно означало навсегда попрощаться с ними.

— Я не вижу необходимости заключать его в камеру. Пока не вижу. Увези его домой, Янус. И помни наш уговор. Теперь я отчаяннее, чем когда-либо, желаю, чтобы ты выполнил свою часть сделки. — Набравшись храбрости, Арис вышел из кареты и приблизился к молодым людям. Потом протянул руку и коснулся испещренного каплями крови лица Маледикта. Пустые черные глаза смотрели в упор, загадочные, как беззвездная ночь. — Маледикт, скажи, почему?

— Данталион пообещал смерти всем нам, — прошептал Маледикт. — Говорил, что прольет мою кровь, потом кровь Януса.

потом — моего бедного Джилли. — Взгляд юноши сделался глубже, пронизательнее в ответ на пристальный взор Ариса. — Он похвалялся тем, что убил Амаранту и подарил вам наследника. Как вы думаете, долго еще вы оставались бы в живых? Вы — или младенец? В конце концов, Адиран — сын Авроры Ворнати. Если бы Янус и вы были мертвы, ближайшим родственником Адирана остался бы Данталион — итарусинский аристократ, жадный до власти и крови.

— Твои слова — измена! — яростно воскликнул Эхо.

— Неужели? — спросил Маледикт едва различимым голосом. — А мне казалось, я лишь повторяю сказанное другим человеком.

Сдвинув брови, Арис кивнул страже.

— Мои гвардейцы проводят тебя домой.

34

Джилли встретил их у дверей. Увидев капли крови на одежде Маледикта, он побелел.

— Что случилось?

Янус отвесил ему две тяжелых пощечины — и ударил бы еще, если бы не внезапное шипение черного клинка, вылетевшего из ножен.

Янус опустил руку. Маледикт опустил меч.

— Не смей вымещать на нем свое дурное настроение, — сказал Маледикт и проскользнул в библиотеку. Джилли и Янус последовали за юношей; их шаги раздавались в его ушах, как отдаленная барабанная дробь, слова доносились словно далекий шум океана — тихий, бессмысленный, повторяющийся. Маледикт рухнул в кресло и стал наблюдать, как они спорят, и размышлять, не придется ли ему снова вмешиваться. Маледикт подумал, что пора бы ему и проголодаться, но все, что он ощущал, были мокрое прикосновение крови сквозь льняную рубаху и душевная усталость, подобная оцепенению.

Маледикт прервал пререкания, обратившись к Джилли:

— Джили, пожалуйста, наполни мне ванну. Я весь в крови. А потом выполнишь еще одно мое поручение. Я хочу, чтобы ты забрал со счетов наши средства и перепрятал там, где Арис и его гвардейцы их не найдут. Я достаточно наслышан о привычках ита-русинцев и знаю, что они постараются получить денежную компенсацию за смерть Данталиона.

Янус открыл было рот, но Маледикт тут же накинулся на него:

— Ты позволил Арису послать со мной эскорт из гвардейцев. Так что теперь не смей возражать. Я поступаю так, как считаю нужным.

Маледикт нежился в теплой ванне, время от времени поднимая волны. Хотя вода уже приобрела красноватый оттенок и начала остывать, она действовала на Маледикта успокаивающе — так же, как руки Януса, которые медленно распутывали его сплывшие от крови волосы. Юноша рассеянно шлепнул по воде и скривился при виде струек крови, стекающих с волос.

— Ты поступил глупо, убив Данталиона, — тихо, словно тщательно контролируя свой гнев, произнес Янус. Он перестал гладить волосы пальцами и взял редкий гребень из слоновой кости, оправленный в серебро. — И дважды глупо, убив его подобным образом. Не надо было демонстрировать Арису кровь на своем клинке. Король мог бы с легкостью приговорить тебя к повешению.

— Меня это не пугает, — ответил Маледикт. — Ани могут быть страшнее любого из королей. Пока что мне удавалось избегать виселицы.

Маледикт взял губку и отер руку, смыв подтек, до сих пор упрямо не поддававшийся воде. При виде крови в животе у него клубком собралось напряжение.

— Ты сошел с ума, — сказал Янус. — Я принимаю Чернокрылую Ани как твою покровительницу — я сам видел доказательства Ее существования; но это не повод отбросить доводы рассудка. Мне нужен твой ум, а ты только и думаешь, что о крови.

— Твоих рук дело, — отозвался Маледикт. — Я бы удовольствием наслаждался смертью Ласта, если бы ты ее не присвоил. Те-

перь я должен убивать снова и снова, чтобы не потерять уже отвоеванное. Разве удивительно, что это превратилось в привычку? — Обида Ани смешалась с его собственной, и слова Маледикта становились все резче; руки под водой сжались в кулаки. — Я бы отказался от всего в мгновение ока. Ради тебя. А ты — ты заключил сделку с Арисом, — Маледикт отпустил мочалку в воду. — Ты пообещал ему — кстати, что именно ты ему пообещал?

— Быть осмотрительным, как он и сказал, — ответил Янус, не глядя Маледикту в глаза, чем себя и выдал.

— Насколько осмотрительным? — спросил Маледикт. — Не жить здесь, вместе со мной? Не гулять со мной по людным улицам? Вообще не признавать моего существования? Ты пообещал отказаться от меня?

Янус встал и взял полотенце.

— Вода совсем остыла. Ты весь покрылся гусиной кожей.

— Это не от холода, — сказал Маледикт, но все же поднялся и позволил Янусу обернуть себя теплым полотенцем. — Скажи мне, что изменилось со смертью Амаранты? Что изменилось со смертью Данталиона? Чем дольше ты препятствуешь мне, тем больше я боюсь того, что ты уже сделал.

Янус присел на край ванны и поднял на Маледикта ясные голубые глаза.

— В обмен на должность советника и опекунство над Ауруном я должен жить во дворце. Я не должен встречаться с тобой чаще, чем любой мужчина со своей любовницей. Я не должен появляться с тобой на людях. Я должен жениться и...

Маледикт сбросил полотенце и надел халат, с остервенением затягивая пояс.

— Ты собираешься стать ручным зверьком Ариса. Ты правил в Развалинах — а теперь подчиняешься подобным приказам короля, только ради того, чтобы играть вторую скрипку при законнорожденном наследнике?

Глаза Януса вспыхнули; опустив голову, он сказал:

— Меня уязвляет мое положение. Мне противно находиться на расстоянии вытянутой руки от власти, от наследства — от всего, чего нам когда-либо хотелось. Но я должен играть свою

роль. И играть ее хорошо и довольно долго. Если маленький Аурон скоро умрет под моим опекунством, его смерть погубит нас вернее, чем его жизнь. Арис... — Янус нахмурился, — Арис не доверяет мне. Потому я буду жить во дворце, притворяясь внимательным опекуном и любящим старшим братом. Но я буду навещать тебя...

— Как шлюху, заваленную безделушками, — договорил Маледикт. — Вот бы Элла посмеялась! Ты, которого она винила в моем упорном нежелании торговать телом, — ты сам превращаешь меня в шлюху. Разве что тебе не нужно платить мне или за меня. Это бы ей совсем не понравилось... Пожалуйста, дорогой, пообещай, что поселишь меня в богатом квартале. Мне бы так не хотелось даже случайно пересекаться с матерью.

— Элла давно уже в могиле, — тихо сказал Янус, опустив пальцы в окровавленную воду.

У Маледикта перехватило дыхание; от потрясения он даже забыл о своем бешенстве. Разумеется, он всегда знал, что Элла вряд ли доживет до старости, но никогда не думал о ней как о мертвой. Как об умершей своей смертью. Однако в голосе Януса было нечто большее, чем это простое понимание.

— Ты возвращался, — припомнил Маледикт. — Ты рассказывал мне, что встретил Рр...Роуча... — В голосе Маледикта непроизвольно зазвучала дрожь, но он продолжил: — Ты... ты и их отыскал?

— Да, — ответил Янус. — Это было нетрудно. Как только я понял, что они ничего не могут рассказать о тебе...

— Ты убил их, — договорил Маледикт, не сводя глаз с окрашенной кровью воды. Сердце его резко, неожиданно подпрыгнуло, в ушах зазвенело.

— С той минуты, как Ласт забрал меня, Селия была обречена. Я не мог позволить ей преследовать меня по пятам, кланить деньги, просить замолвить за нее словечко при дворе, не мог позволить, чтобы ее одурманенное «Похвальным» сознание мешало моим планам. А Элла, которая столь вульгарно визжала, пока я убивал Селию? Не говори мне, что станешь о ней плакать — об этой эгоистке, которая не дала тебе ничего, кроме одного только факта жизни. — В голубых глазах Януса пылал

жар, лицо исказилось воспоминаниями о побоях и проклятиях. Он не забыл, как им с Мирандой приходилось целыми днями попрошайничать, не забыл об их наивных детских планах — и недетской ярости.

«Неправда», — вертелось в голове Маледикта одно-единственное слово. Элла передала Миранде один ценный дар — хоть и сама того не осознавала, когда отворила дверь, впустив в свой дом отвергнутую аристократку с ребенком. Ценный дар, которым заслужила себе крупницу признательности — Маледикт, опутанный ненавистью и презрением, все же никогда не убил бы Эллу. Зато Янус...

Маледикт задрожал всем телом; его ярость возвращалась.

— Как получается, что ты поднимаешь свой клинок на кого захочешь, а я становлюсь объектом порицания и подозрений? Ты принят при дворе — а меня могут изгнать, свергнуть в нищету, повесить.

— Я никогда такого не допущу, — заверил Янус.

Маледикт скинул халат и начал трясуцимися пальцами натягивать одежду.

— И как ты их остановишь? Время на твоей стороне; оно позволит тебе втереться в доверие и получить признание. Зато мне оно — враг. Изгнанный, нищий или повешенный — ни одна из перспектив меня не привлекает. Янус, давай бросим все это. Ведь так мы поступали в Развалинах, помнишь? Когда что-то шло не по плану или игра становилась слишком опасной. — Увидев, что Янус отрицательно качает головой, Маледикт попытался прибегнуть к мольбам, хотя слова застревали у него в горле комком пыльных перьев: — Янус, ты — все, что у меня есть. Все, что мне дорого.

— Избавься от Джилли, тогда я тебе поверю. Ты доверяешься ему во всем. Иногда я думаю, что ты веришь ему больше, чем мне. Надо же, ты позволил ему распоряжаться твоими счетами! Мэл, я просто не понимаю...

— Дело не в Джилли, — перебил Маледикт. — Дело в Ауроне, в твоих претензиях на наследство, в нашем будущем. Нам не удалось заявить права на твой титул. Я не верю, что мы преуспеем.

— Обретя милость Ани, ты лишился рассудка, — проговорил Янус. — Способ всегда существует.

— Ты так рассуждаешь — а ребенок продолжает жить, и его будущее бережно хранит тот, кто должен его уничтожить. Ты слишком долго прикидывался верным псом. У Ариса в руках твой поводок, и ты виляешь хвостом у его ног, приберегая клыки для тех, кто слабее тебя, для беспомощных женщин... — Маледикт слышал собственный голос — хриплый и злобный, уязвляющий Януса, словно он был одним из его врагов. Маледикт хотел, чтобы его слова ранили и кололи. Он и сам не мог понять, что с ним происходит. Юноше казалось, что в кровавой воде он видит отражение темных крыльев.

Янус отвесил Маледикту пощечину, опрокинув его на край ванны. С глухим рычанием юноша набросился на Януса, желая сбить с него спесь; оба покатались по полу. Зеркало для бритья разбилось, разметав их отражения — в осколках виднелись фрагменты их сплетенных в борьбе тел. Стараясь справиться с ситуацией, Янус выкрутил Маледикту руку за спину.

Боль ударила юношу в плечо, и он, схватив осколок зеркала, не обращая внимания на резь в ладони, замахнулся. Во второй раз за день его руку обагрила кровь. Его собственная кровь — и кровь Януса. Хватка на запястье ослабла, Маледикт обернулся и тотчас раскаялся в своей жестокости.

Янус промокал рукавом плечо, из которого по руке струилась кровь.

— Две драки за один день, — подвел итог Янус. — Рекорд даже для тебя.

Маледикт стиснул ладони, почувствовав, что и они кровоточат. Он пытался найти слова, обуздать свое прерывистое от гнева дыхание.

— Покажи, — наконец выговорил Маледикт. Его ярость улетучилась, сменившись состраданием и угрызениями совести. — Я принесу бинты.

— Не стоит, — ответил Янус. В голубых глазах тлел огонь. Он повернул руку Маледикта и взглянул на глубокий порез на ладони, оценил быстроту, с которой на его глазах кровотечение замедлилось и совсем перестало. — Тебе они не нужны, а свою

рану я перевяжу где-нибудь в другом месте. Учитывая твоё настроение, я не удивлюсь, если мой бинт окажется пропитан мышьяком.

— Нет, — запротестовал Маледикт. — Янус, я никогда...

Янус улыбнулся тонкой, узкой улыбкой.

— Может, и нет. Но я могу сделать все сам.

Маледикт сполз на пол и принялся наблюдать за Янусом, который метался по комнате в поисках бинтов, квасцов и алоэ.

— Ты возвращаешься во дворец, — сказал Маледикт.

— Мне же предстоит играть роль комнатной собачки Ари-са, — яростно проговорил Янус, бинтуя рану. — Ты должна доверять мне, Миранда. Когда-то ты доверяла мне безоглядно. Доверься снова — и все будет хорошо. Ты забываешь, что мы ничего не делим. Нет планов для меня — и планов для тебя. Есть только мы, хотя, похоже, ты опасаясь обратного. Ты сделала свое дело, теперь должна позволить действовать мне. Наберись терпения. Раньше ты это умела.

Маледикт побрел в спальню и рухнул в кресло возле камина.

— Раньше я был другим.

Янус налил Маледикту стакан виски.

— Ты становишься размазней. — Янус присел рядом; в его глазах по-прежнему тлел гнев — хотя угли уже подергивались пеплом. — Мы обязаны усыпить внимание Ари-са. Ты должен дать мне время возместить ущерб, который нанес, убив Дантали-она.

Маледикт кивнул и сделал глоток.

— Но ты не останешься. — Маледикт заставлял себя говорить ровно, хотя ему хотелось умолять. Все было как несколько лет назад, когда Миранда лежала в уличной пыли, глядя, как у нее отбирают дар Эллы, ее Януса. Теперь Янус сам забирал себя, уносил прочь, и от нее зависело еще меньше, чем тогда.

Янус покачал головой.

— Я должен доказать свою преданность Ари-су.

Когда Янус ушел, Маледикт допил виски и налил еще. Он глядел в пустой камин, пока комната не наполнилась тьмой — и шелестом крыльев. Заскрипели ступени: Ливия на цыпочках про-

биралась к двери. На кухне кухарка скребла стол. Наконец наступила тишина, а Джилли все не возвращался. Маледикт допил третий стакан виски и бросился вон из дома.

35

Джилли с Лизеттой возились в постели, тискали друг друга, но удовольствие Джилли портило сознание вины. Он отлично понимал, что должен был вернуться в особняк, что на Януса нельзя положиться и что настроение Маледикта сейчас в лучшем случае весьма переменчивое. Но Джилли с ужасом думал о мраке комнат и затянувшемся присутствии Чернокрылой Ани. Поэтому, когда Лизетта окликнула его на улице, он поддался соблазну и последовал за ней, как бессовестный кот из подворотни. Ночью приевшиеся прелести Лизетты стали панацеей от его терзаний. Склонившись над ее грудью, Джилли заставил ее смеяться и задыхаться; вдруг она застыла в его объятьях.

— Эй, ты! Убирайся. Ошибся комнатой. — Она прижала голову Джилли к своей груди, но мурашки вдоль позвоночника уже предупредили Джилли обо всем. Он безо всякого удивления услышал хриплый голос.

— Нет, — сказал Маледикт. — Я не ошибся комнатой. Просто в ней слишком людно.

Речь Маледикта сохраняла обычную колкость, только он не чеканил слова, а растягивал — значит, был пьян.

Джилли натянул покрывало до подмышек, словно девица под взглядом распутника. Впрочем, взор Маледикта уперся не в него, а в Лизетту.

— Что ж, полагаю, она достаточно чистая, хотя и чуть перзрелая. Я ожидал худшего. А сколько времени ушло, чтобы добраться до этого борделя! И у нее рыжие волосы. Весьма предсказуемо, Джилли.

— Мэл... что ты здесь делаешь?

Маледикт проигнорировал вопрос.

— Уходи, — приказал он Лизетте.

— Он заплатил. Так что сам убирайся. — Глаза у Лизетты были слегка навывкате. Глядя на ее шею, Маледикт подумывал, не задушить ли девицу — тогда они вылезут из орбит.

Джилли решил вмешаться.

— Все в порядке, Лизетта. Деньги твои. Просто оставь нас. — Сердце бешено билось у него в груди — но почему? От страха за безопасность Лизетты или от предвкушения возможности остаться наедине с Маледиктом?

— Тебе все еще нужна комната? А то маман обязательно спросит. — Лизетта надевала пеньюар, и Джилли, взглянув на нее критическими глазами Маледикта, не мог не заметить, как не идет лиловый цвет к румяным щекам и рыжим волосам.

— Убирайся, — повторил Маледикт. Он доплелся до кровати, отстегнул меч, швырнул его на пол, потом уселся и скинул туфли. Лизетта скорчила напоследок недовольную гримасу и вышла, громко хлопнув дверью. Маледикт задвинул щеколду и осел на пол у порога.

Молчание затягивалось, и Джилли, уставший ждать, сказал:

— Я думал, ты под домашним арестом.

— Гвардейцы спокойно наблюдали, как я ушел, — ответил Маледикт. — Возможно, они отправились за мной и сейчас где-то внизу, вкушают прелести заведения за счет Ариса.

— А где Янус?

— Во дворце. Вообще-то я здесь, чтобы отвлечься от всего этого. — Он забрался на кровать, неуверенно покачиваясь, и лег рядом с Джилли, изучая его укрытую простыней фигуру. — Я пришел, чтобы ты меня развлекал.

Пьян, решил Джилли; ему стало любопытно, сколько Маледикту понадобилось виски, чтобы пересилить власть Ани.

Пока он размышлял, взгляд юноши прояснился, глаза из остекленевших снова стали темными.

Джилли через силу рассмеялся. Развлекь его! Маледикт сам отвлек мысли Джилли — тот теперь мог думать исключительно о близости желанного тела. Сейчас Джилли и под дулом пистолета не вспомнил бы ни единой истории.

— И как это сделать?

Маледикт ринулся на Джилли со стремительностью, развешивающей предположение о его опьянении, обнял Джилли и поцеловал его жадно, искренне — так в первый раз целует ребенок. Задохнувшись, Джилли схватил Маледикта за шею, привлек к себе, поцеловал глубже, ощутив вкус виски на его языке, словно терпкость ликера внутри шоколадной конфеты.

Сдергивая с Джилли покрывало, Маледикт последовал за сползающей тканью губами, языком и зубами — это уже вовсе не походило на детский поцелуй. Джилли застонал от обжигающего дыхания на обнаженной коже, вцепился в парчовый камзол, жилет, расшитую рубашку — сколько же на нем одежды! — запустил пальцы в волосы Маледикта, привлекая его к себе для очередного поцелуя, пробуя на вкус сладкий, жадный рот, податливый, как у женщины, и одновременно ощущая жиллистость и силу прильнувшего к нему тела.

Маледикт задрожал в его объятьях, и Джилли принялся целовать шею, накрахмаленный шелк кравата, коснулся губами тонких пальцев, провел руками по гладким плечам с выступающими мускулами и снова издал стон, потерявшийся в этом сочетании женщины и мужчины, мягкости и стальной упругости.

Маледикт рассмеялся — словно довольная кошка мурлыкнула — и лег на Джилли, прижав его руки своим телом. Джилли приподнялся на колени и навалился на Маледикта сзади, зарылся лицом в черные кудри на затылке, лаская, целуя. Темные локоны еще сохраняли легкий запах крови, и Джилли вздохнул. Маледикт качнулся назад, раздражая его шершавым прикосновением вышивки к пылающей коже. Джилли охватил его бедра, прижимая их крепче, и был вознагражден едва уловимым вздохом, в котором слышалось его имя.

Утопая в аромате черных волос, Джилли принялся слепо, на ощупь, развязывать крават Маледикта, целуя юношу в затылок; потом вытянул шею, стараясь достать до ложбинки между ключицами. Юноша повернулся, ища губ Джилли своими; ловкие руки скользнули по его бокам, привлекая ближе. Джилли потянулся к пуговицам жилета — этот барьер из шелка выводил Джилли из себя, — но Маледикт внезапно отшатнулся.

— Уф. Я чувствую на тебе ее вкус.

Джилли не мог знать, что это неправда и что единственное, что чувствовал Маледикт, было соленое тепло плоти, сопровождаемое ударами сердца. Но в сознании юноши мелькнул запоздалый страх: если Джилли узнает тайну Миранды, что сделает Янус?

Все, что знал и ощущал Джилли, были бешеная пляска его сердца и боль во всем теле. Его дыхание участилось, и он попытался вернуть Маледикта в свои объятия, но юноша огрызнулся:

— Слезь с меня.

— Мэл... — произнес Джилли с мольбой, со вздохом, со стоном.

Стройная фигурка Маледикта сжалась в комочек.

— Оставь меня в покое. Дай поспать. — Голос Маледикта звучал грубее, ниже обычного. Джилли гадал, что было тому виной. Что он увидит в лице юноши, если развернет его к себе: слезы или вожделение? Смысл слов запоздало проник в его сознание.

— Ты остаешься?

— Почему бы нет? Уже поздно, я пьян, а в постели, кажется, нет блох. Извини за испорченное развлечение. Только ты еще больший дурак, если заплатил ей прежде, чем получил удовольствие.

Джилли вперил взор в потолок, изучая приклеенные к нему хрустальные звезды — список клиентов Лизетты. Каждая звезда — постоянный посетитель. Все вместе звезды составляли созвездие, причем расположение их на потолке говорило об их же месте в сердце Лизетты. Лизетта уверяла, что это созвездие Вожделения видно из Приисков — ей, дескать, рассказал о нем один матрос. Впрочем, Джилли не мог проверить истинность слов Лизетты (или матроса). Пока не мог. И, скорее всего, не сможет никогда.

Рядом слышалось ровное, тихое дыхание Маледикта.

— Мэл? — позвал Джилли.

Не услышав ответа, он поднял с пола сброшенное ими с Лизеттой одеяло и укрыл Маледикта. Хотел подоткнуть одеяло, но заколебался, заметив, что Маледикт смотрит на него немигающими черными глазами.

— Вот так, — сказал Джилли, неловко dokonчив начатое и еще больше смутившись, когда жесткий шелк кудрей Маледикта попался между его пальцами и одеялом.

— Мне не холодно.

— Да ты холоднее камня, — возразил Джилли. Он погладил юношу по нежной щеке, почувствовав гладкую выемку между скулой и шрамом на подбородке. — Тебе нужно возвращаться на Дав-стрит.

— Я не хочу.

— Ты капризничаешь, как ребенок, — сказал Джилли. — Но раз уж не хочешь — все равно не вернешься. Поделом тебе будет, если я приведу назад Лизетту.

— Не надо, — проговорил Маледикт. — Пожалуйста.

— Ладно, не буду. Только подвинься немного, не то свалишься с кровати.

Джилли скользнул под простыни, стараясь разгладить их, насколько позволял вес Маледикта, робко потрогал мягкие волосы, веером разметавшиеся по подушкам. Не встретив сопротивления, Джилли лег, обнял хрупкую фигурку и ощутил, как вспыхнуло и улеглось напряжение в теле Маледикта.

Так он лежал, прижатый к Маледикту, во всей этой необычной обстановке, размышляя, было ли это хоть отчасти сродни отношениям Маледикта с Янусом. Мгновение вдали от городского особняка казалось таким хрупким, боящимся хлопка двери, гула голосов в коридоре, взрывов смеха или гнева, доносившихся с улицы. Неудивительно, что Янус и Маледикт испытывали столь сильную взаимную привязанность — ведь они выросли, не имея другой защиты, кроме друг друга. И все же, думал Джилли, теперь многое изменилось.

— Я снова размышлял о Приисках. — Джилли бросил пробный камень.

В его объятьях Маледикт издал звук протеста, который Джилли скорее почувствовал, нежели услышал. Это придало Джилли храбрости.

— Я хочу, чтобы ты отправился со мной. «Вирга» отплывает через пять месяцев, ближе к осени. Мы могли бы пуститься в путь под ее высоко поднятыми парусами, прочь из гавани, туда,

где вода такая синяя и глубокая, что невозможно отличить море от небес. Мы бы наблюдали, как резвятся морские чудовища, как пускают фонтаны и погружаются вглубь киты и еще более удивительные существа — столь удивительные, что ни один моряк не станет рассказывать о них тому, кто никогда не плавал по морю, ибо страшится быть поднятым на смех. Мы высадились бы в новом мире. Ни Развалин, ни двора — лишь земля, небо и звезды. Матросы рассказывают, что небо там совсем не такое — оно никогда не становится черным, а окрашивается темными-темными оттенками синего...

— И что мы там будем делать? — прошептал Маледикт. — Нищенствовать? Или зарабатывать на жизнь трудом рыбака, отдавшись на милость штормов?

— Я бы стал шоколадным фермером, — на ходу выдумал Джилли. — И кормил бы тебя на завтрак конфетами, пока ты не разжирел бы или не отказался на них смотреть.

Маледикт рассмеялся, щекоча теплым дыханием предплечье Джилли, так что встопорщились волоски у него на руке и на шее.

— Ты мечтатель.

— Зато не дурак, — сказал Джилли. Прежде чем отправиться в путь, я бы накупил здесь всяких красивых безделушек. Потом продал бы их антирским эмигрантам, соскучившимся по дому, а на вырученные деньги купил бы всякой экзотической всячины для Антира — и переслал бы сюда для продажи. Перья для отделки платьев и шляп, меха для шуб, картины. Быть может, я даже написал бы книгу, чтобы хранилась в библиотеках. — Слова выходили у Джилли сухими, медленными и неуклюжими, чего никогда не бывало с его историями, — он боялся сделаться предметом насмешек. Он впервые рассказывал вслух о своих мечтах. И даже теперь Джилли медлил, боясь выплеснуть надежду на то, что присутствие Маледикта — не просто прихоть. Уверенность, что без Маледикта для Джилли жизни не будет.

— Выходит, ты решил стать купцом, — подытожил Маледикт.

— Знаю, я мечтатель, — проговорил Джилли.

Приподнявшись, Маледикт поцеловал его в лоб, погладил по щеке. Потом скользнул назад, в нетесные объятия Джилли, и, только спрятав лицо, вновь заговорил:

— А что будет с Янусом?

Слова Джилли о соленом ветре, море и небе пахли солнечным светом и тропиками; упоминание о Янусе впервые внесло в комнату привкус зимы.

У Джилли гулко заколотилось сердце: он понимал, что Маледикта привлекали его мечты. Он едва слышно прошептал:

— Ты не можешь позабыть о нем? — Когда-то за подобную мысль Ворнатти лишился жизни, но Джилли рассчитывал, что к нему Маледикт питает более нежные чувства.

— Я быстрее позабуду собственное имя, — отозвался Маледикт. — Я нужен ему.

— Ты нужен мне, — возразил Джилли; внезапно нахлынувший голод понизил его голос до глухого рычания. Он развернул Маледикта лицом к себе.

Маледикт сердито сдвинул брови.

— Ты хочешь меня. А это совсем другое.

Джилли попытался возразить, но Маледикт накрыл его губы рукой.

— Послушай, Джилли. Что будет после того, как ты получишь меня? Ты устанешь от меня так же, как устал от старого мерзавца... ты затоскуешь о своих пышногрудых, покладистых девицах. Зачем тебе такое мрачное создание?

В знак молчаливого возражения Джилли поцеловал пальцы, лежавшие на его губах. Маледикт убрал руку.

— Нет, Джилли. Я невероятно устал... — Маледикт попытался выбраться из-под одеяла, однако Джилли остановил его.

— Останься, просто поспи. Я буду охранять твой сон. Даже от самого себя. — Джилли попытался придать голосу легкость, которой не чувствовал, и был вознагражден тем, что Маледикт доверчиво принял к нему. Он лежал, обнимая юношу словно младенца, и старался отыскать истину. Вдруг Маледикт прав — и он еще раскается в своем противоестественном влечении? Джилли не представлял себе, как такое возможно, но, уснув, увидел в своих объятиях Чернокрылую Ани, всю в крови.

Маледикт проснулся, протер глаза и издал вздох удивления, обнаружив, что лежит на кровати в борделе. Корсет вдавился в ребра, так что у него перехватило дух. Выпутавшись из простыней, он побрел к умывальнику и взглянул на свое отражение в неподвижной воде. Джилли. Маледикт обернулся, стараясь дышать неглубоко, чтобы ребра в очередной раз не отозвались болью. В пустой комнате он позволил себе сбросить смятый камзол, жилет; засунул под рубашку руку и ослабил шнуровку сверху корсета. Облегчение было столь же сладким, как воспоминание о только что испытанном стеснении. Янус убил бы его. Как Роуча, как Эллу. Глаза у Маледикта защищало от соли.

Он принялся плескать себе в лицо воду: она оказалась прохладной, зато чистой. Видимо, Джилли, закончив мыться и бриться, попросил принести еще один таз. Без Джилли в глаза слишком бросались атрибуты Лизеттино ремесла: грязные кружева, дорогие ткани, истончившиеся от долгого ношения, узкая кровать с продавленным матрацем, в воздухе приторный до дурноты запах пудры с розовой отдушкой и пота. Если бы ему не повезло, если бы он был менее целеустремленным, а рядом не оказалось бы Януса, Элла вполне могла бы продать Миранду в заведение вроде этого.

В животе шевельнулась тошнота. Никогда он не опустится до такого, решил Маледикт. Скорее он превратится в разбойника с большой дороги и станет проливать кровь, подстерегая кареты богачей. Эта идея немного утешила его; меч лежал на кровати, успокаивающе поблескивая, словно вороний глаз.

За его спиной распахнулась дверь. Затуманенными от воды глазами Маледикт разглядел в зеркале Лизетту.

— Что тебе надо?

Лизетта ослабилась.

— Джилли приказал обеспечить тебе комфортное пребывание. Так что я принесла бритву.

Вспомнив о распушенной на мокрой шее и груди шнуровке, Маледикт поспешно схватил жилет и принялся застегивать его, повернувшись спиной к Лизетте.

— Вряд ли я мне понадобится бритва — я не намерен здесь задерживаться.

— Я бы удивилась, если бы это было не так, — заметила Лизетта. Закрыв дверь, она прислонилась к ней в точности как Маледикт накануне вечером. Он это помнил. Каким надежным казалось шершавое дерево, когда сердце бешено колотилось от неизвестности.

— Ты хочешь что-то сказать? — Маледикт постарался привести в порядок камзол, расправляя плечики. В голове пульсировала мысль о том, как, наверно, Лизетта хохотала над ним: надо же, выгнать проститутку из кровати, чтобы переспать с собственным слугой.

— Бедняга Джилли... Сходит по тебе с ума, грезит о тебе, любит тебя. — Никакая, даже самая любезная улыбка, не могла пересилить презрения, застывшего в Лизеттиных глазах. — А сам не знает главного, верно, моя леди?

У Маледикта перехватило дыхание. Он так боялся, что узнает Джилли, что вдруг обнаружит двор, что Арис хоть однажды взглянет на него без предубеждения... А обо всем догадалась шлюха.

— Я уже убил одного человека за то, что он назвал меня женоподобным. Откуда ты...

— Шлюхи знают жизнь. Мы сразу подмечаем фальшивку. Внешность — наше ремесло, даже больше, чем все остальное. Мы знаем, как выглядеть лучше, тоньше или полнее. Каждая из нас хотя бы раз играла мужскую роль: чтобы составить компанию мужчине там, где нас не приветствуют, или сопроводить друг друга туда, куда женщинам не полагается ходить в одиночестве. Ты всего лишь лучше большинства. Впрочем, без этого меча ты всего лишь высокая, костлявая...

— Заткни свой рот! — Маледикт выхватил клинок из ножен и с трудом заставил себя убрать его обратно. Лизетту убивать необязательно. Шлюху легко купить.

— Или ты заткнешь мне его сам? — Она томно воззрилась на Маледикта, поигрывая юбками, морща носик, трепеща ресницами.

Маледикт схватил ее за горло и вдавил в дверь.

Она прокашлялась и рассмеялась.

— Стало быть, предпочитаешь грубое обращение? Тогда Джилли тебя разочарует. Он такой лапочка, мой Джилли...

— Заткнись, — повторил Маледикт, впиваясь в шею Лизетты пальцами словно клешнями.

Лизетта забеспокоилась, собралась закричать. Но не успела она проронить и звука, как Маледикт прикрыл ей рот рукой.

— Послушай, Лизетта. Если вздумаешь разоблачить меня, я заставлю тебя страдать. Я разбираюсь в итарусинских зельях и найду такое, от которого твоя кровь будет бурлить и пениться под кожей. Ты будешь истекать кровью — она польется из твоих глаз, изо рта, из твоих поношенных прелестей... ты и представить себе не можешь, какая боль тебя ждет. Ты будешь медленно подыхать, пока твоя кровь вздымается бурунами, а кожа трескается, чтобы дать ей выход. А когда сдохнешь, даже вороны не прикоснутся к твоей плоти. — Он выпустил ее. — И никому не будет никакого дела. Никто не станет задавать вопросов. Очередная мертвая шлюха.

Лизетта сползла на пол. Грязный лиловый халат особенно невыигрышно оттенял пунцовые пятна на ее лице.

— Я и в мыслях не держала языком чесать. Шлюхи никогда не болтают.

— Если они мудры. — Маледикт отступил.

Каймой рубашки Лизетта промокнула слезы, вытерла нос и подняла взгляд на Маледикта. Он положил руку ей на плечо.

— Я вижу, мы понимаем друг друга.

И вышел, оставив Лизетту скорчившейся у приоткрытой двери.

Джилли, бездельничавший в библиотеке, при стуке входной двери поднял голову, сложил газету и бросил ее на пол.

— Хорошо выспался? — Джилли сильно усомнился в этом, наблюдая, как Маледикт, держась теней, принялся задерживать шторы.

— Это ты подослал ко мне Лизетту? — спросил Маледикт.

Джилли поморщился от неприятного раздражения в голосе юноши.

— Нет. Впрочем, возможно, ты приглянулся жадной кошечке — ты ведь такой щеголь. Она тебя разбудила?

— Меня разбудил визг мамочки, которая вышвыривала прочь матросов, задержавшихся дольше оплаченного времени. Разве я назначил тебе маленькое жалованье? Разве твоих денег недостаточно, чтобы поселить Лизетту в тихом местечке?

— Похоже, ты встал не с той ноги, — подытожил Джилли. Видя, что Маледикт избегает смотреть ему в глаза, он задумался, что так мучает юношу — смущение или гнев. — Подойди сюда. — Когда Маледикт заколебался, он повторил: — Подойди сюда.

Маледикт стоял перед ним, угловатый и нахохлившийся, как ребенок, не знающий точно, за что его будут отчитывать.

— Проснулся с головной болью от похмелья, даже не сомневаюсь, — проговорил Джилли. — Бедный Мэл. Вчера ночью ты был чертовски пьян. Я поражен, что Ани такое допустила.

Маледикт опустил на колени перед Джилли.

— Ты не сердись?

— Нет, — ответил Джилли. С чего ему было сердиться? Теперь он знал кое-что, чего не предполагал прежде: что Маледикта влечет к нему. И это понимание делало его ленивым и довольным. Он погладил Маледикта по шее, по плечам, по темным волосам. Юноша со вздохом опустил голову на колени Джилли.

— Мне жаль, что твое пробуждение не было приятным, — проговорил Джилли, разбирая и вновь сплетая темные пряди. — Когда я уходил, у тебя был умиротворенный вид.

— То была твоя ошибка, — раздался голос Януса. Джилли подпрыгнул и почувствовал, как тело Маледикта откликнулось на его рывок. — Умиротворение Мэла обманчиво. Это главный признак, что Мэл собирается кого-нибудь убить.

— Мне нужно помыться, — сказал Маледикт. — Вдруг в постели были блохи? — Он выскользнул из неплотно сомкнутых объятий Джилли.

Янус схватил Маледикта за руку, изучая его пристальным взором сапфировых глаз.

— Арис ограничил твое передвижение этими четырьмя стенами. Ты выходил?

— Ты же подчиняешься ему, только когда сам хочешь. Почему бы и мне не поступать так же? — спросил Маледикт, выкручивая руку.

— Я не на испытательном сроке, — заметил Янус.

— В самом деле?

Лицо Януса помрачнело. Маледикт вздохнул.

— У меня сегодня дурное настроение, Янус. Так что будь поосторожнее.

— Напоминаю тебе, — проговорил Янус. — Арис расставил гвардейцев для наблюдения за домом — и за тобой. Не забывай об этом, если вдруг тебе захочется обнажить клинок.

Маледикт поежился. Его руки сжались в кулаки, но он не стал ту же затягивать петлю подозрений. Вместо этого он пригнул голову Януса к себе и страстно поцеловал его в губы, предварительно бросив быстрый, тяжелый взгляд на Джилли.

— Я устал. Лучше продумывай время своих визитов. А до тех пор обо мне будет заботиться Джилли. — Маледикт выскользнул из рук Януса и направился наверх.

Янус улыбнулся Джилли сквозь сжатые губы и принялся молча расхаживать по комнате. Джилли поднялся, собираясь уйти, но Янус заступил ему дорогу.

— Ты в чем-то хочешь мне признаться, Джилли? Что-то ты сегодня очень нервный. Как будто у тебя совесть нечиста.

— Полагаешь, что твоя чище? — огрызнулся Джилли.

— Придется мне снова предупредить тебя: держись подальше от Маледикта. Тебе с ним не управиться.

— Прошлой ночью я отлично со всем управился, — отозвался Джилли.

Внезапная бледность, залившая лицо Януса, послужила Джилли предупреждением — он успел увернуться от удара. Тогда Янус схватил его за плечи дрожащими от ярости руками. Джилли почувствовал, что синяков не миновать.

— Ты посмел... — прошипел Янус.

— Почему бы нет, — отозвался Джилли. — Если ты забросил женщин ради Мэла, почему бы и мне не сделать то же самое? Мэл вовсе не возражал.

Напряжение в руках Януса ослабло, и Джилли смог высвободиться. Он не знал, что именно развеяло ярость Януса, но с удивлением для себя обнаружил, что сожалеет об этом. Драка давно назревала, и он жаждал ее не меньше, чем страшился.

— Выметайся, — приказал Янус.

— Это мой дом. Сам уходи. — Джилли ухмыльнулся. Сердце бешено стучало от возбуждения и страха. Он чувствовал, как его поддевает злой гений Маледикта, как будто ночь, проведенная вместе, оставила ему не одни только неудовлетворенные желания. — Разумеется, ты мог бы остаться. Ударить снова, пригрозить убить меня. В очередной раз. Но я знаю, почему ты медлишь... ты не так уж и уверен в том, что Мэл простит тебя...

Янус замахнулся, однако Джилли перехватил его руку и заломил за спину.

— Больше не будет пустых угроз, Янус. Я узнал тебе цену. Любовь Маледикта защищает меня от тебя. А он любит меня, хочет он сам того или нет.

— Тогда будь честен со мной. Ты собираешься украсть его у меня.

Джилли проговорил:

— Твоя любовь уготовила ему на пути только кровь и смерть.

— Тебе плевать на кровь и на придворную жизнь. Тебе нужно только одно — чтобы Маледикт жил для тебя. Не надо скрывать свои побуждения за красивыми словами. Ты хочешь его.

— Да, — сказал Джилли.

— Только скорее я убью тебя, — предупредил Янус.

— Ну вот, мы вернулись к тому, с чего началась наша ссора, — заметил Джилли. — Как два кобеля, поцапавшихся из-за сучки в течке.

— Весьма лестный отзыв. Не забудь поделиться им с Мэлом. Он собственными руками тебя выпотрошит, — сказал Янус.

— Он обещал, что никогда не причинит мне вреда. Я верю ему. Он может быть кем угодно, только не лжецом.

— Зато мне он простит все, что угодно, — парировал Янус.

— Хочешь попробовать? — поинтересовался Джилли. Он сделал шаг назад и широко развел руки, как бы приглашая Януса напасть. — Не ручаюсь, что ты не встретишь сопротивления. Может, я и не фехтовальщик, зато я крупнее тебя.

Янус зарычал.

— Ты забыл свое место. Маледикт может звать тебя другом. Но ты родился слугой и умрешь слугой.

— А ты свое не забыл? — спросил Джилли. — Ты забрался так высоко от своего места, что висишь на тоненькой ниточке под названием «измена».

Янус зашипел, сжимая рукоять меча. Но, стоило костяшкам его пальцев побелеть, как они тут же расслабились; гнев схлынул. Янус повернул к Джилли безмятежное лицо, выбив тем самым его из колен. Куда подевалась ярость? На кого Янус собирался излить ее?

Джилли повернулся спиной к Янусу и вышел, хотя вся кожа у него покрылась мурашками. Если Янус решит избавиться от него, подстроив несчастный случай или сплетя интригу, защита Маледикта не поможет. А гнев Януса, хоть и более управляемый, чем у Маледикта, в конце концов обязательно найдет выход.

Джилли прислушался к звуку шагов в холле на тот случай, если Янус решит вернуться и продолжить ссору. Но вместо этого он уловил, как шаги прозвучали по лестнице, вслед за Маледиктом.

36

Для в высшей степени назидательного убийства, в случаях, когда требуется не столько скрытность, сколько показательность, не сыскать ничего лучше настойки «Прекаториус», что импортируется из Приисков. Одной смерти с ее помощью всегда достаточно, чтобы открыть глаза самому упрямому субъекту.

София Григориан (?). Тракта́т Леди

Посыльный прибыл рано утром и всполошил Джилли, уснувшего только на рассвете — всю ночь ему мешали крадущиеся шаги. Сначала на цыпочках куда-то прошмыгнула Ливия, потом юркнул Янус, возвращавшийся во дворец. Джилли сонно расплатил-

ся с мальчишкой и рывком развернул записку, стремясь скорее прочесть весточку от одного из шпионов. Или, быть может, от кучера, который на сей раз не упустил Ливию — девушка всегда действовала хитро и осмотрительно. Однако в убористых строчках вовсе не упоминались ни Маледикт, ни его интриги. В записке, сбивчиво нацарапанной не привыкшей к перу рукой, говорилось просто: «Лизетта очень больна. Нужна помощь». Джилли скомкал четвертинку дешевого листа бумаги, пахнущую борделем и отчаянием.

Он разрывался между двумя чувствами — тревогой и раздражением. Лизетта была в ярости от вторжения и угроз Маледикта, не смогла встретиться с ним прошлой ночью и прислала саму Ма Дезире, чтобы сообщить, что думает о случившемся. Так что теперь Джилли не удивился бы, если бы обнаружил, что срочность — только уловка, только проверка его чувств к Лизетте.

Едва войдя к Лизетте, он почувствовал горячий острый запах крови, перекрывающий все прочие, и понял, что тревога не была ложной. Мадам встретила его в дверях; ее юбки были перепачканы кровью.

— Слишком поздно, — проговорила она. — Лизетты больше нет.

— Нет, — повторил Джилли и пошел вслед за мадам по коридору.

Будуар Лизетты был залит кровью — по большей части застывшей и коричневой, хотя виднелось несколько свежих капель. С кровати медленно стекал небольшой ручеек.

Ее спина была неестественно выгнута, открытые глаза залиты кровью; руки вцепились в простыни в последней предсмертной судороге. Джилли задохнулся. *Лизетта.*

— Что произошло? — спросил он.

— Яд, — ответила Ма Дезире.

— Яд, — ошеломленно повторил Джилли.

— Вчера ночью, после того как она попрощалась с тобой, ей прислали коробку шоколадных конфет. Она их съела, почти все разом. В коробке была записка — я ей ее прочла. — Ма Дезире обращалась ко всем в комнате, хотя слушал ее только Джил-

ли. Стоя у камина, другая шлюха, надев на руки перчатки, совала окровавленные простыни в огонь. Еще одна девушка застирывала кровавые пятна на лучшем платье Лизетты, пытаясь спасти его.

— В записке говорилось, что тебе очень жаль. Что она должна простить тебя. Очень любезно написано.

— Я ничего такого не посылал, — произнес Джили. Но вполне мог бы послать, подумал он. Улики вполне убедительные.

— Лизетта поняла это, когда у нее пошла кровь. Тогда она догадалась, чьих это рук дело.

— Чьих? — спросил Джили.

Мадам отвернулась и в красноречивом молчании оглядела комнату. У Джили перехватило дух. Чувствуя ком в горле, он полез в карман.

— Это не для меня, — пояснила Ма Дезире, пряча деньги в лиф платья. — Для нее. На похороны.

— Кто сделал это? — Искра гнева разгоралась, постепенно затмевая горе. В отличие от Януса и Маледикта, Джили не желал всему находить оправдания.

— В бреду бедная девочка вспоминала твою другую любовницу, высокородную леди. Сказала, что ее терзают вороны, разрывают ей внутренности. Она чувствовала их клювы. Говорила, что твоя любовница ее предупреждала. Что она украла человека, принадлежавшего вороне, и тем обрекла себя. Это правда?

— Что? — Джили мигом забыл об истерзанном теле женщины на кровати, о неподдельной печали в словах Ма Дезире. Маледикт? Маледикт слишком легко видит во всем оскорбления — и жестоко мстит за них, с болью в сердце подумал Джили. Заключенный дома под надзором бдительных гвардейцев, не в состоянии воспользоваться мечом, он мог с легкостью послать Лизетте коробку отравленных конфет.

— Лизетта говорила, что ты — одно из созданий Чернокрылой Ани.

— Нет, не я. Мой господин — мой друг... — Голос Джили сорвался. Он сел на кровать и дотронулся до искаженного лица Лизетты — холодного, воскового, липковатого.

— Тебе нужно защищаться. Существуют заклятия и все такое, — сказала Ма Дезире. — Ты славный парень. Смотри не запутайся в вороньих перьях. — Она провела рукой по его волосам. Суровость исчезла с ее лица. — Ты хорошо обращался с моей девочкой.

Гвардейцы короля с любопытством наблюдали, как он тяжело поднялся по лестнице, с грохотом распахнул дверь; они ни во что не вмешивались.

В столовой Маледикт, облаченный в серый шерстяной сюртук и алую рубашку, собирался обедать. На столе перед ним лежала книга. Джилли остановился, чувствуя, как в сердце вскипает ярость, и, миновав столовую, направился вверх по парадной лестнице. Он распахивал двери и дверцы в покоях Маледикта, рылся в ящиках и гардеробах, пока не нашел деревянную шкатулку с ядами. Джилли швырнул ее на кровать; из белых пакетиков, перепачкав ему руки, посыпался зеленовато-серый порошок. Джилли стал перебирать пузырьки в поисках одного-единственного, способного заставить плоть истечь кровью.

— Ты отсутствовал всего несколько часов, — раздался с порога голос Маледикта. — Неужели за столь короткий срок тебя обидели настолько, что ты решил прибегнуть к яду? Если это действительно так, только скажи, и я позабочусь обо всем за тебя.

Пальцы Джилли сомкнулись на пузырьке. На изогнутом донышке осталось несколько едва заметных сиреневатых капелек.

— Зачем было убивать? Можно было просто попросить меня бросить ее. Ради тебя я бы сделал все. Я ведь всегда шел ради тебя на все.

— Джилли?

Джилли швырнул в Маледикта склянку. С легкостью поймав ее, юноша подозрительно уставился на ярылок.

— Сироп «Прекаториус». Как ты и угрожал, Лизетта истекла кровью до смерти.

— Лизетта! — Одно имя заставило Маледикта недовольно скривить мягкие губы.

Для Джилли это было равносильно признанию.

— Она истекла кровью! А твой пузырек почти пуст. Зачем было заставлять ее страдать? Зачем вообще было ее убивать? — На глаза Джилли навернулись слезы.

— Стоит ли поднимать такой шум? Она была всего-то шлюхой. — Лицо Маледикта скривилось. — Тварь, не представлявшая ни малейшей ценности.

Пальцы Джилли судорожно сжались. Он поднял кулак — и опустил. Маледикт даже не поморщился.

— Она мне нравилась. Она была простая женщина и любила поболтать. Что такого она тебе сделала? Посмеялась? Объясни мне, почему... — Джилли поднес руку к щеке Маледикта. — Пожалуйста.

В мертвой тишине он ждал ответа, ждал возможности излить свою ярость или ощутить сладко-горькое облегчение.

— Я не убивал твою сучку, — сказал Маледикт, отталкивая ладонь Джилли. — Ты что, судья, который собирается меня повесить? Убирайся.

— Шоколад и яд. Сладость, скрывающая жало. Записка с моим именем, которую она не могла прочесть. С извинениями за то, что нас прервали. Думаешь, я поверю, что ты этого не делал?

— Будь проклята твоя душа, я... — Хриплый голос Маледикта, не способный звучать громко, оборвался. Услышав возражения, юноша, оскалив зубы, пронесся мимо Джилли, словно изгнанный злой дух. Входная дверь внизу гроыхнула, сопровождаемая звоном разбитого стекла. Джилли так и не получил ответов на свои вопросы. Негромкий треск, похожий на далекие пушечные удары, нарушал тишину: Маледикт вымещал гнев на чем-то хрупком.

Ярость клокотала у Джилли в груди. Он выбежал из дома и направился в город мимо гвардейцев, что следили за особняком. Джилли уже почти добрался до торговых улиц, когда туман боли и ярости начал рассеиваться, освобождая сознание для единственной мысли. Маледикт никогда прежде не отрицал того, что совершал. Тем не менее, яд был именно из его пузырька...

Джилли застонал, пряча в ладонях мокрое от пота лицо. Он и забыл, что у него самого были враги, один из которых жил под одной с ним крышей и знал о существовании Лизетты, о ее мес-

тонахождении, о том, что Джилли трижды в неделю наносит ей визиты. Исполненный мрачной решимости, Джилли в сгущающихся сумерках пошел назад. Он спросит еще раз — только теперь выслушает ответ.

Входная дверь, против его ожиданий, оказалась открыта. В гостиной царил хаос, словно здесь еще минуту назад бушевал морской прибой. Зеркальная дверь была разбита, и из каждого угла на Джилли смотрели мигающие глаза; табурет, прежде стоявший у спинета, валялся под инструментом без одной ноги.

Туфля Джилли с хрустом погрузилась в мягкий ковер. Из-под подошвы показался изогнутый осколок фарфора. Джилли поднял его: это была маленькая фарфоровая ручка. Шелковая нить и висающая на ней палочка подсказали, что у него в руках фигурка из набора марионеток. Джилли поднял взгляд на полку с куклами. Не осталось ни одной целой, хотя Джилли удалось обнаружить более узнаваемые осколки: голову собаки с высоким гофрированным воротником, погремушку с хвоста гремучей змеи, крошечную куклу с отколотыми ручками. Некоторые фигурки были так жестоко разтерзаны, что казалось, будто Маледикт пытался стереть их подошвами в порошок.

Джилли в задумчивости опустил пригоршню разрозненных частей на занавешенный алтарь. Марионетки были подарком Януса. Маледикт очень берег их. По крайней мере, прежде. Сравнивал себя с кукловодом богов, но сегодня, похоже, сам почувствовал себя куклой.

Джилли поднялся на один лестничный пролет, зажигая на ходу лампы.

— Маледикт? — позвал он. В доме стояла такая тишина, словно Джилли был единственным живым существом в его стенах. Сердце у него забилося быстрее. — Маледикт!

В коридоре Джилли остановился в нерешительности, потом решил подняться по темным чердачным ступеням. Через шесть ступенек впереди он заметил слабый отблеск фарфора, и остальной путь преодолел уже более уверенно.

Прохладный вечерний воздух струился вниз, со свистом вырываясь из-под чердачной двери. Джилли толкнул ее. Чердачное окошко скалилось осколками стекла. Перед ним, на сундуках,

примостился Маледикт. Широкий, тяжелый размах красной рубашки, развязанные рукава, не стесненные камзолом, опадали, подобно кровавым крыльям. Юноша сидел, подтянув колени и обхватив их руками.

— Прости меня, Джилли. — Маледикт обернулся. Зашуршали тяжелые волосы. Лицо юноши озарял бледный свет звезд и отраженных газовых ламп, струившийся сквозь городской туман.

Царапанье и шуршащий, скребущий звук перьев отвлекли Джилли, который уже собирался ответить: перепрыгнув через его ступни, взметнулись два грача: один вылетел из окна, другой примостился на куче тряпья. Птица ударила клювом, обнаружив дыру в расшитом камзоле, и выпорхнула через окно, увлекая за собой золотые нити.

— Я не думал, что она тебе настолько небезразлична, — приглушенно проговорил Маледикт. Он уронил лоб в руки. — Я ее ненавидел.

Джилли сел на низкий сундук, глядя на ссутулившуюся фигуру юноши.

— Ты даже не знал ее. Мне и то почти ничего не было о ней известно. Когда ты успел ее возненавидеть?

— Она застала меня за умыванием — и сразу принялась дразнить. Я велел ей убираться. Она вместо этого прислонилась к стене, сбросила бретельки сорочки, так что стала видна грудь, и принялась демонстрировать мне свои прелести. Я попытался спугнуть ее, а она рассмеялась. Я сделал это, чтобы остановить ее.

— И вместо того, чтобы проткнуть ее мечом прямо в борделе, ты явился домой и отправил ей отравленный шоколад, дав ей время всем рассказать о тебе и твоих угрозах? Нет, все произошло иначе. Ты пришел домой. Ты говорил с Янусом. И Янус убил ее.

— Нет, — возразил Маледикт. — Джилли, ведь у тебя есть все доказательства. Что еще тебе нужно? В конце концов, я убийца — и убивал не единожды.

Джилли выдохнул; его дыхание уныло повисло в стылом воздухе.

— Скажи мне, что убил ее. Скажи, что послал ей смерть в розовой подарочной упаковке.

Маледикт опустил глаза.

— Я убил Лизетту.

От пляшущих теней казалось, что на месте глаз у Маледикта образовались провалы, однако голос оставался спокойным, как всегда. И все же Джилли почувствовал, как сердце забилось быстрее — от этой лжи у него перехватило дыхание. Маледикт, умелый убийца, не умел врать, он предпочитал прибегать к полуправде и туманным намекам.

— Прости меня, Джилли, — повторил Маледикт. Оттолкнувшись, он спрыгнул с сундуков и остановился перед открытым окном. Потом подался вперед, сунул кулак под дождь и раскрыл ладонь. Маленькая, резная, злорадно поблескивающая фигурка Ани полетела вниз и ударилась о мостовую. Маледикт качнулся ей вслед, и Джилли придержал его за лодыжку.

— Просишь прощения за то, чего не совершал!

Но Маледикт уже торопливо спускался по лестнице. Джилли выглянул в окно, за которым исчезла статуэтка Ани.

— А сам простишь ему все, — сказал Джилли. — Он заставил меня поверить, что ты убил Лизетту, — но ты и теперь закрываешь глаза. Он пытается рассорить нас.

Желчь взыграла в желудке от неприкрытой жестокости, оттого, что Лизеттину жизнь превратили в ход пешки. В успокаивающей темноте чердака Джилли сел на корточки и заплакал — точно так же, как до него Маледикт. Если прежде еще оставались какие-то сомнения — теперь они исчезли. Янус был убийцей; как его отец, как Данталион — он предпочитал улыбаться и убивать на безопасном расстоянии.

Джилли повесил голову. В конце концов, сам виноват. Раздразнил Януса, хотя знал: тот в долгу не останется. Но намекнуть, что в убийстве виновен Маледикт... Возмущение Джилли превратило ярость в ровное внутреннее пламя.

Его руки коснулись темных засохших пятен Лизеттиной крови: он перепачкался, когда сидел рядом с ее телом. Джилли поднялся, собираясь принять ванну, и сквозь разбитое окно услышал, как к дому подъехала карета.

Янус, подумал Джилли. Он решил отложить мытье и выяснить отношения.

Спустившись в прихожую, Джилли обнаружил, что Маледикт с пустым и белым лицом стоит перед Эхо и парой его Особых бойцов.

— У меня ордер на ваш арест, — проговорил Эхо, мрачно улыбаясь и не снимая ладони от рукояти пистолета.

— По какому делу? — поинтересовался Маледикт. — Вы пытались обвинить меня в таком количестве...

— В одном неопровержимом преступлении — убийстве Данталиона Ворнатти.

37

— В убийстве? — проговорил Маледикт. — Скорее это была дуэль.

— Его кровь — ваш меч. Вы не можете отрицать этого.

— С чего я стану отрицать, когда получил от той дуэли не-сказанное удовольствие? — удивился Маледикт. На самом деле он почти забыл о ней. Смерть Данталиона захлестнул кровавый прибой Ани. И отчитываться за нее теперь... Хотя руки у Маледикта тряслись, голос звучал беззаботно. Он вынудил мышцы рук подчиниться своей воле — и они тоже успокоились. Рукоять меча коснулась ладони; он нащупал ее совершенно безотчетно. Перья упрасивали Маледикта, нашептывая что-то его коже. Одежда Джилли, пропахшая смертью Лизетты, не позволила Маледикту очистить разум от мыслей о крови.

В конце концов, их было всего трое. Маледикт мог бы без особого труда проткнуть мечом выдающийся живот ближайшего бойца, пустить ему кровь, потом легко переместиться к младшему из двух охранников, что стоял слева от Эхо. Потное лицо парня даже побелело от дерзости поступка — они явились арестовать дворянина. Маледикт был готов биться об заклад: если он пронзит первого, младший даст деру. Опасность представлял лишь сам Эхо.

Маледикт вдохнул сквозь стиснутые зубы, чувствуя, как воздух остужает жар в крови. Да или нет. Биться или бежать — все равно придется гоняться за юнцом, если тот решит улизнуть. У

него и прежде бывало много свидетелей. С тремя вполне можно управиться.

— Маледикт, — проговорил Эхо. — Положи меч на пол.

— А если не положу? — спросил Маледикт, все еще прислушиваясь к тикающим в крови часам.

Эхо выхватил пистолет, взвел курок и прицелился в грудь Джилли.

— Быть может, мне использовать твоего друга в качестве гарантии твоего хорошего поведения? Стоит мне увидеть единственное движение в направлении оружия, яда или хотя бы заклинания — и я прикончу его.

Ярость красной пеленой затмила взор Маледикта; стук сердца в ответ на слова Эхо оглушал его. *Убить их всех*, шептала Ани. *Искупаться в их крови. Выклевывать им глаза. Даже Джилли. Ведь он усомнился в тебе, обвинил в том, чего ты не совершал. Меч высунулся из ножен, пальцы скользнули вниз и коснулись прохладного клинка.*

Бешеная простота этой мысли захватила Маледикта. *Убить их всех.*

Почувствовав движение воздуха, он инстинктивно развернулся, выхватил меч из ножен и успел уловить смятение на лице Эхо. Оказывается, шевельнулся Джилли — всего лишь Джилли, и вместо того, чтобы разрубить кожу и кость, Маледикт вывернул лезвие, ударяя плашмя по широкому запястью друга. Клинок оставил рубец и тонкую полоску крови в том месте, где лезвие коснулось кожи. Но рука была цела, пальцы сомкнулись на плече юноши. Маледикт тяжело дышал, наблюдая, как на светлой коже Джилли выступают бисеринки крови.

— Маледикт, — проговорил он, — не двигайся. — Джилли шагнул мимо юноши, загораживая его от Эхо. — Королю известно, что вы здесь?

— Король волен отозвать меня — такова его привилегия. Но он не обязан был давать распоряжение. У дуэли множество свидетелей. — Эхо улыбнулся. — Маледикт мой.

За широкой спиной Джилли юношу опять начало трясти, и на сей раз он не мог совладать со своим телом. Тюрьма «Каменные ворота». Как же тогда он довершит предначертанное Ани?

Как вообще он выживет, запертый во тьме, когда с ним вместе постоянно будет находиться кто-то еще? Как он останется Маледиктом?

Едва уловимая мысль мелькнула в сознании — призрак надежды. Ведь Эхо не выстрелил в Джилли, хотя Маледикт обнажил меч. Стало быть, советник блефовал.

Юноша развернулся и бросился вверх по лестнице, к запаху неба. Эхо закричал. За спиной Маледикт услышал выстрел, но Джилли не вскрикнул. Если бы Маледикт не находился в таком отчаянном положении, он разрыдался бы от облегчения. Но попытки размышлять среди трепещущей тьмы бушующих эмоций Ани сузили рамки его разума — Маледикт соображал теперь не лучше крысы, загнанной в угол.

За плечи его грубо схватили руки Эхо; Маледикт лягнул Эхо, применив грязный прием крыс из Развалин. Но Эхо, хотя и споткнулся, проявил достаточную дальновидность и был готов к такой реакции. Маледикт вывернулся, стараясь воспользоваться клинком, высвободиться из цепких, как клещи, рук советника, но тут же почувствовал, как его опять оттесняют к стене. Это был Джилли.

Маледикт принялся отбиваться, дыхание со всхлипом вырывалось из его горла. Ани нашептывала: *убей его и беги*. Маледикт беззвучно выдохнул отказ, хотя Джилли обнял его еще крепче. Маледикт оказался между теплым телом Джилли и холодной несоррушимой стеной.

— Мэл, — сказал Джилли. — Маледикт, прошу тебя. Если ты сейчас сбежишь, тебе не светит ни Янус, ни вообще хоть какое-то будущее — только кровь и смерть. — Дыхание Джилли согревало ему щеку, пальцы рисовали на запястьях и спине успокаивающие знаки.

Маледикт заметил за спиной друга двоих Особых: они нервно наблюдали за происходящим. Глаза Эхо сузились, и Маледикт зашипел на него. Эхо непроизвольно сделал шаг назад. Маледикт захохотал.

— Тише, — предупредил Джилли. — Тише! Вот что мы сделаем. Когда одному платят за то, чтобы он исполнял свои

обязанности, другому можно заплатить, чтобы он облегчил тебе жизнь. Отправляйся с Эхо. Это лишь на время.

Маледикт уткнулся в теплое плечо Джилли, прислушался к безумному биению сердца под самым ухом — о, это биение противоречило спокойствию слов! Знаки, что чертил Джилли, заставили Ани отступить — Маледикт слышал Ее недовольное ворчание. Он был изможден, зато мог мыслить.

— Ты не бросишь меня там? — спросил Маледикт.

— Нет, — прошептал Джилли, глядя юношу по голове и не обращая внимания на свирепый взгляд Эхо. — Я обещаю, — проговорил он, — я всегда буду за тобой возвращаться.

— Скажи ему.

— Хорошо, — ответил Джилли.

— Он освободит меня, — сказал Маледикт.

Джилли кивнул. Маледикт перехватил меч. Эхо снова поднял пистолет, но опустил, увидев, что юноша подал оружие Джилли гардой вперед.

— Позаботься о нем. Он мне еще пригодится. — И Маледикт шагнул из объятий Джилли в грубые руки Особых.

Спустя час Маледикт сидел в грязной, переполненной общей камере, вспоминая удовлетворение, которое ощутил, перерезав глотку Данталлиону, думая, что жажда крови стоила цены, которую он теперь за нее платит. Воображаемый запах крови перебивал вонь, источаемую немытыми изъязвленными телами, гнилой соломой и тухлой водой, унимая испуганный трепет сердца.

Когда его ввели, в камере воцарилась тишина. В дорогой одежде, с напояженными волосами, Маледикт явился словно из другого мира. Обычно осужденные аристократы встречались с Дамастесом, начальником тюрьмы, и отдавали ему ценные вещи за то, чтобы сидеть в отдельной камере, пить чистую воду, есть хлеб без плесени. Но Эхо оттолкнул Дамастеса, не обращая внимания на алчные взгляды, которые тот бросал на дорогое платье Маледикта, и запихнул юношу в общую камеру. Лязг и грохот тяжелой двери разбудили тех, кто научился осторожности, а прочих заставили вздрогнуть во сне. Сердце Маледикта опять совершило кульбит: через железные кольца с долгим

клацающим звуком протянулись цепи; за спиной опустился деревянный засов. Его заперли. Во рту у Маледикта пересохло.

Две женщины, сгорбившиеся в углу, отвели глаза и попытались закрыть лица рваными платками. Сидевший рядом с ними мужчина поднялся: на голых руках темнели татуировки рекрута, пережившего войну на Ксипосе. Он явно ненавидел знать, которая использовала его — и вышвырнула за ненадобностью. Маледикт опасливо оглядел мужчину.

— А ты даже выше, чем мой Джилли, — сказал он. Колеблющийся свет факела пробивался сквозь дверную решетку, бросая в камеру красноватые отблески.

— А ты одет для удовольствий, а не для тюрьмы, — отозвался громила голосом не менее хриплым, чем у Маледикта. — Вот эти блестящие пуговички, и вон та булавка для галстука... Надеюсь, ты не против поделиться?

— Против, — отозвался Маледикт. Рука изнывала по мечу. Но ведь когда он был Мирандой, он нападал на взрослых мужчин без всякого оружия, не считая палки. Впрочем, даже Миранда, ополоумевшая от голода, спасовала бы перед этим парнем.

Любитель блестящих пуговичек стал наступать, вытянув мясистые руки, и Маледикт рассмеялся. Схватив охапку жесткой соломы, он прыгнул навстречу, ткнул самодельным оружием в глаза противника и вывернулся. Громила хрипло завопил.

— Ты слишком жирный и неповоротливый, — проговорил Маледикт.

Он мгновенно развернулся на месте, чувствуя, что к драке присоединяются другие узники, желающие расквитаться с аристократией или просто привлеченные возможностью легкой наживы — на новеньком добра хватало, чтобы заплатить тюремщикам выкуп и отдать долги.

Где-то в глубине сознания Миранды поселилась паника. Миранда хорошо знала, что случается с девушками, которых побеждают, валят с ног; но тут Ани распахнула крылья, и Маледикт заставил свою волю отступить, позволив Ее голоду всецело завладеть им.

Он потянулся к гроmile, что молотил кулаками спертый воздух, схватил его за ворот рубашки и прокусил кожу на шее. Гро-

мила рухнул на пол, стал выть, хватаясь за окровавленное горло. Ани выплюнула мелкие клочки кожи, и те затерялись под ногами.

Остальные заключенные на миг замерли в нерешительности, и Ани улыбнулась им кровавой улыбкой. Сидевшие в углу женщины что-то лепетали, наверно, молились — Маледикт не мог разобрать. Ани втянула в легкие воздух, отвратительные испарения комнаты, смерти, затаившейся в углах, — и выплюнула. Черная пена поднялась на полу в том месте, куда плюнул Маледикт, брызнув в лица заключенным.

— Чтоб вы сгнили, — проговорил он. — Чтоб вы все сгнили.

Они попятились, хватаясь руками за лица, вытирая слювы, словно он жег их.

Глотка Маледикта чесалась, как будто его слюна была ядовитой. Он потянулся к кадке, разогнал пленку и зачерпнул снизу более чистой воды. Там, где его губы коснулись ковша, металл почернел; Ани пускала по его телу волны жара.

— Что тут происходит? — раздался от двери голос тюремщика; по-хозяйски зазвенели ключи. Тюремщик заглянул в камеру и увидел, что громада воеет, лежа на полу. Маледикт с минуту тупо смотрел на Дамастеса, вспоминая светские манеры, которые бушующая Ани задвинула своими крыльями.

— Он хотел, чтобы я поделился вещами, которые приберегаю для вас, — ответил Маледикт, оправляя расшитые камнями манжеты, жилет с драгоценными пуговицами, камзол из первосортного сукна.

— Вам не следует здесь находиться. Среди таких, как они. Вы же знатная особа, — проговорил Дамастес. — Знатная, — он еще раз протяжно произнес это слово, глядя на Маледикта сверху вниз, чтобы смутить его взглядом. Глаза у начальника тюрьмы были оттенка грязного шифера и странно мутноватые, волосы — блекло-коричневые, словно его произвела на свет не женщина из плоти и крови, а каменистая, глинистая почва.

— Мне тоже так казалось, — отозвался Маледикт. — Не перебраться ли нам в ваш кабинет? Быть может, послать на Давстрит за вином? Вода тухлая. — С каким трудом давалась юноше эта беспечность!

Начальник тюрьмы оценивающее оглядел Маледикта.

— Да, давайте обсудим ваше положение. — Дамастес кивнул насмешливо — Маледикту самому нечасто удавалось кивком выразить такую степень презрения — и жестом пригласил юношу покинуть общую камеру.

Как только Маледикт переступил порог, по обеим сторонам двери возникли охранники и зашагали следом, демонстрируя, что Дамастес не только жаден, но еще и осмотрителен.

«Опять вмешался проклятый Эхо», — подумал Маледикт. Вряд ли начальник тюрьмы столь же осторожен с остальными своими знатными постояльцами. Что-то в последнее время Эхо слишком исправно создает Маледикту проблемы. Шагая по узкому коридору, юноша не обращал внимания ни на каменные стены, ни на сырость; его мысли были поглощены сладостными мечтами об убийстве Эхо. Пальцы сжимались на воображаемой рукояти. На миг воспоминания о мече сделались такими острыми, почти материальными, что Маледикт ощутил тяжесть нетерпеливого клинка, почуял терпкий запах стали в прогорклом воздухе.

Маледикт споткнулся, когда рука его вместо верного металла оперлась на пустоту.

— Пошевеливайся, — скомандовал охранник, намеревавшийся пнуть Маледикта. Юноша увернулся от небрежного пинка и поднял взгляд на неровные ступени, по которым его спихнули вниз всего час назад.

Начальник тюрьмы принимал посетителей и квартировал в таких же камерах, только стены между ними были выломаны, чтобы помещение казалось попросторнее. Узкие незарешеченные окна выходили на прилегающую улицу, но для побега не годились. По всей комнате — на комодах, стульях, столах — грудями, точно в ломбарде, где давно не проводилась ревизия, лежали вещи, доставшиеся Дамастесу от осужденных аристократов. Мелкие драгоценные камни рассыпались на туалетном столике красного дерева; сверкая словно вода, они растекались по полуоткрытым ящикам. В комнате было не протолкнуться из-за множества изящных стульев — они стояли, лежали, торчали кверху гнутыми золочеными ножками, похвалялись бар-

хатными подлокотниками и пышными сиденьями. В самом центре громоздился письменный стол с доброй полусотней ящичков, весь заваленный бумагами. Из-за груды мохнатых от пыли книг выглядывал краешек камина.

Маледикт непринужденно наклонился и подобрал с пола карманные часы — их там была целая куча. Лазурные паруса, перламутровый корабль, эмаль на позолоте. Взмахом руки Маледикт заставил цепочку скользнуть сквозь пальцы, словно живую змею.

— Сядь, — приказал начальник тюрьмы.

Отправив часы вместе с цепочкой в рукав тем же мгновенным, незаметным движением, каким прятал лишнего туза, Маледикт почувствовал себя увереннее. Если Дамастес и охранники не заметили его мелкой кражи, значит, степень их наблюдательности не представляет опасности для Маледикта — а если и представляет, то не слишком грозную. В поисках подходящего стула он разглядывал позолоченные ножки, резных лягушек и тисненых геральдических львов на задних лапах.

— Нечего глазеть — здесь тебе не магазин, — заметил тюремщик, хмуря брови над набрякшими веками.

— Действительно, — согласился Маледикт. — В магазине все было бы в большем порядке — и значительно чище. — Он подвинул себе дамское кресло тонкой работы с изящными ножками и постарался развалиться в нем, занять как можно больше места.

Дамастес опустил в бархатное кресло напротив, водрузив ноги в грязных сапогах на резную, слоновой кости скамеечку, которая протестующее закрипела под их тяжестью. Маледикт скользнул взглядом вниз, изучая стоптанные подметки начальника тюрьмы.

— Столько добра, а новые сапоги справить не можешь, — заметил Маледикт. — Виною тому — излишняя бережливость, или ты просто не знаешь приличного магазина? — Он смотрел на ночное небо, в котором проносились точки летучих мышей и плавного парили грачи.

Маледикт готов был продолжать этот разговор как можно дольше — взгляд на небо его успокоил. Юноша провел в подземелье чуть больше часа — а уже чувствовал себя заживо погреб-

бенным. Маледикт знал, что это Ани, которая ненавидела грязь, шевелится внутри. Тьма подземелий всегда была благосклонна к Миранде — ведь девочка привыкла находить убежище под кроватями, в нишах и подвалах, под скатами крыши, что нависали подобно грозovým тучам.

Дамастес ухмыльнулся, обнажая в невеселой улыбке гнилые зубы.

— Говори, что тебе заблагорассудится, мне не привыкать выслушивать оскорбления от вельмож. Только помни: ты здесь, чтобы просить моего покровительства.

— Так вот что тобой руководит? — удивился юноша. — У тебя горы краденого добра — а ты думаешь только о том, как бы унижить аристократов? Да ты глупец. Можно было бы купить себе за границей титул и жить там словно лорд. Ты обратился не по адресу, если желаешь слушать мольбы.

— На колени его, — приказал Дамастес, и его странные аспидные глаза похолодели.

Охранники ринулись на Маледикта; он увернулся, спрятался за кресло с подголовником и спихнул им под ноги гору лежавших на сиденье шуб.

— Нет никакой необходимости, — проговорил Маледикт. — Я устал оттого, что все хватают меня за одежду. Сначала мой Джилли, которому не следовало этого делать, потом Эхо, и еще тот осел в камере. Не вижу причин добавлять еще два кровавых отпечатка к уже оставленным на моем камзоле. Хочешь, чтобы я встал на колени?

Маледикт отыскал на полу место почище — как раз тогда, когда охранники ринулись к нему во второй раз. Юноша опустился на колени, и они схватили пустоту. Маледикт ухмыльнулся Дамастесу.

— Вот, пожалуйста. Я стою перед тобой на коленях... Но, заметь, и мысли не допускаю о том, чтобы молить.

Тюремщик вскочил с кресла, сжимая худую ладонь в кулак, и замер; плечи его вздымались и опускались от тяжелого дыхания.

— Я мог бы сломать тебя, — сказал Дамастес, стараясь подражать беззаботному тону Маледикта.

— Мои кости — возможно, — отозвался Маледикт. — И что тогда? Ты так уверен, что меня заточат здесь навеки? Что, если ты ударишь меня — а я завтра же выйду на волю, причем полный злобы. Мой любовник терпеть не может, когда меня унижают.

— Твой любовник — племянник короля, — проговорил начальник тюрьмы.

— Подумаешь, тайна — этот скандал уже исчерпал себя при дворе.

— Ты такая же побрякушка, как вот эти драгоценности, — сказал Дамастес. — Любимая забава. Близкая к королю. Ты валялся с ним на простынях, расшитых гербами.

— А иногда и в каретах с гербами, — добавил Маледикт гладким голосом, словно клинок вынули из ножен.

— Редкий предмет коллекции. Говорят, сам Арис прикоснулся к тебе... — Дамастес перешел на шепот — и бросил быстрый взгляд на охранников.

— Я был бы неразборчив, если бы спал и с племянником, и с дядей, — заметил Маледикт, с облегчением погружаясь в знакомую игру выпадов и отражений злобы и сплетен. Дамастес оказался очередным дураком, которым можно манипулировать.

— Добавить тебя к своей коллекции, иметь кое-что, что принадлежало им... Я мог бы... — Начальник тюрьмы замолчал; в его глазах горело злобное ликование. Он провел рукой по горлу Маледикта, привлекая юношу ближе, и потянулся к своим панталонам.

Маледикт улыбнулся.

— Мои зубы столь же остры, сколь и мой ум.

Дамастес убрал руку. Маледикт потрянул головой, словно вел непринужденную беседу с друзьями.

— Так что, мы вовсе не будем торговаться? Или ты притащил меня сюда только затем, чтобы последовать самым дурным примерам скучных порнографических книжек?

Юноша даже не попытался понизить голос, и Дамастес рявкнул:

— Заткнись, или я сам заткну тебя.

— Значит, назад в камеру? — спросил Маледикт. — Так ты никогда не получишь своих трофеев.

— Что у тебя есть? — неохотно спросил начальник тюрьмы, снова садясь в кресло.

— Боюсь, на мебель тебе рассчитывать не стоит. Я пробыл здесь недостаточно долго и не успел соскучиться по своей кушетке; собственно, я и не собираюсь злоупотреблять вашим гостеприимством. Впрочем, эта комната и так завалена мебелью. Все, что у меня есть, — обыкновенные безделушки, без которых джентльмен не выходит из дома.

Маледикт вытащил кошелек.

— Два соля, какая удача для тебя: как раз хватит, чтобы поставить новые подметки. В конце концов, золото — не хлам, его можно потратить. Булавка для галстука — рубин, черный янтарь и серебро. — Он швырнул безделушку на стол. — Если бы я знал, что меня арестуют, надел бы что-нибудь менее дорогое сердцу. Пуговицы из черного янтаря на камзоле. Запонки — опять рубины. — Брошенные рядом с булавкой для галстука, они покатились и с легким стуком упали на пол.

— Посмотрим в карманах... Джилли говорит, что джентльмен не должен ничем портить силуэт камзола. Но, к счастью для тебя, я джентльмен не до такой степени. Одна луна и табакерка, — Маледикт нахмурился, — я украл ее у мертвого Данталиона. И до сих пор не открывал. Зная репутацию этого человека, могу предположить, что в табакерке яд или наркотик. Такое лучше не нюхать. — Маледикт извлек еще горсть мелких предметов. — Разбитый фарфор — вижу, тебя он не интересует. Как думаешь, достаточно, чтобы оплатить одиночную камеру над землей? И еще бутылку вина, о которой мы говорили.

Дамастес кивнул охранникам. Один из них вышел, вернулся с откупоренной бутылкой и подал ее Маледикту. Юноша принял и скорчил гримасу, изображая изнеженного лорда.

— Сойдет. — Он сделал большой глоток, изгоняя из горла сухость. Ощущение, будто в рот попала грязь, понемногу проходило. Он тосковал по ночному воздуху, пусть и мутному от тумана, он так хотел подойти к окну и прижаться к нему лицом.

— Ну ладно, — проговорил тюремщик. — Хватит торговаться. Охрана, отвести его назад в общую камеру.

Маледикт зарычал; один из охранников, застав юношу врасплох, схватил его за руку. Второму бутылка пришлось как раз в челюсть — он повалился назад, окровавленный, выплевывая обломки зубов.

Дамастес перемахнул через стол и, упершись коленями в спину Маледикта, помог распластать его на полу.

— Ты прав, — сказал он. — Соли можно потратить. И Эхо дал мне их в изобилии, чтобы я держал тебя в клетке с остальными крысами. — Он схватил Маледикта за волосы и рывком запрокинул ему голову. — Если захочешь выбраться из общей камеры, придется умолять.

Маледикт сопротивлялся, царапаясь и лягаясь, пока Дамастес не вызвал подмогу. Хотя все тело юноши звенело от потрясения, что он так ошибся в начальнике тюрьмы, он все же прорычал:

— Ты сдохнешь, прежде чем я приду умолять тебя.

Начальник тюрьмы замахнулся и обрушил удар на лицо и ухо Маледикта. Когда звон утих, юноша провел языком по окровавленной губе и плюнул в Дамастеса красным сгустком.

Его поволокли вниз по лестнице и швырнули в камеру. Маледикт отполз от двери в темный угол; голова шла кругом, тело болело, а в груди наперебой выли в ужасе Ани и Миранда. Миранда ощущала, что шнуровка корсета ослабла в результате грубого обращения, а мочевой пузырь разрывается от воды и вина. Она не знала, долго ли еще выдержит; не знала, как поправить корсет, не привлекая внимания.

На нее легла тень. Она подняла голову и зашипела. Мужчины — дружки того осла — отшатнулись. Но она понимала, что они будут наблюдать и ждать своего шанса.

Внутри Ани захлопала крыльями, заставляя сердце Маледикта бешено стучать, а кровь пульсировать. Маледикт хотел взлететь, но не мог вырваться из окружения земли и камня. Он всхлипнул — и подавил всхлип, не желая демонстрировать свою слабость.

Джилли всё расскажет Янусу. Янус вытащит его. Они его здесь не оставят. Джилли не поверил, когда Маледикт сознался,

что убил Лизетту. Он придет и станет рассказывать истории, чтобы успокоить Маледикта, рассмешить его. Юноша опустил на камень. Он почувствовал, как что-то легонько давит ему на предплечье. Маледикт просунул в рукав дрожащие пальцы: на конце цепочки болтались карманные часы, на крохотном солнце и море играл слабый свет факелов из коридора. Чтобы не видеть гнетущих стен, юноша вызывал образ моря и небес, и вот уже тихий голос Джилли нашептывал ему небывалые истории...

Ани, оттесненная ужасом Миранды, под тщательным контролем Маледикта начала расправлять крылья, искать путь к спасению.

В дальнем углу камеры один из нападавших на Маледикта мужчин начал биться головой о каменную стену в такт работе воображаемых гребцов. Заключенные застонали во сне. К тому времени, как естественная надобность заставила Маледикта скорчиться, некому было смотреть на него. Громила разбил голову последним резким ударом. Над его поникшим телом поднялись двое приятелей и начали выбивать все тот же смертельный ритм. Одна из женщин завизжала, черные рубцы на ее лице лопнули, когда она прикоснулась к ним. Люди с воплями шарахались от нее. У некоторых тоже стали вздуваться волдыри.

Маледикт взял горшок и спокойно справил нужду, по-прежнему представляя синеву неба и кружащих над головой чаек, которые кричали голосами грачей.

38

С первыми лучами рассвета Джилли поспешил во дворец и проскользнул через живой лабиринт в темную половину королевской бальной залы; там он ходил кругами, пока не появились дворцовые слуги, хлопотавшие по своим утренним хозяйственным делам. Джилли пошел за горничной, что тащила к черному входу охапку мокрого белья. Когда они уже оказались во дворце, путь Джилли заступил не кто-нибудь из старших слуг, а вооруженный гвардеец.

— Ты здесь не работаешь. По какому делу? — спросил гвардеец.

— Записка для Януса Иксиона, лорда Ласта, — ответил Джилли.

— Можешь оставить ее у главного входа, — сказал гвардеец. Потом взглянул еще раз на Джилли и нахмурился. — Постой-ка, я тебя знаю. Твой господин — Маледикт. Я видел, как ты входил и выходил из его дома.

Джилли кивнул: любой другой ответ после затянувшегося нерешительного молчания показался бы ложью. Он был удручен собственной некомпетентностью: не узнать гвардейца, которого видел не один раз. Ведь подмечать подобные вещи входило в его обязанности. Джилли надеялся, что гвардеец окажется не в курсе нынешнего положения Маледикта или хотя бы не посчитает арест достаточным основанием, чтобы не позволить передать записку.

Гвардеец сказал:

— Покои Иксиона рядом с детской. Найдешь дорогу?

— Да, — соврал Джилли, сочтя за лучшее притвориться, будто знает дворец. И он побрел прочь, чтобы не дать гвардейцу времени передумать и решить, что Джилли — невелика птица, может и подождать Януса. Нет, только не теперь, когда Маледикт брошен в темницу.

— Эй, ты, — окликнул гвардеец. Джилли обернулся. — Иди по черной лестнице, как все слуги. — И он указал на низкую дверь, которую Джилли только что миновал.

Джилли пригнул голову и оказался на половине прислуги. Лакеи и горничные ютились в каморках, перемещались по тесным коридорам. Темная и узкая лестница мучительно круто поднималась, потом внезапно поворачивала. В лицо Джилли пахнуло жаром — вероятно, он только что миновал камин. Джилли замешкался, пытаясь мысленно представить себе расположение покоев дворца. Джилли совсем не хотелось встречаться с Янусом. И не пришлось бы, если бы не тот факт, что, когда он отправился на поиски антирских грессбухов, дабы выменять на них свободу Маледикта, выяснилось, что они исчезли.

Поскольку грессбухи были спрятаны в нишах спальни Маледикта, Джилли ни минуты не сомневался, что Янус воспользо-

вался ими в собственных целях. Не имея возможности повлиять с их помощью на короля, Джилли попытался подкупить непосредственно начальника тюрьмы, но тот отказался брать деньги. И теперь оставалось молить о помощи убийцу Лизетты, человека, который обеспечил собственную безопасность за счет бедствий Маледикта.

Вдоль позвоночника Джилли вкупе с ненавистью прокатывались волны страха. Если Янус и прежде считал его виновным в приступах гнева, свойственных Маледикту, что придет ему в голову теперь, когда он узнает об аресте?

«Будь настороже, — шепнул себе Джилли. — Будь осмотрителен».

Дверь детской он вычислил по простому присутствию двух гвардейцев с обеих ее сторон. На этих гвардейцах были кольчуги, а из оружия, кроме мечей, у них имелись пистолеты. Джилли вздрогнул. Арис понимал, что угроза жизни ребенка по-прежнему реальна. На краткий миг Джилли даже обрадовался тому, что Маледикт заточен и исполнение смертоносного плана отложено. Но ведь он сам пришел, чтобы освободить своего господина...

— Янус Иксион. — Несмотря на все усилия, Джилли не смог сдержать неприятного рыка в голосе. Он ожидал, что гвардейцы позволят ему проследовать дальше по коридору, к покоям Януса, но они, окинув Джилли беглым взглядом, распахнули дверь в детскую.

Неуправляемые эмоции Джилли, страх, ненависть и беспокойство — все отступило перед одним более простым чувством: любопытством. Значит, вот как живут королевские дети. Комната, несколько удлиненная, поражала роскошью — куда там особняку Ворнатти! Всюду были дорогие ковры, на окнах — расшитые золотом портьеры. Кроватка из красного дерева, такие же кресла, множество книг в кожаных переплетах, с золотыми пряжками...

Ковры с алыми, лазурными, золотыми узорами лежали на полу толстым слоем, чтобы даже самый неуклюжий ребенок не ушибся при падении. Окна, забранные железными решетками, выходили в сад. Но даже решетки охватывал стеганный бархат — упаси Баксит, наследник поранится. Каминный экран нельзя

было сдвинуть и тем самым получить доступ к огню — похоже, на всякую блажь принца или умысел врагов короны имелась своя мера предосторожности. Напротив окон помещался зеркальный шкаф.

Возле шкафа, на полу, объект неусыпной заботы, принц Адиран, играл в кубики. Зеркала множили скучающую, недовольную гримаску мальчика. Сидевший тут же мастифф оскалился на чужака, но на полпути передумал нападать.

Разумеется, Джилли слышал об Адиране и давным-давно поделился тем, что знал, с Маледиктом. Сплетни о королевском сыне, будь они произнесены все одновременно, достигли бы ушей каждого обитателя королевства. Но Джилли впервые видел мальчика так близко. Тень сомнений закралась в его мысли: Адиран казался вполне здоровым и полноценным. И тут мальчик поднял на него такой бессодержательный взгляд, что Джилли едва не поперхнулся.

Адиран встал и подошел к нему, как боязливый щенок, довольный и неуверенный одновременно. За его спиной сверкнули, распахиваясь и рассыпая отражения, зеркальные дверки шкафа.

— Он думает, что ты слуга, который принес ему утреннюю конфету, — объяснил Янус, остановившийся в обрамлении зеркал.

— О, — растерялся Джилли, когда Адиран начал дергать его за карманы и наконец продемонстрировал пустую ладонь. Джилли послушно порылся в карманах, но вместо конфеты нашел лишь монетку. Пальцы нащупали что-то гладкое и прохладное, и он вытащил находку, чтобы взглянуть на нее. То был фарфоровый кукловод, менее прочих марионеток пострадавший от приступа ярости Маледикта — только глазурь кое-где откололась при падении из чердачного окошка. Джилли подал Чернокрылую Ани Адирану; мальчик осторожно взял ее за крылышки и рассмеялся. Вернувшись к своей постройке из кубиков, он водрузил куклу на самый верх.

Джилли смотрел на мальчика, с ужасом ощущая на себе взгляд Януса и чувствуя кипение собственного гнева, столь неподобающего в детской.

— Стало быть, ты явился, чтобы подарить малышу Ади игрушку, которая определенно не понравится Арису. Или есть другие причины?

— Маледикта арестовали. Ночью его увезли в «Камни». Эхо позаботился о том, чтобы одними деньгами его было не освободить. Охрана отвергла мое предложение, не моргнув глазом. Необходим рычаг, который удивительным образом исчез. — Джили повернулся, желая увидеть реакцию Януса на свою откровенность.

— Я позабочусь о том, чтобы Эхо выпотрошили и раскидали в порту на корм чайкам, — яростным шепотом проговорил Янус. — А ты — где был ты, если позволил подобному произойти?

Джили, не привыкший врать, на сей раз не погнушался ложью, преследуя две цели: защититься от гнева Януса и хоть немного уколоть его в ответ на его поступок.

— У Лизетты. Чтобы попытаться хоть чем-то облегчить ее уход из жизни.

— Ты не должен был его оставлять, — сказал Янус.

— Ему нужен ты, а не я. А ты здесь. — Голос Джили сорвался от горечи, а губы Януса растянулись в улыбке. Джили стер эту улыбку последующей речью. — Скажи мне, Янус, ты купил свое положение с помощью грассбухов? Обменял безопасность Маледикта на свою власть?

— У меня не было особого выбора. Маледикта погубила его нетерпеливость. Что хорошего, если я рухну вместе с ним?

— Ани слишком жестоко управляет им — он не умеет терпеть и слушать доводы разума. Полагаю, тоже твоих рук дело. — Дразнить Януса было неразумно, но Джили никак не мог остановиться; хуже того, не мог вызвать реакции, на которую рассчитывал — чувства вины.

— Маледикт и Ани — не одна и та же сущность. Нехватку терпения Маледикт должен компенсировать доверием. Только он не понимает... — Янус обернулся, взглянул на крошечного, свернувшегося калачиком Аурана. — Опекун графа — не так уж далеко от графа. К тому времени, как Ауран вырастет, чтобы принять титул, многое может измениться. Мальчики в этом возрасте ужасно неосторожны. Бешеные гонки в экипажах, дуэли, пьянство в опасных районах города... Будет поистине удивительно, если он

переживет хотя бы год своей молодости, как ему удалось пережить крушение кареты.

У Джилли перехватило дух от безмятежности, разлитой в бледных глазах Януса, от его вкрадчивого голоса. Ведь должно быть некое внешнее пятно, некий намек на таящуюся внутри порочность. Но, хотя Джилли знал Януса как облупленного, хотя у него имелись неопровержимые доказательства подлой сущности Януса, отделаться от первого впечатления было почти невозможно. В детской стоял уставший от жизни юный аристократ с приятными манерами.

Бессердечие, с каким Янус спланировал дальнейшую судьбу Ауруна, потрясло Джилли, однако он не дал отвлечь себя от более насущной проблемы.

— А как же Маледикт? Ты освободишь его — или и он пал жертвой твоих интриг?

— Не надо оскорблений, — нахмурился Янус.

— Тогда тебе лучше поскорее отправляться, — сказал Джилли. — Накинуться на них, подобно карающему боже-ству, и спасти Мэла, пока они не решили, что влияние твое зыбко, происхождение сомнительно, а карманы пусты, хоть ты и королевский племянник.

Янус сжал кулаки.

— Ты подражаешь тем, кто выше тебя, Джилли. Твой язык недостаточно остер.

Джилли не успел возразить: гвардейцы отворили дверь — не приоткрыли, а распахнули широко, отступив назад.

В комнату вошел Арис, одетый по-домашнему: из-под халата виднелись панталоны и белье. Адиран крикнул «Папа!» и бросился к королю.

Джилли с трепетом упал на колени, а когда поднял глаза, встретился с изучающим, удивленным взглядом Ариса — как будто король много думал о его господине, Маледикте.

Усталость и морщины, избороздившие лицо короля, заставили виноватое сердце Джилли подпрыгнуть. Скольким из этих морщин помог появиться он?

— Значит, ты явился с вестью, — проговорил Арис.

— Да, сир.

— Тогда ты выполнил свое обязательство, и мы тебя больше не задерживаем, — сказал Арис.

Джилли поклонился и, потрясенный, отчаянно обеспокоенный, побрел назад к черной лестнице.

Снова оказавшись на тускло освещенных ступенях, Джилли задумался, глядя на другие двери — ведь они вели и в другие комнаты. Когда-то Джилли, вместо того чтобы нанимать шпионов, сам зарабатывал карманные деньги, собирая тайны, оставаясь незаметным и тихим, подкрадываясь и вынюхивая. Не надо было прекращать этого занятия, с горечью подумал он. Его должны были предупредить о том, что подписан ордер на арест Маледикта; либо шпионы были разоблачены, либо записка перехвачена — в любом случае виноват Джилли, и никто больше.

Он попытался рассудить, через какую дверь можно пробраться, чтобы подслушать беседу Януса с королем. Джилли приоткрыл ближайшую дверь — ту, что наверняка вела в покои Януса, очевидно пустые. В комнате царили прохлада и полумрак. Джилли прислушался, но не уловил никаких посторонних звуков. Он прислонился к внутренней стене возле очага; вдруг одетая в белое горничная, которую в полумраке он принял за занавеску, пискнула от неожиданности. Джилли прикрыл ей рот рукой.

— Тсс, я здесь для того, чтобы послушать. Как и ты.

— Это единственный способ, — тихо проговорила девушка. — У вон того вспыльчивый характер, если не побережешься; так что лучше заранее знать, в каком он настроении.

— Король? — спросил Джилли, хотя заранее знал ответ.

— Нет, король нас вообще не замечает; а вот ублюдка надо остерегаться.

Джилли приник к стене, и слова горничной потонули в гуле голосов, пробивающихся сквозь слой кирпича и штукатурки.

— ...взять под стражу и наложить арест на имущество, — проговорил Арис.

— С вашего согласия? Эхо самоуверен, но не настолько, — усомнился Янус.

— С моего согласия, — подтвердил король; Янус шумно выдохнул. — Маледикт не избежит наказания, Янус.

— Я обеспечу его освобождение.

— Это невозможно без моего позволения.

Джилли скрежетал зубами, судорожно соображая, кого можно подкупить или шантажировать, а если ни то ни другое не удастся, как освободить Маледикта, не имея позволения короля.

— ...тюрьма, — сказал Янус едва слышно. — Неужели нет альтернативы.

— Хочешь взглянуть? — предложила горничная.

Джилли опять кивнул. Девушка осторожно вытащила один из кирпичей.

— Дыру заметят, — запротестовал Джилли, кладя ладонь на ее руку и останавливая движение.

Горничная прикрыла ему рот ладонью, шершавой от кирпичной пыли, и покачала головой. Полностью высвободив кирпич, она положила его на пол.

Перед мысленным взором Джилли возникла детская; хоть Джилли недолго рассматривал комнату, он вспомнил широкий каминный экран, который выходил далеко за пределы очага и перекрывал часть стены.

Джилли заглянул в отверстие и увидел, что король и Янус стоят у колыбели. Теперь их разговор был слышен отчетливее.

— Янус, не волнуйся ты так, — проговорил Арис. — Я вовсе не собирался держать его там долго. Несколько дней в одиночной камере — и Маледикт будет как шелковый. Ну, почти как шелковый.

Лицо Януса, видимое сквозь резной экран, было неподвижно словно мрамор, глаза пусты, как у Адирана. Выражение его лица что-то напомнило Джилли.

— Дядя, вы не просветите меня относительно ваших планов? — полюбопытствовал Янус.

— Маледикт будет жить, — сказал Арис. — Хотя из практических соображений для тебя он умрет. На северном побережье есть деревня под названием Эннисер. Там холодно и пустынно, зато у меня там уютное имение. Я отошлю Маледикта туда, назначу ему содержание и обеспечу прислугой, которая станет потакать его капризам — а заодно следить за ним в оба. Там он тоже будет в тюрьме — только гораздо более приятной,

чем «Камни». И ты никогда больше его не увидишь. — Король поднял руку, как будто защищаясь от возможных возражений Януса. Лицо юноши застыло, словно озерная вода зимой. — Маледикта следовало бы повесить.

Янус выдохнул.

— Могу я, по крайней мере, забрать его из тюрьмы, сказать, что вы для него сделали?

— Я бы предпочел...

— В последний раз, когда мы с ним виделись, дядя, мы подрались. Неужели вы откажете мне в возможности попросить у него прощения? Чтобы сохранить друг о друге добрую память? — Жилы на шее и руках Януса побелели: он посмел перебить короля.

Арис приподнял лицо юноши, заглянул в распахнутые глаза в поисках признаков неповиновения; потом кивнул.

— Хорошо, я позволю тебе свидание. Короткое. Тебя будут сопровождать гвардейцы — на тот случай, если нрав возьмет над ним верх.

— Спасибо, дядя, — с чувством произнес Янус. Джилли ужаснулся чистой голубизне его глаз. Он невольно сравнивал ее с эйфорией в глазах Маледикта, когда тот решался на убийство.

— Не благодарю меня, — отозвался Арис. — В подобном случае мне стоило бы последовать совету Мишеля. Маледикт не вписывается в цивилизованное общество. Женись, Янус. А если тебя так тянет к мужской плоти, заведи любовника, только не столь склонного к нанесению увечий и более осмотрительного. — Губы короля напряженно сжались, потом расслабились. — Янус, все это к лучшему. Советнику не пристало иметь подобного приятеля.

— Как вам будет угодно, — отозвался Янус. Взгляд юноши напомнил Джилли вспышку; он удивился, как это король не видит опасности. Как не чувствует ярости, безжалостно загнанной в самые глубины сердца, до тех пор, пока Янус не найдет, на ком ее выместить.

Джилли задвинул кирпич на место, сдерживая дрожь в руках силой еще большего страха: что от одного неверного движения кирпич заскрежест, и Янус заметит его.

— Лучше держись от него подальше, — посоветовал Джилли горничной.

— Ничего страшного, — отозвалась девушка. — Этот взгляд мне знаком. Ты сам найдешь дорогу на улицу?

— Я приехал в карете, — ответил Джилли.

— Ты же тот самый, — проговорила девушка. — Значит, твой хозяин хорошо к тебе относится. Жаль, что ему больше не нужна горничная.

Джилли чмокнул ее в щеку, и девушка, хихикнув, повела его вниз по лестнице. Каждая ступенька, рассеянно думал он, приближает его к Маледикту. Хоть Арис и собирался послать в Эннисер собственных слуг, наверняка Джилли позволят остаться на службе у его господина. И все же ощущение счастья имело горьковатый привкус: несомненно, какой бы изящной и уютной ни была клетка Маледикта, он будет метаться в заточении, сводимый с ума Ани. А что до мечты Джилли о Приисках, то ей суждено быть погребенной в его груди.

Он привалился к темной стене, пытаясь преобразовать мешанину облегчения и ликования, боли и огорчения, страха и сомнений в некое удобоваримое чувство — и не преуспел. Тянулись долгие минуты, и наконец Джилли покинул черную лестницу и направился к конюшне.

Дверца кареты оказалась распахнутой. Джилли удивленно остановился; пока он топтался в нерешительности, из экипажа вышел Янус.

— Ты не особенно торопился, — заметил он. — Залезай.

— Я пройдуся, — возразил Джилли, недоверчиво уставившись на улыбку Януса.

— Ты что, не желаешь помочь Маледикту? — спросил Янус. В его глазах снова пронеслись искры бури.

— Что-то я не вижу обещанных Арисом гвардейцев, которые должны сопровождать тебя до тюрьмы, — сказал Джилли.

— Ты еще и подслушивал, — беззлобно сказал Янус. — Ты нас задерживаешь. Я думал, ты уже гонишь лошадей, надеясь один разделить с ним ссылку.

Джилли не ответил, опасаясь жгучего света в глазах Януса — света, который не спешил угасать.

— Едем же. У меня полно дел. Прежде чем освободить Мэла и вверить его заботам Королевской гвардии, я бы хотел навеститься в особняк и спасти то, что можно. Допускаю, что во владениях короля всего достаточно, однако у Маледикта свои пристрастия.

— Ему понадобится меч, — сказал Джилли, вспомнив об оружии, которое дожидалось возвращения хозяина.

— Разве Эхо не конфисковал его? — удивился Янус.

— Маледикт отдал меч на хранение мне, — сказал Джилли.

Янус задумчиво коснулся собственного меча.

— Ну, я не стану отнимать у него игрушки. Мы заберем меч и загрузим карету вещами Мэла, пока еще не поздно. Или ты хочешь объяснять Маледикту потом, в ссылке, как вышло, что до ближайшего портного сотня миль и что ему придется теперь обойтись без любимого камзола? — Янус взобрался обратно в карету и, развалившись на сиденье, сказал. — Полезай на козлы, Джилли, и трогай.

Джилли, облегченно вздохнув оттого, что не придется оставаться с Янусом один на один в карете, послушно влез на место кучера. Когда они подъехали к особняку, оказалось, что в конюшне Маледикта не осталось ни одной лошади. На двери дома красовалась печать Эхо, но Джилли ее проигнорировал. В прихожей на мраморном столике, где обычно скапливались карточки с приглашениями, покоился меч, словно тоже ждал ответа.

Янус поднял меч, не вынимая его из ножен, и выругался, когда оперенная гарда оцарапала ему руку сквозь лайковые перчатки. Его голос гулко отдавался в доме — но тени в ответ безмолвствовали. Джилли заглянул в кухню: кухаркины пожитки исчезли. Он задумался, у кого на службе окажутся теперь юные горничные, и почувствовала ли хитрая, как крыса, Ливия надвигающуюся бурю и подыскала ли для себя новое место.

Янус вошел в кухню вслед за Джилли, гулко стуча каблуками по каменному полу.

— Объясни мне одну вещь, Джилли. Каким образом Маледикт мог отдать тебе меч, если тебя здесь не было? — Внезапно ворвавшаяся в кухню буря застала Джилли врасплох. Янус ткнул его зачехленным мечом Ани с силой, достаточной, чтобы сломать ребра. Джилли отпрянул и споткнулся о каминный коврик.

— Ты позволил схватить Маледикта, а винишь в этом меня? — спросил Янус. — Он был бы сейчас на свободе, он бы всех гвардейцев своим мечом раскидал. А ты — как тебе это удалось? Ты что, опять опоил его?

Джилли ответил:

— Они бы убили его, Янус. Так он, по крайней мере, жив.

— Убили бы его, когда раны на нем заживают, когда его кровь исторгает яд? Я привел в движение собственные планы, а тебе нужно было вмешаться. Теперь ты вместе с ним отправляешься на север в ссылку? Да, Мэл говорил, что ты умен. Это все ты подстроил? Итарусинцы славятся способностью просчитывать все ходы, а ведь тебя учил Ворнатти... — Отбросив меч Маледикта, Янус обнажил собственный. Джилли схватил мраморную скалку и принял удар на нее. Меч со скрежетом соскользнул, и Джилли швырнул скалку в Януса, а сам отскочил.

Отвлекшись на клинок, он пропустил удар рукой. Затрещина прилась ему в шею и плечо, окатила болью и выбила из равновесия. В отчаянии Джилли бросился вперед и ударил с такой силой, что разбил костяшки собственных пальцев и раскроил губу Янусу. Захваченный яростью и полный решимости расквитаться с Янусом хотя бы за минуту той боли, что погубила Лизетту, Джилли забыл, что противостоит человеку с мечом.

Голова Януса качнулась от удара. Он сплюнул кровью в Джилли и проговорил:

— Дурак. Таким способом ты ломаешь руку быстрее, чем причинишь мне вред.

Кулак Джилли опять взлетел; Янус, используя ускорение его тела, не увернулся — оба полетели на пол, попутно сокрушив кухаркин ветхий табурет. Перекатившись так, чтобы оказаться сверху, Янус вдавил колени в живот Джилли, прижал его к полу и, отбросив меч, стал нащупывать руками шею противника.

Джилли порядком устал; от тяжести Януса на своей груди он начал задыхаться. Он оттолкнул руки Януса, едва не сломав ему большие пальцы. Янусу пришлось ослабить хватку. Тяжело дыша, Джилли пытался скинуть с себя противника. Он едва успел увернуться от удара локтем, направленного ему в лицо.

Янус, обхватив руками голову Джилли, принялся бить ею о пол, потом о каминную решетку. Комната закружилась, перед глазами Джилли возникла черная воронка. Когда зрение вернулось, Джилли увидел, что Янус возвышается над ним. Юноша пнул его в челюсть, снова вызвав головокружение. Джилли понимал, что должен подняться, но едва он попытался перекатиться, чтобы встать на четвереньки и дотянуться до одного из мечей, как ощутил очередной удар в плечо.

От следующего пинка треснули ребра; Джилли упал на живот. Кровь чувствовалась во рту, заливала глаза. Джилли зашевелился, снова сделал попытку принять вертикальное положение; кухня стала кружиться и опускаться, как будто он был на тонущей галере, а не на твердой земле.

Тут же он пошатнулся от взрыва боли в боку. Ему едва удалось не упасть; предпринимая очередную попытку медленно подняться, хватаясь за ножки стола, Джилли размышлял, когда наконец Янус вспомнит о мече. Очередной удар, на сей раз в коленную чашечку, — и Джилли вновь извивался от боли. Перед глазами возник узкий темный туннель, в следующую секунду очертания комнаты вернулись на свои места. Боль накатывала, словно морской прилив, и Джилли с трудом мог разглядеть Януса, стоявшего над ним, раскаленного словно пламя. На губах Януса играла победная улыбка.

Джилли понял, что терять нечего; это придало ему сил, чтобы выговорить: «Маледикт».

— Я собираюсь швырнуть тебя в море. Он решит, что ты его бросил, забрал его деньги и сбежал в Прииски. И возненавидит тебя за это, — проговорил Янус.

Джилли кое-как встал, опираясь руками на колени, одно из которых пылало болью, и проговорил:

— Будь ты проклят. Маледикт будет знать, что все не так.

Янус на миг замешкался, и Джилли, спотыкаясь, заковылял к кухонной двери — он еще надеялся встретить свидетеля, пусть даже королевского гвардейца или Эхо. Уловив тихий шелест металла за спиной, Джилли принялся шарить в поисках дверной ручки; железо заскользило в пальцах. В этот миг Янус вышел и встал позади него, терпеливый и безумный, словно волк-одиночка. Он поднял меч. Джилли закрыл глаза и шепнул: «Маледикт».

Дверь в общую камеру открылась, и Маледикт поднял взгляд. Он восседал на груде тел сокамерников, умерших ночью. Дамастес захлопнул за собой дверь, и Ани, которая заметила темные рубцы на его лице, захохотала через горло Маледикта, обагрывая кровью его губы. Над ним, в других камерах, люди визжали и рыдали, по мере того как ликование Ани поднималось сквозь тьму и проникало в их сны.

В коридоре послышался шум ожесточенного спора, а потом дверь снова отворилась.

— Ну и беспорядок ты тут устроил, — проговорил Янус, небрежно подкидывая на ладони ключи от камер. — Дамастес заперся в своей квартирке — наверно, забился в угол и бормочет что-то о крысиной лихорадке и чертях; королевские гвардейцы вообще отказались заходить в камеру. А ты сидишь тут и смеешься. — Его голос, хоть и беззаботный, все же сохранял следы нервной дрожи.

— Янус. — Сработала старая магия имени, принося с собой часть безумия. Запоздало почувствовав отвращение, Маледикт прыгнул со своего сложенного из трупов трона.

— Я принес твой меч, — сказал Янус. — Подумал, вдруг ты захочешь воспользоваться им после освобождения.

Маледикт пошел к стоявшему на пороге Янусу, с каждым шагом становясь все больше самим собой. Он взял меч, поморщившись при виде крови на своей коже.

— Надеюсь, Джилли уже набирает ванну. И я больше никогда не надену серое, как бы Джилли ни уговаривал: слишком уж похоронный цвет. — Маледикт произносил слова четко, стараясь вернуть маску аристократа, но обнаружил, что она больше ему не впору.

— Ты не ранен? — спросил Янус.

— Нет. Кое-кто из присутствующих здесь не может сказать о себе того же. И еще мне надо получить свои вещи.

Янус вытащил его в коридор и обнял.

— Этот начальник тюрьмы, как его — Дамастес? Он ничего не узнал?

— Нет. — Маледикт задрожал в объятьях Януса. — Идем отсюда. Я хочу увидеть небо. — Слезы текли по лицу Маледикта, оставляя светлые дорожки на грязи и крови; юноша заметил их лишь тогда, когда они попали ему в рот, колкие от пыли.

— Ну конечно, — отозвался Янус, целуя его в губы и все медля с выходом.

Маледикт прильнул к Янусу, вдыхая чистое солнечное тепло на его коже, ощущая сладость его языка. Безумие Ани отступило еще дальше, дрожь усилилась.

— Янус, вызови врача.

— Ты же вроде не ранен? — Янус отстранил Маледикта на расстояние вытянутой руки.

Маледикт скорчился под пронизывающим взглядом.

— Не для меня — для узников. Не представляю, что я на них напустил.

— Это вспышка крысиной лихорадки. Такое довольно часто случается в тюрьмах. Ты же не ведьма, Мэл, одержим ты богиней или нет. А они — они ничто, — проговорил Янус. — Им так и так суждено гнить. А теперь идем, Мэл, прогоним твое неразумное беспокойство и осушим слезы — или же ты хочешь, чтобы Дамастес их увидел?

Вспомнив, что предстоит встреча с врагом, Маледикт вздохнул и отринул отравляющее чувство вины — пусть Ани растворит вину в чистом жару Своей ненависти — «Он засадил нас в подземелье». Его пальцы сжали рукоять меча; рот растянулся в голодной ухмылке.

— Почему бы, — начал Янус, — мне не побеседовать с Дамастесом и не забрать твои вещи? А ты подожди в карете.

— Гвардейцы короля, — проговорил Маледикт; смысл слов доходил до него с трудом, как будто он до сих пор не освободился от ночных кошмаров. — Что они здесь делают?

— Ты в самом деле думал вовсе избежать наказания? — удивился Янус. — Городской особняк для тебя закрыт. Гвардейцы сопровождают тебя в гостиницу и будут следить, чтобы ты ее не покидал. Мы лишь меняем одну клетку на другую, — с нескрываемой горечью сказал Янус.

— Я не могуечно жить в гостинице, — возразил Маледикт. — Что задумал Арис?

Янус подгонял Маледикта вверх по лестнице, не отвечая, а Маледикт, покрытый грязью и каменной пылью, желал одного — спастись, снова вернуть себе небо.

— Ты смотри-ка, — смеясь, проговорил Янус. — Дамастес, оказывается, не такой уж дурак.

Вещи Маледикта посверкивали в тусклом свете, сваленные возле двери. Юноша схватил их и передал Янусу, предпочитая держать меч наготове.

Очутившись под послеполуденным солнцем, Маледикт зажмурился. Гвардейцы возле кареты Ластва вытянулись по стойке «смирно», но при виде обнаженного клинка в руке юноши дружно попятились.

— А где Джилли? — спросил Маледикт. — Я был уверен, что он ждет меня здесь.

Янус помог ему сесть в карету, и Маледикт подобрал ножны, оставленные на сиденье.

Янус велел кучеру трогать и устроился рядом с Маледиктом. Мимо окна проскакал гвардеец, и юноша мгновенно положил ладонь на гарду меча.

— Забирай свои безделушки обратно, — сказал Янус, отвлекая Маледикта от раздумий о побеге и убийстве.

Ему пришлось выпустить меч, чтобы не дать россыпи мелких драгоценных камней и монет раскатиться по полу. Маледикт с недовольным видом принялся сортировать пуговицы и запонки, вытащил из горсти монет булавку для галстука. Карманные часы снова выпали ему в ладонь, и он принялся раскручивать их на цепочке, любуясь игрой света.

— Ты так и не ответил. Где Джилли?

Молчание Януса чуть затянулось — ровно настолько, чтобы заинтересованность Маледикта переросла в беспокойство.

— Янус, говори.

— Я не видел его, — сказал Янус и постучал по часам в руках Маледикта, заставляя их раскачиваться. — Когда Арис сообщил мне о твоём аресте, я отправился в дом на Дав-стрит, чтобы собрать твои пожитки. Особняк оказался пуст. Не осталось ни

одной живой души, и в комнатах явно шарили. Твои гроссбухи, разумеется, тоже исчезли. Я говорил тебе, что ты доверяешься не тем людям.

— Джилли, — прошептал Маледикт, и это имя внезапно отозвалось болью в сердце. Ани, отвлеченная от созерцания неба, сунула в рану коготь, изучила ее — и отвернулась: из раны нечего было извлечь. Боль в сердце Маледикта уже уступила место осторожной надежде. Джилли вернется.

— Он сбежал. Даже не сомневайся. Ушел в море, как часто грозился.

Янус наблюдал за перемещениями гвардейцев возле кареты. Маледикт развернул его лицом к себе и вгляделся в невинные голубые глаза. У него сжалось сердце. Роуч, Селия, Элла — все они оказались беспомощны перед Янусом.

— Ты... Ты убил его?

— Да брось, Мэл! — Янус рассерженно сдвинул брови, губы сжались в узкую полоску. — Я молил Ариса отпустить тебя, давал ненавистные мне обещания, которые придется выполнять, а ты спрашиваешь, не убил ли я твоего слугу? Я не убивал. К счастью, он решил, что наш путь слишком суров для его изнеженного сердца.

— Лизетта умерла, — проговорил Маледикт. — Якобы от моей руки. Зачем ты это сделал?

Янус бросил еще один взгляд в окошко и склонил голову.

— Ты знаешь, зачем. Чтобы наказать Джилли — ведь ты не позволяешь мне и пальцем его тронуть. Ты должен радоваться моей сдержанности. И почему ты в первую очередь направился в бордель...

— Ты убил Эллу и скрыл от меня... Терпеть не могу, когда ты что-то скрываешь, — сказал Маледикт. Он всё ждал. Однако Янус лишь раздраженно повел плечами, и тогда Маледикт спросил: — Что замышляет Арис? Что-то тебе очень не нравится об этом говорить.

— Арис решил сослать тебя в Эннисер, — ответил Янус. — Ты должен жить в имении, укомплектованном штатом гвардейцев.

Маледикт попытался представить себе карту, прикинуть, сколько миль от Эннисера до столицы, но его познания в географии были весьма поверхностными. Ворнатти обучал его ориентироваться в городе, в модных элачных местах. Янус рассказывал ему об Ита-руссе, а Джилли навевал сладкие сны описаниями Приисков. Эннисер не вызывал у Маледикта никаких ассоциаций — так, нечеткое пятно на незавершенной карте мира.

— А чего он хочет от тебя?

— Я остаюсь рядом с Арисом и продолжаю осуществлять наши планы.

— Свои планы, — поправил Маледикт. — Мой план всегда был прост — его начертало божество. Убить графа Ласта и вернуть тебя. И я по-прежнему должен сделать первое из двух. Тот младенец до сих пор жив...

— Послушай, Мэл, — перебил Янус. — Послушай же меня. У меня есть план. Ты прав. Маледикт погублен. Так что пусть Арис отправляет тебя в Эннисер, наберись еще немного терпения. Я знаю одного черноволосого и белокожего мальчишку, который отдаленно похож на тебя. Мы убьем его, бросим его тело в Эннисере, а ты можешь снова стать Мирандой и вернуться ко мне.

— Ты глупец, — сказал Маледикт. — Миранда с хриплым голосом, отчетливым шрамом на подбородке и без всякого прошлого? С королем можно играть в куклы, и все же он не настолько не в своем уме. — Маледикт никак не мог свести воедино все нити своего аргумента: они словно рассыпались от холодного расчета в глазах Януса, от цокота копыт снаружи, от вида полоски крови на губах возлюбленного. — У тебя идет кровь.

— Ты ударил меня, разве не помнишь? — удивился Янус.

Кровь явно не позавчерашняя, подумал Маледикт, но и эту мысль унес трепет крыльев внутри. Над каретой кружили грачи, насылая на небо раннюю темноту.

— Где Джилли? — опять спросил Маледикт.

Карета подъехала к гостинице; лошади неуверенно перебирали копытами, пока гвардейцы о чем-то совещались. Наконец двое спешили и встали с двух сторон от Маледикта. Так они и поднимались по лестнице — Янус сам по себе, а Маледикт под конвоем. Хозяин за стойкой тайком начертал в воздухе знак против злых сил, и Маледикт одарил его широким оскалом.

— Третий этаж, — приказал один из гвардейцев, — идите перед нами.

Маледикт безропотно вошел в номер. Жилище оказалось довольно просторное: спальня, лакейская, гостиная и ванная. Он подошел к окну, отодвинул занавеску и выглянул.

— Балкона нет. Сетки для растений тоже.

— Это тюрьма, Маледикт, — сказал Янус, уселся на кровать и раздраженным жестом отослал гвардейцев. Дверь закрылась, но Маледикт расслышал негромкий звон колючуг: охрана осталась сторожить снаружи.

— Несомненно, — согласился юноша, опуская занавеску. — Так когда меня повезут на север?

— Завтра... — начал было Янус, но осекся, услышав недовольный рык Маледикта.

— Так скоро? — Он принялся расхаживать по комнате, приглушенно стуча каблуками по устланному ковром полу. Меч на его бедре свободно раскачивался. — И насколько?

— Пока Арис...

— Что? Пока Арис не умрет? — хрипло выкрикнул Маледикт в тишине комнаты, и Янус прижал ладонь к его губам.

— Тише, — проговорил он. — Под дверью гвардейцы.

— Ты отбираешь у меня все, — сказал Маледикт. — Я хотел убить графа — и ты мне не позволил. Я хотел вернуть тебя. И вот ты уходишь, потому что король тебя об этом просит. Почему мы не можем просто бежать? Убить гвардейцев и броситься наутек?

— Ласт не убегает, а побеждает, — заявил Янус.

Маледикт зашипел.

— Значит, игра во власть тебе дороже, чем я.

— Нет, не дороже... — запротестовал Янус. — Мне нужно и то и другое. Ты должен набраться терпения. Предоставь мне возможность строить планы, раз уж твой здравый смысл почил вместе с Амарантой. Верь мне. Я завоюю победу. И мы оба станем богатыми и могущественными.

— У меня в голове все перепуталось. Сплошные клювы, крылья и кровь... Где Джилли? Он поможет мне, — проговорил Маледикт, рухнув на перину.

Янус поцеловал его в лоб.

— Ты слишком устал, переутомился. Тебя нельзя было заточать в «Камни».

— Только не в подземелье, — проговорил Маледикт. — Крыльям нужно небо.

— Я имел в виду не только общую камеру, но всю тюрьму, — поправил Янус. — Но скоро тебе воздастся сторицей за все твои мучения. Я обещаю.

Маледикт кивнул. Слова Януса окатывали его, словно пение певчих птиц: успокаивающие, но бессмысленные. Маледикт позволил раздеть себя, как ребенка, и покорно стоял в ванне, пока Янус губкой стирал с его тела грязь «Камней». Запустив пальцы в светлые кудри, он поцеловал Януса в губы и позволил рассудку позабыть обо всем. Янус уложил Маледикта в постель и принялся целовать, ласкать, утешать. Маледикт крепко обнял возлюбленного. Некоторое время спустя Янус ушел, а Маледикт остался сидеть у окна и смотреть в небо.

Джили то и дело украдкой пробирался в его сознание: серьезные глаза, озабоченное, немного хмурое выражение, в последнее время не сходившее с его лица. Образ Джили затмевал лишь Янус, и оттого в душе Маледикта поднималась волна боли. Он не мог удержать в сознании обоих одновременно; стоило ему попробовать — и все заволакивала кровавая пелена.

На другом конце комнаты бормотал и нашептывал что-то меч, пока Маледикт не убаюкал его в своих руках.

— Я сделаю, как обещал тебе. В обмен на меч. Я еще пролью его кровь.

Грачи, слетевшиеся на крышу гостиницы, постепенно угомонились.

40

Джили проснулся от ощущения морской качки и едкого запаха соли и просмоленных веревок. Открыв глаза, он увидел только зыбкие тени и не менее зыбкие отсветы воды на стенах. Всё дрожало и дробилось от пульсирующей в голове боли.

Жив? Почему? Джилли удивился. Ведь в его лице читалось желание убить, а в руках было достаточно силы, чтобы осуществить желаемое.

Джилли попробовал подняться, но руки и ноги одеревенели и отказывались держать его. Он повалился лицом вниз, окунувшись в темную воду. Панический страх вывел Джилли из оцепенения. Он с трудом поднялся (ноги совсем онемели), глубоко вдохнул и оценил ситуацию. Запястья и лодыжки ему перетягивала пеньковая веревка. Он был в трюме. От ужаса у Джилли замерло сердце. Он теперь матрос! Его продали на корабль!

Неужели Янусу было недостаточно просто убить его? Неужели он желал для Джилли страданий? Джилли сидел в темноте; было сыро и промозгло, его тошнило от качки и от странного маслянистого запаха, что расплзался от груды металла, однако Джилли поразился ясности собственного мышления. Янус продал его на корабль за одну-две луны, не больше, чтобы раздутый от денег карман не испортил безупречный покррой камзола. Более того: теперь Янус мог спокойно сказать Маледикту — если тот спросит, — что не убивал Джилли. В конце концов, он отправился в море, подумал Джилли и содрогнулся. Янус проявил не только жестокость, но и остроумие: странные металлические предметы явно предназначались для Приисков — для сооружения какого-нибудь очередного двигателя Вестфолла.

Джилли принялся ослаблять зубами узлы веревки — его едва не вырвало от вкуса смолы и сырой пеньки. Корабль не успел пока уйти в плавание — об этом свидетельствовали шлепки волн о сваи причала и корпуса других кораблей. А у Джилли чуть ли не на каждом пирсе друзья — моряки, грузчики, портовые рабочие — которые наверняка ему помогут. Только бы развязать узлы...

Тени в трюме сливались воедино и вздымались в такт невидимому прибою. В отдалении Джилли слышал переключку команды, подхваченную криками чаек. Тени словно задрожали, вторя этим звукам; головная боль накатила снова, затуманила глаза.

Джилли, сложив руки вместе, усердно вгрызался в узел, пока тот не ослаб. Время на возню с мокрыми петлями на запястьях

Джилли тратить не стал — петли саднили и жгли, но могли и подождать. Он нагнулся и занялся пенькой на лодыжках; из тени бесшумно выпорхнул грач.

Птица опустилась на балку, выступающую из груды железа, и бесшумно сомкнула острые когти. Глаза у грача были матово-черные, пустые, как у куклы; им не хватало сияния жизни. Джилли сглотнул. Птица разинула клюв и распушила крылья — и стала увеличиваться в размерах. Теперь это была уже ворона, рожденная тенью.

— Мэл... — прошептал Джилли. Птица вспорхнула, подлетела к дальней стене трюма и уселась на узкую лесенку, что вела на палубу и на свободу. Птица нетерпеливо захлопала крыльями и заскрежетала клювом о деревяшку.

Джилли опять склонился к веревкам на лодыжках, хотя от этого его головокружение и тошнота лишь усилились. Ему хотелось только одного — лечь. Но он потащился на другой конец трюма, к многообещающей грудке металла: наверняка здесь найдется орудие более подходящее, чем зубы и онемевшие пальцы.

Просмоленные веревки поддавались — прядь за прядью, с умопомрачительной медлительностью; наконец они расползлись. Когда же Джилли поднял взгляд, чтобы разделить радость победы с вороной, оказалось, что он опять один. Стремительное движение заставило его поднять глаза.

— Мэл, — снова выдохнул Джилли. Тень птицы, застигнутая в момент превращения, захлопала громоздкими крыльями, складывая их, и начала вытягиваться и истончаться. Знакомая человеческая фигура метнулась вверх по последним перекладинам лестницы, но, прежде чем выпрыгнуть на палубу, на миг задержалась и оглянулась.

Джилли доплелся до лестницы и одолел первую ступеньку; пот лил ручьями по избитому телу, заставлял его дрожать, словно под покровом инея. Перед глазами стояла пелена, в ушах звенело, Джилли не различал, где запах машинного масла, а где — свежего ветра, веющего из открытого люка. Джилли казалось, что он видит дурной сон и никак не может очнуться.

— Мэл, — прошептал он. Что он делал? Лез в окно к Ласту за безымянным мальчишкой, царапая пальцы колючим вьюном, а

снег залеплял ему ресницы, заставляя смаргивать холодные слезы? Или еще раньше — шел по подземелью, которого никогда не видел, вслед за мальчиком — спотыкающимся, едва выпущенным из-под крыла Ани; обнаженный меч засиял у мальчика в руках, когда он выбрался на улицы Развалин.

— Мэл, — повторил Джилли, подтягивая себя на следующую ступеньку в погоне за хрупким призраком. Время замерло, потом закрутилось, тени и свет замелькали перед его взором — и вот он уже стоял у королевского дворца и смотрел на высокую башню и на стройный силуэт в отдалении. Джилли протянул руки, чтобы помочь — и наткнулся на пустоту. Соленый запах моря пробудил его от видения. — Мэл...

То было не видение, а судьба, которой он желал избежать. На носу корабля толпились матросы, пили перед отправлением в плавание, травили байки, починяли рыболовные сети, которые будут кормить их долгие недели и месяцы. К причалу тянулись сходни — чтобы с легкостью добираться до пивных и борделей.

Когда-то команда корабля показалась бы Джилли неплохой компанией. Теперь он мог думать о матросах лишь как о врагах и надеялся только, что они достаточно пьяны и успели потерять бдительность. Но напиться настолько, чтобы дать ему сбежать прямо из-под носа? Джилли сомневался.

Джилли приник к верхней ступеньке, прижался щекой к просоленной древесине, и стал наблюдать, как пожар заката затухает в море, как по палубе блуждают тени. Он потерял чувство времени. Если бы не созвездие Паука, ожившее в вечернем небе, Джилли поверил бы, что проспал в трюме много-много лет.

Тень — его тень — отделилась от собратьев по палубе и поплыла к Джилли. Теперь она почти не походила на человеческую. Тень истекала кровью, похожей на разбавленные чернила, размывалась по краям. Вот она перенеслась к Джилли, заключила его в холодные и мокрые объятия, и голос, подобного которому Джилли никогда не доводилось слышать, выдохнул, как шрам оставил: *Торопись*.

Джилли отдался на милость тени и побрел, спотыкаясь точно пьяный, по направлению к матросам, к сходням, к манящей безопасности берега. Хотя волоски на коже у него встали дыбом, а

сердце гулко билось, отдаваясь в больной голове, он все же миновал толпу и ступил на сходни. Похоже, матросы ничего не заметили, даже когда ветхое дерево заскрипело и прогнулось под его весом.

Вода под ногами закручивалась странными воронками, темными, со светящейся пеной, будто старалась дотянуться до Джилли своими всплесками. В глазах стоял туман, но Джилли усилием воли разгонял его и смотрел только на причал, только на бледное лицо в тени. Кто-то ждал его у кареты на том конце пирса.

С облегчением Джилли подумал: это приехал Маледикт, чтобы забрать его домой, и в кон-то веки он действует тонко, выманивает Джилли у врагов из-под носа, а не добывает свободу мечом.

Когда Джилли почти добрался до пирса, вода забулрила, подняла волну и обрушила ему на ноги, на лодыжки, соленую воду, смывая тень. Нага с отвращением отверг на удивление тонкую работу Ани.

Джилли заставил себя двигаться дальше и наконец оказался на убранных солью досках причала. Он споткнулся, встал на ноги, стараясь идти нормальным шагом. Теперь, когда укрывавшая его тень исчезла, он боялся, что иллюзия развеется вместе с ней. Темное небо могло исказить его лицо и фигуру, однако он по-прежнему находился слишком близко от корабля, чтобы быть кем-то, кроме сбежавшего пленника.

Поднялся крик, и Джилли, прихрамывая и скривившись, пустился в некое подобие бега, от которого у него пульсировали голова и ребра, а мир раскачивался, словно занавес в театре — туда-сюда.

— Джилли, — позвал низкий хриплый голос, — поторопись.

Добравшись до конца пирса, Джилли почувствовал прохладные, гладкие пальцы на своей руке. Пустившийся в погоню капитан резко остановился.

— Леди, — осторожно произнес он.

Леди? Джилли вытянул шею, чтобы взглянуть, но тут же испытал приступ головокружения. В хриплый голос вкралась отчетливая приторность, которую он уже слышал прежде.

— И с чего вы взялись гоняться за моим слугой? Неужели он затеял драку с командой?

— Он мой. Обошелся мне в четыре луны.

— Принудительный труд незаконен, — возразила она. — И весьма постыден. — Джилли попытался освободиться. Ее ногти вонзились в его кожу, рождая новую боль, и он сдался.

— Но платить человеку за услуги не воспрещается. — Впрочем, голос капитана уже потерял уверенность. Джилли мутным взором смотрел на шелковую юбку, рваную, по колено в крови. Загубленное бальное платье.

— Когда эти услуги уже оплачены?

Джилли застонал, и она захохотала диким смехом.

— И вот я стою здесь и препираюсь, как будто должна доказывать свою правоту. Он мой, капитан. И не надо больше спорить. Меня обижать опасно. — Красноречива, как Маледикт, подумал Джилли, стуча зубами. Только, в отличие от Маледикта — враг.

— И все же вы лишились денег, а я знаю, как они порой бывают нужны. Я заплачу вам. — Она швырнула капитану монеты. Пока он ползал на коленях, стараясь не упустить в щелястые доски ни одной монеты, женщина проговорила голосом, подобным обнаженной стали: — Еще будут жалобы?

— Нет, миледи, — отозвался капитан, не поднимаясь с колен и дрожа всем телом. Теперь он понял, кто она такая, решил Джилли. Даже до моряков долетела молва о Безумной Мирабелли.

Мирабель захохотала — голосом уже не таким приятным, как прежде, а напоминающим надтреснутый колокольчик. Она потащила Джилли к карете словно марионетку. Он молча растянулся на полу, роняя капли морской воды и крови. Мирабель зарылась пальцами в его мокрые волосы, вонзила ногти в кожу и открыла старую рану от удара о камин.

— Стало быть, Иксион в конце концов устранил тебя — или же в море тебя вышвырнул Маледикт?

Джилли поморщился, но не ответил, сосредоточенно стараясь обрести равновесие в покачивающейся карете.

— Ты даже не отвечаешь — а я потратила деньги и силы, чтобы спасти тебя. Полагаю, твое молчание свидетельствует о том, что ты еще и неблагодарный.

— Отпусти меня, — с болью выговорил Джилли. Он пошел в ее ловушку слепо, как гончая на запах, думая лишь о Маледикте.

— Теперь ты будешь служить мне, — сказала она.

— Нет, — возразил Джилли.

— Будешь, — повторила она. — Никуда не денешься. Я слишком долго откладывала месть. Ключ Ани хорошо отточен, и я поделюсь своей болью с другими.

Джилли рванулся прочь, стремясь дотянуться до ручки дверцы и вывалиться на мостовую. Вдруг ручка изогнулась в его ладони, податливая и чешуйчатая, как змея, напружинившаяся, чтобы напасть. Он в ужасе отпустил ее. Мирабель захохотала, и Джилли, обернувшись к ней, произнес заклятие Баксита, защищающее от заклятий других богов. Мирабель поморщилась и отвести Джилли пощечину, от которой он снова полетел на пол. Мирабель скользнула к Джилли, взяла его за подбородок, дернула голову вверх.

— Какая жалость, — проговорила она. — Молодой красавец не хочет стать моим, а всё из-за чего? Из-за того, что ему отказал другой душка. Я бы посочувствовала тебе. Если бы могла.

— Маледикт убьет тебя, — выдохнул Джилли.

Мирабель склонилась ниже и доверила Джилли тайну:

— Чернокрылая Ани подарила твоему господину меч. Она позаботилась о том, чтобы мне он никогда не понадобился. Что, сбит с толку, мой милый Джилли? Тебе все нужно разжевывать? Мне она подарила власть... — В глазах Мирабель вспыхнули и вновь почти угасли, как бы подернулись пеплом, красные огни.

Джилли отвернулся, чтобы не видеть безумия в ее взоре; но она с легкостью заставила его снова открыть глаза.

— Смотри на меня, Джилли. Разве я не красивее твоего господина? Разве не красивее тех дурочек дебютанток? — Она сжала пальцы, потом раскрыла ладонь и дунула пылью ему в лицо. Джилли закашлялся и постарался задержать дыхание — но не смог. Его тело больше ему не подчинялось.

— Ты ведь любишь меня, не так ли, Джилли? — Мирабель припала своими губами к его губам, Джилли задрожал всем те-

лом и почувствовал, как жар из ее уст перекинулся в его пах. — Скажи, что любишь меня.

— Люблю, — вырвалось у Джилли против воли.

— Ты будешь любить меня до самой смерти...

— Да, — сказал Джилли; сердце бешено колотилось от страха и вожделения.

— Больше, чем его, — продолжала Мирабель.

Джилли закрыл глаза. Маледикт. Его образ — темные волосы, темные глаза, мягкие губы на его губах — не остудил ни его тела, ни страха. Ногти Мирабель сдавливали его лицо сильнее, и он выговорил:

— Да.

— Я позабочусь, чтобы он узнал об этом, когда преподнесу ему твоё тело. Пусть почувствует, что значит терять друга по капризу любовника.

— ...любит Януса сильнее... — проговорил Джилли, увидев надвигающийся рот Мирабель.

Она отпрянула.

— Янусом я займусь позже. Сначала — Маледикт.

Карета остановилась, и Джилли упал лицом в юбку Мирабель.

— Неуклюжий болван! Я жду от тебя большего. — Она вытолкнула Джилли из кареты.

Он едва держался на ногах. Карета очутилась в самом сердце улицы Сибаритов, позади борделей и даже притонов, специализирующихся на наркотических галлюцинациях и торговле ядами. Эта часть улицы граничила с Развалинами: здешние здания скорее можно было назвать обрушившимися, чем обветшалыми. Впрочем, если пуститься бегом, возможно, ему удастся добраться до Ма Дезире и даже оказаться в безопасности. Если он способен двигаться.

Мирабель сжала руку Джилли в своей холодной ладони и потянула его за собой, как куклу. Кучер соскользнул с козел, сверкнув из-под плаща юбками и знакомым рыжим хвостом. Кареглазая Ливия. В ярости от ее измены Джилли на миг обрел силу и рванул прочь.

— Стой, — прошипела Мирабель. Это слово как будто скрывало Джилли по рукам и ногам. Ливия прикрыла лицо капюшоном и проскочила мимо него. Раздвинув сваленные в кучу доски, она открыла низкое темное отверстие. Казалось, что в рухнувшем здании могут поместиться только крысы, однако сквозь дыру Джилли разглядел опрятные комнаты.

— Итак, — произнесла Мирабель, вводя Джилли внутрь, — добро пожаловать в мою гостиную.

Окинув помещение потрясенным взглядом и с легкостью узнав его, Джилли содрогнулся. Стены повсюду украшало Ее изображение; Мирабель обитала в развалинах храма Ани, спала под сенью Ее крыльев. Ливия зажгла в комнате лампы; каждая осветила изображение Ани. Некоторые портреты казались совсем свежими — как будто Мирабель нарисовала богиню кровью, наспех, грубо, неумело. На самом алтаре некая темная масса что-то забормотала и хрипло закаркала при их появлении.

Пока Джилли стоял, оцепеневший и беспомощный, Мирабель сдернула с него рваные рубашку и панталоны и улыбнулась.

— Да не бойся ты так, ягненок. Я не собираюсь убивать тебя сразу.

Мирабель кружила, как хищная птица; собственническое выражение на ее лице напоминало Ворнатти, только было гораздо беспощаднее. Джилли опять почувствовал себя четырнадцатилетним мальчишкой, опять вспомнил, как ужас омывал его вместе с мыльной водой, как с каждой отмытой частью тела тусклый поначалу взгляд барона разгорался все ярче. Но тогдашний страх был страх перед неумолимо надвигающимся взрослым миром. Джилли верил, что Ворнатти не причинит ему вреда. В отношении Мирабель он не питал подобных иллюзий, видя, как медленно сочатся кровью раны, оставленные на его холодном теле ее ногтями, какой голод таится в ее лице.

Ливия, в очередной раз отведя глаза, зажгла остальные газовые светильники — и всё молча, а ведь в доме Маледикта трещала, как сорока. Маленькие огоньки задерживались и разгорались под ее трясущимися руками, освещая мокрые следы на лице. Она отворачивалась, чтобы не встретиться взглядом с Джилли.

— Когда закончишь, Ливия, можешь уходить. Если не ошибаюсь, ты не настроена наблюдать за моей игрой.

Ливия покачала головой, не издав ни единого звука; Джилли даже вообразил что-то ужасное: что Мирабель вырвала ей язык или наложила заклятие, превратив в рабыню.

— Возвращайся за платой утром, — сказала Мирабель. — Ты будешь нужна — вымоешь тут все. Да не пори горячку с утра — я намерена провозиться с ним довольно долго.

Ливия вздрогнула; она на краткий миг встретилась взглядом с Джилли, потом слезы навернулись ей на глаза и покатились по щекам. Она вышла не торопясь, как будто хотела броситься бегом, но сдерживала себя.

Недостаточно страха, подумал Джилли. Мирабель убьет ее. Слишком много страха — и результат будет тем же. Подобно хищнику, Мирабель инстинктивно погонится за убегающим. Слабость навалилась на Джилли; он обмяк, не будучи в состоянии упасть, пока ее зелья и воля удерживали его на ногах.

— Сегодня она отправится на заработки. Пойдет к Маледикту, — проговорил Джилли. — Жадная маленькая дрянь. — Каждое слово давалось его языку и губам с огромным усилием.

— Я весьма на это рассчитываю, — отвечала Мирабель. — На миг я усомнилась в Ливии — решила, что придется посылать человека менее надежного. Или такого, которого Маледикт убьет, лишь только увидит. И что тогда будет со мной?

— Маледикт в «Камнях», — сказал Джилли, внезапно ощутив извращенное удовольствие от осознания того, что так тревожило его прежде.

— Был в «Камнях», — поправила Мирабель. — А ведь раньше ты всегда знал, что делается в городе. Грачи опять перелетели, они следуют за ним. — Мирабель провела руками по его бокам, скользнула в пах. Мышцы Джилли от ее прикосновения свела судорога. — Грачи поселились в «Камнях», пока там находился Маледикт, а теперь его птахи перепорхнули на крышу главной гостиницы города. Небо потемнело от них, словно налетел ураган. Ему достаточно руку протянуть — и весь мир будет у него в кулаке, а он отказывается. Он мог бы контролировать их, их глаза, их тайны, если бы только поклялся Ани в абсолютной вернос-

ти. Впрочем, неважно. То, что он не в силах дотянуться до собственной власти, мне только на руку. Подумай, Джилли, какое было бы зрелище: Маледикт в бальной зале, а над ним кружат грачи, кричат и гадят на всех этих аристократов.

Мирабель усмехнулась. Если бы не безумный взгляд, Джилли оценил бы озорное выражение ее лица.

— Жаль, что этому не суждено сбыться, — проговорила Мирабель сквозь смех, беря в ладонь его гениталии.

Джилли попытался оттолкнуть ее руки, но она сжала сильнее — и он замер; нахлынула непрошенная волна удовольствия. Ее ногти вонзились в нежную плоть, и Джилли вскрикнул от пронзившей все тело боли.

Мирабель ослабила хватку. Ее рука задвигалась мягче, ритмичнее.

— Джилли, — сказала она, — задери мне юбки.

Боясь ее рук, ее прикосновений, Джилли встал на колени, задышал спокойнее, когда ее ладонь соскользнула, позволяя ему опуститься. Он поднял ее перепачканные юбки. Под тонкими тканями, где знатные дамы носили кружевное белье, батистовые нижние рубашки и панталоны, на Мирабель не было ничего. Над лобком, над огненным пучком волос, пробивались перья — мелкие, черные. Поначалу Джилли подумал, что Мирабель решила украсить себя в честь Ани, но, когда она прижала его руки к своей плоти, он понял, что все было наоборот: Ани украшала ее.

— Лиф, — подсказала Мирабель.

Джилли потянулся к ее спине; Мирабель опустилась перед ним на колени, прижалась к нему бедрами, как страстная любовница. Расшнурованный лиф платья упал ему на руки; она стряхнула его с плеч, обнажая белую плоть, испещренную черными перышками — крошечными, похожими на чешуйки. Джилли судорожно вздохнул, отдергивая руки. Она схватила их и прижала к груди, а потом навалилась на него. Джилли застонал.

— Ты любишь меня, Джилли.

— Да. — С его губ сорвались ее слова. Собственные слова Джилли утонули в покачивающихся движениях ее тела.

Джилли принялся мысленно шептать молитвы, хотя единственным из присутствующих богов была Ани. Зубы Мирабель

вгрызались в ранки, оставленные клешнями крабов на причале, из них снова начинала сочиться кровь. Ногти вонзались в глубокие следы от кулаков Януса, терзали ободренные запястья. Мирабель коснулась языком раны на голове Джилли, принялась зализывать ее, пока кровь не остановилась, потом кусать, заставляя кровоточить снова. Все молитвы Джилли растворились в одной сокровенной: «Маледикт».

Маледикт метался по комнате, испытывая беспричинное беспокойство. Теперь у него было небо, видимое сквозь высокие окна, и все же... меч пульсировал в его руках, ища крови.

Стук в дверь заставил его резко повернуться с обнаженным клинком в руке.

— Сэр, я принесла вам ужин. — Голос девушки, хоть и звенящий напряжением, был ему знаком.

Маледикт отворил дверь. Гвардейцы отступили за пределы досягаемости его меча, слишком осторожные, чтобы дать ему использовать горничную для отвлечения внимания. Один из гвардейцев сказал:

— Мисс, вы уверены, что хотите войти к нему?

— Он мой хозяин, — ответила девушка. — Я принесла еду с его стола — то, что оставалось. А он наверняка проголодался.

Второй гвардеец пожал плечами.

— Вы рискуете своей шеей.

— Можно мне войти? — спросила Ливия. — Вы уже осмотрели меня с ног до головы, заглянули в миски. Вы же знаете, что мне нечем ему помочь. — Ливия половчее перехватила тяжелый поднос, гвардеец кивком пропустил ее и запер за ней дверь.

Маледикт смотрел на Ливию, на ее рыжие волосы, шарфом ниспадающие на мокрый плащ. Он поднял меч и, взмахнув им, в последний миг остановил лезвие у самой шеи девушки.

Ливия сдавленно вскрикнула, не в силах сдвинуться с места от страха. Длинный, обвязанный тесьмой хвост скользнул на пол, срезанный. Маледикт поднял его.

— Раздевайся, — скомандовал он. — И не вздумай кричать. Я не собираюсь причинять тебе вред, но мне нужно найти Джилли.

Ее кожа побелела, как мрамор, рот беззвучно открывался и закрывался. Маледикт прочел слово по губам Ливии.

— Джилли?

Из-за холодной ярости, из-за голода, в груди поднималось что-то теплое, как свежее испеченный хлеб; гнев унялся и почти сразу же вновь вспыхнул. Маледикт понял: Ливия неспроста помертвела, она что-то знает.

Девушка облизнула пересохшие губы.

— Если голос к тебе не вернется сам, мне придется вернуть его с помощью меча, — предупредил Маледикт.

— Вы должны помочь ему. Мирабель его убьет.

Маледикт схватил Ливию за шею, ощутив злорадное удовлетворение от ее дрожи, и распустил завязки на плаще.

— Раздевайся, — повторил он.

— Они никогда не поверят... — попыталась возразить девушка, на ощупь расшнуровывая лиф и выбираясь из юбок.

— Пусть поверят на одно лишь мгновение. Видение, навеянное ожиданием. Впрочем, не обращай внимания, — проговорил он, натягивая юбку поверх панталон. Девушка удивленно заморгала, когда пуговицы на нем застегнулись. — Лиф. И плащ.

— Если вы берете мой плащ, не пойму, зачем вам...

— Потому что плащ на штанах смотрится в точности как плащ на штанах, а юбка — дело совсем другое. Хотя я безмерно рад, что ты наконец обрела голос, я бы предпочел, чтобы ты опять помолчала.

Она стояла, раздетая до нижней рубашки, дрожа от холода в выстуженной комнате.

— Возьми мой халат, — велел Маледикт, махнув на кровать, где лежало тяжелое одеяние из клетчатой ткани. — На-день.

Схватив халат, Ливия тотчас надела его, трясущимися руками завязала пояс. Маледикт подавил готовую вырваться ярость и, не желая рисковать вблизи гвардейцев, сказал с приглушенным нетерпением:

— Ради богов, не подчеркивай ты свою тонкую талию. У тебя что, совсем мозгов нет? Завяжи на бедрах. Повернись. Встань у окна.

Ливия подчинилась, явно неохотно повернувшись к нему спиной. Маледикт зарычал. Ее волосы, неровно обрубленные мечом, ярко пламенели в темной комнате. Он бросил взгляд на давно потухший и вычищенный камин, потом на масляные лампы.

— Джили, — повторила она. — Вы должны отправиться к нему.

— Именно это я и пытаюсь сделать. Или ты предлагаешь мне напасть на гвардейцев в коридоре и провозиться в крови до самого рассвета? Джили успеет остыть, пока я прорублю себе путь на свободу.

Маледикт затушил лампу, снял стеклянный абажур, коснулся копоты: пальцы стали черными. Он подтолкнул Ливию к окну и принялся натирать ей волосы копотью. Ливия схватилась за раму дрожащими руками, прижалась к ней, словно боясь, что Маледикт столкнет ее на мостовую.

Он задул вторую лампу, погружая комнату в полумрак, и размазал по рыжим волосам остатки копоты. Потом отступил, оглядывая свое творение.

— Неубедительно. Встань прямо. Словно ты так напугана, что позвоночник превратился в сосульку.

Ливия напряглась. Пальцы на раме побелели.

— Уже лучше, — одобрил Маледикт. — Пару уроков хороших манер — и ты вполне сойдешь за леди... О боже мой! — Не хватало одной вещи, последней составляющей, чтобы убедить гвардейцев хотя бы на миг. Все-таки камин сослужит свою службу. Маледикт вытащил кочергу со скрежетом, от которого Ливия в очередной раз содрогнулась. — Держи.

Она стиснула кочергу.

— Как меч, Ливия! Как меч!

Маледикт швырнул еду в очаг и накинуд на лицо капюшон. Теперь видны были лишь рыжее пламя волос и край пышной юбки.

Подняв меч за лезвие, юноша перехватил его под гардой и наклонил так, что тот уместился у него под мышкой и доходил всего лишь до середины бедра. Взяв в руки поднос, Маледикт прикрыл им торчавшую гарду и постучал в дверь.

Гвардеец осторожно отворил ее, скользнув взглядом по подносу, волосам, плащу; глаза его загорелись при виде стоящей у окна фигуры. Маледикт шагнул к нему и ловко перерезал глотку.

Эти гвардейцы не были простаками из Особого отряда Эхо, что явились к нему на дом для ареста. Второй гвардеец держался вне досягаемости и даже обернулся, собираясь позвать на помощь. Маледикт отбросил поднос и ударил его кулаком в горло; когда гвардеец зашатался от удара, юноша взмахнул клинком и заставил его замолчать, как и его поверженного товарища.

— Ливия, — позвал Маледикт. — Идем.

— Я думала, что должна остаться здесь, — сказала девушка, но поспешила к Маледикту. — Думала, вы незаметно выберетесь и оставите меня, чтобы они ничего не заметили.

— Трупы в коридоре заметят. А если бы даже у меня было время от них избавиться, нет времени, чтобы отчистить ковер. Когда ты пришла, где были основные силы гвардейцев? И где балконы? Предвижу, что в ближайшем будущем нас ожидает спуск с балкона.

— На фасаде, — сказала Ливия. — Оба балкона на фасаде гостиницы.

— Ну, разумеется, все с одной стороны. Ладно, ничего не поделаешь. Давай искать комнату, которая выходит на фасад.

Несмотря на страх за Джилли, Маледикт невольно испытывал удовольствие оттого, что у него есть цель, обещающая в конце кровопролитие. В данный момент они с Ани действовали в редкостной гармонии.

Маледикт стремглав пронесся по коридору, приподняв юбки и плащ, чтобы не путались под ногами и не затрудняли бег. Ливия начала отставать, и он потащил ее за собой.

— Шевелись же, Ливия.

Они завернули за угол, перепугав господина, что навеселе возвращался в свой номер.

— Вы, милые девочки, пришли, чтобы согреть мне постель?

— Несомненно, — шепнул Маледикт. — Дворянин, живущий в номере с видом на улицу. Вы радуете мое сердце. — Он проскочил мимо господина, который уже собирался закрыть дверь, и распахнул окна. — Ливия, смотри-ка, по стене вьется роза. Как

мило. — Он перемахнул через перила и поставил сапог на самую толстую из ветвей. — Ливия!

Ливия тем временем вытолкала пьяницу из комнаты и захлопнула дверь. Маледикт начал спускаться, морщась от колючих поцелуев растения.

Наверху замаячило лицо Ливии.

— Ой! Мне тут ни в жизнь не спуститься.

Маледикт поднял голову и хрипло зашептал:

— Тебя повесят за соучастие, если ты не спустишься...

Лицо Ливии приобрело пепельно-серый оттенок; она перebrалась через перила балкона, изорвав халат о кованые железные наконечники, и потянулась, нащупывая ногой опору; едва слышно вскрикнула, шагнув на витой ствол.

— Тише! — предупредил Маледикт. Сверху было слышно, что к пьянчуге вернулась доля здравого смысла; он принялся молотить кулаками в дверь. Скоро на третьем этаже будет полно народу, а ведь в коридоре лежат двое мертвых гвардейцев. Маледикт глянул вниз; земля, кажущаяся такой темной, отдалялась словно специально. Капля чего-то более теплого, чем дождь, упала на его щеку, покатилась ко рту. Соль и железо. Кровь. Он слизнул ее и поднял голову. Мягкие тuffельки Ливии насквозь пропитались кровью.

Маледикт положил руку на коварный длинный шип, глядя, как на ладони выступила кровь; он убрал руку, и кровь сама собой запеклась.

— В конце концов, — пробурчал Маледикт себе под нос, — ранеными руками не удержишь меч.

Когда до земли оставалось несколько футов, он спрыгнул, поскользнулся на гладком булыжнике и упал, вывихнув колено.

— Ани, — проговорил он, — мы не сможем драться с такой ногой. Боль утихла, отек сошел. Маледикт встал.

— Прыгай, Ливия, — проговорил он. Или девушка совсем выбилась из сил, или была настолько перепугана — но ее тело повиновалось без колебаний. Он придержал ее, когда она зашаталась на отбитых ногах, и заглушив ее крик плащом. — Тише!

На третьем этаже начали вспыхивать огни, рассыпаясь по комнатам; где-то послышался женский визг.

— Будь они все прокляты, — проговорил Маледикт. — Что, по ночам уже никто не спит?

Он потащил Ливию за собой.

— Скажи мне, где Джилли. — Ливия никак не могла угнаться за ним и была слишком хрупкой для борьбы.

— В Ее храме. Сэр, это я виновата, во всем виновата только я, — простонала она. — Я сказала ей — сказала, что вы любите Джилли. Если он умрет... я вовсе не хотела...

За их спинами широко распахнулись двери гостиницы, изрыгая толпу королевских гвардейцев. Ночь зазвенела криками, и Маледикт с ужасом услышал: «Вон они, у стены!».

Юноша потянулся, собираясь затащить Ливию в тень и обеспечить ей хоть какую-то безопасность, но у Ани были другие соображения. Руки Маледикта толкнули Ливию вперед, туда, где бесновались факелы. Мятый халат, короткие, перепачканные сажей волосы — гвардейцы выстрелили сразу же. Девушка упала спиной на мостовую. Маледикт бросился бежать, прижимая меч к боку, дрожа, отказываясь мучиться угрызениями совести — не теперь, когда он был так нужен Джилли.

— В Ее храме, — бормотал он, вспоминая извилистую и длинную улицу Сибаритов, отделявшую его от разрушенного храма в Развалинах — единственного известного ему храма Ани. Наверняка Мирандэ обосновалась там, откуда начались его поиски.

Лишь очутившись в толпе на улице Сибаритов, Маледикт замедлил шаг, поплотнее запахнул плащ и пошел, то и дело оглядываясь по сторонам. Гвардейцы скоро поймут свою ошибку.

Свет полыхал в окнах публичных домов, и медленный, заторможенный наркотиками смех растекался, как сироп на морозе. Маледикт, стиснув в ладони рукоять меча, старался держаться в глухой тени. Он возвращался туда, куда не рассчитывал вернуться. Однако он шагал твердо, словно его путь был нанесен на карту, словно он шел домой.

41

И он отдал свою душу во владение Ани и стал Ее воплощением — крылатым и окровавленным, колдовским кошмаром в человечесем обличье, что прорубал себе путь сквозь плоть на полях брани и смеялся. И слова его стали воронами, и где ни ступал он, там люди гибли от чумы...

Грейл. Книга отмщений

Мирабель отстранилась от Джилли, одернула юбки и воздела руки. Вдоль ее груди трепетали крылья. Джилли повернулся на бок и скорчился на земляном полу, согретом его же теплом и кровью.

— Бедный Джилли. Впрочем, капитан на судне мог бы обращаться с тобой ничуть не лучше. По крайней мере, я избавила тебя от него.

Мирабель встала на колени и, взяв Джилли за подбородок, повернула его лицо, вглядываясь в глаза.

— Какая синева, какая чистота. — Ее голос понизился до шепота. — Ты, наверное, своими ясными глазами видишь богов?

— Только Ани, — отозвался Джилли, вырываясь.

— О нет, мы не можем такого допустить. Ты следишь за Ней в любое время, наблюдаешь, судишь Ее; стало быть, тобой займется ворон.

Мирабель встала и отошла.

Джилли осторожно вдохнул и поднялся на четвереньки. Тело вновь начинало слушаться. Медлительное, слабое, неокрепшее и ноющее — но его тело.

В дальнем углу комнаты Мирабель сдернула тяжелое прогнившее сукно с бесформенной груды на алтаре. Под сукном оказалась клетка с вороном: птица принялась силпо и недовольно каркать.

— Тише, любовь моя, тише. Ведь я приготовила для тебя самые синие глаза, виденные по эту сторону моря. Для тебя од-

ного. — И Мирабель выпустила огромную птицу из клетки. Ворон повернул голову, глядя на нее одним блестящим черным глазом, и она чмокнула его в голову. Птица зацокала клювом и каркнула.

Джилли перекатился на живот и закрыл голову руками.

— Пожалуйста, — прошептал он, вспоминая Вестфолла и остальных, кого нашли без глаз, с лицами, изуродованными до неузнаваемости.

— Вот еще, — приговаривала Мирабель, пинками пытаясь перевернуть Джилли на спину; он только сильнее вжимался в пол и крепче зажмурился. — Я могла бы опять наложить заклятие. Но не лучше ли умереть, будучи самим собой? — спросила Мирабель и потянула его за волосы, пока кожа у него на голове не затрещала. Это не помогло, и тогда Мирабель, просунув руку под лежащего на полу Джилли, саданула ногтями по голой коже. Джилли выгнулся; она перевернула его и опустила ворона ему на грудь.

Джилли отпрянул от накатившего запаха перепачканных кровью перьев, стараясь отпихнуть птицу отяжелевшими руками. Когти впились ему в грудь в поисках опоры, хлопающие крылья били по ушам, вызывая звон, а голодный клюв терзал поднятые в попытке защититься руки. За спиной птицы Мирабель прижала руки Джилли к бокам. Зажмурившись, он ждал, ощущая лишь онемение и дурноту.

— Давай же, — подбадривала она птицу. — Клюй, кусай, калечь его.

Зашелестев перьями, птица опять уселась, засыпав лицо Джилли высушенной кровью и выпавшими перьями. Джилли вздрогнул и открыл глаза, глядя на клюв снизу вверх.

Мирабель в злобе ударила руками оземь.

— Подчиняйся, птица! Я приказываю тебе.

За спиной Мирабель что-то мелькнуло. Сердце Джилли бешено дернулось в груди.

— Ливия, пожалуйста...

Мирабель заставила его умолкнуть.

— Уже вернулась? Ты видела его? Он придет?

Ливия кивнула; растрепанная коса скользнула по плечу; лицо пряталось под тяжелой тканью капюшона.

— Твое время на исходе, мое сокровище, — сказала Миранбель ворону. — Его глаза — или твои.

От удара птица дернулась вперед. Джилли почувствовал, как клюв рвет кожу на его лице, прочерчивая осторожную, тонкую линию вдоль подбородка.

Миранбель зашипела, проведя по порезу пальцем.

— Малед...

Вдруг ворон взбесился в ее руках, забил крыльями одновременно и по Миранбель, и по Джилли и вцепился когтями в лицо хозяйки. Миранбель сбила птицу на пол и растоптала ее каблуками.

Джилли молча смотрел на Ливию, на отвязавшуюся косу, которая мягко соскользнула на пол, на бледно светящееся из-под капюшона лицо и черные глаза. Он знал их и застывший в них гнев — но никогда не видел над ними капюшона женского плаща. Из Маледикта, подумал он, с трудом удерживаясь в сознании, получилась бы вполне убедительная женщина — если бы не прямые линии плеч и груди и не сила в бледных руках, теперь вытаскивающих меч.

— Ты пришел, — проговорила Миранбель, привычным жестом кокетки откидывая с лица растрепанные волосы. Раны, нанесенные поверженной птицей, затянулись на ее лице без следа.

— Как же я мог отказаться от подобного приглашения, — ответил Маледикт.

— Мой нетерпеливый гость, ты явился до того, как хозяйка успела подготовиться, — сказала Миранбель. — И все же я найду, чем занять тебя, пока я разделаюсь с твоим домашним любимцем.

Маледикт бросился вперед. Клинок без труда рассек плащ и юбку. Он прыгнул к Миранбель, вытянув меч и целясь в темное соцветие перьев на груди.

Воздев руки, Миранбель выкрикнула одно-единственное слово и перенеслась за пределы досягаемости меча, словно развеянный по комнате дым. Глаза Маледикта удивленно распахнулись

и сделались задумчивыми. Тени в помещении льнули к рваной юбке Мирабель, и она натягивала на себя их мрак.

— Ты слаб. У тебя сохранились остатки совести, и пока она не исчезнет совсем, тебе никогда не познать мести или истинной власти. До тех пор, пока ты не примешь Ани всецело...

Маледикт скинул разодранный плащ.

— Зачем все эти советы? Я нужен тебе? Тогда сразись со мной.

— Я не хочу тебя убивать, — проговорила Мирабель. — Я хочу управлять тобой. Ты и я будем по очереди править королевством, мы затмим небо Ее крыльями...

— Мэл, — позвал Джилли, желая предупредить, но у него перехватило дыхание от бешеного стука сердца. По приказу Мирабель тени начали обретать очертания и превратились в знакомую фигуру. Нечто худое и высокое — некто с зажатой в кулаке палкой.

Глаза Маледикта сузились.

— Что это такое?

— Ты хочешь сражаться — так сначала я заставлю тебя сразиться с самим собой.

Тень выпрыгнула, обрета плоть, бледную, как у трупа. Волосы ее торчали в разные стороны, рука сжимала отточенную палку, как клинок. Джилли был знаком этот образ: оборванный, тощий мальчишка, что когда-то стоял среди разбитого стекла и снега в библиотеке старика Ворнатти, дикий ребенок, выползший из алтаря в его снах. Маледикт-ребенок, Маледикт-подросток.

Мирабель стояла, покачиваясь, тяжело дыша; перья на ее коже топорщились.

Маледикт сделал еще один шаг вперед. Сверкнул меч. Мальчик из тени, оскалив зубы, бросился на меч, бесстрашно замахнувшись палкой.

Сияясь подняться, Джилли зашатался и обнаружил, что в поисках поддержки схватился за юбки Мирабель. Она покачнулась под его весом, и он дернул сильнее, стараясь повалить ее, стиснуть руками ее шею. Наконец ему это удалось. Руки его заскользили вверх по телу Мирабель, желая добраться до заветной цели.

Мирабель принялась скрести по полу ногтями, потом взмахнула руками, обрушив кусок вонючей тьмы ему на лицо: Джилли догадался, что это была тушка ворона, — клюв оцарапал ему шею и плечи. Мирабель хохотала — визгливым, диким смехом; она снова швырнула в Джилли птицу. Он откатился, оглядывая комнату. Маледикт кинулся на своего двойника из тени, почти дотянувшись клинком до головы юноши.

— Нет, Мэл! Нет!

Если Маледикт убьет себя ребенка, в кого он превратится, лишившись детской невинности? Тогда Ани поглотит его целиком.

Мирабель схватила Джилли за волосы, напоминая, что он ведет собственную битву, и ударила его по лицу.

— Я хотела, чтобы он был зрителем. Кажется, получится наоборот. Можешь понаблюдать, если хочешь. Мужчина с мечом против мальчишки с палкой. А когда все закончится... он убьет тебя сам, несмотря на все молитвы, на все ничтожные предостережения, которые ты посмел прошептать. Против меня. — Кровь на миг окрасила губы Мирабель, когда в одержимой проявилась и скрылась Чернокрылая Ани, заставив Джилли задрожать от Своего присутствия.

Меч опустился сверкающей дугой, прижимая к полу палку мальчишки. Джилли поморщился, но палка выдержала, заскрежетав о меч. Мальчик из тени пнул Маледикта в голень, и тот, бранясь, выпустил палку. Воспользовавшись крошечным преимуществом, мальчик размахнулся, метя в голову Маледикту. Тот блокировал удар, но его теневой двойник быстро изменил направление удара, сделав выпад в живот. Маледикт отскочил.

Джилли застонал, охваченный страхом. На благоприятный исход битвы надеяться не приходилось. Либо Маледикт убьет собственную совесть, либо проиграет в борьбе с собственной тенью... Мирабель хохотала, прижимаясь к боку Джилли, царапая его кожу своими перьями. Мальчик отер лицо; его плечи тяжело поднимались и опускались от усилий, но вытянутая вперед палка ни разу не дрогнула. Сжимающая меч рука Маледикта тряслась, клинок тоже дрожал.

Мальчик, пританцовывая, приблизился, и Джилли прочел в его лице решимость, выдавшую его ошибку: Маледикт блефовал. Мальчишка в полной мере обладал свирепостью Мэла, кроваво-жадным желанием дотянуться до глотки, но не имел представления о фехтовании и стратегии.

— Нет! — выкрикнул он. — Нет.

Но мальчик уже растянулся в ударе, слишком далеко выбрасывая палку, и Маледикт выбил и отшвырнул прочь его примитивное оружие. Палка растворилась в тени, не успев коснуться пола. Двойник заскрежетал зубами, в безумных глазах отразились паника и ярость. Клинок Маледикта беспрепятственно и беззвучно пронзил плоть мальчика, чиркнул по горлу. Рука и гарда меча прошли сквозь загривок мальчишки, проливая сумрачную кровь.

Объятый ужасом, Джилли мог только смотреть. Он просто не в силах был осознать, что со смертью мальчика Маледикт лишится самых зачатков совести и доброты.

Мирабель стояла, раскинув руки и улыбаясь.

— Мой соратник...

Маледикт, продолжая движение, ступил сквозь растворяющуюся тень самого себя и отделил голову Мирабель от тела; фонтан крови брызнул на Джилли.

Мирабель повалилась, ее кровь хлынула ручьем. Джилли отшатнулся, поспешно отодвигаясь на слабых ногах, чтобы не коснуться ее. Маледикт равнодушно наступил в лужу крови и пронзил сердце Мирабель; потом разорвал ее тело, вываливая внутренности на пол.

— Нужно большее? — спросил он едва слышно. — Смогут ли Ани залечить такое?

— Не знаю, — пролепетал Джилли. Онемение в его руках и ногах охватило и губы. Он чувствовал себя окоченевшим словно мертвец. Его мышцы, перенапряженные в борьбе, отказывались повиноваться. Джилли повалился на пол и растянулся, оказавшись лицом к лицу с головой Мирабель. Он взглянул в ее немигающие глаза, и его стошнило пустотой.

— Совершенно с тобой согласен, — проговорил Маледикт. Он поднял голову Мирабель и швырнул ее в клетку ворона, прикрыв сверху ветхим сукном.

Джилли свернулся в дрожащий клубок; по его щекам струились слезы.

— Джилли, — позвал Маледикт, опускаясь на колени рядом с другом. Джилли ощутил, как его накрыло мягкое тепло рваного плаща Ливии, как заскрипел дощатый пол, когда Маледикт уселся рядом. — Джилли, ты... — хриплый голос оборвался и зазвучал снова: — Ведь ты же поправишься?

У Джилли не осталось слов — только слезы, которые текли ручьем, словно стремились смыть пролитую кровь. Он положил голову Маледикту на колени, спрятал залитое слезами лицо и тихо всхлипывал.

— Бедный мой Джилли, — проговорил Маледикт так тихо и нежно, что Джилли с трудом расслышал его слова. Он постарался унять слезы. — Ворнатти должен был вышвырнуть меня обратно на улицу и не рушить твой уклад жизни. — Пальцы Маледикта рисовали успокаивающие черточки на его спине, так медленно, так нежно возвращая тепло замерзшему телу. Джилли вздрогнул. А как же мальчик из тени...

— Ты убил... — начал Джилли.

— Я должен сожалеть об этом? Мирабель была чудовищем.

— Но мальчик, — проговорил Джилли. — Твоя собственная тень. — Он заставил себя взглянуть в темные глаза, боясь встретить в них бездушную пустоту.

Черные глаза, вокруг которых от тревоги и усталости залегли глубокие тени, оказались спокойнее, чем Джилли привык видеть.

— Да, — сказал Маледикт. — Мне давно следовало так поступить.

— Но твоя невинность...

Маледикт рассмеялся — беззвучно, как кошка; его плечи тряслись почти истерически.

— Неужели ты думал, что крыса из Развалин невинна? Тварь, которая не знала доброты, лишь голод, страх и ярость, тварь, чьей единственной добродетелью была любовь столь безумная, что Ани решила поживиться моей душой? Я изменился. Ведь ты учил меня доброте. Несмотря на все мое тлетворное влияние на тебя, мой милый Джилли, ты пересилил. Я бы не сделал того выбора, что прежде, предложи Она мне его теперь.

Джилли выдохнул; его грудь судорожно поднималась и опускалась.

— Мэл...

Маледикт обнял Джилли, принялся целовать в ухо, в висок, и отстранился, коснувшись губами раны на голове.

— Мирабель обошлась с тобой очень жестоко, — проговорил он. — Как ты очутился в ее власти... Ливия тебя заманила?

— Нет, — сказал Джилли, вспыхнув от смущения и вновь накатившей боли — объятый надеждой, он на миг позабыл о ней.

Маледикт неловко укачивал Джилли.

— Тише, тише! Я увезу тебя в одно безопасное место.

— Янус, — проговорил Джилли.

Маледикт замер в ожидании продолжения.

— Он выяснил, что я позволил увезти тебя в «Камни», вместо того чтобы драться с гвардейцами; он избил меня и продал в море.

— А Мирабель? — Маледикт говорил спокойно, словно эти имена ничего для него не значили.

— Она была в порту, когда я сбежал. Думаю, она следила за всеми нами, — сказал Джилли.

Губы Маледикта сжались. Он рассеянно поглаживал Джилли по плечам.

— Тогда нам лучше спрятать тебя в каком-нибудь безопасном месте. Я сбежал от гвардейцев. Так что Эхо наверняка охотится за мной. А Янус — лучше не испытывать еще раз его терпение. Как думаешь, мадам, бывшая хозяйка Лизетты, согласится укрыть тебя? Это недалеко.

— Если мы ей заплатим, — ответил Джилли, огорченный спокойной отвлеченностью Маледикта, его упорным нежеланием замечать предпринятую Янусом попытку убить его.

— У Мирабель наверняка где-то припрятаны деньги, — сказал Маледикт. — Остается только найти их. — Осторожно опустив голову Джилли на пол, Маледикт стал обыскивать комнату. Он подошел к полке с бумагами и просмотрел их, остановился, заметив записку от дворцового шпиона, предупреждающую о намерении арестовать Маледикта.

— Мирабель перехватывала нашу корреспонденцию, Джилли. — Джилли не ответил, и Маледикт, закусив губу, принялся искать более настойчиво. Кошель с монетами обнаружился под камнями алтаря. Юноша засунул его в рукав рубашки. В другом импровизированном тайнике Маледикт нашел яды и бегло проглядел ярлыки на склянках, бормоча себе под нос. Он вернулся и опустился на колени рядом с Джилли.

— Выпей — это должно разогреть кровь. Мне тебя не донести.

Джилли не мог сосредоточить взгляд на пузырьке — он видел лишь окровавленные руки Маледикта.

— Пей же, — приказал Маледикт.

Жидкость, горькая, как желчь, обожгла Джилли горло, разлилась теплом по похолодевшим членам. Сердце несколько раз гулко, неистово стукнуло, потом забилось ровно.

— Так лучше? — спросил Маледикт, бережно поддерживая Джилли.

— Да, — отозвался Джилли, целуя искаженный горем рот, оказавшийся совсем близко.

Маледикт отпрянул:

— Не сейчас, Джилли. — Он потянул Джилли за руки, и тот, поднявшись, оказался в объятьях Маледикта. Храм закружился, струйка крови на щеке сменила направление и теперь капала Джилли на ключицу и грудь.

— Что это было?

— По-моему, «Сон моряка».

— По-твоему, — повторил Джилли, облизывая губы.

— Не зуди, — предупредил Маледикт. — Я совсем без сил и делаю все, что могу. — Руки юноши на груди Джилли задрожали, и Джилли постарался обойтись без поддержки, снова вспоминая, как хрупок Маледикт.

— Ты хрупкий, как девушка, — проговорил он, поглаживая вышивку на манжетах друга.

— Да. Все верно. А ты здоров, как бык, и так же легко управляем.

Джилли кивнул, заставляя себя сосредоточиться не на чудесном ощущении тепла, охватившем его душу и тело, а на кровавых следах, которые они с Маледиктом оставляли на полу храма.

* * *

Маледикт вырутался. Джилли опять остановился; усталость пронизывала его тело до костей, делала таким тяжелым, что ему казалось, он вот-вот уйдет в землю.

— Ну, идем. — Маледикт потянул друга за собой.

Джилли все не двигался, и Маледикт, потеряв равновесие, упал ему на грудь, ощутив тепло сквозь распахнувшийся плащ Ливии. Джилли снова принялся шарить по нему руками, и Маледикт, пытаясь плотнее запахнуть плащ, не отстранился. Чертова Мирабель, с досадой думал он. Если Джилли был так ей нужен, опоила бы его «Сном»...

Маледикта трясло от ярости — собственной ярости, без всякого следа присутствия Ани. Интересно, где Она, размышлял юноша. Ани затаилась и притихла с момента смерти мальчика из тени, с момента смерти Мирабель, хотя Маледикт ожидал, что Она с воплем поднимется, и ему придется биться с Ней. Но Она молчала. Маледикт нервничал, как моряк под небом, затянутым грозовыми тучами.

Руки Джилли уже забрались Маледикту под рубашку. Юноша ощутил внезапный прилив тепла — пальцы Джилли медленными движениями ласкали его спину, потом скользнули ниже.

Маледикту на лицо упала капля крови. Он поднял голову и увидел тоненький ручеек из медленно затягивающейся раны на голове Джилли. Встав на дыпочки, Маледикт лизнул рану, надеясь, что у него в слюне окажется хотя бы частичка целительной силы Ани. Привкус меди во рту напомнил ему о необходимости двигаться дальше, чтобы не быть пойманными над телом Мирабель — и вообще не быть пойманными.

Джилли ощупал панталоны Маледикта и нахмурился в наркотической задумчивости.

— Ливия... — прошептал он.

— Нет, никакая не Ливия, — обиженно отозвался Маледикт и подтолкнул Джилли, побуждая его двигаться дальше. Маледикт пообещал себе, что поговорит с Джилли начистоту, как только тот протрезвеет. Маледикту больше нечего было скрывать. Чувство свободы навалилось на него, омывая кожу. Маледикт был в бегах; Маледикт был мертв; Маледикт был погублен. Он, однажды уже умерший и родившийся иным, мог сделать это снова.

Меч зазвенел о дверной косяк, мимо которого они проходили, высекая недовольный ответ Ани, что притаилась внутри.

Еще не свободен, осознал Маледикт, отрезвленный напоминанием. Он должен завершить месть, хоть и понимал, что она превратилась в пустой жест. Ласт давно мертв и похоронен, сгинули все враги: Критос, Ласт, Амаранта, Данталион — всех поглотила ненасытная тварь-ворона, Маледикт же ни разу не испытал чувства сытости. Если убить ребенка, оставит ли его Ани тогда? Положит ли гибель мальчика конец их сделке? Маледикт чувствовал Ее шепот в своей крови, утвердительный и призывающий. Всего одно убийство — и он будет свободен.

Свободен, размышлял Маледикт; но для чего? Изменить имя, бежать из города, покинуть Януса? У Маледикта перехватило дух; сердце гулко стучало. С Янусом — спиной к спине, против всего мира, только друг для друга в самом конце. Маледикта шатало под тяжестью Джилли, пока они тащились по улице, обнявшись, как двое пьянчуг. Впервые за весь последний месяц юноша ощутил, что в голове у него прояснялось.

Месть — холодное блюдо, а его награда... он отдал за Януса душу, а что получил взамен? Золотой Янус, его любовник, его самый верный друг, продал Джилли в море...

Красноватый свет фонарей омывал их, придавая коже искусственно здоровый оттенок, — они проходили под окнами борделя. Маледикт протащил сопротивлявшегося Джилли по переулку и забарабанил в дверь с черного хода. Отворили нескоро; Маледикт выхватил меч и вместе с Джилли ввалился в прихожую.

— Комнату, — потребовал он. — Немедленно.

Трепет шелка, подобного крыльям бабочки, подсказал, что одна из девиц бросилась за мадам и, быть может, за вышибалой. Маледикт надеялся устроить Джилли поудобнее до их прихода. Он подвел друга к лестнице, и тот, полагаясь на механическую память, заковылял вверх по ступеням и безошибочно выбрал комнату. Слава богам, комната оказалась пустой. Шлюх можно подкупить — с клиентом было бы сложнее. И сколько прошло времени с момента его бегства? Успели ли выслать на улицы патруль?

Маледикт толкнул Джилли на постель, укутал одеялом, и сам уселся у него в изголовье.

— Ты даже это простишь ему? Даже попытку убить меня? — прошептал Джилли.

— Джилли, ты вовсе не умираешь. — До сих пор Маледикт гнал от себя эту мысль, но теперь, высказанная вслух, она злое-ще повисла в воздухе. Маледикт сжал ладонь Джилли — пульс был ровный — и повторил: — Ты не умираешь. Ты просто ранен. Но обязательно поправишься. Уличных сорванцов в Развалинах гораздо сильнее избивают их собственные родители — а погляди-ка, какими они вырастают.

— Тогда прекрати плакать, — сказал Джилли, — раз я не умираю.

Маледикт провел ладонью по лицу: оно было мокрым; от слез, которых он не замечал, щипало щеки. Он всхлипнул, добавляя невыплаканное к нараставшему внутри напряжению.

— Я не прощаю его, — проговорил Джилли. — Даже если не умираю. — Он закрыл глаза, под которыми залегли тени изнеможения и перенесенных побоев.

— Я тоже, — прошептал Маледикт. — За то, что он сделал с тобой, ему не может быть прощения. — Дверь распахнулась, и на пороге возникла мадам, причем без вышибалы, которого ожидал увидеть Маледикт. Мысль о том, что не придется ни с кем сражаться, повергла Маледикта в смятение. Он сделал медленный вдох, принуждая Ани отступить.

— Девушки сказали, что здесь Джилли, — выпалила мадам, увидев сидящего на кровати Маледикта.

— Так и есть, — подтвердил Маледикт, отклоняясь, чтобы она разглядела распростертого на кровати Джилли.

— Это ты с ним сотворил такое? — спросила мадам. — Как и с моей Лизеттой?

— Я ни при чем ни в одном, ни в другом случае. — Я ищу безопасное место, где Джилли мог бы отлежаться. — Маледикту казалось, что он разговаривает с кем-то вдалеке, комната виделась ему словно через телескоп.

— Джилли пускай остается. А ты только попробуй — я тотчас же позову охрану.

— Я и не собирался, — сказал Маледикт. Джилли стиснул его руку, и юноша ответил на рукопожатие, повинувшись инстинк-

ту. — Кстати, он ранен. И под действием «Сна». Ему надо наложить швы на голову и бальзам на все остальное. — Маледикт швырнул на пол горсть монет; мадам подобрала их и исчезла в дверном проеме.

— Ты не можешь уйти, — проговорил Джилли. — Куда ты отправишься?

— Прочь, — сказал Маледикт. — Похоже, убивать Мирабель было недальновидно, хотя это доставило мне чувство удовлетворения. Я не понимал, что внимание Ани распределено между мной и Мирабель. А теперь остался лишь я, чтобы потакать Ее прихотям. — Желчь жгла Маледикту горло, но он проглотил ее. Джилли приподнялся на локтях, глаза его округлились — даже действие наркотика пошло на убыль.

— Мэл, я слышу Ее внутри тебя...

— Да, — отозвался Маледикт. — Ани возвращается. Я не могу оставаться рядом с тобой. Это небезопасно. — Он погладил Джилли по плечу, одновременно чувствуя, что другая его рука легла на рукоять меча.

— Мэл, — сказал Джилли. — Давай уедем из Антира. Давай отправимся в Прииски. Пожалуйста!

Да, думал про себя Маледикт, так все и будет. Подальше от королевства, подальше от тирании Ани и ее бесконечного мщения. Тут же Маледикт поперхнулся привкусом Ее перьев и Ее иссушающей ненависти.

Джилли коснулся шеи Маледикта, трясущимися пальцами начертал на его теле отводящий знак, остужая воспаленную кожу. Комок в горле исчез.

— Да, — сказал Маледикт. — Да, с этим покончено. С этой бесплодной мстью, с пеплом в сердце, с... — Жар окатил его, взметнулся вдоль позвоночника к горлу, опалил желудок, руки; меч дернулся и мелко задрожал, требуя, чтобы Маледикт сбросил с себя оскорбляющие, творящие заклинания руки Джилли.

Маледикт застонал под тяжестью воли Ани, Ее громового голоса, требующего преданности, выполнения обещания, затмевающего любые другие мысли в его сознании. Тени потекли внутрь, ослепляя юношу.

«Только не Джилли, — взмолился он. — Позволь мне взамен исполнить предназначение. Ты богиня не только мести, но и любви. Пусть Джилли живет. Пожалуйста». Маледикт вспомнил слова Джилли о том, как Ани разрушила Развалины, когда Ее адепт отказался от Нее. Маледикт вздрогнул, стараясь не потерять из виду ускользавшую куда-то вдаль комнату. «Я принесу Тебе что угодно, — молил он. — Кого угодно». Ани склонила голову, прислушиваясь к его первой молитве, и Ее крылья ликующе затрепетали.

Маледикт встал, не снимая ладони с рукояти меча; мимо него тут же протиснулась Ма Дезире, которая ожидала, дрожа, на пороге, с охапкой чистых бинтов в руках. Последнее, что он помнил, было ее потрясенное лицо. И тут Ани окончательно овладела им.

Джилли сражался с плащом, с простынями, снова слыша приглушенный безумный визг, пытаясь высвободить непослушные ноги, чтобы броситься вслед за Маледиктом. Ма Дезире поспешила к нему и прижала спиной к кровати.

— Нет, пусть он катится в преисподнюю, туда ему и дорога. Ты не отправись вслед за ним.

— Но... — пытался возразить Джилли.

Она прикрыла ему рот рукой.

— Ты ничего не сможешь сделать. Им правят крылья.

— Нет... — проговорил Джилли, и она что-то влила ему в открытый рот. Джилли закашлялся, узнав вкус «Похвального». За окном в ночном небе он видел еще более темные тучи: они неслись низко по небу, полные шороха грачиных перьев. Темная туча ночью, летящая через сердце города, вслед за своим хозяином. Им было по пути — они направлялись во дворец.

42

Маледикт очнулся за дворцовой оградой; он смотрел снизу вверх на кирпичную стену, весьма смутно представляя, как пробраться в королевскую резиденцию. Небо было темным, Маледикт знал это. Грачи заполонили все вокруг. Неужели он перелетел сюда на крыльях? Маледикт поднял руки и засу-

чил рукава в поисках следов перьев, но обнаружил лишь чистую, незапятнанную кожу.

Его внимание привлек свет в окне; решетки на окнах подсказали, что это детская. Маледикт вложил меч в ножны и надавил пальцами на строительный раствор между кирпичами. Тот подался, образуя выемки, за которые можно было уцепиться. Раз за разом подтягиваясь на длину рук, Маледикт полз вверх. Над ним кружили грачи, укрывая его чернотой своих крыльев, отгоняя наступление утра.

Маледикт видел, как внизу на улицах трудятся фонарщики, сражаясь со сгустившейся тьмой. Сражаясь с ним в ночи. И в свете фонарей вспыхивала, приближаясь, позолота на доспехах Королевской гвардии.

В окне промелькнула тень, и Маледикт приник к стене, словно осторожный и терпеливый хищник. Он тряхнул головой, прогоняя ощущение сна, пытаясь почувствовать что-то кроме возбужденной решимости Ани. Цемент и кирпич раскрошились под его пальцами; рука сорвалась — Маледикт остался висеть на одной руке. Под ним к сине-золотым мундирам добавились серые: вооруженные пистолетами Особые были наготове. Маледикт осторожно перенес вес тела, стараясь облегчить спазм в руке, грозящий лишить его и без того ненадежного положения.

Доверься мне, услышал он шепот Ани — не в ушах, не в сознании, но в токе крови. Маледикт взбодрился, словно от глотка тонизирующего напитка, и подтянулся вверх еще на фут.

Задышавшись и обливаясь потом, Маледикт полностью подчинился воле Ани и забыл обо всем. Перед ним стояла одна задача: перелезть через стену, и он сосредоточился на ее выполнении. Он подкрался к освещенному квадрату окна в детской, поставил ногу на подоконник и заглянул внутрь. Между источником света и Маледиктом, спиной к окну, стоял гвардеец.

Не смея пошевелиться, Маледикт смотрел, удивляясь, почему гвардеец не оборачивается, чтобы взглянуть назад, и наконец понял: задача этого человека — следить за тем, что происходит в комнате; он твердо уверен, что все подступы к детской охраняются, что окно зарешечено и к тому же находится на четвертом этаже.

Маледикт, уцепившись одной рукой за каменный выступ над окном и перенеся вес тела на ногу, прижался к острому углу и попытался дотянуться до меча. Клинок прошел сквозь вековое, с пузырьками воздуха, стекло гладко и чисто, словно через лист бумаги, и достиг цели раньше, чем гвардеец успел обернуться на легкий звон разбитого стекла. Меч пронзил самое сердце охранника, и тот привалился к раме. Маледикт вытащил клинок, оставив изнутри на стекле кровавый круг.

Гвардеец обмяк, и Маледикт, прижавшись к решетке, выждал мгновение: не отреагирует ли кто-нибудь в комнате — кормилица, ребенок или другой гвардеец. Тишину ничто не нарушало, лишь Ани напоминала о своем присутствии.

Маледикт попытался просунуть голову между железными прутьями. Решетка была слишком частой. Выкованная с расчетом оберегать маленьких детей от падений, она заодно не позволяла попасть в комнату крупным хищникам. Впрочем, пробежав пальцами вдоль железных прутьев в ожидании помощи Ани, Маледикт обнаружил, что они идут не до самого верха окна; острые наконечники заканчивались раньше, оставляя щель — слишком высоко, чтобы туда мог забраться ребенок. А для Маледикта этот лаз вполне подходил. Не ждать же, в самом деле, пока Ани один за другим отогнет все прутья.

Щель была невелика — дюймов восемь в высоту и такой же ширины, как само окно. Маледикт подтянулся, просунул ноги за железные зубцы и стал медленно, осторожно пробираться сам. Острые наконечники надавили на грудную клетку, прорвали рубашку и вспороли стеганый ватный корсет. Зажатый между решеткой и стеклом, Маледикт попытался открыть задвижку с помощью гарды.

Маледикт упал на мертвого гвардейца, откатился в сторону и подошел к нему, держа меч в вытянутой руке. Потом нагнулся и поднял человека на ноги, пристегнув к решетке с помощью его же ремня. При беглом взгляде в темную комнату покажется, что гвардеец у окна просто задремал. И тут Маледикт, задыхающийся от натути, с удивлением осознал, что он не бестелесный кукловод.

Из другого конца игровой комнаты на него смотрел Адиран. Укрытый одеялами и окруженный кубиками, он не пошел спать в

свою кровать. Ани заставила Маледикта подойти к мальчику. Раздался резкий лай: собака, запертая в комнате Адирана, почувствовала чужака.

Мальчик улыбнулся Маледикту, завозился в одеялах и протянул ладошку. Ани улыбнулась, принимая знак — маленькую фарфоровую куколку с черными крыльями. Она коснулась головы Адирана и проговорила:

— Спи, бескрылый.

Как и в «Камнях», Маледикт ощутил, как что-то передалось через него — не отравляющая дурнота, а что-то меньше и острее, какое-то хрустальное зернышко. Глаза Адирана начали слипаться. Вздохнув, он свернулся калачиком среди своих одеял. Собака бешено скреблась в дверь, и Ани зашипела. Животное заскулило и умолкло.

— Хела? — Дверь в комнату приоткрылась, и Ани с Маледиктом вступили в краткую внутреннюю борьбу, отстаивая необходимость того или иного шага. Кровь или хитрость? Едва-едва одолев Ани, Маледикт шмыгнул за резной сундук с игрушками и притаился в его тени.

В детскую заглянул гвардеец. Увидев, что Адиран спит, он закрыл дверь, не почувствовав запаха крови, перебивавшего все ощущения Маледикта.

Юноша на цыпочках прокрался в противоположный конец детской к двери в другую спальню. Отворив ее, он обнажил меч. В кресле при потухающем свете лампы храпела кормилица.

Ани ткнула ее кончиком меча, пустив струйку крови; женщина даже не вздрогнула и не проснулась; удивление и подавленная жажда крови заставили Ее утихнуть. Маледикт взял со столика чашку, принялся к чайному осадку. Усыплена. Он улыбнулся ленивой, холодной улыбкой — скорее своей, чем Ани. Янус был здесь. Янус помогал ему. Но где же он сам? Маледикт обернулся, ища возлюбленного глазами, но вместо него Ани показала ему колыбель.

Граф Ласт. Мой враг. Последняя смерть. Маледикт прикусил губу, захваченный этой мыслью. Освобождение от Ани, достижение их цели. Осуществлению задуманного противостоял один простой образ — лицо Джилли, искаженное горем оттого,

что убито невинное дитя. Ани злобно заворчала внутри, напоминая, что Она позволила оставить Джилли в живых.

— Я обещал, — проговорил Маледикт, делая шаг вперед. Ему показалось, что белье в колыбели выпачкано алой кровью, а в воздухе стоит запах меди. Холодные пальцы стиснули рукоять меча. Еще шаг, подумал он, приближаясь.

Маледикт сунул руку в колыбель — и, ощутив что-то теплое и мокрое, инстинктивно отдернул. Кровь на пальцах оказалась самая настоящая — не результат несвоевременного розыгрыша, не плод воображения Маледикта. Малыш лежал, погруженный в сон, от которого ему не суждено было очнуться.

Маледикт взвыл, не желая примириться с действительностью — в одном горле смешались сдавленный крик жалости и отворачивания и хрип сдерживаемой ярости Ани. От стены отделилась тень и схватила его за запястье.

— Тише, Мэл. Еще рано...

— Янус, — выдохнул Маледикт; комната заколыхалась вокруг него. Вот-вот она разлетится на куски, и окажется, что все было лишь наваждением.

Янус коснулся ладонью его губ, и Маледикта окатил острый запах крови. Кровь впиталась в манжет Януса. Маледикт попятился, прислонился к закрытым дверям.

— Ты убил...

— Избавил тебя от скорбного деяния, — тихо договорил за него Янус. — Я видел, как тебя огорчает мысль о необходимости убить Ауруна. Но иначе было нельзя. Узнав, что ты сбежал из гостиницы, я понял, что ты явишься сюда. Вообще-то я рассчитывал, что ты доберешься быстрее.

— Мне пришлось вызывать Джилли, — онемевшими губами выговорил Маледикт. Он ожидал, что почувствует хоть что-нибудь, но гнев Ани, раскаленный добела, едва коснулся его. Маледикт надеялся, что гнев захлестнет его, успокоит, прогонит из живота холодный ужас от мысли, что этот человек с окровавленными руками и холодным взглядом — его любовник, его спутник на долгие годы, его возлюбленный.

— Джилли, опять Джилли, — рассердился Янус. — Время дорого. Мой план...

— Да, стать графом, я в курсе. Ты ненавидел этого ребенка, — сказал Маледикт.

— Он всего лишь младенец, недостойный ненависти. Я никогда не питал ненависти к Ауруну. И мне уже все равно, стану я графом или нет.

— Что? — прошептал Маледикт. Он неожиданно очнулся ото сна и ощутил всю реальность этой комнаты, этого момента, частого дыхания в груди, недавнего прикосновения руки к загубленному, мокрому тельцу малыша. Он дрожал с головы до ног и хотел только одного — выбраться, убежать прочь. Но у дверей дежурили гвардейцы, а Маледикт не представлял, как спуститься тем же путем, каким он забрался в детскую.

— Янус, — выдохнул Маледикт, ища понимания и возможности вырваться из детской, сделавшейся для него ловушкой.

— Я намерен стать королем, — проговорил Янус. Слова, видимо, тщательно продуманные и потому спокойные, повисли в тишине комнаты. — Моя родословная не так уж плоха, бастарды и прежде всходили на трон. Я уже теперь способен собрать соратников. За меня Де Герр и кое-кто из друзей Вестфолла. Но я должен был сделать выбор: убить Ариса, этого вечно колеблющегося сентиментального дурака, или младенца? Убийство короля всегда дело случая. Убить Ауруна — и Арису больше не к кому будет обратиться, кроме меня — теперь, когда в роду остались лишь я и Адиран.

Маледикт привалился к стене, подавленный бледным огнем в глазах Януса. Ани поднялась в нем, визжа столь пронзительно, что не слова Ее были различимы, а лишь дикое желание убивать. Маледикт не понимал, кого Она жаждала теперь. Он обещал убить графа Ласта — и младенец был мертв.

— Ани по-прежнему управляет тобой, — проговорил Янус, отступая и прикидывая возможную реакцию Маледикта. — Знает ли Она, понимает ли, что теперь граф Ласт — я?

Маледикт застонал; меч сам собой оказался у него в руках и потянулся к Янусу. Маледикт сопротивлялся клинку, как мог; Янус сам шагнул ближе, позволил лезвию вонзиться себе в руку. Он закусил губу, но не вскрикнул.

Янус отскочил назад, схватившись за рану. Показалась кровь и хлынула у него между пальцев, по рукаву, смешиваясь с пролитой кровью Аурана.

— Я знал, что ты поймешь. Великолепно.

Внезапно его глаза расширились, и он нырнул под колыбель, укрываясь от следующего удара; потом выскочил по другую ее сторону.

— Одного раза достаточно, Мэл. Ты должен контролировать Ани. Использовать Ее способности в наших интересах.

Маледикт задыхался, дрожа от изнеможения и страха: выходит, Янус вздумал играть в куклы с богами? Меч обжигал ладонь, перья гарды впивались в кожу. Глаза Януса сузились, засветились и стали походить на горящий газ. Янус следил, как меч медленно поворачивается в его сторону, подобно стрелке компаса. Маледикт ударил снова и убедился, что Янус пользуется своими старыми уловками, неоднократно проверенными на дуэлях: подступает слишком близко, чтобы можно было применить меч. Янус схватил Маледикта за запястье, отводя его руку в сторону, как подбитое крыло.

— Тише, — прошептал он на ухо Маледикту. — Ты не можешь убить меня. Теперь я — предмет как твоей мести, так и твоей любви. То, чего ты хотел, и то, что ты ненавидел. Ани не может убить меня, не нарушив вашего соглашения. Мы надежно заперли Ее внутри тебя. В конце концов, Ее способности слишком ценны, чтобы терять их.

Маледикт уронил меч и задрожал с ног до головы, не в силах произнести ни слова. Под веками замелькал калейдоскоп картинок: смерть Ласта, кровь Аурана, испещренная перьями кожа Мирабель. Он всхлипнул. Горло перехватило, Маледикт не мог вдохнуть, не мог понять, где ложь, а где истина. Аромат крови Януса распространился в воздухе — раненая рука была совсем близко от лица Маледикта.

— Миранда, доверься мне. Я знаю, что делаю, — проговорил Янус. — А теперь подбери меч. Он тебе понадобится.

Янус отступил, и Маледикт, чье сознание заполнила пустота, сделал, как просил любовник. Едва его пальцы коснулись гарды, как из другой комнаты послышался звон стекла: трещина от меча

разошлась, и в нее хлынули грачи. Мاستифф впал в бешенство — метался по комнате и оглушительно лаял.

Янус привалился к колыбели, зажимая ладонью рану на руке, и улыбнулся:

— Беги.

Маледикт бросился прочь от бледного, исступленного света в глазах Януса. Меч дрожал у него на боку. Маледикт промчался сквозь вихрь грачей, перескочил через обмякшее тело гвардейца и вспрыгнул на подоконник, но ладонь, все еще скользкая от крови ребенка, не могла зацепиться за решетку и соскользнула вниз.

На лай Хелы в комнату ворвались гвардейцы; в ответ Маледикт кинулся на них, рубя направо и налево. Первому он отсек руку, второго пронзил в грудь. Задышавшись, Маледикт поставил ногу на тело и потянул меч; клинок застрял в ребрах, и Маледикт дернул сильнее. Сквозь пелену он увидел Адирана: мальчик проснулся и подошел к нему, в распахнутых голубых глазах была тревога.

Прежде чем следующий гвардеец добрался до него, Маледикт вытащил меч и схватил Адирана. Стражник заколебался. Адиран крепко обнял Маледикта за шею и заплакал. В комнату нетвердой походкой вышел Янус и остановился, оглядываясь по сторонам, как будто только что очнулся от удара.

Маледикт сглотнул комок в горле, у него над ухом хныкал Адиран. Юноша стал продвигаться к двери, гвардейцы один за другим уступали ему дорогу.

Адиран принялся слабо вырываться, плач перешел в неуверенную икоту. Маледикт обнял мальчика крепче; мысли сплетались в сознании; вместо поиска пути к спасению в голове маячила петля. Гвардейцы будут преследовать его до края земли, пока у него Адиран. Можно было бы опустить мальчика на землю и бежать — Маледикта от гвардейцев отделяла едва ли не целая комната. Можно было захлопнуть дверь и задержать их еще на одну секунду. Но стоит отпустить Адирана теперь, и гвардейцы погонятся за Маледиктом, как борзые, оставив любимого сына Ари-са, весь смысл его жизни, в детской. Наедине с Янусом.

Маледикт кинулся по длинному коридору; по главной лестнице наперерез ему спешили гвардейцы. Впереди бежал Джас-

пер, его глаза лихорадочно светились от ярости. Увидев, что Адиран всем телом приник к Маледикту, он взмахом руки приказал гвардейцам остановиться. Те подчинились, задние ряды налетели на передние, но, к великому неудовольствию юноши, все же устояли на ногах. Второй мастифф, Бейн, растолкав людей, не колебался. Пес вырвался из хватки Джаспера, ободрав ему руки, и с рычанием бросился вперед.

Маледикт выпустил Адирана и побежал. Мальчик, перепуганный вибрирующей в воздухе яростью, опять захныкал. Бейн встал рядом с Адираном и скалился на всякого, кто пытался приблизиться к его подопечному. Коридор оказался заблокирован. Адиран вопил, обхватив руками шею пса. Гвардейцы смешались, но всего лишь на мгновение.

Пол под ногами Маледикта завибрировал: к страже прибыло подкрепление. Юноша вздрогнул. Дворец был хуже пчелиного улья — здесь нападали без размышлений.

Внутри раздавался шепот Ани. *Позволь Мне заняться этим, дай Мне заставить их всех страдать. Отдайся Мне весь.*

Нет, подумал Маледикт. Оттолкнувшись от стены, он побежал дальше, но слишком круто завернул за угол. Сапоги заскользили по паркету. Неподалеку Маледикт заметил еще одну лестницу и бросился к ней. У Януса имеется план, нужно верить ему. Выбора у Маледикта все равно нет. Они с Янусом словно играли в прежнюю игру, только теперь эта игра стала по-настоящему опасной. Миранда и раньше убегала, удирала прочь с похищенным товаром или оружием. Ей всегда удавалось обогнать обвинения, а Янусу — их отвергнуть.

Здесь было почти то же самое, все являлось частью плана. «Янусова плана, — со злостью подумал Маледикт. — Янусова, а не моего». Грудь разрывало тяжелое дыхание, сердце бешено билось. Маледикт схватился за перила и тут же увидел гвардейцев, спешивших к нему вверх по лестнице. Их было всего двое — сонных, едва продравших глаза. Маледикт с воплем бросился на них. Первому клинок угодил в лицо; он повалился, из разбитого носа хлынула кровь. Второго гвардейца Маледикт подмял под себя, падая с лестницы, чтобы не сломать собственные кости о грани ступеней.

Когда гвардеец предпринял неуклюжую попытку отбиться, Маледикт, пыхтя и задыхаясь, перерезал ему глотку.

Если только удастся выбраться из дворца, ночь укроет его. Тучи грачей заслонят его, словно свое дитя... Добравшись до пустой в этот час столовой, Маледикт привалился к стене и согнулся от рвотного позыва; потом выпрямился и начисто вытер окровавленное лезвие о скатерть.

Верь в Меня, шептала Ани лстыиво, мягко, заманчиво; вот так же шептала она в тот, первый раз, над скорчившейся под алтарем Мирандой, у которой от слез щипало глаза, у которой саднила и ныла истерзанная плоть. Тогда Ани спросила: «Какое зло причинили тебе, маленькая? Скажи Мне, чего ты хочешь...»

И теперь она говорила с Маледиктом с той же нежностью, словно злобная кровожадная ведьма была лишь ночным кошмаром в его душе. *Зачем верить Янусу? Все, что ты сделал, ты сделал ради него; ты стал другим ради него. Разве он тот человек, которым ты считал его? Разве он не солгал тебе? Разве он достоин доверия? Теперь лишь Я могу защитить тебя.*

Маледикт судорожно вздохнул, стараясь унять бешеное биеение сердца и не слушать уговоров Ани. Его потеряли из виду, пусть и ненадолго. Нужно этим воспользоваться. Дальняя стена была занавешена шторами. Маледикт отдернул их, надеясь увидеть окно. Но нет, за шторой оказалась фреска, а на фреске — залитые солнцем сады. Солнцем! Даже сейчас, глубокой ночью! Маледикт дико, безумно захохотал. Он ненавидел этот двор, где лгут даже стены.

За дверью послышались шаги. Маледикт бросился к черному ходу, рванул дверь, выворачивая петли, и понесся по коридору. Дверь перекосилась, указывая гвардейцам верное направление.

Темнота и тени, глухие стены лишили Маледикта и Ани сил и уверенности. У обоих слишком свежи были воспоминания о «Камнях». Если Маледикта поймают, ему суждено провести последние мгновения жизни в камере; не разбирая дороги, он бросился по коридору к единственной искорке света, что мерцала вдали. Горничная с фонарем в руках выглянула на шум. Она уже открыла рот, чтобы завизжать, когда Маледикт выхватил фонарь, пнул женщину и вытолкнул ее на середину коридора. Испуганно

хватая ртом воздух, горничная растянулась на гладком полу, глядя ему вслед. Маледикт ухмыльнулся. Пусть полежит там, пусть не спешит побороть свое оцепенение, пусть проклятые гвардейцы споткнутся об нее и подарят ему еще несколько драгоценных секунд.

Маледикт хотел прорваться к лестницам, к окнам, чтобы хоть как-то сориентироваться в пространстве. Почему Янус не дал ему карты дворца, если понимал, что дойдет до этого?

Маледикта трясло, хотя его кожа была горячей и потной, а фонарь жег левую руку. Он не находил ответа. Теперь главное — спастись; размышлять он будет после.

Юноша, лязгая мечом о стены, несясь по коридору — ход для прислуги, хотя и благословенно узкий для того, чтобы гвардейцы могли окружить его, был лишен преимущества покрытых коврами парадных комнат. Каждый шаг Маледикта отдавался эхом, словно пистолетный выстрел. Гвардейцы могли выследить его только по звуку. Маледикт не знал, за какой дверью искать очередную лестницу, которая, извиваясь словно лабиринт, поведет его дальше по дворцу. Из столовой тоже вели какие-то ступени, но он неразумно проскочил мимо них, а крики гвардейцев, что слышались за спиной, удержали Маледикта от того, чтобы вернуться и исправить ошибку. Столовая наверняка соединялась с кухней и кладовыми, а оттуда до свободы рукой подать. Маледикт толкнул ближайшую дверь, проскользнул в нее и захлопнул за собой.

Женщина, занятая починкой простыней, подняла на него взгляд. Во рту у нее была зажата игла, от которой тянулась нитка. Женщина испуганно выпустила иголку.

— Ни слова, — прошипел Маледикт, бросаясь к женщине. Он задул фонарь, скользнул под прикрытие широкой простыни, которую она штопала, и прижал кончик меча к ее животу. — Ни слова, — повторил он охрипшим от страха голосом. Будь Маледикт при дворе, он постарался бы скрыть свою слабость. Здесь же его отчаяние лишь способствовало беспрекословному повиновению швеи.

Дверь распахнулась, и в комнату словно свора гончих ввалилась толпа гвардейцев.

— Что вам нужно? — взвизгнула женщина; голос ее сделался еще пронзительнее, когда Маледикт надавил на клинок. По клинку заструился тоненький ручеек — не толще ее льняной нити, но темный, постепенно образовавший каплю на конце. Маледикт смахнул ее пальцем, спохватившись, как бы гвардейцы не расслышали в крике женщины попытку помешать им обыскивать комнату. Стражники рывком распахивали двери в соседние помещения, расшвыривали груды простыней, пока швея не съежилась, согнувшись вдвое. Сквозь тонкое полотно Маледикт видел ее лицо, искаженное гримасой страха.

Наконец гвардейцы ушли, хлопнув дверью, и Маледикт высочил из-под простыни.

— Пожалуйста, — залепетала она, — пожалуйста.

Маледикт понимал, что смерть швеи даст ему дополнительное время: женщина не сможет выкрикнуть, что он притаился в ее комнате, а потом бросился в обратном направлении. Но кровь швеи уже струилась по лезвию, и при виде нее у Маледикта перевернулся желудок: самое время, чтобы утратить жажду крови, с горечью подумал он. Ани лишь рассмеялась.

Если ты не придешь ко Мне, зачем Мне тебе помогать? — спросила Она.

Маледикт зажал швею рот и приставил к горлу клинок. Женщина побледнела, облизывая сухие губы.

Маледикт отпрянул, не запятнав меч лишней кровью, и бросился бежать. Уже добравшись до столовой, он услышал ее приглушенные крики.

Дурак, сказала Ани внутри него. Дурак, которого предали. Растворись во Мне — и Я помогу тебе. Маледикт с грохотом понесся вниз по лестнице, ворвался в кухню и обнаружил, что там полным-полно гвардейцев, охраняющих выходы.

Маледикт обернулся и бросился назад, вверх по лестнице, но понял, что сверху приближается другой отряд.

— Помоги мне, — прошептал он.

Хорошо, сказала Ани. Беги вверх, все время вверх, там грачи помогут тебе. Маледикт пинком захлопнул дверь перед носом первого подоспевшего гвардейца и кинулся наверх. Он миновал площадку, ведущую в комнаты прислуги. Теперь

ступени под ним гнулись, скрипели и крошились — видимо, он приближался к чердаку. Маледикт спотыкался, но все равно продолжал двигаться вперед, твердо уверенный, что эта лестница глухая, что никто не выскочит на него из какой-нибудь двери, будь то толпа гвардейцев или Особые.

В коридоре грянул взрыв. Штукатурка над головой Маледикта взметнулась пылью, и он сплюнул. Пистолетные выстрелы.

Маледикт обернулся, на бегу обозвав преследователей трусами. Особый вытащил второй пистолет и снова выстрелил; оружие взорвалось у него в руке, и он пронзительно взвыл. То ли работа Ани, то ли везение — Маледикту было все равно. Внезапно лестница закончилась чердаком, заваленным всякой всячиной.

Вверх. В темном потолке чуть более темной заплатой выделялся люк, ведущий на крышу, — его выдавало наличие щеколды. Маледикт взобрался к нему по куче хлама. Щеколда подалась в тот самый миг, когда гвардейцы ввалились на чердак и рассредоточились, образовав сеть из плоти и оружия.

Подтянувшись, Маледикт протиснулся в люк и очутился на плоской дворцовой крыше; свежий ночной воздух приятно холодил лицо, а небо ожило трепетом крыльев. Внутри него Ани тоже расправила крылья, отгоняя страх.

Маледикт захохотал и наступил на крышку люка, оторвав голову первому из гвардейцев, который полез вслед за ним, и столкнув тело назад его товарищам. Подумав, Маледикт пнул голову туда же и захлопнул люк.

Припереть крышку оказалось нечем — единственная щеколда находилась с внутренней стороны. Зато тот простой факт, что в люк можно было пролезть лишь по одному, надежно удерживал гвардейцев внизу. Маледикт подбежал к краю крыши и посмотрел вниз. Искать спасения на головокружительно далекой земле представлялось столь же невысказанным, как и пытаться улететь по небу. Он перегнулся через край, проверяя, насколько надежна стена. В этой части замка была старая каменная кладка, а не податливый цемент и выпуклый булыжник. Более того, Ани, кажется, не собиралась снова даровать ему сверхъестественные

способности; только дурак мог предпринять попытку спуститься по голой каменной стене.

Внизу, на чердаке, паниковавшие гвардейцы вдруг затихли — теперь слышались только четкие команды Эхо. Видимо, он решил взять ситуацию под личный контроль. Ну, хотя бы это удовольствие у Маледикта не отняли.

Юноша видел, как приподнялась крышка люка, пропуская Эхо. Он появился, подобно театральному демону, поднятый на руках своих подчиненных. В одной руке Эхо держал пистолет, в другой меч. Горло защищал кусок кольчужной ткани.

Маледикт приближался к Эхо легкой походкой. Советник навел пистолет, прищурился. Облачко дыма и отголосок выстрела достигли Маледикта на мгновение позже свинца. Маледикт пошатнулся, но пуля задела лишь ногу. Ани изгнала свинцовый комок, излечив назойливый жар внутри, поглотив боль. Маледикт мечом выбил у Эхо пистолет и скинул его с крыши.

— Я рад, что ты пришел, — проговорил Маледикт. — Без тебя было бы не так интересно.

— Ты умрешь, — сказал Эхо. Из люка за его спиной уже показался первый гвардеец. Маледикт быстро повернулся, пнул его в горло и толкнул обратно на чердак. Клинок Эхо со свистом рассек небо, метя в грудь Маледикту, и тут вдруг воздух наполнился грачами. Эхо молотил мечом направо и налево, тшил отогнать птиц от лица, спастись от терзающих клювов и разрывающих когтей.

Маледикт закричал:

— Он мой!

Пространство между ними расчистилось: грачи вихрем взмыли в небо; набрав высоту, они бросились вниз и окружили противников.

— Твои фокусы тебе больше не помогут. Арис повесит тебя, — пообещал Эхо, подходя ближе.

Маледикт принял удар на свой клинок, увернулся от тяжести тела Эхо и наконец отступил, резко отдернув меч. Он сделал выпад, надеясь ударить в незащищенный бок, но советник мгновенно парировал.

Маледикт отступил, стараясь держать в поле зрения и Эхо, и люк. Эхо оказался не таким дураком, с какими Маледикту доводилось сражаться прежде — кодекс чести не сковывал его движений. Стоило только одному из гвардейцев напасть на Маледикта и заставить показать Эхо спину, советник без тени смущения вонзил бы в эту спину клинок.

Эхо сделал выпад, намереваясь перерубить Маледикту подколенное сухожилие, но юноша успел перепрыгнуть через его меч и взмахнул своим, заставляя советника отступить. Крышка люка начала приподниматься, и Маледикт прыгнул на нее, вновь отталкивая гвардейцев. Но лишь на миг. Они навалились изнутри всем скопом. Маледикт чувствовал, как крышка ходит у него под ногами ходуном, и вдруг увидел метивший ему в сердце клинок Эхо. Маледикт сделал кувырок вперед и ушел от столкновения.

Маледикт в долю секунды оказался на коленях. В ушах отдавались шаги Эхо, сердце тяжело колотилось, кровь гудела в висках. Да, Эхо — не из тех благородных дураков, что не гнушаются ударить поверженного; и все же он — дурак. Маледикт упал на спину, перекатился и развернулся. Эхо навис над ним с мечом, и в тот же миг юноша вогнал клинок ему в грудь. Маледикт погрузил лезвие до конца, потом вынул. Эхо повалился, когда на крышу наконец высыпали гвардейцы.

Оказавшись без командира, они пришли в замешательство. Эхо истекал кровью у них на глазах, грачи кружили, наполняя воздух своими криками и перьями. Маледикт, стараясь отдышаться сквозь оскаленные зубы, поднялся на ноги. Гвардейцы растянулись свободной цепочкой, но ни один не спешил приблизиться.

Маледикт прижался спиной к парпету, оглядывая толпу стражников. Что теперь, размышлял он. *Лети*, призывала его Ани. *Лети!*

— Я не могу, — возразил он вслух, не обращая внимания на слушателей. Гвардейцы вздрогнули, и один, что был похрабрее, сделал шаг вперед.

Маледикт перехватил меч и проговорил:

— Только попробуй. Твои товарищи тебя не поддержат, а я просто убью. Мы будем ждать.

Крышка люка в очередной раз приподнялась, и Маледикт увидел знакомую улыбку, голубые глаза под бледным золотом волос.

— Янус, — проговорил он. Теперь игра продолжится, план Януса раскроется.

— Сэр, — предупредил гвардеец. — Осторожнее. Он убил лорда Эхо.

— Поэтому вы все стоите и ждете, чтобы его остановил кто-нибудь другой. Поистине, вас не даром называют храбрецами, — язвительно заметил Янус. — Если бы все вы навалились разом, с ним было бы уже покончено.

Сердце в груди Маледикта екнуло и затрепетало, как крылья. Янус играет, Маледикт в этом не сомневался, но все было так похоже...

Он предал тебя, ликовала Ани. Ты знаешь, что он предал тебя. Отрекся ради амбиций и золотого трона. Отдай мне свое будущее. Я обрушу на них их же город.

Янус никогда не пойдет против него — Маледикт держался за свою уверенность цепко, как прежде за кирпичную стену дворца. Янус любил его больше всего на свете.

Янус взял меч у ближайшего гвардейца и шагнул вперед. В его лице, белом, как у мраморных статуй, украшающих залы короля, читалась решимость.

Но не она, и не меч заронили семя сомнения в душу Маледикта — а тягучее, навязчивое воспоминание о том, как Янус ждал его появления, чтобы убить младенца. О том, как он задумал использовать божественную силу, причем выбрал божество безумное, способное решиться на все. И еще Маледикта смутил один простой факт: рана Януса была забинтована, он переоделся в свежую рубашку. Значит, пока Маледикт спасался бегством, Янус принаряжался для торжественного момента.

— Ани, — обратился Маледикт к небу хриплую молитву, задыхаясь от боли. — Ани.

Словно тысячи иголок вонзились в его кожу. Руки Маледикта задрожали, меч с лязгом упал на черепицу. Маледикт чувствовал его — резкий запах пробивающихся новых перьев, освобождающих Ани. Дворец под ногами содрогнулся — слов-

но проснувшийся зверь, словно лошадь, смахивающая надоедливую муху; крылья расправились.

Гвардейцы пошатнулись, глядя на Маледикта обезумевшими глазами. Двое из Особых кинулись к люку и исчезли в нем.

— Нет, — проговорил Янус, поворачивая меч в руке.

— Сэр, король желает допросить его, — предупредил гвардеец.

— И подвергнуть опасности весь дворец? — резко возразил Янус. — А если потолок упадет и погребет под собой его сына? — Со змеиной стремительностью он нанес удар.

Маледикт увернулся — для этого пришлось упасть и откатиться. Он постепенно отступал от Януса, изо всех сил подгоняя Ани с Ее превращением, с его исчезновением.

Едва ощутимо сознания Маледикта коснулась мысль, и он замер, потрясенный: ведь Джилли ждет его. Джилли. Ани издавала истошный вопль, грачи бросились на ряды гвардейцев, ослепляя и сея хаос.

— Мэл, — проговорил Янус. — Мэл... — В его голосе звучало то ли предупреждение, то ли мольба — Маледикт не понимал. Он знал лишь, что его любовник пришел за ним с мечом, что внутри бушевала Ани, и что единственный крошечный островок спокойствия в его душе взывал к Джилли. А потом весь разум затмило черное явление Ани, обездвижившее Маледикта: Она старалась завладеть его телом, заставить повиноваться Своей воле.

Лунный свет сверкнул на клинке Януса, когда он замахнулся и сделал выпад. Отчаяние заставило Маледикта вырваться из когтей Ани. Рука его взметнулась, отводя меч в сторону от нежной плоти; из ладони, которой он схватился за лезвие, хлынула кровь. Клинок отодвинулся всего лишь на какой-то дюйм — этого было недостаточно.

Меч погрузился в его плоть с легкостью, словно сроднился с ней. Скользящий жар проник в самое сердце и уютно там устроился.

В глазах Януса мелькнуло безумие, рот безвольно открылся, как будто он сам не верил, что был способен сделать то, что только что сделал. Лезвие скользнуло прочь, хотя Маледикт цеплялся за него, стараясь не выпустить. Кровь брызнула на чистую

рубашку Януса, попала на лицо и в рот. Он вздрогнул и закрыл глаза. Маледикт, все еще стоя на ногах, почувствовал, как тело его становится непослушным и каким-то далеким. Он смотрел, как Янус насухо вытер лезвие рукой, согнал кровь на черепицу. Лица гвардейцев казались ошупевшими от потрясения, как будто они не больше самого Маледикта верили в то, что его можно убить.

— Ани, — выдохнул он. Ани заполнила собой рану. Она поняла: рана смертельная.

Ани пронзительно закричала, рассредоточивая свое растущее могущество, чтобы опередить смерть Маледикта. Черепица разверзлась, выпуская ворон, и гвардейцы принялись слепо размахивать мечами в пурге черных крыльев.

При виде воронов грачи с криками взмыли в небо. Но могущество Ани в этом мире ослабевало, и птицы медленно превращались обратно в камни, едва соприкоснувшись со сталью. Маледикт смотрел на происходящее, оползая вниз по парапету; наконец он плавно соскользнул на горизонтальную поверхность.

Янус опустился на колени, рукой закрыл рану Маледикта.

— Мэл...

— Я бы не стал... — прошептал Маледикт. Кровь выступила у него на губах. — Ты не должен был... Зачем? — Ему не хватало воздуха; он смотрел, как на глаза Януса наворачиваются слезы. Они злили Маледикта, но крови оставалось слишком мало, чтобы зажечь прежнее пламя; да, слишком мало. И она все растекалась по его рубашке, по рукам Януса, по черепице.

— Тише, — прошептал Янус и прижал Маледикта к себе. От этого рана вспыхнула болью, и Маледикт застонал, уткнувшись лицом в плечо Янусу. — Вот, выпей, — проговорил Янус, протягивая маленький пузырек. — Пожалуйста. Это облегчит боль.

Маледикт послушно открыл рот и позволил жидкости струйкой устремиться в горло. Янус принялся растирать ему шею, заставляя проглотить настойку. Боль превратилась в онемение. Облегчит боль, неотчетливо подумал Маледикт, когда его будут вешать. Последний дар любовника — дар забытья перед лицом медленной смерти. Маледикт закрыл глаза, приветствуя его.

43

Из оцепенения, дарованного «Похвальным», Джилли вырвал шепот.

— Ты видишь тех птиц? — спросила одна шлюха.

— А ты слышала, как звонят колокола? — вопросом на вопрос ответила другая.

Теперь и Джилли слышал все — как бы сквозь туман; слышал гулкий звон дворцового колокола. Он вздохнул и закашлялся, потом попытался встать. Что-то тяжелое и прохладное соскользнуло с его колен. Он рассеянно поднял предмет и заковылял к окну. Женщины вскрикнули, когда он привалился к раме рядом с ними.

Грачи обезумели; они беспорядочно, бездумно носились по небу над городом искрами черной ночи, задержавшейся до зари. Мирабель прошептала когда-то, что грачи следуют за Маледиктом. А теперь они кружили безо всякой цели, не зная пути и направления, и Джилли почувствовал, как их ужас и растерянность передаются ему. Он знал без слов, без слухов, что грачам больше не за кем следовать.

Его пальцы сомкнулись вокруг предмета, что лежал на кровати рядом с ним. Раскрыв ладонь, Джилли увидел часы с выгравированными на них кораблями. От отчаяния у него перехватило дыхание.

Янус крался по коридорам дворца; каждый, кто встречал его, старался посторониться. Янус не винили ни придворных, ни лакеев. Он знал свой нрав, знал, каким бывает даже в лучшие дни; а сейчас наступил совсем иной момент. Те придворные, что не боялись вспышек Янусова гнева, гадали, каким станет его положение теперь, когда его любовник убил младенца-графа.

Янус вдруг запаниковал, так что даже дышать стало трудно. А если он ошибся? Если неверно все рассчитал? По сравнению с этим страхом опасение, что Арис решит обвинить Януса в смерти Ауруна, сделалось ничтожным: даже если расчет окажется верен, через несколько часов тело Маледикта вывесят на оружейной башне.

В часовне царили тишина и крошечная тьма. Кроме Маледикта, здесь не было никого. Арис отказался положить тело Аурына в одном помещении с убийцей и оставил его у себя. «Это мне только на руку, — подумал Янус. — Разум Ариса помрачен от горя, а Мэл...»

Янус в нерешительности остановился возле мраморного погоста. Кожа Маледикта была такой невероятной белизны, что даже запекавшаяся кровь на губах казалась алой. Никто не обмыл его, не оказал почестей, причитающихся мертвым. И никто не сделает этого. Но презрение к ритуалу оказалось Маледикту только на руку, ибо помогло сохранить его тайну. Более того, пренебрежение сохранило ей жизнь... Янус заставил себя улыбнуться этой иронии, заставил себя думать, что он прав, что всё, написанное в книгах, которые он похитил у Джили, — правда.

Набравшись храбрости, Янус положил руку на грудь Маледикту. Плоть юноши была холодная на ощупь и неподвижная, словно мраморная. Но когда Янус надавил пальцами на рану, из нее выступила свежая кровь.

Янус упал на колени. *Спасибо тебе, Ани! Спасибо.* Собственная натура Ани, о которой говорилось в книгах, не давала Ей отпустить его, пока не выполнены условия сделки. Облегчение отняло у Януса больше сил, чем страх. Прошли долгие минуты, прежде чем самообладание вернулось к нему.

Сила Ани сохранит Маледикту жизнь, пока яд, добытый при итарусинском дворе, будет сохранять иллюзию смерти. Янус спланировал все до мелочей, предусмотрел любые повороты событий, и все-таки что-то пошло не так. Маледикт шевельнулся и получил удар гораздо более опасный для жизни, чем рассчитывал Янус: клинок достал до самого сердца.

Содрогаясь всем телом, Янус обернул Маледикта в саван, взял на руки и понес в залу.

Оставив парадные коридоры, Янус стал пробираться ходами прислуги; он спешил, не обращая внимания на гулкое эхо своих шагов. Здесь, в глубине старого дворца, коридоры покрывал многолетний слой пыли и паутины. Но, оказавшись на недавно отстроенной половине, Янус остановился в нерешительности. Лишь один, последний рывок отделял его от конюшни и поджидавшей

кареты. Янус закрыл глаза, вверяя судьбу удаче и погруженному в траур дворцу.

— Еще чуть-чуть, Мэл, — проговорил он. — Скоро все закончится. Мы победим и будем вместе. — Янус заставил себя замолчать. Шепот из коридора, где никто не должен был находиться, мог привлечь внимание какого-нибудь любопытного лакея. И без того поднимется шум, когда эти болваны обнаружат, что тело Маледикта исчезло. Пусть лучше они думают, что Янус обезумел от горя и решил сохранить достоинство своего любовника, чем кто-нибудь заподозрит, что Маледикт выжил.

В коридоре было тихо, и Янус вынес тело Маледикта во двор, освещенный ярким, почти полуденным солнцем. Янус принялся моргать от слепящего света после темноты коридоров, но лицо Маледикта оставалось застывшим. Янус задрожал.

Уложив свою ношу на сиденье кареты, он крикнул кучеру:

— В Ластрест — и ни под каким предлогом не останавливаться.

Наемный кучер с ужасом оглянулся на сверток в руках Януса и тряхнул вожжами, посылая пару рысью.

Янус сплел пальцы Маледикта со своими, но они бессильно соскользнули, вялые и холодные. Янус боролся с накатывающей паникой. Маледикт все еще мог умереть. Рана такая глубокая, что, если Ани оставит его... Если Она откажется от сделки, Маледикт очнется лишь для того, чтобы до смерти истечь кровью на руках у Януса.

Сопоставив опасность тряской езды и преимущества скорости, Янус крикнул кучеру подстегнуть лошадей. Пара понеслась галопом. В подпрыгивающей карете Янус обнимал Маледикта все крепче, стараясь уберечь от вреда, который могли принести ухабы, и думал: «Хоть бы только чертов мальчишка сделал все так, как я его просил».

Желудок сводило от тревоги. Начался дождь, и Янус немного расслабился. Дождь будет им только в помощь. Янус стал размышлять, где теперь погоня и хватились ли тела Маледикта — а если так, то явились ли гвардейцы сначала к Арису, прервав его уединение, или сразу бросились вслед за ними.

Теперь, когда Эхо был мертв, а Джаспера потрепал пес Адирана, гвардейцы не сразу решатся побеспокоить Ариса, а значит, потеряют драгоценное время.

Карета с грохотом въехала в ворота Ластреста. Янус выскочил из нее и понес Маледикта в дом.

Его неожиданный приезд переполюшил прислугу. Янус, не обращая ни на кого внимания, направился в свою спальню. Там он уложил Маледикта на кровать, потом запер дверь на щеколду.

— Мэл? — позвал он.

Но Маледикт лежал, по-прежнему бледный и холодный, ни на что не реагируя. Янус нахмурил брови: действие сыворотки должно было уже прекратиться; удовлетворение от тщательно продуманного плана снова сменилось паникой. Что ему делать, если Маледикт умрет? Если он убил...

— Сэр, — входя через потайную дверь, позвал мальчик. — Вас так долго не было.

— Кто-нибудь тебя видел? — спросил Янус, разглядывая молодого человека. Стройный, словно клинок меча, темноволосый, бледный настолько, насколько пудра была способна выбелить его кожу. У Януса даже екнуло сердце.

— Нет, вы сказали никуда не выходить. А мне было так скучно. — Губы мальчика уныло опустились, и Янус рассмеялся.

— Извини, Мэл.

— Меня зовут не...

— Ведь это не так уж и важно, — проговорил Янус, поднимаясь. — Разве нет?

— Что это? — спросил юноша, проявляя кошачье любопытство и переменчивость интересов, как всякая шлюха.

— Ты, — ответил Янус, осторожно разворачивая Маледикта. — Подойди, взгляни.

— Это восковая кукла, — проговорил мальчик, приблизившись.

— Нет, — рассмеялся Янус. Губы Маледикта сжались, ресницы дрогнули от упавшего на лицо лучика света.

— Мне это не нравится, — проговорил юноша, отступая. — Я хочу назад, в бордель.

Янус поборол желание просто выхватить меч. Было бы неразумно гоняться за мальчишкой по всей комнате, но ему не терпелось завершить задуманное, пока затягиваются раны Маледикта.

— И ты уйдешь, не получив платы? — спросил Янус, подбавляя в тон презрения. — Я еще не наслаждался тобой. А ты спал в моей постели, ел пищу и пил напитки, что я дал тебе.

Юноша приблизился, облизывая губы.

— Вы не станете...

— Не стану что? — спросил Янус, откидываясь назад на постели. Его ладонь скользнула на рукоять меча, спрятанного под саваном.

— Не станете заставлять меня прикасаться к нему... — и юноша кивнул головой в сторону Маледикта, который по-прежнему походил скорее на труп, чем на живую плоть.

Янус, чей гнев немного остыл, проговорил:

— Если бы ты прикоснулся к нему, я бы убил тебя. Им я не поделюсь ни с кем.

— Ну, тогда все в порядке, потому что я бы нипочем к нему не притронулся, — сообщил юноша, устраиваясь рядом. Янус привлек его ближе, целуя в мягкие губы, и тут же всадил в него меч. Юноша дернулся и задохнулся; кровь, горячая и соленая, хлынула Янусу в рот.

— Прости, Мэл, мне так жаль, — прошептал Янус, слизывая с губ кровь. — Я не хотел причинить тебе боль. — Звук шагов в коридоре пробудил его к реальности. Теперь он был не на крыше дворца и держал в руках не Маледикта, а мальчишку, которому заплатил. Янус бросил его, отер губы, взял Маледикта на руки и вынес его через дверь, из которой появился мальчик, в тайную комнату. Арис, разумеется, знал о ней — ведь он вырос в Ластресте; но вряд ли он станет искать там, если тело обнаружится где-нибудь поближе.

Янус опустил Маледикта на кровать. Отпихнув прочь объедки, что оставил мальчишка, он достал припасенные заранее медикаменты и стал трясушимися руками зашивать рану, прокалывая иглой не только кожу под маленькой грудью, но стягивая вместе мышцы и сухожилия. А если не получится? Янус

плеснул на шов виски, и Маледикт выгнулся дугой так, что вздулись жилы на его шее.

— Тише, — проговорил Янус, целуя Маледикта в лоб. Он стал бинтовать порезы на ладонях, которыми Маледикт пытался остановить движение меча. Януса беспокоило, что такие незначительные раны до сих пор не зажили.

— Я вернусь. Просто отдыхай.

Закрыв за собой дверь, Янус обернул в саван тело юноши и понес его вниз, мимо потрясенных слуг, в сады, мокрые от дождя.

Когда он вернулся в дом, весь покрытый грязью и дрожащий от изнеможения, с открывшейся вновь раной, его ждал Арис.

— Где тело? — спросил Арис. Его лицо избороздили морщины, на щеках краснели пятна слез и гнева. — Где оно?

Янус опустил на колено.

— Ищите его сами, сир.

Арис сделал шаг вперед и хлестнул племянника по лицу. От удара Янус упал на спину и растянулся на полу. Будучи изможден и не в настроении изображать покорность, Янус все же достаточно владел собой, чтобы не ответить на удар, а довести свой план до конца. Вдобавок Ариса даже теперь плотным кольцом окружали гвардейцы. Янус заставил слезы выступить на глазах и прошептал:

— Я слишком любил его, чтобы наблюдать, как его тело вывешат на всеобщее обозрение, чтобы люди делали ставки, когда именно вороны выклюют ему глаза и какие кости упадут первыми, чтобы смотреть, как толпа разрывает на части его обглоданные пальцы.

— Ты похоронил его в имении? Здесь, на земле, принадлежащей семье ребенка, которого он убил? Он не может здесь остаться. Его повесят высоко над городом, как любого другого предателя. — Арис прошелся по комнате, выглянул в залитое дождем окно, махнул гвардейцам: — Начинайте искать. Ищите разрытую землю.

Гвардейцы поклонились и вышли. Янус опять упал на колени перед королем.

— Дядя, я прошу вас. — Боясь, как бы на лице не промелькнула искра ликования, Янус старался мысленно представить себе, что там, в саду, в земле и впрямь лежит Маледикт.

— Ты знал? — спросил Арис, рывком разворачивая к себе Януса. У юноши мелькнула мысль, что теперь перед ним стоит совсем другой король. Не вялый, не убитый горем, но движимый отчаянием и яростью. — Ты знал, что замышляет твой любовник?

— Нет, — ответил Янус. — Нет.

— Единственное, что спасло твою шею, — тот факт, что он влез в окно по стене, как проклятый демон. И не знал, как спуститься. Если бы ты помог ему, он наверняка проник бы сквозь двери и бежал без особого труда.

Янус размышлял, насколько убедительно прозвучит, если он еще раз отвергнет подозрения короля. Он молча ждал.

— Я слишком долго доверял Маледикту, валяя дурака. А ты, который, можно сказать, жил у него в доме, рассчитываешь, чтобы я доверял тебе... Хотел бы я тебе верить, — проговорил Арис. — Хотел бы я верить собственной плоти и крови, но смерть что-то слишком тщательно расчищает тебе дорогу. — Арис облокотился о стол. Янус отметил, как всего за одну ночь постарел король.

— Я мог бы заточить тебя в тюрьму или казнить, но в нашей семье больше никого не осталось. Если род Ласта продолжится, то лишь через тебя. — Арис стоял, бессмысленно сжимая и разжимая кулаки. — Что же до изгнания, Итарус с радостью примет тебя в свои объятия, чтобы использовать против Антира. Как тогда быть Адирану? Я не перенесу второй войны за мой трон.

Арис протянул руку; лицо его было мрачно. Янус осторожно взял протянутую ладонь и стиснул ее, и привлек племянника к себе.

— Это мой грех — и моя вина. Я виновен в том, что скорее предпочту видеть на своем троне отцеубийцу и заговорщика, чем допущу очередное кровопролитие, которое повлечет моя смерть в отсутствие дееспособного наследника. Так что ты выиграл, Янус. В какой-то мере. Ты останешься при моем дворе. Моим третьим советником. Но лишь посмей приблизиться к Адирану — и по

моей команде псы перегрызут тебе глотку. Без колебаний. Теперь твоя и его жизни неразрывно связаны. Если мой сын подхватит лихорадку или даже просто ударится, ты за это заплатишь. Ты хорошо понял меня, племянник?

В глазах Ариса стояла ледяная синева зимнего неба, и впервые в жизни Янус отвел взгляд.

— Я бы никогда не причинил зла Адирану, — проговорил он, обретя наконец дар речи. Впрочем, вредить Адирану и не требовалось: его присутствие было только на руку. Если Янус станет регентом глупого и доверчивого молодого человека, в которого должен был вырасти Адиран, его положение не будет отличаться от положения короля на троне. Но все эти мысли отступили перед настоятельной потребностью вернуться к Маледикту, удостовериться, что шов не разошелся после прекращения действия снадобья, облегчить его боль...

— Янус, меня тошнит от твоего пустословия. Отправляйся наверх и не смей покидать своих покоев, пока мы не завершим обыск.

Янус подавил готовую вырваться наружу ярость, еще раз напоминая себе, что они ищут продажного мальчишку — всего лишь подделку. Наверху захлопали двери, и он вперил взгляд в пол, опускаясь в поклоне, хотя все его тело пронизывала тревога. Он ожидал, что гвардейцы ограничатся поисками на землях Ластреста и не станут обшаривать дом. Бросив последний взгляд на опустошенное лицо Ариса, на стражников на подъездной аллее, разбирающих лопаты, Янус как бы неохотно покинул комнату, хотя кровь пульсировала в его жилах, подгоняя: *скорее, скорее*.

Дверь в его покои стояла настежь, шкафы — тоже: гвардейцы вели обыск. Янус открыл рот, собираясь возразить, и тут кровь застыла у него в жилах. Обойдя дверцу шкафа, скрывавшую часть стены, он увидел, что потайная дверь широко распахнута.

— На кровати и на полу кровь, — заметил один из гвардейцев.

— Я тоже был ранен. Когда защищал Ауруна. — Янус не мог контролировать собственный голос; все его существо дрожало от единственного желания — захлопнуть дверь в потайную комнату, хотя он прекрасно понимал, что уже слишком поздно.

Гвардейцы переглянулись и ушли, заперев Януса снаружи. Он, спотыкаясь, заковылял в потайную комнату, но в крошечном тесном помещении его ждали только мрак и тени. Потухшие свечи были холодными.

Янус ощупью побрел к пыльной кушетке, на которой оставил Маледикта. Не может быть, чтобы он встал и опять начал играть в смертельные «кошки-мышки» с гвардейцами... У Януса перехватило дух; он подавил рыдания, представляя, как находка стражников превзошла все их ожидания — ведь они обнаружили не труп, а выжившего, пусть и слабого, пропавшего Маледикта. Он был легкой добычей. Янус упал на колени, простирая руки в мольбе, и вдруг его ладони коснулись липкой, потной плоти. До его слуха донесся едва слышный стон. Поднеся ладони к глазам, Янус увидел на них кровь.

Дело рук Ани, понял Янус. Пустая комната на самом деле оказалась вовсе не пустой; та же паутина теней, что поймала в капкан Ластва, теперь спасла вместилище Ани. Янус истерически захохотал, но тут же испуганно смолк. Какой же силой обладала Ани — и Миранда вместе с ней? С такой мощью он мог бы добиться чего угодно... Он и Маледикт будут править этой страной, как правила Развалинами, и никто не осмелится пойти против их воли. Если Маледикт выживет.

Янус приник к кушетке, стиснул холодные, скрюченные пальцы в своих ладонях.

Во рту был привкус пыли и крови, и едва ощутимый запах промасленной стали словно поднимался от раны сквозь вены. Пульсация боли, опустошающей, смертоносной, из одной точки волнами распространялась по всему телу. Миранда с трудом открыла затуманенные глаза. Ее окутывали неясные тени, по сторонам поднимались крутые стены — слишком крутые и высокие, в склепах таких не бывает. Маледикт мертв, это она точно знала. Янус убил его, и даже Ани он загнал в глубину его тела, где Она сжалась в комочек, затаилась.

Неимоверным усилием воли Миранда приподняла руку — и уронила на грудь, на тугую льняную шов над самым центром боли. Тени сомкнулись над ней, веки смежились. Комната закрыжи-

лась, выписывая затейливые повороты, словно танцевальные фигуры, которым когда-то учил ее в садах Арис. Когда Миранда набралась сил, чтобы снова открыть глаза, стены стали обычным неподвижным камнем.

Из темноты к ней выплыл мертвенно-бледный отсвет, квадрат тьмы породил златовласую фигуру в белой рубашке.

— Не прикасайся. Рана у самого сердца. Я боялся, что ты не выживешь.

— Янус... — едва слышно выдохнула Миранда. Почти незаметное движение груди вызвало жар и мучительную одышку.

— Тише. — Янус опустил ее возле на колени, взял забинтованную ладонь в свои. Миранда ощутила новый запах — густой, кисловатый дух мокрой земли и листвы. Он возобладал даже над запахом крови, исходившим от ее кожи, и смертельной усталости Януса. Черная почва и суглинок — холодная земля, поднятая из глубины, куда никогда не проникал солнечный луч. Миранда знала этот запах, она ощутила его на похоронах Ворнатти. Янус копал могилу.

— Я же все спланировал, Мэл. Зачем ты пошевелился тогда, на крыше? Я чуть не убил тебя.

Маледикт вздохнул. Попытался вздохнуть. С усилием заставил губы шевелиться, а язык прижаться к губам, и беззвучно выговорил:

— Ани никогда не прекращает борьбу. Я не мог прекратить борьбу. Даже с тобой. Думал, что ты собираешься убить меня.

Маледикт позволил тьме поглотить себя, заглушить ощущения. Пальцы на груди онемели, ноги стали свинцовыми.

— Я бы никогда не причинил тебе зла. — Ладонь Януса, такая горячая на его холодной плоти, обожгла, вернула из забытия.

— Сейчас больно...

— Я надеялся, что Она залечит тебя гораздо быстрее. Что это займет каких-нибудь несколько минут. Я не ожидал такого. — Янус поник головой; с его волос на подушку, капая на лицо Маледикту и вызывая крошечные взрывы ощущений, стекал ручеек мутной воды. Когда Янус поднял голову, Мале-

дикт увидел, что его перепачканное лицо исполосовано мокрыми бороздками слез. Янус выудил из кармана бутылъ.

— Я принес тебе «Похвального». Сможешь сделать глоток, как думаешь?

Маледикт проговорил:

— Элизия...

— У меня нет элизии. И, пока Арис здесь, я не смогу за ней послать. Прости.

Боль захлестнула Маледикта снова, вырвалась наружу, запульсировала, заставляя пот струиться по спине и бокам.

— Отправь за ней Джили, — сказал он. Ужас дальнейших мучений пугал его, как ничто прежде, не считая разве заточения в «Камнях».

— Тебе вредно разговаривать. — Янус помог Маледикту приподнять голову, нежно поддерживая под затылок. Какой-то дюйм от подушки — в движении сократились крошечные мышцы шеи, грудной клетки — и сознание юноши снова изнутри залила чернота.

— Мэл?

Разлепив губы, Маледикт попытался сосредоточиться. Янус влил ему в рот глоток «Похвального». Маледикт захлебнулся, мотнул головой — и большая часть ликера оказалась на подушке. Лучше это, чем обжигающий приступ кашля. Маледикт был готов захлебнуться «Похвальным», только бы не мучиться ожиданием агонии. Он едва ощутил вкус напитка, сдавившего горло, а потом вспыхнувшего в груди пламенем.

Маледикт вздохнул. Комната, пульсируя, становилась все темнее и темнее. Руки Януса надежно поддерживали его голову. Когда у Маледикта в глазах снова прояснилось, Янус спросил:

— Еще глоток?

Маледикт согласно приподнял подбородок.

— Медленнее, — чуть слышно выдохнул он и тут же почувствовал, как край стакана коснулся его языка, как жидкость, обволакивая, растекается по нему тонкой струйкой. Маледикт сделал глоток — больше, чем предыдущий, и еще один. Остатки «Похвального» стекли по его щекам и подбородку.

Будто жар свечи заплясал в глазах Миранды, возвращая ее в сознание. Онемение окутало ее тело словно саван; склонившийся над ней Янус казался лишь сном. Он коснулся бинтов на груди Миранды, и боль вспыхнула с новой силой. Янус отогнул повязки, пропитал их спиртом и целебными мазями. Миранду охватила дрожь; она потеряла счет времени. Вдруг она уже мертва — и все это будет повторяться раз за разом: Янус, раны, боль, слова. Но теперь лицо Януса, склоненное к ней, было чистым, волосы высохли и лежали беспорядочными волнами.

— И нужно же тебе было дернуться. Ведь я спланировал все, даже простой удар, чтобы не задеть ни один жизненно важный орган. А ты взял и зашевелился. Я думал, что твоя любовь ко мне сильнее, Мэл. Что ты в самом деле знаешь меня. А ты подумал, что я собираюсь убить тебя... Я не знаю, поправишься ли ты. Не знаю, смогу ли тебя спасти... — Голос Януса дрогнул и смолк.

— Люблю тебя? — повторил Маледикт; теперь ему было чуть легче дышать, самую толику. — Я люблю тебя, люблю так давно, мой Янус. Мой король. Но я не знаю, верю ли я тебе.

Руки Януса замерли на повязке.

— Ты можешь всегда верить мне. — Быстрый проблеск жара в его глазах, казалось, был ярче света свечи. Янус пригладил бинты, закрывая рану.

Опровержение тому вертелось у Маледикта на языке единственным именем — Джилли. Но он промолчал, позволив этому слову остаться, чтобы придавать ему сил.

— Вот, — сказал Янус, поднося к губам Маледикта стакан. — Отдохни.

Едва слышный звук достиг слуха Маледикта. Янус поставил бутылку рядом с кушеткой.

— Тише, — предупредил он и вышел, оставив Маледикта в объятьях теней. Маледикт неловко наклонил бутылку ко рту и сделал несколько глубоких глотков, прежде чем она скатилась с его груди на простыни, пропитав их «Похвальным».

Она снова проснулась в жару и лихорадке, среди каменных стен, и попыталась сложить вместе простейшие элементы мозаики — кто она теперь? Миранда мертва — она умерла в Развали-

нах. А Маледикт встретил смерть на башне дворца. Янус выкопал для него могилу. Запах мокрой земли по-прежнему стоял у него в ноздрях. Простыни были перепачканы землей там, где касались пола. И еще пол был забрызган кровью — его кровью, а на лице Януса виднелись следы слез. Наверно, Маледикт умер. Он лежал молча и оцепенело, холодный, как глина. Но ведь он мог размышлять... Значит, он стал призраком. Бледная полужизнь, ни то ни другое, пыльная, пустая, как эта комната. Но лихорадка, сжигавшая Маледикта изнутри, заставляла его чувствовать себя живым. Не может быть, чтобы после смерти ему было так же больно.

— И все же нет доказательств ни того, ни другого. — Комната отвечала Маледикту его же бессвязным хриплым бормотанием, словно крысы шуршали, рассыпаясь по углам. Но в воздухе витали и другие голоса — шепот, путешествующий сквозь стены, тайны, подслушанные камнями. Маледикт выбрался из кровати, заставляя онемевшие ноги двигаться; упал и потерял сознание, поднялся и заковылял к тому месту в стене, откуда доносился шепот. Сюда просачивались слова — бессмысленные для призрака, но на всякий случай он сохранял их в памяти.

— Янус, ты должен сообщить нам, где похоронил его. Я не позволю убийце Ауруна покоиться в этой земле. Мы найдем его. Зачем оттягивать неминуемое?

Снаружи слышались громкие голоса; крики далеко разносились в чистом воздухе, пробираясь внутрь сквозь узкую, незаметную щель под карнизом. Маледикт неуверенно поднял руки... Если бы он был привидением, он полетел бы к тому месту, чтобы взглянуть, как живые солдаты возятся в могиле, как они выкапывают его кости из сырой земли, рассекая ее лопатами — так же, как когда-то его собственный меч отсек его от двора.

— Мы нашли его, сир, — слышался почтительный голос уже ближе.

Арис вздохнул.

— Наконец-то. Заверните его. И отвезите во дворец, чтобы выставить напоказ.

«Мое тело», — подумал Маледикт. Уменьшая действие «Похвального», звучали боль и усталость в голосе Ариса, обреченность в тоне Януса.

— Вы не позволите ему покоиться здесь.

— И не только здесь. Маледикту не найдется места в земле Антира, — ответил Арис. — Когда птицы разделаются с ним, его кости вышвырнут в море.

Маледикт сполз по двери, не в силах держаться на ногах. Зато удар, сотрясший его, когда он коснулся пола, вернул его к реальности, хотя тело окатили волны захватывающей дух боли. Если бы он был жив...

Дверь распахнулась, и Маледикт рухнул к ногам Януса. Выругавшись, Янус поднял его на руки.

— Ты спятил? Дверь могла открыться в любой момент, а ты к ней прислонился. Вот бы было зрелище для Ариса. — Янус понес Маледикта на кушетку и, поморщившись при виде запятнанных простыней, усадил его в кресло.

— Кто это был?

Янус сорвал грязную простыню и постелил другую — неуклюже, как человек, которому редко приходится делать подобные вещи.

— Просто какой-то мальчишка. Он довольно сильно походил на тебя, а четыре дня, проведенные в сырой земле, помогут делу еще больше.

— Просто ни в чем не повинный человек, который умер лишь потому, что был похож на меня, — проговорил Маледикт.

— Не надо... — сказал Янус. — Джилли оказал на тебя ужасное влияние. Это у него ты нахватался предрассудков, вроде нравственности и совестливости. Тот мальчишка был ничто по сравнению с тобой. Как только я увидел его, я понял, что он пригодится для твоего благополучия. — Янус поднял и перенес Маледикта на кушетку со множеством подушек. От боли Маледикт закусил губу, потом расслабился, ощутив под собой что-то мягкое.

Янус улыбнулся.

— Тебе намного лучше. А я уже начал было бояться, что потеряю тебя. Что Ани оставила тебя, и ты стал уязвим.

— Ани, — вспомнил Маледикт. — Нет, Она по-прежнему где-то внутри. — Только такая маленькая, что Ее почти не слышно. Она спряталась глубоко-глубоко. Маледикт едва отыскал искру Ее присутствия — черный колодез гнева, засыпанный усталостью и болью в костях. — Значит, ты выиграл? — спросил он в полудремоте. — Арис простил тебя за любовь ко мне? Он верит, что ты невиновен?

Янус опустил на кушетку рядом с Маледиктом, стал поглаживать его спутанные волосы.

— Я не наказан, но и не обрел доверия.

Не имея достаточно сил, чтобы увернуться от ласкающих пальцев, Маледикт попытался оттолкнуть Януса словами.

— Кажется, ты не способен долго внушать доверие, да? — Раздражение в его голосе откликнулось болью в груди.

Пальцы Януса на миг замерли и снова начали поглаживать Маледикта по волосам.

— Мне жаль, что ты во мне усомнился. Я снова научу и тебя и Ариса доверять мне.

— Ничего страшного, даже если я не научусь, — проговорил Маледикт. — В конце концов, я лишь покойник.

— Что ты такое говоришь, — успокоил Янус. Он склонился и приник губами к губам Маледикта. — Все будет хорошо. Мы будем там, куда всегда стремились. Вот увидишь.

44

Маледикт угрюмо смотрел на белые стены, скользая по ним взглядом, за которым пока не могло последовать тело. В его груди пылал огонь — теплом заживающих ран, а не жаром зияющей истерзанной плоти. Маледикт взглянул на щель окна, потом взор его переместился обратно к двери. Она не открывалась много часов или даже дней. Затерявшись во снах, навеянных «Похвальным», и в бреде, он по-прежнему не вел счета дням.

Из комнаты испарился тяжелый запах крови и густой земляной дух глубокой могилы. Белье, на котором лежал Маледикт, пахло лишь крахмалом и утюгом. Рядом стояла нетронутая коробка шо-

коладных конфет-ассорти из кондитерской, олицетворяя очередную провалившуюся попытку Януса накормить Маледикта. Юноша открыл коробку, но шоколад лишь навеял воспоминания об отравлении Джилли и отвратительной смерти Лизетты.

Еда на подносе возле кровати остыла, несмотря на то, что была плотно укрыта специальной грелкой, на чайнике виднелись следы танина от перестоявшей заварки. Бутылка вина была наполовину полной, зато «Похвальный» Маледикт почти допил. Возле чайника лежал ломоть хлеба, все еще довольно свежий, чтобы вызывать аппетит. Маледикт откусил от него и принялся жевать, хотя это движение отозвалось болью по всему телу. Он швырнул хлеб обратно на тарелку, и тот, скатившись, упал на внушительную стопку романов.

Комната выводила Маледикта из себя. Пребывание в ней напоминало какую-нибудь безумную сказку из книг Ворнатти: больная девочка, заваленная подарками от поклонников и обреченная на трагическую смерть.

Маледикт неуверенно повернулся на бок, и когда боль — самая верная из его спутниц — не усилилась, хотя и не уменьшилась, встал на ноги. Дыхание со свистом вырывалось из его горла.

Маледикт проковылял до конца комнаты и прислонился к двери, нащупывая защелку. Застонав от натуги, он наконец открыл ее и оказался в пустых покоях Януса. В комнате царил полумрак, окна были занавешены, а дверь, ведущая наружу, оказалась заперта. Нагнувшись, Маледикт увидел в замочной скважине с другой стороны ключ и вздохнул: все равно что птица в клетке. Но куда ему было идти — ведь Маледикта так хорошо знали повсюду!

Он осторожно подкрался к окну и чуть отодвинул занавеску. Сад пересекали косые лучи света, и Маледикт впервые понял, что время не стоит на месте. Был ранний вечер, только-только подступали сумерки. Подходящее время для прогулок призрака, подумал Маледикт. Он услышал, как по ракушечнику дорожки с неспешным хрустом подъехала карета.

В саду, подсвеченном вечерним солнцем, играли дети слуг, одетые бедно, но опрятно. Завидев карету, они зашептались и бросились наутек. Маледикт смотрел, как они разбегаются по

домам, завидуя их свободе — пусть и не выходящей за пределы господской усадьбы. Один мальчик остановился и посмотрел вверх. При виде Маледикта глаза малыша округлились от ужаса.

Маледикт поспешно опустил штору и отступил. Сердце его бешено колотилось. Но что мог увидеть ребенок? Лишь призрачную фигуру в затемненной комнате.

В замочной скважине за спиной повернулся ключ, и Маледикт бросился к пологу кровати. От неожиданного напряжения в глазах у него все заплесало. Он сделал глубокий вдох и постарался не издать ни звука, хотя боль пронизывала все тело. Вошел Янус, и Маледикт выдохнул.

— Мэл, — испуганным шепотом заговорил Янус. — Ведь тебя могли увидеть.

— В запертой комнате? — удивился Маледикт, опускаясь на кровать в надежде уменьшить боль в груди.

Янус подошел ближе, нагнулся, и с его шеи соскользнула гирлянда из розовых бутонов. Маледикт протянул руку и разорвал нить; лепестки и листья разлетелись, усыпав постель.

— Символ помолвки?

— Через три дня я женюсь на Псайке Беллейн — по особому разрешению и декрету короля, — проговорил Янус, едва сдерживая улыбку. — Полагаю, Арис хочет использовать ее как шпионку. Бедное дитя. И как похоже на Арису — принимать ум за умение.

— Ты такой умный, — заметил Маледикт, откидываясь на смятые подушки и прикрывая глаза рукой. — А я-то всегда думал, что быть умным — это моя доля. Тем не менее, ты добился всего, чего хотел. А я... Я всего-навсего призрак.

— Ты выпил слишком много «Похвального», любовь моя, — возразил Янус. — Ты очень даже живой.

Гнев, как всегда, прибавил Маледикту сил и энергии:

— Да, но замурован здесь словно труп. Я не твоя любовница, или любовник, или придворный. Я твоя тайна, запертая в каменных стенах, спрятанная от слуг и живущая тем, что ты мне приносишь. Теперь ты женишься. Ты отправишься в свадебное путешествие, а кто, любовь моя, будет кормить меня? Кто, скажи на милость? Я всецело завишу от твоих прихотей. Доверишь ли

ты кому-нибудь свою тайну — опасную, коварную тайну, которую я собой представляю? Или я буду ползать по твоему дому словно крыса, перебиваться украденным ломтем хлеба или куском колбасы и слушать, как лакеи да горничные обвиняют в пропаже друг друга?

— Мэл, довольно. — Янус поцеловал его в губы, прекращая поток жалоб.

Маледикт ответил на поцелуй протестующим укусом и постарался вырваться, жалея, что не может вскочить и выбежать из комнаты.

— Разве я не превратил твою тюрьму скорее в рай? У тебя тончайшее белье, самая красивая мебель, новые книги и лучшие лакомства. Ведь ты здесь не навсегда. Только пока о тебе не забудут.

Маледикт приподнялся на кровати. Длинные волосы рассыпались по бледным плечам, на скуле и груди выделялись лиловые шрамы. Он язвительно проговорил:

— Значит, меня так легко забыть?

Янус отвел темные волосы с лица Маледикта, но тот тряхнул головой, отталкивая прикосновение.

— Что, правдоподобный ответ в голову не приходит? — поинтересовался Маледикт. — Наверно, даже твой сын, если он у тебя родится, будет слышать мое имя, произносимое шепотом. Даже когда я умру по-настоящему, они все еще будут меня вспоминать. Ты об этом позаботился. Я чудовище, достойное быть воспетым в балладах.

— Не будет никакого свадебного путешествия. Даже если бы я сам мог перенести разлуку с тобой, Арис не желает упускать меня из виду. Я привезу жену сюда.

— Привезешь сюда... — эхом повторил Маледикт. Он поднялся и пошел к потайной комнате. — Какое приятное занятие: проводить время то с женой, то с мертвым любовником.

Маледикт совладал с защелкой, когда Янус почти догнал его, и не без удовольствия захлопнул дверь прямо у него перед носом. Будь он чуть крепче, он бы забаррикадировал вход столом — и пусть Янус потом сам ищет объяснения странному шуму в своих комнатах. Маледикт упал на матрац и уставился в пустой пото-

лок. Его ладонь скользила по простыням в поисках забытого комфорта. Вдруг он рывком сел на кровати: боль отступила. Куда она делась?

Внутри него впервые с той ночи во дворце пробудилась голодная Ани.

Маледикт откинулся на подушку и закрыл глаза, вспоминая, как удобно лежала рукоять меча в его ладони, как смыкались над пальцами металлические перья, как хорошо отбалансированный клинок слушался, когда Маледикт делал взмах рукой или кистью. Юноша сжал пальцы и почувствовал холод металла; перекатился на бок, чтобы взглянуть на меч. Темный от грязи, мокрый, такой же призрак, как сам Маледикт. Юноша отер клинок о простыни, оставив на них ржавые следы засохшей крови и земли, и дунул на лезвие. Там, где его дыхание коснулось стали, капельки влаги испарились, и проступила матовая черная поверхность. Блеснули вороньи глаза, и Маледикт свернулся клубочком вокруг меча, вспоминая, как все было в первый раз. Как Миранда лежала, точно также свернувшись клубочком вокруг своей боли, а в ее сознании рос голос Ани.

Маледикт расслышал неловкое хихиканье, доносившееся откуда-то в тишине дома, и отодвинул поднос с едой. Изысканные блюда и сахарные украшения лучше, чем непривычное отсутствие Януса, подсказали, какой сегодня день. Маледикт встал с кровати и подошел к двери; осторожно приподнял защелку и выбрался из своей клетки. С мечом в руке он пересек пустую комнату Януса и отважился выйти в коридор.

Его внимание привлекла дверь напротив. Маледикт слышал, как слуги судачили, передвигая там мебель, и потому знал, кому предназначена комната. Он приоткрыл дверь совсем чуть-чуть, желая увидеть одним глазком, что за ней происходит. Янус поддразнивал и подбадривал Псайке, увлекая к кровати. Щеки девушки раскраснелись от вина и волнения. Янус остановился и поцеловал ее ладони, отчего она рассмеялась.

Стиснув рукоять меча, Маледикт наблюдал, как Янус повалил Псайке на кровать, с наслаждением соблазняя ее, обучая ве-

щам, о которых она не имела ни малейшего представления, пока она не начала задыхаться и смеяться. Наконец она вскрикнула и поцеловала Януса в шею. Янус обвел комнату скучающим взором — и вдруг увидел Маледикта. Глаза Януса расширились от ужаса. Он прижал Псайке лицом к своему плечу, загораживая Маледикта.

Маледикт улыбнулся и взмахнул мечом — не для того, чтобы коснуться обнаженной плоти, а чтобы сорвать со стены портрет молодоженов. Картина с грохотом упала на пол. Маледикт скрылся в своей комнате раньше, чем Псайке успела завизжать, перекрывая его сдавленный смех.

Несколько дней женитьба Януса радовала Маледикта — наконец у него появилось развлечение. Хотя мысль о том, что бич королевского двора теперь должен довольствоваться лишь возможностью донимать скромную девушку, претила Маледикту, от жестоких шалостей он испытывал куда большее удовольствие, чем от наблюдений за двумя голубками. Маледикт будил Псайке по ночам, роняя подушку ей на лицо, касался ее ледяной рукой, заставлял возненавидеть Ластрест, возненавидеть мужа, который не желает увести ее назад в город.

— Ты сводишь ее с ума, Мэл. — Янус ворвался в комнату, громко хлопнув дверью, не замечая, какой шум производит.

— Осторожней, — предупредил Маледикт. — Ты же не хочешь, чтобы твоя жена услышала, как ты орешь на привидение?

— Зачем ты все это делаешь? Я должен заботиться о том, чтобы Псайке была довольна, а вместо этого она уже подпрыгивает при виде каждой тени. Хуже того, Мэл, она начинает задавать вопросы. Опасные вопросы. Маленькая Псайке совсем не такая дурочка, какой кажется.

— Так почему бы тебе просто не убить ее? — поддразнил Маледикт. Огонь в глазах Януса разжег ответное пламя в его собственной груди; дыхание участилось, отчего рана снова заныла и запульсировала.

— Псайке принята при дворе. Арис благоволит к ней. Я не могу так поступить.

— Можешь, но не станешь. С беспомощным младенцем ты не церемонился. Или же ты просто боишься, что не на кого будет свалить вину за убийство? — ухмыльнулся Маледикт.

— Мэл! Прекрати.

Маледикт поднял меч, на трех коротких фехтовальных шагах проверяя, не утратил ли навыков. От боли зубы обнажились в оскале, и меч пришлось опустить.

— Где ты его взял? — спросил Янус, отступая.

— Он мой, — отозвался Маледикт. — Ты оставил его валяться в грязи.

— Это опасно, Мэл.

— Разумеется. Это же меч. Им убивают людей: врагов, младенцев... жен. — Маледикт со вздохом отложил меч. — К сожалению, у меня пока недостаточно сил. Придется тебе сделать это самому.

Янус недовольно поморщился, и Маледикт проговорил:

— Поздно изображать из себя недотрогу. Неужели тебя сковывает страх? Или загвоздка в другом — Псайке тебе безразлична?

— Ты ревнуешь...

— Нет, — горячо выпалил Маледикт, потом добавил: — Да. Ревную к ее положению, к ее свободе. Псайке растрчивает все это попусту, слепо повинаясь тебе. Она собачка, а не женщина. Покорная и безмозглая. Не нашептать ли мне что-нибудь ей на ухо ночью, не подсказать ли, к чему может привести доверие к тебе?

— Я дал тебе все. Теперь у нас есть деньги и власть. Безопасность и роскошь, о которых мы всегда мечтали. Что еще я могу сделать? — Теперь, когда гнев Януса улегся, он выглядел измученным и несчастным.

У Маледикта перехватило дух: он вспомнил того, прежнего мальчика, своего спутника из Развалин, своего любовника и возлюбленного. Ведь они проделали такой длинный путь, опираясь только друг на друга... Но чувства оказалось недостаточно. Набравшись храбрости, он сказал:

— У меня нет ни денег, ни власти. Я низведен до положения твоего пленника. И ты еще смеешь утверждать, что лю-

бишь меня. Если ты меня любишь... — Маледикт запнулся, в горле у него саднило, отчего его слова прозвучали более откровенно, чем ему хотелось. — Отыщи Джилли. Пусть он служит мне. Станет моими глазами и ушами, когда тебя нет... — Маледикт почувствовал, как наворачиваются слезы, и изо всех сил постарался побороть их. Отсутствие Джилли мучило его, словно рана, которая начинает ныть в самый неподходящий момент.

— Джилли мертв, — промолвил Янус. Несколько тихих слов, казалось, сотрясли комнату больше, чем все предшествовавшие им крики. Маледикт судорожно вдохнул.

— Постарайся рассуждать здраво, Мэл. Неужели ты в самом деле полагаешь, что Арис оставил бы его в живых? Твое доверенное лицо, твои глаза и уши... Его череп висит на башне по соседству с твоим.

Маледикт закрыл лицо руками, не желая показывать Янусу, какую боль причинило ему это известие, как он ненавидел Януса — надо же, вот так просто, несколькими словами, отнять у него последнюю надежду!

— Убейся.

— Мэл, мы же опять вместе — только ты и я. Только друг для друга в самом конце, помнишь? — спросил Янус, заключая Маледикта в объятия.

Потрясенный услышанным, Маледикт безвольно принял к Янусу, положил голову ему на плечо, позволил обнять себя крепче.

— Нет, не только мы, — прошептал он. — Это ты, и двор, и твоя жена, и твой король. А я теперь ничто.

— Ты — все для меня, — попытался успокоить Янус. — Просто меланхолия — побочный эффект «Похвального». Ты был болен, ранен... Признаюсь, сейчас твое освобождение не представляется мне возможным. Но ведь я придумал, как избавиться от Аурана. Я найду способ вернуть тебя ко двору. Я не могу без тебя. Ты останешься рядом со мной...

— В твоей тени...

— ...тем не менее, ты будешь править Антиром, мой темный рыцарь.

Миранда позволила уложить себя на кровать, нежно прикоснуться к себе. Янус снял с нее рубашку и поцеловал шрам на груди, заживающий так медленно.

— Мы поставим тебя на ноги, ты снова получишь влияние в этом мире, а я стану повелевать твоим мечом... Даже если нам придется убить всех, кто когда-то бросил на тебя взгляд как на Маледикта.

Янус поцеловал Миранду в губы, и она закрыла глаза, слушая его обещания, чувствуя скольжение его тела по своему. Она блуждала пальцами в его шелковистым волосам, стараясь убедить себя, что сможет довольствоваться любовью Януса, его замыслами. «Лишь друг для друга в самом конце», — повторила она про себя, закусив губу. Лишь ради этого она столько боролась.

45

Проходя мимо дворца, Джилли, чей воротник был поднят, чтобы скрыть лицо, не сдержался и глянул вверх, на скорбные останки, терзаемые ветром и непогодой. Он был здесь, когда их вывесили: Ма Дезире не смогла влить в него достаточно «Похвального», чтобы помешать ему прийти.

Джилли стоял на площади, шатаясь, с онемевшим сердцем, и все же глядел на вывешенное тело не без удивления. Оно было таким обыкновенным. Всего-навсего сочетание мертвой плоти и костей; душа, которая жила в нем, улетучилась с последним вздохом. И все же... какое-то подозрение, слабое, не поддающееся определению, на миг мелькнуло и скрылось в глубине измученной души Джилли, не вынырнув на поверхность. Джилли понимал лишь, что выставленный напоказ труп — тело его господина, ставшее пищей для тех самых ворон и грачей, что прежде следовали за Маледиктом по пятам. От этой мысли в сердце Джилли вскипела ярость — за то, что Ани позволила Своим пернатым ученикам пожирать Своего приверженца.

Джилли стал собирать камни, чтобы отогнать птиц, но Ма Дезире потащила его назад в бордель, откуда не выпускала несколько дней, которые он провел в пьянстве и отчаянии. Она дер-

жала Джилли взаперти, когда по городу разнесся слух о том, что найдено тело Мирабель, и в день похорон маленького графа. Впрочем, Джилли и сам ни за что не пошел бы на похороны — ему невыносима была мысль о том, что Янус будет стоять над гробом рядом с королем.

— Он был негодным человеком, — сказала Ма Дезире. — Без него тебе будет лучше.

Джилли склонил голову в покорном согласии, но душа его бунтовала. Ребенок... Он не верил, что Маледикт мог убить младенца, как бы жестко ни подчиняла его Ани. Особенно после победы над своим двойником из тени — худшей его частью. Эта тихая вера с горьким привкусом всех выдвинутых против Маледикта обвинений медленно, но верно выводила Джилли из оцепенения. Теперь его ничто не держало в Антире, и вскоре «Вирга» отплывала к Приискам. Он собирался отправиться на ней в плаванье.

Приготовления заняли некоторое время: он забрал деньги из банков, тщательно проверяя, не охотятся ли за ним гвардейцы. После первых же проведенных операций Джилли понял, что напрасно волновался: в конце концов, он был лишь слугой, неразличимым в городе, полном слуг.

Ветер переменялся, ударил истерзанное тело о башенку с едва слышным звуком, похожим на шелест листвы. Какие-то ребятишки неподалеку, визжа и смеясь, принялись прыгать через скакалку, по очереди передавая друг другу ее концы.

Маледикт жил и себя погубил,
Лишь в час рожденья оплакан он был,
Сколько людей он убил?

Первая девочка сбилась на третьем дрыжке, дети поменялись местами и начали игру заново.

Маледикт крался, шпионил, следил,
Взгляда его не избег ни один,
Сколько секретов он купил?

Мальчик прыгал так долго, что Джилли перестал обращать на него внимание.

Клинка Маледиктова черен металл,
Службою Ани он силу снискал;
Во скольких дуэлях он побеждал?

Песенку подхватила другая девочка. Она пела голосом нежным, как у Мирабель, сладким, словно яд. Джилли наблюдал, как она прыгает, как подскакивают вместе с ней ее кудряшки.

Маледикт к небу рванулся скорей,
Встретил на башне конец своих дней.
Сколько он может принять смертей?
Одну!

Девочка подпрыгнула в последний раз, остановилась и приснула смехом.

Джилли почувствовал, как у него на глаза наворачиваются слезы. Вдруг он увидел, что один из стражников, наблюдавший за детьми, обратил внимание на его искаженные горем черты. Джилли поспешно отвернулся, пряча лицо под воротником.

Одну. Даже заручившись помощью Ани, Маледикт оставался всего лишь смертным. Джилли побрел дальше по главной улице и вскоре оказался возле особняка Ворнатти, по-прежнему запертого и темного в ожидании появления новых итарусинских хозяев. Джилли надавил на замок в кухонной двери и вошел. Блуждая по опустевшему дому, Джилли думал: «Здесь я рассказывал ему свои истории и готовил ужин. И еще играл на спинете, глядя, как они танцуют. А здесь он заставил меня перемерить всю одежду Ворнатти, чтобы отобрать то, что подойдет мне. А здесь я убил ради него человека».

Но дом отвечал Джилли холодом и тенями, отказывался наполниться призраками его воспоминаний. Оставив кухонную дверь незапертой, Джилли отправился к пристани, там отыскал пирс.

на котором они с Маледиктом однажды сидели, любуясь «Виргой». Наконец Джилли поднялся и пошел к верфи — купить билет до Приисков.

Он вышел от начальника порта с билетом в руке и комом в горле, стараясь побороть настойчивое стремление вернуться и взяв еще один билет, еще чуть-чуть продлить мечту — мечту, что Маледикт отправится вместе с ним.

Мимо проехала сверкающая лазурная карета. Спрятавшись в затененной нише, Джилли смотрел ей вслед. Янус в городе? С самого убийства он все время проводил в Ластресте, даже поговаривали, что его якобы сослали туда. Джилли последовал за каретой на некотором расстоянии и увидел, как Янус помог Псайке сойти на землю и с улыбкой ввел ее в городской дом Де Герра.

— Хозяин приехал погостить? — поинтересовался Джилли у кучера, поглаживая лошадь по морде.

— Да, с женой. Пробудут две недели. Хотя он вскоре сбежит домой. Не любит покидать Ластрест. А она как все жены — обожает городскую жизнь, магазины, развлечения.

— Ясно, — сказал Джилли, подавая кучеру луну. Две недели. «Вирга» не отплывет в ближайшие три дня. Достаточно времени, чтобы наведаться в Ластрест. Последнее паломничество к тому месту, где Маледикт обрел покой, пусть даже кратковременный.

Возле загородного дома Януса Джилли увидел малышей, прыгающих через скакалку точно так же, как городские ребятишки на дворцовой площади. Воспользовавшись отъездом Януса, дети фермеров и домашней прислуги беспрепятственно носилась по садам и дорожкам Ластреста.

Джилли краем уха уловил несколько строк их считалочки, мгновенно узнав в них ту, что облетела весь город. Экономка в накрахмаленном переднике вышла на улицу и дала затрещину старшему из мальчишек.

— Ты же знаешь, как это не нравится лорду Ласту, — проговорила она.

— Но ведь он уехал, разве нет? — возразил мальчик.

— Однажды ты забудешься и споешь считалку при нем, и вот тогда мы окажемся на улице. Так что прикуси-ка язык. — И женщина направилась обратно в дом.

Джилли спешился. Мальчик подбежал к нему и взял коня под уздцы.

— Хозяина дома нет.

— Ничего, — отозвался Джилли. — Я не к нему.

— Вы из Королевской гвардии, да? — спросил мальчик. — Они приезжают каждый раз, когда его нет, и рыщут тут повсюду. Вы же и сами не знаете, что ищете, да?

— Да, — согласился Джилли. — Не совсем. — Он прошел к входной двери и приподнял щеколду.

— Эй, мистер! — окрикнул его мальчик. Джилли обернулся.

— Берегитесь призрака. Он злой. Такой кавардак учинил в комнате хозяина...

— Посторожи коня, — попросил Джилли и вошел в дом. С отъездом Януса и Псайке парадный холл словно вымер. Теперь тут царили темнота и тишина. Вся незаметная жизнь дома сосредоточилась на половине слуг. Джилли медленно поднялся по лестнице. Семейную галерею украсил новый портрет: Янус с женой. Один угол рамы был отколот. Отвернувшись от картины, Джилли направился в кабинет, где Маледикт впервые продемонстрировал ему свои способности мелкого воришки.

Он хотел было прихватить назло нож для писем, но, взвесив все, решил: если вдруг прислуга поймет, что он не гвардеец, ему лучше не быть пойманным еще и на воровстве. Джилли поднялся на следующий этаж и приоткрыл дверь в одну из господских комнат. Это была явно дамская спальня, принадлежавшая Псайке: вся в драпировках, бантиках и прочих финтифлюшках — точь-в-точь такая, как все дамские спальни. Джилли прикрыл дверь и направился в комнаты напротив.

«Такой кавардак учинил в комнате хозяина», — звенел в ушах Джилли голос мальчика. Джилли обмер. Оконное стекло было расколото, шторы обвисли лохмотьями. Графины на туалетном столике кто-то перевернул; напитки залили открытые ящики, белье и кружева. Из вспоротой спинки кресла пучком торпорщилась мягкая подкладка. Джилли обернулся на легчайший звук, почти

ожидая увидеть Маледикта, с виноватым видом возящегося посреди учиненного беспорядка в попытке устранить последствия своего буйства.

Но это был всего лишь пучок светлых перьев: зацепившись за полог кровати, он застрял в ткани, словно рыбка, угодившая в рыбацьи сети. Отдернув полог, Джилли ахнул.

Меч. Меч Ани. У Джилли задрожали руки. Меч пронзил матрац; из наволочки выбивались перья, устилая комнату словно снегом.

«Янус оставил меч себе», — с отвращением подумал Джилли. Он дотронулся до рукояти и отдернул ладонь: кожу обожгло словно искрой. Меч был теплым на ощупь и затрепетал, едва рука Джилли коснулась его. Мало того: меч что-то шептал.

Джилли чувствовал, что вот-вот разберет слова. Что-то о боли, о потере, о любви, вырванной из сердца: только прислушайся — и поймешь, что же вело Маледикта все то время. Если стоять тут достаточно долго, быть может, Ани услышит и боль Джилли. Чаша гарды потеплела и расширилась, пропустила его ладонь.

Джилли улыбнулся, представляя, как бросится с мечом на Януса, как единым ударом покончит с элегантным, сверкающим чудовищем, излечит жгучую рану в своей душе: Янус выжил, а Маледикт погиб. Под прикрытыми веками один за другим проплывали образы, подбадривая Джилли: Янус стоял перед ним на коленях, в его глазах гасло газово-голубое пламя, в то время как он, Джилли, выдергивал клинок из его сердца. Вспышка — и изображение расширилось: то было видение уже не Ани, а самого Джилли. Он увидел больше: трупы, устилающие его путь, — жертвы его охоты.

Джилли отдернул руку, до крови ободрав костяшки пальцев. Он не станет делить с Ани ни свою ненависть, ни свою боль; он не позволит исказить и исковеркать свой разум, как случилось с Маледиктом.

Джилли слизнул кровь с раны и медленно обернулся, ища в комнате следы присутствия Маледикта. Оно казалось таким явным; эти стены будто хранили запах Маледикта; его тепло оставалось здесь, где торчал из матраца его меч, где он сам не был никогда в жизни. Все это навевало грустные размышления о том,

что призрак Маледикта действительно являлся Янусу, как утверждал мальчик. Янус заслужил это — и все же Джилли хотел бы...

Снаружи заржал его конь, и Джилли выбежал на крыльцо. При его появлении мальчик поднял голову.

— Вы видели призрака?

— Нет, — ответил Джилли. — Я ничего не видел. — Джилли остановился в нерешительности. Мальчик глянул на других детей, что играли чуть поодаль, и понизил голос:

— Я точно знаю, что вы хотите увидеть на самом деле.

— И что же? — полюбопытствовал Джилли.

— Место, где они откопали тело убийцы. Покажу за две луны.

Джилли прикрыл глаза. Хотел ли он в самом деле увидеть это место? Сердце разрывалось от боли: *покончи со всем, посмотри — и уезжай прочь*. Но прикосновение к мечу разбудило дремавший в нем гнев, приподняло завесу оцепенения, за которой он прятался в последнее время. Джилли желал оставить здесь свой след, последнее послание Янусу, которое будет уязвлять и терзать его.

— Одна луна, — проговорил Джилли, вспоминая, как когда-то торговался с Маледиктом, — и новый куплет к вашей считалочке.

Дети подошли ближе.

— Вы знаете эту песенку?

— Все куплеты наизусть, — ответил Джилли. — И еще конец — настоящий, а не тот, что вы распеваете.

— Какой конец? — потребовал мальчик. — Если он хороший, я покажу вам могилу.

Девочки опустили скакалку и начали ее раскручивать. Маленький мальчик приготовился прыгать, и Джилли пропел свои строки.

Маледикт смерть своей страстью снискал,
Верь, когда его избранный лгал;
Сколько лжи скрыл голубых глаз металл?
Раз, два, три...

Дети подхватили куплет, начали подпевать, закрепляя ритмичные строки в памяти. Слова полетят, думал Джилли, из уст в уста. И не минуют даже дворца. Джилли слабо улыбнулся.

Мальчик, державший под уздцы коня, задумчиво наблюдал за своими приятелями.

— Но что это значит?

— Это значит, что у любой истории две стороны. Даже у этой, — объяснил Джилли. — Покажешь мне могилу?

Привязав коня к столбу у ворот, мальчик поманил Джилли за собой в тенистый сад. Могила оказалась неподалеку от изгиба подъездной аллеи, под сенью деревьев; она была видна из окон спальни Януса. Уголки губ Джилли уныло опустились. Даже мертвого Маледикта Янус не желал выпускать из виду. Памятный камень валялся там же, брошенный в грязи. Мальчик дошел до границы тени, отбрасываемой деревьями, и остановился, боясь подступить ближе. Остаток пути Джилли проделал в одиночестве.

Он дотронулся до камня. Обыкновенный кусок базальта с высеченным на нем именем; время нанесло на него узор, отдаленно напоминающий птичье оперение.

— Хотел бы я взять с собой в плаванье тебя, а не воспоминания о тебе, — хрипло проговорил Джилли. — Я всегда надеялся, что ты поедешь со мной. — Этого было недостаточно. Словно алтарь, камень требовал приношений.

Порывшись в карманах, Джилли нашел билет, обеспечивающий койку на борту «Вирги», и огрызок карандаша. По некотором размышлении он решил доверить бумаге те слова, что так и не успел сказать. Свернув квиток, он подложил его под основание камня.

Лошадь беспокойно перебирала копытами. Дети запели считалочку с самого начала. Джилли обернулся и поднял взгляд к окну спальни. В окне мелькнула легчайшая тень. Притворившись, можно было поверить, что эта тень — бледное лицо с темными глазами, но мысль о том, что Маледикт привязан к Янусу даже в смерти, удручила Джилли еще больше. Он отвернулся. Отвязал свою лошадь, вскочил в седло и поехал прочь, оставив детей потихоньку, чтобы не ругали взрослые, разучивать новый куплет.

Джилли вернул лошадь трактирщику и поинтересовался, когда будет следующий дилижанс до города. Услышав, что придется подождать до утра, он решил не снимать номер: ему не хотелось

оставаться в одиночестве. Так что Джилли допоздна засиделся в общей зале, а потом растянулся на скамье во дворе, среди тех, кому не хватало денег на комнату или просто жалко было платить за постой.

Его разбудило цоканье лошадиных копыт. Камзол пропитался утренней росой и застыл от морозца. Джилли потянулся, глядя сквозь рассветную дымку на своих попутчиков. Люди медленно собирались, выманиваемые из дверей трактира или из простирающихся вокруг полей звяканьем сбруи и перестуком копыт. Кучер с мальчишками-подручными распрягли старую упряжку и привели свежих лошадей, чтобы довершить путешествие в город. Самый младший из возничих потихоньку прошмыгнул в трактир. Джилли заметил, как он выпрашивает у трактирщика кусок хлеба, и снова переключил внимание на дилижанс, устремляя взгляд в будущее и стараясь не оглядываться на прошлое.

Рядом ждало путешествия семейство: малыш топал ножками и хныкал, пока юная мать не взяла его на руки. Отец, тоже очень молодой человек, учитель или служащий, стоял неподвижно — наверно, неловко чувствовал себя в сияющем новом камзоле. Двое молодых людей, одетые, как знатные господа, обсуждали стоимость поездки. Джилли подозревал, что они ударились в бурное веселье в деревне, а может быть, проигрались в пух и прах, и теперь им едва хватало денег на карманные расходы. Возможно, случившееся послужит им уроком, возможно, нет. Джилли их судьба не волновала.

У двери трактира ждала девушка в поношенном платьице бутылочно-зеленого цвета. К боку она прижимала саквояж и явно нервничала. Ее дуэнья, старая женщина, зыркнула на Джилли, и он отвернулся. Последней из тумана выплыла особа в тяжелом темном платье: она появилась со стороны чахлой аллейки. Тени цеплялись за нее, не желая уступить свою пленницу слабому солнечному свету.

Толстое шерстяное платье было ей велико; казалось, женщина сгибается под его тяжестью. Лицо ее скрывала давным-давно вышедшая из моды шляпка, из-под которой смутно виднелись темные волосы. Она держалась очень скованно, словно была больна или ранена. Чахотка, подумал Джилли, или обыкновенный го-

лод. А может, побои... Он гадал, что за судьба у этой женщины, ждет ли она кого-то или сама собирается в путь. И окажется ли она желанной гостьей там, куда направляется? Джилли целиком отдался своему любопытству, поощряя его, зная, что оно предвещает исцеление: он испытал интерес, возобладавший над рамками боли, любви и мести.

Джилли сел в дилижанс последним, не в силах оторвать взгляда от загадочной женщины, надеясь заглянуть ей в глаза, понять, молодая она или старая, просто устала или суровая по натуре. Все его выводы мог рассеять один лишь взгляд на лицо. Джилли не хотелось расставаться с таинственной незнакомкой, однако делать было нечего — он забрался в дилижанс. Обернувшись, он заметил, что женщина приблизилась: все-таки она тоже собиралась ехать. С высоты своего роста и ступеньки дилижанса Джилли видел лишь верх ее шляпы. Она остановилась, протянула худую, жилистую руку.

Послышался едва различимый, словно во сне, голос:

— Помоги мне подняться, Джилли. — Женщина взглянула на него снизу вверх — худенькая, бледная, с белым, как кость, шрамом, с черными, как могильная земля, глазами.

«Неужели так чувствовал себя Янус, — мелькнула у Джилли мысль, — в тот первый вечер на бале солнцестояния? Это волнующее сердце оцепенение? Это недоверие, смешанное с невероятной радостью?»

Не проронив ни слова, он подал руку и вздрогнул, ощутив прикосновение ее ладони к своей — реальное прикосновение, а не воображаемое. И убедился, что Маледикт не был плодом его горестных фантазий. Девушка протиснулась в дилижанс мимо Джилли, едва не упав на него, и с видимым раздражением оправила юбки. Потом, тяжело вздохнув и поморщившись, устроилась рядом с ним. Джилли наконец обрел дар речи и, задышавшись, проговорил:

— Мэл...

Она жестом остановила его. Экипаж тронулся. Девушка морщилась от боли на каждом ухабе и покачивалась в такт шагу лошадей, чтобы толчки не слишком ощущались. Джилли сбросил

камзол и подложил ей под спину, чтобы смягчить тряску. Пронзен, можно было сказать про Джилли. Пронзен в самое сердце.

— Как тебя зовут? — повторил он давно позабытый вопрос, внезапно всплывший в памяти.

— Не догадываешься? — Из женского горла вырвался необычайно хриплый голос. Губы грустно искривились.

Джилли покачал головой. Сейчас он никак не мог сложить воедино два элемента мозаики, две сплетни. Девушка лишь улыбалась ему, и он понял, что знает ответ, что наконец все встало на свои места.

— Миранда, — проговорил он.

— Миранда, — подтвердила девушка. Она переплела свои пальцы с его и села прямо, соединенная с ним лишь этой хрупкой связью.

Джилли поверить не мог, что был настолько слеп все эти годы. Как будто он долго-долго глядел на картину, которая казалась ему размытой, и наконец нашел очки, чтобы рассмотреть детали. Бросив осторожный взгляд на попутчиков, девушка сказала:

— Признаюсь, я удивлена, что ты жив и здоров. Меня убеждали в обратном.

— Поверь, твое удивление ничто по сравнению с моим. — Лицо Джилли расплылось в дурацкой улыбке. Значит, на него из окна смотрел вовсе не призрак, а человек из плоти и крови. — Но как тебе это удалось?

— Условия сделки не были выполнены, — объяснила Миранда. — Ани не бросила бы меня, пока моя месть не завершилась бы. А Янус сделал ее неосуществимой.

— А младенец? — едва слышно шепнул Джилли. Ему казалось, что все попутчики разом наострили уши, и его хрупкое счастье вот-вот разрушится.

— Он погиб не от моей руки, — ответила Миранда.

Джилли с облегчением поднес ее пальцы к губам и стал целовать.

— Ты так похудела, — заметил он.

— Мне нужна забота, — проговорила Миранда. — Не стану скрывать. Быть может, мне удастся отыскать человека, кото-

рый станет обо мне заботиться. — Изгиб ее губ едва не заставил Джилли рассмеяться. Какая притворная скромность!

— Так куда ты направляешься, Миранда? — поддразнил ее в ответ Джилли. — Всего-навсего в город? Или твой путь далек... — Вопрос, заданный веселым тоном, неуверенно оборвался. Джилли не смел надеяться на ее согласие, хотя здравый смысл подсказывал обратное.

— Я подумывала отправиться к Приискам, — ответила Миранда. — Хочу посмотреть на дикарей. Ты знаешь, что они носят одежду из перьев, а не из кожи?

— Я сам тебе об этом рассказывал, — ответил он.

— Ах, вот почему я верю. Впрочем, Джилли, надеюсь, ты при деньгах? Ростовщики нагло воспользовались моей полной неспособностью торговаться. Все, что у меня есть, — одежда, которую я тащу на себе. Я бы предпочла в ней не оставаться.

— Купим тебе всё, что захочешь. Только скажи: панталоны или юбки?

— Юбки, пока мы не доберемся до Приисков. Рисковать нельзя — вдруг меня узнают? А потом, — она взглянула на Джилли с улыбкой, — полагаю, все же панталоны. Я и позабыла, как все это неудобно.

Улыбка на лице Джилли становилась все шире; его посетила еще одна головокружительная мысль.

— Капитаны кораблей ужасно привередливы в отборе пассажиров. Давай скажем, что ты моя сестра...

Миранда улыбнулась в ответ.

— Думаю, не стоит. Быть может, лучше тебе сразу успокоить капитана. Уговори его нас поженить. Что тут необычного? Молодожены, отправляющиеся в новую землю в поисках новой жизни.

— Поговорю с капитаном, как только мы окажемся на борту; — рассмеялся Джилли. И сразу посерьезнел. В его сознании пылал один-единственный вопрос, который он не желал задавать, не желал даже упоминать. Но ведь он должен был его задать. — А как же Янус?

— Янус... — Миранда обернулась, словно посмотрела на свое прошлое, оставшееся позади экипажа. — Янус отобрали у меня,

и я боролась, чтобы его вернуть. Я бы без колебаний отдала за него жизнь, если бы он был прежним, таким, каким я его помнила. Если бы не моя клятва. Ани знает, Ани говорила мне. Но я не желала прислушиваться к Ней. Где была моя любовь, там должна была быть месть. А с местью я покончила.

— Ты удовлетворила Ани? — удивился Джилли.

— Ани ненасытна. Она останется со мной до конца дней. Выдающийся ум Януса позаботился об этом. Я не могу излить месть на того, кого поклялась любить. На того, кого я поклялась ненавидеть. Ведь это один и тот же человек. И все же, — Миранда вздохнула, — я могу оставить его и так отчасти ощутить удовлетворение. Но знай: ты берешь в жены опасное существо...

— Ни на что другое я бы не согласился, — ответил Джилли. Он поцеловал Миранду в веки, ощутив соль на слипшихся ресницах, и стал мечтать о морских волнах, что ждали их впереди.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АСТ

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква**

В Москве:

- м. «ВДНХ», г. Мытиши, ул. Коммунистическая, д. 1, ТРК «ХЛ-2», т. (495) 641-22-89
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, т. (499) 267-72-15
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул. Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (499) 616-20-48
- м. «Менделеевская», ул. Новослободская, д. 26, т. (495) 251-02-96
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4 этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, стр. 1, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, т. (495) 306-18-97
- м. «Преображенская площадь», ул. Большая Черкизовская, д. 2, к. 1, т. (499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д. 76, к. 1, 3 этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., д. 15/1, т. (495) 977-74-44
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, т. (495) 322-28-22
- м. «Шукинская», ТРК «Шука», ул. Шукинская, вл. 42, т. (495) 229-97-40
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д. 5, корп. 1, т. (495) 423-27-00
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Иридиум», Крюковская площадь, д. 1

В регионах:

- г. Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- г. Екатеринбург, ТРК «Парк Хаус», ул. Сулимова, д. 50, т. (343) 216-55-02
- г. Калининград, ул. Карла Маркса, д. 18, т. (4012) 71-85-64
- г. Краснодар, ТЦ «Красная площадь», ул. Дзержинского, д. 100, т. (861) 210-41-60
- г. Красноярск, пр-т Мира, д. 91, т. (3912) 23-17-65
- г. Новосибирск, ТЦ «Мега», ул. Ватутина, д. 107, т. (383) 230-12-91
- г. Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», т. (8412) 20-80-35
- г. Пермь, ТЦ «7 пятниц», ул. Революции, д. 60/1, т. (342) 233-40-49
- г. Ростов-на-Дону, ТЦ «Мега», Новочеркасское ш., д. 33, т. (863) 265-83-34
- г. Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, корп. 1, ТЦ «Виктория Плаза», т. (4912) 95-72-11
- г. Санкт-Петербург, Лиговский пр-т, д. 185, т. (812) 766-22-88
- г. Самара, ТЦ «Космопорт», ул. Дыбенко, д. 30, т. 8(908) 374-19-60
- г. Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- г. Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- г. Уфа, пр. Октября, д. 26-40, ТРЦ «Семья», т. (3472) 293-62-88
- г. Чебоксары, ТЦ «Мега Молл», ул. Калинина, д. 105а, т. (8352) 28-12-59
- г. Череповец, Советский пр-т, д. 88а, т. (8202) 53-61-22

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой» или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковию:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

**Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.**

Литературно-художественное издание

**Робинс Лейн
Маледикт**

**Редактор Ю. Фокина
Художественный редактор О. Адашкина
Компьютерная верстка: О. Попова
Технический редактор О. Панкрашина
Младший редактор Н. Дмитриева**

**Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры**

**Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.009937.09.08 от 15.09.08 г.**

**ООО «Издательство АСТ»
141100, Россия, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru**

**Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru**

**ООО Издательство «АСТ МОСКВА»
129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1**

**Издано при участии ООО «Харвест». ЛИ № 02330/0150205 от 30.04.2004.
Республика Беларусь, 220013, Минск, ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.
E-mail редакции: harvest@anitex.by**

**РУП «Издательство «Белорусский Дом печати».
ЛП № 02330/0131528 от 30.04.2004.
Республика Беларусь, 220013, Минск, пр. Независимости, 79. Заказ 334.**

**ОАО «Полиграфкомбинат имени Я. Коласа».
ЛП № 02330/0056617 от 27.03.2004.
Республика Беларусь, 220600, Минск, ул. Красная, 23.**

Сами всесильные боги не знают жалости
к человеку, разрушившему любовь и втоптавшему
в грязь человеческую жизнь...

Об этом забыл граф Ласт, насильно вынудивший
своего сына Януса покинуть простолюдинку Миранду.

На помощь девушке пришла сама богиня любви
и мести — Чернокрылая Ани, поклявшаяся помочь ей
вернуть возлюбленного и жестоко покарать его отца.

Отныне Миранда жива лишь ненавистью —
да надеждой.

Переодевшись в мужское платье, она под именем
юного рыцаря Маледикта прибывает ко двору —
и, ведомая безжалостной волей Чернокрылой Ани,
начинает мстить.

Однако она еще не знает, сколь дорогую цену
приходится платить за помощь богов —
и сколь нелегко будет расторгнуть опасную сделку...

Бел
маккона

2 000281 542785